

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

**PROFESSIONAL IDENTITY
AND SELF-CONSCIOUSNESS
OF THE HISTORIAN**

TO THE ANNIVERSARY OF LORINA REPINA

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ И САМОСОЗНАНИЕ
ИСТОРИКА**

К ЮБИЛЕЮ Л.П. РЕПИНОЙ

BOOK SERIES "PROFESSION — HISTORIAN"
Vol. III

СЕРИЯ «ПРОФЕССИЯ — ИСТОРИК»
ВЫП. III

Moscow 2022

Москва 2022

УДК 930
ББК 63.3
П841

Рецензенты

доктор исторических наук Ю.Е. Арнаутова

доктор исторических наук Г.И. Зверева

Профессиональная идентичность и самосознание историка / под общ. ред. О. В. Воробьевой. — Москва : Институт всеобщей истории РАН, 2022. — 480 с. — (Профессия — историк / общ. ред. О.В. Воробьева; вып. III).

ISBN 978-5-94067-538-9

Издание посвящено юбилею главного научного сотрудника Института всеобщей истории РАН, профессора, члена-корреспондента Российской академии наук, Президента Российского общества интеллектуальной истории Лорины Петровны Репиной. В основу книги положена проблема самосознания историка и его профессиональной идентичности. Предметом внимания авторов является рефлексия историками своего жизненного опыта и профессиональной деятельности; самонаблюдение и репрезентация исследовательских практик с учетом включенности в определенные социальные, культурные, профессиональные контексты; установление связи между историей как дискурсивной формой и проявляющимся в ней внутренним опытом. Очередное обращение к этой теме обусловлено не только постоянным интересом юбиляра к проблеме историографического опыта и профессиональной идентичности, но и стремлением осмыслить и переосмыслить важные тенденции развития современного исторического знания. Книга предназначена историкам, культурологам и всем, кто интересуется современной историей и историографией.

Professional Identity and Self-Consciousness of the Historian / Ed. by Olga Vorobyova. Vol. III. Moscow : ИВИ РАН. — 480 p. — (Profession — Historian / ed. by O.V. Vorobieva. Vol. III).

ISBN 978-5-94067-538-9

The publication is dedicated to the anniversary of the chief researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, President of the Russian Society of Intellectual History Lorina Petrovna Repina. The book is based on the problem of self-consciousness of the historian and his professional identity. The authors focus on historians' reflection of their life experience and professional activities; self-observation and representation of research practices, taking into account their involvement in certain social, cultural and professional contexts; establishing the connection between history as a discursive form and internal experience manifested in it. Another address to this topic is due not only to Jubilee's constant interest in the problem of historiographical experience and professional identity, but also to the desire to comprehend and reconsider important trends in the development of contemporary historical knowledge. The book is intended for historians, culturologists and all those interested in modern history and historiography.

УДК 930
ББК 63.3

ISBN 978-5-94067-538-9

© О.В. Воробьева, общ. ред., составление, 2022

© Коллектив авторов, 2022

© Институт всеобщей истории РАН, 2022

© Серия «Профессия — историк», общ. ред. О.В. Воробьева

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ИСТОРИКА

И.М. Савельева

ДОВЕРЧИВЫЙ ЧИТАТЕЛЬ И НАИВНЫЙ ПИСАТЕЛЬ: АВТОБИОГРАФИЯ Е.В. ГУТНОВОЙ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ (НЕ)АКАДЕМИЧЕСКИХ ЭМОЦИЙ*

Семь лет назад я прочитала статью, а за ней и книгу Жома Ореля «Теоретические взгляды в автобиографиях историков: От документирования к интервенции»¹ с подробным анализом эволюции жанра автобиографических произведений европейских и американских историков. Орель анализирует автобиографии историков как источник по интеллектуальной истории, показывает связь между традицией жизнеописания и профессией, отслеживает в автобиографиях контексты истории университета, научной корпорации / направления / школы вплоть до XXI в., когда ведущие западные историки превращают свою автобиографию в теоретический манифест, используя жизнеописание не только для того, чтобы обратиться к личному или академическому прошлому, но и — в чем новизна — конструировать эго историю, декларируя свои теоретические убеждения. Ведущие историки рубежа веков (Кэролайн Стилмен, Джеф Эли, Габриэл Спигел, Доминик Ла Капра, Уильям Сьюэлл мл., Шейла Фицпатрик, Джон Эллиот) стали «использовать академическую автобиографию как ретроспективный источник, помогающий лучше понять дисциплину, которой они занимаются»². На жизнь этих

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

¹ Aurell J. Making History by Contextualizing Oneself: Autobiography as Historiographical Intervention // History and Theory 54 (May 2015), 244–268; Aurell J. Theoretical Perspectives on Historians' Autobiographies. From Documentation to Intervention. N.Y.; London: Routledge, 2016.

² Aurell J. Theoretical Perspectives on Historians' Autobiographies. From Documentation to Intervention. P. 9.

историков, вошедших в профессию в 1960-е гг. на волне экономической и социальной истории, пришлось многочисленные повороты, которым большинство из них следовали, а также битвы с постмодернизмом или его апологетика, и автобиография для них стала своего рода последним словом долгой жизни в профессии или итоговым суждением о дисциплине.

Труды Ореля показали мне интересными не только сами по себе, но и как материал для продуктивного семинара. Воспоминания историка, вдобавок к общему для эпохи представлению о жанре автобиографического сочинения, отмечены печатью профессионального знания о реконструкции или репрезентации прошлого; это касается не только стремления к точности, проверке памяти, опоры на документы и личный архив, но и законов создания именно исторического нарратива, предполагающих последовательное, систематическое, всеобъемлющее, доказательное, по возможности дистанцированное и объективное письмо¹. «Бесстрастное повествование, простые описания, взвешенные объяснения и сдержанные интерпретации преобладают над эмоциями и суждениями»², — так характеризует Орель книгу известного американского историка Артура Шлезингера (1888–1965) «В ретроспективе. История историка»³, и относит это наблюдение к автобиографиям историков нескольких поколений — от межвоенного периода и до начала XXI века. Один из них, Поль Непланд, даже представил автобиографию «Старые и новые причалы. Записи в журнале иммигрантов» в третьем лице, объяснив, как сработал у него профессиональный навык историзации. Начав вспоминать события прежних лет, он вдруг понял, что и сцена, и актер принадлежат прошлому: «Я сегодняшнее — не вчерашнее “я”».

¹ Об автобиографическом жанре см. также *Popkin J. History, Historians, and Autobiography*. Chicago: University of Chicago Press, 2005; *Theoretical Discussions of Biography: Approaches from History, Microhistory, and Life Writing* / eds. H. Renders, B. de Haan. Leiden; Boston: Brill, 2014. XX, 273 p.; *Савицкий Е.* Биографическое повествование в истории и в современных исследованиях // НЛЮ 2019. № 155 (1). С. 329–340.

² *Aurell J. Theoretical Perspectives on Historians' Autobiographies*. From Documentation to Intervention. P. 72.

³ *Schlesinger A.M. (Sr.)*. In *Retrospect: The History of a Historian*. Harcourt Brace & World, 1963.

То прежнее “я” растаяло, как зимний снег»¹. Жорж Дюби, напротив, пишет автобиографию в третьем лице, и только в процессе подготовки к изданию все же переводит в первое². К этому я еще вернусь в заключение.

Начитавшись исторических автобиографий, начиная с Вико и вплоть до еще работающих в профессии известных мне зарубежных коллег, я осознала, что плохо знакома с воспоминаниями советских историков, хотя в последние 30 лет многие из них таковые опубликовали. По моей просьбе друг-коллега насобирал и принес пачку книг со своих полок. Начав листать их, я поняла, что «законы жанра» автобиографии зарубежных и российских историков выглядят по-разному. И отличия отнюдь не в деталях, институтах или состоянии науки, которые, безусловно, есть. Автобиография отечественного историка, прошедшего сквозь пертурбации XX века, от написанных на разных этапах прошлого столетия автобиографий его зарубежных коллег отличается и предметом, и подходом. Методически зарубежные историки стремятся к максимальной объективности, а теперь и к сознательной историзации³, и главный предмет реконструкции для них — развитие науки с ее поворотами, научные школы и репрезентировавшие их институции, академические дискуссии, собственный научный вклад и путь к нему. Отечественные автобиографии по форме остаются примерно на уровне середины прошлого века («автобиографические биографии» или «автобиографии как свидетельства» — по классификации Ореля, «единичная жизнь, в которой автобиография и история сливаются во взаимном влиянии»⁴). В автобиографиях российских историков в полной мере присутствует отмеченное Ириной Паперно в воспоминаниях советских людей отождествление своей частной жизни с метанарративом истории страны⁵.

¹ *Knaplund P. Moorings Old and New: Entries in an Immigrant's Log*. Forgotten Books, 2011. P. X.

² *Duby G. Le plaisir de l'historien // Essais d'ego-histoire* / ed. Pierre Nora. Paris: Gallimard, 1987. P. 109–138.

³ *Essais d'ego-histoire* / Pierre Nora (ed.). Paris: Gallimard, 1987.

⁴ *Aurell J.* Op. cit. P. 69.

⁵ *Паперно И.* Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах. Опыт чтения. М.: НЛЮ, 2021.

В отличие от мемуаров зарубежных историков, подчеркнута лояльность по отношению к коллегам, цеху и университету, наши насыщены страстями. В них легко обнаружить страх, стыд, обиду, злость, любовь, ревность, признательность и вытекающие из этих эмоций восхваление, осуждение, самолюбование и самооправдание. Эти тексты в первую очередь не о научных поисках, выборах, разочарованиях и открытиях. Они о научной политике, борьбе за влияние, кланах, разгромах, карьерах, подвижниках науки и мракобесах. Согласно воспоминаниям, страсти бушевали, но чаще не научные дискуссии, а псевдо-научные разборки, и не обязательно инспирированные сверху, становились поводами для самоутверждения или побивания камнями. В большинстве автобиографий отечественных историков советская историческая наука описывается прежде всего как сообщество, но не как процесс производства нового знания.. На «вопрос об интеллектуальном сухом остатке развития»¹ историографии ответ из мемуаров получить крайне трудно. Зато эти воспоминания — прекрасный источник по истории эмоций и эмоциональных сообществ в советской Академии.

Почему мое внимание привлекла именно автобиография Евгении Владимировны Гутновой? Как часто бывает, в поле зрения книга попала достаточно случайно. На упомянутом семинаре по автобиографии как источнику по развитию исторической науки одна из студенток выбрала этот текст для выступления. И тут я узнала потрясающие факты биографии Гутновой, связанные с ее семьей. Это совершенно перевернуло представление о ней, иначе зазвучали отголоски сохранившейся в памяти дискуссии начала 2000-х между А.Я. Гуревичем и Л.Т. Мильской, «война мемуаров», материалы которой я, конечно, сейчас же перечитала. Вполне в духе средневековой культуры мертвые участвовали в полемике наравне с живыми.

Как пишет О.Ю. Бессмертная², «действительными и главными оппонентами в этой “войне” были две версии истории советской

¹ Рыжковский В. Советская медиевистика and Beyond (к истории одной дискуссии) // НЛО. 2009. № 3. С. 58–89.

² Бессмертная О. «Война мемуаров»: мотивы страха в рассказах о советском прошлом двух медиевистов-противников и (не)советские субъективности (Е.В. Гутнова и А.Я. Гуревич) // НЛО. 2020. № 2(162). С. 81.

медиевистики (касающиеся, преимущественно, конца 1940-х — 1970-х годов) и их сторонники. Е.В. Гутнова принадлежала к советскому медиевистическому истеблишменту 1960–1980-х годов¹ и, при всех колебаниях и отмечаемых ею сложностях, представила соответствующий рассказ о прошлом сообщества, “самооправдательный”, как его лаконично охарактеризовали². А.Я. Гуревич (чьи мемуары отнесены к «либерально-диссидентскому полюсу» в постсоветской мемуаристике гуманитариев³) — широко известный лидер так называемой неортодоксальной, или неофициальной, советской медиевистики, иной раз называемой и несветской⁴. Ее важнейшими фигурами были также Л.М. Баткин (1932–2016),

¹ Дочь меньшевика В.О. Левицкого (Цедербаума), брата Ю.О. Мартова, Е.В. Гутнова долгое время имела основания опасаться репрессий той или иной тяжести в собственный адрес, но, в целом, избежала их; эти опасения не могли не повлиять на ее позицию и взгляды, специальное рассмотрение которых не входит в задачи этой статьи. Отказавшись от вступления в КПСС, она формально не занимала высоких руководящих постов. Однако, будучи заместителем заведующего кафедрой средних веков истфака МГУ С.Д. Сказкина, она, как мы увидим ниже, считала себя «фактическим руководителем» (или одним из них) кафедры, и всей советской медиевистики.

² Рыжковский В. Советская медиевистика and Beyond (к истории одной дискуссии) // НЛО. 2009. № 3. С. 58–89.

³ Дмитриев А.Н. Мемуары постсоветских гуманитариев: стандартизация памяти? / под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. Словие русских профессоров: создатели статусов и смыслов. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. С. 375.

⁴ Копосов Н.Е., Бессмертная О.Ю. Юрий Львович Бессмертный и «новая историческая наука» в России // Homo historicus. К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного: В 2 кн. Кн. I. М.: Наука, 2003. С. 122–160. Оба эти определения оспаривались. Подчеркну, однако, что понятие «неофициальная» здесь исторично: оно подразумевает не наличие или отсутствие формальной включенности действующих лиц в официальные советские институты, а их самовосприятие, отношение к тому, что называлось «официальной идеологией», к «общепринятым» в «официальных» институтах научным стратегиям и нормам поведения, ту или иную степень их связи с неофициальной советской культурой в целом; ср.: Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. С.10; Bessmertny Y. August 1991 as Seen by a Moscow Historian, or the Fate of Medieval Studies in the Soviet Era // The American Historical Review. 1992. Vol. 97. № 3. P. 808; Бессмертный Ю.Л. Август 1991 года глазами московского историка. Судьбы медиевистики в советскую эпоху // Homo historicus. к 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного: В 2 кн. М.: Наука, 2003. Кн. I. С. 38. Возражения см., например, в: Рыжковский В. Советская медиевистика and Beyond (к истории одной дискуссии) // НЛО. 2009. № 3. С. 58–89.

Ю.Л. Бессмертный (1923–2000), отчасти А.П. Каждан (1922–1997)¹». В резюме Бессмертной представлена суть «войны мемуаров» и названы основные тексты, написанные по ее поводу². Далее я постараюсь военной теме не касаться.

Воспоминания Е.В. Гутновой, о которых пойдет речь, были завершены в 1989 г., во времена перестройки, изданы в 2001 г. посмертно. В предисловии автор ссылается на свою профессию, соответственно, читатель должен ожидать профессионального взгляда, следя за переплетением авторского пути с большой историей: от голода и разрухи военного коммунизма через НЭП к стройкам коммунизма и репрессиям, войне, позднему сталинизму, Оттепели, застою и началу Перестройки. Однако тут же она говорит о роли эмоций в написании воспоминаний: «...мне не столько хочется воссоздать мою прошедшую жизнь саму по себе, сколько тот неповторимый мир с его бурями и штилями, ненавистью и любовью, героизмом и подлостью, который мне пришлось так или иначе пропустить через свое сердце и разум и в недрах которого я жила с первого дня моей жизни до ее теперь уже последних лет»³. Гутнова, вспоминая свою жизнь, не намеревалась дистанцироваться от личного восприятия пройденного пути, от чувств и переживаний, причиненных миром, к которому она невольно принадлежала.

Моя рефлексия при чтении этих мемуаров тоже оказалась преимущественно эмоциональной, хотя могла бы быть и рациональной (как у Мильской, которая обнаруживала несоответствия, неточности, ошибки в изложении истории корпорации медиевистов⁴). В последнем случае я вычитывала бы в тексте историю советской медиевистики как научного знания, оценивала сетевые отношения внутри отечественного сообщества и пути трансфера знаний с зарубежными коллегами или сопоставляла бы авторскую версию истории Кафедры и Отдела с другими известными интерпретациями. Все это книга позволяет делать, но меня увлекло именно эмоциональное напряжение жизнеописания. Я погрузилась в мемуары Гутновой как «до-

¹ А.П. Каждан, специалист по Византии, покинул СССР в 1978 году.

² Бессмертная О. Указ. соч. С. 83.

³ Гутнова Е.В. Пережитое. М.: РОССПЭН, 2001. С. 6.

⁴ Статья Л.Т. Мильской так и называется: «Воспоминания Е.В. Гутновой и их достоверность» (Средние века. Вып. 63. М.: Наука, 2002. С. 394–401).

верчивый читатель» (выражение О. Бессмертной)¹ с собственной автобиографической памятью, и только приступив к статье, стала рассматривать их в контексте отечественной и мировой автобиографии историка, во времени, современном созданию текста.

Когда я училась на истфаке, Е.В. Гутнова, безусловно, репрезентировала кафедру Средних веков². Во времена моего студенчества кафедра имела хорошую репутацию, но особой притягательностью для нас не отличалась. С.Д. Сказкин еще оставался заведующим. Помимо самой Евгении Владимировны, бывшей его заместителем, там тогда трудились Ю.М. Сапрыкин, А.Р. Корсунский, Я.А. Левицкий, из молодых — В.В. Самаркин, Л.М. Брагина, Н.А. Хачатурян. Я не помню никого с нашего очень многолюдного курса, кто выбрал эту кафедру. Идти туда «на научного руководителя», как это сделали в свое время Е.В. Гутнова или А.Я. Гуревич, высшего смысла уже не имело. Времена Е.А. Косминского, Н.П. Грацианского, С.Д. Сказкина, А.И. Неусыхина, В.В. Стоклицкой-Терешкович прошли. Кафедра медиевистики, как и кафедра Древнего мира, была на большого любителя. На курсе младше нашего такими любителями оказались Лорина Петрова Репина и Анатолий Павлович Карпов. Лорина Петровна стала ученицей Гутновой, и в какой-то степени эта статья — мой оммаж юбилару.

Далее я остановлюсь на двух эмоциональных лейтмотивах автобиографии Гутновой. Первый очевиден: это «страх». О феномене страха в данном жизнеописании и в других мемуарах советских историков много писали, в частности именно «страх» — предмет исследования в упомянутой статье О. Бессмертной, которая рассматривает роль мотивов страха в определении понятий «я», «мы», «они» и построении авторской субъективности в мемуарах двух противников в войне мемуаров: Е.В. Гутновой и А.Я. Гуревича.

В качестве второй эмоциональной константы я искала бесспорно положительную эмоцию, тоже проходящую сквозь весь нарратив. Антоним «смелость» применительно к себе в тексте просто отсутствует, хотя встречается как характеристика других персонажей. Слово «счастье» упоминается нередко, но не всё с ним складно в жизни

¹ Бессмертная О. Указ. соч. С. 85.

² Е.В. Гутнова была заместителем зав. кафедрой Сказкина с 1949 по 1969 г.

советского привилегированного историка, избежавшего проработок, остепененного, выездного, публикуемого, входящего в престижные академические советы и редколлегии. Часто речь идет о «горьком, убогом, отрицательном» счастье, когда «счастье не оттого, что случилось что-то хорошее, но оттого, что не произошло, казалось, неминуемо плохого!»¹. В какой-то момент, перелистывая страницы, я поняла, что воспоминания пронизаны позитивными эмоциями, связанными с дружбой. В этом отношении в автобиографии Гутновой равноценными по значимости оказываются две социальные группы: большая семья и научное сообщество. Обычно они разделены структурно, но по существу работает принцип взаимопроницаемости: эти два круга обоюдно детерминируют ее действия, представления и чувства. Много страниц посвящено друзьям семейным, школьным, студенческим и академическим, от учителей до коллег, с которыми Гутнову связывали узы не только сообщества, но и содружества. Именно в связи с пребыванием на истфаке и на кафедре в ее рассказе появляются и повторяются слова «радость» и «счастье». Видимо, она очень нуждалась в дружеской поддержке и обдала талантом дружить, который дан не каждому.

Сага о Цедербаумах

Евгению Владимировну я хорошо помню, хотя никогда у нее не училась. Я испытала потрясение, узнав, что красивая и приятная во всех отношениях дама, фактически определявшая лицо кафедры Средних веков МГУ на протяжении 20 лет, собравшая на нее тех, кто сменил близких и дорогих ей «великих стариков», всегда дружившая с сильными мира медиэвистов или пользовавшаяся их покровительством, свободно «решавшая вопросы» с ректором МГУ И.Г. Петровским, с детства росла в большой семье больших врагов большевизма. Не выдуманных «врагов народа», а настоящих. Ее отец — известный революционер-меньшевик, Владимир Осипович Левицкий (Цедербаум). Ее дяди, братья отца, — вожди русской социал-демократии: Юлий Осипович Мартов и Сергей Осипович Ежов. Ее тетка Лидия

¹ Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 60.

Осиповна была замужем за Федором Ильичем Даном, тоже одним из лидеров меньшевиков. В ближний круг входила семья известного меньшевистского публициста Владимира Константиновича Икова, такие деятели меньшевистской партии, как Любовь Николаевна Радченко, Владимир Николаевич Розанов и многие другие¹. Этакое гнездо меньшевизма. Жизнь Гутновой, судя по ее тексту, с детства пронизана любовью к этим людям, общением с ними, постоянным страхом за них, а затем и за себя, и пониманием их действительной, а не выбитой на допросах враждебности советской власти. «О семье моего папы можно было бы написать целый роман, вроде “Саги о Форсайтах” или “Семьи Тибо”»².

«Через детство и юность мою пролегла глубокая трещина — непримиримое противоречие между моей восторженной любовью к папе и сознанием того, что он “преступник”, заслуживающий наказания, тюрьмы. Это противоречие отравляло мою детскую душу, заставляло жить двойной жизнью: в школе, в играх со сверстниками — одной, в письмах и свиданиях с папой — другой. С шестилетнего возраста в жизнь мою вошли обыски и аресты, передачи и тюрьмы, свидания через двойной барьер, забранный решеткой, поездки в лагерь на свидание с папой»³.

Неудивительно, что слово «страх» встречается на 258 страницах книги Гутновой 67 раз, «страшный» (в разных формах) — 198, и еще 48 раз встречаются слова с корнем «бояться»⁴. Помимо них еще и «тревога», оцепенение», «ужас», «беззащитность», «безысходность», «отчаяние», «тоскливое ожидание», «дикая небывальщина», «мрак» — при описании собственных состояний, «злоба», «ненависть» и многие другие эпитеты этого ряда при характеристике отношения к ней, свидетельствующие о страхе как модусе существования. По ее собственному признанию, «почти всю жизнь ее

¹ Гутнов Д. «Но я решила оставить все, как есть» // Гутнова Е.В. Пережитое. М.: РОССПЭН, 2001. С. 3.

² Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 54.

³ Там же. С. 20.

⁴ По подсчетам О.Ю. Бессмертной с М.И. Чириковой. — Бессмертная О. «Война мемуаров»: мотивы страха в рассказах о советском прошлом двух медиэвистов-противников и (не)советские субъективности (Е.В. Гутнова и А.Я. Гуревич) // НЛЮ. 2020. № 2 (162). С. 83.

преследовало чувство неполноценности в окружающем мире, страх каких-то разоблачений»¹, а важное место в ее детской жизни занимала «тюремная тематика». Страх является характеристикой среды обитания, где бы она ни оказывалась. Страх имеет меру и качество, видоизменяется, но никогда не оставляет. Страх нередко выступает как аргументативная стратегия — в качестве мотива или в виде возможного объяснения неблагоприятных собственных поступков или поведения коллег, друзей и людей в целом. Даже выбор медиевистики отчасти диктовался страхом.

Если в душе автора страх поселился с ранних лет, то страну, по ее мнению, он накрыл в 1937 г.² Она вовсе не утверждает, что все боялись одинаково или в равной мере были движимы страхом в поведении и принятии решений. Например, о своем муже Эльбрусе Гутнове, буквально спустившемся из горного аула и сделавшем в молодости головокружительную большевистскую карьеру, хотя в 1937 и он хлебнул ужасов Лубянки, она пишет: «Эльбрус более свободно смотрел на мир. В нем было больше свободного духа, внутреннего демократизма, ненависти к тирании, жадности к жизни»³. Еще более определенно она пишет о смелости своего отца, бесстрашной Н.А. Сидоровой.

Описанию дошкольного детства, а соответственно, членов большой семьи, из которой постоянно исчезали отец, тети, дяди, кузены и кузины, полностью посвящена первая часть воспоминаний, но и далее родственники не пропадают ни из жизни, ни из книги. «Сжавшись в комочек среди враждебного нам мира, наша семья тем не менее жила дружно, сплоченно, деля вместе и горести и радости»⁴. Мир враждебен девочке, но одновременно и притягателен. Большая семья чужда миру, но близка и дорога. Отец — враг революции, но «воспитал чувства» именно папа⁵. Несогласие отца с существующим строем оборачивается трагедией. «В моей памяти до сих пор стоят страшные ночи, когда чужие люди переворачивали вверх дном все содержимое столов и шкафов в нашей маленькой

¹ Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 20.

² Там же. С. 176.

³ Там же. С. 389.

⁴ Там же. С. 106.

⁵ Там же. С. 14.

комнатушке и уходили под утро, уводя папу с небольшим узелком в руках. А утром я шла в школу и жила обычной детской жизнью, шалила, слушала уроки, старалась забыть ночной ужас»¹.

Семья всегда оставалась единой и близкой, и в стенах враждебной коммунальной квартиры, и перед лицом смертельных опасностей и бед, на которые обрекла власть. «Чем круче заворачивала судьба жизнь родственников репрессированных, тем активнее наши квартирные враги действовали против нас всюду, где только можно... в нашем прообразе будущей социалистической коммуны царили злоба, ненависть и всеобщий страх»².

Год окончания школы, 1931, стал очередным рубежом в биографии Гутновой «открыл новую полосу бедствий». Предстоял новый меньшевистский процесс, а семья «в самом деле составляла целый букет предполагаемых врагов Советской власти: Иза — жена участника Шахтинского процесса; Соня — бывшая жена В.К. Икова, над которым нависла угроза нового процесса, и моя мама — бывшая жена моего папы». В тревожном ожидании какой-то неясной угрозы «все молчали, затравленные и подавленные»³.

Ее противники в «войне мемуаров», тоже не избалованные обстоятельствами жизни, все же должны были чувствовать себя в детстве более защищенными. Да и позднее у них в воспоминаниях преобладает другая эмоция, бесконечные обиды на академические препоны: не сразу приняли, не туда трудоустроили, перенесли защиту, гриф на учебное пособие не поставили.

Принадлежность семье и особенно близость с отцом, с ранних лет препятствовали формированию советской субъективности, к которой героиня на самом деле стремилась. Гутнова с детства привыкла «знать свое место», считать себя виноватой: громкая фамилия и испорченная анкета. Одновременно, по ее словам, она верила в революцию, готова была с энтузиазмом строить социализм, мечтала учиться в университете. Она хотела «полноправия». Так как вуз для нее был закрыт, Гутнова в 16 лет поступила на работу в Торговую академию — вуз для торговых работников. «На работу я ходила

¹ Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 20.

² Там же. С. 84.

³ Там же. С. 94

с удовольствием, окунаясь в совершенно другой, чем дома, мир; мне приходилось общаться с людьми далекими от моих семейных переживаний: партийными работниками, *не знавшими страхов и сомнений, искренне верующими в правоту революции, необходимость бороться за социализм* (курсив мой — И.С.). И в общении с ними, слушая их беседы, их споры, знакомясь с их мнениями, я невольно приобщалась к их строю мыслей, так что двойственность моего существования усугублялась»¹.

Узок круг этих медиевистов

Вторая часть книги называется «Я становлюсь историком». В 1935 г. благодаря собственным усилиям и помощи А.С. Енукидзе, который «вскоре исчез в страшной бездне 1937 года», Евгения Гутнова становится студенткой истфака МГУ и учится там пять лет до 1939 г.

«Большая часть этих лет, до начала 1938 года, представлялась мне счастливым временем, да и потом, продолжая учебу после бурных потрясений этого года, я тоже была, несмотря ни на что, счастлива... более всего в эти годы учебы я была счастлива тем, что учусь. И не только потому, что могла удовлетворить, наконец, свою жажду знания, могла надеяться получить специальность, которая в будущем дала бы мне кусок хлеба, но еще и потому, что я вышла из того положения отщепенца, в котором оставалась после окончания школы, перестала быть изгоем, которому путь в вуз закрыт. Теперь я оказалась в коллективе молодых и не очень молодых студентов с такими же правами и обязанностями, как они, могла реализовать все свои возможности и таланты, сама добиваться места в жизни. И это чувство “полноправия” более всего пьянило и радовало меня»².

Действительно поступление на истфак смягчило чувство изгойства и внутренний раскол. Хотя в приветственной речи первый декан исторического факультета, известный в то время историк-марксист Г.С. Фридлянд (он тоже вскоре исчез в страшной бездне) подчеркнул

¹ Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 97.

² Там же. С. 125.

политическое значение исторической науки, сказав, что «обучать... будут марксистско-ленинскому ее пониманию, что нам предстоит постоянная борьба с буржуазной историографией»¹, Гутнова встретила немало «бывших» профессоров, закончивших университеты до революции и сохранявших ценности академической профессии и культуры.

Важно отметить, что книга Гутновой в свое время стала первой книгой об историческом факультете МГУ². Она должна была знать об этом и ощущать себя летописцем. Действительно она стремится представить каждого преподавателя, развернуто и старательно повествует о каждом прослушанном курсе. Ловлю себя на том, что не смогла бы так подробно рассказать о своих учителях, их манере читать лекции и вести семинары, их умении или неумении взглянуть по-университетски, внушать благоговение или располагать к общению. И несмотря на смену оптики на традиционное историописание университетских людей и практик, мы обнаруживаем очень много позитивных эмоций в строках о факультете. Не только об учителях и студентах пишет Гутнова задушевно, но даже о стенах, колоннах и большом зеркале на первом лестничном марше.

«Милый мой истфак тридцатых годов! Сколько горестей пришлось пережить, учась в твоих старых стенах, в твоих маленьких сводчатых комнатах и закоулках. Но зато сколько и радостей, чистых и светлых, пришлось здесь испытать, сколько найти друзей на всю долгую жизнь, сколькому научиться и в научном и в человеческом плане! Уже минуло пятьдесят лет, как я вступила в эти старые стены. Они давно уже переменили хозяина, а истфак переселился совсем в другое место. Но они так же дороги мне. И когда мне приходится, миновав скользкий зимой или грязный весной и осенью двор, иногда войти в знакомую дверь, подняться по широкой лестнице на второй этаж, остановиться на первом марше и увидеть себя в большом стоячем зеркале на площадке, пересечь актовъ зал и подняться на третий этаж, меня тут же окружают призраки бывшего, мои веселые и строгие, умные и глупые, хорошие и плохие товарищи, мои давно ушедшие из жизни учителя»³.

¹ Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 126.

² Мильская Л.Т. Воспоминания Е.В. Гутновой и их достоверность // Средние века. Вып. 63. М.: Наука, 2002. С. 394.

³ Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 128.

Радостями в 1930-е гг. жизнь, конечно, не ограничивалась. В связи с истфаком студенческих лет появляется новая в ее жизни чувствительная тема превратности судьбы и предательства. Когда Гутнова поступила на истфак, властителем дум еще оставался марксистский историк М.Н. Покровский, однако уже в 1936 г. (он к этому времени уже умер) его взгляды и концепции подверглись безжалостной критике, он сам был обвинен в фальсификации истории и «разоблачен» как враг марксистского понимания истории, причем в этих разоблачениях добровольно или вынужденно участвовали его самые ближайшие ученики и последователи — М.В. Нечкина, А.М. Панкратова и многие другие. «Для нас, начинающих историков, — замечает Гутнова, — это стало первым уроком, продемонстрировавшим, сколь превратна судьба крупного ученого, с чем потом приходилось встречаться неоднократно»¹.

Так к теме неотвратимости судьбы, знакомой ей с детства, прибавляется тема превратности судьбы. Две страшные проработочные компании, пришедшиеся на первую половину ее жизни в науке (1937 и конец 1940-х — начало 1950 гг.), приучили быть готовой к тому, что «и первые станут последними».

Когда нашей героине пришло время задуматься о специализации, страх биографии снова оказался значимым. Ей казалось надежнее выбирать дальние эпохи в силу их «неактуальности», отдаленности от современной политики². Выбор вполне рациональный, но основанный на не оставлявшем чувстве страха за свою судьбу. Решение было эмоциональным и в другом, более типичном для студента, раздумывающего о выборе профессионального будущего, смысле, а именно: восхищение лекциями Е.А. Косминского, тогдашним составом кафедры, которую он возглавлял, «и отчасти романтическим флером, покрывавшим эту эпоху»³. Евгений Александрович Косминский, одной из любимых учениц которого она стала и с ко-

¹ Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 136.

² А. Свешников показывает, что это ошибочное мнение. Именно медиевисты во второй половине 1930-х годов активнее других историков привлекались к борьбе с разоблачением фашистских фальсификаций истории. — Свешников А. Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930–1940-х годов // НЛЮ. 2008. № 2 (90). С. 86–112.

³ Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 142.

торым впоследствии ее связывала глубокая дружба, определяется словами «дорогой, незабвенный и любимый учитель», «замечательный исследователь и необыкновенный человек», читавший «самые умные лекции из всех, которые мне пришлось слышать»¹. И это написано полвека спустя после того, как девочка переступила порог кафедры.

На кафедре в то время работали, Е.А. Косминский, С.Д. Сказкин, А.И. Неусыхин, Н.П. Грацианский, В.М. Лавровский, В.В. Стоклицкая-Терешкович. Пережив академическое безвременье, они неожиданно смогли собраться в одном месте, вновь заняться любимым делом и обрести надежду². Придя на кафедру Средних веков, Гутнова нашла не только яркую академическую среду, она столкнулась с иным эмоциональным сообществом³. В свою очередь эмоциональные сообщества невозможно рассматривать отдельно от накладывающихся на них моральных сообществ⁴, и проблематизация этики через эмоции в мемуарах Гутновой, как, впрочем, и во многих других воспоминаниях советских ученых, неременна. Эмоционально окрашены и этически акцентированы, прежде всего, отношения «учитель — ученик», ибо студенты являлись частью кафедры: «наши учителя вели себя с нами как с равными, хотя и младшими товарищами, щедро делясь всем, чем располагали»⁵. И, судя по ее воспоминаниям, это касалось не только этики научного труда, но и самого широкого спектра человеческих отношений и реакций.

«Впервые за всю свою жизнь я смогла преодолеть здесь комплекс своей “неполноценности”, почувствовала себя на равных с моими разношерстными товарищами... Годы с 1934 по 1937 были счастливыми в моей жизни и, как мне казалось, безоблачными»⁶.

На кафедре Средних веков Гутнова встретила тех, с кем предстояло сотрудничать в течение последующей жизни, затем к ним добавились представители ее поколения и следующего. Убытия

¹ Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 134.

² Подробнее см.: Свешников А. Указ. соч.

³ Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 143–153.

⁴ Макинтайр А. После добродетели. Исследования теории морали / пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Канон+, 2022.

⁵ Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 150.

⁶ Там же. С. 153.

и прибытия происходили в крайне ограниченном академическом пространстве: кафедра Средних веков истфака МГУ и Отдел Средних веков, потом и Отдел истории Византии Института истории (с 1968 г. Института всеобщей истории) АН СССР. Сама Гутнова с 1947 г. работала на кафедре истории Средних веков исторического факультета МГУ, в 1959 г. стала профессором, 20 лет являлась заместителем заведующего кафедрой Средних веков С.Д. Сказкина и, по ее собственным словам, «...с 1949 по 1969 год фактически руководила работой кафедры». Одновременно в 1951–1992 гг. она являлась научным сотрудником Института истории (с 1968 г. Института всеобщей истории) АН СССР.

На страницах, посвященных «ближайшему другу Я. Левицкому», Гутнова прямо пишет, что «в течение 10 лет (до кончины Яши [Левицкого] в 1970 году) мы [с ним] составляли тесный тандем, фактически руководивший основными направлениями нашей медиевистики»¹.

«Неумолимое время выталкивало меня, вместе с моими сверстниками, на первую линию нашей медиевистики. Из начинающих историков мы к середине семидесятых годов составили уже старшее поколение в нашей науке, превратились в ее “корифеев”. За нами теснилось уже не одно, а целых несколько молодых поколений. Мы — это я, З.В. Удальцова, А.И. Данилов, А.Н. Чистозвонов, С.М. Стамм (авторское написание — И.С.), Ю.М. Сапрыкин, Я.Д. Серовайский, А.Р. Корсунский, М.А. Барг»². Если посмотреть на младшее поколение (времен Гутновой), то, по ее словам, именно она взяла на кафедру В.В. Самаркина и Н.А. Хачатурян (ученицу Сидоровой). Л.М. Брагина была ее дипломницей. Таким образом, учителя, академические друзья и ученики — «люди Гутновой» в самом прямом смысле.

Это очень важно понимать. Рассказывая о сообществе советских медиевистов, а обращается она к этой теме постоянно, Гутнова на самом деле всегда говорит о предельно замкнутой группе людей. Узок круг этих медиевистов и в других известных мне воспомина-

¹ Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 335. Я.А. Левицкий был заместителем Сказкина в секторе средних веков Института истории АН СССР, которым в это время тоже заведовал Сказкин.

² Там же. С. 363.

ниях. Странно даже, что война мемуаров приобрела такой резонанс. Впрочем, сдается, и тут важнейшую роль сыграл накал страстей.

За пределами Москвы на страницах книги обнаруживаются в лучшем случае единицы. В воспоминаниях почти не упоминаются даже ленинградские медиевисты (лишь заведовавший кафедрой средних веков в ЛГУ О.Л. Вайнштайн, вынужденный покинуть Ленинград и работавший с 1952 по 1955 гг. в Киргизском государственном университете, назван как пострадавший от космополитской компании). С.М. Стам отнесен к «мы», но ничего не говорится о его кафедре в Саратовском университете. Глава медиевистов Свердловского университета М.Я. Сюзюмов вообще не упоминается в воспоминаниях. В качестве интереснейших фигур группового портрета советских медиевистов и организаторов региональных сообществ оба историка не названы, не упомянуты они и на страницах, где суммируются и оцениваются достижения советской медиевистики за полвека присутствия в ней участников «войны мемуаров». Как точно подметил А.Я. Гуревич, отсутствуют культовые для его круга имена М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, С.С. Аверинцева. Это, конечно, свидетельство монополии на знание, которой московские медиевисты обладали на практике и, кажется, они даже не рефлексировали на эту тему. Речь идет о предельно узком сообществе (к нему в мемуарах, безусловно, отнесены А.Я. Гуревич, Б.Ф. Поршнев, Ю. Бессмертный), принадлежащие к которому видят себя репрезентантами советской медиевистики в целом и впоследствии выясняют отношения между собой от имени целого направления советской историографии.

Узость круга, видимо, немало способствовала установлению дружеских отношений со многими коллегами, и ценность дружбы для Гутновой, судя даже по количеству книжных страниц, уделенных друзьям, особенно велика. Она называет своим большим другом Косминского¹, подробно пишет о дружбе со Сказкиным, и отдельные главы посвящает друзьям, репутацию которых откровенно желает поправить: Сидоровой, Данилову, Удальцовой. Именно на них направлен, прямо скажем, гнев Гуревича: «Н.А. Сидорова и А.И. Данилов наложили на нашу

¹ Приложенные к тому письма Е.А. Косминского Е.В. Гутновой, безусловно, подтверждают дружбу.

профессию неизгладимый отпечаток, который я не в состоянии квалифицировать иначе, как мракобесие»¹. Однако Гутнова расходится с Гуревичем в оценке тех, кто сменил стариков на волне борьбы с космополитизмом. Для нее Н.А. Сидорова и А.И. Данилов «свои» и друзья в самом прямом смысле, для Гуревича — «чужие» и враги. В мои задачи не входит определять человеческие качества, моральную позицию или взвешивать на весах роль и значение этих персонажей для научной жизни. Мне в данном случае важно обратить внимание на несколько обстоятельств.

Во многих социологических исследованиях показано, что одна из ключевых характеристик дружбы — равенство в широком смысле. В конструкциях дружбы, как правило, дружеские отношения воспринимаются как равные, хотя, конечно, различия между друзьями признаются. Друзья обычно занимают аналогичные социальные и экономические позиции и имеют в целом сходное социальное положение и образование. В случае несоответствия или изменения статусов и позиций дружба может стать довольно проблематичной. Кроме того, существует ожидание взаимности в отношениях, хотя временные рамки для этого и измерение эквивалентности обмена варьируются².

Я бы добавила еще отсутствие конкуренции, как свидетельство академической дружбы. Академия в целом высоко конкурентное сообщество с регулируемыми способами продвижения по трекам признания и карьеры. Партнеры, коллеги конкурируют между собой. А вот между друзьями конкуренции нет, есть, как учили нас еще античные философы, «чистая радость за успехи друга», глубокое сопереживание его неудачам и, как в данном случае, стремление защитить память о нем.

Гутнова принадлежала к медиевистическому и даже шире — к историческому — истеблишменту, в этой среде она, похоже, никог-

¹ Гуревич А.Я. Историк среди руин. Попытка критического прочтения мемуаров Е.В. Гутновой // Средние века. Вып. 63. М.: Наука, 2002. С. 382.

² Suiitor J. Friendship Networks in Transitions: Married Mothers' Return to School' // Journal of Social and Personal Relationships 1987. No. 4. P. 445–461; Zorn T. Bosses and Buddies: Constructing and Performing Simultaneously Hierarchical and Close Friendship Relationships // Wood J. & Duck S.W. (eds.) Understanding Relationship Processes Under-studied Relationships. Off the Beaten Track. V. 6. Thousand Oaks, CA: Sage, 1995. P. 122–147.

да не чувствовала себя маргиналом. В академической иерархии она была на шаг позади указанных персонажей, но всего лишь на шаг, в научном плане как минимум не уступала им. Замещала их, соавторствовала с ними, разрабатывала планы, участвовала в конгрессах. И все же не так часто «руководящие товарищи» становятся друзьями или удостаиваются звания друзей, более того, признания и оправдания этой дружбы во времена, когда их уже нет, а репутация их поставлена под сомнение. Тем не менее, Гутнова делает именно признание в дружбе. Относительно Удальцовой она оговаривается, что «домами мы общались редко, и я никогда не была ее истинной “наперсницей” (критерий интимности очень важен в философских определениях дружбы — И.С.). У меня не сложилось с ней столь доверительных отношений, как с Яшей, Ниной, даже с А.И. Даниловым, а позднее и с историками более молодого поколения»¹, тем не менее, как и вышеназванным, она посвящает Удальцовой отдельную главу.

Сидорову и Данилова Гутнова пытается показать, опираясь не только на известные ей факты самоотверженности, заботы, помощи, мук совести, добросердечия, но и на целый арсенал эмоциональных средств. В качестве чуть ли не главной объяснительной стратегии используются экспрессивные характеристики исторического времени.

«Мне хотелось обрисовать портреты двух моих друзей и коллег — Н.А. Сидоровой и А.И. Данилова — не потому, что они были крупными учеными, хотя каждый из них занял место в науке, но главным образом потому, что они были детьми своего горького времени и отразили в своей судьбе его боль, его милосердие и жестокость, его ценности и слабости»².

Главы, посвященные «мракобесам», насыщены теплыми, порой даже пылкими, эпитетами. Гутнова не преувеличивает их научных заслуг, хотя пытается разными способами оправдать догматизм Сидоровой, посредственность Удальцовой, ортодоксальность Данилова. Она стремится создать стереоскопические портреты людей незаурядных, ярких, волевых, властных и при этом надежных, честных, вызывавших у нее приятие и доверие. Н.А. Сидорова прожила как «заложница времени»

¹ Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 365.

² Там же. С. 350.

или «невольник чести»¹, которой по положению «приходилось проводить в жизнь все эти безумные кампании, ей, как человеку, отвратительные. Это вынуждало ее вести двойную жизнь, двоедушничать, что было для нее невероятно трудно»².

И снова о времени как решающем критерии посмертной оценки:

«Она умерла слишком рано, чтобы успеть изгладить из памяти людей ту, прежнюю, суровую Нину, которую многие не любили, считали неисправимым ортодоксом и даже душителем свободной мысли, воплощением сталинского диктата, что было совсем уже несправедливо. Со времени ее смерти прошло двадцать восемь лет, за которые все ее сверстники сумели проделать большую эволюцию в своем отношении к жизни, людям, истории, науке. Смерть застала ее в начале этого пути и не оставила ей времени, чтобы пройти его до конца»³.

В России надо жить долго.

Друг Гутновой А.И. Данилов, ученик А.И. Неусыхина, ректор Томского университета, с 1967 г. и вплоть до своей преждевременной смерти министр просвещения РСФСР — «во многих отношениях незаурядный, большой человек, хороший ученый, прекрасный организатор науки». Надо сказать, далеко не только Гутнова испытывала «властное притяжение» личности Данилова⁴, но, в отличие от его студентов и коллег, она многие годы с ним крепко дружила. По ее мнению, он «имел в характере и судьбе что-то сходное с Н.А. Сидоровой. В нем тоже уживались многочисленные противоречия, и он тоже оставался сыном своего печального времени, совместившим в себе все то хорошее и плохое, чему он оказался современником»⁵.

В этой ретроспективе время предстает как тяжкое и неодолимое, они его заложники, память о них как о «душителях и гонителях» свободной исторической науки, какими на самом деле они, по ее словам, в сущности, не были, несправедлива⁶.

¹ Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 329.

² Там же. С. 331.

³ Там же. С. 332.

⁴ Могильницкий Б.Г., Смоленский Н.И. Александр Иванович Данилов (1916–1980) // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 182.

⁵ Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 346.

⁶ Там же. С. 350.

Годы после перехода на основную работу в ИВИ и смерти С.Д. Сказкина, вплоть до 1987 г., были, по признанию автора, временем наиболее тесного сотрудничества еще с одной «сильной мира историков» — З.В. Удальцовой. Свое отношение к Удальцовой Гутнова объясняет откровенно:

«Она немало способствовала в семидесятые годы моему укоренению в институте. Она создавала мне на новом месте работы то высокое реноме, в котором я нуждалась, особенно в первые годы моего пребывания там. Эта психологическая помощь и Зинино хорошее отношение были тем более дороги для меня, что в те годы ушли из жизни многие мои сверстники и друзья, мои учителя»¹.

В объяснении этой «не совсем дружбы» проявляется, мне кажется, эмоциональная потребность в опеке и поддержке, в которой с детства нуждалась героиня и которую она по счастью нашла в профессиональной среде в самом начале пути и всегда особенно ценила.

Есть одна эмоциональная особенность в мемуарах Гутновой, меня поразившая. У нее почти нет эпизодов и тем, связанных с обидой и злостью. Обида — очень типична в мемуарах советских историков, в воспоминаниях которых обычно рефреном проходят слова: не пускали, не признавали, не принимали, прорабатывали, выгоняли, угрожали. Это может касаться распределения на работу, приема в аспирантуру, перенесения срока защиты, назначения «вредных» оппонентов, выделения ставки, выбрасывания книги из плана, не выдвижения или не избрания академиком — массы реальных и, на мой взгляд, рутинных ситуаций, которые возникают на институциональном пути ученого. У некоторых историков список обид длиннее списка публикаций. Конечно, у представителей исторического истеблишмента обид намного меньше, потому что по достижении какой-то позиции их пускали, принимали, посылали, избирали и награждали.

У Гутновой нет и злости, почти всегда отношение притяжения (ко второй семье отца, к родственникам, к большинству однокурсников и коллег, к начальству). И Гуревич, и Мильская написали, что ей «повезло». Повезло? Лишенная отца, навещавшая его по ссылкам с раннего детства, потерявшая его навсегда в 1937 г., прошедшая с младенчества через обыски и аресты близких,

¹ Там же. С. 364.

жившая с сознанием, что многочисленные члены семьи — враги советской власти (в отличие от детей номенклатуры в одночасье слетавших с олимпа непогрешимости), обретшая мужа через год после ареста со страшными следами побоев на теле и подписанной бумажкой «о неразглашении», она в этом отношении вызывает огромную симпатию. Злость не скроешь, злость окрашивает воспоминания некоторых ее коллег как лакмусовая бумажка.

Если я — «доверчивый читатель», испытывающий симпатию к автору, то Гутнова — «наивный писатель». Она верит, что «как историк, всегда жаждущий понять и хотя бы частично восстановить в своем сознании образ эпохи во всех ее повседневных социальных и социально-психологических проявлениях, ... сможет, глядя на события не сверху, а снизу, из толщи жизни обычных, средних людей, объяснить... будущим читателям то, что им трудно будет почерпнуть из официальных документов, прессы и литературы, оставленных нашим временем»¹. Она не историзирует свою биографию, а пишет ее в нескольких традиционных модусах. О личной жизни рассказано с удивительной откровенностью: трагическая семейная сага, перипетии любви, болезни и уход близких людей, одиночество собственной старости. Истфак подан в духе стандартного университетского описания, местами сильно сентиментального (в основном эмоционально окрашенные характеристики не только друзей, но и сокурсников, и коллег). Содержательный анализ советской медиевистики, представленной сконструированным ею «учителя и мы», очень напоминает ее учебник историографии (она здесь профессионал²). В описаниях эпизодов научного туризма легко обнаружить классический травелог прошлых веков, окрашенный романтическим восторгом советского ученого, выпущенного за рубеж.

Мы не обнаруживаем здесь никакого стремления к объективности и отвлеченности, которое присуще автобиографиям западных историков и сохранялось еще в последние десятилетия прошлого века. Этот подход, концептуализированный Пьером Нора, прекрасно описан Жоржем Дюби, рассказавшем, как он создавал свою автобиографию для проекта “*Essai d’ego-histoire*”: «Мой текст был

¹ Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 6–7.

² Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. М.: Высшая школа, 1974. 2-е изд. 1985.

написан в третьем лице, и таким оставался довольно долгое время — если быть честным: до момента окончательного редактирования — что помогало мне лучше сохранять дистанцию»¹. И текст этот касался только мыслей и дел в профессии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бессмертная О. «Война мемуаров»: мотивы страха в рассказах о советском прошлом двух медиевистов-противников и (не)советские субъективности (Е.В. Гутнова и А.Я. Гуревич) // НЛО. 2020. № 2 (162). С. 79–103.
- Гутнова Е.В. Пережитое. М.: РОССПЭН, 2001.
- Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. М.: Высшая школа, 1974. 2-е изд. 1985.
- Гуревич А.Я. История историка. М.: РОССПЭН, 2004.
- Гуревич А.Я. О присвоении прошлого. Открытое письмо Л.Т. Мильской // Средние века. Вып. 66. М.: Наука, 2005. С. 408–414.
- Гуревич А.Я. Путь прямой, как Невский проспект // Одиссей: Человек в истории. 1992. М., 1994. С. 7–34.
- Гуревич А.Я. Историк среди руин: Попытка критического прочтения мемуаров Е.В. Гутновой // Средние века. Вып. 63. М.: Наука, 2002. С. 362–393.
- Дмитриев А.Н. Мемуары постсоветских гуманитариев: стандартизация памяти? / под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. Сословие русских профессоров: создатели статусов и смыслов. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. С. 358–384.
- Макинтайр А. После добродетели. Исследования теории морали / пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Канон+, 2022.
- Мильская Л.Т. Воспоминания Е.В. Гутновой и их достоверность // Средние века. Вып. 63. М.: Наука, 2002. С. 394–401.
- Мильская Л.Т. Заметки на полях (по поводу статьи А.Я. Гуревича “Историк среди руин”) // Средние века. 2002. Вып. 65. М.: Наука, 2004. С. 214–228.
- Зарецкий Ю.П. Актуальное прошлое: стенограмма собрания московских медиевистов 1949 года. Опыт медленного чтения // Неприкосновенный запас. 2009. № 1. С. 77–96.
- Могильницкий Б.Г., Смоленский Н.И. Александр Иванович Данилов (1916–1980) // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 175–190.

¹ Duby G. Le plaisir de l'historien // Essais d’ego-histoire / ed. Pierre Nora. Paris: Gallimard, 1987. P. 109–110. Цит. по: Aurell J. Theoretical Perspectives on Historians’ Autobiographies. From Documentation to Intervention. P. 121.

- “Начать с начала...” Интервью Ю.Л. Бессмертного Н.Е. Копосову (20 сентября 1991 г.) // *Номо Historicus*: К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного. В 2 кн. М.: Наука, 2003. Кн. 2. С. 335–370.
- Паперно И. Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах. Опыт чтения. М.: НЛО, 2021.
- Савицкий Е. Биографическое повествование в истории и в современных исследованиях // *НЛО*. 2019. № 1 (155). С. 329–340.
- Свешников А. Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930–1940-х годов // *НЛО*. 2008. № 2 (90). С. 86–112.
- Свешников А.В. «Китайская стена» или «зыбкая грань»? О границах «неофициальной» советской историографии в 1970-е годы // *Неофициальная медиевистика и советский «культурный поворот». «Круглый стол» ИГИТИ и Лаборатории медиевистических исследований ВШЭ*. 10.02.2015. URL: <https://youtu.be/VuueOv2UMIQ> (дата обращения: 21.07. 2022).
- Уваров П.Ю. А.Я. Гуревич и советская медиевистика. Портрет на фоне корпорации. URL: <http://www.rsuh.ru/article.html?id=55168> (дата обращения: 21.07.2022).
- Уваров П.Ю. Портрет медиевиста на фоне корпорации // *НЛО*. 2006. № 5(81). С. 194–208.
- Aurell J. Making History by Contextualizing Oneself: Autobiography as Historiographical Intervention // *History and Theory*. Vol. 54 (May 2015). P. 244–268.
- Aurell J. Theoretical Perspectives on Historians' Autobiographies. From Documentation to Intervention. N.Y.; London: Routledge, 2016.
- Duby G. Le plaisir de l'historien // *Essais d'ego-histoire* /ed. Pierre Nora. Paris: Gallimard, 1987. P. 109–138.
- Essais d'ego-histoire* /ed. Pierre Nora. Paris: Gallimard, 1987.
- Knaplund P. Moorings Old and New: Entries in an Immigrant's Log. Forgotten Books, 2011.
- Popkin J. History, Historians, and Autobiography. Chicago: University of Chicago Press, 2005.
- Schlesinger A.M. (Sr.). In Retrospect: The History of a Historian. Harcourt Brace & World, 1963.
- Suitor J. Friendship Networks in Transitions: Married Mothers' Return to School // *Journal of Social and Personal Relationships*. 1987. No. 4. P. 445–461.
- Theoretical Discussions of Biography: Approaches from History, Microhistory, and Life Writing / eds. H. Renders, B. de Haan. Leiden; Boston: Brill, 2014.
- Zorn T. Bosses and Buddies: Constructing and Performing Simultaneously Hierarchical and Close Friendship Relationships // J. Wood & S.W. Duck (eds.). *Understanding Relationship Processes Under-studied Relationships*. Off the Beaten Track. V. 6. Thousand Oaks, CA: Sage, 1995. P. 122–147.

И.В. Нарский, Н.В. Нарская

**ЕЩЕ РАЗ О «ЛИРИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ»:
ТРИ СЛУЧАЯ ИЗ ОПЫТА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ
АВТОРЕФЛЕКСИИ**

Сообщество историков не обязано всерьез воспринимать монографию с подзаголовком «Автобио-историо-графический роман»¹ или «Наука как роман»². Такие определения жанра научного труда нарушают историографические конвенции и нуждаются в пояснении. Поэтому немецкое издание книги И. Нарского «Фотокарточка на память» содержит специальное обращение к читателю. В предисловии, помимо прочего, обозначается суть авторского подхода к антропологизации исторического исследования и беллетризации научного текста: «Сегодня я назову свой подход “лирической историографией”. Ее принципиальной особенностью является введение в научный текст фигуры активного автора. Этот автор ведет себя не как нейтральный судья, а как участник рассказываемой им истории. Он создает эффекты реальности и одновременно раскрывает читателю способы их производства, тем самым позволяя контролировать и релятивировать его методы использования собственного опыта. Он побуждает читателя сопереживать тому, что испытывают исторические акторы, и вступать в дискуссию с автором»³.

Именно этот подход проблематизируется в данной статье. Авторским он является лишь отчасти, поскольку потенциал «научной лирики» специально обсуждался, мимолетно упоминался или по умолчанию подразумевался философами, социологами, этнологами и историками, о чем будет рассказано в свой черед. Ниже речь пойдет о трех казусах, в рамках которых формировалась

¹ Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио-историо-графический роман). Челябинск, 2008.

² Narskij I. Fotografie und Erinnerung: Eine sowjetische Kindheit. Wissenschaft als Roman. Köln; Weimar; Wien, 2013.

³ Narskij I. Fotografie und Erinnerung... S. 10.

авторская версия концепта «лирической историографии», определялась ее специфика и проверялись ее возможности. Первый казус возник в связи с авторскими размышлениями постфактум об определении жанра вышеназванной книги. Стимулом к контекстуализации этих размышлений стала книга Дины Хапаевой «Герцоги республики в эпоху переводов»¹. Второй казус посвящен определению роли, которую в своей фундаментальной книге «Советский век. Археология погибшего мира» Карл Шлегель отводит собственному опыту свидетеля². Третий казус связан с вопросом о том, как опыт личного участия помог в исследовании блошиного рынка авторам этой статьи³.

«Научный лиризм», эффекты реальности, воображение ученого

В 2008 г. увидела свет книга «Фотокарточка на память»⁴. Она посвящена попыткам контекстуализировать и «прочитать» постановочную детскую фотографию автора. Фото было сделано в 1966 г. в Горьком, в старинном фотосалоне пожилым фотографом старой нижегородской школы. Заказчиками фотопортрета в пикториальном стиле стали бабушка и дедушка портретируемого — ровесники фотографа и XX века. Книга неизбежно приобрела автобиографический характер и ностальгический привкус. Она стала экспериментальной площадкой и объединила воспоминания автора с историческими зарисовками о советской повседневности. В книге теоретические эссе о визуальных объектах, мемориальной культуре, межпоколенческих коммуникациях и других культурных практиках перемежаются с исследовательским дневником.

Публикация книги сопровождалась читательскими реакциями, преимущественно неофициальными. Они и послужили импульсом для интенсивных размышлений об особенностях ее рецепции. Глав-

¹ Хапаева Д. Герцоги республики в эпоху переводов: Гуманитарные науки и революция понятий. М., 2005.

² Schlögel K. Das sowjetische Jahrhundert: Archäologie einer untergangenen Welt. München, 2017.

³ Нарский И., Нарская Н. Незаметные истории, или Путешествие на блошинный рынок (Записки дилетантов). М., 2022.

⁴ Нарский И.В. Фотокарточка на память...

ным образом, потому, что книга вызвала трудности с определением ее жанра¹. Ее оценили как отмеченное «парадоксальностью жанра» (И. Кукулин) и «обоснованной стилистической эклектикой» (И. Реброва) «историческое исследование, хотя и особого рода» (И. Кукулин), как «экспериментальную книгу» (С.С. Секиринский, Э. Кон), напоминающую «различные жанры литературы нон-фикшн» (Г.А. Янковская), а также как воспоминания, исповедь, художественную прозу² и «готовый киносценарий». Потребность постфактум прояснить для себя и читателей особенности стилистики уже завершеного труда заставила автора заняться поиском его места в меняющемся исследовательском ландшафте и идентификацией подвижного контекста его возникновения. Результаты этих поисков были изложены на XIX Банных чтениях (2011)³ и опубликованы⁴.

***

Во время подготовки доклада для Банных чтений 2011 г. исходным пунктом рефлексии стало важное наблюдение историка и социолога Дины Хапаевой. В те годы, когда начиналась работа над «Фотокарточкой на память», она сформулировала предположение о возможности «возникновения новой тенденции, свидетельствующей о переходе от социальных наук к постнаучному состоянию, к новой форме интеллектуального творчества». По мнению Хапаевой, «мы присутствуем при возникновении интеллектуального

¹ См.: Кукулин И. Фотографическое печенье «мадлен» // Новое литературное обозрение. 2008. № 92 (4). С. 211–224; Секиринский С.С. Западный контекст, российская почва, личность историка // Отечественная история. 2008. № 6. С. 161–163; Янковская Г.А. Анти-Хаксли, или Миссия выполнима // Диалог со временем. 2009. № 28. С. 335–341; Cohn E. Narskii I.V. Fotokartochka na pamiat': Semeinye istorii, fotograficheskie poslaniia i sovetskoe detstvo (Avtobio-istorio-graficheskii roman). Cheliabinsk: Entsiklopedia, 2008. 515 p. // Russian Review. 2009. № 9. P. 720–721; Реброва И. Фотография как свидетель современности // Ab Imperio. 2012. № 3. С. 442–448. Имена авторов частных писем не приводятся.

² В 2008 г. книга вошла в шорт-лист литературной премии Андрея Белого в номинации «Проза».

³ См.: Иванов В. Антропологический поворот: регуанизация гуманитариев? XIX Банные чтения // Новое литературное обозрение. 2011. № 111 (5). С. 413–428.

⁴ См.: Нарский И.В. Антропологизация авторства: приглашение к лирической историографии // Новое литературное обозрение. 2012. № 115 (3). С. 56–70.

письма, чья правдивость не сводится ни к выяснению того, как “было на самом деле”, ни к неукоснительному следованию правилам Вульгаты социальных наук. Одной из его особенностей может стать способность наделить прошлое и настоящее смыслом сквозь призму современного политического и художественного восприятия, другой — возникновение “лирического героя”, “я-рассказчика” интеллектуального письма, а способность раскрыть интеллектуальную или событийную интригу вытеснит страсть к отражению “объективной реальности”»¹.

Предположение Д. Хапаевой о рождении «лирического героя» в современном интеллектуальном письме опирается на наблюдения за некоторыми особенностями творчества современных французских интеллектуалов и российских гуманитариев-новаторов. Факты в пользу ее наблюдения в последние десятилетия множились, проявляясь и в мимолетных знаках, и в эксплицитных размышлениях социологов, этнологов, историков.

Так, термин «лирика» регулярно вторгался в социологический научный дискурс. «Социологической лирикой» стала именоваться в 2000-е гг. одна из рубрик журнала «Неприкосновенный запас». Под этим же названием появился в начале XXI века поэтический сборник². Лирическую, исповедальную стилистику как логическое следствие прицельной саморефлексии ученого рассматривает в проекте автоэтнографии Татьяна Щепанская. Этнограф как исследователь и одновременно носитель изучаемой им традиции при анализе своей собственной профессиональной среды получает шанс тестировать привычные этнографические методы на самом себе. Из разделяемого большинством антропологов мнения о том, что полевой метод не позволяет получить абсолютно объективных знаний, с неизбежностью вытекают эксперименты с формой репрезентации собранного материала: «Отсюда и изменение стиля этнографических описаний, общепринятым требованием к которым стало описание самого процесса полевого исследования, позиции исследователя в поле, его реакций, изменения отношения к объекту, трансформации представлений и интерпретаций — т.е. драматургия поля. В не-

¹ См.: Хапаева Д. Герцоги республики в эпоху переводов... С. 187.

² См.: Иванов В.Н. Социологическая лирика. М., 2006.

которых случаях тенденция к саморефлексии выражалась не только в подробном описании процедур получения сведений, но и в автобиографических повествованиях, этнографиях-“исповедях” (возникло выражение “исповедальный стиль”)¹.

***

Субъективность, или «научный лиризм» ученого, как необходимая предпосылка для успешного исследования, а не фатальное препятствие ему, получило в XX в. убедительное философское обоснование. Мартин Хайдеггер и Теодор Адорно в своих философских построениях практиковали отсылку к собственному (в том числе детскому) опыту, Бенедетто Кроче считал идеальной моделью познания «лирическую интуицию», а Эрнст Блох прямо апеллировал к «философскому лиризму, доходящему до последнего предела»².

В систематическом виде продуктивная познавательная сила субъективного опыта исследователя последовательно рассматривается и обосновывается в трудах Эрнста Кассирера и Ханса-Георга Гадамера. Именно в самопознании видел смысл и цель исторической науки Э. Кассирер: «Историческая наука — это не познание внешних фактов или событий, она — форма самопознания... Но историческое Я — не индивидуальное Я. <...> Позволяя нам постичь многообразие человеческого бытия, оно освобождает нас от искажений и предубеждений. Такое обогащение и расширение Я, нашего знания и нашего чувственного Я... является целью исторического познания»³.

Создатель философской герменевтики Х.-Г. Гадамер обосновал гипотезу о том, что исследователю не дано избрать позицию объективного наблюдателя, поскольку он не в состоянии избавиться

¹ Щепанская Т.Б. Полевик: фигура и деятельность этнографа в экспедиционном фольклоре (опыты автоэтнографии) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 2. С. 166, 167.

² См., напр.: Bloch E. Geist der Utopie. Frankfurt / M., 1978. S. 245; Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991; Сафрански Р. Хайдеггер: Германский мастер и его время. М., 2002; Козлов С. «Определенный способ заниматься наукой»: Карло Гинзбург и традиция // Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: морфология и история. М., 2004. С. 341.

³ Cassirer E. Versuch über den Menschen. Einführung in eine Philosophie der Kultur. Hamburg, 1996. S. 291, 292.

от своих донаучных знаний, обозначенных философом как «предубеждения». Но именно они-то и позволяют ученому установить диалог с источником, узнать и объект изучения, и самого себя. Важно ясно видеть собственные «предубеждения как условие понимания» и понимать их происхождение, чтобы не представлять их себе в виде абсолютной истины, в столкновении со следами прошлого высокомерно проходя мимо всего, что этой истине не соответствует: «Подлинно историческое мышление должно осознавать и собственную историчность. Только в этом случае оно не будет гоняться за призрак исторического объекта, который является предметом продвигающегося исследования, а сможет научиться познавать в объекте Иное Своего, а тем самым — и то, и другое. Подлинный исторический предмет — не предмет, а единство Своего и Другого, соотношение, в котором заключается и правда истории, и правда исторического сознания»¹. Таким образом, субъективность исследователя прошлого может превратиться из недостатка, с которым ведется тщетная борьба, в плодотворный инструмент познания.

***

Понимание активной, не реконструирующей, а конструирующей роли исследователя в последней трети XX столетия стало проницать и в цех профессиональных историков. Этот процесс, по нашему твердому убеждению, стал логическим эффектом концепта современной культурной истории. В этой связи нужно сказать несколько слов о контексте ее возникновения в 1980-е годы.

Новую культурную историю — историю восприятия и поведения людей прошлого — позволительно рассматривать как одно из детищ нескольких совпавших явлений в самой исторической науке и за ее пределами. Начнем с внешних факторов. В последней трети XX столетия в устроениях современного человека произошли важные мировоззренческие сдвиги. Потрясения XX века от Первой мировой войны до краха биполярного мира в 1991 г. поставили под сомнение идею универсального, линейного и благого для человечества прогресса, подорвали

¹ Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. 6. Aufl. Tübingen, 1990. S. 305.

авторитет больших институтов — партий, профсоюзов, церкви и пр. и спровоцировали бегство человека в частную сферу. Одно из объяснений Лутцем Нитхаммером рождения своего проекта — устной истории в Западной Германии — может быть распространено за границы ФРГ и за пределы этого, молодого тогда исторического направления: «Люди уже не столь легковверны в отношении божьего ока или мирового духа. Становится труднее почувствовать себя на месте господ и анализировать общественные проблемы сверху, как вопросы порядка, господства и интеграции. Мы в большей степени начинаем интересоваться самими собой, происхождением собственных условий жизни, поведения, образцами толкования и возможностями действий»¹.

В интеллектуальной и художественной сфере эти сомнения вызвали к жизни критику современного общества и постмодернизм. В социальных и гуманитарных науках они разрядились фейерверком многочисленных «поворотов» — «лингвистического», «нарратологического», «культурного», «когнитивного», «эпистемологического», «онтологического», «антропологического», «визуального», «эмоционального», «детского» и др.²

***

К внутрицеховым факторам рождения новой культурной истории следует в первую очередь отнести растущую неудовлетворенность историков познавательным потенциалом классических политической и социальной истории XIX–XX веков, не уделявших внимания так называемым «маленьким людям», которые фигурировали в историописании исключительно в качестве немых статистов «великой» истории или безымянных членов абстрактных

¹ Niethammer L. (Hg.) Lebenserfahrung und kollektives Gedächtnis. Die Praxis der "oral history". Frankfurt/M., 1980. S. 9.

² См., напр.: Зверева Г.И. Роль познавательных «поворотов» второй половины XX века в современных российских исследованиях культуры // Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов. М., 2001. С. 11–12; Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009; Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.

коллективов. В центре усилий многочисленных направлений историографии — микроистории, истории повседневности, опыта, памяти, эмоций, новой персональной, интеллектуальной, визуальной истории и ряда других оказалась историзация ранее неинтересных для историков тем. В начале 1990-х г. один из основателей культурной истории в Великобритании Питер Берк, оглядываясь на пройденный путь, констатировал: «В последние 30 лет мы получили множество замечательных исторических исследований по темам, о которых прежде даже и не думали как об исторических — детство, смерть, безумие, климат, запахи, грязь и чистота, жесты, тело, чтение, речь и молчание. То, что прежде считалось неизменным, теперь рассматривается как культурная конструкция, подверженная вариациям во времени и пространстве»¹.

Интерес к жизни и опыту «обычных людей» было невозможно реализовать без предоставления права голоса историческим персонажам, ранее анонимным и бессловесным. К историкам эта установка предъявила два требования. Первое из них — «уважительное отношение к своим героям из прошлого, с которыми историк ведет равноправный диалог без примесей патерналистской назидательности»². Второе — ураганное расширение привлекаемых к исследованию источников из числа письменных, устных и невербальных свидетельств, которые могли бы позволить «разговорить» молчаливое большинство «простых людей». Именно в этой связи среди источников, привлечших интенсивный интерес историков, наряду с письменными «эго-документами», оказались интервью, изображения и вещи в качестве следов не только деятельности, но и чувственного восприятия, визуальных и телесных привычек, эмоционального режима, памяти и опыта людей из прошлого.

Культурная история оказалась отмеченной рядом характерных признаков. Среди них — интерес к ранее маргинальным социальным группам (женщинам, детям, национальным и сексуальным меньшинствам и др.). К особенностям культурной истории относят также

¹ См.: *Burke P. Overture: the New History, Its Past and Future // New Perspectives of Historical Writing / Ed. P. Burke. University Park, PA. 1992. P. 1–23* (пер. Б.И. Повного). Цит. по: *Ровный Б.И. Введение в культурную историю. Челябинск, 2005. С. 31–32.*

² *Ровный Б.И. Введение в культурную историю... С. 11.*

обращение к не востребовавшимся ранее темам и постановку проблем, лежащих вне фарватера великих исторических событий и процессов. Для нее типично превращение ненадежных, с точки зрения классической исторической науки, источников вроде высказываний итальянского мельника-самоучки в протоколе инквизиторского допроса, слухов, частного фото, нижнего белья или унитаза в серьезные свидетельства. Кроме того, культурная история заявила о новой этике равноправного отношения со своими героями и читателями, о чем подробнее будет рассказано во втором и третьем казусах. Все это делает занятие культурной историей похожим на концептуальное искусство и литературное творчество.

***

С работой художника и литератора усилия «историка-лирика» более всего сближает ориентация не на достижение «объективности» как цели интеллектуального или художественного творчества, а на создание «эффектов реальности» (Р. Барт), наглядности, «ощущения подлинности воскрешенного прошлого»¹. Как подчеркивал Йохан Хейзинга, «исследование истории и создание произведений искусства объединяет определенный способ формирования образов»².

Казалось бы, для достижения эффекта подлинности достаточно владеть ясным и ярким языком, понятным за пределами научного цеха. Однако это далеко не так. Для историка эффект реальности недостижим без умения работать с источником: «“впечатление реальности” создается не только стилем, не только тем, как историк пишет. Историк должен уметь благодаря знанию источников и времени жизни его персонажа придать самим документам с помощью “соответствующего монтажа” “впечатление реальности”, в достоверность которой можно поверить. Или, проще говоря, очистить эти документы, чтобы они смогли явить то, что создает убедительную картину исторической реальности»³.

Это не означает, конечно, что эффект подлинности научного текста может достигаться за счет замалчивания отдельных

¹ *Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005. С. 18.*

² Цит. по: *Burke P. Augenzeugenschaft. Bilder als historische Quellen. Berlin, 2003. S. 11.*

³ *Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. М., 2001. С. 17.*

фрагментов источника или его искажения — это свойство придворных историописателей и героев недобросовестной исторической политики. Вместе с тем, мы не считаем, что историку заказана дорога к авторскому воображению, фантазии и вымыслу. Если понимать изложение истории как часть процесса осмысления былого, использование фикции перестает быть операцией, недопустимой для историка. Более того, авторская фантазия может усилить эффект подлинности рассказываемой истории. Ученые и писатели, стоявшие у истоков современной исторической науки, это прекрасно понимали. Об этом свидетельствуют, например, созданные в XIX веке Огюстом Тьерри и Жюлем Мишле вымышленные биографии Жака Простака (1820) и Ведьмы (1862)¹. Эту традицию заново открыли историки позднего XX столетия. В этом не трудно убедиться, почитав, как Алэн Корбен «дописывает» исторические документы, создавая художественную биографию башмачника², или как Карло Гинзбург и Натали Земон Дэвис вступают в виртуальные диалоги с героями своих книг³.

***

Не лишним будет напомнить, что фантазию историка от фантазии литератора отличает известная «дисциплинированность», задающая допустимые пределы ее полета. Ханс Юрген Гетц заметил, что сила воображения исследователя — это «научно-исторически необходимая сила познания. Таковой она является в трех отношениях: во-первых, она заполняет пропуски, которые имеются в источниковом материале, свидетельствующем о прошлом. Во-вторых, она учитывает то обстоятельство, что история доступна нам не как предметная “действительность”, а только как отношение между прошлым и настоящим, между чужим и своим, между целостным и лишь частично воспринимаемым. В-третьих, она указывает на то, что в фор-

¹ См.: Мишле Ж. Ведьма. Киев, 1994; Гинзбург К. Судья и историк. Размышления на полях процесса Софри. М., 2021.

² См.: Corbin A. Auf den Spuren eines Unbekannten. Ein Historiker rekonstruiert ein ganz gewöhnliches Leben. Frankfurt/M; NY., 1999.

³ Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке. М., 2000; Дэвис Н.З. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века. М., 1999.

ме рассказа она создает средство адекватного выражения перехода из настоящего времени в прошедшее — перехода, который меняет, так сказать, агрегатное состояние людей и вещей или обуславливает потерю реальности¹.

Такое определение функций воображения историка позволяет ясно разграничить стратегические установки и процедуры «дисциплинированной фантазии» историка и воображения романиста. Несколько упрощая, можно утверждать, что ученый исходит из источников, «отшелушивая» которые, силой собственного воображения создает один из возможных рассказов о прошлом. Литератор же исходит из авторской фантазии, которая прибегает к исторически достоверным для читателя деталям (в том числе, почерпнутым из документального материала) для придания убедительности плоду писательского воображения.

Фикциональность и документальность, литературность и научность представляются контрастными программами лишь при поверхностном рассмотрении: «Хотя история аморфна, она содержит кое-что, сопротивляющееся тотальному разложению и защищающее ее от превращения в игрушку нашей произвольности. Но это — не поддержание альтернативы “факт или фикция”, а осознание взаимосвязи фактов и фикции»². Эффекты реальности, в конечном счете, рождаются не из представленных документов, а из связывающей их авторской интерпретативной логики, содержащейся не в источниках, а в авторском воображении.

Личный опыт, свидетель-рассказчик и читатель-наблюдатель

Поборники культурной истории, равно как и этнологи и социологи, практикующие новые (качественные) методы исследования, сходятся в отстаивании активного автора-участника, своего рода «лирического героя», сознательно инструментализирующего

¹ Goertz H.-J. Umgang mit Geschichte. Eine Einführung in die Geschichtstheorie. Hamburg, 1995. S. 103.

² Ibid. S. 104.

собственный (вне)научный опыт и вступающего в диалог со своими историческими персонажами и потенциальными читателями. В отношении недавнего прошлого, будь то история детства второй половины XX в., холодной войны и недавних экологических катастроф, проблема рефлексии историка тем более резко повышается, поскольку он сам оказывается наблюдателем или носителем тех культур и традиций, которые изучает. Он становится современником и участником тех событий, которые описывает и анализирует¹.

Книгу известного немецкого историка Карла Шлегеля «Советский век. Археология погибшего мира» (2017)² позволительно рассматривать как успешный продукт «лирической историографии», основанной на исследовательской авторефлексии и целенаправленной опоре на свой опыт³.

«То, что представлено здесь как “Археология погибшего мира”, это не новая история Советского Союза, а попытка заново вообразить себе историю этой страны — конечно, иначе, чем во многих имеющих впечатляющих обобщающих работах» (с. 21). С первых слов «Введения» К. Шлегель определяет замысел своей книги от противного, обозначая негативную программу своей работы, сообщая о том, чем его книга не должна быть. Она не задумывалась как отчет или подведение итогов многолетних исследований (с. 19), не является энциклопедическим словарем или эго-документом под названием «Мой Советский Союз. Воспоминания о погибшем мире» (с. 24).

Амбициозная цель, которую ставит перед собою автор — «репрезентация прошедшей эпохи» (с. 21), руководствуясь «идеей

¹ См. напр.: *Brown K. Manual for Survival: A Chernobyl Guide to the Future*. London, 2019; *Fürst J. Flowers through Concrete: Explorations in the Soviet Hippieland and Beyond*. Oxford, 2021. Мы признательны Б. Шенку за то, что он обратил наше внимание на стилистику этих трудов.

² См.: *Schlögel K. Das sowjetische Jahrhundert...* Подробнее о представленной ниже оценке исследования К. Шлегеля см.: *Narskii I. Archaeology of a Lost World and Remembering Soviet Life // Kritika*. 2019. No. 4 (Fall 2018). P. 891–906.

³ Мы не называем имен историков, которых считаем «историками-лириками». Во-первых, такого сообщества как некоей научной школы или программного объединения реально не существует. Речь идет преимущественно об одиночках, рассеянных по всему международному историографическому сообществу, порою даже не знакомых друг с другом. Во-вторых, ни с кем из тех, кого мы отнесли бы к этому виртуальному сообществу, концепт «лирической историографии» не обсуждался, а потому нам и не хотелось бы вызвать у коллег недоумение по поводу неожиданных идентификаций.

histoire totale как если не достижимым, то желанным идеалом» и готовностью «учесть связанные с этим риски». К. Шлегель видит свою сверхзадачу в том, чтобы «еще раз представить себе “целое”, еще раз соединить во времени и пространстве то, что для современников было взаимосвязано: тотальность жизненного мира, прежде чем она будет разъята специалистами на разные исследовательские поля и научные дисциплины» (с. 834).

Логика тотальной истории, нацеленность на сборку целостного впечатления о советской цивилизации закономерно направляют автора в русло мультиперспективного и междисциплинарного анализа культурных форм, с интеграцией всех наук о культуре. Неизбежный риск такого культурно-исторического подхода автору очевиден: «Кто бы спорил, что за этим таится опасность эклектицизма и дилетантизма» (с. 25).

Советская эпоха рухнула, но остались ее обломки, и каждый из них имеет свою историю, «искусство состоит в том, чтобы заставить фрагменты говорить» (с. 21). Передвигаясь от предмета к предмету, с места на место, рассказчик меняет перспективу, а его рассказ приобретает многоголосье и многомерность. Но сохранившихся обломков-фрагментов — видимо-невидимо, и важнейшей проблемой для автора оказываются критерии отбора фрагментов / сюжетов / источников при сохранении «панорамной открытости» изображения (с. 22). Не столько «что?», сколько «как?» становится центральным вопросом репрезентации советского прошлого в книге К. Шлегеля. А это — вопрос метода, структуры и стилистики.

Итак, «раскапывать объекты, сохранять их и заставлять говорить — вот путь предлагаемой здесь археологии» (с. 21). Шлегель намерен строить свою историю не вдоль хронологических последовательностей или актуальных академических споров, а вдоль предметов и мест. «Мир будет рассматриваться и читаться через историю вещей, через анализ знаков и форм общения, мест и рутин. Целое вырастет из деталей, и в таком случае главный вопрос проекта “истории советской цивилизации” состоит в следующем: где начать и где остановиться, если все подходит — великие стройки коммунизма в такой же степени как фарфоровые статуэтки 1930-х годов, голос диктора в московском радио и парад спортсменов, парк Горького и лагерь на Колыме, строительство мавзолея и пляжи “красной Ривьеры»» (с. 21).

И исследователь принимает решение: принципом отбора избрать «первичный опыт, опыт автора» (с. 23). «В книге, — пишет он, — ... речь пойдет только о местах и предметах, которые автор видел сам, будь то дамбы, монастыри или коллекция Костакиса в Фессалониках. Особый интерес представляли те “общие места”, которые Светлана Бойм первой ввела в поле зрения исследователей: очередь, коммуналка, состояние общественных туалетов, парады, “спальные” районы, московские кухни» (с. 24). Хотя, в отличие от многих строений и населенных пунктов, социальные места вроде советских очередей, туалетов и общежитий по большей части перестали существовать, К. Шлегель уверенно включает их в перечень объектов репрезентации, поскольку благодаря его регулярным поездкам в СССР со второй половины 1960-х гг. советский быт также является частью личного опыта автора.

Чтобы определить избранный метод изложения, К. Шлегель цитирует Вальтера Беньямина: «Метод этой работы — литературный монтаж. Мне нечего сказать. Только показать»¹ (с. 22). Автор выбирает более шестидесяти предметов, мест, событий советского прошлого, в которых соединяются место и время, превращая их в «хронотопы» (Михаил Бахтин). Эти хронотопы становятся автономными объектами авторского наблюдения и изучения. Шлегель объединяет их в восемнадцать блоков разного объема и степени сложности организации по принципу принадлежности к определенному типу пространства (великие стройки первых пятилеток, с. 95–175; «пространства свободы», с. 281–320; «внутренние пространства», с. 321–418; «общественные пространства», с. 419–474; ГУЛАГ, с. 643–690; пространства власти, с. 691–794; чужие и контактные территории, с. 757–794), к системам знаков («миры советских знаков» от названий улиц до татуировок зеков, с. 175–212; ритуалы, с. 503–588; телесность, с. 589–642) и коммуникаций (базы данных с. 475–502; железная дорога, с. 795–815), к предметам быта (от упаковочной бумаги до поваренной книги, с. 214–280). Для Шлегеля важно воссоздать зрительные, акустические (отдельный блок посвящен «шуму времени», с. 725–756), тактильные («Полюс холода: Колыма», с. 643–671), обонятельные впечатления («Мусор. Феноменология порядка», с. 245–249; «“Красная Москва”:

¹ Benjamin W. Das Passagen-Werk // Gesammelten Schriften. Bd. V, 2. Frankfurt/M., 1982. S. 1030.

Шанель по-советски», с. 250–263; «Советский подъезд: К аналитике анонимных и разлагающихся мест», с. 383–387; «Инсталляция Ильи Кабакова — туалет как цивилизаторское место», с. 388–397).

Книга начинается с изображения современных российских блошиных рынков, на которых появляются и вновь исчезают приметы канувшей в небытие эпохи — награды, утварь, предметы интерьера, книги, украшения и одежда («Барахолка в Измайловском парке, базар в Петрограде», с. 28–58). Затем на протяжении текста в почти восьмисот страниц Шлегель собирает осколки советской империи, чтобы затем предложить соединить их в виртуальном музее («Лубянский проект — эскиз музея образов советской цивилизации», с. 833–845) — в месте, наиболее подходящем для главного места памяти о советском прошлом и наименее доступном для реализации такого проекта. Автор ведет нас из одного «не-места» (Марк Оже), в котором история исчезает, в другое, в котором история советской эпохи — по крайней мере, в обозримом будущем — останется за семью печатями. На первый взгляд, грустная, если не безнадежная история, движение из ниоткуда в никуда.

Иная логика и ритм в движении с места на место, от предмета к предмету, от хронотопа к хронотопу, от одного тематического блока к другому в собирании обломков при всем желании не обнаруживается. Даже почти неизбежное движение к виртуальному музею как к логической точке книги, по признанию автора, было для него самого неожиданным (с. 25). Вещи пока свалены в беспорядке, как на блошином рынке во время распродажи не интересных наследникам предметов из выморочного жилья, оставшегося без хозяев. Или, как на археологическом раскопе: артефакты не изъяты из земли, покуда не описаны, не сфотографированы, не каталогизированы. Если бы автор, согласно первоначальному замыслу, от которого он потом к счастью отказался, начал книгу с виртуального музея, ему пришлось бы затем на протяжении всей книги классифицировать «экспонаты» и располагать их в отдельных залах. Отсутствие в книге явной красной линии — сознательное намерение автора. В нем кроется особая программа в отношении потенциального читателя и в понимании места автора в рассказываемой истории.

Впрочем, эта программа и не скрывается К. Шлегелем. Он составляет своего рода путеводитель по пока не существующей, будущей

музейной выставке. Он не столько рассказывает, сколько показывает. Его труд рассчитан на самостоятельного и активного читателя: «Эта книга — приглашение, каждый может следовать собственному любопытству, своим склонностям, своим интересам. Посетитель передвигается самостоятельно, скорее по лабиринту, чем по линии, он не получает иного напутствия, кроме заключения, к которому он приходит сам, осматривая время, места, объекты с их историями и судьбами» (с. 26).

Активного, заинтересованного и самостоятельного читателя сопровождает не менее активный и заметный в тексте автор, не желающий скромно самоустраниться, занять нейтральную позицию, выступить хронистом во имя так или иначе понимаемой «объективности». Нет, создавая путеводитель по музею, автор берет на себя роль экскурсовода, заявляет свою субъективность очевидца позднего СССР в качестве программы исследования и репрезентации, отводя центральную роль «фигуре фланера или экскурсии как методу» (с. 24). Прежде чем анализировать явление, автор показывает его нам. Вот он рекомендует нам пешую прогулку по грандиозной дамбе ДнепрогЭС, чтобы ощутить ее циклопические размеры, не столь ощутимые из окна машины или автобуса (с. 103). Вот он показывает нам из иллюминатора самолета разноцветные промышленные дымы над Магнитогорском (с. 118–119, 161). Вот он ведет нас по провинциальному музею (с. 38–39), библиотеке им. Ленина (с. 476–477) и опасному советскому подъезду (с. 383–387). Вот он заводит нас в квартиру Георгия Костакиса на юго-западе Москвы, в которой царит напряженная тишина (с. 779–780), или на шумную московскую кухню, где веет духом гостеприимства, свободы и надежды (с. 404–407). А вот он обращает наше внимание на суверенный жест Рудольфа Нуреева при выходе на поклон в Венской государственной опере (с. 633). Автор листает вместе с нами официальные и семейные фотоальбомы (с. 143–144, 574) пылящиеся на полках антикварных магазинов тома «Большой советской энциклопедии» (с. 218) и добытую им в Ростове «Книгу о вкусной и здоровой пище» (с. 279). И так далее, и так далее.

Автор все время в пути и готов рассказать нам о собственных впечатлениях от легальных и нелегальных перемещений по Советскому Союзу, в том числе по российской глубинке: «об автобусной поездке из Ленинграда по Новгородской и Псковской областях; о походах из Торжка к озеру Селигер, из Осташова в Ржев; об автомобильных

поездках из Ярославля в район Костромы, в Вологду и на Белое озеро, поездке маршрутным автобусом из Нижнего Новгорода в Арзамас, парходом вниз по Волге, машиной с Дона на Кавказ, по равнинам Ставрополя и Краснодар, напоминающим Средний Запад США, а также в Сибири от Красноярска вверх по течению Енисея» (с. 461). Не случайно в конце книги К. Шлегель благодарит случайных попутчиков и людей, которых он сознательно искал в России — диссидентов и ученых, писателей и общественных деятелей, без встреч с которыми, по его мнению, книга не состоялась бы (с. 848–849).

Неутомимый экскурсовод даже вынужден отказаться от ряда маршрутов, так как охватить все в одной книге, собрать все в одном музее невозможно: он скрепя сердце отказался от изображения образцового пионерского лагеря «Артек» в Крыму, Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве 1957 года и первого человека в космосе Юрия Гагарина. Впрочем, вероятно, эти сюжеты в меньшей степени подпадали под главный критерий селекции — возможностей непосредственного свидетельства автора.

Активный автор и активный читатель для К. Шлегеля — шанс для наблюдения действительности из непосредственной близости, для создания эффекта реальности прошедшего, для виртуального воскрешения осязаемого, обоняемого и слышимого прошлого — в конечном счете, для превращения свидетелем-рассказчиком читателя в наблюдателя событий, со всеми плюсами и минусами позиции очевидца: «Свидетели ведут назад в суматоху, в которой все еще открыто и конца, а тем более “логического конца” еще не видно. Они вынуждены полагаться на свое зрение и судят под влиянием первого впечатления. Они пока не могут обратиться к знанию, которое досталось родившимся позже из-за привилегии родиться позже. Они должны самостоятельно “формировать представление”. Но их несовершенство может обернуться их преимуществом. Сколь ни были бы ограничены их знания о больших взаимосвязях, перед ними простирается все место действия, свежее и неразделенное: до всякой специализацией, до тщательного разделения предметов и областей, которые в действительности неразделимы» (с. 60). Превращая читателя в свидетеля, автор может надеяться на возможность представить более сложное прошлое, чем известно читателю, и рассчитывать на его адекватное восприятие: «Из исторической перспективы с высоты птичьего полета советское пространство

всегда кажется до предела унифицированным, гомогенизированным и однообразным. Чтобы воздать должное тому, чем был “Советский Союз”, необходим взгляд с “места действия”. И здесь разворачивается — вопреки всей унификации и цензуре — все многообразие огромной страны, которое никак не вмещается в “Краткий курс”» (с. 43).

Чтобы убедиться в правомерности отнесения книги немецкого историка к виртуальному клубу «лирической историографии», предлагаем прочитать рецензию К. Шлегеля на книгу Юрия Слезкина «Дом правительства. Сага о русской революции»¹. Известно, что жанр рецензии представляет собой некую проекцию представлений о себе и своей профессии и потому рассказывает о рецензенте не меньше, чем о рецензируемом произведении. Так вот, среди достоинств фундаментальной монографии Ю. Слезкина К. Шлегель отмечает незаурядный дар рассказчика, умеющего описать сложные процессы несколькими мазками, создать детективную интригу, использовать монтажный принцип рассказа и пространного цитирования, убедительно показать роль «страстей, жажды выжить, ненависти, любви и нужды» в истории, создавать сцены, «которые не оставляют равнодушным», наконец — демонстрировать авторефлексию, впечатляющую тем, «с какой самоотверженностью автор связывает труд всей своей жизни с “жизнью других”»².

Все перечисленные качества можно с уверенностью отнести к автору «Советского века». По предположению одного из родоначальников повседневной истории в ФРГ Альфа Людтке, «большинство текстов, которые пытаются однозначно определить действительность как верную или ошибочную, невосприимчиво к опасным и трогательным измерениям»³. Грандиозный коллаж советского прошлого из-под пера немецкого ученого, совершенно в духе «лирической историографии», успешно преодолевает этот дефект, а контролируемая субъективность историка в руках Карла Шлегеля превращается в эффективное орудие впечатляющего панорамного изображения «погибшего мира».

¹ Karl Schlögel: Y. Slezkine. House of Government. URL: <https://www.hsozkult.de/publicationreview/id/rezbuecher-28214?title=y-slezkine-house-of-government&recno=2&q=Schlögel&sort=newestPublished&fq=&total=64> (дата обращения: 28.02.2018).

² Ibid.

³ Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 83.

Память, опыт и отказ от иерархических вертикалей

Немецкий блошинный рынок¹ достоин специального изучения. Это стало ясно западногерманским, австрийским и швейцарским экономистам, социологам и антропологам несколько десятилетий назад, когда современный блошинный рынок только начинал формироваться². На этом, новом рынке тон стали задавать материальное благополучие, экологическое сознание и уважение к старым вещам, а не бедность, стремление выжить и вынужденная ориентация на дешевизну, характерные для прежних барахолок.

Современный блошинный рынок оказался сложно связанным со многими другими хранилищами вещей. Прежде всего, с домашним хозяйством. Он позволил безболезненно расстаться с до-модерной традицией ношения одежды и обуви до износа, он разрешил отказаться от использования домашней утвари, мебели и инструментов до выхода из строя³. Рынок подержанных вещей покончил с привыч-

¹ Далее термины «блошинный рынок», «барахолка», «толкучка», которые в российском контексте отражают некоторые особенности рынка вторичных вещей в разные периоды российской и советской истории, в отношении немецкого аналога используются как синонимы.

² См., напр.: Heller H. Über den Umgang mit Tradition auf Trödelmärkten. Otto Koenig 70 Jahre. Kulturwissenschaftliche Beiträge zur Verhaltensforschung. Matreier Gespräche. Wien; Heidelberg, 1984. S. 199–210; Jüngst P. Zu den Einkaufs-, Freizeit- und Kommunikationsstrukturen auf öffentlichen und privaten Flohmärkten — vorläufige Ergebnisse anhand zweier Fallstudien in Kassel und Marburg // Urbs et Regio. 1984. Nr. 32. S. 97–120; Hard G. u.a. Ein Flohmarkt im Bonner Hofgarten — Zur Wirklichkeit und zum Alltagsmythos eines Flohmarktes // Ibid. S. 121–176; Porath Y. u.a. Ein Flohmarkt für Kassel // Ibid. S. 177–208; Porath Y. u.a. Kurzportraits deutscher Großstadtflohmärkte — Stuttgart, Frankfurt / M., Münster, Bielefeld und Hannover // Ibid. S. 209–246; Jüngst P., Rabemüller T. Zur Rezeption “öffentlicher” und “privater” Flohmärkte in Bevölkerung von Stand und Umland: Fallbeispiele Kassel und Marburg // Ibid. S. 247–264; Gebhardt P. Der Markt gebrauchter Güter, theoretische Fundierung und empirische Analyse. Hamburg, 1986; Karl W. Flohmarkt. Träume aus zweiter Hand. Freiburg i.Br., 1988; Winter G. Trödelmärkte: eine empirische Untersuchung zur sozialen und ökonomischen Struktur einer Institution privater Öffentlichkeit. Göttingen, 1996; Damsar. “Fleamarket” in a German town: A Study in Economic Sociology. Bielefeld, 1998; Idem. Der Flohmarkt als Spiegel sozialer Komplexität // Hauschild T., Warneken B. (Hg.): Inspecting Germany. Internationale Deutschland-Ethnographie der Gegenwart. Münster, 2002. S. 141–171.

³ О живучести этой традиции в СССР, который исследователи предметной среды характеризуют как «общество ремонта» или «общество без мусора», см.: Герасимова Е., Чуйкина С. Общество ремонта // Неприкосновенный запас. 2004. № 3. С. 70–77; Schlögel K. Das sowjetische Jahrhundert... S. 245–249.

кой латать, починять и передавать домашний скраб по наследству. В условиях массового производства готового платья, мебели, посуды и прочей домашней утвари наследование бабушкиного платья, родительского шкафа и кухонных чугунков более далеких предков превратилось в анахронизм. Современная барахолка создала важный канал для избавления от вещей, годных к употреблению, но устаревших, вышедших из моды, громоздких, захламляющих жилые, чердачные и подвальные помещения, мешающих новым приобретениям. То, что раньше передавалось родственникам и раздавалось соседям при переезде или уходе владельцев из жизни, теперь, с середины XX века, уходило на свалку — и на блошинный рынок. В итоге толкучка взяла на себя благородную миссию, предоставив старым вещам шанс на вторую жизнь. Тем самым она облегчила расставание с умершими близкими. Предметы, которые образовывали их среду и поддерживали память о них, не нужно было недрогнувшей рукой выбрасывать на помойку. Их можно было отправить на блошинный рынок в надежде, что они попадут в добрые руки и еще послужат людям.

***

Современный блошинный рынок в Германии подобен ярмарке: в отличие от классического рынка или базара¹, это — рынок праздничный, рынок выходного дня. Поэтому на нем можно встретить торговцев и товары, которые на протяжении рабочей недели выставляются в антикварных магазинах и в пунктах торговли поддержанной одеждой и обувью. Их владельцы таким способом обходят запрет на работу в выходные дни, превращают субботу или воскресенье в доходный рабочий день, обзаводятся новыми связями и клиентами.

В свою очередь, товары с блошиного рынка перекочевывают в другие частные домашние хозяйства людей, только что переехавших на новое место, часто — молодых семей и мигрантов с худыми кошельками. Так было и в XIX веке, и в первой половине XX-го.

¹ О базарах см.: *Калугин В.К.* Вселенский базар: Книга о рынках, базарах и ярмарках, их истории и многообразии. СПб., 1998; *Weiss W.M.* The Bazaar: Markets and Merchants of the Islamic World. London, 1998; *Grüner F.* Microcosm Bazaar. Markets as Places of Cultural Encounters and Areas of Conflict // *Abu-Er-Rub L., Brosius C. u.a. (ed.) Engaging Transculturality: Concepts, Key Terms, Case Studies.* London, N.Y., 2019. S. 122–135.

Но значительная часть вещей с блошиных рынков приобретается покупателями не бедными. Это могут быть владельцы и менеджеры галерей, антикварных магазинов и аукционов в поисках пополнения коллекций случайными ценными находками. Завсегдатаями блошиных рынков являются коллекционеры, готовые выложить круглую сумму за вожделенный предмет собирания. Среди покупателей встречаются модельеры — экспериментаторы в области винтажной моды. В поисках подходящих исторических костюмов и реквизитов заглядывают туда создатели спектаклей и фильмов. Там бывают организаторы постоянных и сменных музейных экспозиций, ведомые надеждой найти исключительно редкий и вместе с тем типичный для определенной эпохи предмет.

Получается, что блошинный рынок дает старым вещам шанс повысить свой «мусорный» статус до предмета антиквариата и даже до музейного экспоната. Но может случиться и обратное: не востребованный товар может закончить свой век там, где бы он и оказался, если бы не блошинный рынок — на свалке. Такая судьба поджидает даже старинный предмет, который при небрежной упаковке, неосторожной транспортировке и поспешной распаковке может сломаться, разбиться, потерять цену и потенциального покупателя.

В общем, блошинный рынок занимает важное место среди прочих хранилищ вещей, с которыми тесно связан. Поэтому легко предположить, что блошинный рынок — относительно давний объект устойчивого научного интереса и интенсивного исследования. Однако это не совсем так — или совсем не так.

***

С некоторых пор авторы этой статьи стали заядлыми посетителями блошиных рынков тех городов и стран, в которые нас забрасывала служебная надобность или жажда путешествий. Так сложилось, что это были барахолки преимущественно в немецкоязычном пространстве. И в какой-то момент мы задумали написать книгу о немецких толкучках¹. Начав со знакомства с опытом наших предшественников — исследователей этого феномена в Германии, мы обнаружили, что о блошином рынке написано много и одновременно с точки

¹ *Нарский И., Нарская Н.* Незаметные истории...

зрения историка — удивительно мало. Другими словами, существует некоторая традиция в описании блошиных рынков. И мы приняли решение ее учитывать, но ей не следовать, потому что эта традиция не позволила бы нам убедительно ответить на вопросы, которые возникли при близком знакомстве с рынком подержанных вещей.

В соответствии с этой исследовательской традицией, нам следовало бы найти точку зрения и научный инструментарий, гарантирующие дистанцию, эмоциональную сдержанность и независимость от объекта исследования. Мы разработали бы сложную анкету, составляющую силки потенциальным участникам опроса, ловящую их на неискренности и якобы гарантирующую «научность» исследования и «объективность» полученных данных. Мы проанкетировали бы статистически релевантное количество посетителей блошиных рынков — организаторов, продавцов, покупателей, фланеров — и произвели бы количественную обработку полученных данных по ряду критериев. Мы провели бы основанные на вопросах этой же анкеты короткие интервью на блошином рынке. Мы бы детально классифицировали блошинные рынки, проанализировали бы этапы их развития, механизмы ценообразования, мотивацию посещения блошиных рынков, разделение труда по возрасту, полу, уровню благосостояния и национальной принадлежности. И в результате издали бы ученый труд, написанный строго научным, эмоционально нейтральным языком, с графиками и таблицами, приложениями и схемами¹.

***

Нет, такой книги мы не написали. Потому что блошинный рынок активно сопротивлялся этим отлаженным исследовательским практикам. Люди отказывались говорить с нами, подозревая в нас то ли переодетых полицейских, то ли налоговых инспекторов, то ли агентов русской мафии. А те, кто соглашался ответить на наши вопросы, категорически противились говорить под диктофонную запись и даже не разрешали нам воспользоваться блокнотами и руч-

¹ В Западной Германии этой традиции следовали социальные науки 1980-х — 1990-х годов. См., напр.: *Jüngst P.* Zu den Einkaufs-, Freizeit- und Kommunikationsstrukturen...; *Hard G. u.a.* Ein Flohmarkt im Bonner Hofgarten...; *Porath Y. u.a.* Ein Flohmarkt für Kassel...; *Porath Y. u.a.* Kurzportraits deutscher Großstadtflohmärkte...; *Jüngst P., Rabemüller T.* Zur Rezeption „öffentlicher“ und „privater“ Flohmärkte...; *Winter G.* Trödelmärkte...; *Damsar.* „Fleamarket“ in a German town...; *Idem.* Der Flohmarkt als Spiegel sozialer Komplexität...

ками. Те, кто вчера покупал на блошином рынке, сегодня выступал продавцом купленного накануне. Рассказчики не могли вспомнить и воспроизвести то, что рассказывали неделей раньше, заставляя усомниться в надежности предоставленных сведений.

Ценообразование на блошином рынке восставало против экономической целесообразности и оказывалось продуктом причудливого сочетания материальных и нематериальных факторов. Среди них — принадлежность предмета к определенной группе товаров, наличие или отсутствие повышающей цену сопроводительной истории, степень сохранности или износа, возраст, единичная или оптовая покупка, начало, разгар или завершение рабочего дня на рынке, погода, настроение продавца, внешний облик покупателя, знакомство с торговцем и умение торговаться. В отношении антиквариата действовали дополнительные факторы: наличие аналога в музейных экспозициях, прецедент удачной продажи подобного товара на интернет-аукционе или в теле-шоу. Словом, мы наткнулись на «порядок порывистого ветра или уличного рынка», в котором не обнаруживалось «ничего, что можно измерить»¹.

***

Кроме того, мы решили отказаться от одной традиции, характерной для «профессионалов» практически в любой сфере деятельности. Мы не стали конструировать объект исследования по иерархической вертикали. В такой конструкции компетентный, т. е. есть наделенный знанием, чутьем и стигмой исключительности субъект дистанцируется и противопоставляет себя некомпетентному, слабому, аморфному объекту². Подобное конструирование объекта предполагает выстраивание отношений подчиненности. Ведь оно осуществляется так, «чтобы обосновать право вмешательства (воздействия) со стороны “институционально поддерживаемого и узаконенного” профессионала, его власть над теми, кто в дискурсе идентифицирован с объектом»³. Следование такой традиции неизбежно

¹ *Гирц К.* Постфактум. Две страны, четыре десятилетия, один антрополог. М., 2020. С. 8.

² См.: *Щепанская Т.Б.* Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. №1 (21). С. 139–161.

³ Там же. С. 143.

ведет к позиции исторического превосходства и нравоучительной назидательности по отношению к историческим акторам, ставшими объектами изучения и героями повествования.

Мы дистанцировались также от эссенциалистской традиции исторического исследования, которая превалировала в советское время и вновь набирает обороты в преподавании, проектной деятельности и исторической политике последних лет. Согласно ей, историк имеет непосредственное дело с «реальностью», а не с ее следами, остатками и посредниками. Нарратив якобы следует за непреложными «объективными» фактами и закономерностями, а авторское вмешательство исследователя в его «течение» представляет собой антинаучное святотатство и фальсификацию. Именно такая историческая наука отстаивает принципы «научности», «объективности» и «историзма», воспринимает автора как нейтрального судью или «летописца», обязанного изгнать субъективность как помеху честному исследованию. Именно она отрицает ценность исследовательской авторефлексии и, более того, любой методологии по ту сторону простодушного позитивизма. Такая наука выстраивает иерархию источников по принципу надежности и достоверности, расценивает результаты научной деятельности в категориях «истинности» — «ложности», воздвигает дисциплинарные границы и блюдет «чистоту рядов».

Нет, такую книгу мы писать не хотели.

***

Источниковое ядро для нашего исследования образовали два информационных комплекса. Первый из них — это предметы, увиденные или приобретенные на блошином рынке. Часть из них была куплена с прицелом на будущее исследование. При виде таких вещей на прилавке торговца сердце начинало колотиться, а голова — напряженно работать в направлении оценки данной вещи как исторического источника, объекта или повода для исследовательского эссе.

Но большая часть вещей, которые будут представлены в книге, были найдены на блошином рынке еще до осознанной формулировки идеи этого проекта. Прошло довольно много времени, прежде чем мы стали видеть в них не просто понравившийся артефакт, а источник важной информации. Такие предметы пережили в нашем восприятии драматичные метаморфозы, прежде чем попасть на страницы текста.

Во второй источниковый комплекс вошли рассказы наших собеседников с блошиного рынка, а также рассказы людей, не принадлежащих к корпорациям профессиональных историков и музейных работников, о старых вещах. В качестве основных вопросов нас интересовали причины и обстоятельства, приведшие наших респондентов на блошинный рынок, их рассказы о том, каким рынок был раньше и чем отличается сегодня от былых времен, какова его роль в жизни наших информантов. Ничтожно малую часть интервью удалось с согласия наших визави записать на диктофон. Блошинный рынок — зона полулегальных торговых операций, о которых торговцы и покупатели рассказывают неохотно.

Незаменимым источником второго комплекса оказались полевые дневники, которые, помимо прочего, включают составленные по горячим следам стенограммы незаписанных бесед. Они перемежаются с заметками о событиях, впечатлениях и приобретениях на блошином рынке. Покупки и, изредка, некоторые из не купленных вещей — с разрешения продавцов — визуально документировались с помощью фотографирования.

Ко второму комплексу источников относятся и всевозможные репрезентации старых вещей и блошиных рынков за пределами музейного дела и исторического цеха. Это коллекционерские и аукционные интернет-порталы, путеводители, справочники и периодика с информацией для посетителей блошиных рынков, художественные тексты, комиксы и снятые по ним фильмы, а также телепередачи о старинных и курьезных предметах с барахолки. Их отбор был довольно произвольным и зависел от спонтанного решения по ходу работы над текстом о том, куда нас ведут трезвые мысли, своенравные эмоции, причудливые ассоциации, запасы опыта и повороты памяти.

***

Но как заставить предметы говорить? В превращении молчаливых материальных артефактов в разговорчивые вещи субъективность их владельцев, продавцов и покупателей, экспертов и коллекционеров, а также и самих исследователей играет ключевую роль. Старые вещи не являются самостоятельными рассказчиками. Во-первых, они молчат до тех пор, пока им не задают

вопросов. А чтобы задать им вопросы, нужно обратить на них внимание. Например, вспомнив о каком-нибудь куда-то запропащившемся или давно утраченном предмете из интерьера родителей, дедушек и бабушек. Или услышав вопрос от детей или внуков о какой-то примелькавшейся вам вещицы из вашего же окружения. Или наткнувшись на странный предмет, как часто случалось с нами на блошиных рынках.

Во-вторых, истории, которые якобы рассказывают нам предметы, создают их авторы и владельцы, оценщики и критики. Когда вы спрашиваете торговца на блошином рынке о происхождении и истории объекта, который намереваетесь приобрести, тот угодливо преподносит вам историю, которая покажет вожделенный предмет в самом выгодном свете и по возможности еще больше возбудит ваш аппетит. Возможно, эту историю рассказчик, будучи непрофессиональным продавцом, слышал от владельцев предмета — своих родителей или их родителей — и постарается воспроизвести ее возможно близко к тому, что когда-то услышал. А если он эту историю подзабыл, можно ее и досочинить, и приукрасить. Если же вы имеете дело с профессиональным торговцем, то можете быть уверены, что он расскажет вам не больше, чем сам узнал пару дней назад от бывшего владельца или посредника-антиквара, коллекционера или аукциониста, или из ненадежных данных интернета, или из запасников собственного опыта и воображения. Может быть, вещи в действительности не в состоянии нам рассказать больше, чем мы о них уже знаем из других, надежных или ненадежных источников?

Это не так уже потому, что вещи с блошиного рынка, в-третьих, могут быть носителями вербального послания и, таким образом, личным свидетельством. Письма, подписанные открытки, девичьи альбомы со стихами и рисунками, дневники, воспоминания, заполненные фотоальбомы, фотографии с надписями на оборотах, подарки с посвящениями содержат информацию, зачастую, казалось бы, заурядную и не оригинальную. Ведь их авторы — простые, ничем не примечательные люди. Но это только видимость. Личные свидетельства могут оказать неоценимую услугу тому, кто интересуется историей повседневности, атмосферой эпохи, опытом обращения «обычных» людей с прошлым.

В-четвертых, ответы, которые дают нам вещи, зависят от нашего взгляда на них и от наших вопросов к ним. И этот взгляд, и эти вопросы могут отличаться от намерений их заказчиков и создателей, от использования их прежними владельцами. Именно таким образом возникают реликвии из предметов, утративших прежнюю функциональность и потребительскую стоимость¹. Именно поэтому книга или картина, прочитанная или увиденная нами в детстве или юности, вдруг спустя годы и десятилетия приносит нам весть, которую мы раньше проглядели — потому что мы сами изменились. Не только книга или произведение искусства, но любой предмет, оторвавшись от «производителя», начинает жить собственной жизнью: «рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора»².

В-пятых, наконец, именно потому, что старые вещи были созданы не нами и не для нас, они могут приоткрывать нам неожиданные истории, заложенные в них их создателями и пользователями. В этом смысле предметы могут рассказать нам больше, чем мы ожидаем. Они могут оказаться непокорными нашей воле, своенравными рассказчиками. Вещи могут ввергнуть нас в изумление кукловода по поводу неожиданных возможностей управляемых им марионеток: «В беседе с кукловодом выяснится, что марионетки не перестают его удивлять. Он заставляет марионетку делать вещи, которые невозможно свести к его собственным действиям и которые сам он делать не умеет — даже потенциально»³.

***

Книга, которую, надеемся, читатель в обозримом будущем сможет взять в руки, посвящена не всем предметам, которые продаются на рынке подержанных вещей, и, с другой стороны, не только блошиным рынкам. Ключевая тема книги — альтернативное, приватное

¹ См.: *Годелье М.* Загадка даров. М., 2007; *Potian K.* Der Ursprung des Museums. Vom Sammeln. Berlin, 1993.

² Обоснование этого утверждения в рамках структуралистской парадигмы содержится в известном тезисе Ролана Барта о смерти автора: *Барт Р.* Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 391.

³ *Латур Б.* Об интеробъективности // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 2. С. 93.

обращение с прошлым через посредничество материальных носителей прошлого. Ее герои — вещи с историей, волею судеб очутившиеся на блошином рынке, и люди, наделяющие историями продаваемые или купленные предметы. Это обычные люди с уже сформированными представлениями об истории, которые вовсе не обязательно совпадают с прописными истинами, усвоенными в школе или через СМИ. Эти люди — инициаторы своеобразных форм поддержания памяти о былом, зачастую весьма далеких от официального государственного репертуара праздников и ритуалов.

Среди «обитателей» блошиного, помимо продавцов и покупателей блошиных рынков, читатель встретит и самих соавторов. Мы бывали на нем в различных ролях — покупателя и продавца, эксперта и зеваки, завсегдатая и случайного посетителя. Наша память — главный побудитель и источник этого проекта. Собственный жизненный опыт, в том числе социологический и этнологический опыт включенного наблюдения, а также навыки работы с историческими источниками — один из главных исследовательских инструментов, примененных в нашем исследовательском проекте о блошином рынке.

Нашу будущую книгу позволяет отнести к «лирической историографии» прежде всего присутствие авторов — активных рассказчиков. Иначе и быть не могло: мы воспринимаем себя как часть пространства блошиного рынка, мы не желаем дистанцироваться от персонажей, в реальной жизни ставших нашими друзьями и добрыми знакомыми. Подобно литераторам, мы конструируем текст, опираясь на собственный и чужой опыт.

Мы разделяем тезис Александра Эткинды, согласно которому «миссия интеллектуала состоит в том, чтобы делать идеи интересными»¹. Чтобы сделать книгу увлекательной, мы воспользовались, наряду с литературным языком, рядом стратегий. Среди них — комбинирование разнообразных форм изложения и создание на их основе мозаик и коллажей, допускающих нелинейное чтение текста. Другая стратегия — включение в текст автобиографических размышлений и записей из полевых дневников; так мы открываем читателю нашу исследовательскую лабораторию. С этим же намерением будущая книга включит истории, содержащие событийную,

¹ Эткинд А. Два года спустя // НЛО. 2001. № 47. С. 111.

логическую и интеллектуальную загадку: «Отсутствием интриги обычно и скучны “научные тексты”. <...> Интрига способствует превращению текста в квазилитературный, изменяя его жанр по сравнению с дискурсом социальных наук»¹. Мы надеемся, что в результате «путешествие» читателя по блошиному рынку, представленному в нашем тексте, будет увлекательным.

***

Три конкретных примера авторефлексии историка и социолога обнаруживают специфику «лирической историографии» как своего рода эстетической программы в рамках исследований культуры. В ней ученые опираются на собственный опыт, ориентируются на нестандартное, рискованное мышление², готовы к экспериментированию в области методологии и форм репрезентации исследовательского результата, уважительно относятся к своим героям и читателям, несут ответственность за плоды своего труда. Вряд ли описанные подходы, ставящие перед исследователем весьма непростые задачи и чреватые очевидными рисками, могут рассчитывать на широкое признание и применение в профессиональном историческом цехе. С другой стороны, на кону — контролируемая субъективность историка как могущественная сила в его исследовательском арсенале. Так почему бы и не рискнуть?

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384–391.
- Герасимова Е., Чуйкина С. Общество ремонта // Неприкосновенный запас. 2004. № 3.
- Гинзбург К. Судья и историк. Размышления на полях процесса Соффи. М., 2021.

¹ Ханаева Д. Герцоги республики в эпоху переводов... С. 178–179.

² См.: Gumbrecht H.U. Riskantes Denken // Gumbrecht H.U. Der kritische Blick. Über intellektuelle Tätigkeiten und Tugenden Uwe Justus Wenzel. Frankfurt / M., 2002. S. 140–147; Гумбрехт Х.У. Должны ли гуманитарные науки быть научными? // Неприкосновенный запас. 2004. № 3 (35); Он же. Ледяные объятия «научности», или Почему гуманитарным наукам предпочтительнее быть “Humanities and Arts” // Новое литературное обозрение. 2006. № 81.

- Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке. М., 2000.
- Гирц К. Постфактум. Две страны, четыре десятилетия, один антрополог. М., 2020.
- Годелье М. Загадка даров. М., 2007.
- Гумбрехт Х.У. Должны ли гуманитарные науки быть научными? // Неприкосновенный запас. 2004. № 3 (35).
- Гумбрехт Х.У. Ледяные объятия «научности», или Почему гуманитарным наукам предпочтительнее быть “Humanities and Arts” // Новое литературное обозрение. 2006. № 81.
- Дэвис Н.З. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века. М., 1999.
- Зверева Г.И. Роль познавательных «поворотов» второй половины XX века в современных российских исследованиях культуры // Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов. М., 2001.
- Иванов В. Антропологический поворот: регуманизация гуманитариев? XIX Банные чтения // Новое литературное обозрение. 2011. № 111 (5). С. 413–428.
- Калугин В.К. Вселенский базар: Книга о рынках, базарах и ярмарках, их истории и многообразии. СПб., 1998.
- Козлов С. «Определенный способ заниматься наукой»: Карло Гинзбург и традиция // Гинзбург К. Мифы–эмблемы–приметы: морфология и история. М., 2004.
- Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005.
- Кукулин И. Фотографическое печенье «мадлен» // Новое литературное обозрение. 2008. № 92 (4). С. 211–224.
- Латур Б. Об интеробъективности // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 2.
- Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. М., 2001.
- Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010.
- Мишле Ж. Ведьма. Киев, 1994.
- Нарский И., Нарская Н. Незаметные истории, или Путешествие на блошинный рынок (Записки дилетантов). М., 2022.
- Нарский И.В. Антропологизация авторства: приглашение к лирической историографии // Новое литературное обозрение. 2012. № 115 (3). С. 56–70.
- Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио-историко-графический роман). Челябинск, 2008.
- Реброва И. Фотография как свидетель современности // Ab Imperio. 2012. № 3. С. 442–448.
- Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009.

- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.
- Ровный Б.И. Введение в культурную историю. Челябинск, 2005.
- Сафрански Р. Хайдеггер: Германский мастер и его время. М., 2002.
- Секиринский С.С. Западный контекст, российская почва, личность историка // Отечественная история. 2008. № 6. С. 161–163.
- Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге. М., 1991.
- Хапаева Д. Герцоги республики в эпоху переводов: Гуманитарные науки и революция понятий. М., 2005.
- Щепанская Т.Б. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. №1 (21). С. 139–161.
- Щепанская Т.Б. Полевик: фигура и деятельность этнографа в экспедиционном фольклоре (опыты автоэтнографии) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 2.
- Эткинд А. Два года спустя // НЛО. 2001. № 47.
- Янковская Г.А. Анти-Хаксли, или Миссия выполнима // Диалог со временем. 2009. № 28. С. 335–341.
- Benjamin W. Das Passagen-Werk // Gesammelten Schriften. Bd. V, 2. Frankfurt/M., 1982.
- Bloch E. Geist der Utopie. Frankfurt / M., 1978.
- Brown K. Manual for Survival: A Chernobyl Guide to the Future. London, 2019.
- Burke P. Augenzeugenschaft. Bilder als historische Quellen. Berlin, 2003.
- Burke P. Overture: the New History, Its Past and Future // New Perspectives of Historical Writing / Ed. P. Burke. University Park, PA. 1992. P. 1–23).
- Cohn E. Narskii I.V. Fotokartochka na pamiat’: Semeinye istorii, fotograficheskie poslaniia i sovetskoe detstvo (Avtobio-istorio-graficheskii roman). Cheliabinsk: Entsiklopedia, 2008. 515 pp. // Russian Review. 2009. № 9. P. 720–721.
- Corbin A. Auf den Spuren eines Unbekannten. Ein Historiker rekonstruiert ein ganz gewöhnliches Leben. Frankfurt/M; NY., 1999.
- Damsar. Der Flohmarkt als Spiegel sozialer Komplexität // Hauschild T., Warneken B. (Hg.): Inspecting Germany. Internationale Deutschland-Ethnographie der Gegenwart. Münster, 2002. S. 141–171.
- Damsar. “Fleamarket” in a German town: A Study in Economic Sociology. Bielefeld, 1998.
- Fürst J. Flowers through Concrete: Explorations in the Soviet Hippieland and Beyond. Oxford, 2021.
- Gebhardt P. Der Markt gebrauchter Güter, theoretische Fundierung und empirische Analyse. Hamburg, 1986.
- Goertz H.-J. Umgang mit Geschichte. Eine Einführung in die Geschichtstheorie. Hamburg, 1995.

- Grüner F. Microcosm Bazaar. Markets as Places of Cultural Encounters and Areas of Conflict // Abu-Er-Rub L., Brosius C. u.a. (ed.) Engaging Transculturality: Concepts, Key Terms, Case Studies. London, N.Y., 2019. S. 122–135.
- Gumbrecht H.U. Riskantes Denken // Gumbrecht H.U. Der kritische Blick. Über intellektuelle Tätigkeiten und Tugenden Uwe Justus Wenzel. Frankfurt / M., 2002. S. 140–147.
- Hard G. u.a. Ein Flohmarkt im Bonner Hofgarten — Zur Wirklichkeit und zum Alltagsmythos eines Flohmarktes // Urbs et Regio. 1984. Nr. 32. S. 121–176.
- Heller H. Über den Umgang mit Tradition auf Trödelmärkten. Otto Koenig 70 Jahre. Kulturwissenschaftliche Beiträge zur Verhaltensforschung. Matreier Gespräche. Wien; Heidelberg, 1984. S. 199–210.
- Jüngst P., Rabemüller T. Zur Rezeption “öffentlicher” und “privater” Flohmärkte in Bevölkerung von Stand und Umland: Fallbeispiele Kassel und Marburg // Urbs et Regio. 1984. Nr. 32. S. 247–264.
- Jüngst P. Zu den Einkaufs-, Freizeit- und Kommunikationsstrukturen auf öffentlichen und privaten Flohmärkten — vorläufige Ergebnisse anhand zweier Fallstudien in Kassel und Marburg // Urbs et Regio. 1984. Nr. 32. S. 97–120.
- Karl W. Flohmarkt. Träume aus zweiter Hand. Freiburg i.Br., 1988.
- Karl Schlögel: Y. Slezkine. House of Government. URL: <https://www.hsozkult.de/publicationreview/id/rezbuecher-28214?title=y-slezkine-house-of-government&recno=2&q=Schlögel&sort=newestPublished&fq=&total=64> (дата обращения: 28.02.2018).
- Narskii I. Archaeology of a Lost World and Remembering Soviet Life // Kritika. 2019. No. 4 (Fall 2018). P. 891–906.
- Narskij I. Fotografie und Erinnerung: Eine sowjetische Kindheit. Wissenschaft als Roman. Köln; Weimar; Wien, 2013.
- Niethammer L. (Hg.) Lebenserfahrung und kollektives Gedächtnis. Die Praxis der “oral history”. Frankfurt/M., 1980.
- Pomian K. Der Ursprung des Museums. Vom Sammeln. Berlin, 1993.
- Porath Y. u.a. Ein Flohmarkt für Kassel // Urbs et Regio. 1984. Nr. 32. S. 177–208.
- Porath Y. u.a. Kurzportraits deutscher Großstadtflohmärkte — Stuttgart, Frankfurt / M., Münster, Bielefeld und Hannover // Urbs et Regio. 1984. Nr. 32. S. 209–246.
- Schlögel K. Das sowjetische Jahrhundert: Archäologie einer untergangenen Welt. München, 2017.
- Weiss W.M. The Bazaar: Markets and Merchants of the Islamic World. London, 1998.
- Winter G. Trödelmärkte: eine empirische Untersuchung zur sozialen und ökonomischen Struktur einer Institution privater Öffentlichkeit. Göttingen, 1996.

Войцех Вжосек

ЗАМЕТКИ О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ «НЕПОНЯТНОСТИ» МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Теория истории, методология истории, историософия — все они артикулируют философские проблемы, касающиеся исторического мышления и исторического познания¹.

Конечно, можно игнорировать современные достижения этих дисциплин и, следуя стандартам методики исторического исследования, заниматься профессией историка². Так и поступает большинство исследователей без особого ущерба для своих результатов. Особенно тогда, когда исследование проводится по образцу того или иного классического труда. Результативность такой процедуры часто является достаточным показателем профессионализма. Стихийно присваиваемой и рефлекторно используемой «грамматики»

¹ Представленные ниже тезисы достаточно полно обоснованы в моих работах, прежде всего в: “O myśleniu historycznym, Oficyna Wydawnicza Epigram” (Bydgoszcz, 2009), а также “Historia — Kultura — Metafora. Powstanie nieklasycznej historiografii”. Fundacja na Rzecz Nauki Polskiej (Wrocław: Leopoldinum, 1995; 2 изд. WNUWr, 2010).

На русском языке см.: Вжосек В. Культура и историческая истина. М.: Кругъ, 2012 (прим. пер.).

Эта короткая цитата демонстрирует мою позицию: «...для человека невозможно “видение” мира таким, каким он есть “сам по себе”, незаинтересованное его “видение с позиции Господа Бога” (Hilary Putnam). Мир — всегда мир „для нас” и со всей определенностью не может быть другим, а потому и “создает” его, организует его наша заинтересованность, связанная с тем, что мы хотим в нем и с ним сделать, а также тот “материал”, который используется в ходе этой организации мира (мы ведь никогда не “создаем” мира из ничего), а кроме того и наша способность к организации мира, т. е. способность описывать его при помощи языка» (Kmita J. Różny wnuk filozofii. Wprowadzenie do kulturoznawstwa. Poznań: Bogucki Wydawnictwo Naukowe, 2007. S. 187).

² Однако мэтры методики исторического исследования являются одновременно и классиками в области рефлексии по поводу исторического познания. И.Г. Дройзен, Р. Коллингвуд, М. Блок, М. Хандельсман, М. Конопчинский, Е. Топольский пересекали границы методики в сторону методологии или историософии. Быть может, потому они и стали мэтрами методики исторического исследования, что сознательно обосновывали ее при помощи теории познания?

или, быть может, — «поэтики исторического дискурса» достаточно для того, чтобы быть полноценным историком¹. Обычно методика исторического исследования для многих историков и составляет границу профессиональной рефлексии.

Метаисторическая рефлексия занимается изучением того, какая именно логика, грамматика или же — какая поэтика исторического дискурса стоит за тем, что говорит и пишет историк. Если мы признаем, что за литературным языком и созданной на нем наррации стоят определенные грамматика, жанр и поэтика, то и с историческим дискурсом ситуация выглядит подобным же образом². Моя сфера — не столько использование определенного исторического языка, сколько своего рода языкознание (теория языка, лингвистика...). Теория исторического мышления и формы его артикулирования³.

¹ Подобно тому, как можно прекрасно владеть родным языком, писать на нем и одновременно не представлять себе, как выглядит ни одно из его синтаксических, семантических или фонетических правил. Ситуация, однако, меняется при сравнении академического образования в области литературы или языка с историческим образованием. В этом случае становится совершенно ясно, почему выпускник этих специальностей должен получить образование в области языкознания и литературоведения, теории и истории литературы и языка и т. д., а поэт или прозаик могут без этого обойтись (*Wrzosek W. Prawda stosowana korporacji historyków wobec prawdy filozofów // Wielokulturowe środowisko historyczne Lwowa w XIX i XX w. T. V / pod redakcją J. Maternickiego i L. Zaskilniaka, WURz, Rzeszów 2007. S. 17–23*).

² Классиками этого жанра являются среди прочих Владимир Пропп, Поль Рикер, Ролан Барт, Хайден Уайт, Франклин Анкерсмит, а также Ольга Фрайденберг... и десятки современных «метагуманистов».

³ *Wrzosek W. Wstęp, Problemy współczesnej metodologii historii, zbiór rozpraw pod redakcją Wojciecha Wrzoska. Epigram, Bydgoszcz, 2009. S. 7–18*. В области мета-рефлексии по поводу исторических наук, а также по поводу исторической культуры я уже годами использую метафизический универсум исторического мышления. Недавно я наткнулся на высказывание, которое, как мне представляется, соответствует моим взглядам. Один из «крестных отцов» Тартуско-московской школы, *enfant terrible* этой среды Александр Пятигорский так определил роль философии и роль философа в интеллектуальном пространстве: «Философия в принципе — и это блестяще понимал Лейбниц (хотя это прекрасно понимал и Спиноза) — занимается не предметом, каков бы он ни был, а мышлением о предмете. Философия постигает свой конкретный предмет, любое конкретное содержание только через мышление о нем, собственное мышление философа, прежде всего. Философ — это философствующий сначала над своим собственным мышлением и только потом — над тем, о чем он мыслит, и над другими мышлениями» (*Пятигорский А. Что такое политическая философия. М.: Европа, 2017. С. 8*).

Возникает вопрос, почему методология исторических наук сталкивается с проблемами, похожими на те, какие имеют место в философии гуманитарных наук?¹ Представляется, что ответ на этот вопрос достаточно прост, и он уже сформулирован нами. Методология истории — это философская дисциплина *sui generis*. Ее основные методологические вопросы — это вопросы теории познания. Причем, со времени возникновения современного понятия науки они также являются вопросами теории научного познания. Нет ничего удивительного в том, что методологические поиски в таком образом понимаемом проблемном поле наталкиваются на системные проблемы, характерные для философской теории исторического познания.

Эти проблемы в принципе чужды тем, кто занимается методикой исторического исследования и большинству историков. Погруженные в свою работу, они занимаются ею так, как будто бы этих проблем и не существовало.

Эпистемология, *de facto* стоящая за исследовательской практикой классического историка, является наивно-романтической, осененной ареолом очевидности. Однако приобретенная таким образом очевидность сталкивается с критикой. Исследовательские вопросы, которые могут возникнуть на основе проблематики теории познания, появляющиеся в научном дискурсе истории как научной дисциплины или «родственных» дисциплин, представляются весьма далекими от прямолинейно понятого познавательного процесса. Всякие методологические высказывания на тему сложности процесса исследования отклоняются как псевдопроблемы, теоретические вымыслы, или теоретико-метафизические рассуждения. В конкретных же исторических исследованиях преобладают установившиеся еще в XIX веке представления об историческом познании и исследовании. Некоторые из них уже тогда были объектом острой критики.

¹ Внимательный читатель, вероятно, уже заметил, что я ставлю рядом науки о культуре и исторические науки. В другом месте я объясняю, что дисциплины, скрывающиеся под названием исторические науки, равно как и называемые науками о культуре, являются в итоге науками о человеке. В этом общем смысле историография — наррация о культуре прошлого, подобно тому, как исторические науки о культуре — это история культуры (культур).

Классический историк в своих убеждениях и в своей исследовательской практике не может противостоять необычно сильно укорененному метафизическому реализму, подчиняясь «объективизму евнуха», как уже в пятидесятые годы XIX века назвал эту позицию Густав Дройзен. Это целостно понятая, чреватая последствиями, суть ментальность традиционного историка. Вот как комментирует эту позицию Вахсмут (Wachsmuth):

«(...) освобожденный от всех уз национальности, от всех искушений и взглядов партии, сословия, от всякой религиозной ангажированности, свободный от предрассудков и эффектов, за исключением любви к истине и достоинства [историк — прим. ред.], творит sine ira et studio произведение для вечности»¹.

А так это комментирует автор известной «Историки»:

«Благодарю покорно, это объективность евнуха. Я же хочу не больше, но и не меньше, чем иметь относительную истину моей точки зрения, достичь какую позволили мне мое отечество, мои политические и религиозные убеждения, мои серьезные занятия»².

Неприятие методологии и метаисторических рефлексий обычно оправдывается т. н. «непонятностью методологии». Причем это популярное обвинение смело высказывается особенно тогда, когда его автор рассчитывает на овации мыслящей схожим образом группы поддержки. Чем больше сторонников тезиса о «непонятности» методологии, тем охотнее он провозглашается. Мнения о замысловатости, непонятности, мутности методологических текстов не нужно даже обосновывать, достаточно просто сослаться на vox populi «настоящих историков». Мнение о ненужности метаисторической рефлексии формулируют именно те, кто в ней ничего не понимают. Этому спо-

¹ Wachsmuth E.W.G. Entwurf einer Theorie der Geschichte / Hg. Von R. Hübner. München, 1958. S. 188. Цит. по: Droysen G.J. Historyka (фрагменты) (в:) Opowiadanie historii w niemieckiej refleksji teoretycznoliterackiej i literaturoznawczej od oświecenia do współczesności / wybór, przekład i opracowanie Jerzy Kałużny. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2003. S. 122.

² Дройзен И.Г. Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб.: Владимир Даль; Фонд «Университет», 2004. С. 411.

собствует, повторяюсь, и то обстоятельство, что научные карьеры делают и те, кто гордится игнорированием методологии. В свою очередь, среди тех, кто дали себе труд понять классиков метаистории, трудно найти тех, кто ею пренебрегает.¹

Представляется, что под непонятностью в значительной степени здесь понимаются остальные перечисленные выше «дефекты», приписываемые методологии. Некоторые из них (замысловатость, мутность) и создают пресловутую «непонятность».

Для того, чтобы поразмышлять над этой проблемой, а именно над вопросом о том, почему же методология исторических наук считается непонятной дисциплиной, я воспользуюсь идеями Романа Ингардена и Ежи Кмиты. Оба философа — один, рассуждая о «непонятности» философии и науки, другой о «недоразумениях» между автором и читателем текстов, прежде всего академических, — углубляют, как мне представляется, эту проблему.

«Можно выделить два уровня непонятности философии и науки, абстрагируясь для упрощения от того, что на практике каждый из них репрезентирован самыми низкими ступенями соответствующей лестницы прогресса: радикальный и технический. Радикальная непонятность имеет более фундаментальный характер. Она основана на невозможности ухватить тот вопрос, на который данный текст “хочет” ответить. Ухватить этот вопрос означает, как я полагаю, суметь представить себе, по крайней мере, в общих чертах, (возможные) ответы на него. Техническая непонятность, в свою очередь, основана на том, что вопрос, действительно, удастся ухватить, однако

¹ Тот, кто знакомится с чуждым себе дискурсом находится в ситуации, похожей на положение адепта, описываемое Юзефом Миттерером (Josef Mitterer): «в университете, прежде всего в первые семестры обучения, полномочия приписывания таких определений, как “истинный” и “ложный”, принадлежат прежде всего тем, кто обучает, а не тем, кто учится. Говорится о том, что на этом этапе студенты и студентки еще не имеют достаточных знаний, позволяющих им ставить под сомнения взгляды тех, кто их обучает, и оценивать их как истинные или ложные. Сначала они должны получить знания, необходимые для того, чтобы подвергать сомнению и критике своих учителей. Однако эти знания можно получить, упрощенно говоря, только в виде той или иной доктрины. А когда эти доктрины уже будут восприняты студентами, говорить об их критике станет весьма трудно». — Mitterer J. Ucieczka z dowolności / przeł. A. Zeidler-Janiszewska. Warszawa: Oficyna Naukowa, 2004. S. 53.

сама структура аргументации, стоящая за предложенным в тексте ответом на него, остается за рамками рефлексии»¹.

«Непонятность» в том смысле, в котором об этом говорит Кмита, — это ситуация, в которой читатель оказывается перед лицом текста или области знания. Ингарденовское же «непонимание» выявляет отношения между автором и читателем, указывает на участие в нем обеих сторон. «Непонятность» Кмиты вытекает из недостатков самой философии, отягощенной фундаментальной «внутренней непонятностью», феноменолог же, в свою очередь, делает ответственным за непонимание автора текста².

Непонимания между читателем и автором могут иметь двойкий источник — так Ингарден начинает раздел «О вопросе вообще», — «во-первых, оно заключается в том, что читатель не знает, как последовать за мыслью автора, а, во-вторых, в том, что он не может этого сделать, так как автор неясно и многозначно поясняет ему, в чем именно состоит содержание вопросов, являющихся источником и предметом изучения. Читатель же ошибочно или неточно информированный о проблеме, уже все

¹ Kmita J. *Różny wnuk filozofii*. Poznań: Wstęp do kulturoznawstwa, 2007. S. 184. Один из создателей Познаньской методологической школы, кроме реноме выдающегося философа, также имеет репутацию создателя трудных для понимания текстов. Он и сам это знал.

² Мы не будем углубляться в этот вопрос. Поясним лишь то, что Кмита представляет тех философов, которые, правда не так, как Колаковский, склонны полагать, что фундаментальные философские проблемы являются неразрешимыми с незапамятных времен, потому что кажутся неразрешимыми в принципе, но полагает, что в будущем может оказаться, что так есть, но может также оказаться, что они разрешимы.

«Я думаю, что ему не удалось (Эдмунду Гуссерлю — прим. В.В.) открыть некое самодостаточное основание нашей мысли, но его усилия не были бесплодными; по моему мнению, вся феноменология стала самой значительной и самой важной в нашем столетии попыткой добраться до первоначальных источников познания». — *Kołodkowski L.* Husserl i poszukiwanie pewności / Tłumacz Piotr Marciszuk. Aletheia, Warszawa, 1990. S. 8. Мало того, в мире философии, по мнению Кмиты, «ни в какие исторические времена среди профессиональных философов не возникало общего понимания актуальных для всех фундаментальных вопросов. Именно поэтому философские тексты являются радикально непонятными внутренне для профессионального сообщества философов определенных эпох». — *Kmita J.* *Różny wnuk...* S. 185. Я бы добавил к этому то, что та великолепная плеяда аналитических философов и неопрагматистов (назову хотя бы нескольких из них — Джеймс, Витгенштейн, Айдукевич, Куайн, Патнэм, Давидсон, Рорти) позволила мне понять, что благодаря их прекрасным усилиям, не столько оказались разрешенными многие фундаментальные проблемы философии, сколько оказались отвергнутыми многие существующие их решения.

исследование читает под определенным углом зрения, который сам автор совершенно не имел в виду. Поэтому во избежание непонимания, необходимо ясно и однозначно формулировать изначальные вопросы исследования»¹.

Легко заметить, что для обоих философов основная причина непонятности/несогласия между автором и читателем заключается в неправильном понимании читателем тех вопросов, которые ставит автор текста. Но если Ингарден «винит» за это прежде всего автора текста, который иногда недостаточно точно формулирует те вопросы, которые себе ставит, Кмита обвиняет или «саму природу» той дисциплины, в рамках которой возникает текст, или же недостаток компетенций у читателя. Добавим, что ученик Гуссерля оставляет в стороне рассмотрение возможности того, что читатель просто не знает, как последовать за мыслью автора. В самом деле, в отличие от Кмиты, он не уточняет, почему именно так происходит, допуская, тем не менее, что читатель просто не знает, как прочитать те вопросы, на которые отвечает текст².

Поэтому прежде всего мы исходим из того, что и радикальное непонимание в смысле Кмиты, и несогласие Ингардена связаны, тем не менее, с ролью тех вопросов, которые ставит автор текста; выявление же этих вопросов делает возможными как понимание, так и согласие³.

Мнение Ричарда Рорти о том, что философские тексты находятся где-то между «поэтическим языком» и «языком науки», я распространю, по причинам указанным выше, и на методологические тексты. В зависимости от темперамента, теоретизирующий историк, или теоретик

¹ *Ingarden R.* *Z teorii języka i filozoficznych podstaw logiki*. Warszawa: PWN, 1972. S. 327.

² Кмита допускает такую ситуацию, когда непонимание проистекает из-за отсутствия у читателя компетенции в той области, которой посвящен текст. Говоря об академических, в том числе гуманитарных компетенциях, он утверждает, что «как радикальное, так и техническое непонимание научных текстов в сущности может быть преодолено. Их в состоянии преодолеть не что иное, как профессионализация — приобретение соответствующих компетенций (*Kmita J.* *Różny wnuk filozofii*. Wstęp do kulturoznawstwa. Poznań, 2007. S. 184).

³ Эти вопросы рассматриваются детально в тексте, который я готовлю в настоящее время.

историографии, склоняется к одной из этих позиций. Одни желают говорить об историографической операции, используя «частный язык», другим же нужен для этого «язык публичной аргументации»¹.

Одни тексты, те, которые ближе к поэзии, бывают непонятны в силу своей «литературности», метафизичности, поэтичности, мистичности²..., другие же в своей научной стилистике бывают непонятны, подобно тому, как бывают непонятны математические и естественнонаучные нарративы для непосвященного.

Сложилось так, что, как и мои учителя, я ожидал, что философия будет для меня непонятна так, как может быть непонятна и наука, но не так, как бывает непонятна поэзия. С этими двумя видами непонимания мы встречаемся, участвуя в жизни культуры. В процессе спонтанной и случайной в сущности культурализации — так, как она нам дана, — мы имеем дело с таинственным миром «частного языка», или/и со сложностью «языка публичной аргументации». Вообще говоря, мы имеем дело с таинственностью или/и сложностью. Мы подлежим и подвергаемся образованию в одной и/или другой ситуации нашего участия в культуре. Они отличаются тем, что один из них мы можем аналитически разложить на логические/нарративные и связанные между собой элементы, другой же как бы не поддается анализу. В направлении первого ведут распространенные повсеместно или профессионализированные алгоритмы анализа, второй же обязан своим успехом «вчувствованию» в подчас неартикулированный климат, контексты, возвышенные нарративы.

Проблема, с которой имею дело я и мне подобные, заключается в том, что исторические науки, как и науки о культуре (гуманитар-

¹ Kmita J. Późny wnuk filozofii. Wstęp do kulturoznawstwa. Poznań, 2007; Szahaj A. Ironia i miłość. Neopragmatyzm Richarda Rorty'ego w kontekście sporu o modernizm. Wrocław, 1996; Kmita J., Pałubicka A. Problem użyteczności pojęcia doświadczenia // Poszukiwanie pewności i jego postmodernistyczna dyskwalifikacja / red. J. Such. Poznań: Wydawnictwo Naukowe IF UAM, 1992.

² Я имею в виду те записи и свидетельства мистических практик, которые артикулируются в языке или на письме. Более того, непонимание возникает тогда, когда, привыкнув к аргументации, свойственной миру науки, начинают рассматривать нарративы, основанные на поэтике субъективного представления, как что-то мутное и запутанное, а, в свою очередь, читатель, привыкший к метафизике, оказывается недоверчив к научному жаргону, который представляется ему сектантским и герметичным.

ные науки), предлагают нам в значительной мере дискурсы, обреченные на то, чтобы до конца не быть ни публичным, ни частным языком, а скорее, быть и тем, и другим одновременно. Поэтому нужно заниматься ими в определенной избранной перспективе. Если мы не справляемся с одними, то можем выбрать себе иные, более дружественные дискурсы. В итоге, выбор того способа рефлексии, которым мы будем пользоваться, зависит от ранее полученной культурной компетенции и интеллектуального темперамента.

До-академическое и особенно академическое образование вдохновляет нас на распространение исторического знания как языка публичной аргументации. В результате, это готовит нас к участию в такой форме историографии, в такой разновидности знания, которые предпочитают т. н. «научный дискурс». Однако по причине того, что это знание представляет классический способ концептуализации, основано на традиционных историографических метафорах, пропагандирует традиционные исторические повествования, de facto погружая мышление ученика в мир классической историографии, оно легко поддается проникновению пропагандистских представлений о прошлом. По причине своей ментальной близости к исторической беллетристике и исторической публицистике, и вопреки ожиданиям своих сторонников, оно формирует культурные компетенции ученика в значительной степени в рамках понимания истории как «частного языка». Это происходит потому, что вне-научные и выходящие за пределы учебника образы прошлого имеют более сильное воздействие на исторические представления большинства молодых людей, чем школьное образование.

Переходя порог академического образования, мы встречаемся с недопониманиями технического характера, а также время от времени и с радикальными непониманиями в сфере как «частного языка», так и «языка публичной аргументации». Метаисторическая рефлексия является клиническим случаем последней ситуации. Она может оказаться непонятной уже только потому, что является именно научной, в отличие от понятной, в сущности относящейся к миру повседневности, до-академической истории. Эта последняя является понятной в том числе и потому, что пребывает в мире привычных категорий мышления адепта истории, а также в мире практически уловимых состояний, явлений, событий. В мире повседневного социального опыта преобладают явления, освоенные еще на самых ранних этапах социализации.

Они являются последовательностью практически, чтобы не сказать «с абсолютной самоочевидностью», освоенных состояний вещей в мире. Они живут в реальности, проникнутой основополагающими текстами: сказками, баснями, мифами, художественной литературой для детей, популярными произведениями аудиовизуальной культуры, медиа и исторической беллетристикой. Реальность классической историографии и школьная история на понятийном уровне соразмерны повседневному образу мира¹. Представления ученика обычно имеют дело с наблюдаемой реальностью².

Непонятность академической метаисторической рефлексии возникает именно из этой ее несоразмерности тому миру повседневных представлений, которые предлагаются до-академическим образованием. Однако чем больше в интеллектуальном багаже студента прорастают метаисторические идеи, тем легче он учится новому языку и координирует с ним мир своих убеждений и устремлений. Чем больше оказывается дремавших до сих пор вопросов, тех, которые были для него немыслимы тогда, когда он знакомился с классической реальностью традиционной историографии, тем выше шансы на присвоение метаисторической проблематики³.

¹ Понятие «перспективы непосредственной антропоморфизации» выражает именно те черты реальности, которые представлены в классической историографии. Можно сказать, что речь идет о тех представлениях, которые являются привычно очевидными и производными от них. — *Wzosek W. Historia — Kultura — Metafora...* S. 128.

² Мало тут понятий, т. е. неочевидных представлений. Так, их отделил уже Аристотель, а размышляли Мейнонг и Казимеж Твардовский. — *Twardowski K. O istocie pojęć. Lwów, 1924.*

³ Если принять, как мы это делаем, что невозможно, с одной стороны, мыслить о том, что ничем не является, а также представляется невозможным, с другой стороны, чтобы можно было мыслить об А, не рефлексировав о том, что мыслишь об А. Мне близко то представление, что мышление является разновидностью автокоммуникации. Тогда также мышление по поводу А и мышление над мышлением по поводу А составляют стороны т. н. «внутреннего диалога». Я согласен с теми, кто утверждает, что философия — это не мышление об А, а скорее, рефлексия о мышлении по поводу А. Наш адепт до-академического знания лишь в минимальной степени развивает «мета»-подход к собственному мышлению. Однако определенная доза примитивного «мета»-мышления содержится уже в примитивном Я. Речь идет о том воображаемом моменте, когда кто-то «в первый раз» произнес «я». Например, «Я есть». В этот самый дейктический Я содержится «минимум существования». Однако в целом это не говорит в пользу того, что большинство студентов/выпускников исторической специализации развило в себе эти способности до уровня академического метаисторического мышления. Систематического и в дисциплинарной форме.

Предметом метаисторической рефлексии становится иной круг проблем, сформулированных в иной сфере, чем та, в которой история до сих пор разыгрывалась, как, например, событийная история политической жизни, национальная или региональная история... Предметом рефлексии становится сама историческая наука, историческое мышление. Когда объектом интереса становится т. н. историческая наука, историографическая операция, историография, для сознания доморощенного историка возникает новая перспектива, с которой видно что-то новое. Проблемное поле мышления «мета» обставлено совершенно иначе.

Самым простым рефлекторным защитным движением перед трудностями освоения иных миров является отделение себя от них. Отделение их от мира классического знания о том, что происходило в прошлом. Перечень вопросов, свойственных метаисторическому мышлению, обычно не удается систематизировать и рационализировать в пространстве мышления адепта, такого, каким оно было до сих пор. Не существует поля общих ассоциаций, делающих возможными понимание и интерпретацию, которые можно было бы использовать для освоения новых категорий и новых данных. Их нужно практически создать заново. Метаисторические дисциплины конституированы гносеологически — это новость для стандартного исторического сознания. Пространство, в котором происходит мышление такого рода, до сих пор не было систематически рассмотрено при помощи типичного до-академического обучения. Бывает и так, что и выпускник исторического факультета, и профессиональный историк не проводят того внутреннего диалога, одной из сторон которого является метаисторическая рефлексия¹.

Для потребителя «нормальной истории», для читателя работ классической историографии, истории из учебника существует только радикальная версия стратегии дуалистического способа говорить

¹ С моей точки зрения, было бы прекрасно, если бы было возможно в момент поступления на историческую (гуманитарную) специальность определять способность кандидата к метаисторической рефлексии. Обычно же проверяются возможности памяти, способность студента к номинальному запоминанию. На уровне исследователя речь, в свою очередь, идет о его способности привлекать большое количество данных источников.

и мыслить¹. Я/мы — здесь, сейчас, по «эту» сторону, и «та» сторона — прошлое. Раннее школьное изложение истории практически не содержит даже и посредника в виде исторических источников, которые якобы опосредованно сообщают о том, что происходило, имело место в более или менее отдаленном прошлом². О том, как когда-то было, рассказывает учитель, учебник, вспомогательная литература, кино. Даже тогда, когда в дело создания убедительного образа прошлого вмешиваются исторические источники, познавательная ситуация адепта исторического знания по сути своей не меняется. Исторический документ вместе с нарратором сообщает слушателям о том, что было. Их знание о прошлом сводится к непосредственному оперированию прошлым. Учитель и ученик оказываются «наблюдателями» событий прошлого. Текст источника не подвергается сомнению с перспективы критики его достоверности. Оценка источников, верификация их самих и их данных, дальнейшее их использование в создании исторического нарратива — это задание для академического образования.

В познавательном горизонте до-академического образования не находится сама историческая наука как познавательная дисциплина, которая исследует и нарративизирует; там находится просто прошлое как таковое³.

Категориальный скачок в мир метаистории — трудный. Пожалуй, он сложнее, чем изучение естественного иностранного языка. Мало того, что для адепта создается заново организованный мир категорий видения, еще и под вопрос ставятся те миры, которые до сих пор создавали историки. Студент/адепт оказывается отделен от прошлого определенным способом мышления о нем, в особенности — авторскими вариантами этого мышления. Научное академическое познание — это не столько изучение прошлого, сколько

¹ Mitterer J. Tamta strona filozofii. Warszawa: Oficyna Naukowa, 1996.

² Источники, т. е. избранные фрагменты из них, обычно являются иллюстрациями, призванными придать больше убедительности повествованию. Осознание необходимости их критики и интерпретации постепенно возрастает до степени, которую можно назвать поп-академической в старших классах до-академического образования.

³ Остается только осознать, насколько обычный человек, историческое образование которого закончилось в средней школе, лишен критического исторического знания. Ясно, что он становится легкой добычей ненаучных дискурсов о прошлом.

изучение авторских нарративов о нем. Поэтому способность к метаисторической рефлексии о них является основой его профессиональной компетенции.

Перевод с польского А.Г. Васильева

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вжосек В. Культура и историческая истина. М.: Крузь, 2012.
- Дройзен И.Г. Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб.: Владимир Даль; Фонд «Университет», 2004.
- Пятигорский А. Что такое политическая философия. М.: Европа, 2017.
- Droysen G.J. Historyka (фрагменты) // Opowiadanie historii w niemieckiej refleksji teoretycznoliterackiej i literaturoznawczej od oświecenia do współczesności / wybór, przekład i opracowanie Jerzy Kałużny. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2003.
- Ingarden R. Z teorii języka i filozoficznych podstaw logiki. Warszawa, PWN, 1972.
- Kmita J. Późny wnuk filozofii. Wprowadzenie do kulturoznawstwa. Poznań: Bogucki Wydawnictwo Naukowe, 2007.
- Kmita J., Pałubicka A. Problem użyteczności pojęcia doświadczenia // Poszukiwanie pewności i jego postmodernistyczna dyskwalifikacja / red. J. Such. Poznań: Wydawnictwo Naukowe IF UAM, 1992.
- Kołakowski L. Husserl i poszukiwanie pewności / Tłumacz Piotr Marciszuk. Warszawa: Aletheia, 1990.
- Mitterer J. Tamta strona filozofii. Warszawa: Oficyna Naukowa, 1996.
- Mitterer J. Ucieczka z dowolności / przeł. A. Zeidler-Janiszewska. Warszawa: Oficyna Naukowa, 2004.
- Szahaj A. Ironia i miłość. Neopragmatyzm Richarda Rorty`ego w kontekście sporu o modernizm. Wrocław, 1996.
- Twardowski K. O istocie pojęć. Lwów, 1924.
- Wachsmuth E.W.G. Entwurf einer Theorie der Geschichte / Hg. Von R. Hübner. München, 1958.
- Wrzosek W. Historia – Kultura – Metafora. Powstanie nieklasycznej historiografii. Fundacja na Rzecz Nauki Polskiej. Wrocław: Leopoldinum, 1995 (2 wyd. – WNUWr, 2010).
- Wrzosek W. O myśleniu historycznym. Bydgoszcz: Oficyna Wydawnicza Epigram, 2009
- Wrzosek W. Prawda stosowana korporacji historyków wobec prawdy filozofów // Wielokulturowe środowisko historyczne Lwowa w XIX i XX w. T. V / pod redakcją J. Maternickiego i L. Zaskilniaka. Rzeszów: WURz, 2007. S. 17–23.
- Wrzosek W. Wstęp, Problemy współczesnej metodologii historii, zbiór rozpraw / pod redakcją Wojciecha Wrzoska. Bydgoszcz: Epigram, 2009. S. 7–18.

О.В. Воробьева

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОДИССЕЯ А.ДЖ. ТОЙНБИ

Я не раскрыл бы истины, если бы не прошел Путь.
М. Мамардашвили

Относительно недавно мне попала на глаза лекция Юргена Остерхаммеля¹, прочитанная по поводу присуждения ему премии Тойнби одноименным Фондом в 2017 г. Фонд Тойнби был основан в 1983 г. с целью поощрения ученых, вносящих «значительный вклад в изучение мировой истории». И действительно среди призеров Фонда можно обнаружить такие широко известные имена, как А. Шлэзингер мл. (1992), Дж. Кеннан (1994), Б. Мазлиш (1997), Н.З. Дэвис (2000), У. МакНил (2008), Д. Чакрабарти (2014), К. Бейли (2016) и др.² Фонд Тойнби — это не Общество Тойнби. Он создан не для чествования великого человека, и потому от лауреатов премии не ждут хвалебных слов в адрес того, чьим именем назван Фонд. Именно такой — критической по своему настрою — была и лекция Ю. Остерхаммеля.

Меня в ней всколыхнул вопрос, который волнует вот уже многие годы, — причины магической привлекательности тойнбианских работ, несмотря на острейшую по своему накалу критику, обрушившуюся на него со стороны профессионального сообщества (и не только). Тот же Остерхаммель подчеркивает, что «большинство из вас, вероятно, не любят Тойнби», и признается, что он далеко не тот владыка, который способен держать его «в интеллектуальном рабстве» — «далекий и странный». Отмечает Остерхаммель и тот факт, что у Тойнби практически не было учеников и совсем мало последователей, тем более таких, которые оказались бы способны напи-

сать первоклассную монографию. «Он был широко почитаем, даже раздут как самый выдающийся историк в мире», однако «мало кто из его коллег согласился бы с такой оценкой», потому что «он, конечно, не был историком историка (курсив мой — О.В.)». После целого ряда подобных эпитетов и оценок Остерхаммель все же вынужден признать «уникальный статус» Тойнби среди «признанных гигантов историографии XX века» и задаться вопросом о причинах столь «загадочного притяжения» его творчества¹.

Ответ он видит в целом ряде факторов, главным из которых является мистер Д. Сомервелл, превративший десять томов «Постижения история» в удобоваримый двухтомник и сделавший эту работу настолько хорошо, что «его тысяча страниц — это действительно суть работы Тойнби»². Значительную роль в успехе Тойнби Остерхаммель отводит ключевому для тойнбианского творчества вопросу «о месте истории во времени и в жизни», возникшему в качестве реакции британского историка на две разрушительные катастрофы XX века. Поиск ответа на этот вопрос, по мнению Остерхаммеля, позволил Тойнби «выбросить за борт весь прогрессистский интеллектуальный багаж XVIII и XIX веков», причем сделать это жестко и без сожалений, звучавших, например, из лагеря О. Шпенглера. Однако приводя вероятностные причины популярности Тойнби, с некоторыми из которых вполне можно согласиться, Остерхаммель по ходу замечает, что «большое количество канонических тем» «Постижения истории» все еще «остаются неразгаданными», а сама книга представляет своего рода «заколдованный сад с тайнами за каждым кустом»³. И тем самым оставляет этот вопрос открытым.

Действительно, Тойнби ведь не был единственным из историков, кто пережил обе мировые войны, и уж точно не самым последовательным сокрушителем прежней интеллектуальной традиции. Мне кажется, что каждый из приводимых аргументов востребованности Тойнби (именно востребованности, а не популярности, ибо популярность всегда имеет временные ограничения) затрагивает

¹ Osterhammel J. The 2017 Toynbee Prize Lecture: “Arnold Toynbee and the Problems of Today”. January 6, 2017 Annual Convention of the American Historical Association. URL: <https://toynbeeprize.org/posts/the-2017-toynbee-prize-lecture-arnold-toynbee-and-the-problems-of-today-jurgen-osterhammel/> (дата обращения: 12.04.2022).

² Toynbee Prize Foundation. URL: <https://toynbeeprize.org/the-prize/> (дата обращения: 12.04.2022).

¹ Osterhammel J. Op. cit.

² Спорное утверждение, если учесть, что за пределами дайджеста остался практически весь комплекс метафизических представлений и методологических интенций автора «Постижения история».

³ Osterhammel J. Op. cit.

какие-то грани этого феномена. Но самое существенное часто остается за пределами внимания. На мой взгляд, оно связано, во-первых, с философско-историческим характером трудов Тойнби — т. е. как раз с тем, за что Тойнби больше всего подвергался нападкам критиков. Как утверждали самые суровые оппоненты британского историка, он объединил худшее из двух сфер: плохую историю и плохую философию. Но любая философия история, если она *состоялась*, это уникальная интерпретация места и роли человека и создаваемых им сообществ в потоке истории, и в силу этого она уже не может не привлекать внимания, ибо заставляет вступать в диалог с собственными представлениями о предельных основаниях мира, человека, познания. И каждое новое поколение будет отыскивать в этом диалоге свои темы и интонации, постоянно актуализируя первоисточник. А если помножить тойнбианскую философию историю на присущее ей невероятно острое чувство современности, критический взгляд на конкретные проблемы вкупе с человеческой и профессиональной честностью, то количество граней, связанных с ее привлекательностью возрастает в разы. Для него нет посторонних тем, он сознательный участник мира, и его «я» равно миру — от человеческого до вселенского. Очевидно, что спецификой философско-исторического взгляда на мир можно объяснить также отсутствие у Тойнби школы и ярких последователей — философско-исторические системы *слишком уникальны*, чтобы поддаваться дополнению и развитию.

Мое «во-вторых» не только продолжает аргумент о востребованности, но также пытается объяснить, почему ни одна другая философия история не вызвала столь противоречивых суждений, причем не столько на уровне оценки (что как раз понятно), сколько на уровне интерпретации. Настолько противоречивых, что одна и та же проблема может трактоваться диаметрально противоположно. Возможно, частично это связано с метафорическим языком работ Тойнби, но тогда с чем связан выбор языка? Думаю, дело не только в его классическом образовании, прекрасном знании канонических текстов или даже образном мышлении. Чем больше я читаю Тойнби, тем отчетливее вижу его постоянное изменение — появление новых акцентов, оговорок, идей, в том числе таких, которые способны дать другое понимание вплоть до опровержения

того, что было написано ранее. Он все время меняется, выходит один — приходит другой, и потому все время как бы ускользает. А иногда и просто не дает внятного ответа, потому что сам не знает или еще не может сформулировать четко, ограничиваясь образными метафорами. Это постоянное изменение не получается описать в терминах развития, потому что не всякая его идея прирастает новыми гранями. Но и не хождение по кругу, а всегда вхождение в другую реку. Возобновление — это не повторение, а бесконечное варьирование, поиск. Преодоление себя собой, т. е. и не преодоление вовсе, а постоянное выявление. Поэтому так трудны и не всегда продуктивны деления на раннего, среднего и позднего Тойнби. Тойнби открывает себя через каждое явление, которое встречается на его пути, в каждом новом шаге, препятствии или встрече. Его самооткрытие есть самопознание через мир, перерастание самого себя — эдакая бесконечная одиссея, заставляющая в какой-то момент задуматься, а есть ли, собственно, сам корабль. Завершая «Постижение истории», Тойнби признался, как сложно ему оказалось пронести определенный набор проблем и идей через всю книгу¹. Но корабль все-таки есть, хотя его идентификация и требует натренированного взгляда. В том числе потому, что есть рекуррентная проблематика, которая волнует Тойнби на протяжении всего творчества, и есть повторяющиеся образы, в которые он оформляет свои ответы, тем самым придавая своим работам внутреннюю когерентность. И те, и другие изначально присутствуют в сознании ученого, последовательным оказывается лишь процесс их выявления и наполнения новыми оттенками — переигрывание одних и тех же смыслов в новых отношениях. Ведь творческой может быть не только интонация, но и смысловое соседство.

Другими словами, помимо философско-исторической привлекательности трудов Тойнби, в них постоянно присутствует элемент встроеной рефлексии, которая всегда так интересна историкам, а в тойнбианском случае — еще и открыта для постоянных ре-интерпретаций. Такой своеобразный катализатор для дискуссий, через которые к тому же очень хорошо просматривается история исторической мысли и трансформации исторической профессии в XX веке.

¹ Toynebee A.J. Study of History. L: Oxford University Press, 1954. Т. 10. P. 242.

***

В тойнбианской одиссее было довольно много больших течений, рек и протоков, чтобы охватить их разом единым взглядом. Поэтому для подтверждения сказанного ранее я остановлюсь только на некоторых аспектах профессии историка, затронутых Тойнби в своем монументальном труде и наиболее часто муссируемых его исследователями и критиками. Центральной из них станет проблема относительности исторического знания, с помощью которой я попробую выйти на другие проблемы деятельности историка, так или иначе связанные с ней.

Казалось бы, в самом начале «Постижения истории», т. е. во введении к нему, Тойнби отчетливо высказывается об относительности исторического мышления. Он прекрасно понимает, что «в каждую эпоху и в любом обществе изучение и познание истории... подчиняются господствующим тенденциям данного времени и места»¹. Именно благодаря им формируются априорные категории, при помощи которых историк пытается осмыслить прошлое². В XX веке такими, с его точки зрения, оказались идеи индустриального общества и национализма, сформированные в XVIII–XIX веках. Под влиянием индустриализации анализ людей и их деятельности уподобился анализу неживой природы³, в результате чего произошло ограничение оригинального поля исторических исследований исключительно открытием и верификацией фактов⁴, и «гончар» превратился «в раба своей глины». Под влиянием национализма это поле ограничилось еще и рамками национальных государств, вследствие чего под угрозой оказалось «глубинное побуждение», имманентно присущее мышлению историков — охватить и понять целостность жизни. Тойнби называет такую позицию «эгоцентризмом».

Однако далее, задаваясь вопросом о том, возможно ли вообще существование поля исторического исследования, не соотносимое с конкретными историческими и социальными обстоятельствами и независимое от историка, Тойнби уходит от прямого ответа на этот

¹ Тойнби А.Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. С. 14.

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же. С. 15.

вопрос. Вместо этого он высказывает предположение, что различие на переднем плане «мерцания относительности», возможно, является первым шагом к фиксации устойчивого и абсолютного объекта на заднем плане исторической мысли. А потому «следующим шагом является исследование возможности существования умпостигаемого поля исторического исследования, независимого от особенностей восприятия, обусловленных местом и временем»¹. Налицо явное противоречие в суждениях историка, и действительно здесь сформулирована дилемма, разрешить которую Тойнби будет пытаться на протяжении всех десяти томов «Постижения истории» (и даже после). С одной стороны, он признает относительность познания, с другой — явно тяготится этим признанием, я бы даже сказала, боится этого, т. к. в этом случае не может пока найти почву под ногами. Тем не менее, следует сделать одно уточнение. Складывается впечатление, что заявляя в самом начале своего труда о поиске возможной независимой от времени и места исследовательской позиции, Тойнби все же имел в виду возможность не нейтральной позиции вообще, а такой позиции, из которой исследователь смог бы нивелировать взгляд, заданный западным нацио-центрическим мышлением, т. е. возникший внутри западного общества в XVIII–XIX веках. В пользу данного предположения говорит то, что Тойнби постоянно связывает проблему относительности исторического познания с задачей преодоления локального, местнического взгляда на историю. Возможность смены оптики настолько захватывает его, что он не продумывает серьезно и не проговаривает четко, почему все свои построения с самого начала называет «интеллигибельными». В пользу данного предположения говорят результаты последовательного анализа десяти томов Тойнби на этот предмет.

В частности, в 1-ом томе он говорит об укоренившейся на Западе иллюзии «эгоцентризма», которую он попытается преодолеть панорамным («звездным») взглядом (I, 160)², и призывает всегда делать скидку на искажение видимости с любой случайной точки зрения. И «если иллюзию невозможно преодолеть, то, по крайней

¹ Там же. С. 21.

² В дальнейшем я буду опираться на английское издание «Постижения истории», потому что в русскоязычном однотомнике эти рассуждения зачастую опущены. Тома и страницы приводятся в скобках.

мере, можно быть настороже». Последнее предполагает разоблачение предвзятых положений путем обращения к обстоятельствам и истории их формирования (фактически — деконструкции) (I, 161). И только к середине своего труда он выходит на другой уровень осмысления данного вопроса. В результате чего у неискушенного читателя и возникает ощущение путаницы.

Это хорошо заметно, если попытаться посмотреть не на отдельные суждения Тойнби по этому вопросу, разбросанные по всему тексту «Постижения истории», а на пулы томов, которыми выходил этот труд — в 1934, 1939 и 1954 годах соответственно. Их внимательное изучение показывает явный отход от первоначальной методологической позиции, зафиксированной в первом пуле.

Прежде всего, следует отметить, что важным предметом исследования для Тойнби внутри выбранного им интеллигентного поля первоначально являются события и процессы, которые могут пролить свет на историю той или иной цивилизации. Британский историк использует довольно много метафор для характеристики своего предмета, самыми повторяющимися из которых являются джунгли или бушующее море, из которых и рождается полотно истории. Иногда первоначальный хаос прошлого возрастает за счет добавления в него гипотез и интерпретаций исследователей. Историк в данном случае рисуется им в образе скаута, навигатора или проводника в штурманской рубке, который должен проложить свой путь в этом хаосе. Насколько объективен и беспристрастен такой исследователь — скаут / навигатор / проводник? Опять-таки Тойнби не дает четкого ответа на этот вопрос, одновременно обращаясь к противоположным образам беспристрастного наблюдателя и субъективно нагруженного исследователя. В результате чего решение этой проблемы в первых томах оказывается как бы отложенным.

Парадоксально, но в первом пуле томов, несмотря на обозначенную во введении критику естественнонаучного подхода в случае его применения к историческим исследованиям, сциентистские интенции Тойнби и его стремление к «объективности» и беспристрастности значительны. Он неоднократно подчеркивает, что «мелькание релятивизма» можно попытаться частично преодолеть «хорошо проверенным научным методом», под которым он прежде всего понимает эмпирический метод, противопоставленный другим под-

ходам — априори ненаучным и трансцендентальным (I, 426). «Наш метод эмпирический; и не существует никакой причины для того, чтобы обращаться к априорному» (I, 146). И далее в третьем томе: «я отказываюсь от немецкой трансцендентности Шпенглера в пользу английского эмпиризма (III, 382).

Тем не менее, в этих же томах присутствуют суждения, в которых он глубже задумывается о природе исторического познания и роли в нем историка как исследователя-проводника (один из самых устойчивых образов тойнбианского творчества). В одном пассаже, например, он сравнивает цивилизации с альпинистами, которые карабкаются вверх в условную гору, а историка — с наблюдателем этого действия, застывшего на одном из верхних уступов. Он осознает, что точка зрения наблюдателя в данном случае ограничена его позицией и открывающейся взгяду сценой, на которой «разные члены группы оказываются в соответствующих позах и положениях». «На первый взгляд мы можем склониться к тому, чтобы провести абсолютное различие между открывшимися нам двумя группами, приветствуя спортсменов-альпинистов и отворачиваясь от застывших фигур как от паралитиков; но, подумав, мы сочтем более разумным воздержаться от подобных суждений» (I, 193). И далее объясняет свои сомнения относительностью позиции исследователя, наличием множества уступов и выступов, которые скрывают начало и развитие этого восхождения, а также бесконечным числом выступов и препятствий, которые ожидают альпинистов впереди (I, 196).

Во второй раз Тойнби обращается к проблеме относительности в связи с осмыслением природы генезиса цивилизаций. Весь комплекс существующих на тот момент объяснений и гипотез на этот счет он сравнивает с билетами, при помощи которых историк попадает в некое «помещение». В результате «мы получаем не добычу, за которой охотимся», а оказываемся, согласно нашему «билету», во вновь открытой стране (I, 270). Таким образом, Тойнби признает теоретическую обусловленность процесса познания. Выход из этой круговерти конфликтующих теорий Тойнби видит в новом типе знания, который должен выработать историк-проводник. И для этого предлагает пойти вслед за Платоном: «закрывать на какой-то момент наши глаза на постулаты науки, для того чтобы настроить наши

уши на язык мифологии» (I, 271). Под мифологией он, конечно, понимает неявно сформулированное знание в виде мифологем, которые он развернет на страницах своего труда: вызов-и-ответ, уход-и-возвращение, внутренний и внешний пролетариат и т. п. В 10-м томе он еще раз вернется к этой мысли, поблагодарив Платона за то, что научил его выходить за пределы разума (X, 228).

Однако до пятого тома это всего лишь отдельные высказывания. Поскольку ритмы и паттерны в жизни цивилизаций Тойнби считает не просто интеллектуальными построениями историка, но такими построениями, которые все-таки не оторваны от реальности, а являются проявлением над-персональной природы Универсума, то научные интенции в первых томах «Постижения истории» очень сильны, а высказывания об «интеллектуальности» исследовательского поля весьма осторожны (I, 51). Двадцать одна вычлененная им цивилизации видятся ему философски эквивалентными и потому сопоставимыми при помощи эмпирического и компаративного научных методов.

Ситуация меняется начиная с 5-го тома, на страницах которого Тойнби признается, что попытка сконструировать 21 цивилизацию является *столь же эмпирической, сколь и субъективной* (V, 373), и, приступая к этому занятию, следует принимать во внимание наличие «тюрьмы, в которую оказались заключены наши западные души». И потому лучшее, что мы можем сделать, это заглянуть за ее «зубчатые стены» и «расширить наше исследовательское поле настолько, насколько это возможно» (V, 374). И тогда «падут стены Иерихона», отделяющие нас от понимания, что интеллектуальным полем исследования должны быть вовсе не отдельные цивилизации, на самом деле являющиеся частью чего-то большего, а высшие религии. «Мы находим, что наше новое поле расширяется в другое, духовное измерение (V, 376).

Мне уже неоднократно приходилось писать о причинах изменения Тойнби предмета исследования почти в середине своего грандиозного труда¹. Комплекс драматических событий, имевших место

¹ См., например: Воробьева О.В. «Между прошлым и настоящим»: судьба и творчество А. Тойнби // История через личность: историческая биография сегодня. М., 2005; 2-е изд. М.: Квадрига, 2010. С. 369–389; Воробьева О.В. Три возраста Арнольда Джозефа Тойнби (очерки интеллектуальной биографии) // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в новое время // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в новое время. М., 2014. С. 773–842.

в личной жизни историка, вкупе с глубоко экзистенциальным переживанием разрушения европейской системы безопасности, привели британского историка к острому мировоззренческому кризису. И эта внутренняя трансформация оказалась не просто лишним дополнением к уже существующим представлениям о природе исторического познания, а качественным методологическим сдвигом в ментальном вояже А.Дж. Тойнби. С этого момента релятивистский мотив начинает усиливаться, актуализируя ключевой для тойнбианского творчества образ историка-проводника.

В 6-м томе историк — это моряк, прокладывающий курс, но курс этот зависит не только от работы историка, но и от того общества, в котором он находится и которое задает границы его деятельности. Как образно пишет Тойнби, каждый историк — это отдельный корабль, ограниченный горизонтами, задающимися его бортом, и лежащими внутри него фактами (VI, 313). Ни сами факты, ни заготовленные заранее исследовательские средства, не могут гарантировать получение эмпирически проверяемого обзора. Не только потому, что не существует универсальных средств, которые можно заготовить заранее, но и потому, что помимо фактов историку нужно что-то еще. В исследовательский процесс вторгается элемент неопределенности — и по ходу исследования, и в виде знания, которое предшествует фактам и оказывается очень полезным для основной цели исторического исследования — поиска глубинных значений истории (VIII, 116). А значение истории не постигается исключительно эмпирическим путем — *в этом процессе должны участвовать и голова, и сердце*, и потому напряжение между ними — не менее важная часть работы историка (VII, 506).

После таких заявлений рефлексия историка относительно эпистемологических установок своего творчества усиливается, и образы джунглей и моря, как стихий, которые укрощает историк, сменяются образом дверей, подбирая ключ к которым историк осмысливает прошлое. «Все эти классификации, анализы и разборы были ключами, которые оказывались полезными насколько, насколько позволяли открыть какие-то двери. Некоторые из них, в том случае если дверь действительно открывалась, являлись подлинными; другие оказывались приспособленными для открытия более чем одной двери. Но вряд ли существует главная отмычка, которая может открыть

все двери, делая предыдущие ключи излишними. Находчивый исследователь все время будет двигаться вперед, съедаемый любопытством в отношении «таинства истории» ... И когда он в своем интеллектуальном приключении будет подходить к новой двери, сначала он будет искать, не подойдет ли какой-либо из существующих ключей в связке. Но если такового не окажется, он не будет пробовать взломать дверь или в отчаянье откладывать ее открытие на будущее, а будет искать новый ключ экспериментальным путем» (VIII, 673).

В этой метафоре примечательно два момента. Первый — это переключка «ключей» 8-го тома с «билетами» 1-го — и те, и другие обеспечивают доступ к некоему видению истории. Другими словами, эта мысль не является в поздних томах впервые, скорее, выходит в них на первый план, что подтверждает ранее высказанную мысль о последовательном выявлении и актуализации некоего набора интенций, с самого начала присутствовавших в его творчестве. Второй связан с попыткой Тойнби связать философско-исторический уровень истории (поиск глубинных значений) с научным уровнем (экспериментальный путь познания), от которого он тоже не намерен отказываться. В результате на страницах «Постижения истории» наряду с образом исследователя-проводника постоянно присутствует другой образ — *социального ученого*, и каждый из них активизируется по мере изменения или развития задач исследования. Вопрос только в том, как примерить оба образа?

Для понимания их взаимодействия интересно посмотреть, что именно Тойнби подразумевает под собственно *научным* познанием, которым занимается социальный ученый. Следует заметить, что значение этого понятия у Тойнби далеко не самоочевидно.

В первых томах своего труда Тойнби говорит о научности в самом общем смысле этого слова: «наше отношение должно быть не фантастическим, а научным, а наш метод не догматическим, а эмпирическим» (I, 246). То есть научность противопоставляется, с одной стороны, вымыслу, с другой стороны — догматизму, под которым Тойнби понимает априорность исторического мышления (IX, 67). Кроме того, на страницах «Постижения истории» британский историк довольно часто сближает термины «научный» и «эмпирический» и говорит о «научно-эмпирическом методе изучения истории методом проб и ошибок» (VII, 489), о «нашем эмпирическом методе», «хоро-

шо отточенном эмпирическом методе» (II, 101; IV, 126; V, 1; VI, 261; VII, 2; VIII, 2; IX, 440). Иногда он использует термин «эмпирический» в качестве синонима того, что поддается наблюдению: «посредством наблюдения, т. е. эмпирически, феномен вызова-и-ответа в каждом случае, без постулирования единообразия, ожидает открытия научного закона» (I, 302). В другом случае он уравнивает его со словом «фактический», выказывая поддержку «трезво и эмпирически-мыслящим историкам, которые не побрезговали аргументировать свою правоту обращением к релевантным фактам» (IX, 67). В 5-м томе он поясняет, что существует поиск данных и их интерпретация, и эмпирическая часть соответствует именно первому этапу (V, 8). Но в 7-м говорит о том, что процесс сбора, сопоставления и анализа исторических фактов есть сырой материал для эмпирического метода исследования (VII, 2), тем самым давая понять, что эмпирический метод все же не равнозначен работе историка с фактами. Таким образом, чаще всего научный метод трактуется им все-таки как эмпирический.

Однако одной работой с эмпирическими данными научная работа, согласно Тойнби, не ограничивается. «Конечно, поиском фактов можно заниматься сколь угодно долго. Однако рано или поздно ум человека... неизбежно придет к заключению, что все это множество фактов необходимо каким-то образом упорядочить. Наступает черед синтеза и интерпретации...»¹. При этом подчеркивает, что «ни одно собрание фактов никогда не является полным»². Опять-таки эта мысль присутствует уже в первых томах «Постижения истории», где Тойнби критикует отождествление лаборатории естественного ученого и питомника историка, попытку перенести научный метод (метод естественных наук) в сферу Жизни (социальные и гуманитарные науки). Научный метод означает для него механистичность, расчленение, фрагментарность в ущерб синтезу, жизни, единству видения — очевидна переключка с Бергсоном. Но начиная с 9-го тома термин «научный» начинает определяться им и другим способом — как изучение законов природы и общества. Понимал ли он раньше, что наука — это не только факты и их интерпретация, но еще и вычленение

¹ Тойнби А.Дж. Постигание истории. С. 41.

² Там же.

закономерностей? — Безусловно, да, о чем свидетельствуют многочисленные пассажи первых четырех томов, касающиеся «законов» развития цивилизаций. Однако в тот момент актуальными для решаемых им задач оказались другие грани научности.

В 9-м томе Тойнби специально задается вопросом о том, может ли история двинуться в сторону формулирования законов? И при ответе на него предлагает следовать антропологии, уже доказавший свою эффективность в выявлении законов функционирования человеческих сообществ (IX, 186). То же самое касается экономики. Почему тогда историк должен ограничивать свою методологию только эмпирическим этапом и этапом интерпретации? В этом вопросе он видит различие между историком-проводником и социальным ученым в том, что первый использует при изучении истории традиционные методы, а второй предлагает новые средства — «законотворческую технику». «Современные историки, — пишет Тойнби, — узники современных техник и иллюзий. Историки думают, что у них есть много фактов. И чем более уверенными они становятся в своей технической способности обращаться с ними, тем менее способными в своей интеллектуальной способности воспринимать их, не говоря уже об извлечении из них смысла. И эти две конфликтующие профессиональные силы нашли свое разрешение в концентрации на этой узкой профессиональной технике одновременно и как самоцели, и как ментального убежища» (IX, 208). И далее: «Кошмарное убежище от реальности, которое они искали в куче песчаной техники, было иллюзией, порожденной самой этой ... техникой». Его высказанная в 1-м томе надежда на то, что за «мерцанием относительности» все же возможно что-то постоянное и устойчивое, сменяется попыткой «перехитрить» эту относительность поиском чего-то объективного как над-персонального, поиском сопричастности человеческой мысли природе Универсума. «Многообразие — это феномен, который маскирует лежащее в основе человеческое единство» (III, 230).

Однако пытаюсь свести воедино обе ипостаси образа историка — проводника и социального ученого, Тойнби уже в первых томах высказывает осторожность при постулировании второй позиции (I, 459). Но эта осторожность вызвана не сомнениями

в способности истории к обобщению при помощи законов, а, во-первых, в универсальности этих законов и, во-вторых, их непосредственной выводимости из фактов. Во втором томе он говорит, что «мы провели это исследование с помощью обычного эмпирического метода» (II, 259). И после обнаружения с его помощью «различных примеров и вариаций того, как действует вызов-ответ, и того, что больший вызов рождает больший ответ, ... мы попытались понять, действительно ли этот закон действует во всех случаях» (II, 393).

Что касается второй части опасений, то Тойнби явно задумывается об элементе неконвертируемости фактических данных в законосообразные высказывания. Доказательством сказанному является любопытная дискуссия, которая помещена в приложении к 1-му тому. Один из ее выводов касается роли теории и даже элемента вымысла в построениях историка (I, 464). Длинный аргумент, заимствованный Тойнби у американского ученого Ф.Дж. Теггарда¹, говорит о том, что историк не может быть объективным и научным только потому, что работает с фактами. На самом деле в работе гуманитария используются три вида «техник»: установление фактов; формулирование и разъяснение законов; вымысел. «Во внутренней природе исследований или техник не может быть ничего такого, что приравнивало бы одно исследование к какой-то определенной технике априори (I, 451). Тем не менее, в начале своего пути британский историк все же считает, что вымысел более свойственен художественному творчеству, и историк может применять «любую технику, за исключением вымысла» (I, 459).

Однако чем сильнее у Тойнби становится образ историка-проводника, тем больше возрастают его сомнения и в отношении объективности исторического познания, и в отношении элемента вымысла в истории. По мере того как компаративное исследование цивилизаций уступает место высшим религиям и поиску смысла и значения истории в целом, Тойнби признает неизбежность спекулятивного элемента в работе историка, который он ранее от-

¹ Ф.Дж. Теггард размышлял о применении научного метода к историческому познанию. См.: «Пролегомены к истории» (1916) и «Теория истории» (1925). «Метод Теггарда оказался важной подсказкой, которая не только посвятила меня в мой предмет, но и провела через него» (X, 232).

рицал. «Историк не должен уподобляться социальному ученому, который собирает сведения, а должен искать значения, которые стоят позади фактов. Выяснение значения предполагает привлечение поэзии, которая исходит из сердца больше, чем из головы» (VII, 506). Конечно, вырванная из контекста, данная цитата может привести неискушенного читателя к выводу о допущении поэтических фантазий в работе историка. Но в контексте «Постижения истории» и особенно всего творчества Тойнби становится очевидным, что британский историк ни в коем случае не приравнивает научный и художественный вымысел, и в данном случае перед нами очередные метафоры.

Таким образом, проблема относительности оказывается одной из тем, которые британский историк поднимает на протяжении всего своего творчества, попутно затрагивая другие категории исторического анализа. По мере разворачивания «Постижения истории», эта проблема поворачивается к нам то одними своими аспектами, то другими, постепенно проявляя остов того корабля, который некогда отправился в свою методологическую одиссею.

***

Как известно, «Постижение истории» А.Дж. Тойнби вызвало целый шквал критики. В определенном мере она была вызвана теми методологическими сомнениями, которые мучили Тойнби на всем протяжении создания его труда и ответы на которые, как было показано выше, звучали не всегда ясно, убедительно, а иногда и просто противоречиво. Поэтому после того как последний пул томов был сдан в печать (окончен в 1951-м, выпущен в 1954-м), Тойнби сел за написание ответов критикам, которые впоследствии частично войдут в его знаменитый 12 том — «Пересмотры» (1961). За это десятилетие им было выпущено более десятка фундированных статей, так или иначе проясняющих его философию истории и методологическую позицию: «Постижение истории: что я пытаюсь сделать?» (1955), «Новые возможности для историков» (1955), «Границы исторического знания» (1956), «Исторический подход к религии» (1956), и др. Кроме того, в 1961 г. в ходе его турне по Южной и Северной Америке и Африке был прочитан целый ряд фундированных лекций, за-

трагивающих эту проблематику: «Уникальность и повторяемость в истории», «Подходы к истории некоторых великих мыслителей», «Зачем изучать историю», «Имеет ли история смысл», «Философия истории»¹ и др. В отличие от «Постижения истории», эти работы, к тому же местами повторяющие друг друга, дают более четкое представление о воззрениях британского историка.

Прежде всего, в своих поздних работах Тойнби ясно обозначает свою позицию, касающуюся относительности исторического познания, и более четко аргументирует ее. «Не может быть истории без того, кто ее рассказывает, и способ рассказывания истории тоже зависит от частной точки зрения историка. Даже если он не намерен сознательно исказить факты, подгоняя их под свои интересы и предубеждения, он неосознанно будет влиять на них»². Потому что историк «всегда смотрит из определенной точки в пространстве и момента во времени, в которых обнаруживает себя», и потому вынужден быть «эгоцентриком». Это часть той цены, которую платит человек за то, чтобы быть живым существом, а не находится в позиции Бога³. Наконец, интеллектуальное несовершенство историка обуславливается, по мнению Тойнби, его субъективными составляющими — темпераментом, складом ума и пр.⁴ Таким образом, проблема релятивизма, которая пугала раннего Тойнби и которую он хотел «перехитрить», теперь становится частью экзистенциальной ситуации: непреодолимая относительность знания как часть цены за то, чтобы оставаться людьми. Данное положение дел не означает скатывания Тойнби ни в абсолютный релятивизм, потому что, как мы увидим ниже, он никогда не считал интеллектуальную работу продуктом сознания, оторванного от реальности; ни в полный субъективизм — и потому что сами ограничения являются над-индивидуальными; и вследствие того, что в итоге

¹ Bodleian Library, Toynbee papers. Lectures, mainly transcript, given during tour of North and South America and Africa, 1960–1966.

² Toynbee A.J. Some Great Minds' Approaches to History, 1961. — Bodleian Library, Toynbee papers. Lectures, mainly transcript, given during tour of North and South America and Africa. P. 16.

³ Toynbee A.J. An Historian's Approach to Religion. Oxford University Press. London, 1956. P. 4.

⁴ Toynbee A.J. The Limitations of Historical Knowledge // London Times Literary Supplement. No. 2810, January 6, 1956. P. 4.

коллективно предпринимаемых усилий складывается некая общая картина мира, которая, в свою очередь, способна изменять и расширять видение каждого и продуцировать объективный на тот момент ответ на задачу ориентации в загадочном универсуме. В этой ситуации лучшее, что может сделать историк, — превратить собственные (и чужие) предубеждения и обусловленности в предмет профессиональной рефлексии¹. «Мы просто должны осознать наши ограничения и тем самым уменьшить их»².

Собственно из этой позиции хорошо проясняется и другое важное положение тойнбианской эпистемологии — интеллигибельный характер любых построений. Он отмечает, что написанная им книга — это не претензия взгляда на историю с некоей нейтральной и абсолютной позиции. Это не более чем один из вариантов истории, созданный под влиянием опыта, личности и общества. «И конечно, другие люди могут предпринять свою попытку это сделать. Каждый из новых взглядов создаст собственную картину, показанную в новой перспективе. ... И по мере того как другие люди будут пытаться осуществить это интеллектуальное предприятие, первые попытки (в том числе моя) ... окажутся переосмысленными и скорректированными»³. Другими словами, он утверждал такое понимание процесса исторического познания, в ходе которого конструируется не объективная реальность, а познавательный ход, создается интеллектуальная конструкция, «интеллигибельное поле» исследования, при помощи которого можно уменьшить неопределенность и посмотреть на полноту жизни. По этой причине, полагает историк, не существует правильных или неправильных вопросов к истории, равно как и навсегда устоявшихся подходов. *Разные вопросы предполагают и разные подходы к истории* и возникают они, по мнению Тойнби, из разных источников, в том числе под влиянием изменения личного или социального опыта историка, а также «из состояния окружающей среды»⁴.

¹ Toynbee A.J. Some Great Minds' Approaches to History, 1961. P. 2.

² Toynbee A.J. Philosophy of History, 1961. — Bodleian Library, Toynbee papers. Lectures, mainly transcript, given during tour of North and South America and Africa. P. 2.

³ Toynbee A.J. A Study of History: What am I Trying to Do? // International Affairs. 1955. XXXI. P. 1–2; Toynbee A.J. Some Great Minds' Approaches to History, 1961. P. 16–17.

⁴ Toynbee A.J. Some Great Minds' Approaches to History, 1961. P. 2.

Признание относительности исторического познания, в свою очередь, актуализирует образ историка-проводника, который, как мы видели, по мере продвижения «Постижения истории» становится все более востребованным и доминирующим. Наиболее четко это позиция выражена в «Историческом подходе к религии» (1956). Историк, по Тойнби, — это проводник, ведущий других людей сквозь постоянное напряжение человечества. И одновременно — лидер, потому что, имея возможность, в отличие от дилетантов, достигать своей точки зрения осознанно, он способен помочь человечеству в преодолении унаследованного от XVIII века эгоцентризма¹. Да, самокоррекция, которая составляет суть профессии, никогда не достигнет окончательной цели (читай — истины). «Но все-таки есть в этом что-то хорошее — в какой-то мере способность изменить свой взгляд и расширить интеллектуальные горизонты эгоцентричного от рождения живого существа»².

Однако понимая свою роль в жизни общества и человечества, историк-проводник должен, по мнению Тойнби, заранее озаботиться выбором из двух альтернативных путей, связанных с двумя «безднами», с которыми сталкивается человечество. Первый — это буддистско-эллинистический подход к истории, согласно которому ее ритмы и паттерны являются проявлениями самой природы Универсума³. Выбор «астрономического» взгляда на историю обеспечивает коррекцию «эгоцентричной» точки зрения, но ценой лишения истории и самого Универсума значения и смысла. Другой выбор опирается на иудео-зороастрийский взгляд, «согласно которому фундаментальные ритмы Универсума как целого идентичны ритмам отдельного индивида. Это драма, у которой есть начало и конец, которая прерывается кризисами и решающими событиями, анимируется вызовами-и-ответами и разворачивает свой сюжет подобно сюжету пьесы»⁴. Этот взгляд придает событиям прошлого и истории в целом смысл, но, в свою очередь, означает «спасение от одного зла ценой вовлечения в другое» — впадение в «эгоцентризм»⁵. Плюсы

¹ Toynbee A.J. An Historian's Approach to Religion. P. 4.

² Ibidem.

³ Ibid. P. 10.

⁴ Ibid. P. 13.

⁵ Ibidem.

и минусы обоих подходов подробно рассматриваются в поздних работах Тойнби, но он оставляет этот вопрос открытым и предлагает каждому историку найти свой путь¹.

На первый взгляд, может показаться, что самому Тойнби ближе первый путь, ведь на протяжении всего своего творчества он подчеркивает необходимость рассмотрения истории человечества «как целого, не ограничиваясь... рассмотрением отдельных его кусочков и заплат»². Это целое, в том числе, предполагает схватывание истории «фасеточным зрением унитарности человеческой природы», а не осколочным зрением отдельных дисциплин — истории, социологии, экономики, психологии, теологии³ и т. д. А поскольку Универсум, по Тойнби, един, в нем есть общность между историей людей и историей всего другого. «И мы получим неверную картину, если вычленим нашу человеческую историю из физического окружения и до-человеческого бэкграунда»⁴.

Единство человека и Универсума позволяет ему предположить наличие паттернов и ритмов, которые в какой-то мере можно считать объективными и потому сформулировать в виде «законов» (конечно, в метафизическом смысле этого слова). Признание паттернов, ритмов, т. е. наличие элементов рекуррентности в истории — очень важная часть мировоззренческой позиции А. Тойнби, на нем строится вся его цивилизационная компаративистика и, как мы помним, позиция «социального ученого». Интереснее всего она сформулирована в лекции «Уникальность и повторяемость в истории» (1961). В ней он выделяет паттерны мысли и паттерны собственно истории. «Мы все время думаем паттернами, и мы должны помнить, что мы думаем паттернами, когда спрашиваем о чем-то, в том числе о том, что думаем паттернами»⁵. Это единственный путь, в котором наша несо-

¹ Ibid. P. 13–14.

² *Toynbee A.J. The New Opportunity for Historians. University of Minnesota, 1956. P. 12.*

³ Ibid. P. 14.

⁴ *Toynbee A.J. Does History Make Sense, 1961. — Bodleian Library, Toynbee papers. Lectures, mainly transcript, given during tour of North and South America and Africa. P. 1.*

⁵ *Toynbee A.J. Uniqueness and Recurrence in History, no date. — Bodleian Library, Toynbee papers. Copies of lectures, typescript and printed, 1955–1967. P. 7.*

вершенная человеческая мысль может схватить реальность. В исторической науке мышление паттернами выражено более явно, потому что она имеет отношение к институциональным отношениям между людьми. Но при этом мы должны понимать, что эти паттерны мысли не являются вымышленным, а *корреспондируют с чем-то в реальности*¹. Позволю привести здесь довольно длинную цитату, поясняющую эту мысль Тойнби и являющуюся основой его понимания «объективности» научного знания.

«Но позвольте мне ... предположить, что человеческая мысль соприкасается с реальностью и рассмотреть паттерны в реальном мире без обращения к вопросу об отношении между мышлением и реальностью. Разрешите начать с паттернов природы, которые отражаются в паттернах человеческой истории (например, циклы смены дня и ночи, времен года). Природные паттерны проявляются у людей и по-другому — например, через смену поколений. Но это обстоятельство становится уже важной частью других человеческих паттернов, потому что каждое поколение связано со сменой традиций... Есть экономические паттерны и циклы, особенно проявляющиеся во всех группах индустриальных обществ. И они тоже важны для истории и влияют на нее... Многие полагают их психическими, а не физическими феноменами. Но тогда что является их проводником? Рациональное сознание, которое остается предметом дискуссий? Или иррациональные, эмоциональные, неосознанные бездны, которые лежат за ним?.. Большинство все-таки выводит их на неосознанный и эмоциональный уровень психики. Но есть и те, кто считает, что этим управляют наши осознанные решения, которые зависят от банковской политики и прочих самонастраивающихся опций. Хотя, возможно, есть аспекты человеческой жизни, которые выглядят сознательными, но на самом деле являются неосознанными...»²

Таким образом, человек, по Тойнби, живет сразу в двух мирах — природном и социальном. Человеческое тело и бессознательный уровень психики являются частью мира природы, и ученые пытаются определить его законы. Но, являясь людьми, мы еще включаем интеллект и волю. И поскольку мы *думаем и выбираем*,

¹ Ibidem.

² Ibid. P. 8–12.

мы делаем себя частично независимыми от законов природы¹. И потому в истории есть то, что не поддается схватыванию паттернами. Тойнби не верит в полную детерминированность человеческой жизни², хотя и признается, что если бы ему пришлось защищать эту мысль перед лицом детерминистов, ему трудно было бы найти разумные обоснования³. Но иначе невозможно объяснить элементы нового, творчество, случайность и непредсказуемость в истории, а также «поэзию и пророческое видение»⁴.

Тойнби предполагает, что граница между паттернами и свободой подвижна и, возможно, тоже пролегает внутри человеческой природы. «Это не означает, что человек полностью свободен, а природа полностью несвободна. Человек частично свободен, и этот фронтير между человеческой свободой и несвободой лежит где-то внутри нас и немного колеблется. Именно поэтому так некомфортно быть человеком»⁵. Сознание и воля всегда пытаются расширить свои поля — поле свободы действий. И это борьба — значительный элемент человеческой истории⁶, она делает недостаточной позицию извне — позицию наблюдателя / инспектора / рецензента, другими словами, социального ученого, — и заставляет историка стать проводником, т. е. войти внутрь истории и пережить ее как драму. «Но когда мы изучаем человеческую историю, мы не можем быть просто наблюдателями — мы участники действий, которые мы изучаем. Поэтому что существуют связи между всеми человеческими действиями, и они влияют на наши чувства даже тогда, когда кажутся далекими от нас. Мы всегда морально и эмоционально вовлечены в них»⁷.

Постоянная вовлеченность человека в мировую драму заставляет Тойнби задуматься об еще одном измерении методологии истории: «это четвертое измерение задается духовным взглядом, т. е. тем, что находит-

ся за пределами разума и связано с глубинами человеческой жизни»¹. Проблема заключается в том, что об этом измерении невозможно говорить языком только разума. Есть глубины, которые открываются только мудрости и вдохновению. Поэтому «когда я могу говорить при помощи интеллекта, я буду делать это, но когда я не могу, я буду открыто говорить об этом и использовать язык поэзии или мифа»².

Так обе «бездны» — природная и человеческая — оказываются тесно переплетены в сознании Тойнби, и он не находит возможности отказаться ни от одной из них, создавая постоянное методологическое напряжение между разными способами видения истории, разными типами дискурса о ней и соответственно разными способами ее изучения. Но обе тесно связаны с проблемой смысла и значения истории, которая для него априори стоит за всеми попытками понять историю. Понимаю, что для полноты картины методологической одиссеи следовало бы развернуть и это поле тойнбианских размышлений, размотать еще одну ниточку его творчества, но одновременно с этим осознаю, что она потянет за собой и другие. Потому что те два образа историка, которые были реконструированы в этой статье, не являются исчерпывающими. Ловлю себя на мысли, что в этом смысле с Тойнби вообще трудно «закончить» (ибо — где он кончается?). Если бы я имела дело с обычным историком, с личностью, за пределы традиции не выступающей, а не неустанно из него исключаящимся, — тогда, может быть, проблема с «закончить» не стояла, а возможно, я бы и вовсе не начинала. Но здесь я имею дело с историком исключительным, с двойным явлением истории и жизни — с Тойнби-историком и Тойнби-человеком, настолько сросшимся, что разъединить трудно. Поэтому не заканчиваю, а просто — пресекаю на данном моменте.

***

Приступая к созданию «Постижения истории» — труду, который даже в замысле мыслился как грандиозный, — Тойнби задался вопросом о том, что есть профессия историка, и как работает историк. Несмотря на то, что в самом начале своего труда, он осознает

¹ *Toynbee A.J. Philosophy of History*, 1961. P. 3.

² *Toynbee A.J. Uniqueness and Recurrence in History*, no date. P. 8; *Toynbee A.J. A Study of History: What am I Trying to Do?* // *International Affairs*. 1955. XXXI. P. 4.

³ *Toynbee A.J. Uniqueness and Recurrence in History*, no date. P. 8.

⁴ *Toynbee A.J. A Study of History: What am I trying to Do?* // *International Affairs*. 1955. XXXI. P. 4; *Toynbee A.J. The New Opportunity for Historians*. P. 12.

⁵ *Toynbee A.J. Uniqueness and Recurrence in History*, no date. P. 14–15.

⁶ *Toynbee A.J. Philosophy of History*, 1961. P. 3.

⁷ *Ibid.* P. 2.

¹ *Toynbee A.J. The New Opportunity for Historians*. University of Minnesota, 1956. P. 12.

² *Toynbee A.J. Uniqueness and Recurrence in History*, no date. P. 17.

отличие истории от естественных наук — и по цели, и по методам, — сциентистская ориентация раннего Тойнби очевидна: историк работает с фактами для того, чтобы выявлять закономерности, т. е. занимается тем, что свойственно именно науке. Научная составляющая труда историка усиливается заявлениями о компаративном исследовании цивилизаций и нивелированием оценочной составляющей труда историка. Это ведущий мотив первых томов. Надо признать, что здесь Тойнби не оригинален, и, хотя он критикует традиционную историографию за то, что она заиклилась на первом, эмпирическом этапе, вряд ли для конца 20-х гг. XX века эта проблема была столь актуальной. После многочисленных методологических дискуссий конца XIX — начала XX века вопрос формулировался уже намного сложнее. Если бы Тойнби не педалировал так эту проблему, то снял бы многие вопросы со стороны критиков. Когда он говорит о том, что историк должен не только описывать, но и обобщать, в том числе выявлять закономерности, по сути, он не открывает ничего нового. Просто в очередной раз перед лицом естественных наук отстаивает право истории называться наукой, а не искусством.

Но когда он, отталкиваясь от этой мысли, ставит вопрос о той эпистемологической ситуации, с позиции которой полученные в ходе исследования результаты являются интеллигибельными, он затрагивает одну из ключевых для историка тем. И по мере того как вера в объективность истории начинает испаряться, заменяясь более сложными трактовками этой объективности, все отчетливее начинает звучать релятивистский мотив. С этого момента Тойнби возвращается к метафоре исследователя, которая слабо различима в начале труда, но усиливается со второго пула томов «Постижения истории» и достигает мощного крещендо в его поздних работах. В английском языке слово «исследователь» имеет дополнительное значение — проводник. Историк — это не только тот, кто осуществляет исторический поиск, но и тот, кто одновременно с этим проводит в мир истории, прорезывая хаос реальности силой своей личности и при помощи теорий. Метафора «проводника» позволяет ему поддерживать методологическое напряжение и уходить от однозначных ответов, отсылая к тому, что неопределенность свойственна самой жизни.

Так, изначально методологическая проблема переходит на метафизический уровень — историк не может до конца преодолеть

свою позицию во времени и пространстве, потому что это плата за то, чтобы быть человеком. Но он может частично отрефлексировать ее, рассказать о ней другим. И этот рассказ становится одним из самых увлекательных в историографии XX века — рассказ о взглядах, сомнениях, позициях, аргументах, трансформациях. В результате позиция историка, до этого над-персональная с точки зрения человеческой субъективности автора, оказывается одной из самых интригующих и востребованных. Историк — это не обезличенный наблюдатель и фиксатор прошлого, а «безусловный и ответственный его сопричастник»¹.

История оказывается открытой как для соучастия человека в процессе ее развертывания, так и для ее познания. В первом случае акцент делается на особом личностном статусе человека, не просто вззирающего на действительность со стороны, но являющегося важным конституирующим элементом этой действительности, постоянно изменяющего ее и одновременно самого себя. Во втором — об удивительном свойстве человеческого разума (в том числе историка) входить в состав бытия, сопричастствовать ему, находясь с ним в ситуации постоянного диалога, взаимодействия и взаимопроникновения. Отсюда и уникальная роль историка — не стороннего исследователя прошлого, а опять-таки его активного со-творца, выявляющего истину в процессе своей толковательно-конструктивной деятельности. Поскольку истина в истории, в понимании Тойнби, — это постоянный процесс выявления смысла, она не может быть раз и навсегда данной. Вселенная разомкнута.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Воробьева О.В. «Между прошлым и настоящим»: судьба и творчество А. Тойнби // История через личность: историческая биография сегодня. М., 2005; 2-е изд. М.: Квадрига, 2010. С. 369–389.
- Воробьева О.В. Три возраста Арнольда Джозефа Тойнби (очерки интеллектуальной биографии) // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в новое время // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в новое время. М., 2014. С. 773–842.

¹ Рашковский Е.Б. Читаем Тойнби // Постигание истории. М., 1991. С. 650.

- Рашковский Е.Б.* Читаем Тойнби // Постигание истории. М., 1991. С. 643–654.
- Тойнби А.Дж.* Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
- Bodleian Library, Toynbee papers. Copies of lectures, typescript and printed, 1955–1967.
- Bodleian Library, Toynbee papers. Lectures, mainly transcript, given during tour of North and South America and Africa, 1960–1966.
- Osterhammel J.* The 2017 Toynbee Prize Lecture: “Arnold Toynbee and the Problems of Today”. January 6, 2017 Annual Convention of the American Historical Association. URL: <https://toynbeeprize.org/posts/the-2017-toynbee-prize-lecture-arnold-toynbee-and-the-problems-of-today-jurgen-osterhammel/> (дата обращения: 12.04.2022).
- Toynbee A.J.* A Study of History. In 12 vol. T. 1–10. L: Oxford University Press, 1934–1954.
- Toynbee A.J.* A Study of History: What am I Trying to Do? // International Affairs. 1955. XXXI. P. 1–4.
- Toynbee A.J.* An Historian’s Approach to Religion. London: Oxford University Press, 1956.
- Toynbee A.J.* Does History Make Sense, 1961. — Bodleian Library, Toynbee papers. Lectures, mainly transcript, given during tour of North and South America and Africa.
- Toynbee A.J.* Philosophy of History, 1961. — Bodleian Library, Toynbee papers. Lectures, mainly transcript, given during tour of North and South America and Africa.
- Toynbee A.J.* Some Great Minds’ Approaches to History, 1961. — Bodleian Library, Toynbee papers. Lectures, mainly transcript, given during tour of North and South America and Africa.
- Toynbee A.J.* The Limitations of Historical Knowledge // London Times Literary Supplement. No. 2810, January 6, 1956.
- Toynbee A.J.* The New Opportunity for Historians. University of Minnesota, 1956.
- Toynbee A.J.* Uniqueness and Recurrence in History, no date. — Bodleian Library, Toynbee papers. Copies of lectures, typescript and printed, 1955–1967.

В.В. Высокова, Ю.С. Шипицына

**ЛОРРЕЙН ДАСТОН:
ПРИНЦИП ОБЪЕКТИВНОСТИ И СУБЪЕКТИВНОСТЬ
В ИСТОРИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ***

Русскоязычные читатели стали знакомиться с идеями Лоррейн Дастон не так давно¹. В 2018 г. в переводе на русский язык вышла одна из самых известных ее книг «Объективность» (2007), написанная в соавторстве с Питером Галисоном². В начале 2020 г. на страницах первого тома трехтомника тридцатого номера журнала «Логос» был опубликован перевод статьи Дастон «История науки и история знания» (2017)³, а интервью с ней открывало второй том тридцатого номера журнала⁴. Здесь с Л. Дастон, почетным директором Института истории науки Общества Макса Планка (ФРГ, Берлин), беседовали Станислав Гавриленко и Александр Писарев. Надо заметить, что именно они вместе с Тарасом Вархотовым и Константином Ивановым выполнили перевод «Объективности». Не менее значимым событием в русскоязычном пространстве стала беседа Алексея Пешкова и Яна Сурмана из Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ) с Л. Дастон и П. Галисоном в режиме zoom-конференции в сентябре 2020 г., правда,

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея “Общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).

¹ *Дастон Л.* Дисциплинирование дисциплин: академии и единство знания // Науки о человеке: история дисциплин: коллект. моногр. / сост. и отв. ред. А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 651, [5] с. С. 105–124.

² *Дастон Л.* Объективность / пер. с англ. Тараса Вархотова, Александра Писарева, Станислава Гавриленко. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

³ *Дастон Л.* История науки и история знания // Логос. 2020. Т. 30. № 1. С. 63–90.

⁴ *Дастон Л.* О ценности коллективной работы и исследования практик: интервью с Лоррейн Дастон // Логос. 2020. Т. 30. № 2. С. 1–14.

расшифровка их интервью так и осталась не переведенной с английского на русский язык¹.

Редкие статьи и рецензии, посвященные трудам Л. Дастон в отечественной историографии, отличаются осторожными оценками и общими характеристиками концептуальных положений автора². Теоретические установки Дастон, а тем более методики ее работы с историческими источниками пока еще ждут своего критического восприятия и адаптации в России. Разрыв в десять лет между выходом сочинения «Объективность» и его переводом на русский язык до сих пор остается непреодоленным. Пока в отечественной историографии шло осознание новаторства и смелости идей этой книги, а также – неординарности практических подходов к работе с визуальными источниками, Л. Дастон приняла участие в десятке исследовательских проектов по истории науки и существенно продвинулась в понимании взаимосвязи научной практики и этики³. В настоящее время она остается почетным ученым (emeritus scientific member) Института истории науки Общества Макса Планка, а также почетным профессором Принстонского университета, Университета Гумбольдта в Берлине и Еврейского университета в Иерусалиме. Дастон была удостоена множества наград и премий в области гуманитарных наук, читала лекции в университетах Принстона, Гарварда, Чикаго, Брандейса, Геттингена, Парижа и Вены.

Данная статья задается интенцией реконструкции интеллектуальной биографии Лорейн Дастон как значимого и влиятельного исследователя, определяющего актуальные тенденции развития истории научного знания в ситуации эпистемологического поворота. Мы обратимся не только к академическим трудам Л. Дастон, но и ее

рассказам о своем профессиональном становлении и обстоятельствах выбора исследовательских траекторий, завершенных и текущих проектах, а также ее интерпретации базового принципа научного знания – принципа объективности.

Лоррейн Дженифер Дастон родилась 6 июня 1951 г. на Среднем Западе США в штате Мичиган, на Великих американских озерах. Пристанищем семьи Дастон, имевшей греческие корни оказался городок Ист Лэнсинг (East Lansing), где располагается Мичиганский университет. Отец Лоррейн учился в докторантуре этого университета и в последствии стал профессором психологии. Поэтому мысль о научной карьере для нее была чем-то естественным и уже в раннем возрасте было ясно, что она станет ученым, оставалось только понять – в какой области¹.

Первые исследовательские опыты Дастон касались математики, физики и астрономии в престижном Гарвардском университете, куда она отправилась в поисках своего места под солнцем. Здесь она получила степень бакалавра с отличием (summa cum laude) в 1973 г². Она вспоминала об времени: «На самом деле я поступала в университет, намереваясь стать астрономом. Спустя годы я осознала, что это было нечто вроде детской фантазии. Я родилась в греческой семье, при крещении получила имя Урания, в честь музы астрономии, и казалось, по этой забавной причине (nomen est omen), жизнь моя предуготована звездам. А дальше большой удачей для меня оказалось попасть на вводный курс по истории астрономии к астроному и историку науки Оуэну Джинджеричу³. Дастон вспоминает, что его лекции были щедро снабжены экскурсами в историю науки, профессор наглядно и впечатляюще демонстрировал законы Ньютона, и ни один первокурсник не мог позабыть его рассказов о Кеплере и Тихо Браге, Ньютоне и Галлее.

По признанию Л. Дастон, выбор истории науки в качестве сферы исследования не был очевидным для студентов ее

¹ Deffke U. The Observer. Personal Portrait Lorraine Daston / Max Planck Research. New Energy through Chemistry. 2012. № 2. P. 89.

² Prof. Dr. Lorraine Daston. Max-planck-gesellschaft. URL: https://www.mpg.de/331584/wissenschaftsgeschichte_wissM (дата обращения: 27. 06. 2022).

³ Bycroft M. Ideals and Practices of Rationality. An Interview with Lorraine Daston // Exchanges: The Warwick Research Journal. 2017. V. 4. № 2. P. 175.

¹ Objectivity and Beyond. Interview with Lorraine Daston and Peter Galison by Alex Pleshkov and Jan Surman. 2020. URL: <https://iq.hse.ru/en/news/397837371.html> (дата обращения: 11.06.2022).

² См., пример: Боганцев И.А. Лорен Дастон: наука в ее «живой» истории // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 19. № 1. С. 95–110; Гретчина О.С. Историческая изменчивость самости в научном ландшафте // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 4. С. 244–250.

³ Lorraine Daston / Completed Projects. URL: <https://www.mpiwg-berlin.mpg.de/users/ldaston> (дата обращения: 11.06.2022).

поколения. Однако, «по крайней мере, для выпускника-бакалавра история науки выглядела как перспективное предприятие. И хотя [Гарвард – В.В., Ю.Ш.] не представлял собой сосредоточия истории науки, но был центром истории и науки: вы делаете науку и делаете что-то в истории, и это было идеальным решением для таких людей как я, которые понятия не имели, чем в действительности хотят заниматься»¹. При этом, считает Дастон, «почти никто не приходит на факультет со словами «я хочу заниматься историей науки» – и это характерно как для моего поколения, так и для современных студентов, <...> обычно все, кто оказывается в этом поле, попадают сюда из разных дисциплин – истории, философии и социологии»².

После Гарварда Л. Дастон получает стипендию (fellowship) в британском Кембридже и защищает здесь в 1974 г. магистерскую диссертацию по истории и философии науки. За год, проведенный здесь, Дастон осознала, что по своему темпераменту и очевидной предрасположенности к эмпирике, ей следует оставить философию науки и вернуться в лоно более практико-ориентированных дисциплин – истории и истории науки. А кроме того, замечает она: «...мне стало совершенно ясно, что философия науки, которую я имела в виду, была философией науки Лейбница (немецкий философ, 1646–1716), что-то вроде его Монадологии³, которая с тех пор перекочевала в научную фантастику и не имела никакого сходства с тем, что англо-американские философы науки подразумевали под этой дисциплиной»⁴.

Для написания докторской диссертации Лоррейн Дастон вернулась в Гарвард. Предметом ее исследований стала теория веро-

¹ Ibidem.

² Ibid. P. 176.

³ «Монадология» (фр. La Monadologie, 1714 г.) – одна из самых известных философских работ Готфрида Лейбница. Это короткий текст, содержащий около 90 абзацев, излагающий метафизику простых субстанций или монад. Лейбниц предположил, что существует бесконечно много субстанций, индивидуально «запрограммированных» действовать заранее определенным образом, причем каждое вещество координируется со всеми другими. Это та предустановленная гармония, которая разрешила проблему разума и тела, но ценой объявления любого взаимодействия между субстанциями простой видимостью.

⁴ Bycroft M. Op. cit. P. 175.

ятностей (probability theory) на этапе ее складывания во второй половине XVII–XVIII в. Дастон признается, что дрейф от астрономии к математике, начертательной геометрии, а затем и теории вероятностей происходил постепенно: «...еще будучи студенткой, я перешла от астрономии к математике, а в Кембридже защитила диссертацию по проективной геометрии (разделу математики, уходящему своими корнями в искусство перспективы), и намеревалась продолжить историю проективной геометрии в своей диссертации. Затем мне повезло. В то время в библиотеке Гарварда, библиотеке Уиденера (да святится имя ее!), появился книжный стол, где ... на обозрение были выложены последние новинки»¹. В один из дней Лоррейн выбрала массивный том канадского философа Йена Хакинга «Возникновение вероятностей» 1975 г.², дабы скоротать ночь во время подработки няней. Так как малыш мирно спал в ту ночь, «я прочитала книгу от корки до корки так, как Декарт рекомендует читать его “Медитации”»³. И пути назад уже не было — я попала на крючок! И дело было даже не столько в теории вероятностей, а в том, как Хакинг «делал» историю, сосредоточившись на концептуальных предпосылках того, что для нас самоочевидно (self-evident). Это и было, я полагаю, “исторической эпистемологией”, и, хотя я тогда, будучи аспиранткой, не могла сформулировать это именно таким образом, для меня это был путь следования моим философским интересам, обстоятельно историзируя их»⁴. Сама Дастон называет это лукрецианским «поворотом» в своей научной биографии, отсылая нас к тезису древнеримского философа Лукреция о непредвидимом элементе случайности в движении атомов⁵.

Работа над темой докторской диссертации Л. Дастон протекала под руководством (supervisor) незаурядной личности, энциклопедически образованного человека – математика Бернарда Коэна (1914–2003), ставшего в 1942 г. одним из первых в США обладателей докторской степени по истории науки. Научная генеалогия Коэна

¹ Ibid. P. 177–178.

² *Hacking I. The Emergence of Probability.* Cambridge, 1975.

³ В русском переводе «Размышления о первой философии», 1641 г. (*Meditationes de prima philosophia*)

⁴ *Bycroft M.* Op. cit. P. 178.

⁵ Ibid. P. 178–179.

восходила к его патрону – химику Джорджу Сартону (1884–1956), основоположнику истории науки как самостоятельной дисциплины и отдельной области научного знания. В 1913 г. Сартон стал инициатором и главным редактором научного журнала «Изида», предметное поле которого определялось историей науки, медицины и технологий, а также их влиянием на культуру. Для поддержания и развития этого журнала Дж. Сартон основал в 1924 г. существующее до наших дней Общество истории науки (HSS)¹ – первое академическое сообщество этого направления. Свои идеи он развивал в Гарварде, где читал лекции с 1920 г. до выхода на пенсию в 1951 г. Бернард Коэн, будучи его прямым учеником, унаследовал как руководство журналом и Обществом, так и одну из основных тем исследований Сартона. Речь идет о вкладе Исаака Ньютона в развитие математики, астрономии и физики. Как Сартон получил докторскую степень в 1911 г., защитив диссертацию о небесной механике Ньютона, так и Коэн стал признанным исследователем наследия этого английского ученого. Всемирную известность принесли ему работы «Ньютоновская революция», «Революция в науке», «Наука и отцы-основатели» и др.² В конечном счете, как и Сартон, Коэн стремился к созданию интегрированной философии науки, обеспечивающей связь между естественными и гуманитарными науками, что Сартон называл «новым гуманизмом». Этот концептуальный подход в полной мере унаследовала и Л. Дастон.

В качестве наставника-руководителя (advisor) Л. Дастон в Гарварде выступил Эрвин Хиберт (1919–2012), еще одна яркая личность. Хиберт принадлежал к поколению историков науки, обладавших опытом военных исследований. Первым местом его работы, после получения степени бакалавра по химии и математике

¹ History of Science Society. URL: www.hssonline.org (дата обращения: 27.06.2022).

² *Cohen I.B.* The Newtonian Revolution: With Illustrations of the Transformation of Scientific Ideas (The Wiles Lectures) Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 424 p.; *Idem.* The Birth of a New Physics. New York: W.W. Norton & Company, 1985. 258 p.; *Newton I.* The Principia: The Authoritative Translation and Guide: Mathematical Principles of Natural Philosophy by Sir Isaac Newton / transl. by B. Cohen, A. Whitman, J. Budenz. Berclly: University of California Press, 2016. 992 p.; *Cohen B.* Revolution in Science. Cambridge: Belknap Press, 1985. 732 p.

в Канзасском университете в 1943 г., стала химическая и нефтяная компания “Standard Oil Company of Indiana”, где он занял место химика-исследователя под патронажем Металлургической лаборатории Чикагского университета (Met Lab, University of Chicago Metallurgical Laboratories). Как хорошо известно, Met Lab отметилась исследованиями радиоактивности и успехами Энрико Ферми в рамках Манхэттенского проекта в годы Второй мировой войны. В 1946–1947 гг. Хиберт работал в Военном министерстве США в Вашингтоне в качестве помощника начальника научного отдела. Степень магистра в области физической химии он получил в Чикагском университете в 1949 г. Степень доктора философии по истории науки и физической химии – в Висконсинском университете в Мэдисоне в 1954 г. Опыт Хиросимы и Нагасаки заставил его, как и многих других ученых его поколения, выйти за пределы своих научно-исследовательских интересов. Хиберт, как и его коллега-химик Джеймс Брайант Конант (1893–1978), президент Гарварда с 1933 по 1953 гг. и один из непосредственных руководителей Манхэттенского проекта, искал ответ на стремительный подъем и одновременно смертоносный вызов физики и химии в двадцатом веке, обращаясь к истории и философии науки и рассматривая возникшую ситуацию с этической и религиозной точек зрения¹.

С 1977 г. и до выхода на пенсию в 1989 г. Эрвин Хиберт работал в Гарварде в качестве профессора кафедры истории науки, созданной Сартонем. И что немаловажно для дальнейшей научной биографии Л. Дастон, Эрвин Хиберт имел прочные научные связи в Германии со времен прохождения там академических стажировок². Стремление

¹ *Hiebert E.N.* The impact of atomic energy. Newton, Kansas: Faith and Life Press, 1961. 302 p.

² Первой ласточкой была стажировка в Институте физики Общества Макса Планка в Геттингене (Max-Planck-Institut für Physik in Göttingen) в 1961–1962 гг. В 1965 г. Хиберт стал приглашенным профессором Тюбингенского университета. Ключевую роль сыграли стажировки 1973 и 1978 гг. в Центр междисциплинарных исследований (Zentrum für interdisziplinäre Forschung) только что созданного Университета Билефельда, в Берлин – в 1987–1988 гг. И даже после своей отставки в 1989 г. он продолжал совершать визиты в Германию в качестве приглашенного профессора в Геттинген в 1991–1992 гг. и Берлин в 1998, 2002 и 2007 гг. См.: *Erwin Nick Hiebert.* URL: <https://mathshistory.st-andrews.ac.uk/Biographies/Hiebert/> (дата обращения: 27.06.2022).

Хиберта попасть в Германию определялось его научным интересом к философии науки в немецкоязычном ученом мире в промежутке примерно с 1850-х по 1930-е гг. В своих книгах «Исторические корни принципа сохранения энергии» 1962 г. и «Концепция термодинамики в научной мысли Макса и Планка» 1968 г.¹, а также в статьях о Вальтере Нернсте, Людвиге Больцмане, Германе фон Гельмгольце и Вильгельме Оствальде, Хиберт стремился понять, каким образом наука стимулировала философские размышления об онтологии и эпистемологии, и, наоборот, как философия, в некоторых случаях вдохновляла развитие научного знания. Он исходил из того, что «историческое исследование не только способствует пониманию того, что есть сейчас, но и открывает перед нами новые возможности, показывая, что существующее в значительной степени условно и случайно»².

Защищенная в 1979 г. докторская диссертация Л. Дастон «Разумное вычисление: теория вероятностей классического периода, 1650–1840»³, как мы видим, хронологически предшествует исследованиям Э. Хиберта и сосредоточена на истории теории вероятностей – особого раздела математики, изучающего случайные события, случайные величины, их свойства. Отправной точкой в работе над диссертацией Дастон стало изучение сочинений выдающихся математиков второй половины XVII–XVIII в. – Готфрида Вильгельма Лейбница, Николая де Кондорсе, Симеона Дени Пуассона и Пьера-Симона Лапласа. «Но это только начало, — поясняет Дастон, — после этого нужно поставить эту литературу в контекст. И это всегда самая сложная часть исследования, определить, какой именно контекст актуален». Таким образом, самый трудный момент заключался в реконструкции мо-

¹ *Hiebert E.N.* The Historical Roots of the Principle of the Conservation of Energy. Madison: The State Historical Society of Wisconsin, 1962. 118 p.; *Idem.* The Conception of Thermodynamics in the Scientific Thought of Max and Planck. Freiburg/Br.: Ernst-Mach-Institut, 1968. 106 p.

² *Hiebert E.* Department of the History of Science. Harvard University. URL: <https://histsci.fas.harvard.edu/people/erwin-n-hiebert> (дата обращения: 27.06.2022).

³ *Daston L.* The Reasonable Calculus: Classical Probability Theory, 1650–1840. 1979. Advisor – Hiebert, Erwin. Ph. D. Theses in the History of Science by Year 1941 through 2015. URL.: https://histsci.fas.harvard.edu/files/hos/files/phd_theses_in_history_of_science_by_year_1941_through_2015_created_12_17_15.pdf?m=1450371831 (дата обращения: 27.06.2022).

тивационной «карты»: зачем и для чего эти люди тогда это придумали? каковы были источники их идей и как они предполагали использовать результаты своих исследований? Таким образом, установка Л. Дастон проста: если вы хотите узнать о происхождении теории вероятностей, вам следует изучить ее применение. Оттолкнувшись от самого простого ее использования в азартных играх (карточные игры, игральные кости и т. п.), Дастон обнаруживает амбициозный «проект» математиков второй половины XVII–XVIII в. по формализации вероятностей и созданию такого механизма рациональности, где бы человек при принятии решений не просто опирался на свой ум, но, как сказал Лейбниц, «мы могли бы рассчитать (calculate) [то или иное развитие событий – В.В., Ю.Ш.] — и это, в свою очередь, автоматически разрешило бы споры». Исследование Л. Дастон показало, что Лейбниц и Кондорсе, Лаплас и Пуассон применяли теорию вероятностей в области функционирования юридических законов, в области судебных практик, к свидетельским показаниям, к вероятности чудес и, наконец, к вычислению рисков, как в случае с алеаторными договорами (контрактами, связанными со случайными событиями), так и при покупке фьючерсов на еще не выросшую пшеницу, страхование жизни и т.п.¹ Текст докторской диссертации Дастон лег в основу ее первой монографии 1988 г. «Теория вероятностей классического периода в эпоху Просвещения»² и предопределил направление исследовательской деятельности на долгие годы. Она сосредоточила свой интерес на реконструкции истории очевидных понятий, присущих современному человеку, а именно таких понятий как объективность³ и наблюдение⁴.

Решающим и поворотным в судьбе Лоррейн Дастон стало участие в международном проекте по изучению теории вероятностей в начале 1980-х гг. под эгидой Центра междисциплинарных

¹ *Bycroft M.* Ideals and Practices of Rationality – An Interview with Lorraine Daston // *Exchanges: The Warwick Research Journal*. 2017. V. 4. № 2. P. 178.

² *Daston L.* Classical Probability in the Enlightenment. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1988. viii, 423 p.

³ *Daston L., Galison P.* Objectivity. New York: Zone Books, 2007. 504 p.

⁴ *Histories of Scientific Observation* / ed. by L. Daston, E. Lundbeck. Chicago, L.: University of Chicago Press, 2011.

исследований Билефельдского университета (продолжение развития контактов, наработанных Эрвином Хиббертом). Инициаторами проекта стали трое ученых. Первый, уже упомянутый автор книги «Возникновение вероятностей» (1975), философ Йен Хакинг (род. 1936), к тому времени занявший высокие позиции в Стэнфордском университете. Второй исследователь – его коллега по Стэнфорду и жена Нэнси Картрайт (род. 1944), известная русскому читателю по переводу книги «Большое, малое и человеческий разум» 1997 г.¹ Третьим инициатором и формальным главой проекта был немецкий философ Лоренц Крюгер (1932–1994), пришедший в философию науки из теоретической физики и вдохновленный дискуссиями 1970-х гг. о рациональности и релятивизме в науке, поднятыми работами Томаса Куна и Пола Файрабента. Лоррейн Дастон вспоминала: «Я была самым младшим членом группы – думаю, нас было от двадцати до двадцати пяти человек, – которая должна была работать над [будущей книгой – В.В., Ш.Ю.] «Революция теории вероятностей» (1987)². Это был проект Йена, Нэнси и Лоренца. Начинаясь он отнюдь не как коллективный проект, каковым стал впоследствии, но невероятное усилие этих трех личностей сделали команду единой»³.

Год в Билефельде «изменил мою жизнь по-разному», — вспоминает Дастон. Первым культурным шоком стал немецкий язык: «Я не ожидала, что он будет таким красивым». Хотя она учила немецкий язык в годы студенчества, но его преподавали как мертвый язык. Помимо этого, «люди в Билефельде были очень добры. На воскресном рынке и в магазинах, все были очень приветливы и терпеливы – идеально для человека, который практикует неродной для него язык». Таким же терпеливым, открытым и деятельным был Лоренц Крюгер, которому вместе с Йеном Хакингом удалось создать сплоченный коллектив из разношерстной группы ученых из разных уголков мира. «Понравилась атмосфера доброжелательности и хорошего настроения и концепция житейской мудрости – *phronesis*, если использовать термин Аристотеля, – извлекать из этого огромную

¹ Пенроуз Р., Шимони А., Картрайт Н., Хокинг С. Большое, малое и человеческий разум. Издательство «Мир», 2012. 192 с.

² The Probabilistic Revolution / ed. by L. Daston, L. Krüger and M. Heidelberger. Vol. I: Ideas in History. Cambridge, MA: MIT Press, 1987. 468 p.

³ Bycroft M. Ideals and Practices of Rationality... P. 181–182.

пользу, — говорит Л. Дастон. – Это было своего рода экзистенциальным доказательством того, что ученые в гуманитарных науках могут работать вместе. Это было откровением»¹.

Кроме того, именно здесь Дастон получила опыт эффективного продвижения темы в группе: «Это был момент, который абсолютно переформатировал меня. Кто-то из команды предложил: “Мы должны попросить кого-то вести протоколы наших дискуссий”. И трое самых младших членов группы — я, Мэри Морган и Тед Портер... посмотрели друг на друга, абсолютно уверенные, что на одного из нас повесят эту задачу. Пока мы готовились к неизбежному, — вмешался Йен, самый старший из присутствующих в комнате, и сказал: “О, я сделаю это! А потом – по очереди”. Этим простым поступком создавалось абсолютно эгалитарное интеллектуальное сообщество, что запечатлелось в памяти как образец того, как это должно быть. И это обязательное условие для подобных совместных проектов»². Группа должна встречаться не один, не два, а три или четыре раза, чтобы набрасывать предварительные проекты, переделывать, обсуждать, критиковать, снова переделывать, пока не появится представление о том, как это может выглядеть в виде окончательного отредактированного тома. «Они стали моей семьей, — комментирует Лоррейн, – а один из них, в прямом смысле, стал моим мужем»³.

Таким образом, одно из важнейших событий в жизни Лоррейн Дастон также оказалось связано с Билефельдом и проектом “Probabilistic Revolution” – ее встреча с Гердом Гигеренцером. Это был молодой человек, не так давно получивший докторскую степень по математическим моделям в психологии в Мюнхене, который занимался изучением использования ограниченной рациональности (*bounded rationality*), интуиции и эвристики при принятии решений. Он привнес в проект из психологии дополнительное измерение рассматриваемой проблемы. Они влюбились друг в друга. Таким образом, Билефельд ознаменовал начало нового периода в жизни Дастон: в 1985 г. она выходит замуж за Герда Гигеренцера. Однако работа еще не позволяла им быть вместе: она была связана

¹ Deffke U. The Observer. Personal Portrait Lorraine Daston / Max Planck Research. New Energy through Chemistry. 2012. № 2. P. 87.

² Bycroft M. Op. cit. P. 182.

³ Ibid. P. 183.

контрактом с Принстонским университетом, а Гигеренцер оставался в Мюнхене. Типичная проблема для семьи ученых. «Это было очень сложно. Мы много времени тратили на то, чтобы добираться из дома до своей работы, пока рождение дочери не положило этому конец», — объясняет Дастон¹. Решающим стало предложение Дастон от Общества Макса Планка возглавить Департамент II «Идеалы и практики рациональности» в только что созданном в Берлине Институте истории науки Общества Макса Планка (Max Planck Institute for the History of Science, MPIWG). На этом посту с 1995 по 2019 г. Дастон была одним из трех директоров Института и до сих пор остается почетным его членом. За эти годы ею написаны и отредактированы не менее тринадцати коллективных монографий и две монографии в соавторстве.

Одной из двух таких влиятельных работ написанных в соавторстве стало уже упомянутое сочинение «Объективность». В России, как известно, ключевой для квалификационных работ по специальности «история» является стандартная фраза: «методологической основой исследования послужили принципы историзма, объективности и системности». Вероятно, поэтому именно это исследование Л. Дастон и П. Галисона получило в русскоговорящем пространстве особенный резонанс. Обратимся теперь к интерпретации Л. Дастон и ее коллеги важнейшего для исторической науки методологического принципа – принципа объективности.

Отвечая на вопрос о мотивации написания этой книги и ситуации, когда она создавалась, Лорейн говорит: «Мое участие в проекте вытекало из моего опыта работы с теорией вероятностей и статистикой, где тема объективности присутствует постоянно. С другой стороны, нам с Питером посчастливилось работать вместе в Стэнфордском центре перспективных исследований в области поведенческих наук (Stanford Center for Advanced Study in the Behavioral Sciences) в 1989–1990 учебном году... у Питера возникла мысль о том, что можно взять такое понятие, как объективность, которое я исследовала в основном с точки зрения его вероятностных проявлений (например, метод наименьших квадратов) и думать о нем с позиции очень конкретных визуальных практик. Мы начали этот про-

¹ Deffke U. Op. cit. P. 90.

ект в момент, когда история науки была в кризисе. Это был момент так называемых научных войн, по крайней мере внутри англосферы, когда дискуссия была поляризована между реализмом и социальным конструктивизмом, между подходами, которые считались социологическими и философскими. Мы были уверены – то, что мы хотим сделать, будет ортогонально [под прямым углом – В.В., Ш.Ю.] этому плану; в той одномерной и сужающейся плоскости просто невозможно было развиваться»¹.

Соавторство с Питером Галисоном (род. 1955), конечно, не было случайным. Траектория научного становления Галисона практически повторяет путь Дастон, с тем только отличием, что он пришел из физики. Степень бакалавра получил в Гарварде в 1977 г. Степень магистра философии – в Кембридже в 1978 г. Докторскую степень – в Гарварде в 1983 г. и сразу по двум направлениям: в области теоретической физики и истории науки. Руководителем его PhD-тезисов был тот же Эрвин Хиберт². Так же, как и у Дастон, докторская диссертация легла в основу первой его книги «Как заканчиваются эксперименты» 1987 г.³ После защиты Галисон несколько лет преподавал в Стэнфордском университете, где работал в тесном контакте с Йеном Хакингом и Нэнси Картрайт. Этих ученых в шутку прозвали Стэнфордской бандой разъединения (Stanford Disunity Mafia) или Стэнфордской школой, представители которой, разделяют интеллектуальную позицию неприятия идеи единства науки⁴.

¹ Objectivity and Beyond. Interview with Lorraine Daston and Peter Galison by Alex Pleshkov and Jan Surman. URL: <https://iq.hse.ru/en/news/397837371.html> (дата обращения: 27.06.2022).

² Galison P. Part I: How Experiments End: Three Case Studies on the Interaction of Experiment and Theory in 20th Century Physics; Part II: Large Weak Isopin and the W Mass. (Part 2, Physics). 1983. Advisor – Hiebert, Erwin. Ph. D. Theses in the History of Science by Year 1941 through 2015. URL.: https://histsci.fas.harvard.edu/files/hos/files/phd_theses_in_history_of_science_by_year_1941_through_2015_created_12_17_15.pdf?m=1450371831 (дата обращения: 27.06.2022).

³ Galison P. How Experiments End. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 337 p.

⁴ Hacking I. Historical Ontology. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002. См. критические соображения М. Куша: Kush M. Hackings Historical Epistemology: A Critique of Styles of Reasoning // Studies in History and Philosophy of Science. 2010. Vol. 41. No. 2. P. 158–173.

Именно Питер вышел на этот, казалось бы, самоочевидный критерий научности – объективность. Галисон вспоминает, что, работая над своим сочинением «Образ и логика: материальная культура микрофизики в истории науки» 1997 г.¹, он осознал фундаментальный раскол, возникающий в физических науках между единичными визуальными описаниями научных явлений и их описанием в статистически повторяющихся результатах, иными словами, различие между «образом» и «логикой». Фокус Галисона был на научных «инструментах», или «стилях научного рассуждения», которые производят доказательства, в данном случае – либо с помощью изображений, либо статистически. Очевидным это открытие стало для Галисона, когда он наткнулся на особый тип научной литературы: это были «атлас снимков пузырьковой камеры, ... атлас ядерных эмульсий, или атлас снимков облачных хранилищ. На первых страницах некоторых из этих книг говорилось что-то вроде того: “Мы научились этому у медиков”. Я был заинтригован, потому что для физиков не характерно чему-то учиться у врачей. Итак, я был чрезвычайно озадачен этим странным (для меня) понятием физического атласа и решил пойти в Медицинскую библиотеку Стэнфордского университета, где я начал просматривать медицинские атласы. Оказывается, их были тысячи: атласы кисти, атласы запястий, атласы глазного яблока, атласы черепа, атласы печени и почек, атласы офтальмоскопа, рентгенографии и отображение магнитно-резонансной томографии. Несколько дней я просто сидел и просматривал все эти удивительные книги, которые были написаны для других практикующих врачей, и в которых рассуждали об объективности и о том, что такое объективный образ»².

Таким образом, «объективность» диверсифицировалась. Как тут не вспомнить сочинение Бенуа Мандельброта «Какова длина побережья Великобритании? Статистическое самоподобие

¹ Galison P. Image and Logic: A Material Culture of Microphysics. Chicago: University of Chicago Press, 1997. 982 p.

² Objectivity and Beyond. Interview with Lorraine Daston and Peter Galison by Alex Pleshkov and Jan Surman. URL: <https://iq.hse.ru/en/news/397837371.html> (дата обращения: 27.06.2022).

и фрактальная размерность»¹. Постепенно стало ясно, что принцип «объективности», кроме всего прочего, изменялся во времени. Пробой пера по теме стала статья «Образ объективности» (1992 г.), в которой Дастон и Галисон наметили «триптих» изменений интерпретации «объективности» в науке². В статье 2000 г. «Объективность — это романтика» Галисон развил эту идею и связал изменения в содержании понятия с представлениями ученого о себе (selfhood). Он принципиально настаивает на том, что именно “selfhood” задает определенные типы научных практик, а не наоборот (как мы увидим позднее в книге, Дастон разделяет эту установку)³. В статье он показал, что идеал самоотречения и служения науке стал непрременной характеристикой имиджа ученого к середине XIX в. Это было связано с более широким представлением о «я» и «самости» в мировоззренческом этосе эпохи романтизма. Также в этой статье Галисон стремился формализовать три типа объективности⁴:

хронология	До 1820 г. Общее описание	1820–1920 Механическая объективность	После 1920 Субъективная объективность
персона	Гений	Практик/ производитель	Квалифицированный эксперт
практика	Вмешательство	Автоматическая передача	Субъективное суждение/решение
образ	Метафизический	Механический	Интерпретативный
онтология	Универсальная Триумф природы	Индивидуальная Постоянного типа	Семейства объектов

¹ Mandelbrot B. How Long Is the Coast of Britain? Statistical Self-Similarity and Fractional Dimension // Science, New Series. Vol. 156. No. 3775. 1967. P. 636–638.

² Daston L., Galison P. The Image of Objectivity // Representations. Special Issue: Seeing Science. Autumn, 1992. № 40. P. 81–128.

³ Galison P. Objectivity Is Romantic // Humanities and the Sciences / J. Friedman, P. Galison, S. Haack (eds). Washington: ACLS, 2000. P. 15–43.

⁴ Ibid. P. 22.

При знакомстве с вышеназванными работами Дастон и Галисона может показаться, что авторы покусались на святую святых научного познания – принцип объективности. Отнюдь. Дастон поясняет: «думаю, что для наших коллег... самым трудным моментом нашего проекта была мысль о том, что сама объективность может иметь историю. И после публикации нашей первоначальной статьи на эту тему в контексте дискуссий середины 1990-х гг. это сразу же было интерпретировано как утверждение, что объективности не существует. Многие из наших критиков считали, что историзация означает разоблачение. Одним из первоначальных стимулов для проекта было то, что мы хотели написать историю, которая была бы радикальной историей, взяв за основу самоочевидную практику и концепцию, но не разрушая тем самым эту практику и концепцию, у нас не было идеи сжигать их дотла. Мы думали об этой истории не только как об истории объективности или истории визуальных практик и атласов, но и как о примере радикального историзма, не разоблачающего историю»¹.

Таким образом, исследовательский проект «Объективность» с разной степенью интенсивности развивался в течении пятнадцати лет и оформился в монографическое исследование только в 2007 г. В «перепрочтении Дастон и Галисон» принцип объективности предстал своеобразной камерой-обскура, которую исследователь может по-разному использовать в своих интересах, меняя фокус «изображения» рассматриваемого предмета. «Мы хотели подчеркнуть, – поясняет Галисон, — что идея особого и меняющегося научного “я” по мере движения во времени была в некотором смысле более фундаментальной, более определяющей, чем просто отражение определенного состояния технологии. Короче говоря, мы выступали против технологического детерминизма, который гласил, что, если у вас есть телескоп — то вы используете его таким-то образом, а если у вас есть камера-обскура — она должна быть развернута следующим образом. Мы хотели отделить технологический детерминизм, с которым мы не были

¹ Objectivity and Beyond. Interview with Lorraine Daston and Peter Galison by Alex Pleshkov and Jan Surman. URL: <https://iq.hse.ru/en/news/397837371.html> (дата обращения: 27.06.2022).

согласны, и идею историзации научной самости (scientific self), которую мы рассматривали в некотором роде нашей путеводной звездой в этих пространствах».

Согласно Дастон и Галисону, принцип объективности как базовый научный принцип остается таковым и в XXI в., но приобретает более сложный характер и, вместе с тем, более тонкое современное измерение. Это означает новую оптику исследования: осознание того, что при различных типах научных практик (микро-, макро-, мезо-, метаанализ) результаты будут различаться. «Аура викторианской самодисциплины идеала механической объективности» больше не отвечает все усложняющемуся миру науки. В этом смысле история науки несет в себе и «освобождающую функцию»¹ — ведь ключ к решению дисциплинарных проблем кроется в нашем понимании условности и прямой зависимости от контекста бытования так называемых идеалов рациональности, а также в подвижности границы между объективным и субъективным знанием. Маркеры этой границы и признаки контекстуальности выявляются в процессе пристального исследования многообразных конкретных познавательных кейсов, классификаций и иерархий знаний, эпистемических добродетелей — и эти кейсы, классификации и добродетели при “объективном” взгляде на вещи выходят за пределы привычного понимания “науки” и как дискурсивное поле представляют собой историю знания. Именно в фокусе истории знания, полагает Дастон, мы способны преодолеть текущий “дисциплинарный невроз”² и, возможно, заложить основы для будущих институций и эпистемологических практик — совершенствовать ведущую академическую модель познания и иметь возможность свободного выбора между ней и другими моделями. «У кросс-культурной и кросс-исторической перспективы, у истории знания вполне могут быть последствия, которые повлияют на наши нынешние классификации знания и способы познания», считает историк³. Замечательными примерами реализации коллективных

¹ Дастон Л. О ценности коллективной работы и исследования практик: интервью с Лоррейн Дастон // Логос. 2020. Т. 30. № 2. С. 3.

² Дастон Л. История науки и история знания // Логос. 2020. Т. 30. № 1. С. 83.

³ Там же. С. 79.

проектов помимо уже упомянутых являются исследования чудесного и монструозного¹, законов природы и юридических законов², практик архивирования³.

Другой потенциально значимый результат дальнейшего развития истории науки и истории знания — это выявление взаимосвязи научного и морально-этического дискурса. Двигаясь от исследования конкретных практик, таких как вычисление, наблюдение, создание научных изображений, формирование коллекций и функционирование архивов, Дастон приходит к выводу об очевидном и местами парадоксальном влиянии научных практик на складывание ценностных иерархий и правил поведения в обществе. Уже в «Объективности» Дастон обращается к этике и эмоциям ученых, создающих и использующих научные образы. Научные иллюстрации оказываются не только средством репрезентации окружающего мира, но и способом трансляции ценностей и идеалов, касающихся познания и передачи истины и личности ученого: «От мудреца через труженика к тренированному эксперту; от рационального образа через механическое отображение к интерпретированному изображению. Эта сентенция, пускай даже слишком схематичная, смыкает эпистемологическую историю образа с этической эпистемологией автора-ученого»⁴.

¹ Daston L., Park K. *Wonders and the Order of Nature*. N. Y.: Zone Books, 1998.

² *Natural law and laws of nature in early modern Europe: jurisprudence, theology, moral, and natural philosophy* / ed. by L. Daston, M. Stolleis. Farnham: Ashgate, Routledge, 2008.

³ *Science in the Archives: Pasts, Presents, Futures* / ed. by Lorraine Daston. Chicago: University of Chicago Press, 2017. VIII, 397 p. Дастон вновь обратилась к визуальным источникам в статье: Daston L. *The Immortal Archive: Nineteenth-Century Science Imagines the Future* // *Science in the Archives: Pasts, Presents, Futures* / ed. by L. Daston. Chicago, IL: The University of Chicago Press. 2017. P. 159–182.

⁴ Дастон Л., Галисон П. *Объективность* / пер. с англ. Тараса Вархотова, Александра Писарева, Станислава Гавриленко. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 509. Собирабельные образы «мудреца», «труженика» и «тренированного эксперта» введены Дастон и Галисон для детализации типологии различных режимов «объективности». Как нетрудно заметить, похожие образы использует Галисон в приведенной выше таблице из статьи «Объективность — это романтика». Эта таблица была несколько видоизменена и опубликована позднее в совместной монографии, см.: Дастон Л., Галисон П. *Объективность...* С. 527.

В своей последней на сегодняшний день опубликованной работе «Против природы» (2019)¹ Дастон обращается к историческим трансформациям понятия «природа» и его роли в складывании морально-нравственных категорий от Аристотеля до наших дней, особенно останавливаясь на периоде, который знает лучше всего — XVII–XVIII вв. Установление смыслового наполнения таких понятий, как «природа», «закон природы», «моральный закон», «универсальный закон», реконструкция контекстов введения этих категорий в научном дискурсе и выявление их значения в усилении социального влияния научных институций, — все это позволяет проследить логику складывания «общественного порядка» из «порядка природы». Благодаря пониманию обстоятельств натурализации нарратива «природы», набирающего популярность в научно-исследовательском пространстве и становившегося предметом своего рода спекуляции внутри общественно-политического дискурса XVIII–XX вв., возможно создать потенциальные предпосылки к преодолению ксенофобии в широком смысле как побочного эффекта видовой классификации и идеи категоризации природного мира.

Что утаивают от исследователей архивы, почему невозможно быть «по-настоящему» объективным, каким образом морально-этические нормы находят свою опору в научном дискурсе? Л. Дастон ставит вопросы, поспешные ответы на которые способны подорвать авторитет научного знания. К счастью, она не стремится опрокинуть традицию. Ее работам чужд обличительный пафос экспертов-социологов и радикализм теоретиков «технологий познания». Критический импульс ее мысли рождается в момент «столкновения» с источниками, а рефлексивное отношение к действующим стандартам исследовательских практик и институциональной инфраструктуры — из накопленного опыта работы в составе различных учреждений и коллективов. Исследовательская интенция Дастон, направленная на проявление неявных контингентных связей в структуре

¹ Daston L. *Against Nature*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2019. На момент написания данной статьи известно о том, что ведется подготовка к публикации нового исследования Дастон о правилах под названием «Rules: A Short History of What We Live By». Ожидается, что книга выйдет в июле 2022 г. в издательстве Принстонского университета.

научного знания и придание им огласки, весьма далека от риторики разоблачения. Ее призывы не игнорировать противоречия современной познавательной модели, обращать внимание на практики и инструменты «добывания» знания в каждом конкретном историческом обстоятельстве и работать в команде, внимательно прислушиваясь к наблюдениям специалистов разных предметных областей, несут в себе позитивный посыл к переосмыслению наших представлений о развитии знания, актуализируют междисциплинарность как подход и побуждают историков науки к перманентной рефлексии в отношении собственного метода.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Дастон Л.* Дисциплинирование дисциплин: академии и единство знания // *Науки о человеке: история дисциплин: коллект. моногр. / сост. и отв. ред. А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики».* М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 651, [5] с. С. 105–124.
- Дастон Л., Галисон П.* Объективность / пер. с англ. Тараса Вархогова, Александра Писарева, Станислава Гавриленко. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 584 с.
- Дастон Л.* История науки и история знания // *Логос.* 2020. Т. 30. № 1. С. 63–90.
- Дастон Л.* О ценности коллективной работы и исследования практик: интервью с Лоррейн Дастон // *Логос.* 2020. Т. 30. № 2. С. 1–14.
- Пенроуз Р., Шимони А., Карпайт Н., Хокинг С.* Большое, малое и человеческий разум. Издательство «Мир», 2012. 192 с.
- Bycroft M.* Ideals and Practices of Rationality — An Interview with Lorraine Daston. *Exchanges: The Warwick Research Journal.* 2017. V. 4. № 2. P. 173–188.
- Daston L.* The Reasonable Calculus: Classical Probability Theory, 1650–1840. 1979. Advisor — Hiebert, Erwin. Ph. D. Theses in the History of Science by Year 1941 through 2015. URL.: https://histsci.fas.harvard.edu/files/hos/files/phd_theses_in_history_of_science_by_year_1941_through_2015_created_12_17_15.pdf?m=1450371831(дата обращения: 27.06.2022).
- Daston L.* Classical Probability in the Enlightenment. Princeton, NJ.: Princeton University Press, 1988. Xviii, 423 p.
- Daston L., Galison P.* The Image of Objectivity // *Representations. Special Issue: Seeing Science.* Autumn, 1992. № 40. P. 81–128.

- Daston L., Park K.* Wonders and the Order of Nature. New York: Zone Books, 1998. 512 p.
- Daston L., Galison P.* Objectivity. New York: Zone Books, 2007. 504 p.
- Daston L.* The Immortal Archive: Nineteenth-Century Science Imagines the Future // *Science in the Archives: Pasts, Presents, Futures / ed. by L. Daston.* Chicago, IL: The University of Chicago Press. 2017. P. 159–182.
- Daston L.* Against Nature. Cambridge, MA: The MIT Press, 2019. 53 p.
- Hacking I.* The Emergence of Probability. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. 209 p.
- Hacking I.* Historical Ontology. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002. 279 p.
- Cohen I.B.* The Newtonian Revolution: With Illustrations of the Transformation of Scientific Ideas (The Wiles Lectures) Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 424 p.
- Cohen I.B.* The Birth of a New Physics. New York: W. W. Norton & Company, 1985. 258 p.
- Cohen B.* Revolution in Science. Cambridge: Belknap Press, 1985. 732 p.
- Deffke U.* The Observer. Personal Portrait Lorraine Daston // *Max Planck Research. New Energy through Chemistry.* 2012. № 2. P. 87–92.
- Erwin Nick Hiebert. URL: <https://mathshistory.st-andrews.ac.uk/Biographies/Hiebert/> (дата обращения: 27.06.2022).
- Galison P.* Part I: How Experiments End: Three Case Studies on the Interaction of Experiment and Theory in 20th Century Physics; Part II: Large Weak Isopin and the W Mass. (Part 2, Physics). 1983. Advisor — Hiebert, Erwin. Ph. D. Theses in the History of Science by Year 1941 through 2015. URL.: https://histsci.fas.harvard.edu/files/hos/files/phd_theses_in_history_of_science_by_year_1941_through_2015_created_12_17_15.pdf?m=1450371831 (дата обращения: 27.06.2022).
- Galison P.* How Experiments End. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 337 p.
- Galison P.* Image and Logic: A Material Culture of Microphysics. Chicago: University of Chicago Press, 1997. 982 p.
- Galison P.* Objectivity Is Romantic // *Humanities and the Sciences / J. Friedman, P. Galison, S. Haack (eds).* Washington: ACLS, 2000. P. 15–43.
- Hiebert E.N.* The impact of atomic energy. Newton, Kansas: Faith and Life Press, 1961. 302 p.
- Hiebert E.N.* The Historical Roots of the Principle of the Conservation of Energy. Madison: The State Historical Society of Wisconsin, 1962. 118 p.
- Hiebert E.N.* The Conception of Thermodynamics in the Scientific Thought of Max and Planck. Freiburg/Br.: Ernst-Mach-Institut, 1968. 106 p.

- Hiebert E. Department of the History of Science. Harvard University. URL: <https://histsci.fas.harvard.edu/people/erwin-n-hiebert> (дата обращения: 27.06.2022)
- Histories of Scientific Observation / L. Daston, E. Lundbeck (eds). Chicago, L.: University of Chicago Press, 2011. 480 p.
- Kush M. Hackings Historical Epistemology: A Critique of Styles of Reasoning // Studies in History and Philosophy of Science. 2010. Vol. 41. No. 2. P. 158–173.
- Lorraine Daston / Completed Projects. URL: <https://www.mpiwg-berlin.mpg.de/users/ldaston> (дата обращения: 11.06.2022).
- Mandelbrot B. How Long Is the Coast of Britain? Statistical Self-Similarity and Fractional Dimension // Science. New Series. Vol. 156. No. 3775. 1967. P. 636–638.
- Natural law and laws of nature in early modern Europe: jurisprudence, theology, moral, and natural philosophy / ed. by L. Daston, M. Stolte. Farnham: Ashgate, Routledge, 2008. 350 p.
- Newton I. The Principia: The Authoritative Translation and Guide: Mathematical Principles of Natural Philosophy by Sir Isaac Newton / translated by B. Cohen, A. Whitman, J. Budenz. Berkeley: University of California Press, 2016. 992 p.
- Objectivity and Beyond. Interview with Lorraine Daston and Peter Galison by Alex Pleshkov and Jan Surman. 2020. URL: <https://iq.hse.ru/en/news/397837371.html> (дата обращения: 11.06.2022).
- Science in the Archives: Pasts, Presents, Futures / ed. by Lorraine Daston. Chicago: University of Chicago Press, 2017. viii, 397p.
- The Probabilistic Revolution / ed. by L. Daston, L. Krüger and M. Heidelberger. Vol. I: Ideas in History. Cambridge, MA: MIT Press, 1987. 468 p.

И.Н. Ионов

**КОНСТРУИРУЯ ОБРАЗЫ
РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:
ВЗГЛЯД СНАРУЖИ И ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ**

На протяжении многих десятилетий тема российской цивилизации остается остро дискуссионной в отечественной и мировой (американской, немецкой, французской) печати. В российской историографии это направление получало, как правило, позитивную оценку. Пример — такие крупные историографы, как В.В. Согрин и Б.Г. Могильницкий. Последний видел в нем проявление третьего этапа «историографической революции» XX века, после «новой исторической науки» Ф. Броделя и истории ментальностей 1980-х годов¹. Однако еще в 1997 г. в первой американской публикации на эту тему историк Дж. Брэдли назвал отношение к теме российской цивилизации «противоречивым». Еще более негативное отношение выразила в 2000-е гг. Ю. Шеррер², которая связала появление цивилизационного сознания в России с ростом национализма и оформлением такого псевдонаучного, по ее мнению, направления мысли, как культурология. Авторов обвиняли в попытках возрождения «русской идеи», «русской души», детерминизма и эссенциализма. Наконец,

¹ Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: курс лекций. Вып. 3. Историографическая революция. Томск: Издательство Томского университета, 2008. С. 6–7, 458–462; Согрин В.В. Три исторические субкультуры постсоветской России // *Общественные науки и современность*. 2013. № 3. С. 102; Морозов Н.М. Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX–XXI вв. Кемерово: Практика, 2014.

² Возможно, ее сбита с толку аннотация к изданию моего учебника 1995 г., в которой он характеризовался как «попытка осмыслить глубинный ход российской истории с точки зрения либеральной демократии». Иностранец мог это понять как принадлежность к националистической партии ЛДПР. — Ионов И.Н. Российская цивилизация IX — начало XX в. Учебник для 10–11 классов общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 1995. С. 2.

в 2020 г. скандинавские политологи подготовили сборник статей «Россия как цивилизация. Идеологические дискурсы в политике, медиа, образовании и науке»¹. На протяжении XXI века к этой критике присоединились В.А. Шнирельман и Г.И. Зверева. В том числе они приняли участие в последнем сборнике, влияя своим авторитетом на других авторов². Интересно, что такое негативное отношение к проблематике локальных цивилизаций в целом не характерно даже для западных политологов и антропологов, особенно по отношению к азиатским странам, настаивающим на своей самобытности, но при этом успешно осуществляющим модернизацию³.

На удивление, многое из того, о чем пишется в названных критических работах, катастрофическим образом не совпадает с моим личным восприятием процесса становления цивилизационных исследований в России, в котором я принимал активное участие, о чем свидетельствует цитирование моих работ (как правило, в негативном контексте). Об этом, может быть, не стоило бы заводить речь, если бы не бифуркационный характер текущего исторического процесса, в котором неизмеримо повышается роль самоидентификации и обслуживающих его макроисторических

¹ *Bradley J.* Editor's Note // *Russian Studies in History*. "Russia — A Divided Civilization?". 1997. Vol. 36. No. 1. P. 3–5; *Scherrer J.* Kulturologie: Russland auf der Suche nach einer zivilisatorischen Identität. Göttingen: Wallstein Verlag, 2003. S. 17, 171; *Scherrer J.* Idéologie, identité, mémoire: une nouvelle "idée russe"? // *Transitions*. № 44(2). 2006. P. 123–138; *Niquex M.* Discours essentialistes dans la Russie d'aujourd'hui, ou le retour de l'âme russe // *Colloque La Russie et l'Europe: autres et semblables*. Université Paris Sorbonne — Paris IV, 10–12 mai 2007. URL: <http://institut-est-ouest.ens-lsh.fr/spip.php?article133> (дата обращения: 03.03.2022); *Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia* / eds. K.J. Mjør and S. Tuoma. Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2020.

² *Шнирельман В.А.* Цивилизационный подход, учебники истории и «новый расизм» // *Расизм в языке социальных наук* / под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб.: Алетейя, 2002. С. 131–145; *Зверева Г.И.* Конструирование культурной памяти. «Наше прошлое» в учебниках российской истории // *Новое литературное обозрение*. 2005. № 74. С. 116–129.

³ *Asciutti E.* Asia and the Global World: Identities, Values, Rights // *Identity in Crossroad Civilizations: Ethnicity, Nationalism and Globalism in Asia* / eds. E. Kolig, S. Wong, V.S.M. Angeles. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2009. P. 28–30.

образов, таких как российская цивилизация. Чтобы не растекаться мыслью по древу четвертьвековой апологетики и критики, я сосредоточусь на последнем сборнике, тем более что подходы авторов устоялись, да и цитаты они почему-то приводят одни и те же. Подобного рода «взгляд изнутри», совсем не совпадающий с «взглядом снаружи», мог бы активизировать применение в истории идей методов Р. Коллинза, предложившего сетевую концепцию рождения и развития философских идей¹. Он поможет понять, насколько далека может быть картина развития мысли от представлений ее критиков, игнорирующих различия в ритмах развития культуры и науки в СССР, постсоветской России и на Западе, не знакомых с методами интеллектуальной истории и произвольно «вчитывающих» в те или иные концепции неприятное им содержание. Интересно, что это могут быть не только политологи, но и историки, принадлежащие традиции школы «Анналов» (как Ю. Шеррер) и антропологи (как В.А. Шнирельман), для которых традиция насыщенного (многоуровневого) описания К. Гирца должна быть базовой.

Основное противоречие подходов российских «цивилизационщиков» и их критиков мне видится в том, что мы возвращаемся не среди консерваторов-националистов, а в кругу историков и философов, интересующихся прежде всего научно-исследовательскими возможностями цивилизационных теорий, занятых расширением повестки дня исторических исследований в условиях кризиса марксизма-ленинизма, созданием новых вопросников для учащихся и профессиональных историков, приращением конкретного исторического знания, в то время как их критики выделяют в их исследованиях в первую очередь геополитическую, идеологическую, традиционалистскую сторону, зачастую упуская самую возможность научного интереса. В 2003–2022 гг. отмечается сдвиг от критики культурологии как псевдонауки к критике «цивилизационизма» как консервативной идеологии или политики идентичности, ориентированной на абсолютизацию роли традиционных ценностей. Только в последнем сборнике этот термин

¹ *Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.

упоминается 47 раз¹. Это связывается с закономерным процессом перехода в России от культурного национализма к политическому, от культурологии к цивилиционизму². При этом внимание акцентируется на государственной политике, а не на роли науки как формы ориентации в реальной социально-политической обстановке, школы самопознания и самоидентификации людей.

Критики идеи российской цивилизации слабо учитывают то, что основная логика развития теории истории в позднем СССР и ранней постсоветской России была направлена на восполнение пробелов, связанных с цензурой советской власти. Одним из таких пробелов был длительный отказ от ценности цивилизации. В 1920–1930-е гг. это понятие существовало только в сочетании «буржуазная цивилизация» и имело негативную коннотацию³. К 1980-м гг. оно ассоциировалось у советских философов с материальной культурой, стадией развития общества и перспективой коммунистической цивилизации, а его предыстория — с фигурами Н.Я. Данилевского и О. Шпенглера⁴. Из-за этого были упущены познавательные возможности, связанные с эпохой деколонизации, становления новых государств «третьего мира» и развитием регионалистики в 1960–1980-е гг., новой повесткой дня историков Франции (журнала «Анналы. Экономика. Общества. Цивилизации») и США, где действовало Международное общество сравнительного изучения цивилизаций (ISCSC), издававшее журнал «Сравнительное изучение цивилизаций»⁵. Но критики подменяют проблему ценности цивилизации вопросом реабилитации О. Шпенглера, чем начисто закрывают себе путь к пониманию темы⁶.

¹ Russia as Civilization: Ideological Discourses... P. 222.

² Turoma S., Mjør K.J. Introduction // Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia / eds. K.J. Mjør and S. Turoma. Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2020. P. 14.

³ Асоян Ю.А. Исчезнувшая цивилизация: цивилизационные категории в советском идеологическом дискурсе 1920–1930-х гг. // Общественные науки и современность. 2012. № 4. С. 112–119.

⁴ Цивилизация // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 766.

⁵ Итоги его работы см.: The Boundaries of Civilizations in Space and Time / eds. M. Melko, L.R. Scott. Lanham: University Press of America, 1987.

⁶ Turoma S., Mjør K.J. Introduction. P. 12–13.

Контекст понятия «цивилизация», сложившийся к 1970–1990-е гг., совершенно не учитывается критиками идеи российской цивилизации, которые из иного контекста XXI в. противопоставляют концепции универсальной цивилизации и локальной цивилизации, связывая первую с либерализмом и правами человека, а вторую — с национализмом и империализмом. Вследствие этого в центре их внимания оказались националисты и почти полностью выпала деятельность созданного М.А. Баргом и Б.Е. Черняком Центра сравнительной теории и истории цивилизаций в Институте всеобщей истории РАН; соответствующих подразделений в Институте востоковедения и Институте Африки РАН, также занятых проблемами России; сотрудников Института истории рабочего движения; Института Латинской Америки; Института мировой экономики и мировой политики РАН; МГУ, на разных этапах внесших решающий вклад в разработку этой темы. Характерно игнорирование публикаций сборников «Цивилизации», «Цивилизации и культуры» и др., а также авторитетного в академических кругах журнала «Общественные науки и современность», в котором с 1993 г. на протяжении десятилетий существовал раздел «Российская цивилизация». Кое-какие мои мысли на этот счет уже были опубликованы в первом сборнике «Профессия — историк»¹. Однако они касались общей историографической ситуации, в то время как данная статья посвящена логике развития научного подхода к российской цивилизации как таковой.

Особенно поражает описание иностранными и особенно российскими авторами раннего периода формирования цивилизационных представлений. Академические корни последних их, как правило, не интересуют, им важна их роль как основания гегемонистского дискурса. Они совершенно спокойно путают «русскую цивилизацию» националиста О.А. Платонова и «русскую цивилизацию», благо по-английски они звучат одинаково. Цивилизационный поворот для них — чисто консервативный, форма «цивилизационного национализма», замешанного на шпенглеровском субстанционализме. Критикам кажется, что выбор идентичности для России в 1990-е гг. был произвольным средством

¹ Ионов И.Н. Между универсализмом и уникальностью: культура, личность и познавательные стратегии историка // Профессия — историк. К юбилею Л.П. Репиной / отв. ред. О.В. Воробьева. М.: Аквилон, 2017. С. 256–284.

политической мобилизации, соединял пережитки формационной теории с русским национализмом и развивался целенаправленно в сторону представления о неевропейской природе России и сопротивления глобализации. Понятие «цивилизация» как символ либеральных реформ резко противопоставляется понятию «российская цивилизация» как имперскому и реваншистскому, призванному затушевать неприятную гибридность русской культуры, постоянную осцилляцию между Востоком и Западом. Идеи цивилизационной и имперской идентичности смешиваются самыми квалифицированными авторами¹.

Общим представляется мнение о заимствованном характере идеи локальной цивилизации в России (вместе с идеей столкновения цивилизаций) у С. Хантингтона (его имя многократно упоминается в книге на 16 страницах), ее связи с русской религиозной философией и идеей «русской души». Авторам как-то не приходит в голову, что у российской исторической науки могут быть собственные внутренние проблемы, которые решаются свойственными ей методами в иной культурной ситуации, причем круг известной историкам литературы может резко отличаться на Западе и в России (и особенно в СССР). Это недоразумение проявляется в том, что ключевые фигуры и направления, определившие основные векторы развития цивилизационных представлений в России, вовсе не отражены в критике или же трактуются совершенно превратно. При этом нападки на отдельных авторов повторяются из года в год и из статьи в статью, что говорит либо о невнимательности, либо о предвзятости автора².

***

Так, в названном сборнике статей вовсе не упомянута книга, интегрировавшая представление о российской цивилизации в отечественный научный дискурс, и даже не упоминается фами-

¹ Turoma S., Mjør K.J. Introduction. P. 12, 16–19; Malinova O. “Nation” and “civilization” as templates for Russian identity construction: a historical overview // Russia as Civilization... P. 27, 28–30.

² Shnirelman V. Russia between a Civilization and a Civic Nation: Secular and Religious Uses of Civilizational Discourse During Putin’s Third Term // Russia as Civilization... P. 59–86.

лия ее автора — А.С. Ахиезера. Между тем он не только предложил в качестве аналитического инструмента представление о России как промежуточной цивилизации, инструмента, который до сих пор используют самыми разными способами. Но и указал как на препятствие для либеральных реформ не только на «консерватизм разных толков, но и на абстрактный утопический либерализм» — вроде того, что используют критики цивилизационного подхода. Он призывал искать опору для реформ в «исторически сложившихся почвенных традициях», в том числе в силе государственной власти¹. Кричаще нелепой является характеристика отношения к теме ее отца-основателя в СССР М.А. Барга, который пришел к ней трудным путем — от критики абстрактного социологизма теории формаций через концепцию внутрiformационных регионов (1970)². По мнению М. Сулова и И. Коткиной, в конце жизни он негативно отзывался об «эвристическом балансе» (*trade off*) цивилизационного подхода и находил его неудовлетворительным³. В это можно поверить только в том случае, если не только не читать статьи, на которую дана сноска, как это сделали сами авторы, но и не ознакомиться с биографией М.А. Барга, который был создателем и руководителем сектора сравнительной теории и истории цивилизаций в ИВИ РАН, а также альманаха «Цивилизации». При этом для него важна была не абстрактная, а именно локальная (в том числе российская) цивилизация, так как локальность противостояла абстрактности идеи детерминированного однолинейного развития, с которой в то время шла борьба, за историческую конкретность идеи вероятно-определяемого, многолинейного, локального развития. Это была борьба за самостоятельный научный статус исторического знания,

¹ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: В 3 т. Т. 3. Социокультурный словарь. М.: Издательство Философского общества, 1991. С. 311–312.

² Ионов И.Н. Кризис исторического сознания и логико-лингвистические зигзаги цивилизационных концепций // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 33. М., ИВИ РАН, 2010. С. 5–21; Ионов И.Н. Историческая теория среднего уровня и ее современное значение // Люди и тексты. Исторический альманах. 2015. Идея истории. К 100-летию М.А. Барга. М.: ИВИ РАН. С. 55–81.

³ Suslov M., Kotkina I. Civilizational Discourses in Doctoral Dissertations in Post-Soviet Russia // Russia as Civilization... P. 169.

который в СССР был невозможен. В этом смысле теория цивилизаций во многом трансформировала, а не воспроизводила функцию формационной теории¹. Л.П. Репина как наиболее видный наследник школы М.А. Барга, характеризуя его последние статьи, пишет, что он обнаружил в понятии «цивилизация» наиболее полное из возможных описаний границ конкретного исторического общества и по-новому взглянул при помощи этой категории на принципы универсализма и глобальной истории человечества, что позволило «антропологически осмыслить исторический процесс, т. е. гуманизировать его»².

Фатальной ошибкой критиков цивилизационного подхода в России является их попытка вывести его из наследия Н.Я. Данилевского и С. Хантингтона. Именно эта тенденция заставляет даже вполне квалифицированных исследователей, таких как Г.И. Зверева и О.Ю. Малинова, в той или иной мере сбиваться в колено рассуждений, заданных идеей националистического уклона чуть ли не любых представлений о российской цивилизации. Между тем еще в 1980-х г. теория Н.Я. Данилевский негативно характеризовалась основоположником исследования цивилизационной традиции в историографии Е.Б. Рашковским как империалистическая и шовинистическая, разрывающая с гуманистической традицией русской культуры³. С. Хантингтон был известен в то время вне националистических кругов по более ранним работам как сторонник идеи модернизации⁴. Наибольший интерес вызывала школа «Анналов», спор за наследие которой шел в СССР между М.А. Баргом и А.Я. Гуревичем, первый из которых опирался на наследие Л. Февра, М. Блока и Ф. Броделя, стремился в условиях веберовского ренессанса через цивилизационный и деятельностный подход найти путь к изучению личности в истории,

¹ Формация или цивилизация? (Материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 34–59.

² Репина Л.П. Категории исторической науки и «глобальная история человечества» М.А. Барга // Диалог со временем. 2015. Вып. 53. С. 14.

³ Рашковский Е.Б. Данилевский // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. С. 134.

⁴ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / пер. с англ. В.Р. Ракитянского. М.: Прогресс-традиция, 2004.

формирующей свое время и сознание¹, а второй был ярким представителем третьего поколения «Анналов», сосредоточенного на истории ментальностей и негативно относящегося к Ф. Броделю. В 1989–1990 гг. в Институте всеобщей истории АН СССР прошли две конференции, собравшие в основном сторонников того и другого подхода. Но в любом случае в центре внимания оставались исследования культуры как мотивации деятельности или как дискурса. Ведь в самой школе «Анналов» долгое время сочетались цивилизационный и менталистский подходы².

В соответствии с традицией журнала «Анналы. Экономика. Общества. Цивилизации» (1946–1993) познавательным идеалом был отход от политической истории, неприятие европоцентризма, принципиальное использование понятия цивилизации номиналистски, в самых разных контекстах (универсальная, локальная, материальная, барочная, крестьянская и т. п.), восприимчивость к разным уровням исторического времени, в том числе большой длительности, конъюнктурному и событийному, к историческим альтернативам и вариантам, осознание ценности диалога цивилизаций и мультиперспективизации, ориентация на методы исторической антропологии, которую очень ценил М.А. Барг. Это разрушало представления об однозначной детерминированности истории, отменяло интерес к политически ориентированным и детерминистским концепциям Н.Я. Данилевского и С. Хантингтона, снижало интерес к концепции А.Дж. Тойнби с его историческими законами и универсальными государствами. Образ локальной цивилизации в этом контексте противостоял идее государства, был реляционным (в духе К. Мангейма), вариативным, рефлексивным и многоуровневым. Культурология была формой релятивизации знания о прошлом, альтернативой нормативной политической идентичности. Странно, что это не понимает наследница традиции «Анналов» в Германии и Франции Ю. Шеррер, сводящая цивилизационное сознание в России к геополитике и мифологии³.

¹ Барг М.А. Проблема человеческой субъективности в истории (методологический аспект) // Цивилизации. Вып. 1 / под ред. М.А. Барга. М.: Наука, 1992. С. 70.

² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / общ. ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: Прогресс-Академия, 1992.

³ Scherrer J. Op. cit.

Соответственно, уже в первом номере альманаха «Цивилизации» наибольший интерес среди предшественников был сосредоточен на традиции школы «Анналов» (в историографическом разделе первыми стоят статьи о Ф. Бродеде и французском цивилизационном подходе, и только потом о А.Дж. Тойнби)¹. В вышедшем в 1995 г. реферативном сборнике «Современные теории цивилизации», ставшим основой многих лекционных курсов и диссертаций, обзор основоположников подхода начинался с критических переоценок работ О. Шпенглера и А.Дж. Тойнби. В центре его стояло подробное изложение содержания работ М. Блока, Л. Февра (о «цивилизациях групп, племен, наций, даже континентов»), Ф. Бродедя, Р. Барта, П. Франкастеля и Р. Мандру (о «больших формах» цивилизации, например, «цивилизации Версаля»), Т. Тойоды (о «фототрофности» японской цивилизации, свойственной и России), П. Граппена, А. Бюргера (критиковавшего стремление втиснуть неевропейские цивилизации в европейскую систему ценностей, которую он называл «прокрустовым ложем»), Ш.Н. Айзенштадта и других статей об истории цивилизаций в «Анналах» с 1934 по 1983 г. За ними следовали обзоры веберовской традиции и ее значения для исторического цивилизационного знания, в том числе работ Ш.Н. Айзенштадта, традиции Н. Элиаса самой по себе и в сравнении с М. Вебером, П. Сорокина².

Замечу, что тема С. Хантингтона к этому времени у нас отсутствовала вообще. Тема Н.Я. Данилевского (наряду с В.С. Соловьевым) возникла только во втором выпуске сборника «Цивилизации» (1993). Ему уделяется внимание потому, что он был относительно малоизвестен, не входил в курс преподавания истории в вузах. Но оригинальность его концепции ставится под сомнение в связи с заимствованием идей немецкого историка Г. Рюккерта³. Критическая тенденция приобретает все более отчетливый характер в дискуссиях 1997–2007 гг. По мере того

¹ Цивилизации. Вып. 1 / под ред. М.А. Барга. М.: Наука, 1992. С. 178–206, 230.

² Ионов И.Н. Проблема цивилизаций во французском историческом журнале «Анналы» в 1930–1980-х гг. // Современные теории цивилизаций (Реферативный сборник) / отв. ред. М.М. Наринский. М.: ИВИ РАН, 1995. 150 с. С. 81, 85, 89.

³ Хачатурян В.М. Н.Я. Данилевский и В.С. Соловьев о всемирно-историческом процессе и локальной цивилизации // Цивилизации. Вып. 2. М.: Наука, 1993. С. 168.

как в конъюнктурной историографии имя Данилевского звучало все более громко, в научной его роль снижалась до роли эпигона Ф. Гизо, Д. Милля, Г. Рюккерта, возможно, Г.Т. Бокля. Выяснилось, что он резко упростил созданный ими образ локальной цивилизации, недооценивал значение опыта древних и восточных цивилизаций, потенциал внутреннего разнообразия и способности к трансляции достижений локальной цивилизации и свел многолинейную реляционную модель к однолинейной (приспособленной лишь для России) и детерминистской¹.

Подобным же образом менялось отношение к концепции столкновения цивилизаций С. Хантингтона, опубликованной на русском языке в журнале «Полис» еще в 1994 г. и ставшей известной политологам, но оставшейся на периферии внимания историков-цивилизационщиков, которые испытывали отторжение от политической истории вплоть до 1998 г., когда отрывки были опубликованы Б.С. Ерасовым. Но уже тогда идеи Хантингтона воспринимались с соответствующей критикой. Они были слишком политизированы и исторически неконкретны для тех, кто привык к языку школы «Анналов», слишком связаны с отношениями государств, которые явно преобладали над отношениями цивилизаций и касались прежде всего проблем Запада (до 2001 г. масштабы исламского фундаментализма принижались)². С. Хантингтон в книге Ерасова, ставшей базовой в преподавании теории цивилизаций на долгие годы, затерялся среди авторов созданного А.Дж. Тойнби Международного общества сравнительного изучения цивилизаций (по приглашению которого Ерасов и ездил в США), таких как К. Гилб, К. Куигли, К. Каволис, М. Мелко, Д. Ричардсон, С. Сандерсон, Д. Уилкинсон и др. Внимание к Хантингтону становилось все более негативным по мере распространения диалога локальных цивилизаций как универсального

¹ Ионов И.Н. Формы и тенденции переосмысления западноевропейских представлений о культуре и цивилизации у Н.Я. Данилевского // Европейские судьбы концепта культуры. Россия — Франция — Германия — англоязычные страны. Материалы русско-французского colloquiuma 11–12 октября 2007 года / отв. ред. В.Б. Земсков. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 82–95.

² Ерасов Б.С. Полемика по поводу концепции С. Хантингтона // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / сост. Б.С. Ерасов. М.: Аспект-пресс, 1998. С. 517–520.

идеала, разведения имперского и цивилизационного сознания, распространения идеи диалога либеральных и традиционных элементов одной цивилизации, которую ввел в 1993 г. А.С. Ахиезер¹.

Такова была познавательная ситуация, в которой появилась моя книга «Российская цивилизация и истоки ее кризиса. IX — начало XX века» (1994) и написанные на ее основе варианты учебника, которые так любят критиковать с разных идеологических позиций. Идеи, на которых она была основана, во многом принадлежат Ф. Броделю и выражены в его книге «Грамматика цивилизаций» (1963), переиздававшейся до 1993 г. и представлявшей собой такую же неудачную попытку написать пособие для мыслящих школьников. Многие из этих идей к тому времени были переосмыслены и доработаны российскими историками. Так, идея многовариантности локальной цивилизации России выражена у Броделя как в хронологическом варианте (русская цивилизация до XVIII в., другая Европа до 1917 г. и советская цивилизация после Октябрьской революции), так и в локальном варианте (нерусские цивилизации). При этом он то разделял их, то полагал, что все они являются наследниками одной культуры². Это было слишком сложно и неприемлемо с методической точки зрения. Поэтому в учебном пособии, ставящем своей целью соединить «ценности отечественной культурной традиции и либеральные ценности современной мировой цивилизации»³, логичнее было выразить противоречия цивилизационного статуса России через систему исторических представлений об исторических и локальных (в том числе национальных) альтернативах и вариантах, инверсиях ее развития, соотношении архаических, традиционалистских и современных элементов ее культуры, подав их под общей

¹ Абулмагд А.К., Ариспе Л., Ашрави Х., Кардозу Р. и др. Преодолевая барьеры. Диалог между цивилизациями / под ред. С.П. Капицы. М.: Логос, 2002; Ионов И.Н. Глобальная истории: основные направления и существенные особенности // Цивилизации. Вып. 4. М.: Наука, 2002. С. 112; Ахиезер А.С. Диахронность и синхронность цивилизаций: теория и методология исследований // Цивилизации. Вып. 2. М.: Наука, 1993. С. 158–160.

² Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Весь Мир, 2008. С. 534–535, 538, 540, 542.

³ Ионов И.Н. Российская цивилизация и истоки ее кризиса IX–XX в. Пособие для учащихся X–XI классов. М.: Интерпракс, 1994. С. 6.

шапкой «Российская цивилизация». К этому времени данное понятие устоялось и противостояло (да и продолжает противостоять) националистическому представлению о «русской цивилизации»¹.

В остальном картина оказывалась близкой: междисциплинарной, с элементами географического и экологического детерминизма, не допускавшегося ранее и развитого в 1990-е гг. Э.С. Кульпинным-Губайдуллиным, с упором на славяно-угрофинский, славяно-тюркский и российско-европейский диалог, с вниманием к языческой, православной и светской, научной духовной традиции, их интерпретациям в языке, народных праздниках и верованиях (равно как и у Броделя). При этом учитывался как монологический характер, так и реакционное влияние традиционной культуры, противопоставлявшей себя Иному, особенно в период модернизации и развития рабочего движения². Одинаково ограниченным было изложение истории российской государственности, проводилась четкая граница между цивилизационным и имперским сознанием. Основное внимание уделялось социокультурным процессам (в той мере, в какой это отвечало потребностям школы). Цивилизация представала как форма общественного устройства и как форма самосознания (в том числе у мусульман). Критиковалась концепция Н.Я. Данилевского как утратившая актуальность в условиях модернизации. Влияние европейской культуры оставалось важной составляющей всех моих учебных пособий. Но в отличие от Ф. Броделя, сделавшего русских пассивными приобретателями западной культуры, а иммигрантов — едва ли не единственной активной силой преобразования страны, из-за чего местная власть приобретала у него устойчиво реакционный (с Петра I и Екатерины II), а народ — реакционный средневековый характер, у меня учитываются разные этапы и формы взаимодействия России и Запада. Это и республики Древней Руси, и диалог культур на территориях Литвы и Речи Посполитой, и религиозные ереси, и особенности русского предпринимательства или интеллигентской культуры, и активное влияние российской культуры на европейскую и североамериканскую. Часть

¹ Платонов О.А. Русская цивилизация. Учеб. пособие для формирования русского национального сознания. М.: Рада, 1992; Платонов О.А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа. М.: Алгоритм, 2010.

² Бродель Ф. Указ. соч. С. 502–507, 515, 519; Ионов И.Н. Указ. соч. С. 6–7, 170, 200–201, 349–361.

из них представлены как варианты или инверсии развития российской цивилизации, позволяющие дистанцировать ее образ от самодержавно-крепостнического или однозначно тоталитарного¹. Это радикально отличает мой подход от детерминистского и субстанционалистского образа «русской системы», созданного в рамках миросистемного подхода Ю.С. Пивоваровым и А.И. Фурсовым или от закрывающего диалог с народом представления о русском как «паллиате» у А.А. Пелипенко и И.Г. Яковенко².

Преувеличенные представления Ф. Броделя о слаборазвитости России не были невинными: они привели его к фактическому оправданию большевистской модернизации на костях крестьянства. Он недооценил социалистическую цивилизацию как альтернативу, во многом противостоящую как западной цивилизации, так и традиционным культурам российских народов, что и привело к кризису российской цивилизации в XX в. Это обстоятельство помогает глубже понять роль теории М. Вебера о протестантской трудовой этике. В моем учебнике выделяется как инверсия развития российской цивилизации староверческая трудовая этика, на которой из традиционализма возросло купеческое предпринимательство и в значительной части — дореволюционная модернизация России с металлургией Урала, текстильными производствами Центральной России и частным банковским капиталом³. Надо сказать, что эти новые тогда мысли нашли отклик среди либеральной интеллигенции. Это просветительские курсы Т.Н. Эйдельман и деятельность ее сына Д.П. Алешковского, который с 2012 г. вместе с диалектологом О.Г. Ровновой изучал старове-

¹ Бродель Ф. Указ. соч. С. 513–517; Ионов И.Н. Указ. соч. С. 214–224; Ионов И.Н. Российская цивилизация IX — конец XX в. Учебник для 10–11 классов общеобразовательных учреждений. Изд. 5-е, переработанное и дополненное. М.: Просвещение, 2003. С. 213, 222, 238–240, 250–251; Ионов И.Н., Клокова Г.В. Пособия по курсу «Российская цивилизация. IX — начало XX века». Книга для учителя. М.: Просвещение, 2001. С. 72, 80.

² Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская Система» как попытка понимания русской истории // Полис: полит. исслед. 2001. № 4. С. 37–48; Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 286; Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое / отв. ред. И.Г. Яковенко. М.: Наука, 2007.

³ Ионов И.Н. Российская цивилизация IX — конец XX в. С. 157–161.

ров, подвергшихся геноциду в советской России и Китае, эмигрировавших затем в Латинскую Америку, предпринимал попытки вернуть их на родину именно как носителей трудовой этики¹. Тем самым была обновлена повестка дня как научных исследований, так и благотворительных практик. Идеи учебника широко разошлись по студенческим и научным работам, вплоть до заготовок для докладов в Интернете².

***

В целом академические цивилизационные исследования в России развивались на стыке с интеллектуальной и глобальной историей, были посвящены проблемам отношений между дискурсивной гегемонией и контргегемонией, универсальным и локальным, динамичным и преемственным. Они испытывали влияние идеи диалога цивилизаций, широко распространившейся с 2001 г., объявленного ООН Годом диалога цивилизаций, что поставило ее в еще более последовательную оппозицию идее столкновения цивилизаций С. Хантингтона. Цивилизационные исследования велись в тесном взаимодействии с обсуждением проблем исторического времени, исторической эволюции и модернизации. Они помогли активировать компаративный подход, особенно в части сравнения России со странами «третьего мира» (Африка, Азия, Латинская Америка). Этот год внес самые существенные изменения в повестку дня отечественной исторической науки, создал новые вопросники и помог освоить новый конкретный источниковый материал.

Проблемам возникновения, статуса и развития понятия цивилизация как конструкта, цивилизационного сознания и методологии изучения цивилизаций был посвящен 9 выпуск сборника «Цивилизации» (2014), работы О.В. Воробьевой, И.В. Следзевского и моя книга «Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы

¹ Мудрик А.В. Социализация у старообрядцев: механизмы и средства // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 3. С. 8–14; Алешковский М. Не хотим даром, хотим трудом. URL: <https://takiedela.ru/2018/09/ne-khotim-darom-khotim-trudom/> (дата обращения: 11.03.2022).

² Роль старообрядцев в развитии предпринимательства. URL: https://studwood.net/979583/istoriya/rol_staroobryadtsev_razvitii_predprinimatelstva (дата обращения: 11.03.2022).

взаимодействия» (2007)¹. Эти исследования разворачивались под эгидой Российского общества интеллектуальной истории, руководителем которого член-корреспондент РАН Л.П. Репина разводит идеологический (тем более националистический) и научный подходы к социальным идентичностям. Признавая воздействие на историка его идентичности и памяти, она подчеркивает, что не критическая версия знания, основанная на них, «не имеет никакого отношения к историческому анализу, к истории как научному исследованию»². Вместе с тем, в рамках научного знания, в борьбе за «здоровый релятивизм» она выступает за рефлексивное взаимодействие различных подходов с учетом их когнитивной адекватности. Как и Й. Рюзен, М. Вернер и Б. Циммерманн, Репина настаивает на такой концепции плюрализма, которая «учитывает современную ситуацию полипарадигмальности, базируется на принципе взаимодополнительности, взаимной критике и взаимном признании»³. Это, в частности, может снизить метафизическую и идеологическую нагруженность исторически укорененных «пустых означающих», таких как цивилизация.

Проблемы цивилизационной компаративистики, соотношения универсалий и самобытности, локальной цивилизации и модернизации, а также диалога цивилизаций применительно к России поставил Б.С. Ерасов⁴. Его взгляды как востоковеда формировались под воздействием эпохи деколонизации и подъема интереса к культурной самобытности в 1960–1970-е гг.⁵ Его интересовали прежде

¹ Цивилизации. Вып. 9 / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2014; Воробьева О.В. История и теория цивилизаций: в поисках новых перспектив // Цивилизации. Вып. 9. С. 5–26; Следзевский И.В. Образ России как смысловой конструкт (семантическая составляющая «главного русского спора») // Общественные науки и современность. 2007. № 4. С. 93–103; № 5. С. 103–113; Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия / отв. ред. Л.П. Репина. М.: Наука, 2007.

² Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 436–439, 447, 460.

³ Там же. С. 135.

⁴ Ерасов Б.С. Универсалии и самобытность / отв. ред. Н.Н. Зарубина. М.: Наука, 2002. С. 298–332, 419–488.

⁵ Ерасов Б.С. Концепция самобытности как методологическая предпосылка цивилизационной компаративистики // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / сост. Б.С. Ерасов. М.: Аспект-пресс, 1998. С. 280–285.

всего проблемы сохранения культурных традиций в условиях модернизационного и глобализационного транзитов, а также их специфика как условие продуктивного глобального диалога. Размышления о глобалистике, глобальной истории, универсальной истории (*big history*) и их соотношении с цивилизационным походом были развиты в 5-ом выпуске сборника «Цивилизации» (2002), о диалоге цивилизаций — в 6-ом выпуске (2006), о проблемах модернизации в контексте цивилизационного подхода — в 10-ом выпуске (2015). На основе этих исследований была опубликована книга «Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе» (2018), часть которой была посвящена российской проблематике¹. В целом устойчивым является движение к «срединному», диалогическому, рефлексивному подходу к истории, сменившему идеал исторического синтеза. В этих новых рамках теория локальных цивилизаций служит не универсальным методом для решения проблем изучения прошлого, а еще одним ракурсом послыного, перекрестного взгляда на глобальные процессы в мире, их проявления и особенности на региональном и локальном уровнях. В частности, типичным является взаимодействие истории повседневности и истории российской цивилизации².

***

Для того чтобы понять причины резкого поворота цивилизационной проблематики в России к националистическим и имперским идеям, недостаточно прочертить прямую линию от их появления к современному состоянию. Как раз это и затемняет дело. Напротив, на мой взгляд, необходимо разделять период деколонизации и становления новых государств в 1960–1980-х гг., отмеченный расцветом постколониальной критики и истории локальных цивилизаций — и период разочарования в результатах деколонизации в 1980–2020-е гг. Последний сопровождался оживлением

¹ Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе / под ред. О.В. Воробьевой. М.: Аквилон, 2018.

² Реконструкции мировой и региональной истории. От универсализма к моделям межкультурного диалога / под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2017; Ионов И.Н. Мировая история в глобальный век: Новое историческое сознание / отв. ред. Л.П. Репина. М.: Аквилон, 2015.

европоцентризма, имперского синдрома, надеждами на однополярную глобализацию и воспроизводством однолинейной версии развития цивилизации, характерной для XVIII — начала XX в.¹ Крупные историки, политологи и экономисты Англии и США, как консерваторы, так и либертарианцы, такие как Н. Фергюсон, Р. Купер, С. Курц, Д. Лал, С. Маллаби, М. Бут, М. Игнатъев, стали отстаивать мысль об особой миссии западных империй по поддержанию мирового порядка и воплощению идеи прогресса, если не по созданию современного мира как такового². В этом контексте исторический релятивизм теряет свое значение, уникальная национальная идентичность стран Запада приобретает универсальный, вневременной характер и помогает легитимировать современную политику, оправдывается идея сегрегации, а идеал колониализма как формы культуртрегерства все чаще кажется предпочтительнее идеала независимости³.

В России идут схожие процессы, связанные с оживлением имперского самосознания. Понять их происхождение помогает развитая Я.Г. Шемякиным идея России как пограничной цивилизации⁴. Пограничность российской цивилизации проявляется, в частности, в когнитивных искажениях, возникающих на ее границе с Западом, где бы эта граница в данный момент не находилась. В терминах школы Н. Элиаса это граница между законодателем мод и следующим моде, истеблишментом и аутсайдером, которого «никогда не отпускает чудовищное напряжение», ибо он чувствует себя зависимым и несовершенным⁵. Ведь в России часть циклов регулируемого снятия

¹ *Иноземцев В.Л.* Расколота цивилизация. Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции. М.: Academia-Наука, 1999.

² *Saccarelli E., Varadarajan L.* Imperialism Past and Present. N.Y.: Oxford University Press, 2015. P. 12, 201; *Фергюсон Н.* Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира. М.: АСТ, 2014; *Фергюсон Н.* Империя: Чем современный мир обязан Британии. М.: АСТ, Corpus, 2013; *Д'Суза Д.* Америка: Каким мир был бы без нее? М.: АСТ, 2015.

³ *Reynolds D.* One World Divisible. A Global History since 1945. N.Y.- L.: W.W. Norton, 2000. P. 217, 478, 656.

⁴ *Шемякин И.Г.* Европа и Латинская Америка. Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М.: Наука, 2001. С. 192–344.

⁵ *Элиас Н.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: В 2 т. М.-СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 2. С. 309.

контроля за поведением, характерных для Запада и названных К. Вутерсом информализацией (конец XIX — начало XX в., 1920-е гг., 1960–1970-е гг.) прервана возобновлением строгого общественного и государственного контроля (1908–1917, 1928–1953, 1968–1985 гг.), т. е. реформализацией. В результате идея цивилизации оказалась тесно переплетена с идеалом реформализации. Информализационные процессы, такие как смена жесткой самоидентификации населения с семьей, государством и властью, альтернативные формы самоидентификации и связанная с ней политкорректность как формы самоконтроля рассматриваются как проявления дерегулированности, а значит, и децивилизации, полного краха цивилизованных норм поведения. Размывание традиционных форм идентичности и переход к самоидентификации воспринимается как навязывание чуждых и опасных для суверенитета страны норм идентичности. Здесь не понимают возможность идеи Элиаса о «высоко цивилизованной децивилизации человеческих существ» на основе самоконтроля над поведением и необходимости расширения самоидентификации и самосознания вообще¹.

Эта ситуация рассматривается А.Г. Дугиным в рамках государственнической парадигмы как борьба дискурсивной и политической контргегемонии России против гегемонии Запада, следствием и порождением которой она является². В результате в диалоге с Западом и особенно с Украиной возникает рессентимент к гегемону, негативная идентичность и патогенная коммуникация, связанная с утратой метакоммуникативного уровня общения. Она воспроизводит и усиливает когнитивные искажения. В пределе, как писал антрополог Г. Бейтсон, оппоненты «...отрицают тот факт, что эти высказывания исходят от другого человека, отрицают, что эти высказывания содержат какое-то сообщение, отрицают, что они обращены к собеседнику, и отрицают контекст, в котором

¹ *Wouters C.* Civilization and Informalisation: The Book. Six Chapters // Civilization and Informalisation Connecting Long-Term Social and Psychic Processes / eds. C. Wouters, M. Dunning. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2019. P. 20, 25–27; *Эрикссон Э.* Идентичность: Юность и кризис М.: Флинта, МПСИ, Прогресс, 2006. С. 50–52.

² *Dugin A.* Counter-hegemony in Theory of Multi-polar World. URL: <http://www.4pt.su/en/content/counter-hegemony-theory-multi-polar-world> (дата обращения: 11.03.2022).

все это происходит»¹. В другой работе Бейтсон описывал ситуацию такого противостояния как симметричный схизмогенез, в условиях которого комплементарное взаимодействие с противником может рассматриваться как предательство². Надо сказать, что в такую ситуацию систематически попадали страны, ныне признанные «западными» или, по крайней мере, «современными», такие как Испания и Португалия, и в крайних проявлениях — Германия, Япония и Италия, и прежде всего их политические и экономические элиты, в наибольшей степени связанные с Западом³.

Как показал венгерский политолог А. Мелех, рождение идеала цивилизации на Западе и концепция «цивилизационного неравенства» Запада и Востока, в рамках которой «принадлежность к белой расе признается «единственной позитивной чертой восточно-европейцев», позволила субстанционализировать различия между регионами Европы, «превращать разногласия в ценности». В результате эта ситуация в центре и на востоке Европы порождает невротическую инверсию от западничества 1990-х гг. к имперскому национализму и изоляционизму 2020-х гг.⁴. В России политолог П.С. Поцелуев, используя термины Г. Бейтсона, описывает сходство положения России и Веймарской Германии, которым был обещан «справедливый мир» или достойное «возвращение в цивилизацию», обернувшиеся национальным унижением⁵. Эти неим-

¹ Бейтсон Г. К теории шизофрении. Новосибирск: Институт семейной терапии, 2002. С. 39.

² Это лучше характеризует последствия цивилизационного трансфера, чем теория ее основоположника М. Эспаня. См.: Ионов И.Н. Цивилизационные представления в культурном трансфере // Цивилизации. Вып. 12. Трансферы в истории и теории цивилизаций / отв. ред. О.В. Воробьева. М.: Наука, 2021. С. 41–74.

³ См. подробнее: Ионов И.Н. Имперские, цивилизационные и формационные образы России XIX–XXI вв.: Память и идентичность в советской и постсоветской России // Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности / под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. С. 72–114.

⁴ Melegh A. On the East–West Slope: Globalization, Nationalism, Racism and Discourses on Eastern Europe. Budapest: Central European University Press, 2006. P. 29–30, 168, 183, 187; Ионов И.Н. Глобальная история и изучение прошлого России. Статья 4 // Общественные науки и современность. № 5. С. 123–140.

⁵ Поцелуев С.П. Double Binds или Двойные ловушки политической коммуникации // Полис. Политические исследования. 2008. № 1. С. 27.

перские тенденции хорошо анализируются методами глобальной интеллектуальной истории¹.

Не случайно, что в этих условиях идея цивилизационного подхода (вслед за идеей либеральной демократии) была использована националистами. Характерно создание лидером либерально-демократической партии В.В. Жириновским в 1999 г. Института мировых цивилизаций и журнала «Мировые цивилизации». Эта организация близка по духу О.А. Платонову и его Институту русской цивилизации, преподавание идет, в том числе, на основе его учебников². Но национализм не имеет границ. Поэтому растущая неспособность россиян идентифицировать себя с мировой цивилизацией и глобальными проблемами, а также замещение социокультурной модели российской цивилизации этнокультурным образом «Русского мира» ведут к умножению локальных цивилизационных идентификаций, порождает тенденцию конструирования «этноцивилизаций» в национальных республиках, что чревато сепаратизмом³. Кстати, украинская цивилизационная теория тесно связана с российской⁴.

¹ Ионов И.Н. Проблемы современной макроистории. Статья 1: Шаг вперед, два шага назад? // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 34–58; Ионов И.Н. Проблемы современной макроистории. Статья 2. Память, идентификация и предпосылочное знание // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 32–53.

² Институт мировых цивилизаций. URL: <http://imc-i.ru/> (дата обращения: 21.03.2022); Кикешев Н.И. Славянская идеология / отв. ред., авт. введения О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014; Добренков В.И., Жириновский В.В., Васецкий Н.А. Социология мировых цивилизаций: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Академический проект, 2014.

³ Tatar History and Civilization / ed. by D. Ishaqov. Istanbul, 2010; Выступление президента Якутии М.Е. Николаева на Международной конференции ЮНЕСКО «Циркумпольная цивилизация в музеях мира: вчера, сегодня, завтра», 29 июля 2009 г., г. Якутск. URL: <http://www.1sakhapresident.ru/index.php/ru/2008-11-03-08-01-16/411-300709> (дата обращения: 21.03.2022); Тафаев Г.И. Религиозно-тотемные символы новочувашской (национально-региональной) цивилизации. 2011 г. URL: http://tafaj.blogspot.com/2011/03/blog-post_5422.html (дата обращения: 21.03.2022).

⁴ Космина В.Г. Навсегда ли разошлись пути Украины и России? (Цивилизационное развитие Украины, России и Запада в системно-коммуникативном измерении). Статья 1 // Общественные науки и современность. 2015. № 2. С. 141–152.

***

Представленные критические версии истории российского цивилизационного подхода, за редким исключением, представляются, односторонними и поверхностными, а потому несостоятельными. Из отечественных авторов лишь социологи смогли защитить его научный престиж¹. Сквозь отношение критиков к отечественным цивилизационным представлениям проглядывает гегемонический дискурс, об опасности которого писал А. Мелех. К ним также можно применить выводы Н. Элиаса и Дж. Скотсона, исследовавших проблему социальной стигматизации и показавших, что образ аутсайдеров формируется истеблишментом и ассоциирующими себя с ним лицами с использованием худших примеров поведения их худших представителей². За редким исключением критики незнакомы с богатством литературы по теме, не вникают в задачи, которые ставили перед собой авторы, игнорируют работы о логике зарождения и развития данного направления исследований, написанные их участниками. И главное, они не подвергают осмыслению собственную схему «цивилизационизма», не стремятся изучать аспекты, которые из этой схемы выпадают. Тем самым они сами практикуют эссенциалистский и детерминистский подход, против которого возражают. В их понимании истории предстают марионетками политического процесса. Однако это не так.

Понятие «цивилизация», родившееся в борьбе государств и политических групп, с переходом от жестких форм навязывания обществом человеку определенной идентичности к конструированию людьми своей самоидентификации стало «по ту сторону идентичности» одним из эффективных способов фреймирования реальности, а его бытование — изменчивым дискурсивным процессом. Как «пустое означающее», оно адаптируется к изменению ситуации, служит инструментом формирования и развития личности человека, общественного и политического диалога на разных уровнях³. Поэто-

¹ Maslovskiy M. Contemporary Civilizational Analysis and Russian Sociology // Russia as Civilization ... P. 206–220.

² Elias N., Scotson J.L. The Established and the Outsiders: A Sociological Enquiry into Community Problems Theory, Culture & Society. L.: Sage, 2007. P. XIX.

³ Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2012. С. 16, 19, 25–26, 31–34, 42.

му разговор на эту тему невозможен, во-первых, вне диалога с оппонентами, для которых этот историографический процесс — не пыльная бумага, а часть биографии (а его за 30 лет так и не удалось провести), и, во-вторых, вне контекста интеллектуальной истории, которая стала для современной историографии инструментом саморефлексии. В сущности, современная цивилизационная теория представляет собой многоцелевой инструмент: кафедру для теоретических споров, ристалище политических баталий и трибуну бесконечных дебатов об идеалах и ценностях, значение которого, на мой взгляд, нельзя не ценить и от которого было бы ошибкой отказываться в наше беспокойное время.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абулмагд А.К., Ариспе Л., Ашрави Х., Кардозу Р. и др. Преодолевая барьеры. Диалог между цивилизациями / под ред. С.П. Капицы. М.: Логос, 2002. 192 с.
- Алешковский М. Не хотим даром, хотим трудом. URL: <https://takiedela.ru/2018/09/ne-khotim-darom-khotim-trudom/> (дата обращения: 11.03.2022).
- Асоян Ю.А. Исчезнувшая цивилизация: цивилизационные категории в советском идеологическом дискурсе 1920–1930-х гг. // Общественные науки и современность. 2012. № 4. С. 112–119.
- Ахиезер А.С. Диахронность и синхронность цивилизаций: теория и методология исследований // Цивилизации. Вып. 2. М.: Наука, 1993. С. 156–160.
- Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. В 3 т. Т. 3. Социокультурный словарь. М.: Издательство Философского общества, 1991. 470 с.
- Барг М.А. Проблема человеческой субъективности в истории (методологический аспект) // Цивилизации. Вып. 1 / под ред. М.А. Барга. М.: Наука, 1992. С. 69–87.
- Бейтсон Г. К теории шизофрении. Новосибирск: Институт семейной терапии, 2002. 44 с.
- Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Весь Мир, 2008. 252 с.
- Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2012. 408 с.
- Воробьева О.В. История и теория цивилизаций: в поисках новых перспектив // Цивилизации. Вып. 9 / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2014. С. 5–26.

Выступление президента Якутии М.Е. Николаева на Международной конференции ЮНЕСКО «Циркумполярная цивилизация в музеях мира: вчера, сегодня, завтра», 29 июля 2009 г., г. Якутск. URL: <http://www.1sakhapresident.ru/index.php/gu/2008-11-03-08-01-16/411-300709> (дата обращения: 21.03.2022).

Д'Суза Д. Америка: Каким мир был бы без нее? М.: АСТ, 2015. 336 с.

Добреньков В.И., Жириновский В. В., Васецкий Н.А. Социология мировых цивилизаций: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Академический проект, 2014. 608 с.

Ерасов Б.С. Концепция самобытности как методологическая предпосылка цивилизационной компаративистики // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / составитель Б.С. Ерасов. М.: Аспект-пресс, 1998. С. 280–285.

Ерасов Б.С. Poleмика по поводу концепции С. Хантингтона // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / сост. Б.С. Ерасов. М.: Аспект-пресс, 1998. С. 517–520.

Ерасов Б.С. Универсалии и самобытность / отв. ред. Н.Н. Зарубина. М.: Наука, 2002. 524 с.

Зверева Г.И. Конструирование культурной памяти. «Наше прошлое» в учебниках российской истории // Новое литературное обозрение. 2005. № 74. С. 116–129.

Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции. М.: Academia-Наука, 1999. 724 с.

Институт мировых цивилизаций. URL: <http://imc-i.ru/> (дата обращения: 21.03.2022).

Ионов И.Н. Глава 3. Имперские, цивилизационные и формационные образы России XIX–XXI вв.: Память и идентичность в советской и постсоветской России // Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности / под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. С. 72–114.

Ионов И.Н. Глобальная история: основные направления и существенные особенности // Цивилизации. Вып. 4. М.: Наука, 2002. С. 83–117.

Ионов И.Н. Глобальная история и изучение прошлого России. Статья 4 // Общественные науки и современность. № 5. С. 123–140.

Ионов И.Н. Историческая теория среднего уровня и ее современное значение // Люди и тексты. Исторический альманах. 2015. Идея истории. К 100-летию М.А. Барга. М.: ИВИ РАН. С. 55–81.

Ионов И.Н. Кризис исторического сознания и логико-лингвистические зигзаги цивилизационных концепций // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 33. М., ИВИ РАН, 2010. С. 5–21.

Ионов И.Н. Между универсализмом и уникальностью: культура, личность и познавательные стратегии историка // Профессия — историк. К юбилею Л.П. Репиной / отв. ред. О.В. Воробьева. М.: Аквилон, 2017. С. 256–284.

Ионов И.Н. Мировая история в глобальный век: Новое историческое сознание / отв. ред. Л.П. Репина. М.: Аквилон, 2015. 464 с.

Ионов И.Н. Проблемы современной макроистории. Статья 1: Шаг вперед, два шага назад? // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 34–58.

Ионов И.Н. Проблема цивилизаций во французском историческом журнале «Анналы» в 1930–1980-х гг. // Современные теории цивилизаций (Реферативный сборник) / отв. ред. М.М. Наринский. М.: ИВИ РАН, 1995. С. 79–92.

Ионов И.Н. Проблемы современной макроистории. Статья 2. Память, идентификация и предпосылочное знание // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 32–53.

Ионов И.Н. Российская цивилизация и истоки ее кризиса IX–XX в. Пособие для учащихся X–XI классов. М.: Интерпракс, 1994. 416 с.

Ионов И.Н. Российская цивилизация IX — конец XX в Учебник для 10–11 классов общеобразовательных учреждений. Изд. 5-е, переработанное и дополненное. М.: Просвещение, 2003. 384 с.

Ионов И.Н. Российская цивилизация IX — начало XX в.: Учебник для 10–11 классов общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 1995. 320 с.

Ионов И.Н. Формы и тенденции переосмысления западноевропейских представлений о культуре и цивилизации у Н.Я. Данилевского // Европейские судьбы концепта культуры. Россия — Франция — Германия — англоязычные страны. Материалы русско-французского colloquiuma 11-12 октября 2007 года / отв. ред. В.Б. Земсков. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 82–95.

Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знания: проблемы взаимодействия / отв. ред. Л.П. Репина. М.: Наука, 2007. 499 с.

Ионов И.Н. Цивилизационные представления в культурном трансфере // Цивилизации. Вып. 12. Трансферы в истории и теории цивилизаций / отв. ред. О.В. Воробьева. М.: Наука, 2021. С. 41–74.

Ионов И.Н., Клокова Г.В. Поурочные разработки по курсу «Российская цивилизация. IX — начало XX века». Книга для учителя. М.: Просвещение, 2001. 112 с.

Кикешев Н.И. Славянская идеология / отв. редактор, авт. введения О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 704 с.

Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1284 с.

Космина В.Г. Навсегда ли разошлись пути Украины и России? (Цивилизационное развитие Украины, России и Запада в системно-коммуникативном измерении). Статья 1 // Общественные науки и современность. 2015. № 2. С. 141–152.

- Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / общ. ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: Прогресс-Академия, 1992. 376 с.
- Морозов Н.М. Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX–XXI вв. Кемерово: Практика, 2014. 401 с.
- Мудрик А.В. Социализация у старообрядцев: механизмы и средства // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 3. С. 8–14.
- Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. М.: Языки русской культуры, 1998. 376 с.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская Система» как попытка понимания русской истории // Полис: полит. исслед. 2001. № 4. С. 37–48.
- Платонов О.А. Русская цивилизация. Учеб. пособие для формирования русского национального сознания. М.: Рада, 1992.
- Платонов О.А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа. М.: Алгоритм, 2010. 944 с.
- Поцелуев С.П. Double Binds, или Двойные ловушки политической коммуникации // Полис. Политические исследования. 2008. № 1. С. 9–32.
- Рашковский Е.Б. Данилевский // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. 840 с.
- Реконструкции мировой и региональной истории. От универсализма к моделям межкультурного диалога / под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. 560 с.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
- Репина Л.П. Категории исторической науки и «глобальная история человечества» М.А. Барга // Диалог со временем. 2015. Вып. 53. С. 5–15.
- Роль старообрядцев в развитии предпринимательства. URL: https://studwood.net/979583/istoriya/rol_staroobryadtsev_razvitiya_predprinimatelstva (дата обращения: 11.03.2022).
- Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое / отв. ред. И.Г. Яковенко. М.: Наука, 2007. 685 с.
- Следзевский И.В. Образ России как смысловой конструкт (семантическая составляющая «главного русского спора») // Общественные науки и современность. 2007. № 4. С. 93–103; № 5. С. 103–113.
- Согрин В.В. Три исторические субкультуры постсоветской России // Общественные науки и современность. 2013. № 3. С. 91–105.
- Тафаяев Г.И. Религиозно-тотемные символы новочувашской (национально-региональной) цивилизации. 2011 г. URL: http://tafaj.blogspot.com/2011/03/blog-post_5422.html (дата обращения: 21.03.2022).
- Фергюсон Н. Империя: Чем современный мир обязан Британии. М.: АСТ, Corpus, 2013. 560 с.

- Фергюсон Н. Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира. М.: АСТ, 2014. 544 с.
- Формация или цивилизация? (Материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 34–59.
- Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / пер. с англ. В.Р. Ракитянского. М.: Прогресс-традиция, 2004. 480 с.
- Хачатурян В.М. Н.Я. Данилевский и В.С. Соловьев о всемирно-историческом процессе и локальной цивилизации // Цивилизации. Вып. 2. М.: Наука, 1993. С. 166–171.
- Цивилизации. Вып. 1 / под ред. М.А. Барга. М.: Наука, 1992. 230 с.
- Цивилизации. Вып. 9 / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2014. 267 с.
- Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе / под ред. О.В. Воробьевой. М.: Аквилон, 2018. 680 с.
- Цивилизация // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
- Шемакин И.Г. Европа и Латинская Америка. Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М.: Наука, 2001. 391 с.
- Шнирельман В.А. Цивилизационный подход, учебники истории и «новый расизм» // Расизм в языке социальных наук / под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб.: Алетейя, 2002. С. 131–145.
- Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. В 2 т. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 2. 382 с.
- Эрикссон Э. Идентичность: Юность и кризис / пер. с англ. А.В. Толстых. М.: Флинта, МПСИ, Прогресс, 2006. 352 с.
- Asciutti E. Asia and the Global World: Identities, Values, Rights // Identity in Crossroad Civilisations: Ethnicity, Nationalism and Globalism in Asia / eds. E. Kolig, S. Wong, V.S.M. Angeles. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2009. P. 26–33.
- Bradley J. Editor's Note // Russian Studies in History. "Russia — A Divided Civilization?" 1997. Vol. 36. No. 1. P. 3–5.
- Dugin A. Counter-hegemony in Theory of Multi-polar World. URL: <http://www.4pt.su/en/content/counter-hegemony-theory-multi-polar-world> (дата обращения: 11.03.2022).
- Elias N., Scotson J.L. The Established and the Outsiders: A Sociological Enquiry Into Community Problems Theory, Culture & Society. L.: Sage, 2007. 198 p.
- Malinova O. "Nation" and "civilization" as templates for Russian identity construction: a historical overview // Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia / eds. K.J. Mjør and S. Turoma. Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2020. P. 27–46.

- Maslovskiy M. Contemporary Civilizational Analysis and Russian Sociology // Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia / eds. K.J. Mjør and S. Turoma. Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2020. P. 206–220.
- Melegh A. On the East-West Slope: Globalization, Nationalism, Racism and Discourses on Eastern Europe. Budapest: Central European University Press, 2006. 220 p.
- Niquex M. Discours essentialistes dans la Russie d'aujourd'hui, ou le retour de l'âme russe // Colloque La Russie et l'Europe: autres et semblables. Université Paris Sorbonne — Paris IV, 10–12 mai 2007. URL: <http://institut-est-ouest.ens-lsh.fr/spip.php?article133> (дата обращения: 03.03.2022).
- Reynolds D. One World Divisible. A Global History since 1945. N.Y.; L.: W.W. Norton, 2000. 928 p.
- Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia / eds. K.J. Mjør and S. Turoma. Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2020. 228 p.
- Saccarelli E., Varadarajan L. Imperialism Past and Present. N.Y.: Oxford University Press, 2015. 202 p.
- Scherrer J. Idéologie, identité, mémoire: une nouvelle “idée russe”? // Transitions. 2006. № 44(2). P. 123–138.
- Scherrer J. Kulturologie: Russland auf der Suche nach einer zivilisatorischen Identität. Göttingen: Wallstein Verlag, 2003. 188 s.
- Shnirelman V. Russia between a Civilization and a Civic Nation: Secular and Religious Uses of Civilizational Discourse During Putin's Third Term // Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia / eds. K.J. Mjør and S. Turoma. Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2020. P. 59–86.
- Suslov M., Kotkina I. Civilizational Discourses in Doctoral Dissertations in Post-Soviet Russia // Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia / eds. K.J. Mjør and S. Turoma. Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2020. P. 164–185.
- Tatar History and Civilization / ed. D. Ishaqov. Istanbul, 2010. 695 p.
- The Boundaries of Civilizations in Space and Time / eds. M. Melko, L.R. Scott. Lanham: University Press of America, 1987. 480 p.
- Turoma S., Mjør K.J. Introduction / Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia / eds. K.J. Mjør and S. Turoma. Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2020. P. 1–26.
- Wouters C. Civilization and Informalisation: The Book. Six Chapters // Civilization and Informalisation Connecting Long-Term Social and Psychic Processes / eds. C. Wouters, M. Dunning. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2019. P. 1–184.

ИСТОРИОГРАФИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ САМОПОЗНАНИЯ ИСТОРИКА

О.Б. Леонтьева

НАУЧНАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Современная историография как отрасль исторической науки переживает глубокие перемены: ее «исследовательское поле», по характеристике Л.П. Репиной, «практически заново переопределяется, и сама дисциплина приобретает новый облик»¹. Исследования по истории исторической науки и — в более широком плане — по истории исторического знания получают в наши дни отчетливо выраженную историко-антропологическую, историко-социологическую и социокультурную направленность. Исследователи-историографы все чаще ощущают необходимость «восстановить более общий интеллектуальный контекст эпохи, изучить инфраструктуру производства и распространения исторического знания, организационные структуры (институты) исторического образования и исторической науки, “архитектуру” ее коммуникативного пространства и формы межличностных коммуникаций, не забывая, разумеется, о самих идеях и текстах»².

Одно из направлений современной историографии предполагает изучение истории научных знаний в неразрывной связи с историей научных сообществ: при таком подходе в фокусе внимания историографов оказываются «социально-коллективистские формы, посредством которых вырабатывается историческое знание и складывается историческое сознание», или, иными

¹ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с. С. 401.

² Там же. С. 394, 398.

словами, «внутренняя социальность» исторической науки¹. Это направление сложилось в результате встречного влияния нескольких сфер гуманитарного знания: с одной стороны, интеллектуальной истории с характерным для нее осознанием неразрывной связи между историей идей и историей условий и форм интеллектуальной деятельности — и, с другой стороны, социологии и философии науки.

Творчество и преемственность

Интерес к тому, благодаря каким социальным институтам и практикам социального взаимодействия происходит приращение научного знания и совершаются научные открытия, стал одной из сквозных линий интеллектуальной рефлексии XX века. В.И. Вернадский в своей эпохальной работе «Научная мысль как планетное явление», написанной «в стол» в 1937–1938 гг., размышлял о том, что «наука и научная работа отнюдь не являются, взятые в целом, результатом *только* работы отдельных ученых, их сознательного искания научной истины... *Наука есть проявление действия в человеческом обществе, совокупности человеческой мысли*»; при этом великий ученый предупреждал, что «без научной организации и научной среды» научным открытиям грозит опасность забвения, «наука обречена терять свои достижения и вновь стихийно к ним приходить»².

Философы и социологи науки традиционно выделяют две неразрывно связанные стороны развития науки: преемственность, передача новым поколениям знаний и методов исследовательской работы, обеспечивающая устойчивое развитие науки, — и творчество, благодаря которому происходит движение вперед. Именно так построена схема развития науки у Томаса Куна: пе-

¹ Мягков Г.П. Научное сообщество историков дореволюционной России в свете «старой» и «новой» модели исторического исследования // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 34. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 212.

² Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 270 с. С. 47–49.

риоды эволюционного, кумулятивного развития науки в рамках существующей научной парадигмы сменяются «некумулятивными эпизодами» — периодами научных революций, ведущими к смене парадигм¹. Кун считал, что понимание развития науки невозможно без анализа природы научных сообществ как структурных единиц организации научной деятельности, а представление о ходе научных революций будет неполным без анализа научных коммуникаций и конкурентной борьбы за расположение научного сообщества².

Роберт Мёртон также описывал развитие науки как «исторически повторяющееся противостояние эрудиции и творчества», чередование «ровного потока» приращения знаний — и «квантовых скачков», связанных с крупными открытиями³. Считая кооперативность и кумулятивность научных достижений фундаментальным свойством науки, Мёртон испытывал исследовательский интерес к социальным формам и практикам научной преемственности, к способам трансляции не только научных знаний, но и «этоса науки» — эмоционально окрашенного комплекса ценностей и норм, которые формируют «научную совесть» ученого⁴. В отличие от Куна, чья теория развития науки построена преимущественно на материале естественных наук, Мёртон специально останавливался на особом характере научной преемственности в гуманитарных науках. Он подчеркивал, что в гуманитарных науках, в отличие от естественных, труды классиков не могут устареть — отличительной чертой гуманитарного знания является постоянное перечитывание и переосмысление классиков с позиций новых поколений, феномен «невероятного» диалога между мертвыми и живыми⁵. Таким образом, согласно логике Мёртона, в гуманитарных науках возможна как непосредственная научная преемственность — через общение с учителем или лидером научной школы, — так и преемственность

¹ Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / сост. В.Ю. Кузнецов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 608 с.

² Там же. С. 188–206, 233–241.

³ Мёртон Р.К. Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. М.: АСТ, 2006. 873 с. С. 28.

⁴ Там же. С. 755, 769–781.

⁵ Там же. С. 60–63.

«заочная», через соприкосновение с трудами классиков и их новое прочтение¹.

Наблюдения о социальном характере научных достижений перекликаются с суждениями современного социолога науки — Рэндалла Коллинза. Согласно Коллинзу, «местом мышления» является не сознание индивида, а исторические сети отношений²; социальное пространство науки представляет собой сплетение «долговременных интеллектуальных цепочек», линий преемственности «учитель — ученик», которые тянутся из прошлого в будущее³. Коллинз заострял внимание на том, что для становления ученого-исследователя, творческого интеллектуала, «книги не так значимы, как личные контакты» — при личном общении от учителя к ученикам передается не только «культурный капитал», накопленный научным сообществом, но и умение фокусировать внимание на наиболее перспективных научных идеях, и «эмоциональная энергия», вырабатываемая «в котле группы» и побуждающая делать новые открытия, и, наконец, «ролевая модель, показывающая, как добиваться высочайших уровней интеллектуального труда»⁴. При этом Коллинз, как и Мёртон, отмечал, что особую роль в развитии науки играет не только личное общение с учителем и наставником, но и обращение к классикам, «культовым фигурам интеллектуальной жизни»: образы таких «интеллектуальных героев» становятся вдохновляющими примерами для подражания, которые даже сквозь века способны заряжать молодых ученых эмоциональной энергией и мотивировать на научные свершения⁵.

Таким образом, одной из ключевых проблем истории науки является изучение диалектики научного творчества и преемственности

в их человеческом и социальном измерении, анализ социокультурных форм, выработанных научным сообществом для трансляции знаний и для воспитания новых поколений ученых, способных идти дальше своих учителей. Научное творчество в исторической науке не сводится к «открытиям» в прямом смысле слова (в исторической науке под открытиями обычно понимается обнаружение ранее неизвестных источников, их «введение в научный оборот»); творчество включает в себя и поиск новых методов, и разработку нового теоретического аппарата, и выдвижение новых «объяснительных моделей», и, безусловно, способность увидеть научную проблему там, где ее не видели предшественники, и побудить научное сообщество к поиску ее решения.

Задача настоящей работы состоит в том, чтобы выяснить, как рассматриваются эти проблемы в отечественной историографии: какие типы и формы научной преемственности выявляют историографы, обращаясь к изучению развития исторической науки в России на протяжении двух последних столетий, какие точки разломов и «перерывы постепенности» выделяют они в судьбе научного сообщества российских историков, и как, с точки зрения исследователей, трансформировались за два столетия практики межпоколенческих научных коммуникаций.

Дореволюционная историческая наука: научные школы как ключевая форма научной преемственности

Историограф, задумавший написание обобщающего труда по истории исторической науки, располагает в наши дни широким арсеналом разнообразных методов и подходов; от самого исследователя зависит выбор оптики, сквозь которую он рассматривает развитие науки. В рамках парадигматического подхода история науки изучается как история смены научных парадигм, акцент ставится на периоды научных кризисов и научных революций; с точки зрения схолярного подхода история науки предстает сквозь призму истории научных школ, тогда как поколенческий подход направлен на выявление смены поколений в науке. Каждый из этих подходов

¹ О сходстве и различии отношения к наследию классиков в гуманитарных и естественных науках см. также статьи С.Н. Зенкина «Гуманитарная классика: между наукой и литературой» и И.М. Савельевой «Классика в историографии: формы присутствия» в сборнике: *Классика и классики в социальном и гуманитарном знании*. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 536 с. С. 281–293, 299–306.

² *Вальдитейн М.* Интервью с Рэндаллом Коллинзом // *Социологические исследования*. 2010. № 3. [С. 23–35] С. 33.

³ *Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1282 с. С. 75–76.

⁴ Там же. С. 131–135.

⁵ Там же. С. 86.

обладает своими сильными сторонами, а в совокупности они позволяют увидеть историю науки как многомерный, стереоскопический процесс.

В современных исследованиях по истории дореволюционной исторической науки наиболее востребованным является схолярный подход, а ключевым понятием чаще всего становится «научная школа»; новейший период в развитии отечественной историографии даже называют временем «схолярного бума». Доказательством востребованности схолярного подхода служит появление множества работ по истории самых разнообразных научных школ («московской» и «петербургской», «русской исторической школы», «школы Герье», «школы Ключевского» и т. д. и т. п.), разработка учебных пособий по истории отечественной исторической науки, где изложение структурировано по схолярному принципу: например, в учебных пособиях, подготовленных коллективом омских историков, дореволюционный этап развития науки представлен как история продуктивного научного соперничества «московской» и «петербургской» школ¹.

Концептуально-теоретические основы современного схолярного подхода были сформулированы Г.П. Мягковым в серии работ о «русской исторической школе»: он предложил считать именно научную школу — а не «течение» или «направление» — базовым понятием истории гуманитарных наук². В качестве критериев научной школы Г.П. Мягков выделяет наличие общей парадигмы и исследовательской программы, неформальный характер научного объединения, систему коммуникативных связей — вертикальных (учитель — ученики) и центрированных (вокруг признанного научного лидера); связь с *alma mater*, на базе которой изначально сформировалась школа (хотя научная школа может сложиться

¹ Очерки истории отечественной исторической науки XX века / под ред. В.П. Корзун. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. 684 с.; Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX века: Учебное пособие. Омск: Омск. гос. ун-т, 2001. 358 с.

² Мягков Г.П. «Русская историческая школа». Методологические и идейно-политические позиции. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. 198 с.; Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казанского университета, 2000. 298 с.

и на основе «незримого колледжа»); и, наконец, особый стиль общения и мышления, нормативные регулирующие ценности, присущие представителям данной школы¹.

Схолярный подход позволяет увидеть, что осязаемой платформой для существования той или иной научной парадигмы служит сообщество ученых, находящихся в тесном взаимодействии друг с другом; что продуктивные научные идеи возникают и развиваются благодаря обмену идеями и взаимной поддержке, ученичеству и наставничеству. Поэтому в рамках схолярного подхода внимание исследователя уделяется не только «содержательному фундаменту» той или иной научной школы, но и ее институциональным формам и «школообразующим практикам» — способам научного и личного общения (семинарам, коллективным научным проектам, переписке, научному руководству и т. д.), за счет которых «шла передача общности взглядов» и «формировалась общая для школы идентичность»². Современные исследователи обращаются также к теме формирования в культуре и исторической памяти «образа научной школы» — «своего рода ее биографии, отложившейся в представлениях различных сообществ»: в практике научного общения с коллегами, в научной рефлексии и коллективной памяти учеников, в восприятии широких слоев общества и в научных трудах последующих поколений исследователей³.

Наблюдения и концептуальные выводы, сделанные исследователями научных школ, выходят на уровень важных науковедческих обобщений. Так, Н.Н. Алеврас в результате изучения научного сообщества российских историков XIX — начала XX в. предложила пересмотреть классическую типологию научных школ, отказаться от жесткого противопоставления «лидерских» и «безлидерских»

¹ Мягков Г.П. Научное сообщество историков дореволюционной России в свете «старой» и «новой» модели исторического исследования // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 34. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 206–214; Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Школа В.И. Герье: основные черты и место в научном пространстве России // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 44. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 165–185.

² Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск: ОмГУ, 2010. 406 с.

³ Гришина Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск: Энциклопедия, 2010. 288 с.

школы (поскольку так называемые «безлидерские школы» в действительности представляют собой научные сообщества с «латентным типом лидерства», где лидерские функции распределены между разными их членами), а также разграничить разные типы научного лидерства. С точки зрения исследовательницы, в истории науки следует различать коммуникативный тип лидерства, когда усилия ученого направлены прежде всего на формирование и продуктивную деятельность научного коллектива, подготовку следующего поколения ученых, и интеллектуальный тип научного лидерства — когда инициативы историка связаны преимущественно с выдвижением новаторской идейно-концептуальной программы. Предложенная типология позволяет охарактеризовать разнообразие форм научной преемственности: в рамках научной школы с лидером коммуникативного типа логика научной преемственности достаточно очевидна — от учителя к ученику и к следующим поколениям учеников, — а идеи ученого-лидера интеллектуального типа могут оказаться востребованными «много позднее хронологических границ его деятельности». Именно так, по мнению Н.Н. Алеврас, произошло с научным наследием А.С. Лаппо-Данилевского, чьи методологические идеи «нашли понимание и признание в отечественной историографии только в конце XX — начале XXI века»¹.

Под влиянием схолярного подхода изменилась внутренняя логика биографических исследований о выдающихся историках прошлого. Если В.О. Ключевский когда-то утверждал, что «в жизни ученого и писателя главные биографические факты — книги, важнейшие события — мысли»², то в современных исследованиях все чаще ставятся акценты на преподавательскую и просветительскую работу ученого, на его деятельность в качестве лидера научной школы, учителя и наставника (пример тому — целый блок работ

¹ Алеврас Н.Н. Проблема лидерства в научном сообществе историков XIX — начала XX века // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сборник статей / редкол.: Н.Н. Алеврас (гл. ред.) и др. Челябинск: Каменный пояс, 2006. С. 118.

² Ключевский В.О. Сергей Михайлович Соловьев (умер 4 октября 1879 г.) // Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. VII. Специальные курсы (продолжение) / под ред. В.Л. Янина; послесл. и коммент. Р.А. Киреева, В.А. Александров и В.Г. Зимина. М.: Мысль, 1989. С. 319.

о В.И. Герье¹). Создание научной школы, а значит — возобновление научной преемственности оценивается как «высшее проявление и итог деятельности любого ученого»², как зримый показатель его научной и личностной состоятельности.

Особой темой исследований стали практики межпоколенческой коммуникации («учитель — ученик») в исторической науке и трансформация этих взаимоотношений на рубеже XIX–XX вв. Ведущие специалисты по истории исторической науки характеризуют тот период как время продуктивного научного кризиса, смены научных парадигм — перехода от классического позитивизма к «антропологически ориентированной парадигме» исторического знания³. В связи с этим возникает закономерный вопрос: как отражалась смена парадигм на развитии научных школ, как складывались отношения между представителями разных поколений в науке?

В.П. Корзун делает вывод, что в тот период вместе с изменениями «образа науки» изменялась и модель взаимоотношений учителя и ученика: на смену императиву «делай как я» или «делай как все» приходила более гибкая, рефлексивная модель отношений — «действуй исходя из природы, возможности своей науки и собственного видения научных идеалов». Именно так, по мнению исследовательницы, выстраивали свои отношения с учениками Н.И. Кареев, В.О. Ключевский, П.Н. Милюков,

¹ Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье: Портрет российского педагога и организатора образования. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2009. 382 с.; История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье / под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2008. 352 с.; Цыганков Д.А. В.И. Герье и Московский университет его эпохи. Вторая половина XIX — начало XX в. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. 254 с.

² Иванова Т.Н. Научное наследие В.И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX — начало XX века). Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2010. 382 с. С. 307.

³ Дорошенко Н.М. Философия и методология истории в России (конец XIX — начало XX века): Учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. 180 с.; Жигунин В.Д., Мягков Г.П. Между монизмом и плюрализмом: российская историческая мысль на рубеже XIX–XX вв. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 1/99. М., 1999. С. 215–222; Медушевская О.М. Историк в динамике XX века // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: Докл. и сообщ. науч. конф. / сост. Е.А. Антонова, И.Н. Данилевский и др.; вступ. Ю.А. Афанасьев. М., 2000. С. 5–13; Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX века: В 2 ч. Волгоград: Изд-во Волгоградск. гос. ун-та, 1999–2000; и др.

А.С. Лаппо-Данилевский, Р.Ю. Виппер и И.М. Гревс¹: речь шла не о передаче ученику готовой суммы знаний или арсенала оправдавших себя методов, а скорее об обучении творчеству. Однако, как считает А.А. Серых, в научной ситуации рубежа веков отказ историков старшего поколения от «подчеркнутого попечительства» был потенциально чреват конфликтом и свидетельствовал о «разности и взаимном непонимании двух миров — старшего и младшего поколений, учителей и учеников»: «Старшее поколение ожидало проявления самостоятельности студентов, а младшее стремилось получить от учителей научное “попечительство”»². Традиция «попечительства» в академической среде, как подчеркивает исследователь, носила не только научно-методический характер: была распространена практика профессиональных «рекомендаций» со стороны старших коллег-учителей, их «хлопот» о трудоустройстве молодых ученых, а отсутствие таких «рекомендаций» могло создать почву для взаимных претензий и обид³.

Изучение ситуаций конфликтов, кризисов и раскола оказалось важным для понимания внутренней логики развития научных школ. Показателен здесь опыт А.В. Свешникова, предпринявшего развернутый историко-антропологический анализ научного конфликта внутри петербургской школы медиевистов, между И.М. Гревсом и его учеником Л.П. Карсавиным. По мнению А.В. Свешникова, в самой организации научной школы «генетического типа» (ориентированной на трансляцию «школообразующих практик» и «абсолютных ценностей» от учителя к ученикам) изначально заложено противоречие, провоцирующее внутренний конфликт: возможность ситуации, когда ученики перерастают своего учителя⁴. Такая ситуация стано-

¹ Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (Анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург; Омск: Омск. гос. ун-т; Изд-во Уральск. ун-та, 2000. С. 6.

² Серых А.А. «Связь / разрыв» поколений в сообществе российских историков конца XIX — первой трети XX веков // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 280.

³ Серых А.А. «Связь / разрыв» поколений в сообществе российских историков... С. 283–285.

⁴ Свешников А.В. Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта) // Новое литературное обозрение. 2009. № 96.

вится вызовом, мобиливающим фактором и для бунтаря-одиночки, который получает возможность идти своим путем, и для научной школы, которой для дальнейшего развития требуется внутреннее переструктурирование, перераспределение ролей и статусов, и, наконец, для научного знания в целом: как отметил Р. Коллинз, «наиболее влиятельные идейные новшества рождаются тогда, когда ... поверх непрерывной цепи поколений выстраиваются еще и цепочки творческого конфликта»¹.

Опыт изучения отдельно взятых научных школ позволил исследователям задаться вопросом о том, сложилось ли в дореволюционной исторической науке России целостное научное сообщество. Современные историографы в большинстве своем склонны отвечать на этот вопрос утвердительно². Показателем существования целостного научного сообщества служит наличие «сформировавшейся и достигшей известной развитости институционально-коммуникативной сети»³; выработка «ритуалов взаимодействия», поддерживающих ощущение солидарности и сопричастности общему делу; формирование научного этоса, т. е. неписаного свода этических норм и ценностных ориентиров научной деятельности, а также оформление «пантеона классиков», каждый из которых мог стать вдохновляющим примером не только непосредственно для своих учеников, но и для будущих поколений.

Реконструировать коммуникативные сети и ритуалы взаимодействия дореволюционного сообщества историков стало возможным в результате поворота современной историографии к изучению «историографического быта» — социокультурного контекста интеллектуальной жизни, поведенческих и коммуникативных практик, экзистенциальных пластов бытия историка⁴. Это позволило выявить и проанализировать способы, благодаря которым осуществлялось

¹ Коллинз Р. Социология философий. С. 137–138.

² «Историческая наука дореволюционной России прошла путь от появления первых профессионалов-историков до складывания целостного научного сообщества» (курсив авт.) — Мягков Г.П. Научное сообщество историков дореволюционной России. С. 206, 212.

³ Мягков Г.П. Указ. соч. С. 212.

⁴ Алеврас Н.Н. Что такое «историографический быт»: из опыта разработки и внедрения историографической дефиниции // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / отв. ред. Л.П. Репина. М.: УРСС, 2010. С. 516–534.

воспроизводство научного сообщества и происходило накопление его символического «культурного капитала». В частности, процесс подготовки и защиты диссертаций в исследованиях Н.Н. Алеврас и Н.В. Гришиной предстает как интерактивный ритуал, смысл которого — не только своеобразная научная инициация соискателя, формальное и символическое принятие его в ряды научного сообщества, но и утверждение идентичности самого научного сообщества, подтверждение его нормативных и неформальных установлений, конвенций и предписаний¹. Мемориальные практики (юбилейные чествования, публикации юбилейных сборников в честь ведущих историков, некрологи и сборники *in memoriam*) также рассматриваются современными исследователями как способ самоидентификации научного сообщества и утверждения его этоса².

Определяющими чертами научного этоса историка дореволюционной России историографы считают «просветительскую компоненту профессиональной научной деятельности историков, осознание... особой связи русского ученого с жизнью»³, «просветительские идеалы», «педагогическое подвижничество» и «активную общественную деятельность»⁴, отношение к общественно-просветительской деятельности как к «ученому долгу» и «велению сердца», а к образовательным и политическим инициативам — как к «служению общественному благу»⁵. Наблюдения историографов согласуются с теми исследованиями, где предметом изучения является научный этос более широких кругов ученого сообщества императорской России. Так, Е.А. Ростовцев, изучая корпорацию

¹ Алеврас Н.Н. Диссертационная история ученого как событие интеллектуальной биографии российских историков XIX века // Диалог со временем. Вып. 50. М.: ИВИ, 2015. С. 218–241; Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. Российская диссертационная культура XIX — начала XX веков в восприятии современников. К вопросу о национальных особенностях // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М.: ИВИ РАН, 2011. Вып. 36. С. 221–245.

² Серых А.А. «Связь / разрыв» поколений в сообществе российских историков... С. 285–288.

³ Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. С. 218–219.

⁴ Иванова Т.Н. Научное наследие В.И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России. С. 315.

⁵ Гришина Н.В. «Школа В. О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. С. 161–163, 187–191.

Санкт-Петербургского университета конца XIX — начала XX в. сквозь призму антропологии науки, пришел к выводу, что этос университетской профессуры соответствовал «патерналистской модели» российского университетского образования: профессора и преподаватели российских университетов ощущали себя пастырями студенчества, родителями в «университетской семье», и потому были готовы взять на себя миссию «духовных и политических воспитателей не только новых поколений российской интеллигенции, но и российского общества в целом»; стержнем идентичности университетской и — шире — российской интеллигенции была «идея общественного служения»¹.

Этот научный этос оказал сильнейшее воздействие и на формирование «пантеона классиков» исторической науки. Центральное место в этом пантеоне занял образ В.О. Ключевского, еще при жизни превратившийся в «идеальный первообраз Историка для последующих поколений», Учителя учителей; вокруг его образа в русской культуре формировалась система представлений «о смысле жизни и дела ученого-историка как свидетеля исторического бытия, его “трудах и днях”, о содержательности единства научного и художественного слова в историческом познании»². Имя Ключевского «приобрело значение символа, ...стало именем нарицательным»³, поскольку оно, как и имя его предшественника Карамзина, было связано с приобщением широких кругов читающей публики к историческим знаниям; их деятельность воспринималась как воплощение просветительской миссии ученого.

Таким образом, дореволюционное научное сообщество историков предстает в отечественной историографии как пример эволюционного развития науки, где важнейшей структурной единицей научной деятельности были научные школы, формировавшиеся

¹ Ростовцев Е.А. Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России: 1884–1917: дис. ... д-ра ист. наук / Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2016. С. 22–23.

² Бельский И.Л. Образ историка в русской культуре XIX–XX вв. (Предварительные соображения) // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: Доклады и сообщения научной конференции / сост.: Е.А. Антонова, И.Н. Данилевский и др.; вступ. Ю.Н. Афанасьев. М., 2000. С. 14–26.

³ Гришина Н.В. Указ. соч. С. 227.

либо вокруг фигуры лидера или учителя, либо как равноправное научное содружество. Исследователи подчеркивают, что в тот период сформировалось общее научное пространство исторической науки, сложилась сеть коммуникативных взаимодействий между разными научными школами и сообществами; был выработан научный этос, основанный на «профессорской культуре» дореволюционной России и строившийся вокруг идеи социальной миссии интеллигенции; усилиями учеников и последователей формировался пантеон классиков, к которому причислялись прежде всего те ученые, кто успешно совмещал научное творчество, воспитание учеников и просветительскую деятельность. Все это, с точки зрения исследователей, давало возможность научному сообществу до известного предела преодолевать неизбежные конфликты поколений, сохранять коллективную идентичность и обеспечивать научную преемственность.

Советская и эмигрантская историческая наука: разрывы и возобновление преемственности

Изучение научной преемственности в отечественной исторической науке «короткого» XX века — задача довольно сложная и проблематичная: здесь исследователь сталкивается с ситуациями перерыва постепенности, болезненных разрывов и расколов научного сообщества. Поступательный ход эволюционного развития отечественной науки вообще и исторической науки в частности неоднократно нарушался не по внутренним, собственно научным причинам, а вследствие социальных катаклизмов. Как минимум дважды за столетие — в 1917 и 1991 гг. — социально-политические трансформации запускали цепочку необратимых перемен в сфере научной деятельности: рушились устоявшиеся институциональные формы и научные взаимосвязи, низвергались прежние авторитеты, изменялся статус ученого и условия научной работы — вплоть до того, что научной интеллигенции приходилось осваивать совершенно нетипичные для нее «стратегии выживания», а «встраивание» в новые структуры требовало наличия новых профессиональных навыков и личностных качеств... Дважды за столетие происходила карди-

нальная мировоззренческая переориентация научного мышления: утверждение марксизма как обязательной теоретической и идеологической платформы исторического знания в 1920–1930-е гг. — и отказ от марксизма на рубеже 1980–1990-х гг. Драматическими вехами в судьбе советской исторической науки стали «Академическое дело» 1929–1931 гг., «большой террор» конца 1930-х гг., «борьба с космополитизмом» конца 1940-х, кампания против «нового направления» в исторической науке в начале 1970-х гг.; долгое время сохранялась традиция публичных «проработок» неортодоксальных исследований¹. Можно ли — и если да, то в какой мере — говорить в этих условиях о непрерывности традиций научных исследований в XX в., о преемственности форм «историографического быта», о сохранении этоса науки? Как изменились в результате социокультурные формы бытия научного сообщества историков, какие трансформации они претерпели?

В поисках ответа на эти вопросы современные историографы обращаются к опыту советского и эмигрантского сообщества историков — двух научных традиций, которые во многом были зеркально противоположны друг другу. Исследования показывают, что в советской и эмигрантской науке первой половины XX века формировались совершенно разные типы отношения к сложившимся научным традициям, разные каноны профессиональной культуры, жизненные стратегии и каналы коммуникаций; при этом каждая сторона была убеждена, что только ей принадлежит символическое право говорить от имени всей русской исторической науки².

Социокультурные практики эмигрантского сообщества историков в целом были направлены на сохранение сложившейся

¹ См. воспоминания историков: Кобрин В.Б. Кому ты опасен, историк? М.: Московский рабочий, 1992. 225 с.; Гутнова Е.В. Пережитое. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 462 с.; Гуревич А.Я. История историка. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 288 с.; Зимин А.А. Храм науки (Размышления о прожитом) // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А.Л. Хорошкевич. М.: Аквариус, 2015. С. 35–384.

² Волошина В.Ю., Груздинская В.С., Колеватов Д.М., Корзун В.П. Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920–1930-е гг.): монография / [отв. ред. В.Ю. Волошина, В.П. Корзун]. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2020. 336 с.

дореволюционной научной традиции, выступавшей в качестве культурного образца. Большинство ученых-эмигрантов выстраивали свою идентичность и жизненные стратегии вокруг идеи сохранения «кода дореволюционной культуры» вплоть до будущего возвращения на Родину. Это проявлялось и в стремлении воссоздать в эмиграции дореволюционную систему подготовки научных кадров, научно-исследовательских и образовательных учреждений; и в попытках возродить привычные формы культурно-просветительской работы (например, народные университеты) и неформальные интеллектуальные объединения (например, домашние семинары); и в коммеморативных практиках отмечания памятных годовщин и чествования памяти учителей¹.

В методологическом и концептуальном плане, как подчеркивают историографы, для эмигрантской исторической науки были характерны две противоположные тенденции. Научные исследования большинства историков-эмигрантов отличались методологическим консерватизмом и были выполнены в традициях классической позитивистской историографии XIX в. Напротив, представители евразийства отвергали традиции дореволюционной исторической науки и противопоставляли им свое концептуальное видение истории России — с их точки зрения, новая историческая эпоха властно требовала переосмысления «узловых вопросов» российского прошлого, настоящего и будущего². Тем не менее, как пронизательно отметила М.Г. Вандалковская, евразийцы «исходили из этой же науки», оты-

¹ *Волошина В.Ю.* Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории»: монография. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 219 с.; *Ковалев М.В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.): монография / [науч. ред. проф. И.Р. Плеве]. Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2012. 408 с.; *Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* «Историческая правда» и «домыслы историка». Ключевский и его школа в окуляре критики историков-эмигрантов 20–30-х гг. // *Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии.* Челябинск, 2004. С. 111–125; *Вьюницкая Е.В., Пивовар Е.И.* Анкета Пражского комитета по ознаменованию 175-летия Московского университета в его фонде в ГАРФ // *Отечественные архивы.* 2018. № 5. С. 37–44.

² *Вандалковская М.Г.* Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М.: Памятники исторической мысли, 1997. 350 с.; *Антоценко А.В.* «Евразия» или «Святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории. Петрозаводск: РИО Карельского науч. центра РАН, 2003. 390 с.

скивая свои версии ответов на вопросы, поставленные еще государственной школой¹.

Важнейший вывод, который делают современные исследователи, заключается в том, что, несмотря на неприкаянность эмигрантского бытия, российские ученые в изгнании сумели сохранить свой особый этос, «тип и мотивацию поведения», присущие «профессорской культуре», в рамках которой «ученый в России всегда выступал в трех ипостасях: исследователя, педагога и просветителя». Благодаря этому, вопреки территориальной разобщенности в эмиграции сложилось единое научное сообщество, сумевшее взять на себя роль духовного центра русского зарубежья². Однако задача сохранения длительной научной преемственности в условиях изгнания оказалась утопией: затянувшееся пребывание на чужбине в конце концов заставляло эмигрантов, особенно молодых ученых, интегрироваться в науку стран проживания; русское зарубежье сохраняло свой неповторимый культурный облик, но утрачивало — в силу не востребо-ванности — научные и образовательные институции.

Становление советской исторической науки происходило в условиях «огосударствления культуры», подчинения гуманитарного знания идеологическим задачам; важным фактором развития исторической науки стала практика властного, партийного вмешательства в решение научных проблем³. В теоретическом плане это было связано с утверждением марксизма в качестве общеобязательной методологии научных исследований, в организационном — со сращиванием научных и идеологических структур в 1920-е и централизацией управления наукой в 1930-е гг., а в социокультурном аспекте — со вступлением в историческую науку новой генерации «историков-марксистов», «красной профессуры». Прежние формы трансляции научных знаний и исследовательского опыта были

¹ *Вандалковская М.Г.* Историческая наука российской эмиграции. С. 246.

² *Волошина В.Ю.* Ученый в эмиграции. С. 206; *Волошина В.Ю.* Социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02; [Место защиты: Ом. гос. пед. ун-т]. Омск, 2012. 46 с. С. 19.

³ См. об этом, напр.: *Дубровский А.М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии, (1930–1950-е гг.). Брянск: Изд-во Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, 2005. 798 с.

существенно деформированы. «Школа Покровского», активно формировавшаяся в советской науке 1920-х гг., утверждала свою идентичность через декларативный разрыв с прошлым — с традициями «старой», «буржуазной» исторической науки. Парадокс судьбы этой школы заключался в том, что она просуществовала не дольше одного поколения — уже в середине 1930-х гг., когда резко изменился курс партии по отношению к трактовке исторического прошлого, ученики М.Н. Покровского приняли активное участие в критической кампании, направленной против «антимарксистской концепции» покойного учителя¹. Сама идея научной преемственности тем самым была серьезно скомпрометирована.

В силу этих особенностей советской исторической науки продуктивным инструментом ее изучения становится генерационный, поколенческий подход, позволяющий заострить внимание не на непрерывности схоларных традиций, а на несходстве «отцов и детей» в науке. Понимая под генерацией историков «общность специалистов, примерно в одно и то же время начавших заниматься профессиональной научно-исследовательской и преподавательской деятельностью»², Л.А. Сидорова применила этот подход к изучению советской исторической науки середины XX в., выделив в ней три поколения ученых-историков: дореволюционное (историки «старой школы»), первое марксистское (поколение «красных профессоров») и послевоенное, каждому из которых была свойственна своя профессиональная культура, свои особенности восприятия и применения марксистской парадигмы истории, свои традиции межличностного общения и даже язык научных работ. Воссозданные ею социально-исторические портреты трех поколений историков представляют собой обобщения, своеобразные «идеальные типы», в рамках которых могла наблюдаться широкая «вариативность признаков», разнообразие индивидуальных черт конкретных представителей каждого поколения.

¹ См.: *Осадченко Б.А.* Историк в эпоху «большого террора». Борьба с концепцией М.Н. Покровского // *Очерки истории отечественной исторической науки XX века.* С. 449–457.

² *Сидорова Л.А.* Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков: автореферат дис. ... д-ра исторических наук : 07.00.09; [Место защиты: Ин-т рос. истории РАН]. М., 2009. С. 13.

Определяющей чертой развития советской науки 1920–1930-х гг. Л.А. Сидорова считает межпоколенческий раскол — тот факт, что «в целом отношения между “старой” и “красной” профессурой в условиях советской России не пошли по традиционной для эволюционного типа развития науки линии межгенерационных коммуникаций — “учитель — ученик”, а уступили место неравноправному соперничеству»¹ (неравноправному, поскольку «красная» профессура имела возможность использовать в этом противоборстве властные, административные и идеологические ресурсы). Соперничество поколений продолжилось и в конце 1940-х — 1950-е гг.: теперь это была «неявная, лишенная внешних признаков, но все-таки борьба за послевоенное поколение между историками двух старших генераций»². В методологическом плане представители «старой» и «красной» профессуры, как доказывает исследователь, различались прежде всего выбором приоритетов в научном исследовании: для историков «старой» школы было характерно «преимущественное внимание к историческому факту» при формальном использовании марксистских подходов, для «красной» профессуры — доминирование марксистской теории. Не менее глубокими были различия стиля научного общения: если отличительной чертой историков «старой» школы были «неприятие диктата как метода научных коммуникаций», то для «красной» профессуры были характерны жесткость в научной полемике, стремление не нейтрализовывать конфликтные ситуации, а, напротив, «заострять критические стрелы»³.

При всех этих различиях результат конкурентной борьбы за учеников между «старой» и «красной» профессурой, как подчеркивает Л.А. Сидорова, оказался парадоксальным: «...генерация послевоенных историков в своем отношении к исследовательским принципам наследовала традиции обоих своих предшественников, причем зачастую она была ближе к старшему поколению советских историков»⁴. Таким образом, поколенческий подход к истории науки

¹ *Сидорова Л.А.* Советская историческая наука середины XX века... С. 29.

² Там же. С. 30.

³ Там же. С. 16–18, 31–32.

⁴ Там же. С. 32.

позволил выявить преемственность советской историографии по отношению к классической российской исторической науке, — преемственность, восстановленную довольно причудливым, зигзагообразным путем. Заслуживает внимания, что в следующей своей крупной работе, посвященной советским историкам, Л.А. Сидорова сосредоточила внимание уже не на конфликте поколений, а на общих чертах духовно-ментального облика и научной культуры, которые объединяли «старую» и «красную» профессуру вопреки различиям мировоззренческих ориентиров и политических убеждений¹.

История перерывов и возобновления научной преемственности в советской исторической науке стала сквозной темой и в историографических трудах А.В. Гордона. Констатируя, что советская историческая наука на пути своего становления пережила трагические изломы — разрыв с дореволюционными традициями в марксистской историографии 1920-х гг., а затем репрессии 1930-х, затронувшие и ученых «старой школы», и историков-марксистов нового поколения, — свою задачу историк видит в том, чтобы все же добиться «континуитета в воспроизведении причудливой траектории отечественного историознания»².

В качестве инструмента анализа историографического процесса А.В. Гордон использует классический схолярный подход, выделяя несколько школ в изучении эпохи Французской революции: «школу Кареева» в Петроградском университете, «школу Лукина» в Институте красной профессуры и «школу Адо» в МГУ. Заслуживает внимания, что названные им школы соответствуют именно тем трем поколениям, которые выделяет в истории исторической науки Л.А. Сидорова: школа Н.И. Кареева сложилась задолго до революции, школа Н.М. Лукина — в 1920-е гг., школа А.В. Адо — после Великой Отечественной войны. Историограф интересуют «связующие звенья» между этими школами, личностные и профессиональные: ведь, несмотря на громкие заявления молодых советских историков о размежевании с дореволюционной традицией, «у ведущих историков-марксистов были учителя из дореволюционной профес-

¹ Сидорова Л.А. Советские историки: духовный и научный облик. М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2017. 248 с.

² Гордон А.В. Историки железного века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 9, 99.

суры, новое направление не собиралось начинать с “нуля”»¹. Таким образом А.В. Гордону удастся выстроить генеалогическую линию научной преемственности «от *école russe*, прославленной старой “русской школы” до “новой русской школы”, как называют современных исследователей»².

При всем различии исследовательской оптики схолярного и поколенческого подходов современные историографы задаются сходными вопросами: что сумели перенять советские историки у своих дореволюционных учителей, какой «культурный капитал» унаследовало послевоенное поколение ученых?

Ответы на эти вопросы у разных исследователей удивительно сходны. Л.А. Сидорова доказывает, что профессора «старой школы» сумели передать новому поколению прежде всего «*принципы работы с источником*, которые стали основой для исследовательской деятельности всех последующих отечественных историков» — «скрупулезность в отношении к содержащейся в источнике информации, точность и всесторонность ее анализа, критическое отношение и установление ее подлинности»³, «линию на объективное научное исследование, основанное на приоритете исторического источника и факта»⁴. В свою очередь, А.В. Гордон подчеркивает, что молодые советские историки перенимали у своих дореволюционных учителей «фундамент профессионализма» «с характерным упором на факты, источники, архивные документы»⁵.

При этом, по мнению исследователей, в формировании научных школ решающую роль играл не только профессионализм, но и «человеческий фактор»: наличие научного лидера, способного стать «учителем в самом высоком смысле — и таким, кто научает азам профессии, и таким, кто способствует духовно-нравственному формированию»⁶. Оба исследователя обращают внимание, что общение старших и младших поколений историков становилось не только

¹ Гордон А.В. Историки железного века. С. 14.

² Там же. С. 9.

³ Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века. С. 18.

⁴ Сидорова Л.А. Советские историки: духовный и научный облик. С. 8.

⁵ Гордон А.В. Историки железного века. С. 103.

⁶ Сидорова Л.А. Советские историки: духовный и научный облик. С. 169; Гордон А.В. Историки железного века. С. 387.

научной, но и «нравственной школой», что ученикам передавались не только принципы научного исследования, но и нормы научного этиоса: «вкус к приобретению знаний», традиции профессионального научного общения¹, «определенный запас прочности, который позволяет при крутой “смене вех” сохранять верность духовно-нравственным ценностям»².

Во многих мемуарах современных историков, прошедших школу профессионального становления в советские времена, также звучит тема важности непосредственного, личного общения учителя и ученика, при котором ученику передается нечто трудно вербализуемое, но имеющее прямое отношение к этосу науки. Лейтмотивом многих воспоминаний становится тема трансляции от учителя к ученикам практик поведения, принципов преподавания и научной работы: например, таких, как уважение права ученика на свободный выбор тем, восприятие ученика как полноправного соавтора, деятельная помощь ученикам в решении «бюрократических» вопросов³. Вызывая в памяти яркие образы учителей, сыгравших исключительную роль в их профессиональном и личностном становлении, мемуаристы выделяют такие нравственные установки и поведенческие практики, которые привлекали в старших коллегах. Безусловно, перечень таких качеств для каждого мемуариста свой. Один включает в этот перечень способность к рефлексии, лишенное сервильности отношение к власти (его учителя «могли обольщаться, но не умели пресмыкаться»), склонность к шутке и иронии, стремление, «во-первых, к сохранению культурного наследия во всей его полноте и, во-вторых, к расширению интеллектуальной свободы»⁴. Другой мемуарист отмечает в своих старших коллегах «иронический взгляд на дело», скептицизм («как научно-методический, источниковедческий, так и общеметодологический, политический»), профессиона-

¹ Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века. С. 29–31.

² Гордон А.В. Историки железного века. С. 386–387.

³ Кутявин В.В. О моем университетском Учителе // Памяти профессора Станислава Михайловича Стецкевича. Статьи и воспоминания. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2015. С. 118–125.

⁴ Савчук В.С. Анатолий Москаленко и другие. Личные воспоминания историка как источник по проблеме групповой идентичности // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 37. М., 2011. С. 224–254.

лизм, неизбежно включавший в себя «осмотрительность и житейски полезную уклончивость»¹. Третьему особенно важной представляется возможность обратиться за профессиональным советом к ведущим ученым «как к формально равным», «не испытывая никаких угрызений совести»: «Мэтры были людьми, уж совсем разными, но их объединяло это унаследованное, возможно, от их учителей, помнящих ещё старые университетские традиции, понимание того, что “даже кошка имеет право смотреть на императора”»². Наконец, четвертый вспоминает такие качества своих учителей, как «преданность делу... чувство внутренней свободы, личного достоинства и уважение к достоинству другого» — и делает вывод о ценностной, аксиологической основе этих качеств: «Наверное, в основе этой внутренней свободы — образованность, интеллигентность как система понимания и взаимодействия с миром, даже если этот мир фальшивый и вульгарный»³. В конечном итоге, в каждом из этих примеров речь идет о тех качествах, которые формируют групповую идентичность историков, внутреннее чувство принадлежности к единому сообществу, но при этом могут распознаваться, оцениваться и перениматься только в ходе непосредственного общения. Ощущение глубокого внутреннего взаимопонимания — при всех возможных различиях в трактовке конкретных научных проблем — и становится источником той «эмоциональной энергии», которая необходима для плодотворной научной работы.

При выборе научных ориентиров — и исследовательских, и этических — значимым фактором является не только личное общение с учителями, но и заочный диалог с классиками. Для понимания научного климата каждой эпохи существенно, какие ученые считались в то время знаковыми фигурами. Сегодня эта проблема ставится в целом ряде интересных работ, посвященных формированию пантеона классиков в отечественной науке XX века: практикам «классикализации» и «назначения в кумиры», «деклассикализации»

¹ Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х — 1990-х годах. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-история», 2004. С. 12–14.

² Уваров П.Ю. Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 170.

³ Кутявин В.В. О моем университетском Учителе. С. 117–118.

и последующей «реабилитации» былых кумиров, «присвоению» их наследия и «актуализации памяти» о них. Так, в работах омских и челябинских историографов сделан вывод, что для самоидентификации и коллективной памяти научного сообщества историков XX века стержневое значение имели прежде всего два образа: М.Н. Покровского, отца-основателя советской марксистской историографии, еще при жизни возведенного в ранг «классика», а затем беспощадно развенчанного¹, — и В.О. Ключевского, «учителя учителей», чей образ был объединяющим для дореволюционной историографии, превратился в символ отвергаемой «буржуазной» науки на заре советского периода, и вновь оказался востребованным, «присвоенным» советской историографией в 1960–1970-е гг.² Представляется, что каждый из этих образов был важен для исторического сообщества как персонификация двух тенденций в развитии отечественной исторической науки: марксистской, основанной на классовом подходе, — и классической, объективистской, не подверженной переменчивой конъюнктуре.

Феномен «латентной» научной преемственности можно проследить на примере судьбы наследия А.С. Лаппо-Данилевского, крупнейшего источниковеда и методолога науки начала XX в. Н.Н. Алеврас и Н.В. Гришина проницательно замечают, что учени-

¹ Корзун В.П. Назначение в кумиры: практики классикализации в научном сообществе историков (1920–середина 1930-х годов) // *Историки об историках. К юбилею профессора Г.П. Мягкова / под общ. ред. Л.П. Репиной, Н.И. Недашковской.* М.: Аквилон, 2022. С. 337–364; Груздинская В.С. «Реабилитация» М.Н. Покровского в сообществе историков: конец 50-х — 60-е годы XX века // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки.* 2020. Т. 162, кн. 3. С. 220–231.

² Корзун В.П., Колеватов Д.М. Бои за В.О. Ключевского в советской историографии как способ самоидентификации исторического сообщества // *Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева.* М.: ИВИ РАН, 2012. С. 257–273; Богомазова О.В. В.О. Ключевский: актуализация памяти об историке в коммеморативных практиках научного сообщества XX века (К постановке проблемы) // *История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI вв.: сб. статей / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой.* Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 303–314; Богомазова О.В. В.О. Ключевский: историко-научные и социальные практики увековечивания памяти об историке в XX — начале XXI века: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2013. 263 с.

ки А.С. Лаппо-Данилевского в советское время были вынуждены «соблюдать понятную осторожности при упоминании его имени как представителя “старой буржуазной науки”», но чтили память об учителе в «неявной», «непрямолинейной», «намеренно скрытой» форме — в своих «источниковедчески и методологически ориентированных исследованиях, нацеленных на продолжение эпистемологического опыта учителя по созданию основ “строгого” исторического знания»¹. Очевидно, именно благодаря этому «неявному» сохранению преемственности была подготовлена почва для настоящего ренессанса эпистемологического и методологического наследия А.С. Лаппо-Данилевского в наши дни.

Предстает ли сообщество советских историков как нечто единое, связанное тесной сетью профессиональных взаимодействий, общим научным этосом, пантеоном безоговорочно признанных классиков? Трудно дать на этот вопрос однозначный ответ. В относительно недавние годы в историографических трудах и мемуаристике отчетливо зазвучала идея, что сообщество советских историков представляло собой особый мир, отделенный от современного научного сообщества ощутимой культурной дистанцией: «Мне впервые подумалось, что следующие поколения, не знающие контекста нашей деятельности и того, чем мы жили, не смогут, да и не захотят оценивать вклад каждого в науку: ключи для понимания будут утеряны, подобно тому, как нынешнее поколение утратило способность распознавать эзопов язык, столь значимый еще в брежневскую эпоху»². Как представляется, если передача «ключей для понимания» контекста уходящей эпохи возможна в принципе, то она может состояться лишь при соприкосновении учеников не просто с научными трудами, но с живой и многогранной личностью учителя.

Таким образом, из работ современных исследователей, обращающихся к советскому периоду развития исторической науки, вырисовывается следующая панорама. При всей радикальности разрыва с прошлым, при всех методологических и научно-организационных новшествах советского периода научное сообщество все же

¹ Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. Уроки учителя: идеи А.С. Лаппо-Данилевского в творческих судьбах учеников // *Клио.* 2013. № 12(84). С. 49.

² Уваров П.Ю. Между «ежами» и «лисами». С. 79.

находило возможность восстанавливать прежние и сплести новые «долговременные интеллектуальные цепочки». В ходе научного взаимодействия от учителей к ученикам передавалась не столько уникальная авторская методология научного исследования (поскольку речь могла идти не более чем о вариациях в русле общеобязательной марксистской методологии), сколько фундаментальные принципы работы с источниками, критического научного мышления, а также опыт профессионального общения, поведенческие практики, ценности, составляющие основу научного этоса. Это позволяет историкам науки делать выводы о сохранении линий научной преемственности, сколь бы ни были причудливы их траектории, от дореволюционной науки к поздней советской и далее — к современности.

Современная историческая наука: фрагментация и сетевые структуры

На рубеже XX–XXI веков отечественная историческая наука вновь, как и на заре XX столетия, пережила кризисный, переломный период в своем развитии — адаптация к стремительно меняющимся «внешним» условиям научной работы сопровождалась глубокими внутренними трансформациями гуманитарного знания. Будущим исследователям еще предстоит осмыслить характер и глубину произошедших перемен, время позволит отделить долговременные последствия от краткосрочных; но преимущество современных историков — в возможности проследить изменения температуры потока, двигаясь в этом потоке, осмыслить перемены научного климата сквозь призму судеб конкретных ученых и научных сообществ.

В современной историографии предпринято уже немало опытов рефлексии над ключевыми тенденциями развития российского сообщества историков на рубеже XX–XXI вв.: прежде всего, коллективный проект «Научное сообщество историков России: 20 лет перемен» (2007–2011 гг.) под руководством Г.А. Бордюгова¹, исследование Л.Р. Хут, посвященное эволюции отечествен-

¹ Научное сообщество историков России: 20 лет перемен; под ред. Геннадия Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2011. 520 с.

ной новистике¹, проект «Историки в поисках новых перспектив» (2014–2016 гг.) под руководством З.А. Чеканцевой², создающуюся в настоящее время при нашем участии научную серию «Профессия — историк»³. Немалое внимание уделяется самосознанию современного научного сообщества в альманахе интеллектуальной истории «Диалог со временем» и историографическом сборнике «Мир историка», издающихся с начала нашего столетия⁴. Публикации серий интервью с ведущими зарубежными и отечественными историками⁵ позволяют получить полифоническую оценку современной ситуации в исторической науке с позиций разных научных направлений, поколений и школ.

Диагностируя состояние современной исторической науки, исследователи называют в числе важнейших причин произошедших перемен вызовы глобализации и информатизации, смену научных парадигм, «познавательные повороты» — антропологический, лингвистический, прагматический, визуальный и многие другие,

¹ Хут Л.Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. / Московский гос. пед. ун-т, Адыгейский гос. ун-т. М.: [б. и.], 2010. 702 с.

² Историки в поисках новых перспектив. Коллективная монография / под общ. ред. З.А. Чеканцевой. М.: Аквилон, 2019. 416 с.

³ Профессия — историк: к юбилею Л.П. Репиной / Российская академия наук; Институт всеобщей истории; [отв. ред. О.В. Воробьева]. М.: Аквилон, 2017. 503 с.; Когнитивные науки и историческое познание. Коллективная монография / под общ. ред. О.В. Воробьевой, Г.И. Зверевой. М.: Аквилон, 2020. 372 с. (Серия «Профессия — историк» / отв. ред. О.В. Воробьева. Вып. II).

⁴ Диалог со временем = Dialogue with time: альманах интеллектуальной истории / Ин-т всеобщей истории, Центр интеллектуальной истории, Российское о-во интеллектуальной истории; [гл. ред.: Л.П. Репина]. М.: ИВИ РАН, 1999–; Мир историка: историографический сборник / Федер. агентство по образованию, Ом. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, Ом. отд-ние Рос. о-ва интеллектуал. истории; [ред.-кол.: В.П. Корзун (отв. ред.) и др.]. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005–.

⁵ Доманска Э. Философия истории после постмодернизма / [пер. с англ. М. Кукарцевой]. М.: Канон+, 2010. 399 с.; «Из первых уст...»: Историки о себе и исторической науке в этом быстро меняющемся мире / сост. и общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 208 с.; Хут Л.Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени... С. 469–644. Продолжающуюся серию интервью с ведущими отечественными историками см. также: Историческая экспертиза: профессиональный журнал исторического сообщества [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.istorex.org/> (дата обращения: 27.06.2022).

изменившие проблемное поле и дисциплинарные границы исторической науки¹. Трансформировалась система научных коммуникаций, в том числе и социокультурные практики трансляции исследовательского опыта, научной преемственности. Многие отечественные исследователи отмечают «фрагментацию» современного научного сообщества — по территориальному или поколенческому признаку, по принципу успешности или неуспешности освоения новых исследовательских подходов, по степени интегрированности в мировое научное сообщество². В теоретико-методологическом плане для сообщества российских историков стала характерна «мультипарадигмальность» — одновременное сосуществование разных моделей исторического исследования, свойственных классической, неклассической и пост-неклассической парадигмам науки³. При этом ощущается потребность в выстраивании долговременных линий интеллектуальной преемственности: поиск нового исследовательского инструментария и методологических подходов в российской науке идет параллельно с восстановлением связей с наследием дореволюционной и эмигрантской науки, с переоценкой и новым прочтением

¹ *Тюштендаль Р.* Профессиональные историки и историографическая революция 1960-х — 1990-х гг. // *Профессия — историк: к юбилею Л.П. Репиной.* С. 7–24; *Зверева Г.И.* Обращаясь к себе: самопознание профессиональной историографии в конце XX века // *Диалог со временем / под ред. Л.П. Репиной, В.И. Уколовой: альманах интеллектуальной истории.* М.: ИВИ РАН, 1999. Вып. 1. С. 250–265; *Хут Л.Р.* История в цифровую эпоху: Российские историки в условиях дигитализации исторического знания // *Историки в поисках новых перспектив.* С. 126–158.

² *Бордюгов Г.А.* Сообщество историков России: от прошлого к будущему. Введение // *Научное сообщество историков России: 20 лет перемен.* С. 7–11; *Савельева И.М.* Пути научного трансфера: современная российская историография в мировом контексте // *Профессия — историк: к юбилею Л.П. Репиной.* С. 25–45; *Посохов С.И.* «Фрагментация» как историографический диагноз // Там же. С. 152–177.

³ *Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. С. 15–16, 293–305; *Румянцева М.Ф.* Парадигмальные механизмы современного историографического исследования // *Харківський історіографічний збірник.* 2010. Т. 10. С. 186–195; *Она же.* Парадигмальный выбор историка как этическая проблема // *Харківський історіографічний збірник.* 2012. Т. 11. С. 67–78; *Хут Л.Р.* Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени... С. 59–60; *Воробьева О.В.* Эпистемологические основания и стандарты научности в российских диссертационных исследованиях 1995–2015 гг. // *Историки в поисках новых перспектив.* С. 206–273; *Леонтьева О.Б.* Исследовательская культура российских историков в диссертациях по отечественной истории // Там же. С. 159–205.

советской историографии. Актуализировалась тема «заочного ученичества», важная для самоидентификации ученого: российские историки и сегодня называют в числе своих учителей В.О. Ключевского, а к имени А.С. Лаппо-Данилевского возводят истоки современной феноменологической школы источниковедения¹.

Характеризуя структурные изменения в исторической науке, безусловно перспективной чертой исследователи считают возникновение новых форм научных коммуникаций и научного творчества. «Несущей конструкцией» научного сообщества по-прежнему являются академические структуры и университеты, организационной основой для деятельности научных школ — профильные кафедры, научные центры и тематические лаборатории; но приметой эпохи стали и другие, более гибкие и открытые типы объединения ученых: межвузовские институциональные структуры, неформальные сообщества, «невидимые колледжи», объединяющие ученых, работающих в одном проблемном поле. Примером такого «успешного сотрудничества достаточно широкого конгломерата историков, представителей и столичной, и региональной науки, которые нашли общее поле в ситуации “осколочного” знания, сложившегося в исторической науке», коллеги-историки называют Российское общество интеллектуальной истории, признавая, что профессиональное взаимодействие, налаженное благодаря РОИИ, создало «возможность отказаться от привычного противопоставления “Центр — провинция”»².

¹ Интервью с Мариной Фёдоровной Румянцевой от 16 декабря 2009 г. // *Хут Л.Р.* Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени... С. 628–629.

² *Хут Л.Р.* Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв.: монография. М.: Прометей, 2010. С. 92; *Рыженко В.Г.* Личностный аспект в формировании современных горизонтальных научных коммуникаций: Л.П. Репина и омские историки // *Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева.* М.: ИВИ РАН, 2012. [С. 360–374] С. 361; *Кутявин В.В., Леонтьева О.Б.* Горизонтальные связи в пространстве современной университетской культуры: на примере Российского общества интеллектуальной истории // *Университеты в социокультурном пространстве Самарского региона (К 100-летию университетского образования в Самаре): материалы круглого стола, состоявшегося в Самарском университете 8–9 ноября 2018 г. / под ред. П.С. Кабытова, М.М. Леонова, О.Б. Леонтьевой.* Самара: Самарская гуманитарная академия, 2019. С. 157–164.

Наличие сетевых объединений дает возможность ученому не замыкаться в рамках своей узкой тематики и непосредственного окружения, поддерживать постоянное общение с единомышленниками и, в конечном итоге, видеть и осознавать свою научную проблему как часть более широких научных направлений, общего движения науки. «Вертикальные» и «горизонтальные» связи между учеными разных поколений, между лидерами, способными сформировать продуктивную научную идею, и молодыми учеными, ищущими свой путь, между исследователями из разных регионов, воспитанными в традициях разных научных школ, способствуют циркуляции идей, координации исследований и притоку свежих научных сил в наиболее перспективные области. Заряд «эмоциональной энергии», столь необходимой для научного творчества и возникающей при личном общении, в наши дни стало возможным сохранять и поддерживать благодаря информационным технологиям и дистанционному общению. Подобные объединения важны для трансляции новым поколениям не только исследовательских компетенций, но и научного этоса, практик продуктивного научного сотрудничества, профессиональной идентичности, без которой не может состояться настоящий ученый.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алеврас Н.Н.* Диссертационная история ученого как событие интеллектуальной биографии российских историков XIX века // *Диалог со временем*. Вып. 50. М.: ИВИ, 2015. С. 218–241.
- Алеврас Н.Н.* Проблема лидерства в научном сообществе историков XIX — начала XX века // *Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сборник статей / редкол.: Н.Н. Алеврас (гл. ред.) и др.* Челябинск: Каменный пояс, 2006. С. 117–126.
- Алеврас Н.Н.* Что такое «историографический быт»: из опыта разработки и внедрения историографической дефиниции // *Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / отв. ред. Л.П. Репина*. М.: УРСС, 2010. С. 516–534.
- Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* «Историческая правда» и «домыслы историка». Ключевский и его школа в огуляре критики историков-эмигрантов 20–30-х гг. // *Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии*. Челябинск, 2004. С. 111–125.

- Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Российская диссертационная культура XIX — начала XX веков в восприятии современников. К вопросу о национальных особенностях // *Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории*. М.: ИВИ РАН, 2011. Вып. 36. С. 221–245.
- Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Уроки учителя: идеи А.С. Лаппо-Данилевского в творческих судьбах учеников // *Клио*. 2013. № 12(84). С. 46–49.
- Антощенко А.В.* «Евразия» или «Святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории. Петрозаводск: РИО Карельского науч. центра РАН, 2003. 390 с.
- Беленький И.Л.* Образ историка в русской культуре XIX–XX вв. (Предварительные соображения) // *Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: Доклады и сообщения научной конференции / сост.: Е.А. Антонова, И.Н. Данилевский и др.; дступ. Ю.Н. Афанасьев*. М., 2000. С. 14–26.
- Богомазова О.В.* В.О. Ключевский: актуализация памяти об историке в коммеморативных практиках научного сообщества XX века (К постановке проблемы) // *История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI вв.: сб. статей / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой*. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 303–314.
- Богомазова О.В.* В.О. Ключевский: историко-научные и социальные практики увековечивания памяти об историке в XX — начале XXI века: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2013. 263 с.
- Бордюгов Г.А.* Сообщество историков России: от прошлого к будущему. Введение // *Научное сообщество историков России: 20 лет перемен*. М.: АИРО-XXI, 2011. 520 с. С. 7–11.
- Бычков С.П., Корзун В.П.* Введение в историографию отечественной истории XX века: Учебное пособие. Омск: Омск. гос. ун-т, 2001. 358 с.
- Вальдштейн М.* Интервью с Рэндаллом Коллинзом // *Социологические исследования*. 2010. № 3. С. 23–35.
- Вандалковская М.Г.* Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М.: Памятники исторической мысли, 1997. 350 с.
- Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 270 с. С. 47–49.
- Волошина В.Ю., Груздинская В.С., Колеватов Д.М., Корзун В.П.* Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920–1930-е гг.): монография / [отв. ред. В.Ю. Волошина, В.П. Корзун]. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2020. 336 с.
- Волошина В.Ю.* Социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02; [Место защиты: Ом. гос. пед. ун-т]. Омск, 2012. 46 с.

- Волошина В.Ю. Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории»: монография. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 219 с.
- Воробьева О.В. Эпистемологические основания и стандарты научности в российских диссертационных исследованиях 1995–2015 гг. // Историки в поисках новых перспектив. М.: Аквилон, 2019. С. 206–273.
- Вьюницкая Е.В., Пивовар Е.И. Анкета Пражского комитета по ознаменованию 175-летия Московского университета в его фонде в ГАРФ // Отечественные архивы. 2018. № 5. С. 37–44.
- Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х — 1990-х годах. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-история», 2004. 213 с.
- Гордон А.В. Историки железного века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 448 с.
- Гришина Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск: Энциклопедия, 2010. 288 с.
- Груздинская В.С. «Реабилитация» М.Н. Покровского в сообществе историков: конец 50-х — 60-е годы XX века // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162, кн. 3. С. 220–231.
- Гуревич А.Я. История историка. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 288 с.
- Гутнова Е.В. Пережитое. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 462 с.
- Диалог со временем = Dialogue with time: альманах интеллектуальной истории / Ин-т всеобщей истории, Центр интеллектуальной истории, Российское общество интеллектуальной истории; [гл. ред.: Л.П. Репина]. М.: ИВИ РАН, 1999.
- Доманска Э. Философия истории после постмодернизма / [пер. с англ. М. Кукарцевой]. М.: Канон+, 2010. 399 с.
- Дорошенко Н.М. Философия и методология истории в России (конец XIX — начало XX века): Учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. 180 с.
- Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии, (1930–1950-е гг.). Брянск: Изд-во Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, 2005. 798 с.
- Жигунин В.Д., Мягков Г.П. Между монизмом и плюрализмом: российская историческая мысль на рубеже XIX–XX вв. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 1/99. М., 1999. С. 215–222.

- Зверева Г.И. Обращаясь к себе: самопознание профессиональной историографии в конце XX века // Диалог со временем / под ред. Л.П. Репиной, В.И. Уколовой: альманах интеллектуальной истории. М.: ИВИ РАН, 1999. Вып. 1. С. 250–265.
- Зенкин С.Н. Гуманитарная классика: между наукой и литературой // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 536 с. С. 281–293.
- Зимин А.А. Храм науки (Размышления о прожитом) // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А.Л. Хорошкевич. М.: Аквариус, 2015. С. 35–384.
- Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье: Портрет российского педагога и организатора образования. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2009. 382 с.
- Иванова Т.Н. Научное наследие В.И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX — начало XX века). Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2010. 382 с.
- Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Школа В.И. Герье: основные черты и место в научном пространстве России // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 44. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 165–185.
- «Из первых уст...»: Историки о себе и исторической науке в этом быстро меняющемся мире / сост. и общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 208 с.
- Интервью с Мариной Фёдоровной Румянцевой от 16 декабря 2009 г. // Хут Л.Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени / Московский гос. пед. ун-т, Адыгейский гос. ун-т. М.: [б. и.], 2010. С. 628–629.
- Историки в поисках новых перспектив. Коллективная монография / под общ. ред. З.А. Чеканцевой. М.: Аквилон, 2019. 416 с.
- Историческая экспертиза: профессиональный журнал исторического сообщества. URL: <https://www.istorex.org/> (дата обращения: 27.06.2022).
- История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье / под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2008. 352 с.
- Ключевский В.О. Сергей Михайлович Соловьев (умер 4 октября 1879 г.) // Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. Т. VII. Специальные курсы (продолжение) / под ред. В.Л. Янина; послесл. и коммент. Р.А. Киреева, В.А. Александров и В.Г. Зимина. М.: Мысль, 1989. С. 303–319.
- Кобрин В.Б. Кому ты опасен, историк? М.: Московский рабочий, 1992. 225 с.
- Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.): монография / [науч. ред. проф. И.Р. Плева]. Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2012. 408 с.
- Когнитивные науки и историческое познание. Коллективная монография / под общ. ред. О.В. Воробьевой, Г.И. Зверевой. М.: Аквилон, 2020. 372 с. (Серия «Профессия — историк» / отв. ред. О.В. Воробьева. Вып. II).

- Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1282 с.
- Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (Анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург; Омск: Омск. гос. ун-т; Изд-во Уральск. ун-та, 2000. 226 с.
- Корзун В.П. Назначение в кумиры: практики классикализации в научном сообществе историков (1920–середина 1930-х годов) // Историки об историках. К юбилею профессора Г.П. Мягкова / под общ. ред. Л.П. Репиной, Н.И. Недашковой. М.: Аквилон, 2022. С. 337–364.
- Корзун В.П., Колеватов Д.М. Бои за В.О. Ключевского в советской историографии как способ самоидентификации исторического сообщества // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 257–273.
- Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ.; сост. В.Ю. Кузнецов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 608 с.
- Кутявин В.В. О моем университетском Учителе // Памяти профессора Станислава Михайловича Стецкевича. Статьи и воспоминания. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2015. С. 118–125.
- Кутявин В.В., Леонтьева О.Б. Горизонтальные связи в пространстве современной университетской культуры: на примере Российского общества интеллектуальной истории // Университеты в социокультурном пространстве Самарского региона (К 100-летию университетского образования в Самаре): материалы круглого стола, состоявшегося в Самарском университете 8–9 ноября 2018 г. / под ред. П.С. Кабытова, М.М. Леонова, О.Б. Леонтьевой. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2019. С. 157–164.
- Леонтьева О.Б. Исследовательская культура российских историков в диссертациях по отечественной истории // Историки в поисках новых перспектив. М.: Аквилон, 2019. С. 159–205.
- Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 358 с.
- Медушевская О.М. Историк в динамике XX века // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: Докл. и сообщ. науч. конф. / сост. Е.А. Антонова, И.Н. Данилевский и др.; Вступ. Ю.А. Афанасьев. М., 2000. С. 5–13.
- Мёртон Р.К. Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. М.: АСТ, 2006. 873 с.
- Мир историка: историографический сборник / Федер. агентство по образованию, Ом. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, Ом. отд-ние Рос. о-ва интеллектуал. истории; [редкол.: В.П. Корзун (отв. ред.) и др.]. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005-.

- Мягков Г.П. Научное сообщество историков дореволюционной России в свете «старой» и «новой» модели исторического исследования // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 34. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 206–214.
- Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казанского университета, 2000. 298 с.
- Мягков Г.П. Научное сообщество историков дореволюционной России в свете «старой» и «новой» модели исторического исследования // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 34. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 206–214.
- Мягков Г.П. «Русская историческая школа». Методологические и идейно-политические позиции. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. 198 с.
- Научное сообщество историков России: 20 лет перемен / под ред. Геннадия Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2011. 520 с.
- Осадченко Б.А. Историки в эпоху «большого террора». Борьба с концепцией М.Н. Покровского // Очерки истории отечественной исторической науки XX века / под ред. В.П. Корзун. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 449–457.
- Очерки истории отечественной исторической науки XX века / под ред. В.П. Корзун. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. 684 с.
- Посохов С.И. «Фрагментация» как историографический диагноз // Профессия — историк: к юбилею Л.П. Репиной / Российская академия наук; Институт всеобщей истории; [отв. ред. О.В. Воробьева]. М.: Аквилон, 2017. С. 152–177.
- Профессия — историк: к юбилею Л.П. Репиной / Российская академия наук; Институт всеобщей истории; [отв. ред. О.В. Воробьева]. М.: Аквилон, 2017. 503 с.
- Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX века: В 2 ч. Волгоград: Изд-во Волгоградск. гос. ун-та, 1999–2000.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
- Ростовцев Е.А. Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России: 1884–1917: дис. ... д-ра ист. наук / Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2016. 429 с.
- Румянцева М.Ф. Парадигмальные механизмы современного историографического исследования // Харківський історіографічний збірник. 2010. Т. 10. С. 186–195.
- Румянцева М.Ф. Парадигмальный выбор историка как этическая проблема // Харківський історіографічний збірник. 2012. Т. 11. С. 67–78.

- Рыженко В.Г. Личностный аспект в формировании современных горизонтальных научных коммуникаций: Л.П. Репина и омские историки // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 360–374.
- Савельева И.М. Классика в историографии: формы присутствия // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 536 с. С. 299–306.
- Савельева И.М. Пути научного трансфера: современная российская историография в мировом контексте // Профессия — историк: к юбилею Л.П. Репиной / Российская академия наук; Институт всеобщей истории; [отв. ред. О.В. Воробьева]. М.: Аквилон, 2017. С. 25–45.
- Савчук В.С. Анатолий Москаленко и другие. Личные воспоминания историка как источник по проблеме групповой идентичности // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 37. М., 2011. С. 224–254.
- Свешников А.В. Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта) // Новое литературное обозрение. 2009. № 96.
- Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск: ОмГУ, 2010. 406 с.
- Серых А.А. «Связь / разрыв» поколений в сообществе российских историков конца XIX — первой трети XX веков // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 278–291.
- Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков: автореф. дис. ... д-ра исторических наук: 07.00.09; [Место защиты: Ин-т рос. истории РАН]. М., 2009. 49 с.
- Сидорова Л.А. Советские историки: духовный и научный облик. М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2017. 248 с.
- Тоштендаль Р. Профессиональные историки и историографическая революция 1960-х — 1990-х гг. // Профессия — историк: к юбилею Л.П. Репиной / Российская академия наук; Институт всеобщей истории; [отв. ред. О.В. Воробьева]. М.: Аквилон, 2017. С. 7–24.
- Уваров П.Ю. Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 280 с.
- Хут Л.Р. История в цифровую эпоху: Российские историки в условиях дигитализации исторического знания // Историки в поисках новых перспектив. М.: Аквилон, 2019. С. 126–158.
- Хут Л.Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. / Московский гос. пед. ун-т, Адыгейский гос. ун-т. М.: [б. и.], 2010. 702 с.
- Цыганков Д.А. В.И. Герье и Московский университет его эпохи. Вторая половина XIX — начало XX в. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. 254 с.

А.А. Кузнецов

ИСТОРИОГРАФИЯ КАК КУЛЬТУРНАЯ СФЕРА НЕПРЕДСКАЗУЕМОГО: «ОПОЗДАНИЯ» И УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

В данной статье предпринята попытка рассмотреть историографию как культурную сферу и как своего рода искусство с присущими им проблемами альтернатив, упущенных и состоявшихся возможностей. В качестве примеров взяты историографические сюжеты, знакомые автору по роду его профессиональной деятельности. Они связаны преимущественно с нижегородским материалом либо через биографии персоналий, либо через их научные сюжеты. Это позволит приблизиться к созданию определенной географо-культурной выборки, которая при соотнесении с подобными выборками иных регионов будет способствовать выявлению общего и особенного в развитии историографии как культурно-творческого процесса. Другими словами, здесь применяется локальный метод нижегородского (горьковского) историка С.И. Архангельского, предложенный им для постижения прошлого в конце 1920-х гг.¹ Кроме того, ограниченный географически материал позволяет, как мне кажется, показать и доказать, что даже периферийные факты историографии влияют на развитие исторической науки и культуры, в духе «эффекта бабочки» Рэя Брэдбери.

Лишь две музы из девяти покровительствуют научным (в современном понимании этого слова) дисциплинам — Урания и Клио. История балансирует на грани научного и художественного освоения-постижения своего предмета исследования. А потому профессиональный научный исторический труд — заметка, статья, рецензия, диссертация, монография и др. — является еще и результатом творческих усилий ученого по созданию текста, т. е. по приращению смыслов прошлого в связи с настоящим и выстраиванием перспективы. Творчество же предполагает раскрытие и преломление личностного «я»

¹ См. перепубликацию: Архангельский С.И. Локальный метод в исторической науке // Cogito. Альманах истории идей. Вып. 5. Ростов-н/Д., 2011. С. 432–447.

автора-гуманитария (не только историка, но и филолога, культуролога, социолога, правоведа, философа). Креационный «эго»-аспект выражен ярче и рельефнее в гуманитаристике, нежели в естественнонаучном и математическом знании.

И в силу этого по прошествии почти 30 лет актуальна мысль из последнего интервью Ю.М. Лотмана (1922–1993) «На пороге непредсказуемого», где сначала противопоставляются наука и искусство технике, но затем, по мере разрастания диалога, все внимание мыслитель уделяет искусству: «Но разница между наукой и техникой в том, что техника... делает предсказуемое. Еще не изобретено, но будет изобретено. И поэтому есть некая правда в том, что имена великих технических изобретателей мы забываем. Фактически не он, так другой сделает какой-то элементарный, адекватный технический шаг. В науке и в искусстве — дело другое. Искусство, в частности, идет по многим дорогам. И если бы в раннем возрасте — о чем страшно подумать — умерли Гёте или Пушкин, никто не написал бы этих произведений. И разговор, что написали бы что-нибудь адекватное, — пустой. В искусстве адекватного нет... Это сфера непредсказуемого».

Думается, что Ю.М. Лотман под наукой в данном случае подразумевал гуманитарное знание, и рассуждение о науке в одном ряду с искусством можно списать на особенности жанра интервью, с его акцентами на глубинный смысл, свободного от требований верификации. Ведь в более академичном, т. е. проверенном и подтвержденном тексте «Внутри мыслящих миров» (1990 г.), наука и искусство противопоставлены: «художественный текст, в отличие от научного, также содержит высокую степень неопределенности и нуждается в истолкователе (критике, литературоведе, ценителе)». Правда, несколькими строками выше Ю.М. Лотман рассуждал о том, что «историк “снимает” неопределенность», поскольку того, что не произошло, не могло произойти¹. Данное противоречие разрешается тем, что сам Ю.М. Лотман — более всего филолог, культуролог (с ярко выраженным чувством историзма) — должен был мыслить здесь в духе Леопольда Ранке об обязанности исторической науки, «лишь показать, как все происходило на самом деле».

¹ Лотман Ю.М. *Внутри мыслящих миров* // Лотман М.Ю. *Семиосфера*. СПб., 2010. С. 354.

Для последнего существует, как известно, множество препятствий. Наиболее очевидные из них: постоянная ограниченность круга источников, перманентное совершенствование методики «выжимания» информации из них; мировоззрение, целеполагание, угол зрения, логика создателя источника и исследователя источника... Эти и другие обстоятельства «ремесла историка» определяют извечную непредсказуемость текстов историографии. А главным фактором непредсказуемости является исключительный антропоцентризм объекта и субъекта исторического познания, непредсказуемый по определению. Антропоцентризм исследователя прошлого обусловлен, кроме гносеологических задач, еще и тем, что он отвечает на вопросы своего поколения о прошлом, создает и представляет ту картину прошлого, которая востребована его настоящим. Другими словами эту мысль выразил в 1951 г. С.И. Архангельский (1882–1958) в напутственной речи «Несколько советов начинающим историкам»: «Каждая историческая работа имеет теснейшие связи и с эпохой, в которую она была написана»¹.

Средостанием прошлого и современного является историк, и, кроме поиска ответов на общественный запрос, он имеет и личные мотивы исследования той или иной стороны прошлого (они могут быть и не отрефлексированы историком). Как уже писалось, тот же беспартийный С.И. Архангельский, изучая в 1920–1950-е гг. аграрное законодательство Английской буржуазной революции, мог искать и разгадку на вопрос о природе Русской революции, главным вопросом которой был аграрный. Появившаяся со второй половины 1930-х гг. в исследованиях С.И. Архангельского тема внешней политики Англии и международных отношений времен Оливера Кромвеля в XVII в. соотносится с интересом историка к вопросу о роли и значении Революции 1917 г. в судьбе его родины². Историографические сочинения С.И. Архангельского, посвященные урожденным нижегородцам С.В. Ешевскому, К.Н. Бестужеву-Рюмину, П.И. Мельникову (Андрею Печерскому), А.С. Гацискому,

¹ Архив РАН. Ф. 1530. Оп. 1. Д. 356. Л. 6.

² Кузнецов А.А. Преломление политической истории первой половины XX в. в научном творчестве С.И. Архангельского // *Всеобщая история и историческая наука в XX — начале XXI века: сборник статей и сообщений*: в 2 т. Т. I. Казань, 2020. С. 218–222.

А.Я. Садовскому¹ и складыванию англоведческой школы России (Архангельский относил себя к ней)², были обусловлены и желанием автора определить свое место и значение в потоке исторического знания.

Сопряженность историка и его исследований прошлого со своей современностью актуализирует проблему своевременности его текста(ов). Другими словами, каждый исторический нарратив или представленный сюжет вписан в свое время. И если по какой-либо причине он не вышел в свет или был опубликован значительно позже, то в культурном отношении последствия будут подобны тому, как если бы не состоялись великие произведения литературы (в отличие от литературы или музыки, где позднее обретение сокрывшегося великого произведения не препятствует его включению в поток культуры, в историографии, филологии, культурологи, философии и пр. извлечение шедевра из Леты не означает его полноценного за действия науки, т. к. начинают действовать закономерности накопления и движения строгого дисциплинарного знания): «Но если бы умерли в детстве Данте, Пушкин или Достоевский, не только не были бы никогда написаны их произведения, но и история Италии и России, в конечном счете, история, по крайней мере, Европы потекла бы по другому направлению. Можно сказать, что в тех сферах истории, где люди играют роль частиц крупного размера, включенных в броуново движение гигантских сверхличностных процессов, законы причинности предстают в своих простых, можно сказать, механических формах. Там же, где история предстает как огромное множество альтернатив, выбор между которыми осуществляется ин-

¹ Архангельский С.И. Исторические взгляды Ешевского // Журнал министерства народного просвещения. 1916. № 6. С. 113–126; Архангельский С.И. Из истории краеведческой идеи в Нижегородском крае (Мельников-Печерский — Гацисский — Короленко) // Краеведение. 1925. № 1–2. С. 71–80; Архангельский С.И. К.Н. Бестужев-Рюмин // Сборник научных трудов Нижегородского научного общества по изучению местного края. Н. Новгород, 1926. Т. 1. Вып. 1. С. 58–65; Архангельский С.И. Садовский как историк Нижегородского края. 1850–1926 // Памяти А.Я. Садовского. Н. Новгород, 1928. С. 20–30; Архангельский С.И. Основы и метод краеведческой работы А.С. Гацисского // Краеведение. 1930. № 10. С. 585–593; Архангельский С.И. Исторические взгляды С.В. Ешевского // Средние века. Вып. VI. 1955. С. 324–344.

² Архангельский С.И. Роль русских историков в разработке истории Англии // Запад-Восток. 2020. № 13. С. 168–197.

теллектуальной и волевой силой человека, необходимы поиски новых и более сложных форм причинности»¹.

В первую очередь, это наблюдение относится к тем историческим сочинениям, которые достаточно быстро «пошли в народ», завоевали популярность, стали источниками для интерпретации современности. К таковым явно относятся «История государства Российского» Н.М. Карамзина, «История Российская» С.М. Соловьева, «Курс русской истории» В.О. Ключевского... Даже мысленное их выключение из потока отечественной культуры невозможно представить без полной деформации ее. Одним из свежих примером таких трудов видится книга Стивена Коэна, посвященная биографии Н.И. Бухарина²: «Лишь немногие научные работы по степени своего непосредственного политического воздействия могут сравниться с написанной Коэном биографией советского отца-основателя Николая Бухарина (1973). Книга “Бухарин и большевистская революция” (“Bukharin and the Bolshevik Revolution”) не только предложила новую интерпретацию Русской революции, выйдя в свет в самый разгар холодной войны, но и существенно повлияла на ход этой самой войны. Главный внешнеполитический советник Михаила Горбачева Анатолий Черняев написал: “Некоторые из нас уже прочли эту книгу, и мы посоветовали Горбачеву сделать то же самое. Он взял эту книгу с собой в отпуск. Он внимательно ее прочитал, а потом постоянно цитировал ее мне... Переоценка роли и личности Бухарина открыла шлюзовые ворота для пересмотра всей нашей идеологии”»³.

Что так могло привлечь М.С. Горбачева и его советников в книге американского советолога? Монография, проникнутая духом альтернативы («бухаринской») по отношению к сталинскому вектору истории СССР, ворвалась в дискуссионное поле Перестройки. Кстати, вывод, следовавший из текста С. Коэна, противоречил советологическим установкам о «первородном грехе» советской истории. Из этого логично следовало умозаключение: раз были альтернативы, имевшие возможность реализоваться, то и Перестройка

¹ Лотман Ю.М. Клио на распутье // Лотман Ю.М. Карамзин. СПб., 1997. С. 633.

² Коэн С. Бухарин: Политическая биография. 1888–1938. М., 1988.

³ Смит Д. Профессор Стивен Коэн — американский апологет Путина? // Коэн Стивен. Избранное. М., 2018. С. 618.

как поле альтернатив имеет шансы на успех, и из многих возможностей, наверняка, можно было выбрать самую гуманную. В силу этих обстоятельств исследование так импонировало советскому лидеру М.С. Горбачеву, рекомендовавшему ее своим сподвижникам. Поэтому биография Н.И. Бухарина, написанная американским ученым, стала фактом, фактором и событием советской истории времен Перестройки. Как кажется, выйди перевод этой книги на русском языке даже годом позже — в 1989 г. — ее время было бы упущено из-за стремительно менявшегося политико-идеологического контекста и из-за того, что формирование реального контекста СССР-1989 без этой книги оказалось бы другим.

Биография Н.И. Бухарина оказалась примечательна и другими последствиями. Изучение истории через призму альтернативности в книге, пришедшей к советскому читателю в последней трети 1980-х гг., было исключительно новым явлением для советской историографии. До публикации в СССР труда Коэна о Н.И. Бухарине рассмотрение иных векторов развития прошлого могли позволить себе разве что Н.Я. Эйдельман и В.Б. Кобрин в журнальных публикациях и Ю.М. Лотман в семиотических штудиях. Да и предметом их исследований являлась история до XIX века. Книге же Коэна о Бухарине принадлежит заслуга рождения и придания прав на законное существование в отечественной историографии жанру историко-альтернативного исследования, включая советскую эпоху. В коэновской биографии Н.И. Бухарина обнаруживается и источник вдохновения для популярных в Перестройку и в 1990-е гг. собраний биографий исторических деятелей по принципу «Герои и антигерои». Тогда ранее позиционируемых антигероями («бухаринская клика») персонажей начинали рассматривать как неоднозначных, а потом — как противоречиво-трагических и, наконец, как положительных деятелей. И, наверное, Н.И. Бухарин как крупный исторический деятель с подачи Стивена Коэна открыл этот процесс репрезентаций переоцениваемых в своей исторической неоднозначности жизнеописаний, заставив потесниться «Жизнь замечательных людей» и повлияв на расширение ее формата. Данные историографические тенденции и процессы все равно бы пришли в отечественную историографию, но позже.

И здесь уместна еще одна цитата Ю.М. Лотмана. Если исторический (гуманитарный) научный текст считать явлением культу-

ры, то он как бы «предстает точкой в линейном развитии, попадая во флуктуационное пространство — выступает как континуум потенциальных возможностей со случайностью в качестве пускового устройства»¹.

Сама по себе книга С. Коэна — яркий пример того, как труд историка, связанный с эпохой, удовлетворяет ожиданиям и запросам общества и власти, подобно «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Но все это не обесценивает тексты исследователей прошлого, не вырвавшиеся из академической традиции в широкое культурное пространство или вырвавшиеся не так явно. Они все равно попадают в флуктуационное пространство, запуская различные интеллектуальные и культурные процессы, последствия которых из академической среды в отложенном или опосредованном виде доходят до общества. С учетом того, что историческое знание устаревает и обновляется каждые 20–30 лет (длительность одного поколения), выход каждого профессионального нарратива о прошлом соответствует своему времени и формирует его. Так, небезосновательно предполагается, что картина общего кризиса в России на рубеже XVI–XVII вв., представленная в монографии С.Ф. Платонова «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв...» (1899 г.), повлияла на обоснование В.И. Лениным практического понятия «революционная ситуация» и трех ее признаков (работы В.И. Ленина 1913, 1915 гг.). Тем более что в библиотеке В.И. Ленина работы С.Ф. Платонова были². Этот же нарратив С.Ф. Платонова задал рамки осмысления Революции-1917 и последовавшей Гражданской войны в России А.И. Деникиным — «Очерки русской Смуты»³. Влияние С.Ф. Платонова ощущалось и в образовательно-научной сфере. Даже когда его репрессировали, и его имя оказалось под запретом, то первый «советский стабильный вузовский учебник отечественной истории до XIX в...», изданный в 1939 г...., опирался и по методике изложения, и по отбору

¹ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман М.Ю. Семиосфера. СПб., 2010. С. 349.

² Шмидт С.О. Историк С.Ф. Платонов — ученый и педагог (к 150-летию со дня рождения). М., 2010. С. 39–42.

³ Там же. С. 42.

материала... на лекционный курс Платонова»¹. А его исследования истории Смутного времени до начала первого десятилетия XXI в. предопределили направления изучения истории Смутного времени в отечественной историографии.

Находившийся в переписке с С.Ф. Платоновым (1860–1934) последний председатель Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (НГУАК) А.Я. Садовский (1850–1926) в первой половине 1920-х гг. обнаружил и изучил документы, прямо свидетельствующие о родителях Кузьмы Минина — нижегородцах, и доказал, что сам Кузьма Минин — урожденный нижегородец. Правда, опубликовать это исследование А.Я. Садовский не успел, и добытое им знание оказалось вне историографии. И так случилось, что пасынок сына А.Я. Садовского — И.А. Кирьянов (1918–2007), опираясь на недостоверные непроверенные слухи и легенды, возродил версию о рождении Кузьмы Минина в Балахне; ее развил и усилил В.А. Кучкин². Гипотеза обрела силу факта и прочно закрепилась в историографии последней трети XX в. (например, труды Р.Г. Скрынникова) и был развит горьковскими и нижегородскими историками. В 1990-е гг., когда в России стремительно шел процесс обретения локальной историко-культурной идентичности, достаточно скромный и нейтральный «факт» рождения Минина в Балахне позволил ей позиционировать себя как родину спасителя Отечества в 1612 г. Все это привело к постройке в Балахне Дома Москвы на средства, выделенные тогдашним мэром столицы Ю.М. Лужковым, возведению в том же городе на пьедестал скульптуры Кузьмы Минина, появлению бренда «Балахна — Родина Минина». Кроме того, что эти явления подтверждают один из основных тезисов статьи о далеко идущих последствиях актуальных и своевременных для запросов общества и власти исторических разработок, они показательны в смысле того, что эти последствия не всегда удается аннулировать.

С 2006 г. историками были последовательно сокрушены основные аргументы версии о балахнинском происхождении Мини-

¹ Шмидт С.О. Историк С.Ф. Платонов — ученый и педагог (к 150-летию со дня рождения). М., 2010. С. 5.

² Кирьянов И.А. О Кузьме Минине (Новые материалы к биографии) // История СССР. 1965. № 1. С. 144–146; Кучкин В.А. О роде Кузьмы Минина // История СССР. 1973. № 2. С. 209–211.

на¹, но памятник ему в Балахне уже высился. В 2011 г. впервые было упомянуто о доказательстве А.Я. Садовским нижегородского происхождения Кузьмы Минина и критике балахнинской версии, а в 2012 г. наконец-то увидела свет та самая статья А.Я. Садовского (1924 г.), из которой следовало, что родители Минина — нижегородцы², и он сам, получается, нижегородец. Но время было упущено. Рождение Кузьмы Минина «в Балахне» стало общественно-политическим достоянием, и никакая научная аргументация не сможет поколебать пьедестал балахнинского памятника. И все бы было иначе при своевременной — до начала 1960-х гг. — публикации статьи А.Я. Садовского. Вводимые ней в оборот документы о нижегородском происхождении Минина ни тогда, ни сейчас невозможно (было) опровергнуть. Но текст А.Я. Садовского не вышел в назначенный срок.

Еще один факт научной биографии А.Я. Садовского иллюстрирует тезис, согласно которому не всегда бывает достаточно даже своевременной публикации исследовательского материала. В 1916 г. в «Действиях Нижегородской губернской ученой архивной комиссии» Садовский опубликовал исследование «Одно ли лицо Кузьма Минин и Кузьма Захарьев Минин Сухорук»³. В ней он показал, что в публикации П.И. Мельниковым (Андреем Печерским) (1818–1883) купчей 1602 г. упомянутый Кузьма Захарьев Минин Сухорук должен читаться без слова Минин. Тем не менее, после этой публикации (где по касательной к разбору основного вопроса также были приведены документы о родителях-нижегородцах Кузьмы Минина) в историографии и популярной литературе продолжали повторяться «сведения» о первом

¹ См. например: Пудалов Б.М. К биографии Минина // Мининские чтения. Труды научной конференции. Нижний Новгород, 2007. С. 184–195; Сироткин С.В. «Братья» и сестры Кузьмы Минина: генеалогический этюд // Мининские чтения. Нижний Новгород, 2010. С. 138–151.

² Кузнецов А.А. Неизвестные страницы изучения истории ополчения 1611–1612 гг. в Нижнем Новгороде (Горьком) // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв. Нижний Новгород, 2011. С. 238; Садовский А.Я. Новые документы о Мининских // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. Нижний Новгород, 2011. С. 24–32.

³ Садовский А.Я. Одно ли лицо Кузьма Минин и Кузьма Захарьев Минин Сухорук // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Т. 15. Вып. 9. Нижний Новгород, 1916. С. 1–14.

упоминании Кузьмы Минина в 1602 г., именовании его Захарьевым и производными от этой грамоты рассуждениями об «адресе» Кузьмы Минина. Лишь в 2003 г. вышло исследование, подтвердившее правоту А.Я. Садовского¹ и покончившее с «долгим» последствием внедрения П.И. Мельниковым (Андреем Печерским) фальсификации в подлинник документа, изданного в 1852 г. в журнале «Москвитянин»². Такое «выпадение» научного текста А.Я. Садовского обусловлено годом издания — Первая мировая война, затем Революция, Гражданская война, установление Советской власти с присущим ей активным неприятием (до 1934 г.) «лавочника» Кузьмы Минина, восстановившего монархию. А затем, как ни странно, триумфальное «возвращение» Минина во второй половине 1930-х гг. наряду с Пожарским, Александром Невским, Дмитрием Донским, Суворовым, Кутузовым, Ушаковым и пр. потребовало наибольшего числа сведений о Минине, что было закреплено и следствиями Победы-1945. Но в конечном итоге именно публикация в годы войны в провинциальном малотиражном сборнике была обречена на полузабвение.

В этом отношении на историографию можно распространить афористичное наблюдение: «Когда гремит оружие, музы молчат». История как часть культуры, как искусство наиболее страдает в военное время (как факт истории исторической науки незамеченные гуманитарные тексты могут оставаться известными, но узкому кругу специалистов) и «выключается» из сферы «порождения смыслов». Например, в первой половине 1941 г. горьковская исследовательница Н.И. Привалова (1900–1987), занимавшаяся по заданию АН СССР описанием и каталогизацией рукописных и старопечатных книги Горьковского областного музея, обнаружила в его запасниках «Альбом автографов» НГУАК. В нем содержатся очень важные личные записи актрис П.А. Стрепетовой и М.Н. Ермоловой, писателя

¹ *Хачко А.Ю.* Как звали Минина (Купчая 1602 г.) // Мининские чтения: Материалы научной конференции. Нижний Новгород, 2003. С. 7–11.

² Кстати, саму фальсификацию П.И. Мельникова можно считать примером того, как своевременная публикация ее оказывается востребованной. После триумфа 1812 г. и во время царствования Николая I сюжет с созывом ополчения по призыву Кузьмы Минина оказался весьма востребованным, а потому даже не требовал особой верификации. И «сведения» из изданной купчей изрядно расширяли биографию народного и государственного героя.

П.Д. Боборыкина, исследователя Китая и Монголии Г.Н. Потанина, журналиста и издателя «Русской старины» М.И. Семевского, историка С.Ф. Платонова, государственного деятеля Б.В. Штюрмера и др. Они являются важными источниками по их личным биографиям, НГУАК, ее коммуникативным связям, по истории создания самой большой в России картины на историческую тему «Воззвание Минина» пера К.Е. Маковского, нижегородского бытия журналиста, общественного деятеля, писателя и... архивиста В.Г. Короленко и пр.

Высоко оценивая «Альбом» как важный исторический источник и общественно-культурный документ, Н.И. Привалова в силу политико-идеологической специфики рубежа 1930–1940-х гг. вводила его в оборот, используя нейтральные для Советской власти фигуры К.Е. Маковского и В.Г. Короленко. В горьковской газете «Ленинская смена» от 12 марта 1941 г. вышла статья Н.И. Приваловой «Неизвестный рисунок К.Е. Маковского» (рисунок был сделан Маковским в «Альбоме автографов»). В «Литературной газете» от 6 апреля 1941 г. была опубликована статья Н.И. Приваловой «Неизвестный автограф В.Г. Короленко», где приводились цитаты из его автографа, помещенного в «Альбоме». В № 6 за 1941 г. журнала «Горьковская область» вышла статья Н.И. Приваловой «Альбом автографов».

Все начинания Н.И. Приваловой оказались перечеркнутыми 22 июня 1941 г. После окончания Великой Отечественной войны Н.И. Привалова сделала несколько вариантов нарратива об «Альбоме автографов», но ни один из них не удалось опубликовать. Их издание в начале 2000-х гг.¹ в рамках актуализации научного наследия Н.И. Приваловой, к сожалению, не дало того эффекта, который мог быть во второй половине 1940-х — 1970-х гг. В постсоветское время интерес к В.Г. Короленко минимизировался, и его пространственный, стилизованный под делопроизводственный стиль начала XVIII в. автограф, способный многое дать для понимания феномена В.Г. Короленко и «его времени» в Нижнем Новгороде в 1880-е — 1890-е гг.,

¹ *Привалова Н.И.* Альбом автографов Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (из новых материалов) // Материалы I Нижегородской архивоведческой конференции. Чтения памяти Н.И. Приваловой. Н.Новгород, 2004. С. 64–85; *Кузнецов А.А.* Неизвестный автограф В.Г. Короленко, обнаруженный Н.И. Приваловой // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Филология». Вып. 1 (7). 2006. С. 86–92.

оказался никому не интересен. Подобное можно сказать и в отношении историко-антропологической составляющей «Альбома автографов» как исторического источника.

С другой стороны, войны и социокультурные потрясения могут задавать и определенный заказ на исследования. Так, в самом начале Великой Отечественной войны, вероятно, в связи со складыванием антигитлеровской коалиции советским историкам могло быть рекомендовано, обратить внимание на проблемы истории и культуры Британии. Этим можно объяснить то, что за несколько дней августа горьковский историк С.И. Архангельский стремительно написал большую работу «Роль русских историков в разработке истории Англии»¹ и отослал в «Исторический журнал». Увы, она тогда не увидела свет, но в осеннем номере «Исторического журнала» вышла статья коллеги и единомышленника С.И. Архангельского, лидера советской школы англоведения Е.А. Косминского под тем же названием². Причин тому может быть две. Первая — в суматохе начального периода войны, приближения немцев к Москве и эвакуации из нее научных учреждений статья С.И. Архангельского могла просто не дойти до адресата. Возможно, и иное объяснение.

Сравнение двух текстов с одним названием — С.И. Архангельского и Е.А. Косминского — показывает их яркое различие. Е.А. Косминскому принадлежит добротный историографический текст с элементами оценки и современного историку этапа, и своего места, и места своего поколения в нем. У С.И. Архангельского читается текст «личной», рефлексивной историографии, где он при выстраивании «генеалогии» отечественного англоведения ведет диалог с предшественниками, продолжает или подытоживает начатые ими инициативы научного поиска и на этой основе намечает свои пути в науке, определяет свое место в научной традиции³. По-

¹ Архангельский С.И. Роль русских историков в разработке истории Англии // Запад-Восток. 2020. № 13. С. 168–197.

² Косминский Е.А. Роль русских историков в разработке истории Англии // Исторический журнал. 1941. № 10–11. С. 89–99.

³ Кузнецов А.А., Селиванова О.В. «Вы были и остаетесь неутомимым работником нашей советской исторической науки» (комментарии к переписке историков С.И. Архангельского и И.Н. Бороздина) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 161. № 2–3. С. 181.

нятно, что такого рода текст со стремящимся к минимуму подчеркиванием важной роли марксизма не мог появиться тогда. И в этом кроется трагическая упущенная возможность для историографии и свернутый С.И. Архангельским подход к постижению истории исторической науки (более к отставленному эксперименту ученый не возвращался).

То, чего лишилась историческая наука с невозможностью издания статья С.И. Архангельского, можно проиллюстрировать следующей цитатой: «Личностное начало придает научной статье С.И. Архангельского творческий характер и раздвигает ее академические рамки... С.И. Архангельский предвосхитил дискуссии о школообразующих факторах начала ХХI в. — связка “учитель-ученик” или общие проблематика, идейно-методологические подходы. И С.И. Архангельский явил себя сторонником второго, новаторского для своего времени подхода, позволяющего чувствовать духовные и интеллектуальные сопряженности всех поколений историков. А в этом кроется посыл к грядущему выводу о цельности “русской школы”...» Именно личностно-рефлексирующий подход позволил С.И. Архангельскому сформулировать важный тезис: “...русские историки, посвятившие труды социальной истории Англии, дали связную цепь исследований... В изучении французской революции, по преимуществу аграрного вопроса, существует русская школа (ecole russe), представленная именами Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского, Ив.В. Лучицкого, Е.В. Тарле, Е.Н. Петрова...; не меньше оснований говорить и о русской школе в изучении социальной истории Англии”. Такое авто-провозглашение “русской школы” англоведения, увидь свет текст С.И. Архангельского даже в 1950–1970-е гг., могло бы стать этапом движения к подобному выводу: “русская историческая школа” — цельное системное научное сообщество, стоящее на схожих методологических и идеологических позициях, исследующее проблемы всемирной истории для поиска эффективного и приемлемого для России исторического опыта — без разделения на “французскую”, “английскую” или “российскую” линию. Да, С.И. Архангельский развел франко- и англоведение, но после выявления в 1941 г. “французской” и “английской” школ началось бы их сравнение и обнаружение общих черт, контактов,

влиятельный»¹. И к понятию единой «русской школы» в изучении истории, обоснованной и выдвинутой Г.П. Мягковым², историография пришла бы значительно раньше. И получается, что Война обусловила создание сложного, новаторского текста С.И. Архангельского, и она же (вкупе с законами жанра историографии) не дала возможности для публикации со всеми далеко идущими последствиями.

Это еще раз подтверждает банальный тезис о гибельности войн и социально-политических потрясений для историографической культуры. Но они и подобные им катаклизмы выступают фактором не только торможения истории как научной и культурной сферы, но и причиной уничтожения их текстов. Обе деструктивные роли гуманитарных катастроф прослеживаются в судьбе творческого наследия крупного историка, ученика С.Ф. Платонова — Сергея Николаевича Чернова (1887–1941)³. Его честная научная позиция, не вписывавшаяся в рамки политических требований к советской исторической науке 1920–1930-х гг., определила судьбу, полную географических и институциональных перемещений, финалом которых стали голодная смерть в оккупированном вермахтом Пушкине под Ленинградом и один на двоих с писателем-фантастом А.Р. Беляевым гроб в утраченной могиле. В 1937–1939 гг. С.Н. Чернов преподавал наездами историю в Горьковском государственном педагогическом институте на историческом отделении, которым руководил С.И. Архангельский. Из переписки С.Н. Чернова с ним и с Н.М. Добротвором, ставшим одной из причин невозможности работы первого в Горьком, известны детали биографии и научного творчества историка⁴.

¹ Кузнецов А.А., Селиванова О.В. Актуализация отечественной историографии Англии в начале Великой Отечественной войны (к публикации текста С.И. Архангельского «Роль русских историков в разработке истории Англии» (август 1941 г.)) // *Запад-Восток*. 2020. № 13. С. 159; 158.

² Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000. С. 292.

³ Андреева Т.В., Соломонов В.А. Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941. Саратов, 2006.

⁴ Кузнецов А.А. «Признаюсь, что я любил и люблю Горький и его славное, замечательное студенчество, его институт и моих по нему товарищей»: Материалы к биографии С.Н. Чернова в 1937–1941 годы // *Русское средневековье: Сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексева*. М., 2012. С. 39–54.

Во второй половине 1930-х гг. С.Н. Чернов написал ряд текстов — о Нижегородском княжестве; о Нижнем Новгороде в 1606–1611 гг.; о декабристском движении и одном из его лидеров — П.И. Пестеле; некролог своему саратовскому другу-земляку и коллеге П.Г. Любомирову (1885–1935)¹ и др. С.Н. Чернов попытался опубликовать их в Горьком и в других местах, но безуспешно. Потом грянула война, и часть этих материалов погибла после безвременной смерти автора. В 1960 г. вышел сборник книга неизвестных до того статей С.Н. Чернова по декабристскому движению, собранных В.И. Порохом. В нем, помимо прочего, был список работ С.Н. Чернова, опубликованных и неопубликованных. Последние подразделялась на те, что сохранились (те, что видел И.В. Порох), и на те, что сгинули. Тексты С.Н. Чернова о Нижегородском княжестве, Нижнем Новгороде в годы Смуты, П.И. Пестеле и некролог П.Г. Любомирову значились в числе сохранившихся.

В 2004 г. наконец-то был издан «Пестель» с другими статьями по истории декабризма². И к этой книге в целом, но особенно к исследованию феномена П.И. Пестеля, можно приложить слова Ю.М. Лотмана из рецензии на сборник работ С.Н. Чернова 1960 года: «Интересна и другая сторона научного метода С.Н. Чернова. Имея в виду общие закономерности развития декабристского движения, он не превращает свои труды в повествование о безликих исторических процессах. С.Н. Чернов исходит из того, что объективные законы истории действуют не оторванно от живых людей, подлинных творцов истории. Подобный подход к историческим событиям заставляет исследователя не только уделять внимание вопросам смены политических концепций, но и рисовать научно точные, яркие портреты участников движения... Умение увидеть за документами живого человека необходимо исследователю. И мастерство С.Н. Чернова в этой области делает его труды до сих пор интересными и поучительными»³.

¹ Центральный архив Нижегородской области. Ф.Р-907. Оп. 1. Д. 1210. Л. 1, 7 об.–8, 18–19 об., 23, 28–29 об. и др.; Ф. Р.-6299. Д. 325. Л. 25–27 об., 39 об.

² Чернов С.Н. Павел Пестель: Избранные статьи по истории декабризма. СПб., 2004.

³ Лотман Ю.М. С.Н. Чернов. У истоков русского освободительного движения. Избранные статьи по истории декабризма / ред. Б.Е. Сыроечковский и И.В. Порох. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1960. 424 с. Тираж 3000. Цена 14 руб. 50 коп. // *Вопросы истории*. 1961. № 5. С. 137.

Это наблюдение характеризует два подхода к изучению декабризма в XX века. Первый — связан с именем М.В. Нечкиной и подразумевает исследование закономерностей развития декабристского движения, где изображение личностей, прикосновение к их внутреннему миру уступает место представлению исторических деятелей как выразителей и носителей определенных идей. Во втором подходе декабристы, тот же Пестель, являются живыми творцами истории с проблемой выбора, зависящего от воспитания, культурной среды. Ко второму относились и сам Ю.М. Лотман, и Н.Я. Эйдельман, придя к такому пониманию исторического исследования самостоятельно. И вот если бы работы С.Н. Чернова были опубликованы еще до Войны или если бы она не затормозила их введение в историографический процесс, то его развитие могло бы пойти по пути исторической антропологии — пусть и в марксистских одеждах — значительно раньше.

Годом раньше книги о Пестеле Т.В. Андреевой и Т.Г. Смирновой был издан черновский некролог П.Г. Любомирову¹. Отличавшийся от привычных советских некрологов подробным вниманием к человеческой и творческой стороне историка, бережным и трепетным отношением к герою повествования, сопряжением научно-исследовательской деятельности и биографии текст С.Н. Чернове о П.Г. Любомирове также мог оказать воздействие на историографию, выйдя он своевременно.

К сожалению, работы С.Н. Чернова о Нижегородском княжестве и Нижнем Новгороде 1606–1611 гг. на сегодняшний день утрачены. Их судьба после 1960 г. неизвестна. С конца 1930-х гг. до 1970-х гг. в историографии присутствовала, пожалуй, только одна полноценная научная работа, посвященная Нижегородскому княжеству. Принадлежала она тоже ученику С.Ф. Платонова — А.Е. Преснякову. Это была глава его диссертации об образовании Великолукского государства, вышедшая в виде книги в 1918 г.² Знакомый с этим фундаментальным трудом С.Н. Чернов обречен был представить

¹ Чернов С.Н. Памяти историка П.Г. Любомирова // Русская наука в биографических очерках. СПб., 2003. С. 468–486.

² См. переиздание: Пресняков А.Е. Глава VII. Нижегородское великое княжество // Пресняков А.Е. Образование Великолукского государства. М., 1998. С. 177–192, 417–426.

свой текст о Нижегородском княжестве, развивая, а где-то и оспаривая, мысли и идеи старшего товарища по научной школе. А, значит, текст С.Н. Чернова, как и другие его добротные и новаторские исследования, мог существенно продвинуть постижение нижегородской части истории России XIV–XV вв. И остается лишь гадать, прошла ли историография этот «черновский» этап, достигнув тех же результатов или пошла в другом направлении, оставив в стороне высвеченные историком проблемы.

Еще более трагичной по своим последствиям является утрата работы С.Н. Чернова «Нижегородский край в 1606–1611 г.» — по записям И.В. Пороха «ок. 1,5 п.л. (рукописные материалы и машинопись, 52 с.)». Дело в том, что П.Г. Любомировым в 1917 г. была защищена магистерская диссертация «Очерк истории нижегородского ополчения в 1611–1613 гг.» и тогда же издана в Петрограде в виде монографии (переиздана в Москве в 1939 г. и в Нижнем Новгороде в 2011 г. (в составе двухтомника «Подвиг Нижегородского ополчения»)). Из 296 страниц исследовательского текста (в нижегородском издании) 55 отведено общей характеристике Нижнего Новгорода и Нижегородского края в XVII в. и событиям в регионе до 1611 г.¹ И хотя П.Г. Любомиров придавал этому разделу диссертации (монографии) большое значение², и до начала XXI в. первые две главы определяли видение историками событий в нижегородском Поволжье до 1611 г. (что показали исследования Б.М. Пудалова и выстроенный на их основе обзор³ истории Смутного времени вокруг Нижнего Новгорода до 1611 г.), возможно их более глубокое постижение с пониманием истоков феномена Минина и созыва им Ополчения. И как знать, могло ли подробное освещение этих

¹ Любомиров П.Г. Очерк истории нижегородского ополчения 1611–1613 гг. // Подвиг Нижегородского ополчения. Т. II. Нижний Новгород, 2011. С. 13–67.

² Митрофанов В.В. Об «одной из самой любимейших исторических тем» С.Ф. Платонова (С.Ф. Платонов и П.Г. Любомиров о нижегородском ополчении времени Смуты) // Клио. 2006. № 31. С. 221; Соломонов В.А., Зайцева Н.Н. Павел Григорьевич Любомиров: превратности судьбы историка. М., 2019. С. 34–35.

³ Пудалов Борис. «Смутное время» и Нижегородское Поволжье в 1608–1612 гг. // Подвиг Нижегородского ополчения. Т. II. Нижний Новгород, 2011. С. 621–668; Кузнецов А.А., Морохин А.В. Глава 4. Начало XVII века. Нижний Новгород в годы Смуты // Восемь столетий Нижегородской истории: в 2 т. Т. I. Нижний Новгород, 2021. С. 228–241.

проблем с открытием фактов, установленных в XXI в., быть в труде С.Н. Чернова, хорошего знавшего «Очерк...» П.Г. Любомирова, и, обретя их раньше, могла ли историческая наука сейчас находиться на более продвинутом уровне в изучении этого вопроса? Косвенно об этом свидетельствует и то, что если П.Г. Любомиров так детально восстановил историю Нижегородского ополчения 1611–1613 гг., то С.Н. Чернов должен был дать материал, перекрывающий по объему информации две главы диссертации П.Г. Любомирова. Другими словами, С.Н. Чернов углублял и дополнял ключевой труд своего близкого товарища, коллеги, отдавая ему дань памяти и трепетного уважения. Всего этого историческая наука лишилась с утратой рукописей и машинописей С.Н. Чернова.

Судьба «Очерка истории нижегородского ополчения...» П.Г. Любомирова примечательна еще одним историографическим обстоятельством состоятельности исторического текста в науке и общественной мысли. Если бы защищенная в декабре «безвременного» 1917 г. магистерская диссертация не была бы тогда же «материализована» в монографии, которая усилиями и самого автора, и его научного руководителя С.Ф. Платонова была распространена по заинтересованным адресатам, а не осталась лежать в виде переплетенной диссертации, то кто бы вспомнил о ней? Ведь речь идет о второй половине 1930-х гг., когда Советская власть к ценностям интернационализма трудящихся, их классово-солидарности стала добавлять патриотизм, подкрепленной ратной решимостью и доблестью, вернув историю обществу победившего социализма? Кто бы и когда смог так мастерски исследовать важную тему истории России — Нижегородское ополчение? И, как следствие, в каком состоянии находилось бы сегодня история Смутного времени? Историография, как и история, не знает сослагательного наклонения, но не выйди книга П.Г. Любомирова, многое пошло бы по другому пути, отличному от свершившегося сценария.

Подобная история годом позже произошла и с докторской диссертацией А.Е. Преснякова, защищенной в том же университете Петрограда. Голодный 1918 год, но его монография, оформившая диссертацию об образовании Великолукского государства как историографический факт, все-таки выходит. И здесь уместны те же риторические вопросы, как и в отношении магистерского со-

чинения П.Г. Любомирова: что было бы, если бы книга не вышла... Ответы очевидны.

Диссертации, вовремя изданные в виде книг, — необходимость в смысле научных норм репрезентации результатов исследований, развития самой науки. Но ведь это и счастье, удовлетворение самого автора. Если в гуманитарных дисциплинах исследование можно рассматривать и как неповторимый индивидуальный акт культурного творчества, то на историка, филолога, социолога, культуролога можно распространить и стремление писателя, поэта, художника, скульптора, архитектора выставить свои творения на всеобщее обозрение. И в данном смысле отчетная форма работы гуманитарии в виде текстов тех или иных форм — это еще и публичное оглашение обретенных смыслов научного творчества. Быть может, еще и поэтому историки так стремятся ввести в оборот наработки ушедших из жизни коллег, предшественников? С одной стороны, для историографии такие попытки не всегда имеют практический результат, кроме тех работ, где подняты принципиально новые проблемы, но, с другой стороны, новообретенные тексты «прикрепляются» к фигуре и наследию историка и дополняют его образ, тем самым расширяя сферу историографии и культуры. Это, конечно, опосредованное, «долгое» возвращение, но, с другой стороны, здесь же происходит и введение в культурный оборот культурного творения гуманитария.

Этим можно объяснить то, что Д.С. Лихачев после войны опубликовал труды, над которыми до самой смерти в блокадном Ленинграде работал В.Л. Комарович (1894–1942)¹. Поэтому наследие В.Л. Комаровича не выпало из потока источниковедения, летописеведения и литературоведения. Кроме того, В.Л. Комарович весьма интересен работой, являющейся уникальной в отечественной культуре. Речь идет об изучении Китежской легенды². Ученые,

¹ *Комарович В.Л.* К литературной истории повести о Николае Зарайском // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. V. М.; Л., 1947. С. 57–82. Вместе с Т.Л. Крюковой Д.С. Лихачев издал: *Комарович В.Л.* Культ Рода и Земли в княжеской среде XII–XIII вв. // ТОДРЛ. Т. XVI. М.–Л., 1960. С. 84–104. Это не считая послевоенных изданий с работами В.Л. Комаровича, подготовленными до 1941 г. Благодаря этому труды В.Л. Комаровича по летописеведению, литературоведению присутствуют в отечественной гуманитаристике.

² *Комарович В.Л.* Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд. Изд. АН СССР, М.; Л., 1936. В XXI в. было, по крайней мере, два переиздания.

высоко оценивая этот труд, остающийся до сих пор единственным полноценным исследованием «Китежского летописца» (возник в старообрядческой среде нижегородского Заволжья в XVIII в.), не обращают внимания на социально-политический и личностно-биографический контекст возникновения книги. Открытый в 1843 г. через произведения П.И. Мельникова (Андрея Печерского) и В.Г. Короленко «Китежский летописец» быстро стал культурным достоянием широкого круга общественности, свидетельством чему является и опера Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже...» (1904 г.). Тревожная эсхатология «Китежского летописца» отвечала смутным ожиданиям российского общества в предреволюционную эпоху, а потому сюжет об ушедшем на дно озера граде до поры очищения от грехов быстро распространился. В постреволюционное время рассказ о Китеж-граде, погрузившемся в воды перед смертными врагами, давал силы и надежды русской интеллигенции, православному духовенству. Все это выразилось в поездках писателей, поэтов, философов, ученых на озеро Светлояр¹. В советское довоенное время открыто постигать феномены Китеж-града и Светлояр-озера было крайне рискованно. И вот В.Л. Комарович находит форму для рационального (текстологического) изучения иррационального явления духовной культуры России и, являясь представителем интеллигенции, реализует свою нравственную потребность.

Она была подстегнута еще двумя факторами. Первый — это нижегородское происхождение В.Л. Комаровича. Он родился в Макарьевском уезде Нижегородской губернии, недалеко от озера Светлояр. И тут все понятно: В.Л. Комарович изучал свои истоки. Второй фактор — это обстоятельства его биографии. В 1928 г. преподаватель университета Петрограда В.Л. Комарович был приговорен — из-за участия в кружке, связанного с делами «Братства Серафима Саровского» и «Космической Академии наук» (по ней был осужден и Д.С. Лихачев), — на три года ссылки, замененной тем же сроком проживания вне Москвы, Ленинграда и соответствующих областей и с прикреплением по месту жительства к Нижнему

¹ См. подробнее: *Карлсон Ирина*. Поиски Руси невидимой. Китежская легенда в русской культуре. 1843–1940. Göteborg AB, 2011.

Новгороду¹. В обвинительном заключении по делу А.А. Мейера В.Л. Комарович назван бывшим гвардейским офицером² (источник недостоверной информации, присутствующий в разных вариантах биографии В.Л. Комаровича), что не соответствует действительности. Вероятно, эти «сведения» попали в дело без должной проверки из фельетона Тур «Пепел дубов», ставшего своеобразным сигналом к началу следствия и арестов. Там В.Л. Комарович, кроме «офицерского прошлого», получил, оказывается, образование в «парижском лицее»³. В.Л. Комарович «разрабатывался» по другому делу — участие в кружке И.М. Андреевского⁴. Последним и объясняется относительная мягкость вынесенного ему приговора. Ведь, как заметил М.М. Бахтин, «...организации никакой не было, и... ОГПУ не установило наличия организации, иначе и приговоры были бы другие»⁵. Д.С. Лихачев был наказан более сурово — 5 лет на Соловках, поскольку непосредственно входил в состав «Космической академии наук», да и в Деле А.А. Мейера упомянут доклад Д.С. Лихачева о жертвах деятельности ВЧК за первые пять лет ее деятельности⁶. Объяснение мягкости приговора В.Л. Комаровичу тем, что за него перед карательными органами хлопотал А.А. Жданов⁷, маловероятно. Ведь об этом сообщил Д.С. Лихачев уже в 1980-е гг., и к тому же на рубеже 1920–1930-х гг. А.А. Жданов, будучи секретарем Нижегородского губкома (и крайкома) партии, еще не входил в высший

¹ *Богданова О.А.* Арест и ссылка В. Комаровича // Вопросы литературы. 2015. № 6. С. 343; Примечания / Дело А.А. Мейера // Звезда. 2006. № 11. С. 202; Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. М., 1996. С. 150.

² Обвинительное заключение по след. делу № 108–1929 г. / Дело А. А. Мейера / Публ., подгот. текста, вступ. заметка и прим. Ирины Флиге и Александра Даниэля // Звезда. 2006. № 11. С. 164.

³ *Тур. Пепел дубов* / Богданова О.А. Арест и ссылка В. Комаровича // Вопросы литературы. 2015. № 6. С. 347–350. С. 347. На самом деле В.Л. Комарович — выпускник Петербургского университета в 1917 г.

⁴ Обвинительное заключение по след. делу № 108–1929 г. / Дело А.А. Мейера // Звезда. 2006. № 11. С. 164.

⁵ Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным... С. 149.

⁶ Обвинительное заключение по след. делу № 108–1929 г. / Дело А. А. Мейера // Звезда. 2006. № 11. С. 165.

⁷ *Богданова О.А.* Арест и ссылка В. Комаровича // Вопросы литературы. 2015. № 6. С. 347–350. С. 346.

властный эшелон СССР и не мог влиять на ленинградские следственные и судебные органы.

Эти печальные обстоятельства и привели В.Л. Комаровича в Нижний Новгород в 1928–1931 гг., где практиковал его отец, известный на всю область врач-офтальмолог. Нижегородский период жизни В.Л. Комаровича и можно заполнить исследованиями Китежской легенды с выездами на озеро Светлояр. О них, по рассказам А.Ф. Лосева и его первой супруги, упоминает А.А. Тахо-Годи¹. По ее словам, названный другом четы Лосевых В.Л. Комарович приезжал «из Питера» на Светлояр, где были Лосевы. Но не исключено, что эти встречи могли быть в 1928–1929 гг. И вот опять ирония истории: если бы не относительно мягкий приговор В.Л. Комаровичу, приведший к вынужденному проживанию в Нижнем Новгороде, то его научный, созвучный духовным потребностям интеллигенции труд — исполнение морального долга перед малой родиной — мог и не состояться. И не только историография, но и культура России лишились бы важного текста.

***

Итоги предложенных размышлений и изложенных фактов заключаются в том, что любой труд историка, как акт индивидуального творчества, помимо науки, принадлежит еще и ко всей сфере культуры. И в историографии, как и в культуре, никто не сможет, кроме конкретного историка, создать тот или иной нарратив, посвященный прошлому, определению его смыслов в связи с настоящим. Выбор темы нарратива определяется жизненным опытом историка, его предпочтениями, системой подготовки и взглядов, а также современностью. И подобно тому, как история в каждом конкретном месте творится здесь и сейчас, то и культура через историографию творится в каждом конкретном тексте. Поэтому так и страшны историографические утраты — несостоявшиеся или погибшие до выхода к читательской аудитории нарративы о прошлом. Значительные последствия имеют и опоздания выхода гуманитарных текстов, ибо это не только тормозит, но создает упущенные возможности развития культуры. С одной стороны, эти тексты устаревают, т. к. их научная составляющая достигается другими исследователями. С другой стороны, являясь культур-

ным фактом работы историков, теряют свою свежесть, выключаются из культурного процесса и не определяют его. А поскольку историография — это часть культуры, то не вышедший или опоздавший исторический текст является настоящей трагедией.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреева Т.В., Соломонов В.А. Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941. Саратов, 2006.
- Архангельский С.И. Из истории краеведческой идеи в Нижегородском крае (Мельников-Печерский — Гацисский — Короленко) // Краеведение. 1925. № 1–2. С. 71–80.
- Архангельский С.И. Исторические взгляды Ешевского // Журнал министерства народного просвещения. 1916. № 6. С. 113–126.
- Архангельский С.И. Исторические взгляды С.В. Ешевского // Средние века. Вып. VI. 1955. С. 324–344.
- Архангельский С.И. К.Н. Бестужев-Рюмин // Сборник научных трудов Нижегородского научного общества по изучению местного края. Н. Новгород, 1926. Т. 1. Вып. 1. С. 58–65.
- Архангельский С.И. Локальный метод в исторической науке // Cogito. Альманах истории идей. Вып. 5. Ростов-н/Д., 2011. С. 432–447.
- Архангельский С.И. Основы и метод краеведческой работы А.С. Гацисского // Краеведение. 1930. № 10. С. 585–593.
- Архангельский С.И. Роль русских историков в разработке истории Англии // Запад-Восток. 2020. № 13. С. 168–197.
- Архангельский С.И. Садовский как историк Нижегородского края. 1850–1926 // Памяти А.Я. Садовского. Н. Новгород, 1928. С. 20–30.
- Архив РАН. Ф. 1530. Оп. 1. Д. 356. Л. 6.
- Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. М., 1996.
- Богданова О.А. Арест и ссылка В. Комаровича // Вопросы литературы. 2015. № 6. С. 342–352.
- Карлсон Ирина. Поиски Руси невидимой. Китежская легенда в русской культуре. 1843–1940. Göteborg AB, 2011.
- Кирьянов И.А. О Кузьме Минине (Новые материалы к биографии) // История СССР. 1965. № 1. С. 144–146.
- Комарович В.Л. К литературной истории повести о Николае Зарайском // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. V. М.-Л., 1947. С. 57–82.
- Комарович В.Л. Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.

¹ Тахо-Годи А.А. Лосев. М.: Молодая гвардия, 1997. С. 119.

- Комарович В.Л. Культ Рода и Земли в княжеской среде XII–XIII вв. // ТОДРЛ. Т. XVI. М.; Л., 1960. С. 84–104.
- Косминский Е.А. Роль русских историков в разработке истории Англии // Исторический журнал. 1941. № 10–11. С. 89–99.
- Коэн С. Бухарин: Политическая биография. 1888–1938. М., 1988.
- Кузнецов А.А. «Признаюсь, что я любил и люблю Горький и его славное, замечательное студенчество, его институт и моих по нему товарищей»: Материалы к биографии С.Н. Чернова в 1937–1941 годы // Русское средневековье: Сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексева. М., 2012. С. 39–54.
- Кузнецов А.А. Неизвестные страницы изучения истории ополчения 1611–1612 гг. в Нижнем Новгороде (Горьком) // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв. Нижний Новгород, 2011.
- Кузнецов А.А. Неизвестный автограф В.Г. Короленко, обнаруженный Н.И. Приваловой // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия ФИЛОЛОГИЯ. Вып. 1 (7). 2006. С. 86–92.
- Кузнецов А.А. Преломление политической истории первой половины XX в. в научном творчестве С.И. Архангельского // Всеобщая история и историческая наука в XX — начале XXI века: сборник статей и сообщений: в 2 т. Т. I. Казань, 2020. С. 218–222.
- Кузнецов А.А., Морохин А.В. Глава 4. Начало XVII века. Нижний Новгород в годы Смуты // Восемь столетий Нижегородской истории: в 2 т. Т. I. Нижний Новгород, 2021. С. 228–241.
- Кузнецов А.А., Селиванова О.В. «Вы были и остаетесь неутомимым работником нашей советской исторической науки» (комментарии к переписке историков С.И. Архангельского и И.Н. Бороздина) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 161. № 2–3.
- Кузнецов А.А., Селиванова О.В. Актуализация отечественной историографии Англии в начале Великой Отечественной войны (к публикации текста С.И. Архангельского «Роль русских историков в разработке истории Англии» (август 1941 г.)) // Запад-Восток. 2020. № 13.
- Кучкин В.А. О роде Кузьмы Минина // История СССР. 1973. № 2. С. 209–211.
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман М.Ю. Семиосфера. СПб., 2010.
- Лотман Ю.М. Клио на распутье // Лотман Ю.М. Карамзин. СПб., 1997.
- Лотман Ю.М. С.Н. Чернов. У истоков русского освободительного движения. Избранные статьи по истории декабризма / ред. Б.Е. Сыроечковский и И.В. Порох. Саратов. Изд-во Саратовского университета. 1960, 424 стр. Тираж 3000. Цена 14 руб. 50 коп. // Вопросы истории. 1961. № 5.
- Любомиров П.Г. Очерк истории нижегородского ополчения 1611–1613 гг. // Подвиг Нижегородского ополчения. Т. II. Нижний Новгород, 2011. С. 13–67.
- Митрофанов В.В. Об «одной из самой любимейших исторических тем» С.Ф. Платонова (С.Ф. Платонов и П.Г. Любомиров о нижегородском ополчении времени Смуты) // Клио. 2006. № 31.

- Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000.
- Обвинительное заключение по след. делу № 108–1929 г. / Дело А. А. Мейера / Публ., подгот. текста, вступ. заметка и прим. Ирины Флиге и Александра Даниэля // Звезда. 2006. № 11.
- Пресняков А.Е. Глава VII. Нижегородское великое княжество // Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. М., 1998.
- Привалова Н.И. Альбом автографов Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (из новых материалов) // Материалы I Нижегородской архивоведческой конференции. Чтения памяти Н.И. Приваловой. Н. Новгород, 2004. С. 64–85.
- Пудалов Б.М. К биографии Минина // Мининские чтения. Труды научной конференции. Нижний Новгород, 2007. С. 184–195.
- Пудалов Борис. «Смутное время» и Нижегородское Поволжье в 1608–1612 гг. // Подвиг Нижегородского ополчения. Т. II. Нижний Новгород, 2011. С. 621–668.
- Садовский А.Я. Новые документы о Мининых // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. Нижний Новгород, 2011. С. 24–32.
- Садовский А.Я. Одно ли лицо Кузьма Минин и Кузьма Захарьев Минин Сухо-рук // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Т. 15. Вып. 9. Нижний Новгород, 1916. С. 1–14.
- Сироткин С.В. «Братья» и сестры Кузьмы Минина: генеалогический этюд // Мининские чтения. Нижний Новгород, 2010. С. 138–151.
- Смит Д. Профессор Стивен Коэн — американский апологет Путина? // КОЭН Стивен. Избранное. М., 2018.
- Соломонов В.А., Зайцева Н.Н. Павел Григорьевич Любомиров: превратности судьбы историка. М., 2019.
- Тахо-Годи А.А. Лосев. М.: Молодая гвардия, 1997.
- Тур. Пепел дубов / Богданова О.А. Арест и ссылка В. Комаровича // Вопросы литературы. 2015. № 6. С. 347–350.
- Хачко А.Ю. Как звали Минина (Купчая 1602 г.) // Мининские чтения: Материалы научной конференции. Нижний Новгород, 2003. С. 7–11.
- Центральный архив Нижегородской области. Ф. Р-907. Оп. 1. Д. 1210; Ф. Р-6299. Д. 325.
- Чернов С.Н. Павел Пестель: Избранные статьи по истории декабризма. СПб., 2004.
- Чернов С.Н. Памяти историка П.Г. Любомирова // Русская наука в биографических очерках. СПб., 2003. С. 468–486.
- Шмидт С.О. Историк С.Ф. Платонов — ученый и педагог (к 150-летию со дня рождения). М., 2010. С. 39–42.

В.П. Буданова

**РЕФЛЕКСИЯ «ГОТИЦИЗМА»
В ЛАБИРИНТАХ МИФОЛОГИЗАЦИИ
ГОТСКОЙ ОДИССЕИ**

Готская история одна из наиболее сложных в системе исследований, посвященных изучению жизни народов Восточной Европы первой половины I тыс. н. э. Именно племена готов выступали в источниках того времени одним из основных элементов сложной цепи миграционных процессов, именуемых в научной литературе как Великое переселение народов. Миграционный «взрыв» послужил важной предпосылкой гибели Римской империи и кардинальной трансформацией этнической карты ойкумены. Однако в системе исследований истории переселения племен, особенностей миграции их названий (этнонимов) и процессов этногенеза реальная история готов не всегда совпадает с ее образом, который, как известно, формируется личностью исследователя, включая его профессионализм, убеждения, заблуждения, в целом, историческую рефлексивность. Именно в зависимости от профессиональной рефлексивности историка, его размышлений, анализа собственных мыслей и переживаний, полных сомнений и колебаний, снимается инерция традиции, следования схемам и штампам сложившихся парадигм. Через профессиональную рефлексивность историка проходит основной путь становления рефлексивной этики общества, который сочетает общий социально-политический климат общества, рациональную компетентность и профессионализм как неформальный способ самоконтроля. Исследовательская рефлексия постоянно корректирует направление, методы и подходы исследования, в конечном итоге, утверждает противостояние преднамеренному невежеству, *ignorantia affecta* (Фома Аквинский). Рефлексирующий историк-профессионал не нуждается в начальствующих посредниках, ибо он выступает от имени своего дела, которое выполняет эффективно и качественно. Залог его успеха или неудачи — самоконтроль и, как правило, объективная экспертно-оценивающая позиция коллег по цеху. «Как правило» потому,

что не стоит излишне идеализировать практику коммуникативного взаимопонимания исследователей. Именно рефлексивные механизмы с их требованиями достоверности и доказательности ввели в исторический дискурс варваристики такие определения, как «готская теория», «готская проблема» и «готицизм».

Если присмотреться повнимательнее, изучение и осмысление истории готов никогда не ограничивалось рамками только академических исследований. Общеизвестно, что любое исследовательское начало когда-то и кем-то начиналось. В общем нескончаемом дискурсе готоведения исследователи готской истории всего лишь его звенья, его «посредники» и «переводчики» (Ж. Деррида). Уже со времен античности и до наших дней система представлений о готах была сложным историческим, социальным и духовным феноменом, тесно связанным не только с логикой развития исторической мысли, но и с актуальными, современными для историка проблемами, далеко выходящими за рамки строгой науки. Как справедливо отметил Х. Вольфрам, «готы нигде в Европе не стали средневековой народностью, достаточно рано превратившись в миф, который был доступен всем»¹. Становление истории готов не развивалось в общественном вакууме, его контекст в открытых и латентных формах перманентно был политизирован, идеологизирован и мифологизирован. Рефлексивные вспышки интереса к готам зачастую сопровождались гипертрофированной тенденциозностью, чему есть много подтверждений в достаточно внушительном массиве литературы о готах. Эта дуальная логика в отношении к истории готов породила такой феномен, как «готицизм» — синтез исторического знания и исторического мифа. И если научный факт может стать почвой для мифа, то миф влияет на осмысление научного факта. Парадокс заключается в том (и так сложилось исторически), что «готицизм» реально мотивирует историка к эффективной и рефлексивной деятельности. Рефлексивность «готицизма», на мой взгляд, правомерно анализировать через погружение в профессиональный и гражданский контекст исследовательского внимания к готам, которое накапливалось столетиями, проходя через кризисы и тупики исследовательских взлетов и разочарований.

¹ Вольфрам Х. Готы / пер. с нем. Б.П. Миловидов, М.Ю. Некрасов; ред. М.Б. Щукин, Н.А. Бондарко, П.В. Шувалов. СПб.: Ювента, 2003. С. 12.

Особый интерес к европейскому племенному миру, в том числе к готам, проявился в XVI–XVII вв. Шведская корона, австрийская династия Габсбургов, Дания и Речь Посполитая боролись за присвоение готской древности, закладывая основы этнонационального романтического «готицизма» как традиции. В ходе дискуссий концепция готского наследия наполнялась множеством фантазий и толкований. Как известно, гуманисты, преклоняясь перед античностью, выявляли, переводили, печатали и изучали античные и ранневизантийские исторические сочинения. Так, с 1645 г. началось издание “*Corpus Byzantinae Historiae*”, где публиковались тексты с подробными комментариями, в 1599 г. был издан “*Glossarium graeco-barbarum*”, объясняющий многие термины. В спорах шведских, датских, австрийских, итальянских, французских и немецких гуманистов о родине готов, их «наследии» и роли в истории народов Европы зарождались готфильские представления об этих племенах. Как справедливо отметил В.Н. Топоров, в теме «величия и нищеты» истории готы выступали одним из ярчайших примеров¹. В то же время, согласно общей традиции гуманистического историописания, варварство готов, как социокультурное явление европейской истории, получило и отрицательную политическую окраску, противопоставляя романскую и германскую Европу. Тем самым закладывались основы будущих дискуссий между романистами и германистами. Другими словами, именно гуманисты стали исходной точкой последующих, характерных для XIX–XX вв. всплесков интереса к готам. Таковую же двойственную позицию в отношении готов занимали и просветители. С одной стороны, образ готской древности представлялся им как свидетельство проявления дикости, воинственности, примитивности и невежественности, а с другой — наивности, умеренности и мудрости этих германских племен. Те, кто по выражению Э. Гиббона, описывали торжество варварства в рамках всемирной истории, занимались больше подборкой и переложением материалов источников, чем самостоятельной их интерпретацией и написанием истории варварского мира².

¹ Топоров В.Н. Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы // Балто-славянские исследования. М.: Наука, 1983. С. 231.

² Гиббон Э. История упадка и крушения Римской империи / пер. с англ. В.Н. Неведомского; сост. Б.С. Попов, В.И. Уколова. М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1994.

Когда в XIX в. в историописании основные позиции стал занимать позитивизм, началось более глубокое проникновение в историю путаных и сложнопротиворечивых свидетельств о готах. На смену пасторально-романтическому отношению к их истории приходило рациональное позитивистское ее осмысление. В общественном сознании утверждалась идея нации, с ее самобытным развитием, стремление к изучению истории национальных государств и национальной культуры, индивидуального разнообразия в историческом развитии народов. Здесь уместно сослаться на М. Элиаде, что в XIX в. историография начинает играть очень важную роль, прилагая большие усилия по историографическому анамнезу. Исследователи стараются обнаружить, «пробудить», восстановить и воскресить прошлое человечества¹. Нарастала значимость рациональности, результативности знаний о германцах-готах, оценка их политической приемлемости и целесообразности. Романтизм стимулировал интерес к филологии, к существенному пополнению фонда источников, в том числе содержащих свидетельства о варварах-готах, вскрыл проблему их критики. Так, в 1799 г. в Германии было основано “*Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde*”, которое начало выпускать свод источников — “*Monumenta Germaniae historica*”. В 1882 г. Т. Моммзен опубликовал здесь текст «Гетики» Иордана. В 1829 г. стал готовиться к публикации “*Corpus scriptorum historiae byzantinae*”. Во Франции с 1844 г. Ж.П. Минь приступил к изданию свода “*Patrologiae cursus completus*” латинских (*Series latina*) и греческих (*Series graeca*) христианских авторов. На подъеме национального самосознания и укрепления национальных государств, происходила реинтерпретация истории европейского племенного мира и постепенное его выделение в субъект исторического процесса. Немецкое и французское историописание романтизировало жизнь племенного мира. Образы предводителей варварских племен вдохновляли романтиков XIX в. Французы гордились Верценгеторигом, немцы — Арминием, шведы — Эрманарихом, англичане — Боудиккой².

¹ Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. В.П. Большакова. М.: Академический проект-Парадигма, 2005. С. 131.

² Буданова В.П. 2012: Варвары и варварство в антропологии цивилизаций // Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (ред.). М.: ИВИ РАН, 2012. С. 10–46.

На протяжении XIX в. воодушевленные рациональностью и позитивистским оптимизмом историки и филологи трудились над изучением древнейших представлений о племенах европейского варварского мира, обновляя и интерпретируя их историю с учетом вводимых в исследовательское поле новых письменных и эпиграфических источников. Множатся примеры «раскопок» в сочинениях древних авторов «отсутствующего присутствия» готов. Археологически-детективный стиль мышления «железного» XIX в. подавал надежды обнаружить спрятанность этих племен в древних текстах. Но позицию критики античной письменной традиции нельзя было назвать рефлексивной и ясной. Уже тогда закладывалась основа для полемики вокруг вопросов о путях передвижения готов, о местожительстве этих племен на южном берегу Крыма, о превосходстве их и принадлежности к высшей расе, о решающей роли в истории народов Восточной Европы. Интерпретации свидетельств письменных источников не только дополняли одно другим, но и вступали в конфликт. Крымская военная кампания (1854–1855) отчасти сместила акцент гуманитарного мышления европейских историков и археологов. В 1869 г. в Москве состоялся первый Археологический съезд, который собрал не только археологов, но и историков, лингвистов, этнологов, всех тех специалистов, которые снимали покров с древности, предвосхищая дальнейшую рефлексию основных направлений изучения готской истории. В поисках, в описании источников и артефактов готской древности проявились первые тенденции политизации готской истории, начиналось движение в сторону ее фальсификации и мифологизации. И первой страной, где в исследовательском процессе обозначился фронт столкновения готофилии и славянофобии, стала Россия.

Особенно усилилась тенденция отыскать следы готов на юге России после Первой мировой войны. Призрак национал-социализма изменил акцент исторической рефлексии готской проблематики, особенно в Германии. Поводом к дискуссии послужило открытие российским археологом В.В. Хвойко в 1899 г. на территории Среднего Поднепровья археологических памятников «полей погребений», т. н. черняховской культуры. В.В. Хвойко трактовал ее как славянскую и рассматривал в качестве связующего звена между древностями более ранней археологической культу-

ры — зарубинецкой и более поздними памятниками древнерусской истории. Однако среди немецких ученых в 1906 г. была сформулирована другая концепция. Впервые ее высказал немецкий археолог П. Райнеке, рассматривая черняховские древности как следы, оставленные в Среднем Поднепровье в III–IV вв. пришлыми германскими племенами, вероятно, готами¹. Версию П. Райнеке активно подхватили немецкие археологи, в их числе Е. Блюме, Е. Бреннер, К. Такенберг. В 1912 г. немецкий археолог М. Эберт, долгое время работавший в России, стремительно организовал экспедицию и приступил к поискам готских древностей на юге России. В районе Северного Причерноморья он провел раскопки археологического комплекса Николаевка-Казацкое (нын. Херсонская обл.). Обнаруженные находки позволили М. Эберту высказать предположение о появлении германцев в этом регионе уже в начале I в. н. э. Уверенности в «готской» интерпретации черняховской культуры придавало и почти одновременное открытия подобных памятников на территории Румынии, Австро-Венгрии и Польши. Польские (В. Антонец, Ю. Костржевский), румынские (Й. Ковач, К. Дикулеску) и российские (Ю. Готье, В. Данилевич, Я. Пастернак) исследователи поддержали идею германского (готского) этнического определения черняховских древностей. Наметились две противоречащие друг другу концепции этнической принадлежности черняховской культуры: моноэтнической, «чистой», готской (П. Райнеке) и полиэтнической «гото-понтийской», где готы представлены одним из компонентов культуры, но с доминирующей ролевой функцией (Г. Косина). На мой взгляд, немаловажно обратить внимание и еще на одно обстоятельство. Открытие В.В. Хвойко удивительным образом совпало с выходом в свет в 1899 г. работы Ф.А. Брауна². Фрагментарные свидетельства нарративной

¹ Хвойка В.В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913; Reinecke P. Aus der russischen archäologischen Litteratur: Graberfelder von Ende der La Tene Zeit und aus der jüngeren römischen Kaiserzeit im Gouv. Kiev // Mainzer Zeitschrift. 1906. No. 1. S. 43–49. Подробнее об этом см.: Баран В.Д., Гороховский Е.Л., Магомедов Б.В. Черняховская культура и готская проблема // Славяне и Русь (в зарубежной историографии) / отв. ред. П.П. Толочко. Киев: Нукова думка, 1990. С. 30–78.

² Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений // Сборник от- деления русского языка и словестности Императорской Академии наук. СПб., 1899.

традиции о расселении «самого талантливого народа эпохи Великого переселения народов» комментируются Ф.А. Брауном весьма субъективно, что открывало широкие возможности для произвольных построений и предположений в крымско-готской проблематике. Тем не менее, для готоведов и черняховеда эта работа, несмотря на солидный возраст, долгое время оставалась ценным справочным пособием, что подтверждалось частыми на нее ссылками в научной литературе.

На рубеже XIX–XX вв. дискуссия о готских древностях только начиналась, но уже тогда историки с надеждой ожидали — только заглянув в могилы, можно представить, как жили племена, которых называли «готами». Археологический аспект исследования перевел поиск следов присутствия готов в Восточной Европе в пространственно-временную плоскость, ибо археологическая культура представляет собой не только хронологическую, но и территориальную определенность. И когда в XX в. на помощь историку пришла археология с ее практически неисчерпаемым фондом источников, ожидалось, что археологический материал позволит в определенной мере не только компенсировать нарративные лакуны, но и обеспечит историческому исследованию более материализованный характер. Изучение германских племен могло бы получить новый импульс, но готы стали исключением. Парадоксальным образом, именно по мере накопления археологических знаний, несмотря на противоречия и нестыковки, исследование истории готов только усиливало тотальный дифирамбический стиль определений в адрес этих племен. Научные открытия археологов ставили перед исследователями по новому вопросу степени соответствия письменного материала археологическому. У «готицизма» появился новый аспект. Необходимо было выделить и описать определенную группу памятников материальной культуры III–V вв., оставленных готами. Они должны были занимать территорию, которая совпадала бы с областью расселения готских племен по данным письменных источников, не выходя за ее пределы. И при этом иметь масштаб, соответствующий масштабу исторической деятельности готов, как она представлена в письменных свидетельствах. Но как раз это и оказалось невозможным. Несмотря на многочисленные попытки положительного

решения этого вопроса, готы оставались археологически спорно атрибутированными, а их материальные памятники парадоксально противоречивыми. И это порождало новый поток вопросов о достоверности археологического материала и его соответствии нарративной традиции. Спорность этнической интерпретации черняховской культуры, по сути, явилась важным толчком, взорвавшим историческую эволюцию «готицизма».

Как известно, представление об истории готов начинало формироваться еще античной и ранневизантийской письменной традицией. Но подлинным «отцом гоцицизма» вполне правомерно считать готского историка VI в. Иордана, ибо в его «Гетике» заложены основы того готцентризма, на котором строились все последующие изыскания. У средневековых авторов и историков нового времени образ готов, созданный Иорданом, только дополнялся главным образом свидетельствами и характеристиками этих племен, сохранявшимися в устных преданиях и легендах. Естественно, что археологическая рефлексия истории готов всегда сопровождалась незримым присутствием Иордана, объединяясь с рефлексией исторической. Отметим, что ко времени появления археологических исследований, посвященных черняховской культуре, критическое издание письменных источников, предпринятое в Германии, Франции и других странах в XIX в., практически завершилось. С именами Ж.П. Миня, Т. Моммзена, Л. Диндорфа, В.Г. Нибура, К. Мюллера, А. Ризе связана публикация целых серий письменных источников, содержащих сообщения о готах. Впоследствии многие из них неоднократно переиздавались с обновленными комментариями. Авторская рефлексия историков, археологов и филологов зачастую сосредотачивалась на отдельных текстах, в которых речь шла о готах, и свидетельства этих источников, «вырванные» из контекста, невольно приобретали самодовлеющий характер. Нельзя обойти вниманием и еще одно обстоятельство. Изучая сочинения античных авторов, исследователь, как правило, искал ответ на вопрос, «как» разворачивалась последовательность исторических событий с участием готов, почти не ставя вопросы, «почему» это случилось, и «зачем» эту информацию автор включил в свой текст. История готов, «изъятая» исследователем из текста становилась знанием, а знание — реальностью, которую древний автор «изобразил» в тексте своего сочинения. Поэтому было важно учитывать,

что нарративный дискурс источника отражает, прежде всего, образ реальности, который становится посредником между исследователем и реальными фактами и событиями готской истории. При этом в процессе интерпретации акценты зачастую смещались, размывались объективные критерии ценности анализируемой информации, ее достоверность и уникальность. Отсюда и появлялась противоречивая многозначность процесса когнитивизации знаний о готах, включая рефлексивные представления об их истории.

В становлении парадигмы готской истории заслуги немецких ученых всеобъемлющи и беспрецедентны. Наиболее полно и последовательно она представлена в работах Людвиг Шмидта¹. Работая библиотекарем Дрезденской государственной библиотеки, на протяжении многих лет он собирал материал по истории германских племен, в том числе готов. Привлекая широкий круг исследований (Р. Лева, Э. Шварца, К. Мюлленгофа, Б. Раппапорта, М. Шёнфельда, Г. Шнайдера, Э. Штайна и др.), Л. Шмидт создал фундаментальный труд, который имел большое влияние на творческую рефлексию историков «готицизма». Это объясняется не только простой и логичной концепцией самого автора, в которой роль готов непомерно преувеличивалась. Исследование долгое время оставалось единственным, где были собраны сообщения древних авторов с простой и ясной их интерпретацией, а также обозначены многие проблемы готской истории. Л. Шмидт предостерегал от чрезмерного увлечения лексическими реконструкциями, которые освещают лишь ограниченный круг реалий. Считая археологический материал одним из важнейших, он обратил внимание на ожидаемые трудности определения народа по археологическим артефактам, подчеркнув, что их следует использовать с осторожностью. Он отметил, сколь противоречиво и непоследовательно изложение истории готов в «Гетике» Иордана, хотя в построении своей концепции следовал схеме, составленной Кассиодором-Иорданом². Фундаментальный труд Л. Шмидта определил общую тональность исторической рефлексии «готицизма» вплоть до 60-х гг. XX в. Используя нарративную традицию, исследователи (Э. Шварц, К. Экхард,

¹ Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. Die Ostgermanen. München, 1934.

² Ibid. S. 1–40.

Х. Гелблинг, Э. Штурмс) приводили все новые и новые примеры, подтверждающие идею исключительности готов, большую древность их государственных традиций по сравнению с другими народами. Слова Л. Ранке, что надо писать так, «как было в действительности», звучали магически для нескольких поколений историков готской проблемы. В то же время в этих работах, порой вопреки их общей готоцентристской направленности, накапливался материал, позволивший исследователям критически подойти к созданной работами Л. Шмидта схеме¹.

Монополия в формировании парадигмы готской истории принадлежала немецкой исторической науке. Но на немецких исследователей большое влияние оказывала активизация в 1930–40-е гг. ультранационалистической политической доктрина, озабоченной, в том числе, поиском своих славных готских предков с их причастностью к цивилизаторской миссии среди племен восточноевропейского региона. Готам была уготована роль наставников и поводырей славянских и других народов Восточной Европы. В нацистском идеологизированном тумане «готицизм» стал инструментом создания концепции «следа», когда использовались особенности парадигмы готской истории с самыми неожиданными ассоциациями. В первой половине XX в. «готицизм», таким образом, оказался фактором идеологической и политической борьбы. Вопрос о «готском наследии» был одним из главных в разработке «Оперативного штаба» главного нацистского идеолога Альфреда Розенберга. Для новоявленных «потомков готов» «готицизм» стал инструментом исторического обоснования территориальных притязаний III рейха². Территории Крыма, Херсонской и Запорожской областей, согласно фантазии Гитлера, должны были предстать на карте Европы не иначе как *Gotenland*, Азовское море — как *Gotisches Meer*, Симферополь — как *Gotenburg*, а Севастополь — как *Theodorichshafen*. Археологическая экспедиция Л. фон Альвенслебена (июль 1942 г.), обследовав крымское городище Мангуп, сделала вывод о его типичной германской фортификации.

¹ Буданова В.П. О трансформации «готицизма» // Славяне и их соседи. Средние века — раннее новое время. Вып. 9. Славяне и немцы. 1000-летнее соседство: мирные связи и конфликты. М.: Наука, 1999. С. 30. Сн. 11.

² Леус П.М. Археология Третьего рейха на оккупированных восточных территориях // *Germania-Sarmatia*. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Калининград, 2008. С. 220–231.

Это т. н. «открытие» было опубликовано полковником В. Баумельбургом в книге «Готы в Крыму». Шла подготовка к осуществлению плана германизации Крыма с зачисткой полуострова от всех немцев¹.

После Второй мировой войны исследовательская рефлексия готской истории отечественных ученых проходила в атмосфере последствий нацистской оккупации восточноевропейских регионов. В стремлении к непримиримой борьбе с нацистской идеологией применялись упрощенные и прямолинейные подходы и методики анализа готского вопроса. Размышления, сомнения и колебания ученых зачастую сопровождались опрометчивыми выводами, заблуждениями, тенденциозными гипотезами, спорными интерпретациями археологического материала с игнорированием сложности письменных свидетельств. По мере усиления интереса к славянскому этногенезу (совещания 1955 г. в Киеве и 1967 г. во Львове) систематизировались материалы черняховских древностей с определением в них места готам². Под влиянием теоретической научной рефлексии, нового понимания преемственности и скачка в историческом процессе шло переосмысление старых представлений и реинтерпретация уже известных фактов готской истории, начинало меняться отношение и к другим ракурсам истории «готицизма».

Исследования 1960-х гг. подвели полувековой итог в изучении истории готов, поставив по-новому ряд кардинальных вопросов. Движение «готицизма» в сторону появления комплекса новых подходов нашло отражение в работах шведского лингвиста Й. Свеннунга и немецкого историка Н. Вагнера, которые изменили исследовательский горизонт по сравнению с тем временем, когда формировались ключевые позиции концепции готской истории Л. Шмидта. Основные труды этих ученых посвящены северному периоду истории готов, т. е. пребыванию их в Скандинавии, а также «Гетике» Иордана. Их деятельность оказала заметное влияние на историков 1970–80-х годов. Й. Свеннунг работал и над книгой по истории «готицизма»³.

¹ См. также: *Зиньковская И.В.* Готланд Эрманариха: остроготы в Восточной Европе на рубеже Древности и Средневековья. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 92–95.

² Проблемы изучения черняховской культуры // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 121. М.: Наука, 1970.

³ *Svennung J.* Zur Geschichte des Goticismus. Stockholm, 1967.

Возможно, именно она и привела его к переосмыслению господствующей концепции готской истории, которая разрабатывалась не одно столетие и продолжала разрабатываться его современниками лингвистами, германистами, антиковедами, медиевистами и археологами, например, А. Альфельди, К.К. Кляйном, Х. Розенфельдом, В. Краузе, Ф. Альтхаймом, Ф. Бенном и многими другими.

Рассматривая «готицизм» как научно-историческое и общественно-политическое явление, он отмечал, что легендарность представлений о готах сначала в испанской романтической литературе, а затем в шведской историографии XVI–XVII вв. основана на некритическом отношении к путаным и противоречивым сведениям о готах античных и средневековых источников, а также на господствующей политической тенденции — поднятии шведского национального престижа¹. Привлекая широкий круг латинских нарративных сочинений — сочинения Тацита, Евтропия, Аммиана Марцеллина, труды Сидония, Клавдия Клавдиана, «Историю Августов», латинские панегирики и, конечно же, «Гетику» Иордана, Й. Свеннунг довольно осторожен в использовании выводов археологов. Он ставит вопрос о необходимости восстановить четкий текст «Гетики», считая целесообразным принять во внимание все заданные сложившейся историографией (с момента издания «Гетики» Т. Моммзенем) вопросы и предположения относительно этого источника. Давая высокую оценку Кассиодору, считая его «последним филологом античности», величайшим собирателем всяческих сведений и знаний о жизни готов, он все же не мог не отметить некритическое к ним отношение Кассиодора. Й. Свеннунг оправдывал Кассиодора, присоединявшего к готам историю скифов и гетов, полагая, что эта контаминация была распространена у античных писателей задолго до него. Без ответа, однако, оставался вопрос, почему глубоко образованный и широко информированный Кассиодор допустил в своем сочинении смешение «готы-геты» и «готы-скифы»? Возможно, Й. Свеннунг недооценил политическую направленность сочинения Кассиодора и его стремление превратить «начало» готской истории в часть истории римской, что находило поддержку короля готов Теодериха.

¹ Ibid. S. 51–99.

Списки племен, включенные в «Гетику», по мнению Й. Свеннунга, принадлежали также Кассиодору. Он использовал сочинение Птолемея, и устную информацию, полученную благодаря своим дипломатическим связям с предводителями везеготов, бургундов, вандалов, герулов, варнов, турингов и эстов. Но без ответа оставался вопрос, насколько можно доверять Иордану, который воспроизводил этот список по памяти? Придерживаясь традиционного представления о движении готов в Ойум, Й. Свеннунг рассматривал эту часть сообщений Иордана как племенную легенду готов. Он весьма скептически относился к достоверности устной традиции, полагая, что через столетия в памяти народа могли сохраниться только несложные, но духоподъемные сведения.

Анализируя этнонимии готских племен, Й. Свеннунг показал, что все названия появились еще до переселения готов на юг. В миграции участвовали грейтунги, тервинги, визи и австроготы. Это не согласуется с традиционным представлением о том, что названия «везеготы» и «остроготы» возникли, когда готы подошли к Северному Причерноморью, где и разделились. Исследователь считал невозможным идентифицировать остроготов с грейтунгами и везеготов с тервингами, подчеркивая, что племена грейтунги и тервинги совершенно самостоятельны. Согласно сложившейся историографической схеме, в течение более сотни лет везеготы проживали в лесных районах Дакии и Северного Причерноморья, и поэтому римляне стали называть их «тервингами» (обитатели лесных районов), а жителей степных территорий Северного Причерноморья остроготов — «грейтунгами» (жители степей). Наконец, неоднократно обращал внимание на искусственность названия «вестготы» и «остготы»¹. Я сочла необходимым более подробно остановиться на основных идеях Й. Свеннунга, хотя об этом уже писала, чтобы обратить внимание на следующее. Дело в том, что реинтерпретация (тотальное переосмысление) нередко является скрытой попыткой спасти автором же критикуемую интерпретацию. К исследованиям Й. Свеннунга это имеет косвенное отношение. Не инфинитивность, умолчание, а осторожность, деликатность, конкретность и ограни-

¹ Более подробно см.: *Svennung J. Zur Geschichte des Goticismus; Idem. Jordanes und die gotische Stammsage // Studia Gotica. Stockholm, 1972. S. 20–56; Idem. Zu Cassiodor und Jordanes // Eranos. 1969. Vol. 67. S. 71–80.*

ченность (северный период) создают масштаб исследований этого ученого. После изучения его работ будоражит сомнение: возможно, некоторые вопросы «готской проблемы» не поддаются решению по тому, что понимаются нами неверно?

Исследование Н. Вагнера посвящено одному из главных источников истории готов — «Гетике» Иордана¹. Он представил историографический обзор изучения этого текста более чем за 60 лет. И хотя его внимание привлекает, главным образом, северный период жизни готов, но выбор сюжетов был продиктован, как мне представляется, не только противоречивостью результатов предыдущих исследований, нуждавшихся в пояснении, но и появлением в 1960 г. перевода «Гетики» на русский язык, сделанного русским медиевистом Е.Ч. Скржинской. Особое внимание привлекает предисловие и обширный комментарий к переводу, где Е.Ч. Скржинская подвела итог изучению «Гетики» с момента издания этого источника Т. Моммзенем². Она показала основные противоречия в свидетельствах Иордана о готах, наличие в тексте «спрятанности», тайны, скрытой сущности готской жизни, соотнесла информацию Иордана с сообщениями античных и ранневизантийских авторов, высказала ряд новых, перспективных для дальнейших исследований гипотез относительно личности автора «Гетики». Фундаментальный комментарий к переводу убедительно подтверждает, что сама история готов, маркирующих этническое и политическое пространство рубежа Античности и Средневековья, отличается «разрывами», изучение которых требует тщательной проработки.

Творческая профессиональная рефлексия Н. Вагнера также объясняла некоторые противоречия ранней истории готов особенностями жизненного пути и творчества Иордана. Н. Вагнер настаивал, что в готской проблематике история создания «Гетики» не должна быть для исследователя «инородным телом» (*Fremdkörper*). Подводя итог многолетним спорам по поводу этнической принадлежности Иордана, он отметил следующее. Иордан был выходцем из Нижней Мёзии, считал себя готом, но его предки вполне могли носить

¹ *Wagner N. Getica: Untersuchungen zum Leben des Jordanes und zur frühen Geschichte der Goten. Berlin, 1967.*

² *Иордан. О происхождении и деяниях готов (Getica) / вступ. ст., пер. и комм. Е.Ч. Скржинской. М., 1960.*

аланские имена, так как жили среди аланов. Н. Вагнер утверждал, что «Гетика» писалась в Константинополе, и поэтому Иордан имел возможность использовать сочинение Марцеллина Комита и его продолжателей, а также ряд других источников. По мнению Н. Вагнера, он принадлежал к общественному кругу единомышленников Кассиодора. Сопоставляя немецкую и итальянскую традиции изучения творчества Иордана, Н. Вагнер заключает, что Иордан достоин исследовательского внимания как образованный и критически мыслящий интеллект своего времени, создавший определенную политическую концепцию, лишь в отдельных случаях прибегая к «Истории готов» Кассиодора¹. Он задает, казалось бы, всем надоевший вопрос о путях движения готов с севера на юг, каким способом эти племена переселялись? Вряд ли переселение было стихийным, бесплановым и готы отправлялись в неизвестность. Исследователь предполагал, что, возможно, готы имели информацию о тех районах, куда направлялись, и знали, каким образом можно было их достичь, вероятно, получая эти сведения с помощью разведки. Н. Вагнер также не исключал использование готами торговых коммуникаций, связывающих южное побережье Балтийского моря с районами Северного Причерноморья. Позиция многих исследователей по этим вопросам определялась тем, как они оценивали сам характер переселения: шло движение волнами или было одновременное перемещение племен. Н. Вагнер высказал интересную версию расселения готов на континенте, что сказалось в дальнейшем на различной трактовке их маршрутов в южном направлении. По его мнению, первыми в районе нынешней Риги появились тервинги, затем в устье Немана разместились грейтунги, и лишь третья волна — гепиды — достигли устья Вислы².

Итак, начиная с 60-х гг. XX в., творческая рефлексия исследователей «готицизма» сместилась в сторону *северного периода* жизни готов, выявления их прародины. Усиленно дискутируются вопросы о том, откуда, как и когда готы пришли в Северное Причерноморье, какие традиции они с собой принесли, и как им удалось сохраниться до VI в., что представляли собой готы как историческая и этнолинг-

¹ Wagner N. Op. cit. S. 2–59.

² Ibid. S. 225–229.

вистическая общность. Работы Н. Вагнера и Й. Свеннунга показали, что взгляд на «готицизм» в рамках старой традиционной схемы представлялся уже бесперспективным. Это также продемонстрировала и оживленная дискуссия по поводу выхода книги немецкого археолога Р. Хахмана «Готы и Скандинавия»¹. Среди готоведов она произвела впечатление интеллектуального триггера². И объясняется это не только неожиданным ударом по некоторым общепринятым положениям традиционной концепции истории готов, но предложенным Р. Хахманом новым подходом к решению накопившихся спорных вопросов. Он не только обосновал назревшую необходимость изменить метод исследования, но и продемонстрировал его на примере анализа проблемы происхождения готов из Скандинавии.

Р. Хахман поставил задачу рассмотреть тему скандинавского происхождения готов как «пример историко-филолого-археологического исследования», одновременно выступая против «смешанной» аргументации. Предложенный им метод одновременно и прост, и сложен. Простота его очевидна, ибо исследователь предложил в готской проблематике время от времени переходить к обобщающим, универсальным исследованиям отдельных вопросов, используя элементы системного подхода. На примере анализа сюжета о прародине готов он сопоставил и попытался совместить полученные независимым путем данные археологии, лингвистики и истории. При этом настаивал, что историки, филологи и археологи обязаны получать и обрабатывать информацию только адекватными их области знания методами. Р. Хахман, безусловно, справедливо утверждал, что проигрывает тот, кто, решая спорные вопросы, за доказательствами и аргументацией обращается в соседнюю область знаний, заимствуя там такие же спорные и противоречивые данные. Призывая к “regressive Purifisierung” (регрессивное очищение), Р. Хахман возражал против всякой «неоромантической» интеграции различных наук, которые в результате несовместимых методик оказывают одну другой дурную услугу. Он обратил внимание на качественное отличие синтеза исторических выводов, полученных различными

¹ Hachmann R. Die Goten und Skandinaviern. Berlin, 1970.

² Буданова В.П. О трансформации «готицизма». С. 30–31. Сн. 40.

дисциплинами, от подсобно-иллюстративного использования конкретной информации о готах, содержащихся в разных источниках. Считал, что специалист по готской проблематике, стремящийся к синтезу, обязан овладеть методами не только своей узкоспециальной области, но и тех областей, в которые он вторгается, для критической оценки и использования выводов других исследователей. Р. Хахман полагал, что еще и сегодня в этом можно кое-чему поучиться у позитивистов, хотя отвергал призыв — «Назад к позитивизму!»¹.

Исходя из этих методологических принципов и подходов, Р. Хахман выстроил свое исследование, сосредоточив внимание на проблеме скандинавского происхождения готов. Анализируя текст «Гетики», он предпринял попытку выделить фрагменты, принадлежащие Аблабию, Кассиодору и Иордану. Было отмечено, что устная традиция происхождения записана у готов ранее, чем у других германцев, что существовала определенная раннесредневековая модель сообщений о происхождении, которая не зависела от античной исторической мысли, хотя идеи *Origo* носились в воздухе. Устное предание записывалось и Кассиодором, и Аблабием, но сведения последнего имеют большую историческую ценность, что связано с особенностями личности Аблабия. Гот Аблабий, хорошо владевший готским языком и латынью, писал в Галлии по поручению короля везеготов Евриха. Но его труд оставался неизвестным до начала деятельности Кассиодора в Равенне. По мнению Р. Хахмана, сообщение о переправе готов через море, их переселение в Ойум, упоминание о жизни готов в Скифии, относится к преданию, сохранившемуся среди везеготов, а не остроготов, и записаны Аблабием, а не Кассиодором². Это гиперважное положение относится к разряду конфликтующих версий и требует либо признать, что факты и события III–IV вв., которые традиционная схема относилась к остроготам, не имеют к ним никакого отношения, либо пересмотреть проблему разделения готов. При этом меняется представление об участии остроготов в движении на юг, в их расселении в Северном

¹ *Hachmann R.* Op. cit. S. 10–13, 211, 472–474.

² *Ibid.* S. 19–23, 33, 59, 76–80.

Причерноморье, в морских и сухопутных походах, их отношении к т. н. «государству Эрманариха».

Р. Хахман формулирует вопрос: на основании чего историки, филологи и археологи решили, что Скандинавия — это родина готов? Глубоко анализируя историю изучения этой проблемы за последние 150 лет, он приходит к выводу, что виновником и создателем этой *Sündenfall* (греховной ловушки) является Г. Косина, который сформулировал идею отождествления археологической культуры с этносом. С легкой руки Г. Косины идея археологической культуры с четко очерченными границами одного этноса получила широкое распространение. Ее опасность в том, что, примкнув к ней, можно стать заложником скрытых манипуляций, погружения в идеологические и иные предпочтения, обретения возможности уклоняться от ответа на сложные вопросы готской проблематики. Однако в каждой конкретной археологической культуре эпохи Великих миграций может скрываться несколько автономно существовавших этнических общностей, не идентифицировавших себя с другими. По мнению Р. Хахмана, начальное местопребывание готов — польские земли, где-то в районе западной Мазовии, где состоялся процесс их этногенеза. Археологически готам соответствует мазовская группа пшеворской культуры, которую немецкие археологи рассматривали как германскую и славянскую, а польские исследователи относили к славянской. Отрефлексировав многослойность «Гетики», наличие в ней штампов, противоречий и несостыковок, предвзятости и тенденциозности Иордана, Р. Хахман еще раз напомнил, что при изучении истории готов проблемой становятся не только свидетельства письменных источников, но и сами эти источники как отражение системы политических, этнических и географических взглядов их создателей¹. Без эмоциональной чувствительности и аффективной напряженности скрупулезная профессиональная археологическая рефлексия Р. Хахмана оказалась в состоянии разоблачить прежние представления о происхождении готов из Скандинавии, которые оказались далеко не безошибочными.

¹ Подробнее об этом см.: Буданова В.П. О трансформации «готицизма». С. 24–25.

После выхода монографии Р. Хахмана интенсивность переосмысления многих мнений и концепций, до сих пор казавшихся незыблемыми, значительно ускорилась. Среди них много вопросов о хронологии отдельных событий готской истории доримского периода, этническом составе т. н. «государства Эрманариха», местонахождении крымских и «малых» готов, контактах готов с другими племенами, с Византийской империей, обращении готских племен в арианство, исторической миссии готских предводителей и вождей. Австрийский медиевист Х. Вольфрам впервые после Л. Шмидта достаточно критически оценил состояние исследований в готоведении и при написании «Истории готов»¹ предпочел оставить лакуны там, где отсутствует бесспорный материал, либо заполнил их существующими в историографии предположениями и гипотезами, при этом непременно оговаривая их гипотетичность. Простая разгадка деликатного творческого обаяния венского медиевиста состояла в том, что, создавая свой фундаментальный труд, он сознавал то, что не осознали другие — собрать и сконцентрировать исследовательское внимание на всех деталях противоречивого и парадоксального этногенеза готов. Работы Х. Вольфрама отличает тонкий методологический подход. Он анализирует историю готов в ракурсе этнической истории². Если Л. Шмидт и его последователи занимались реконструкцией политической истории готов, то Х. Вольфрам анализирует смену этапов этногенеза. При этом он признает ограниченные возможности показа непрерывности этого процесса из-за размытости, нечеткости и даже аморфности представлений о готах в имеющихся в распоряжении историков текстовых свидетельствах. Особое значение придается преемственности образований и распадов готских племенных групп. Так, например, он указывает, что у тервингов консолидация, длившаяся почти столетие, сменилась в 70-е годы IV в. разделением их на мелкие племенные образования. И другой пример, разнообразные племенные группы, последовавшие за Аларихом в Италию, как их

¹ Wolfram H. Geschichte der Goten. München, 1980. Рус. пер.: Вольфрам Х. Ук. соч; см. также: Буданова В.П. О трансформации «готицизма». С. 32. Сн. 64.

² Wolfram H. Die Goten als Gegenstand einer historischen Ethnographie // Traditionen als historische Kraft. В., N.Y., 1982.

называет Х. Вольфрам “*werdende Westgoten*”, консолидировались, и этот процесс завершился при преемниках Алариха¹. Однако, следуя Р. Венскусу², Х. Вольфрам утверждает, что при всех объединениях и разделениях непрерывность этногенеза сохранялась и поддерживалась благодаря *Traditionskern* (ядро традиции). Идея «ядра традиции», понимаемая как сохраненные у готов представления об общности происхождения, которую они сохранили и пронесли в преданиях и песнях через шесть столетий, по мнению Х. Вольфрама, должна учитываться при анализе готской истории. Сам исследователь постоянно обращается к авторитету готских преданий. И эта позиция объясняет его отношение к «Гетике» Иордана, которую он ставит на особое место в сравнении с другими античными и раннесредневековыми источниками. По его мнению, «Гетика» более достоверно отражает историю готов, так как она сохранила автохтонную традицию, как стержень внутриплеменных связей готов. Х. Вольфрам полагает, что род Амалов даже в VI в. Италии сохранял память о своем прошлом, в том числе о скандинавском происхождении. Он считает, что именно Кассиодору принадлежит наиболее точная и полная запись устных готских преданий и что «Гетика» верно отражает содержание своего первоисточника — Кассиодора. Традиции и преданию Х. Вольфрам отдает предпочтение, ставя их выше свидетельств современников событий. Так, версию о смерти Эрманариха, передаваемую Иорданом, он рассматривает как более правдивую и точную, нежели изложенную современником этого события Аммианом Марцеллином³. Исследуя этногенез готов, Х. Вольфрам отказывается компенсировать пробелы текстовых источников данными археологии и лингвистики, при этом оперируя обширными сведениями о результатах новейших разработок в смежных науках. Они сопровождают, не нарушая, его построения и выводы, отнюдь не выступая в качестве их подтверждения. В дискуссионном вопросе прародины готов Х. Вольфрам

¹ Wolfram H. Geschichte der Goten. S. 13–206.

² Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung: Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. Köln; Graz, 1961.

³ Wolfram H. Theogonie, Ethnogenese und ein kompromittierter Grossvater im Stammbaum Theoderichs des Grossen // Festschrift für Helmut Beumann, 1977. S. 80–97.

придерживался традиционного мнения, считая, что готы пришли из Скандинавии. Однако он занимал более осторожную позицию, предполагая, что из Скандинавии вышел не весь народ, но лишь носители племенной традиции, например, люди Берига, которые и приняли участие в этногенезе гутонов¹.

Особый интерес Х. Вольфрама (и это ярко выражено как в его монографии, так и в статьях) проявляет к теме готов, размещавшихся до 376 г. севернее Дуная. Он прилагает значительные усилия, чтобы разработать этот сложный и важный в «готицизме» вопрос, связанный, в частности, с более полной характеристикой Готии. Согласно Х. Вольфраму «Готия» греко-латинских источников, тождественна готской «Гуттиуде» и локализуется в районе между Днестром и Олтом. По его утверждению, она была заселена тервингами, тайфалами, сарматами, римскими провинциалами и более или менее романизированной дако-карпийской группой племен. «Готия» представляла собой одновременно политическое подразделение и общность, связанную единым происхождением. Не ушел исследователь и от спорных вопросов о т. н. «государстве Эрманариха». Он полагал, что на процессе этногенеза «остроготов-«грейтунгов» Эрманариха значительно сказался образ жизни ирано-тюркских кочевых племен и что у этих готов «аккультурация проходила по восточным обычаям»².

Важное достоинство работ Х. Вольфрама состоит в том, что он впервые привлек внимание к проблемам внутреннего устройства готских племен, поставил вопрос о необходимости изучать историю готов как этническую. Однако (как это не парадоксально) именно эти достоинства и обусловили ограниченность концепции Х. Вольфрама, ее своеобразный готцентризм, который выражался в сознательном или неосознанном преуменьшении зависимости этносоциогенеза готов как от Византийской империи, так и от некоторых германских и негерманских племен. Фундаментальные исследования Х. Вольфрама отразили особую историческую ситуацию — ситуацию прощания с парадигмой

¹ *Wolfram H. Geschichte der Goten. S. 37.*

² *Ibid. S. 98–102; Idem. Die Goten als Gegenstand einer historischen Ethnographie. S. 61–62.*

созданной Л. Шмидтом. Основные идеи концепции готской истории Х. Вольфрама настраивают на достаточно трудоемкую реинтерпретацию «готицизма». Через реинтерпретацию творческая рефлексия исследователя движется в направлении научной истины. В нашей ситуации она обращена к сложному историческому материалу, к реальности, опосредованной текстами, данными археологии и лингвистики. Важно иметь в виду, что реинтерпретация — это всего лишь один из методов гуманитарного знания, и что на появление новых смыслов и оценок влияние оказывает изменчиво-подвижный социально-идеологический и ценностный контекст той исторической реальности, в которой живет исследователь. Первое, что в «готицизме» бросается в глаза после изучения творческой рефлексии Х. Вольфрама, — это пограничность между реальностью истории готов и образом этой истории. Стало очевидно, что вслед за Х. Вольфрамом историю готов предстоит изучать рассредоточено, и что предстоит пройти долгий путь, прежде чем подойти к синтезу исторического знания о готах. К сожалению, после объявления археологами времени «Ч» историки поторопились откликнуться на «вызов времени», заполнив библиотеки потоками диссертаций и публикаций о готах. Можно встретить довольно увлекательные описания Готланда Эрманариха, с *отсутствующим присутствием* готов там, где их нет. Как не вспомнить о ностальгической приверженности поверженным иллюзиям вместе с желанием утвердить истину-алетейу.

Итак, пройдя кризисы и потрясения, «готицизм» пережил сложную историческую эволюцию. В рамках концепции Л. Шмидта был обозначен основной круг письменных свидетельств о готах, разработаны базовые принципы их изучения, выделены наиболее дискуссионные вопросы, было определено (пусть тенденциозно) место готов во всемирной истории. Основная исследовательская работа сводилась к скрупулезному поиску и описанию событий с участием готов, к безудержной эмпирической их детализации. Историки довольно быстро осознали, что вряд ли в ближайшее время стоит надеяться на поступление новых письменных источников. Творческая рефлексия сосредоточилась на реинтерпретации «готицизма», на поиске новых

методов и подходов в переосмыслении имеющихся свидетельств о готской истории, на пристальном изучении готоцентристского исторического мифа. Движение исторического мифа в готской проблематике становится самостоятельным объектом исследования равнозначным письменной традиции, данным археологии, а также исторической лингвистики. На всех этапах историописания «готицизм» обозначил себя как хрупкосложнопонимаемое явление. На рефлексию его исследования давила не только историографическая традиция, но и противостояние готофилии славянофилии. Готская проблема — проблема социально-идеологическая. Заканчивался один исторический цикл, начинался другой, ценностное содержание и вид идеологии менялись, но из контекста исторических исследований «готицизм» не уходил.

Что же в истории готов есть такого, что она по меткому определению Х. Вольфрама продолжает оставаться «дискуссией без конца»? Возможно, племена готов превратились в некий собирательный мифологизированный образ сакральной общеевропейской древности, который своим присутствием и участием в важнейших исторических событиях объединяет историю Европы? В «готицизме» дает о себе знать стихийный опыт, принадлежащий всей европейской истории и ее исторической мысли. История готов выстрадана античным опытом, который зачастую принимался поверхностно, механистически. Но сегодня, к сожалению, вместо движения к системному подходу продолжается состязание интерпретаций исторических реалий. Как ни вспомнить Иордана, предостерегавшего от ловушки «ловить мелкую рыбешку в стоячих водах предков»¹, или Аммиана Марцеллина, предупреждавшего, что «некоторые боятся науки, как яда»². В изучении «готицизма» вряд ли стоит уповать на торжество «принципа Планка», согласно которому новая научная истина побеждает потому, что ее оппоненты рано или поздно умирают. Предстоит многотрудная, но обнадеживающая реинтерпретация письменных источников, ибо только древние авторы могут нам все сказать, даже когда молчат.

¹ Iord. Get. 1.

² Amm. Marcell. XXVII, 4, 14.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ammianus Marcellinus*. Römische Geschichte / Versehen von W. Seyfarth. Berlin, 1968–1971. Bd. I–IV; рус. пер. Аммиан Марцеллин. Римская история / пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. СПб., 1996.
- Баран В.Д., Гороховский Е.Л., Магомедов Б.В. Черняховская культура и готская проблема // Славяне и Русь (в зарубежной историографии) / отв. ред. П.П. Толочко. Киев: Нукова думка, 1990. С. 30–78.
- Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1899.
- Буданова В.П. О трансформации «готицизма» // Славяне и их соседи. Средние века — раннее новое время. Вып. 9. Славяне и немцы. 1000-летнее соседство: мирные связи и конфликты. М.: Наука, 1999. С. 13–33.
- Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб.: Алетейя, 1999.
- Буданова В.П. Варвары и варварство в антропологии цивилизаций // Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (ред.). М.: ИВИ РАН, 2012. С. 10–46.
- Буданова В.П. Парадоксы варварства в историческом контексте // Цивилизация и варварство: парадоксы победы цивилизации над варварством / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (ред.). М.: ИВИ РАН, 2013. Вып. 2. С. 12–41.
- Вольфрам Х. Готы / пер. с нем. Б.П. Миловидов, М.Ю. Некрасов; ред. М.Б. Щукин, Н.А. Бондарко и П.В. Шувалов. СПб.: Ювента, 2003.
- Гиббон Э. История упадка и крушения Римской империи / пер. с англ. В.Н. Неведомского; сост. Б.С. Попов, В.И. Уколова. М.: Издательская группа «Прогресс». «Культура», 1994.
- Гречко П.К. Онтотологический дискурс современности: Историческая продвинутость и ее вызовы. М.: ЛЕНАНД, 2015.
- Зиньковская И.В. Готланд Эрманариха: остроготы в Восточной Европе на рубеже Древности и Средневековья. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.
- Ильин В.В. Философия и история науки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005.
- Иордан. О происхождении и деяниях готов (Getica) / вступ. ст., пер. и комм. Е.Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 1997.
- Леус П.М. Археология Третьего рейха на оккупированных восточных территориях // Germania-Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Калининград, 2008. С. 220–231.
- Мансуэлли Г. Цивилизации древней Европы / Гвидо Мансуэлли в соавторстве с Раймоном Блоком; пер. с фр. Е. Абрамовой. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
- Проблемы изучения черняховской культуры // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 121. М.: Наука, 1970.

- Скардили П. Язык и культура / пер. с нем. А.Д. Сыщикова; науч. ред. Г.А. Боева, П.В. Шувалов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2012.
- Топоров В.Н. Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы // Балто-славянские исследования. М.: Наука, 1983.
- Хвойка В.В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в до-исторические времена. Киев, 1913.
- Чернявская В.Е., Молодыхенко Е.Н. История в дискурсе политики: лингвистический образ «своих» и «чужих». М.: ЛЕНАНД, 2014.
- Шкаренков П.П. «Римский миф» на рубеже эпох: историческая память и исторический нарратив // Новый исторический вестник. М., 2008. № 1. С. 20–30.
- Шкаренков П.П. Падение Римской империи: стереотипы историографии и новое прочтение источников // Новый исторический вестник. М., 2008. № 1. С. 233–239.
- Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. В.П. Большакова. М.: Академический проект-Парадигма. 2005.
- Das Reich und die Barbaren. Das Reich und die Barbaren / E. Chrysos, A. Schwarcz (eds.). Vienne, 1989.
- Goffart W. Rome's Final Conquest: The Barbarians // History Compass. 2008. No. 6/3. P. 855–883.
- Hachmann R. Die Goten und Skandinavien. Berlin, 1970.
- Heather P. Goths and Romans. Oxford, 1991.
- Kulikowski M. Rome et les Goths. III-V siècle, invasions et intégration. Paris, 2009.
- Reinecke P. Aus der russischen archäologischen Litteratur: Graberfelder von Ende der La Tene Zeit und aus der jungeren römischen Kaiserzeit im Gouv. Kiev // Mainzer Zeitschrift. 1906. No. 1. S. 43–49.
- Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. Die Ostgermanen. München, 1934.
- Svennung J. Zur Geschichte des Goticismus. Stockholm, 1967.
- Svennung J. Zu Cassiodor und Jordanes // Eranos. 1969. Vol. 67. S. 71–80.
- Svennung J. Jordanes und die gotische Stammsage // Studia Gotica. Stockholm, 1972. S. 20–56.
- Wagner N. Getica: Untersuchungen zum Leben des Jordanes und zur frühen Geschichte der Goten. Berlin, 1967.
- Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung: Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. Köln; Graz, 1961.
- Wolfram H. Die Goten als Gegenstand einer historischen Ethnographie // Traditions als historische Kraft. B., N.Y., 1982.
- Wolfram H. Geschichte der Goten. München, 1980.
- Wolfram H. Das Reich und die Germanen: Zwischen Antike und Mittelalter. Berlin, 1990.

Г.Г. Пиков

ИЗ ИСТОРИИ ПОЯВЛЕНИЯ В РОССИИ НОВОГО ТИПА ИССЛЕДОВАТЕЛЯ-КОЧЕВНИКОВЕДА (Н.Я. БИЧУРИН, В.П. ВАСИЛЬЕВ И М.Н. СУРОВЦОВ)

На рубеже тысячелетий всеми исследователями и общественными деятелями в нашей стране и за рубежом констатировался явный идеологический и методологический кризис, который переживают как традиционные религии и идеологии (христианство, марксизм), так и сложившиеся сравнительно недавно (либерализм). Было очевидно, что «вывихнутый век» попытался найти выход из него, формируя новую конфигурацию наук (этнология, политология, культурология), с новыми задачами и методиками. Встала задача вырабатывать новую научную парадигму и в гуманитарных науках.

В нашей стране конкретно в последние десятилетия как следствие этого развивалась очередная вестернизация в этой сфере, т. е. заимствование западных методологий и технологий исследования. Это принесло некоторые успехи, но в условиях существующей методологической пестроты и в самой Европе всех проблем не решало. Поэтому не удивительно, что в нашей стране наблюдается одновременное усиление интереса к истории отечественной науки, глубокое сканирование ее опыта с целью эффективного его использования в новых условиях.

Российское востоковедение имеет очень длительную и богатую историю. Это нашло воплощение во множестве исследований, значение которых широко признано в мире, и в богатстве идей и рецептов осмысления восточной истории. Собственно научное востоковедение в России переживает период становления на протяжении XIX века. Этот процесс не просто совпадает со временем становления науки в целом, но и в значительной степени обусловлен развитием науки как таковой. История как наука формируется медленно, на протяжении ряда столетий (XV–XIX), поскольку в ее складывании играют важную роль самые разные факторы.

Применительно к истории востоковедения в целом и кочевниковедения в частности есть смысл отметить некоторые из них.

Складывание посттрадиционного общества, где большая часть явлений и процессов нова и непредсказуема, требовало выработки новых механизмов и форм принятия решений. «Опыт» традиции или Текста (Библии) не мог дать необходимой подсказки. На помощь особенно там, где надо срочно решать, приходит практическая «наука» (science как исследование, Studies).

Особое значение, соответственно, имеет и становление научного мышления, что само по себе способствовало еще большему отрыву от религии и традиции. Формирующийся проблемный подход нашел яркое и эффективное отражение в диспутах и сочинениях Возрождения и Реформации в Европе, в деятельности Леонардо да Винчи, М. Лютера, Н. Макиавелли, Ж. Бодена и др. Теперь уже в основе «опыта» лежит идея эксперимента, исследования, а не получения готового ответа из традиции или «античных» сочинений.

Все отмеченное применялось по отношению не только к физическому миру, но и обществу. Если свое собственное общество европейцы изучали на основе европоцентризма как синтетического комплекса опыта, этики, парадигмальных идей, то другие общества этому инструменту не поддавались. Это либо приводило к тому, что использовались показавшие свою эффективность средневековые нормы и стереотипы («индейцы», «Катай»), либо создавались какие-то терминологические формулы, указывающие на аномальность, т. е. непохожесть на Европу того или иного процесса или явления. Иллюстрацией последнего можно назвать, например, концепцию «азиатского способа производства», отражающую непонимание цивилизационной специфики Востока. Здесь также заметен и средневековый подход, который, хотя и признает азиатов за людей, но считает их все же «иными», т. е. аномальными.

Маркировать и определять восточные реалии и феномены необходимо было срочно, ибо к началу XIX в. Европа вновь приходит на Восток, пытаясь подчинить его уже не только экономически, но и политически, на что новый мир отвечает достаточно жестко, вплоть до восстаний и «революций». Это приводит к тому, что Европа начинает стремительно менять средневековый метод «знакомства» как описания на изучение, т. е. исследование. Это уже не «фотографирование», а «рентген».

Одним из немедленных результатов подобного изучения становится появление нового типа исследователя. Исследование других земель всегда осуществляли эрудированные и образованные люди, как правило, «феодалы», «монахи», «купцы», например, Г. Рубрук, М. Поло, П. Карпини и др. Они получали средневековое «образование», где «знание» было опытом традиции и текстов. Историю и культуру, прошлое и настоящее других стран и материков воспринимали, естественно, сквозь призму «европоцентризма». Теперь же исследователями становятся представители преимущественно новых социальных слоев, связанных с формированием буржуазии, хотя остаются и выдающиеся исследователи, связанные с церковью (М. Риччи, Ф. Ксавье).

Еще спровоцированное монголами переформатирование Азии и выход на первый план кочевников как людей, не вооруженных «словом», «бескультурных» и действующих лишь «силой», побудило европейцев осмысливать феномен стремительно меняющегося и непредсказуемого Востока. На это самым естественным образом повлияло новое «великое переселение» восточных кочевников, в очередной раз поставивших Запад, как он считал, на грань существования. В период Возрождения-Просвещения кочевниками интересовались почти исключительно философы. Оценки были достаточно тенденциозны, что видно, например, из высказываний Ж. Бодена, считавшего, что природа наградила кочевников храбростью, но не дала мудрости, поэтому они не смогли создать обширные и крепкие империи. Под влиянием климата у них формируются такие черты характера, как любовь к сборищам, пьянство, расточительство, жестокость, страсть к грабегам. Благодаря Великим географическим открытиям увеличиваются связи с Востоком, множество европейцев оказываются в Азии. Начинают появляться первые сводки информации, но только по крупным государствам. Кочевники рассматриваются в основном в связи с историей именно этих стран. Как отмечал Л.Н. Гумилев, кочевники были для европейцев в то время экзотикой, и ученые не могли подняться над источниками. Соответственно, суть событий не понималась или они интерпретировались с китайской точки зрения.

По мере все большего и лучшего знакомства с отдельными представителями кочевников и целыми народами и развития идеи

равноправия граждан и народов делаются попытки определить реальное место этих народов в истории человечества, доходящие порой до идеализации кочевников и появлению образу «благородного дикаря». Они — могучие, непрехотливые, не устающие. Появляется и другая крайность — противопоставлять кочевников оседлым народам.

По мнению А. Тюрго, есть три ступени развития общества — охотники и собиратели, пастушеские народы, земледельцы. Кочевники оседают на землю тогда, когда у них появляются излишки продуктов. Ж. Кондорсе в «Эскизе исторической картины прогресса человеческого разума» писал, что прогресс шел от охоты и рыболовства через скотоводство к земледелию. Именно у пастушеских народов появились ремесла, обмен, имущественное расслоение, собственность, законы, знатные семьи, пленные становились рабами.

На основе философских построений А. Фергюссон создал схему «трех стадий»: дикость, варварство и цивилизация. Ее заимствует Г. Морган, по мнению которого варвар уже обладает собственностью, тем и отличается от своего предшественника.

И все же именно со времен И. Канта и Ф. Гегеля в европейской культуре утвердилось представление о том, что кочевники не дозрели до государства, и у них просто-напросто нет истории. По Г.В. Гегелю («Философия истории»), кочевники относятся ко второй доисторической ступени развития (нет права, есть крайности в виде гостеприимства и разбоя, опустошают оседлые страны). А. Смит в XIX в. своеобразно модернизировал теорию «трех стадий»: дикость (охота), пастушество, земледелие. Скот перешел в частную собственность рано именно у кочевников, поэтому ускоряется имущественное и социальное расслоение, создаются предпосылки для образования политических институтов.

В XVIII в. появляется и профессиональный интерес к истории кочевников, начинает складываться группа профессиональных исследователей-кочевниковедов.

Этот интерес ко всей истории кочевых племен Центральной Азии стимулировался общим расширением международных отношений, началом новой европейской экспансии в страны Востока. На работах первых авторов, предпринявших попытки обобщения китайских и мусульманских источников, лежит печать филоориентализма, стремившегося обнаружить во вновь открываемых куль-

турных ценностях восточного мира идейную опору в борьбе со старым обществом. Вводя в научный оборот известия восточных авторов, европейские исследователи на первых порах заимствовали их из книг средневековых путешественников (М. Поло, П. Карпини, Г. Рубрука) и исторических сборников антологического характера, созданных китайскими и мусульманскими историками.

Профессор Сорбонны и хранитель древностей в Лувре Ж. Дегинь (1721–1800) написал, по сути, первое специальное сочинение по истории кочевников. Начинается история кочевниковедения. Трудам того времени свойственна описательность, комплексность, не перевод, а пересказ источников. Представители этой группы, не обладавшие еще навыками строгого научного анализа фактического материала, стремились примирить разнородные источники, путались в именах, династиях.

Все это проявлялось в той или иной мере и в истории России, понимается, со своей спецификой.

1. Непосредственное общение с представителями Востока, часто непосредственно на территории самого Востока и, соответственно, в обыденной и практической жизни. Россияне разными путями и по разным причинам в большом количестве оказываются в восточных землях.

2. «Метастазы» Востока сформировались и в самой России — территории обитания татар, башкир и др.

3. Знание языков формировалось за счет непосредственного общения с азиатами, а не изучалось с помощью выходцев с Востока.

4. Опыт общения россиян с азиатами накапливался за счет «дружбы», т. е. максимально равноправных отношений. Азиатов не воспринимали как «варваров», а их земли не считались колониями.

5. Максимально учитывался европейский опыт и та информация, которую европейцы накопили в целом за несколько тысячелетий общения с азиатами (античные и средневековые тексты). Сказывалось и знакомство с западной историографией и различными теориями.

6. Хотя и медленнее, чем в Европе, но и здесь формировался и применялся научный подход.

7. Системообразующим был проблемный подход.

У России было особое положение. У нее существовали непосредственные границы с мусульманским Востоком и Китаем. Если

в европейских отношениях с Китаем был конфликт из-за колониальной политики, то в российско-китайских отношениях большое значение имели приграничные проблемы, конфликты интересов в таких зонах взаимовлияния, как Дальний Восток и Южная Сибирь. В результате, если в Европе работал образ отсталого государства, то в России уже в XVIII — первой половине XIX в. Китай воспринимался как особый мир. Европейцы все еще во многом находились под влиянием тех имиджей Китая, которые вели свое происхождение от «Книги» Марко Поло и китайских династийных историй, которые в отрывках начал читать Запад. Эти имиджи четко прослеживаются в работах европейских востоковедов того периода.

По сравнению с европейскими источниками информации о Китае, русские данные были более обильными. Посольства в Китай, Российская духовная миссия и отдельные путешественники создали достаточно солидную базу данных из разнообразных китайских и маньчжурских сочинений. В результате русские раньше европейцев начали всестороннее изучение Китая, причем самых различных аспектов не только современного им Китая, но и его истории. Анализировались источники как на китайском, так и на маньчжурском языках.

Отталкиваясь от этого, российские востоковеды XIX в. смогли приступить к более глубокому изучению Восточной Азии. При этом еще раз стоит подчеркнуть, что опирались они на иную методологию. В это время, как уже было сказано, происходит знаменательный переход, когда вместо миссионеров, дипломатов и купцов за изучение Востока принялись профессиональные историки и лингвисты. Они стали обращаться не только к официальным текстам (династийные истории), а ко всей массе исторического материала, в том числе религиозным, географическим, историческим текстам. Использовались не только современные тексты, но и средневековые и древние. Одним из первых исследователей нового типа в России и может быть назван о. Иакинф (1777–1853).

Вообще русская школа занимает особое место в изучении истории кочевников. По словам Л.Н. Гумилева, русские ученые буквально сроднились с Центральной Азией и стали смотреть на ее историю «раскосыми и жадными» глазами кочевников.

Ко второй половине XVIII в. трудами первых русских путешественников и дипломатов в Китае был заложен фундамент отечест-

венной синологии. Развитие отношений с Китаем, формирование различных участков русско-китайской границы, ведение торговых дел требовали специальных знаний и компетентных людей.

Здесь любопытны еще два момента. Во-первых, как и на Западе, в России в это время уже прекрасно понимали необходимость изучения не только китайских или мусульманских источников в отдельности, но обязательность комплексного и сравнительного их исследования. Поэтому переводятся сочинения западных историков, но одновременно появляются и свои собственные «Истории», в которых делаются попытки нарисовать общую картину жизни Востока от Передней Азии до Китая. Как Клод Видлу в свое время поместил свои записи в качестве приложения к большой энциклопедии д'Эрбло, посвященной мусульманскому миру, так и труд Г. Сенковского, вышедший в 1824 г., был назван дополнением к большому труду Ж. Дегиня, составленному главным образом по китайским источникам. Во-вторых, российские ученые сразу же заметили неточности в западных исследованиях.

Именно в эпоху Просвещения окончательно утвердилось представление о линейном прогрессе всего человечества, о том, что будущее за городскими обществами, приходящими на смену кочевому быту¹. В это же время утверждается концепт «Восток», означавший не только инаковость этих цивилизаций, но и их отсталость по сравнению с Европой. В европейской историографии общим местом становится положение о том, что европейцы приносят этим «варварским» (“barbaric”) или «диким» (“savage”) народам умиротворение и политический «порядок»². Под влиянием стадийных представлений утверждается негативное понимание понятия «первобытный», становящегося синонимом слов «дикарь» и «варвар»³.

¹ Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. 1. СПб., 1770. С. II.

² Adas M. Contested Hegemony: The Great War and the Afro-Asian Assault, on the Civilizing Mission Ideology // Journal of World History 2004. Vol. 15. No. 1. March. P. 31.

³ Маловичко С.И. Историография как «участок памяти» (lieux de memoire): евроцентристские конструкты и следы социальной памяти в исторических нарративах // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 5. Ставрополь, 2004. С. 28.

На протяжении XIX в. о Китае и сопредельных территориях писали: В.Г. Белинский, Н.Я. Бичурин, Т.Н. Грановский. Китайская тема находит отражение в трудах В.Ф. Одоевского, А.С. Хомякова, П.Я. Чаадаева, позже — Н.А. Бердяева, Н.Я. Данилевского, А.А. Козлова, В.С. Соловьева, и др. В России начинают активно изучать восточные народы, стремясь понять прежде всего соотношение русской культуры с ними. По мере продвижения России на Кавказ и в Среднюю Азию все чаще стала подчеркиваться «цивилизаторская миссия» России по отношению к восточным народам.

В первые десятилетия XIX в. закладываются научные основы мировой ориенталистики. По истории Китая в нашей стране и за рубежом был накоплен столь значительный материал, что достаточно прочно укоренилось мнение, четко сформулированное в свое время известным мореплавателем И.Ф. Крузенштерном: «О Китае написано столь много, что весьма трудно уже сказать о нем что-либо новое».

Тем значительнее выглядит фигура великого русского китаеведа Н.Я. Бичурина, отца Иакинфа (1777–1853). Когда в 1828 г. малоизвестный тогда монах о. Иакинф опубликовал свои первые работы «Описание Тибета» и «Записки о Монголии», они в буквальном смысле слова заполнили многие белые пятна в отечественном китаеведении науке, перед изумленными современниками предстал Восток во всей своей загадочности и неповторимости.

Н.Я. Бичурин не только переводил китайские источники, но и на их основе написал несколько оригинальных трудов по истории Китая, Монголии и Тибета. Именно Н.Я. Бичурин первым перевел стихийный интерес к Китаю и его истории на рельсы строгой научной дисциплины. Как и всех авторов того времени, его интересовала, прежде всего, история самого Китая, однако, еще в начале своей научной деятельности, он решил сосредоточить свое внимание сначала на истории его соседей¹. По его собственным словам, «порядок требовал прежде осмотреть Тибет, Туркистан и Монголию, т. е. те страны, которые

¹ Мясников В.С. Творческое наследие Н.Я. Бичурина и современность // Проблемы Дальнего Востока. 1977. № 3. С. 175.

издавна находятся в тесных связях с Индией, Среднею Азией и Россией»¹.

Несмотря на известную идеализацию Китая, он сумел все же правильно оценить роль государств, созданных кочевниками, в истории Центральной Азии, подчеркнуть, что созданная, например, киданями империя Ляо (907–1125), хотя и находившаяся под воздействием китайской цивилизации, осталась до конца самобытным и независимым от Китая государством, а киданьская культура, хотя и находилась под влиянием китайской, сохранила свое своеобразие².

Довольно много материала о кочевниках, касающегося в большей степени их политической истории, содержится в известном китайском сочинении «Цзы чжи тун цзянь ган му» («Зерцало всеобщее, управлению помогающее»), переведенном Н.Я. Бичуриным еще в Китае, когда он возглавлял Девятую Российскую духовную миссию в Пекине³. Обширными сведениями из этого перевода Бичурин дополнил свой полный перевод раздела «бэньцзи» из «Юань ши» и в результате написал свой знаменитый труд «История первых четырех ханов из дома Чингисова». Материал, введенный Н.Я. Бичуриным впервые в научный оборот, был столь нов, что известный монголовед К. Д'Оссон вынужден был вскоре переработать свою «Историю монголов», изданную в 1824 году.

Официальная история была взята Иакинфом не случайно — именно в ней формируется представление об истории как таковой, и она сама понимается как свидетельство действительности основных религиозно-политических концепций и моральных императивов.

¹ Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи (в двух частях). М.: Восточный Дом, 2002. С. 3.

² Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трех частях, с картою на трех больших листах. Сочинение монаха Иакинфа, удостоенное Императорской Академией наук Демидовской премии. Ч. I–III. СПб., 1851. Этот труд был переиздан: Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / ред. текста, вступит. статья, коммент. А.Н. Бернштама и Н.В. Кюнера. Т. I–III. М.; Л., 1950–1953. Есть и современные издания.

³ Летопись Китайской империи, называемая Юй-пъхи цзы-чжи тун-цзянь ган-му, разделенная на три части — летопись Древнюю, Среднюю и Новейшую / пер. с китайского Н. Бичурина. Т. I–XV // Архив Востоковедов Ленинградского отделения Института Востоковедения АН СССР. Ф. 7. Оп. I. Ед. хр. № 1–15.

Сами исторические события подбираются искусственно, описываются с помощью определенной терминологии, связанной с конфуцианством¹.

Таким образом, значение исследовательской деятельности Н.Я. Бичурина переоценить невозможно. Н.Я. Бичурин одним из первых в отечественной науке привлек внимание исследователей к истории кочевых государств Центральной и Восточной Азии.

В российском обществе сложился стойкий интерес к истории восточных стран. Именно рассуждения о России, ее истории и культуре неизменно выводили ученых и писателей на судьбы номадов. Об этом спорили внутри России, пищу для этих споров давали и поездки на Восток, в том числе и в Восточную Азию. Позднее добавится феномен Кавказа и Средней Азии. Новое прочтение восточной истории рождалось в контактах с обоими Востоками — Ближним, мусульманским, и Дальним, китайским. Политику уже не устраивали образы «Великого хана», «злого татарина», «невежественных кочевников», ей нужно было реальное знание. Сказывалось и активное употребление европейскими политическими и культурными деятелями концепта «народ», романтизация «народного духа». В России это можно увидеть в сочинениях Н.В. Гоголя и А.С. Пушкина.

Многие идеи в кочевниковедение пришли из общественной мысли, где складывается и формируется парадигмальное знание страны и цивилизации. Это было именно то, чего не хватало для становящегося отечественного востоковедения. Любопытно, что здесь под Азией в большей степени понимаются малые народы, а не Китай или даже исламские территории.

История кочевых народов, окружавших Россию, всегда интересовала русских, пытавшихся понять причины оппозиции с половцами, печенегами, хазарами. В позапрошлом веке Россия пытается в очередной раз понять свое истинное место между Европой и Азией, что было совершенно невозможно сделать без учета особой роли кочевников в русской истории и в Азии в целом. Европейцы этот фактор недооценивали, и в их востоковедении все еще действовал приговор в отношении номадов XIII века.

¹ Заметка Н.Я. Бичурина о характере китайских источников // Н.Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение (К 200-летию со дня рождения). Материалы конференции. Ч. II. М.: Наука, 1977. С. 131.

Фактически в России того времени закладывались основы того представления, которое более или менее отчетливо и аргументированно можно сформулировать лишь сейчас: именно ментальность кочевых народов лежит в основе многих культур Востока. Такое увлечение культурой традиционных народов не удивительно в условиях, когда еще только начиналась, в том числе благодаря трудам Н.Я. Бичурина, революция в отношении к «сонному» Китаю. В этом плане можно увидеть в деятельности востоковедов того времени важную причину зарождения не только (а в чем-то и не столько) востоковедения и китаеведения в целом, сколько именно кочевниковедения. Большое значение имели также деятельность государства и церкви, дипломатов и купцов.

В итоге к середине XIX в., во-первых, были заложены основы более тщательного изучения отдельных проблем и, во-вторых, благодаря усилившимся политическим и экономическим контактам Цинской империи с европейской цивилизацией, появились более широкие возможности знакомства европейцев с китайскими источниками и литературой. Неудивительно, что в это время появляется целый ряд исследований, знаменовавших начало углубленного изучения истории национальных государственных образований на севере Китая (в России — В.П. Васильев, М.Н. Суворцов и др.). Если первая половина XIX в. может быть обозначена как своего рода переходный период («зарождение») к научному кочевниковедению, то его «становление», безусловно, приходится на третью четверть этого века и может быть проиллюстрировано именно школой В.П. Васильева, которая к тому же еще ярче свидетельствует о появлении нового типа востоковеда.

Системообразующим фактором в данном случае видится, прежде всего, университетская система образования, стремительно складывающаяся в стране. Именно она существенно повлияла на формирование фундаментальных востоковедных центров как банков информации о Востоке в Санкт-Петербурге, Казани, Москве, Иркутске.

Переплетение науки и преподавания в деятельности одного человека — своеобразная черта того времени. Учебные заведения являлись фактически в одно и то же время не только педагогическими центрами, но и научными. Сочетание часто в лице одного и того

же человека преподавателя и ученого стимулировало формирование концептуального мышления, оригинальности и масштабности методологических и теоретических построений, глубокого интереса к проблемам философии истории и социологии. Итогом может быть существование широкой и доскональной философско-исторической концепции в целом, опирающейся одновременно на длинный ряд конкретно-исторических и теоретических концепций и гипотез.

Однако это не было результатом стремления «донести» до студентов сложную информацию, систематизировать ее. Мы видим своеобразный процесс ее обдумывания — процесс, безусловно, связанный с наукой. Многие востоковеды были мыслящими преподавателями, и преподавание было для них тоже научным методом.

Они пишут общие труды, их интересуют большие эпохи, отношения между эпохами и мирами. В своих трудах и лекциях они описывают огромные эпохи и максимально широкие темы, активно занимаются теорией истории¹. Они достаточно четко видят разницу между философией истории и историей цивилизации и потому работают с историей не только Европы и не только Востока. Действительно, одним из самых успешных методов исторического анализа, который в реальности, разумеется, должен применяться в совокупности с другими, является компиляция, т. е. сведение воедино всех фактов и мнений по той или иной проблеме или теме. Далее идет аналитическая работа с этим материалом. И, наконец, выявление возможных практических целей применения полученных результатов и выводов.

Превалирует светская литература. Это было естественно во времена, когда в Европе и России сложилась сложная социокультурная ситуация, происходило ослабление влияния религии и церкви и формировалась секулярная система образования. Тем не менее, у востоковедов сохраняется интерес и к религиозным проблемам уже в силу того, что роль религии в истории Востока всегда была особенно значимой.

Сам по себе позитивистский подход, которого придерживались исследователи, позволял им сформулировать четкое и конкретное

¹ Например, работы Н.И. Кареева: «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» (1890), «Старые и новые этюды об историческом материализме» (1896), «Введение в изучение социологии» (1897), «Теория исторического знания. Историка» (1913), «Историология» (1915).

понимание главной своей задачи — открытие законов развития человечества на основе изучения реальных факторов («эмпирических событий») с помощью точных и научных методов исследования. Только это даст необходимую объективность. Методологической основой для такого исследовательского оптимизма была уверенность в том, что общество являет собой организованное целое, где между собой тесно связаны социальный прогресс, социальная организация, контроль и регуляция. Это и позволяет воспринимать движение общества как закономерное и системное.

Востоковеды этого времени видят свою первоначальную и базовую цель в добывании фактов, установлении реальных связей между ними и в первичном их обобщении.

Любопытно также, что они, не отрицая роли экономического фактора в истории, первостепенную роль отводили все же фактору психическому, роли личностей и их поступков. Личность в ходе своей деятельности значительно преобразует среду.

Была и конкретно-историческая цель, которую преследовали многие исследователи второй половины XIX в., особенно в России, — выработать и принять новую европейскую альтернативу христианскому взгляду на историю, определить свое, собственно русское, отношение к нему и, конечно же, к истории России. *Николай Иванович Кареев* (1850–1931), сыгравший свою очень важную роль в истории исторической науки в России, в своем творчестве наиболее ярко демонстрирует эту методологию, которой так или иначе придерживались и кочевниковеды, хотя и среди них постепенно появляются авторы, стремящиеся выйти на макроуровень. Для формулирования своего понимания взаимоотношений Европы и мусульманского Востока в средние века он пытается понять в целом значение Востока в общественной истории человечества¹.

Среди большой плеяды востоковедов XIX века огромную роль в дальнейшем изучении истории Дальнего Востока и Центральной

¹ См.: Пиков Г.Г. Концептуальное освещение Н.И. Кареевым взаимоотношений Европы и мусульманского Востока в Средние века в контексте его общеисторических взглядов // Николай Иванович Кареев: жизненный путь и научное наследие в трансдисциплинарном контексте современного историознания: сборник статей и сообщений / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2021. С. 188–197.

Азии сыграл один из основателей восточного факультета Петербургского университета академик *Василий Павлович Васильев* (1818–1900), китаевед, специалист по истории и культуре Индии¹. Его работы заложили основу современного китаеведения, многие его идеи активно обсуждаются современными авторами.

Синологические штудии В.П. Васильева не случайны, а, по сути, представляют собой реализацию определенной программы, которая, сознательно или нет, существовала в его сознании. Она несомненно связана с его синтетическим представлением о Китае. Это, разумеется, не случайно, ибо В.П. Васильев — не только великий отечественный китаевед, но и крупнейший деятель отечественной культуры. Наличие этого осознанного и цельного изучения Китая свидетельствует, что российское китаеведение XIX в. на стадии своего становления формировалось как крупное научное и культурное направление и преследовало не только какие-то узкие и практические вопросы, а решало важнейшие для страны мировоззренческие проблемы.

Изучение истории Китая, по мнению исследователя, немислимо без рассмотрения истории окружавших его народов. В этом плане, прежде всего, необходимо упомянуть его монографию «История и древности восточной части Средней Азии, от X до XIII века»², в которой он более подробно, чем Н.Я. Бичурин, рассматривает, например, историю киданей. В предисловии к этому сочинению сам В.П. Васильев отмечает, что, поскольку Н.Я. Бичурин «...оставил без внимания историю киданей и сменивших их маньчжуров-чжурчжэней», он решил восполнить этот пробел очерком главного содержания оригинальных источников по истории киданьского и чжурчжэньского государств³.

¹ Русский китаевед академик Василий Павлович Васильев (1818–1900) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. М.: Наука, 1956. С. 234–340; История и культура Китая. Сб. памяти акад. В.П. Васильева / отв. ред. Л.С. Васильев. М.: Наука, 1974.

² *Васильев В.П.* История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века. СПб., 1857; *Васильев В.П.* История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века // Труды восточного отделения Русского Археологического Общества. Т. 3–4. СПб., 1859.

³ *Васильев В.П.* История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века. С. 3.

Монография В.П. Васильева является значительным вкладом в изучение истории кочевых народов Центральной и Восточной Азии и важна, помимо этого, еще и потому, что прочно утверждает взгляд на киданьскую империю как на независимое государство. Он был уверен, что без киданей «мы не пойдем даже причины появления Чингисхана и предводимых им монголов»¹. Ученый одним из первых сделал предположение, разделяемое сейчас многими исследователями, о возможности родства киданей с монголами.

Большой заслугой В.П. Васильева является то, что в своей работе он уже опирается на только начавшие появляться исследования русских и западноевропейских синологов, причем не всегда разделяет их взгляды и зачастую показывает свое собственное понимание процесса исторического развития центральноазиатских народов. Он рассматривает подробно только политическую историю киданей, а не социально-экономический строй их государства, только в приложениях можно найти отрывки из источников, касающиеся этих аспектов, но сам В.П. Васильев не анализирует их. Это понятно, ибо и политическая история киданей не была еще достаточно изучена.

Если Н.Я. Бичурин «познакомил» Россию и Европу с Китаем, его историей и культурой, то В.П. Васильев и его школа создали научную основу для их перспективного и всестороннего изучения. В этом плане можно говорить о том, что именно В.П. Васильев заложил необходимую методологию. На ней построена во многих аспектах вся китаеведческая наука XIX–XX вв. Она существует до сих пор.

В.П. Васильев фактически предложил программу всего последующего развития китаеведения, а не только методологию. В ее основе лежит ряд принципов:

1. Цивилизационный подход. Слово «образ» в этом плане можно понимать как «цивилизация». Не страну, тем более отсталую, изучал В.П. Васильев, а именно цивилизацию.

Это, разумеется, лишь зарождение цивилизационного подхода — как в общественных науках в целом, так и в востоковедении. Он достаточно основательно просматривается уже как

¹ Там же. С. 3.

в работах исследователей, так и в студенческих работах его учеников (М.Н. Суворцов).

2. Есть основания говорить, что в данном случае в исследованиях и деятельности В.П. Васильева проявляется не столько еще формирующийся цивилизационный подход, сколько исторический подход, т. е. не идеологический, а научный подход.

3. Всестороннее изучение истории и культуры.

4. Акцент на культуре и поиски парадигмальной основы существования китайской цивилизации.

5. Рассмотрение истории Китая в контексте всей восточноазиатской истории, в том числе и кочевой.

6. Изучение отличия от других «миров», но не в сравнительном плане (лучше или хуже, типа «сонного» Китая), а определение своеобразия. Тем самым признается право на оригинальность и не в том облике, какой определяет Запад или другая цивилизация. Акцент именно на оригинальности, а не «недостатках».

7. Передача наработанного опыта исследования молодому поколению, прежде всего, студентам. Именно В.П. Васильев заложил основы механизма обучения в рамках китаеведения и кочевниковедения в университете.

8. Работа коллективная, а не индивидуальная, как на Западе, с постановкой емких и широких тем на перспективу.

Одним из пионеров изучения истории киданей в России и на их примере восточноазиатских кочевников в целом вслед за Н.Я. Бичуринным (о. Иакинфом), увидевшим необходимость тщательного изучения письменных источников и разработки на их основе проблем киданьской истории, был *Михаил Николаевич Суворцов* (1850–1874). Он первым в истории европейской синологии сделал перевод самого авторитетного и полного источника по истории Ляо — династийной истории «Ляо ши». Этим переводом пользовались в свое время такие крупнейшие специалисты по истории Центральной Азии, как, например, В.В. Григорьев, писавший свою работу о Восточном Туркестане¹, А.М. Позднеев, в фонде которого и была обнаружена рукопись его сочинения, В.П. Васильев, Л.Н. Рудов. Перевод не со-

¹ Землеведение Азии Карла Риттера. Т. 1, 2 / под ред. П.П. Семенова СПб.: Тип. В. Безобразова, 1894.

хранился, но, судя по цитируемым в работе отрывкам, был в духе того времени близким к тексту пересказом, впрочем, перед нами именно «вразумительный пересказ», стремление проанализировать, а не просто процитировать соответствующие места.

Основываясь на своем переводе, М.Н. Суворцов написал работу по истории киданей, которая была высоко оценена руководством восточного факультета и кафедры китайской словесности Санкт-Петербургского университета. Произошло это в 1869/70 учебном году¹. Свой труд М.Н. Суворцов представил на проводившийся ежегодно конкурс научных работ, где имена авторов для большей объективности заранее не раскрывались (работа М.Н. Суворцова была зашифрована эпитафией «Тени минувших веков прошли предомной в отдалении»). В задании кафедры Китайской словесности требовалось «обратить все внимание на определение, что собственно надобно разуметь под Киданями, какое было коренное их место жительства, какие народы были им одноплеменны и как далеко простирались их земли... показать отношения этого языка к Монгольскому и Маньчжурскому. Затем показать постепенное расширение Киданьского владычества в Средней Азии, какие народы были им покорены, на каких местах, хотя примерно, они жили»². Получив блестящий отзыв В.П. Васильева, решением Совета университета эта работа была удостоена золотой медали³.

Сведения о Суворцове, сохранившиеся в архивах и опубликованных материалах, весьма скудны. М.Н. Суворцов родился 20 октября 1850 г. в селе Кабанское Верхнеудинского округа Иркутской губернии. Благодаря стараниям матери и «собственному усердию» он получил неплохое по тем временам образование. М.Н. Суворцов был «награжден серебряной медалью и благодаря хлопотам матери был направлен «согласно его желанию в Санкт-Петербургский университет по факультету Восточных языков на имеющуюся

¹ *Суворцов М.Н.* О владычестве киданей в Средней Азии // Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Фонд А.М. Позднеева № 44. Ед. пр. 278. Далее ссылки на эту работу даются прямо в тексте с указанием лишь листов рукописи.

² Там же.

³ Журнал собраний факультета Восточных языков 1 февраля 1871 г. // ЦГИ-АЛ. Ф. 14. Оп. 3. Д. 15539. Л. 3–4.

вакантную стипендию Генерал-Адъютанта Игнатьева», где стал студентом первого курса китайско-маньчжурско-монгольского разряда. После четырехгодичного курса обучения М.Н. Суровцов был определен на службу в Азиатский Департамент Министерства иностранных дел. Государственная служба М.Н. Суровцова продолжалась недолго. К зиме 1873 г. он серьезно заболел туберкулезом легких и через несколько месяцев умер в одной из клиник кантона Вёве в Швейцарии, куда выехал для лечения. Дата смерти М.Н. Суровцова неизвестна, но можно предположить, что умер он в 1874 году¹.

Работа М.Н. Суровцова написана на основе «Ляо ши». Источник этот — наиболее важный, полный и разносторонний по содержанию. В нем содержится информация по самым различным аспектам общественной и политической истории киданей. Работа над темой потребовала кропотливого труда. Необходимо было перевести «Ляо ши» с китайского на русский, что само по себе дело и ответственное, и технически весьма сложное. М.Н. Суровцов же сумел достичь поставленной цели и работу сделал на высоком профессиональном уровне, доказательством чему может стать сравнение цитируемых им отрывков с переводами Г. Франке, К.А. Виттфогеля, Фэн Цзяшэна, В.С. Таскина.

В отличие от своих предшественников, М.Н. Суровцов в своей работе, которая явилась первым в европейской науке отдельным очерком по истории киданьского государства, рассмотрел не только политическую историю киданей, но затронул и некоторые аспекты общественного и государственного строя киданьской империи. Он подробно описывает церемонии, обряды, экономику, положение женщин, а также систему преступлений и наказаний в государстве киданей. Несмотря на идеализацию Востока, который он называет «колыбелью европейских народов, откуда они вынесли основные формы своего мирозерцания», а также Китая, «много способствовавшего развитию благосостояния самой Европы», М.Н. Суровцов высоко оценил роль и место киданьского государства, считая его независимым в политическом, государственном и культурном отношении (л. 2б, 10а).

¹ Архив внешней политики России. Ф. IV-1, 1872–1873. Д. 32. Оп. 117. О кандидате С.-Петербургского Университета Михаиле Суровцове. Л. 6.

Труд М.Н. Суровцова уже в процессе работы автора над темой вышел за рамки студенческой работы и сравнялся в методологическом и методическом отношении с образцовыми историческими трудами прошлого столетия. Но помимо чисто практического интереса необходимо отметить, что принципиальна важна и методологическая основа данного исследования, историко-философские и социально-политические взгляды ученого, позволившие ему создать первое в истории кочевниковедения монографическое исследование, посвященное истории одной из крупнейших в мировой истории империй. В исторической науке первой половины XIX столетия еще только происходила выработка первых научно-мировоззренческих систем. Об отсутствии таких необходимых «руководящих основ» как недостатке, присущем многим серьезным ученым, говорит и сам М.Н. Суровцов (л. 2).

Несомненное влияние на этот процесс оказали первые культурологические (Л.И. Мечников, Н.Я. Данилевский, Г.В. Гегель и др.), социально-политические, философские и экономические концепции (марксизм, немецкая классическая философия, английские экономисты и пр.). Особо, разумеется, надо упомянуть сложно и неоднозначно развивающийся процесс выработки цивилизационного подхода к истории, пытавшийся заменить религиозный (христианский), культурологический (гуманистический) и этноцентричный методы историописания.

Об историко-философских взглядах М.Н. Суровцова можно судить на основе общего Введения к сочинению и небольших вступлений к его отдельным разделам. Сразу же необходимо отметить, что М.Н. Суровцов, вслед за великим о. Иакинфом и своим учителем В.П. Васильевым, а в конечном итоге одним из первых в европейской исторической науке того времени основывается на представлении о взаимосвязанности и в какой-то степени взаимообусловленности всех исторических событий («участие в общечеловеческой работе») и в этом плане, безусловно, может быть назван одним из отдаленных и, разумеется, не прямых, предшественников таких концепций будущего столетия, как евразийство (особенно русское) и «мир-системный анализ». Он хотел «прояснить знаменательный век Чингиса, конечно, настолько, насколько это можно сделать через обзор деятельности первой маньчжурской

народности — киданей, смененных чжурчжэнями, защищавшими-ся против ополчений сказанного завоевателя» (л. 3), «но тот век, в котором мы встречаем грозные полчища Монголов, двинувшихся в Европу и поработивших Россию, — век Чингисханидов был подготовлен в глубине Азии собственными историческими событиями, исходная точка которых лежала у Великой стены, в двух маньчжурских народностях, сменивших одна другую» (л. 2).

Начинает он с критики весьма распространенного в то время пренебрежительного отношения к Востоку. Человек, близко соприкасавшийся на своей родине, в Сибири, с загадочным азиатским миром, несомненно, полюбивший и уважающий его культуру, он не может сдерживать своего негодования перед примитивным европоцентризмом: «Азия — не Европа, там народ живет под другими условиями, при другой обстановке и требовать от него Европейских взглядов — слишком педантично и бессмысленно» (л. 74). Влияние широкого распространенного в XIX — первой половине XX в. китаецентризма на работу М.Н. Суровцова бесспорно. Конечно, только чрезмерной увлеченностью можно объяснить его представление об Азии как «колыбели европейских народов». Но зато заслуживает всяческого внимания указание его на «Среднюю Азию» как регион существования так называемых переходных форм, что хорошо напоминает наши современные представления о контактных зонах. Сказываются и его политические настроения как представителя класса буржуазии, недаром он ратует за «расширение политических и торговых горизонтов» до Китая и Индии.

Его исторические взгляды отличаются известной наивностью и эклектизмом, характерными для «научного» и «исторического» девятнадцатого века. Он не всегда последователен в своих утверждениях, не всегда видит истинную подоплеку тех или иных событий. Так, например, высказывая великолепную мысль о том, что «главная причина падения династии (а не народа) заключается в том, что между правительством и народом не было внутренней связи, взаимной поддержки», он далее совершенно наивно проводит аналогию между киданьской империей и Францией времен Франко-прусской войны 1871 г., считает, что Бисмарк в отличие от Наполеона III и Тяньцзо пользовался такой «поддержкой» (л. 77).

Несомненно, его историологические взгляды прочно были связаны с его происхождением из разночинской среды («мещан») и самой национальностью, не случайно он при малейшей возможности проводит аналогии с русской историей и современными ему проблемами российского государства. Это своеобразное и неизбежно усиливавшееся к середине века продолжение традиций русской историографии (Н.Я. Бичурин) и литературы (А.С. Пушкин). В этом плане его особенно интересует проблема взаимоотношения «правительства и массы», «государя и народа» (л. 24, 77 и мн. др.). Одну из основных причин падения империи Ляо Суровцов связывает с национальным вопросом, в котором проявлялись «насилие, жестокость Киданьских правителей».

М.Н. Суровцов же в первую очередь выделяет влияние китайской культуры и, как следствие, утрату киданями их самобытности и разрыв связи между народом и правительством (л. 77). Под отсутствием связи между народом и правительством он подразумевает прежде всего глубокое противоречие между китаизированной аристократической киданьской верхушкой и остающимися верными народным обычаям племенными массами.

История киданей рассматривается М.Н. Суровцовым в неразрывной связи с историей дальневосточного региона в целом и Китая в частности. Это обусловлено не только его общеисторическими воззрениями, но и тем, что в данном случае он основательно зависел от своего основного источника «Ляо ши», а составителей этой хроники интересовали прежде всего взаимоотношения Китая и киданей.

Автор достаточно отчетливо демонстрирует свой цивилизационный подход, подробно отмечая особенности китайского (а, по его мнению, практически всего дальневосточного) «мира»: замкнутость («замкнутый, узкий мир огромной части человечества, жившего и доселе живущего на одних и тех же основах, на глубокой привязанности народной массы к заветам древности и на небольшом нравственно-политическом кодексе “уважения к старшим”»); географическая и климатическая локальность («обусловленность географическими причинами»), китаецентризм, т. е. этноцентризм (Киданьская империя, по его мнению, тоже создала свой «мир», став «коренным государством» («бэнь-го») для своих соседей. Этот факт

и само выражение «коренное государство» неоднократно встречаются на страницах рукописи); традиционализм, стабильность существования («неизменяемость»); его длительность («тысячелетняя»); «древность» зарождения; самобытность и оригинальность, позволявшие «отчуждать» «посторонние элементы»; уникальность исторического развития; цивилизационно-культурный экспансионизм («общение с другими, посторонними элементами, из которых он может почерпнуть новую энергию и обновление своим силам»); привлекательность своего «имиджа» для других, не только «соседних», но и отдаленных («Запад») цивилизаций, умение «уживаться» с ними; наличие «истинного просвещения», которое способствовало развитию всех форм общественной жизни и в то же время являлось «сдерживающей силой», удерживающей народ от преступлений; особое значение литературы и письменности; предельная централизация государства и особая сила «верховой власти», не нуждавшейся в «увечковечении понятия о себе такими постройками», как в древнем Египте (л. 2,3, 25, 45 об, 46, 71).

Перед нами в некотором смысле одна из первых попыток дать описание «цивилизации» («мира») как феномена. Разумеется, она далека от научного идеала и достаточно случайна, ибо сам М.Н. Суворцов перед собой такой цели не ставил, но отказать ему в профессиональной зоркости и исторической наблюдательности нельзя.

Он не раз высказывает мысль о том, что кочевые народы не только не уступают в чем-либо земледельческим, но и в определенном смысле стоят выше их. Воинственность кочевников противостоит «китайской трусости» и «китайской гражданственности», культура их не примитивна, а своеобразна, и воинственность — один из элементов этой культуры. Эти культуры не просто сосуществуют, они противостоят друг другу. Кочевникам он явно симпатизирует, а историю Китая его интересует лишь как дополнение к истории киданей. В целом, по его мнению, китайское влияние на киданей носило разрушительный характер.

Между тем, с точки зрения М.Н. Суворцова, кочевники внесли немалый вклад в развитие всего человечества и создали свой вариант развития, в частности, свой вариант государственности, который планомерно уничтожался китайцами. Кстати, пожалуй, именно М.Н. Суворцов впервые употребил в литературе в качестве особого

термина выражение «кочевая империя», которое так популярно стало на исходе XX века (л. 32, 32 об). Как синоним, он употребляет и выражение «инородческие империи» (л. 45 об).

Большое значение придает исследователь роли личности в истории. Для него крайне «занимателен» тот «факт, который так часто встречается на Востоке и особенно в Средней Азии, а именно значение вождя, полководца, энергия одного лица, обладающего железной волей и быстротой в натиске» (л. 7). Идеалом такого рода, естественно для него, являлся Чингисхан. М.Н. Суворцов характеризует каждого из киданьских правителей предельно подробно и с достаточно глубоким знанием не только индивидуальной (л. 77), но и социальной психологии. У него есть «любимые» императоры, т. е. те, кто оказал наиболее существенное влияние на развитие государства и «заботился о благе людей».

Как видим, в определенном отношении М.Н. Суворцов отошел от той тематики, которую ему рекомендовали на кафедре и пошел по своему пути, считая, видимо, культурологические и социально-экономические вопросы более важными. Это, разумеется, связано с его особым интересом к экономике и социальным отношениям. Он видит прямую зависимость между уровнем экономического развития государства и его ролью на международной арене.

Кидани смогли заложить основы для своего будущего взлета, заняв такую территорию, которая, в соответствии с «законом равновесия», обеспечивала «равномерность» населения и скота «с тем количеством пищи, которую может давать ему известная местность» (л. 62 об). Такая, говоря современным языком, мальтузианско-евразийская методология помогла исследователю представить крайне подробный рассказ об экономическом развитии киданей.

Четко прослеживаются в работе и религиозные воззрения исследователя. С его точки зрения, религия имеет крайне важное значение для всей культуры того или иного народа и даже цивилизации в целом. Что хорошо, скажем, для китайской цивилизации (религиозный синкретизм), пагубно для киданей и кочевников в целом. Именно распространение различных учений в империи Ляо, по его мнению, приводило к расколу общества и исчезновению самобытности и целостности киданьской культуры.

Таким образом, можно сделать вывод: при всей противоречивости методологического подхода к данной исторической проблематике М.Н. Суровцов провел последовательный в методическом отношении ее анализ и, имея собственное представление об истории киданей и их «быте», создал вполне оригинальное научное сочинение, значительно обогатившее тогдашнюю историческую науку знаниями об одной из интереснейших страниц восточноазиатской истории в средние века.

В целом, на наш взгляд, творчество таких авторов позапрошлого века, как Н.Я. Бичурин, В.П. Васильев и М.Н. Суровцов, ярко свидетельствуют как об эпохе фундаментального становления востоковедения в целом и кочевниковедения в особенности в России, так и о появлении нового, по сравнению со средневековым, типа исследователя.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архив внешней политики России. Ф. IV-1, 1872–1873. Оп. 117. Д. 32. О кандидате С.-Петербургского Университета Михаиле Суровцове.
- Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трех частях, с картою на трех больших листах. Сочинение монаха Иакинфа, удостоенное Императорской Академией наук Демидовской премии. Ч. I–III. СПб., 1851.
- Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / ред. текста, вступит. статья, коммент. А.Н. Бернштама и Н.В. Кюнера. Т. I–III. М.; Л., 1950–1953.
- Бичурин Н.Я.* Статистическое описание Китайской империи (в двух частях). М.: Восточный Дом, 2002.
- Васильев В.П.* История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века. СПб., 1857.
- Васильев В.П.* История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века // Труды восточного отделения Русского Археологического Общества. Т. 3–4. СПб., 1859.
- Журнал собраний факультета Восточных языков 1 февраля 1871 г. // ЦГИАЛ. Ф. 14. Оп. 3. Д. 15539.
- Заметка Н.Я. Бичурина о характере китайских источников // Н.Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение (К 200-летию со дня рождения). Материалы конференции. Ч. II. М.: Наука, 1977.

- Землеведение Азии Карла Риттера. Т. 1, 2 / под ред. П.П. Семенова СПб.: Тип. В. Безобразова, 1894.
- История и культура Китая. Сб. памяти акад. В.П. Васильева / отв. ред. Л.С. Васильев. М.: Наука, 1974.
- Кареев Н.И.* Введение в изучение социологии. 1897.
- Кареев Н.И.* Историология. 1915.
- Кареев Н.И.* Старые и новые этюды об историческом материализме. 1896.
- Кареев Н.И.* Сущность исторического процесса и роль личности в истории. 1890.
- Кареев Н.И.* Теория исторического знания. Историка. 1913.
- Летопись Китайской империи, называемая Юй-пъхи цзы-чжи тун-цзянь ган-му, разделенная на три части — летопись Древнюю, Среднюю и Новейшую / пер с кит. Н. Бичурина. Т. I–XV // Архив Востоковедов Ленинградского отделения Института Востоковедения АН СССР. Ф. 7. Оп. I. Ед. хр. № 1–15.
- Маловичко С.И.* Историография как «участок памяти» (lieux de memoire): евроцентристские конструкты и следы социальной памяти в исторических нарративах // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 5. Ставрополь, 2004.
- Мясников В.С.* Творческое наследие Н. Я. Бичурина и современность // Проблемы Дальнего Востока. 1977. № 3.
- Пиков Г.Г.* Концептуальное освещение Н.И. Кареевым взаимоотношений Европы и мусульманского Востока в Средние века в контексте его общеисторических взглядов // Николай Иванович Кареев: жизненный путь и научное наследие в трансдисциплинарном контексте современного историознания: сборник статей и сообщений / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2021. С. 188–197.
- Русский китаевед академик Василий Павлович Васильев (1818–1900) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. М.: Наука, 1956. С. 234–340.
- Суровцов М.Н.* О владычестве киданей в Средней Азии // Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Фонд А.М. Позднеева № 44. Ед. хр. 278.
- Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. Т. 1. СПб., 1770.
- Adas M.* Contested Hegemony: The Great War and the Afro-Asian Assault, on the Civilizing Mission Ideology // Journal of World History 2004. Vol. 15. No. 1. March.

Г.П. Мягков, Т.Н. Иванова, В.П. Корзун

1879 ГОД КАК КОНТРАПУНКТ ФОРМИРОВАНИЯ «РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ»

«...исходной предпосылкой современной истории историографии является осознание неразрывной связи между историей самих идей и концепций, с одной стороны, и историей условий и форм интеллектуальной деятельности — с другой, что позволяет избежать искажений ретроспективной оптики и “идола истоков», столь часто подстерегающих нас при описании долговременной пред-истории любых явлений прошлого и настоящего»¹.

Л.П. Репина

В музыкальном искусстве контрапункт — это не простой контраст, а одновременное движение нескольких самостоятельных мелодий, образующих гармоническое целое. Такой «контрапункт» появился в 1879 году в русской исторической науке. Историческим фоном разворачивающегося действия стало обострение общественно-политической обстановки в стране, сформировавшееся под воздействием только что закончившейся русско-турецкой войны, народнического террора, студенческих выступлений и роста радикальных настроений в среде русской интеллигенции. Общие настроения сфокусировались, как на сцене, в Московском университете. Главные действующие лица — вступающие на стезю большой науки М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов и профессора-«шестидесятники», среди которых выделим В.И. Герье. Голоса их до 1879 года звучат внятно, но вполне раздельно. К началу действия все эти ученые, занимавшиеся изысканиями в разных областях, оказались вовлеченными в исследование различных аспектов *крестьянского вопроса*. Означенный год

представлен в книгах, статьях и материалах о жизни ученых¹, как правило, следующими событиями.

В 1879 году М.М. Ковалевский преподавал в Московском университете, издавал вместе с В.Ф. Миллером журнал «Критическое обозрение», вместе с С.А. Муромцевым и В.Н. Лешковым редактировал журнал «Юридический вестник», в апреле участвовал в работе первого земского съезда в Москве. Значительным событием в биографии ученого признается публикация им книги «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» (М., 1879) и подготовка к защите докторской диссертации.

Не менее, если не более, значимым стал этот год в биографии Н.И. Кареева: ученый обрел степень магистра, защитив диссертацию², о которой читатель мог судить по изданной книге «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века»³. Незадолго до этого он в качестве стороннего преподавателя открыл

¹ См. прежде всего: Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Л., 1929. Ч. I; Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И. Кареева: содержание и эволюция. Л., 1988. С. 13–16; Мягков Г.П. «Русская историческая школа». Методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988. С. 46–80; Сафронов Б.Г. Н.И. Кареев о структуре исторического знания. М., 1995. С. 42–57; Кирсанова Е.С. Консервативный либерал в русской историографии: жизнь и историческое мировоззрение В.И. Герье. Северск, 2003; История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье / под ред. Л.П. Репиной. М., 2008; Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье: портрет педагога и организатора образования. Чебоксары, 2009; Цыганков Д.А. В.И. Герье и Московский Университет его эпохи (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2008; Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010; Цыганков Д.А. Сообщество московских всеобщих историков во второй половине XIX века // Terra Euiopa: интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века / под общ. ред. Д.А. Цыганкова. М., 2014. С. 117–129; Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Феномен школы В.И. Герье: коммуникативные практики в пространстве научного знания // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / под ред. Л.П. Репиной. М., 2014. С. 579–599; Погудин С.Н. Очерки русской историографии (конец XIX — начало XX века). СПб., 2017; Репина Л.П. Концепция «единого человечества» и «общего прошлого» в интеллектуальном наследии русской исторической школы // Запад-Восток. 2019. № 12 и др.

² Защита состоялась в Московском университете 21 марта 1879 г., 29 марта Н.И. Карееву была присвоена степень магистра всеобщей истории.

³ См.: Кареев Н.И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века (по неизвестным источникам). Историческая диссертация. М., 1879. XXII, [2], 492 + LXXXIX с.

¹ Репина Л.П. Идеи — концепции — люди, или Как писать историю медиовистики сегодня? (К 100-летию Е.В. Гутновой) // Средние века. 2014. Т. 75. № 3–4. С. 17.

в Московском университете чтение курса по истории XIX в., а с 1 августа стал экстраординарным профессором по кафедре всеобщей истории Варшавского университета.

П.Г. Виноградов также в качестве стороннего преподавателя, продолжая в университете вести курс истории средних веков, начал читать курс истории Древней Греции. Важным было то, что опубликованные в 1879 г. отчеты «о занятиях за границей» открыли его имя читающей публике¹. Ученый после возвращения из заграничной командировки усиленно работает над завершением магистерской диссертации, посвященной генезису феодализма в Италии, в которой особое место уделяется проблемам эволюции поземельной собственности².

Учитель Кареева и Виноградова проф. В.И. Герье и его соавтор Б.Н. Чичерин, встречая 1879 год, понимали, что он ознаменуется развертыванием полемики вокруг изданной ими книги «Русский дилетантизм и общинное землевладение»³, в которой они, критикуя книгу кн. А. Васильчикова «Землевладение и земледелие»⁴, подвергли сомнению рациональность общинного устройства, ратуя за установление в России частной собственности на землю. Как организатор женского образования В.И. Герье добился утверждения нового устава Высших женских курсов, но самым ожидаемым событием была защита первой магистерской диссертации Н.И. Кареева, выполненной под его руководством.

¹ См.: Виноградов П.Г. Исторические разыскания в итальянских архивах и библиотеках // Журнал Министерства народного просвещения. 1879. Ч. ССІ. Февраль (№ 2). Отд. 4. На основании «Отчетов» Виноградова Ученый комитет Министерства народного просвещения высказал мнение, что труд начинающего ученого «займет видное место в нашей учено-исторической литературе». — ЦГИА СПб. Ф. 733. Оп. 149. Д. 297. Л. 185.

² В письме П.Г. Виноградова к В.И. Герье от 28.06.1879 г. читаем: «Судя по тому, как идет дело, думаю, что к сентябрю будет готова вся часть до завоевания Италии франками — до 774 г. ...Когда все будет кончено и напечатано, я теперь не могу еще предвидеть точно, но думаю, что не раньше ноября и даже декабря». — Письма П.Г. Виноградова // Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики... С. 183.

³ См.: Герье В.И., Чичерин Б.Н. Русский дилетантизм и общинное землевладение. Разбор книги А. Васильчикова «Землевладение и земледелие». М., 1878.

⁴ См.: Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Т. I–II. СПб., 1876.

Нетрудно заметить, что в своей совокупности каждый из названных ученых внес вклад в повышение «градуса» обсуждения крестьянского вопроса, того самого, который, отражая процесс усиления с середины 1870-х годов крестьянского движения в стране, по известному определению, данному А.И. Савиным, «волновал умы, пламенил сердца, ...сплетался со жгучими вопросами об особенностях русской судьбы, ...об обходе злой страды капиталистического своекорыстия и насилия, о кратчайших стезях к царству социальной справедливости»¹. Кроме того, каждый из этих ученых считал себя наследником идей Т.Н. Грановского. По этому поводу Л.П. Репина писала: «Идея “общего прошлого единого человечества”, задав последующим поколениям важный ориентир для выбора направления интеллектуального развития и научного поиска, нашла свое блестящее выражение в многочисленных конкретно-исторических и теоретических трудах ведущих ученых — представителей “золотого века” российской историографии всеобщей истории второй половины XIX — начала XX века»². 1879 год стал важной вехой этого «золотого века».

Конечно, общественная атмосфера, в которой эти споры разгорались, создавая условия для формирования научных, культурных, общественно-политических сообществ, заслуживает специального анализа. 1879 год во многом стал столь важным в судьбах русской исторической науки потому, что именно тогда проявились копившиеся противоречия, обнаружилось новые формы общественного противостояния разных политических сил. Поэтому, очевидно, следует говорить о «долгом» 1879 годе, «развернувшем» то, что подготовили года предшествовавшие.

Внимательные наблюдатели-современники единодушно отмечают «нервное состояние общества», сформировавшееся под воздействием русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и развертывавшегося народнического террора. Выстрел В.И. Засулич в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова, прозвучавший 24 января 1878 г.,

¹ Савин А.И. М.М. Ковалевский как историк // Исторические известия. 1916. Т. VI. С. 176.

² Репина Л.П. Концепция «единого человечества» и «общего прошлого» в интеллектуальном наследии русской исторической школы // Запад–Восток. 2019. № 12. С. 15.

расцениваемый как ключевой момент в дальнейшей истории российского терроризма, открыл серию аналогичных покушений¹. Еще более накалило обстановку решение суда присяжных, своим вердиктом от 31 марта оправдавшего террористку. По воспоминаниям одного из «виновников» этого решения А.Ф. Кони, «*Оправдание Засулич разразилось над... обществом подобно электрическому удару, радостно возбудив одних, устранив других и всех равно взволновав... В огромной части образованного общества оправдание это приветствовалось горячим образом. В нем видели урок, предостережение; близорукие любители сравнений говорили уже не только о русской Шарлотте Кордэ, но и о “взятии Бастилии”*»². Студенчество обеих столиц выражали восторг по поводу решения «дела Засулич». Беспорядки, начавшиеся 14 марта в Киеве, по определению С.М. Лукьянова, «*разбросались по всем университетским городам и не прекращались в продолжение всего года*»³. Организованная в Москве 3 апреля 1878 г. студенческая демонстрация⁴ обернулась трагедией: ее участники были жестоко избиты натравленными на них полицией «охотнорядцами». С осени того же года развернулся второй этап движения молодежи «в народ».

Кроме названных процессов и событий, в 1879 году протекали и такие, о которых в профессорской и студенческой среде открыто не говорили: «мы, — вспоминал П.Н. Милюков, поступивший в 1877 г. на историко-филологический факультет университета, — ко-

¹ В этом ряду: убийства в Киеве жандармского офицера Г.Э. Гейкинга 24 мая 1878 г., агента сыскальной полиции А.Г. Никонова, покушение на киевского прокурора М.М. Котляревского, убийство 4 августа 1878 г. С.М. Кравчинским шефа жандармов генерал-адъютанта Н.В. Мезенцова, убийство народовольцем Г. Гольденбергом 9 февраля 1879 г. харьковского генерал-губернатора князя Д.Н. Кропоткина, покушение в Петербурге Л.Ф. Мирского 13 марта 1879 г. на шефа жандармов А.Р. Дрентельна. 2 апреля 1879 г. террорист-народник А.К. Соловьев произвел покушение на Александра II; 19 ноября 1879 г. было взорвано железнодорожное полотно во время возвращения царя из Крыма и т.д.

² Кони А.Ф. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2: Воспоминания о деле Веры Засулич. М., 1967. С. 180.

³ Лукьянов С.М. О Владимире Соловьеве в его молодые годы: В 3 кн. Кн. 3. М., 1990. С. 60.

⁴ Ее поводом была встреча направлявшихся в ссылку товарищей из Киева. См.: Токарев М. Из не любви к бунтовщикам. URL: http://www.m-mos.ru/2006/07_08/19.htm (дата обращения: 11.04.2022).

нечно, не знали внутренней истории революционной борьбы, не знали и того, что в июне 1879 года съезд революционеров в Липецке привел к разделению революционной партии “Земля и Воля” на две части: “Черный Передел” Плеханова и будущих социал-демократов — и “Народная Воля”»¹. Надеясь посредством террористических актов вызвать политический кризис в стране, «народовольцы» вынесла тогда же смертный приговор Александру II и начали длившуюся до 1 марта 1881 г. «охоту на царя»².

Только в этом контексте можно понять, почему рядовые, казалось бы, события университетской жизни — лекции, публикация книг, защиты диссертаций — воспринимались властями как непосредственная опасность. Иными словами, в развитие науки как фактора объединения властно вмешивалась политика, идейные противостояния³.

Действительно, 1879 год начался с того, что в январе министр народного просвещения граф Д.А. Уваров затребовал разъяснений от попечителя Московского учебного округа кн. Н.П. Мещерского по вопросу, «*насколько верен дошедший... слух, что доцент Ковалевский... объяснял на лекциях, что лучшая форма, правления — республика...*»⁴. В своем ответе попечитель округа Н.П. Мещерский квалифицировал направление Ковалевского как «вредное» на основе анализа поведения последнего во время студенческих выступлений

¹ Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 1. М., 1990. С. 118.

² Там же.

³ С.М. Лукьянов усматривал связь «студенческих беспорядков» со складыванием и развитием «противоправительственных настроений профессорских коллегий». В развернувшейся борьбе за университетскую автономию, против пересмотра Устава 1863 г., особенно активной была позиция профессуры Московского университета, ярко проявившаяся в связи с «Любимовским делом». Н.А. Любимов (1830–1897), участвуя в 1876 г. комиссии, ревизовавшей университеты, привел в 1877 г. к открытому конфликту либеральной профессуры с теми, кто поддерживал начавшуюся в министерстве народного просвещения работу по подготовке нового реакционного устава. См.: Ковалевский М.М. Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005. С. 172–173, 207–209. О роли В.И. Герье в борьбе за университетскую автономию, о его полемике с Н.А. Любимовым см.: Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье: портрет педагога... С. 196–204; Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики... С. 50–52.

⁴ С 1877 г. Ковалевский читал в Московском университете курсы государственного права европейских держав и истории иностранных законодательств.

в апреле 1878 г.¹ Он же направляет 23 января ректору университета Тихонравову запрос о лекциях Ковалевского «по общественному государственному праву»².

Сам Ковалевский, объясняя в связи с чем он «попал на дурной счет», указал на свой критический разбор русского проекта болгарской конституции³, за который он получил отповедь редактора «Московских ведомостей» Каткова, пробудившую к нему «внимательное отношение [...] “недреманного ока”», которое усилилось «с момента открытого осуждения мною первого, быть может, выступления черной сотни против учащейся молодежи, в памятном избиении московских студентов охотничьими»⁴. Ректор же университета Н.С. Тихонравов был вызван министром просвещения гр. Толстым в Петербург для объяснения по поводу полученного министерством доноса, где он поручился за Ковалевского.

По воспоминаниям современников, ряд молодых преподавателей университета разных специальностей оказался сплоченным в «кружок молодых профессоров», в «кружок единомышленников». Это зафиксировал и Н.И. Кареев, вернувшись в Москву после заграничной командировки, продолжавшейся с сентября 1877 г. по июнь 1878 г., и будучи приглашенным В.И. Герье к чтению курса в университете в качестве стороннего преподавателя. «Мои новые знакомые, — писал Кареев, — составившие сплоченную компанию, были юристы или экономисты, что соответствовало моему новому интересу к социальной истории, развившемуся на тему о французском крестьянстве. Политическое их направление, более либеральное, чем у старой профессуры, конституционализм, дополненный социальным реформаторством, более соответствовал и моему общественному настроению, и моим политическим идеям...»⁵.

¹ Письмо кн. Мещерского гр. Д.А. Уварову 11 января 1878 г. — ЦГИА СПб. Ф. 733. Оп. 200. Д. 4. Л. 2. К сожалению, сведений о том, в чем выразилось это «вредное» направление, какие действия Ковалевского в апреле 1878 г. вызвали неудовольствие попечителя округа, найти не удалось.

² См.: История Московского университета. Т. 1. М., 1955. С. 271.

³ См.: Ковалевский М.М. Критическая заметка. Материалы для изучения Болгарии // Вестник Европы. 1878. № 3.

⁴ Ковалевский М.М. Моя жизнь... С. 207.

⁵ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 142.

В формировании этого «кружка единомышленников» ведущая роль принадлежала Максиму Максимовичу Ковалевскому, который, по воспоминаниям К.А. Тимирязева, был «одной из центральных фигур не только... тесного университетского кружка, ...но и вообще московских научно-литературных кругов»¹. Выполнению этой роли способствовало то, что сам Ковалевский вернулся в Россию после заграничной командировки в конце 1876 года, имея уже научное имя и личные контакты с известными обществоведами стран Западной Европы, а также то, что он достаточно быстро обрел научный статус в Московском университете². Вот вехи научной карьеры ученого:

– весна 1877 г. — сдача магистерского экзамена, приглашение занять кафедру государственного права европейских держав Московского университета³;

– 20 мая 1877 г. — защита в Московском университете магистерской диссертации «История полицейской администрации в английских графствах с древнейших времен до смерти Эдуарда III»;

– 31 мая 1877 г. — утверждение в степени магистра;

¹ Тимирязев К.А. Памяти друга // Тимирязев К.А. Наука и демократия. М., 1920. С. 366.

² До настоящего времени нет выверенной хронологии научно-педагогической деятельности М.М. Ковалевского в Московском университете. Сам ученый в своих воспоминаниях ограничился указанием на то, что он «В 1877-м году... приступил к чтению курса по сравнительной истории права...» (Ковалевский М.М. Моя жизнь... 2005. С. 205, ср.: с. 215). Ряд авторов (см.: Калоев Б.А. М.М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979. С. 14; Погодин С.Н. Максим Максимович Ковалевский. СПб., 2005. С. 14; Он же. Очерки русской историографии... С. 343) отмечают, что после завершения заграничной поездки Ковалевский выдержал магистерский экзамен «в 1877 г.», по Калоеву, и в 1878 г. — по Погодину, и в 1878 г. защитил магистерскую диссертацию. Соответственно, и временем получения докторской называется 1878 г. Большинство исследователей временем защиты и получения докторской называют 1877 год. — См.: Куприц Н.Я. Ковалевский. М., 1978. С. 8; Хайлова Н.Б. Максим Максимович Ковалевский // Ковалевский М.М. Моя жизнь... С. 10; Андреев А.Ю. Ковалевский Максим Максимович // Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь / составители А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. М., 2010. С. 335 и др.

³ В этот время произошло знакомство Ковалевского «со своим критиком» — Кареевым, опубликовавшим в 1876 г. в журнале «Знание» рецензию на его книгу «Очерк истории распада общинного землевладения в кантоне Ваад» (Лондон, 1876). См.: Кареев Н.И. Прожитое... С. 141.

– 10 сентября 1877 г. — избрание доцентом по кафедре государственного права и сравнительной истории права в Московском университете¹.

Фактически к весне 1879 года М.М. Ковалевский завершил работу над докторской диссертацией: 15 апреля 1879 г. декан юридического факультета Московского университета проф. В. Лешков подписал «определение» печатать сданную в печать монографию М.М. Ковалевского «Общественный строй Англии в конце средних веков»².

А. Максимов вспоминал: «Ковалевский явился к нам сразу в ореоле признанного в Европе ученого и тем самым, так сказать, положил печать академического признания на те теории, которые он формулировал в своих работах»³.

«Кружок Ковалевского», по свидетельству Н.И. Кареева, «был очень обширный и по специальностям участников весьма разнообразный»: «были в нем люди и постарше, как Стороженко и Ив[ан] Ив[анович] Иванюков... Были здесь и необычайно ласковый Чупров, и грубоватый И.И. Янжул..., были В.А. Гольцев, С.А. Муромцев и т.д.»⁴. Взгляды на «кружок Ковалевского» со стороны соответствовали и восприятию ситуации самим организатором. В своих воспоминаниях Ковалевский писал: «я постепенно завязывал сношения с людьми, с которыми впоследствии открылась возможность действовать заодно и в университете, и вне его стен»⁵. Ковалевскому удалось сплотить людей, которые «стояли в самом центре того

¹ Даты уточнены по Формулярным спискам М.М. Ковалевского. См.: ЦГИА СПб. Ф. 740. Оп. 17. Д. 48. Л. 55–60.

² См.: Ковалевский М.М. *Общественный строй Англии в конце средних веков*. М., 1880. С. 2. Защита докторской диссертации состоялась 23 мая 1880 г. в заседании юридического факультета, 2 июня 1880 г. М.М. Ковалевский был утвержден советом Московского университета в степени доктора государственного права, а 15 декабря 1880 г. — ординарным профессором по кафедре государственного права и сравнительной истории права Московского университета.

³ Максимов А. Работы М.М. Ковалевского в области первобытного права // Этнографическое обозрение. 1916. № 1–2. С. 65. Слушавший в числе последних студентов лекции Ковалевского в его «московский период» князь Б.А. Щетинин подчеркивал: «Ковалевский положительно был кумиром студенческой молодежи». — Щетинин Б.А. М.М. Ковалевский и Московский университет (страничка из воспоминаний) // Исторический вестник. 1916. № 5. С. 485.

⁴ Кареев Н.И. *Прожитое...* С. 142.

⁵ Ковалевский М.М. *Моя жизнь...* С. 203.

умственного и общественного движения, которое ставило себе задачей сближение с народом, тесное знакомство с его бытом, сильное удовлетворение его нужд и, одновременно, воспитание руководящих кругов в сознании их долга перед крестьянской и рабочей средой»¹. Последующая деятельность членов «компании Ковалевского» в целом оправдала эти намерения.

Формой организации коллективных встреч в рассматриваемое время переставали быть литературные салоны, которые, по словам Ковалевского, «доживали... свои последние годы»²; более популярны были различного рода кружки, собиравшиеся при редакциях журналов и газет, а также у частных лиц, общественных деятелей, профессоров и педагогов. «Московские журфиксы были одной из бытовых особенностей Белокаменной, мне очень нравившейся», — писал Кареев, вспоминая посещение журфиксов В.И. Герье (здесь он встречал В.О. Ключевского, Н.П. Боголепова, Корша), Ливенцова, М.С. Корелина, Н.А. Попова и др.³

И поскольку «посещение салонов было... сравнительной роскошью», а «кружковая жизнь предъявляла посягательство на вечерние и ночные часы...»⁴, то члены «компании Ковалевского» и их единомышленники «чаще сходились друг у друга»: у Янжула — по воскресеньям, у Ковалевского — по четвергам. Ковалевский «припоминал», что на его «четвергах», помимо большинства профессоров университета, бывали «петербуржцы и, в меньшей степени, иностранцы», персонально — К.Д. Кавелин, Б.А. Кистяковский, Н.В. Шелгунов, П.Д. Боборыкин, А.А. Головачев, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой и др.; у Иванюковых Ковалевский встречался с Н.К. Михайловским, Г.И. Успенским и т.д. Ковалевский свидетельствует и о том, что темами бесед, длившихся «иногда до трех часов утра», была далеко не политика: «спорили и о вопросах теоретических, научных и литературных»⁵.

¹ Ковалевский М.М. *Моя жизнь...* С. 203.

² Там же. С. 224.

³ Кареев Н.И. *Прожитое...* С. 143. О салонной и кружковой жизни московской профессуры см.: Никс Н.Н. *Московская профессура во второй половине XIX — начале XX века. Социально-культурный аспект*. М., 2008. С. 196–200.

⁴ Ковалевский М.М. *Моя жизнь...* С. 224.

⁵ Там же. С. 229.

Можно заключить, что к концу 1870-х гг. журфиксы и «дружеские кружки» с их «вечерами» по типу описанных выступали «наиболее мобильным проявлением коллективно-групповой активности наукотворчества»¹. Собрание «молодых профессоров» фактически конституировалось как «*молодая профессорская партия*» (определение К.А. Тимирязева), в деятельности которой переплелись работа на поприще науки и преподавания, участие в общественно-политической жизни первопрестольной столицы, обретавшее подчас российские масштабы.

О деятельность М.М. Ковалевского и формировавшегося вокруг него «*кружка молодых профессоров*» вполне можно судить по его воспоминаниям. Так, в числе событий 1879 г. упоминаются встречи московской интеллигенции с приехавшим в феврале в Москву из Франции И.С. Тургеневым. Первая состоялась 15 февраля на квартире у Ковалевского, где писателю были представлены ближайшие сотрудники («человек 20», подчеркивает Ковалевский) издаваемого Ковалевским журнала «Критическое обозрение», вторая — 18 февраля, на публичном заседании Общества любителей российской словесности. Третья встреча прошла 4 марта в Благородном собрании в форме музыкально-литературного вечера в пользу недостаточных студентов Московского университета. Наконец, 8 марта состоялся прощальный обед в ресторане «Эрмитаж». Как вспоминал М.М. Ковалевский, ему «*пришлось распорядиться устройством этого праздника*»², в частности, участники получили приглашения, в которых говорилось: «*Милостливый государь! М.М. Ковалевский имеет честь уведомить Вас, что во вторник, в 5 часов, в ресторане Эрмитаж, имеет быть обед в честь И.С. Тургенева. Подписная плата 7 руб. ...*»³. Ковалевский посчитал, что «*...банкет удался*

¹ Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука. В 2 кн. Кн. 1. Журналистика в контексте наукотворчества России в XVIII–XIX вв. М., 1998. С. 165.

² Ковалевский М.М. Воспоминания об И.С. Тургеневе // *Минувшие годы*. 1908. № 8. С. 11. С. 5–20; Ковалевский М.М. *Моя жизнь...* С. 146. Подробно см.: Генералова Н.П. Невероятное путешествие И.С. Тургенева в Петербург и Москву (февраль — март 1879 года) // *Русская литература*. 2018. № 3. С. 76–96.

³ Письма М.М. Ковалевского к Чупрову Александру Ивановичу [не позднее 13/24 февраля 1879 г.] // Ковалевский М.М. *Моя жизнь...* С. 485.

как *нельзя лучше*»¹, Кареев отнес его к числу мероприятий, которые сближали его с «*академической средой*»².

Особую роль в деле формирования «молодой профессорской партии» призван был играть задуманный М.М. Ковалевским и одним из самых близких ему «приятелей» В.Ф. Миллером журнал «Критическое обозрение»³. Став, согласимся с Е.Р. Ольховским, «*лишь небольшим эпизодом*» в большой и разноплановой биографии М.М. Ковалевского⁴, сыгравшим «*определенную роль в становлении мировоззрения основного редактора*»⁵, журнал, можно сказать, оформил и выразил шедшие из университета «*руководящие течения общественной мысли*». «Критическое обозрение» с полным основанием можно рассматривать как яркое доказательство «научоемких характеристик частной журнальной периодики» в России XIX в., выявленных М.П. Мохначевой⁶. «Критическое обозрение» формировало особую интеллектуальную среду, особый «интеллектуальный социум», в котором, по меткому определению Мохначевой, «*“варилась” наука история и одновременно формировался новый особый тип “человека ученого” — журналист*»⁷.

Сам Ковалевский замысел издания журнала непосредственно связывал с возникшей у «санкритолога Всеволода Федоровича Миллера» «*мысли о пользе издания особого органа научной критики, посвящающего себя разбору столько же сочинений*

¹ Ковалевский М.М. *Моя жизнь...* С. 146.

² Кареев Н.И. *Прожитое...* С. 141.

³ «Критическое обозрение» — журнал научной критики и библиографии в области общественных наук; издавался в Москве в 1879–1880 гг. 2 раза в месяц.

⁴ Ольховский Е.Р. «Критическое обозрение» М.М. Ковалевского о некоторых проблемах отечественной истории // М.М. Ковалевский и российская общественная мысль. К 150-летию со дня рождения. СПб., 2003. С. 169. См. также: Шигабутдинов Р.Р. Журнал «Критическое обозрение» в научной и общественной жизни России на рубеже 70–80 гг. XIX в. // *Ученые записки Института социальных и гуманитарных знаний*. 2010. № 1 (8).

⁵ Там же. С. 176.

⁶ См.: Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука. В 2 кн. Кн. 2. Журналистика и историографическая традиция в России 30–70-х гг. XIX в. М., 1999. С. 195.

⁷ Там же. С. 195–196.

по обществоведению, сколько по истории или филологии»¹. Программа журнала «научной критики и библиографии в области наук историко-филологических, юридических, экономических и государственных», предпосылаемая каждому номеру, включала два пункта: «I. Критические оценки русских и иностранных сочинений и журнальных статей по всеобщей и русской истории, истории всеобщей и русской литературы, языковедению, классической и славянской филологии, этнографии, мифологии, истории искусств, философии, психологии, гражданскому и уголовному праву, каноническому праву, общественному или полицейскому праву, международному праву, истории русского и славянского права, истории иностранных законодательств, праву государственному, статистике, политической экономии и науке о финансах. II. Библиография русская и иностранная по вышеупомянутым наукам. Отчеты о заседаниях в ученых обществах и об университетских диспутах. Библиографические слухи, заметки, мелочи и т. п.»². Обязанности между редакторами были распределены, как вспоминает Ковалевский, таким образом: он сам взялся за написание статей «критико-библиографического характера из области обществоведения, истории права и права государственного», В.Ф. Миллер же заведовал «обширной областью филологии, древней истории, истории литературы и истории искусства»³. То, что журнал, по мнению Ковалевского, «не потерял своей цены» вплоть до начала XX века, объясняется привлечением в число авторов «таких людей, как Буслаев, С.М. Соловьев, Троицкий, Корш, Кареев, Луцицкий»⁴. Редакция нашла полную поддержку «молодых профессоров» историко-филологического и юридического факультетов университета.

Именно этот журнал обеспечил объединившимся вокруг него «довольно тесный умственный обмен», отразив процессы духовной жизни российского, прежде всего московского общества. На страницах журнала развернулись теоретические дискуссии, выразившие процессы размежевания «профессорских» пар-

¹ Ковалевский М.М. Моя жизнь... С. 204.

² Критическое обозрение. 1879. № 1. С. 1.

³ Ковалевский М. Памяти Всеволода Миллера // Этнографическое обозрение. 1913. № 3–4. С. 14.

⁴ Ковалевский М.М. Моя жизнь... С. 204.

тий, принадлежавших к двум поколениям либералов Московского университета¹. В 1879 это ярко обозначилось на магистерском диспуте Н.И. Кареева.

За год до рассматриваемых событий, в июне 1878 г., молодой ученый приехал из научной командировки, которую проходил во Франции. Кареев вернулся окрыленным предложением своего учителя В.И. Герье читать в университете курс новой истории. Профессор внимательно следил за становлением ученика. На кафедре всеобщей истории Владимир Иванович в это время был единственным штатным преподавателем и нуждался в коллеге, который не только бы обладал талантом ученого и педагога, но и смог бы стать его единомышленником. Во время командировки Кареева Герье, не справлявшийся с огромной нагрузкой, добился того, чтобы сторонним преподавателем на кафедру был принят только что окончивший курс П.Г. Виноградов², но в 1878 г. молодой ученый отправляется в научную командировку, и теперь профессор приглашает возвращающегося из Франции Кареева сторонним преподавателем кафедры. При этом предметом своего курса Кареев избирает историю не XVIII века, а XIX века. Милюков писал позже: «Помню наше удивление, когда (это было в 1878–1879 гг.) он объявил в Московском университете курс истории Европы XIX века. Слушателям московских профессоров это казалось, с непривычки, непросительной дерзостью: как можно **научно** излагать события столь близкие»³. Этого не было в Московском университете со времен П.Н. Кудрявцева.

Кроме того, Кареев сумел относительно быстро, всего за год, подготовить на основе собранных во французских архивах

¹ Совсем иначе оценивали деятельность «молодых профессоров» их оппоненты. См. описание встреч И.С. Тургенева в Москве и Петербурге, данное в Б.Н. Чичериним. — Чичерин Б.Н. Москва сороковых годов // Русское общество 40–50-х годов XIX в. Часть II. Воспоминания Б.Н. Чичерина. М., 1991. С. 102–104.

² ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Ед. хр. 1. Л. 21об. См.: Антоценко А.В. Русский либерал-англофил Павел Гаврилович Виноградов: монография. Петрозаводск, 2010. С. 28–31.

³ Цит. по: Филимонов В.А. Н.И. Кареев и В.И. Герье: опыт реконструкции межличностных коммуникаций // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье. М., 2008. С. 178.

материалов текст магистерской диссертации¹. Он вел не только активную научную и преподавательскую деятельность в университете и гимназии, но и активно участвовал в различных мероприятиях неформального характера.

Произошедшее сближение Кареева с кружком М.М. Ковалевского не могло понравиться Герье: он не разделял радикальности взглядов его участников², к тому же находился с Максимом Максимовичем в весьма прохладных отношениях. Известна язвительная характеристика М.М. Ковалевского по поводу мировоззрения Владимира Ивановича: «либерал — это уменьшительное от свободный»³. А у Кареева и Ковалевского существовали общие научные интересы, влечение к социально-экономической проблематике. Можно говорить и о близости их политических позиций. К тому же двух ученых сблизило пребывание в Париже. Именно Ковалевский «свел меня» — вспоминал Кареев —

¹ Н.И. Кареев свидетельствует: книга вышла в конце 1878 г., но была помечена следующим годом (см.: Кареев Н.И. Историки французской революции. Т. III. Л., 1925. С. 162.

² Описывая мотивы, побуждавшие В.И. Герье «угворить» Б.Н. Чичерина «написать вместе с ним критику на книгу князя Васильчикова» (Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч. II. Воспоминания Б.Н. Чичерина. М., 1991. С. 184), он привел и такой: «Герье представил мне, что это журнал («Критическое обозрение» — Г.М., Т.И.), издаваемый молодыми профессорами университета, а потому могущий сбить с толку студентов. Он угворил меня послать заметку в само «Критическое обозрение»». — Чичерин Б.Н. Воспоминания. Земство и Московская дума. М., 1934. С. 70.

³ Ковалевский М.М. Московский университет в конце 70-х — начале 80-х годов прошлого века // Вестник Европы. 1910. № 5. С. 189. Главное, в рассматриваемое время разворачивается полемика вокруг книги В.И. Герье и Б.Н. Чичерина «Русский дилетантизм и общинное землевладение» (М., 1878), выплеснувшаяся и на страницы «Критического обозрения». — См.: Критическое обозрение. 1889. № 2, 4. Анализ текстов Б.Н. Чичерина и М.М. Ковалевского высвечивает остроту «московских» споров, а также резкий, но явно неглубокий, поверхностный уровень осмысления дискутируемых вопросов о формах общины, этапах ее развития. — См.: Мягков Г.П. «Ученые и неученые споры» о судьбах русской деревни. 130 лет книге Б.Н. Чичерина и В.И. Герье «Русский дилетантизм и общинное землевладение» // Общественно-политическая мысль и духовная культура народов Поволжья и Приуралья XIX–XX вв. Проблемы изучения. Казань, 2008. С. 89–97.

«к Фюстель де Куланжу»¹, а Кареев в свою очередь «познакомил» Ковалевского с П.Л. Лавровым².

В конце 1878 г. другой ученик профессора П.Г. Виноградов вернулся из заграничной командировки, и его диссертация также была близка к завершению. Теперь на кафедре оказалось два сторонних преподавателя, стремившихся стать штатными.

В письме П.Л. Лаврову незадолго до диспута Кареев сетует, что Герье — «главный мой оппонент» — «не особенно доволен моей диссертацией». Учитель обвиняет Кареева в «предвзятости мыслей, которые де повлияли и на метод». Николай Иванович подозревает Герье в том, что у него есть намерения затянуть дело, чтобы успел представить свою диссертацию Виноградов и «посредством него оттеснить меня». В этом письме содержится и объяснение того, как Виноградов был назначен вторым оппонентом³. Сначала назначили А.И. Чупрова, «потом Герье передумал на С.М. Соловьева, но тот уехал в Петербург читать лекции двум великим князьям... и тогда решили П.Г. Виноградова»⁴. Кареева неприятно удивило назначение официальным оппонентом на его магистерском диспуте младшего товарища, который сам еще диссертации не защитил и только что вернулся из командировки. Спустя годы Николай Иванович писал, что ему особенно запомнилось выступление Виноградова на его магистерском диспуте в качестве официального оппонента — «роль, которая, пожалуй, никогда раньше не выпадала на долю всего только двадцатипятилетнего юноши»⁵. Однако сам Герье в возрасте 24 лет, еще не защитив диссертацию, был оппонентом на докторском (!) диспуте М.Н. Петрова в 1861 году. Другими словами, Кареев напрасно сетовал на небывалый случай. К тому же, как показывает анализ письма

¹ Кареев Н.И. Прожитое... С. 148.

² Там же. С. 151. Добавим, у П.Л. Лаврова Кареев встречался с П.А. Кропоткиным, М.П. Драгомановым и др. «...меня все-таки больше тянуло к людям левого направления, как тогда, так и после», — констатировал Н.И. Кареев. — Кареев Н.И. Прожитое... С. 153.

³ Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в новое время... С. 590.

⁴ Цит. по: Золотарев В.П. В.И. Герье и Н.И. Кареев: к истории взаимоотношений // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье. М., 2008. С. 159.

⁵ Кареев Н.И. Воспоминания о П.Г. Виноградове, присланные Е.Г. Соколовой // Архив МГУ. Ф. 213. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 2 об.

П.Л. Лаврову, это было непреднамеренное стечение обстоятельств, а не умысел со стороны Герье. Однако еще до диспута Герье передает Карееву предложение о вакансии профессора в Варшавском университете¹. Молодой ученый мечтал о преподавании в alma mater, и это предложение не могло его обрадовать.

В этой ситуации Николай Иванович большие надежды возлагал на сам диспут. Он знал, что популярен среди университетской молодежи и хотел укрепить свой авторитет среди профессуры. Н.Н. Алеврас и Н.В. Гришина отмечают, что диспуты были в то время ожидаемыми важными общефакультетскими мероприятиями, на которые наряду с членами совета собиралась многочисленная публика (студенты, магистранты и другие заинтересованные люди). Они сравнивают диспуты с символическим актом «вхождения» в ученую среду и научную школу. «...Они превращались в интеллектуальные состязания, в рамках которых было важно одержать “неформальную” победу, т. е. заручиться поддержкой со стороны публики. Часто по итогам диспутов запоминались не аргументы оппонировавших сторон и постановление факультета о присвоении ученой степени, а общее впечатление, произведенное его участниками на аудиторию»².

Поэтому Н.И. Кареев хотел полностью использовать все возможности этого публичного мероприятия. Он просит Герье назначить диспут не после лекций, когда приближается время обеда, «что заставляет публику быть крайне нетерпеливой в ожидании финала, а иногда вынуждает торопиться и участников в диспуте; потом и для диспутанта слишком длинное утро»³. Кареев предлагает провести диспут в воскресенье, чтобы участники никуда не спешили.

Диспут состоялся в будний день, в пятницу, 21 марта 1879 г., в актовом зале Московского университета. Основой для реконструкции хода диспута для исследователей обычно являлись показания

¹ Письма Н.И. Кареева // Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 121–122.

² Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. Диссертационная культура российских историков XIX — начала XX вв.: замысел и источники исследовательского проекта // Мир историка. Вып. 6. Омск, 2010. С. 16.

³ Кареев Н.И. Письмо к В.И. Герье от 20 февраля [1878] // НИОР РГБ. Ф. 70. К. 46. Ед. хр. 5. Л. 23.

одной из сторон¹: воспоминания самого Н.И. Кареева, а также свидетельства М.М. Ковалевского, в том числе опубликованный им в «Критическом обозрении» подробный отчет о диспуте².

«Публики собралось великое множество, — писал Кареев, — встретили и проводили меня рукоплесканиями, но мой учитель, в роли главного оппонента, был очень немилостивен». Кареев позже признает, что его реплики на выступление Герье были запальчивыми, рассчитанными на аплодисменты публики. Не отличавшийся, по словам Кареева, находчивостью, растерявшийся профессор громко сказал: «Александр Македонский — великий человек, но к чему же стулья ломать?»³. Если рассматривать диспут как спектакль, то Карееву его роль удалась, более того, он намеренно пытался представить учителя в глазах публики в неудачном свете. Негативно оценил Кареев и роль своего оппонента и соученика. Виноградов, по его словам, «отделался бледными замечаниями»⁴. Но Николаю Ивановичу понравилась речь М.М. Ковалевского, который выступал как неофициальный оппонент. «Он точно в пику Герье стал неумеренно расхваливать диссертацию и тем вызвал новые рукоплескания»⁵, — вспоминал Кареев.

Однако следует посмотреть на этот контрапункт с другой стороны, глазами других участников. Ученик профессора В.В. Розанов оценил происходящее по-иному и позже писал в письме к Герье: «Вы всегда казались мне еще студенту — стоиком: так трудно Вам было бороться с тупостью Бог знает зачем приходящей

¹ Взаимодополняющий детальный анализ диспута, его хронологии, а также роли и места в истории отношений В.И. Герье и Н.И. Кареева см.: Золотарев В.П. В.И. Герье и Н.И. Кареев: к истории взаимоотношений // История идей и воспитание историей... С. 158–166; Фильмонов В.А. Н.И. Кареев и В.И. Герье: опыт реконструкции межличностных коммуникаций // История идей и воспитание историей... С. 177–179.

² См.: Ред. [Ковалевский М.М.] [Разбор книги Н.И. Кареева «Крестьяне и крестьянский вопрос...»] // Критическое обозрение. 1879. № 9. С. 17–36 (далее: Критическое обозрение. 1879. № 9).

³ Кареев Н.И. Прожитое... С. 139.

⁴ Как свидетельствует опубликованный отчет, они свелись к обвинениям в неточности анализа источников и ошибочной трактовке фактов из средневековой истории. — См.: Критическое обозрение. 1879. № 9. С. 32–33.

⁵ Кареев Н.И. Прожитое... С. 139–140.

в университет молодежи (т.е. 90 %), с наступающим фразерством; помню диспут Кареева и Вас, где Вы поймали его на цитате из Тацита, а он, плачевно обращаясь к публике, заговорил, что Вам не нравится его либерализм, и коровы-студенты заревели от восторга, а Вы кусали губы»¹.

Действительно, и Кареев, и опиравшиеся на его свидетельства ученые считают, что возражения Герье имели политическую подоплеку². Однако внимательное изучение опубликованного М.М. Ковалевским в «Критическом обозрении» подробного отчета о диспуте («возражения» оппонентов и ответы Кареева на них) показывает, что никаких политически окрашенных замечаний Герье не делал. По его мнению, Кареев недооценил важность методологии, а больше озаботился «фасадом» и «наружными украшениями» на здании своей диссертации, не обратив достаточного внимания на «фундамент», «стены здания» и «способ кладки»³. Герье отметил, что Кареев «не всегда относился к своему материалу, к свидетельствам, которые он приводил или из которых делал выводы, с тщательностью и точностью, необходимыми при научной работе»⁴.

Отзыв Герье содержал указания на массу неточностей в трактовке источников. Но когда он начал их монотонно перечислять, то похоронил под этими мелкими замечаниями сущность своих возражений. Публика, не желавшая вникать в тонкости источниковедческого анализа, всей душой была на стороне диссертанта, устав от длинной речи оппонента.

Сосредоточив критику на деталях, Герье не увидел в работе своего ученика главного. Кареев **первым** в историографии Французской революции поставил целью изучить, что «сделано было

¹ Цит. по: Ломоносов А.В. Герье Владимир Иванович // Розановская энциклопедия / сост. и гл. ред. А.Н. Николюкин. М., 2008. С. 231.

² Фактически это доминирующая точка зрения в общих трудах по истории защит диссертаций в России. См.: Сандерс Т. Третий оппонент: защиты диссертаций и общественный профиль академической истории в Российской империи // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 184–185; Иванов А.Е. Ученое достоинство Российской империи. XVIII — начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М., 2016. С. 419.

³ См.: Критическое обозрение. 1879. № 9. С. 23.

⁴ Там же.

для сельского населения во время переворота», и то, «какое участие принимало оно само в событиях того времени»¹.

Кареев привлек для своего исследования неизученные документы из Парижского национального архива. Он проанализировал печатные брошюры 1788–1793 гг., рукописные крестьянские указы, материалы из частных архивов. Новым был и сам подход к теме. До того французские ученые изучали положение крестьянства в XVIII веке с позиций его правового положения, Кареев исследовал и социально-экономические вопросы. Фактически Кареев вводил понятие «крестьянский вопрос», которое он не находил во французской историографии, открывал для науки аграрно-крестьянскую историю Французской революции и начинал ее специальное исследование².

На диспуте Кареев довольно пристрастно отнесся к замечаниям своих оппонентов: очень подробно и задиристо возражал Герье, на замечания Виноградова отделался отговоркой, что обнаруженные неточности относятся «к более ранней эпохе, нежели рассматриваемая мною», но полностью согласился с замечаниями Ковалевского³. При этом Виноградов был достаточно корректен в своем выступлении, назвав диссертацию «замечательной» «как по значительности положенного на нее труда и массе сообщаемых сведений, так и по искусной группировке богатого материала»⁴. Кареев был недоволен и даже обижен выступлением Герье на диспуте. По его словам, между ними пробежала «большая черная кошка». Однако, на наш взгляд, выпустил её сам диссертант. Кареев даже не стал устраивать традиционного обеда после диспута. В отношениях между учителем и учеником произошел разрыв, продолжавшийся четыре года. Талантливый, многообещающий ученый не получил кафедры в Московском университете и был отправлен в только что открытый Варшавский университет⁵.

¹ Кареев Н.И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции... С. 397–398, 406, 479.

² См.: Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция. Крестьянское движение в 1789–1794 гг. М., 1987. С. 9, 377.

³ Кареев Н.И. Письмо в редакцию // Критическое обозрение. 1879. № 10. С. 45–48.

⁴ Критическое обозрение. 1879. № 9. С. 32.

⁵ Идеи и люди... С. 591.

Однако с позиций Герье факты можно трактовать иначе, ведь он был обеспокоен прежде всего подготовкой кадров для кафедры. Его первые магистранты Н.Г. Высотский¹ и С.Ф. Фортунатов диссертаций так и не защитили. Поэтому профессор в начале 1870-х годов делает ставку сразу на двух талантливых студентов — Кареева и Виноградова, при этом понимая, что оставить сразу двух ученых в университете не получится: между кафедрами шло негласное состязание за штатные единицы. Вплоть до отъезда Кареева в заграничную командировку факты не позволяют утверждать, что к кому-то из них Герье благоволил больше. В записных книжках профессора эти две фамилии неизменно стоят рядом. Так, сохранились темы рефератов, подготовленные в университетском семинаре Герье: Кареев — «Время уничтожения крепостного права в Германии», Виноградов — «Иосиф II и его законодательство»². Сохранились записи об оценках на экзаменах. В 1871 году Виноградов получил «4», Кареев — «5». На экзамене в 1872 году — Кареев — «5», Виноградов «5+»³. В заметках о семинаре встречаем запись: «Зибеля чит[али] — Кучин[ский], Виноград[ов], Кареев»⁴.

В студенческие годы отношения Кареева и Виноградова были дружескими. «Мы очень быстро сблизились, стали часто видаться вне стен университета, бывать друг у друга»⁵, — пишет Кареев. Он вспоминал: «Часто, помню, возвращаясь с вечернего семинария, происходившего у Герье на дому, мы заходили вдвоем в ресторан закусить и побеседовать»⁶. Однако это было не простое общение двух молодых людей. «Наши разговоры чаще всего касались общих теоретических вопросов исторической науки, которыми я тогда особенно интересовался и по которым у него были свои определенные взгляды»⁷, — пишет Кареев. Впоследствии они «без всякой видимой

¹ О нем см.: Цыганков Д.А. Сообщество московских всеобщих историков... С. 118, 642. Он, в отличие от С.Ф. Фортунатова, продолжившего научно-педагогическую деятельность в высшей школе, сделал карьеру в школьном образовании.

² НИОР РГБ. Ф. 70. К. 19. Ед. хр. 1. Л. 5.

³ Там же. К. 33. Ед. хр. 65. Л. 21, 28 об.

⁴ Там же. Ф. 70. К. 14. Ед. хр. 4. Л. 3.

⁵ Архив МГУ. Ф. 213. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 2.

⁶ Кареев Н.И. Прожитое... С. 129.

⁷ Архив МГУ. Ф. 213. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 2 об.

причины», по словам Кареева, отдалились друг от друга. Он считает, что это произошло не по его вине. Однако в письмах к Герье из Парижа в апреле 1878 года он признается, что немного виноват перед Виноградовым «в неисполнении обещания писать»¹.

Охлаждению отношений между двумя учениками Герье способствовал тот факт, что после отъезда Кареева за границу Виноградов по инициативе Герье был принят сторонним преподавателем в Московский университет и стал вести лекции по истории средних веков. Такой чести Кареев, закончивший университет за два года до Виноградова, удостоился лишь после возвращения, да и то благодаря тому, что в это время в заграничную командировку уехал Павел Гаврилович. Кареев явно видел в Виноградове конкурента на место штатного доцента Московского университета, о чем откровенно писал П.Л. Лаврову.

Всего скорее, до возвращения Кареева из командировки Герье еще не определился в своем выборе между двумя кандидатами. Он уже близко познакомился с Виноградовым, проработав с ним бок о бок 1877/78 учебный год, но не успел оценить Кареева как преподавателя. В 1878/79 учебном году, когда Виноградов уезжает за границу, коллегой Герье по кафедре стал Кареев. И профессору, как уже отмечалось, не могли понравиться как некоторые поступки Кареева (сближение с М.М. Ковалевским, его задиристый характер), так и то, что лекции Кареева пользовались огромной популярностью у студентов. К тому же и Герье, и Кареев в это время тяготели к новой истории, а Виноградов занимался средневековьем, что с точки зрения специализации преподавателей кафедры было рациональнее для нее².

На наш взгляд, к окончательному решению Владимиром Ивановичем вопроса о замещении кафедры одним из претендентов привел диспут Кареева. Резкие выпады ученика против своего учителя во время диспута имели результатом то, что, как передали Карееву «услужливые люди», Герье был «раздражен»³. С течением времени

¹ НИОР РГБ. Ф. 70. К. 46. Ед. хр. 5. Л. 14 об.

² Идеи и люди... С. 583.

³ Мы считаем, что источником информации мог быть М.С. Корелин, друживший с Кареевым. Он в это время посещал семинар Герье и был одним из любимых его студентов.

и сам Кареев осознал, что на диспуте «преувеличивал значение происходящего», и что все могло закончиться иначе, если бы он сам «резким образом не порвал своих отношений с Герье»¹.

Однако, даже сделав свой выбор, Герье не снимал с себя ответственности за трудоустройство Николая Ивановича, что тот, несомненно, понимал и сохранил в благодарной памяти ученика². Но следует согласиться с В.П. Золотаревым, что эта забота об ученике «была уже другого рода — поскорее избавиться от радикально мыслящего магистра истории, который по молодости лет и отсутствию опыта может доставить немало неприятностей профессору»³. Более того, память о диспуте продолжала его волновать. Двумя годами после защиты Кареева Герье в письме к другому своему ученику М.С. Корелину, поставившему перед учителем вопрос о причинах эволюции взглядов историков и продемонстрировавшим свое понимание его примером Н.И. Кареева⁴, изложил свое понимание «феномена» последнего: «Что касается до Кареева, то помимо излишнего самомнения и некоторой нравственной нечувствительности, он служит примером вредного влияния, которое имеет раннее чтение наших журналов на научные интересы. Что он от “духовной истории человечества” перешел к истории французских крестьян, я не только осуждаю, но считал бы даже для него полезным — эта тема не допускает такого тумана и таких фраз, как вопросы “внутренней культуры”; но, к сожалению, он и здесь, где не имел под собой твердую почву архивного и книжного материала, предпочел модную фразеологию научному интересу»⁵. Как видим, Герье продолжал вести свой, теперь арьергардный, «бой».

¹ Кареев Н.И. Прожитое... С. 140.

² Полагаем, что в некрологе В.И. Герье, написанном Кареевым в 1922 г., он был искренен, когда посчитал важным упомянуть: «...ни несходство политических взглядов, ни личная размолвка не уменьшали во мне тяготения к Вл. Ив., как к ученому...», и далее засвидетельствовать: «...даже в этот острый момент Вл. Ив. усердно рекомендовал меня на кафедру всеобщей истории в Варшаве...» — Кареев Н.И. В.И. Герье // Голос Минувшего. 1922. № 2. С. 221.

³ Золотарев В.П. В.И. Герье и Н.И. Кареев... С. 164.

⁴ М.С. Корелин — В.И. Герье. 27 июля [1881] // Terra Euphora... С. 455.

⁵ В.И. Герье — М.С. Корелину. 12 авг[уста] 1881 г. // Terra Euphora... С. 461–462.

Но как расценил свое определение в Варшавский университет Кареев? Диалектика ситуации состояла в том, что он одновременно, как оценил В.П. Золотарев, «был донельзя огорчен решением Герье отправить его в Варшаву», и в то же время, по определению Б.Г. Сафронова, «охотно согласился переселиться в польскую столицу»¹. Сам Кареев в воспоминаниях детально изложил все плюсы, «заставившие» его «взять предложенное место в Варшавском университете»². Особо откровенно звучат его слова о том, что он сразу получал профессорство и вместе с ним решение своих материальных проблем. Далеко не всеми Варшавский университет рассматривался как периферия. Н.С. Алмазова замечает: «В силу особой роли этого университета как самого западного русского университета и русского университета на польской земле, министерство народного просвещения сосредоточило здесь сильные научные кадры, да и сами ученые не отказывались работать в этом университете, поскольку Варшава была гораздо ближе к научным центрам Германии, Франции, Италии и т. д.»³.

Но в этой истории нельзя пройти мимо того факта, который актуализировал В.П. Золотарев, введя в научный оборот письмо, написанное Кареевым в рассматриваемое время П.Л. Лаврову в Париж: Кареев понимал, что «Утвердиться здесь на доцентуре можно только с боя, но бой этот предполагает необходимость примкнуть к противной стороне Герье партии, пуститься вовсю [в] интриги, взять себе в патроны враждебных ему профессоров и пр. ...». И он, оставаясь верным своему учителю, своей «партии», подчеркивает: «Вы понимаете, что я не иду этой дорогой»⁴.

Итак, контрапункт 1879 г. привел к тому, что Н.И. Кареев и М.М. Ковалевский стали не просто друзьями, но, имея общие научные интересы, составили некое научное содружество, в котором полифонически «зазвучала новая мелодия», способствовавшая складыванию новой научной парадигмы, лежащей в основе «русской

¹ Сафронов Б.Г. Н.И. Кареев о структуре исторического знания. С. 55.

² Кареев Н.И. Прожитое... С. 156.

³ Алмазова Н.С. «Девятый вал» профессора Д.И. Нагуевского: история одной несостоявшейся защиты // Мир историка: историографический сборник. Вып. 6. Омск, 2010. С. 57.

⁴ Цит. по: Золотарев В.П. В.И. Герье и Н.И. Кареев... С. 164.

исторической школы». В.И. Герье, первым в России обратившийся к научному исследованию истории Французской революции, «исходный лидер» русской исторической школы, после событий 1879 г. был оттеснен на периферию этого научного содружества. «Мелодии» П.Г. Виноградова и М.С. Корелина звучали как соединительные партии между голосами этих ученых¹. Сотрудничество ученых продолжалось, но отныне каждый из них «вел» свою партию. Такая полифония, на наш взгляд, способствовала развитию «русской исторической школы».

В 1879 г. произошло непосредственное знакомство зарубежных интеллектуалов с трудами рассматриваемых русских историков и в первую очередь с диссертацией Н.И. Кареева «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века». Экземпляры опубликованной книги были отправлены не только российским адресатам, но и за границу, где первыми ее получателями стали русские эмигранты П.Л. Лавров, П. Кропоткин, Г.А. Лопатин², но главное — Фюстель де Куланж³ и К. Маркс. «По архивным правилам» послал Кареев свою диссертацию и в библиотеки, в частности, в библиотеку Национального архива Франции»⁴.

¹ См.: *Иванова Т.Н.* Сотрудничество и соперничество как факторы развития научной школы: ученики В.И. Герье // Николай Иванович Кареев: жизненный путь и научное наследие в трансдисциплинарном контексте современного историознания: сб. статей и сообщений. Казань, 2021. С. 88–93.

² Н.И. Кареев вспоминал, что, «когда, в самом конце 1878 г., я издал свою магистерскую диссертацию..., то послал по экземпляру П.Л. Лаврову и П.А. Кропоткину, исполняя данные им перед тем обещания». — Кареев Н.И. Письмо Карла Маркса к М.М. Ковалевскому о физиократах // *Былое*. 1922. № 20. С. 103. В письме от 27 декабря 1878 г. П.Л. Лавров сообщил, что получил книгу 26 декабря 1878 г. — Письма Петра Лавровича Лаврова Н.И. Карееву (1879–1880) // *Материалы для биографии П.Л. Лаврова*. Вып. 1. Петроград, 1921. С. 43. В письме от 5 марта 1879 г. он информировал Кареева, что «Своевременно получил и Н. В-th (Г.А. Лопатин — Г.М., Т.И.) посланную Вами книгу». — Там же. С. 45.

³ Совет исходил от В.Л. Лаврова, который 11 апреля 1879 г. писал Карееву: «Вы очень хорошо сделаете, если пошлете Fustel de Coulanges Ваш exposé, так как Ваш труд всего более должен интересовать французов». — *Материалы для биографии П.Л. Лаврова...* С. 47.

⁴ См.: Кареев Н.И. *Прожитое...* С. 149.

Результаты не заставили себя ждать. В российских журналах в 1879 г. было опубликовано семь рецензий¹, первой среди которых оказалась напечатанная уже в апрельском номере журнала «Дело» рецензия эмигранта П.Л. Лаврова, естественно, под псевдонимом П-ский². Фюстель де Куланж, как сообщает сам Кареев, предложил ему составить «краткое изложение... книги по-французски»³, на основании которого он сделал доклад в Академии нравственных и политических наук, позже напечатанный в журнале Академии⁴. Особенно Кареев подчеркивал значение «для ознакомления французов с книгой» опубликованное в трех выпусках журнала «*Journal des Savants*» изложение книги, сделанное директором Национального архива Франции Альфредом Мори. Кареев с удовлетворением цитировал слова маститого ученого, чей отзыв был для него «особенно... важен»: «Автор не побоялся предпринять то, чего не сделали французы; в его книге предмет был подвергнут рассмотрению с наибольшей обстоятельностью, вниманием... и французы могут узнать из нее очень много»⁵.

Свою диссертацию Кареев по совету Ковалевского и через Ковалевского отправил К. Марксу⁶. Факт этот, как и судьба книги, хорошо

¹ См.: Николай Иванович Кареев. Библиографический указатель (1869–2007) / сост. В.А. Филимонов. Казань, 2008. С. 24–26.

² П-ский [Лавров П.Л.] История Франции под пером новых русских исследователей («Крестьяне и крестьянский вопрос» Н.И. Кареева и «Государственное хозяйство во Франции XVIII в.» В.А. Гольцева) // *Дело*. 1879. № 4. Отд. 2. С. 1–39. В своих воспоминаниях Н.И. Кареев объяснил псевдоним — Петр Парижский. См.: Кареев Н.И. Из воспоминаний о П.Л. Лаврове // *Былое*. 1918. № 3. С. 17, прим.

³ Кареев Н.И. *Историки Французской революции*. Т. III. С. 162; *Он же*. Прожитое... С. 148.

⁴ Fustel de Coulanges N.D. // *Séances et travaux l'Académie des sciences morales et politiques*. Т. СХII. 1879. Août — Septembre. P. 356–358. Информация о выступлении Фюстель де Куланжа опубликована: 1) *Journal officiel de la République Française* № 194. P. 6911–6912; 2) *Jornal de debat*. 17 juillet; 3) *Le Globe*. № 76. 14 juillet; 4) *La Revue politique et littéraire*, 2-me série. № 47. P. 1124.

⁵ Цит. по: Кареев Н.И. *Историки Французской революции*. Т. III. С. 163. Добавим, что, когда во Франции вышел в 1899 г. перевод книги (Kareieff N. *Les paysans et la question paysanne en France dans le dernier quart du XVIIIe siècle* / Tr. du russe par m-lle C.W. Woynarowska. Paris: V. Giard & E. Brière. 1899. 2 Bl. + XXVII + 635 p.), на нее появилось около десяти рецензий (см.: Николай Иванович Кареев. Библиографический указатель... С. 25–26), среди авторов которых были такие известные историки, как Ф. Саньяк, А.-Н. Рамбо, А. Сэ.

⁶ Кареев Н.И. Письмо Карла Маркса к М.М. Ковалевскому... С. 103.

известны. Книга Кареева заняла достойное место в библиотеке Маркса и числилась под № 91 в списке «Русское в моей библиотеке»¹. Выдающийся мыслитель сразу откликнулся: в письме Ковалевскому, посланном в апреле 1879 г., он писал: «Сочинение г-на Кареева превосходно (*excellent*). Только я не вполне разделяю его взгляд на физиократов...»². В 1893 г. Ф. Энгельс показывал хранившийся у него экземпляр Маркса А.М. Водену и просил того (и Плеханова) «принять... к сведению», что «...и Маркс, и он лично признали этот труд очень добросовестным и *“eine bahnbrechende Leistung”*...»³.

В том же 1879 г. библиотеку К. Маркса пополнили отправленные М.М. Ковалевским из Москвы в марте оттиск его статьи «Заметки по поводу проекта болгарской конституции» («Слово». 1879, № 3) и отправленная в августе книга М.М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения», а также некоторые номера «Критического обозрения». В течение 1879–1880 гг. Марксом был сделан конспект «Общинного землевладения...»⁴. Именно в связи с вопросом Н. Даниельсона о том, получил ли Маркс эту книгу от автора, он в ответном письме от 19 сентября 1879 г. написал о Ковалевском: «Он один из моих “научных” друзей...»⁵.

П.Г. Виноградов остался преподавателем на кафедре всеобщей истории Московского университета. В мае 1880 г. он вновь выступит оппонентом — на этот раз — «с блеском», но «со стороны» — на защите докторской диссертации М.М. Ковалевского. В 1881 г.

¹ Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1978. С. 79.

² Маркс — Максиму Максимовичу Ковалевскому [Лондон, апрель 1879 г.] // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 286. Кареев вспоминал, что «В апреле 1879 года он (М.М. Ковалевский — Г.М., Т.И., В.К.) сообщил мне о получении им письма от Маркса, в котором, между прочим, он благодарил его за присылку моих “Крестьян”. Соответствующую часть письма он мне прочитал, переведя ее с английского языка, на каком письмо было написано, по-русски, причем я тотчас же перевод записывал». — Кареев Н.И. Письмо Карла Маркса к М.М. Ковалевскому... С. 103.

³ Цит. по: Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1978. С. 79.

⁴ Опубликовано: Маркс К. Конспект книги М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения». Часть первая. Москва, 1879 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 45. С. 153–226.

⁵ Маркс — Николаю Францевичу Даниельсону в Петербург, Лондон, 19 сентября 1879 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 323.

он защитил магистерскую диссертацию «Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии», а в 1887 г. — докторскую «Исследования по социальной истории Англии»¹ и стал одним из ведущих европейских медиевистов².

Заключая, следует признать: в 1879 г. для формирующейся научной школы проявился еще один не менее важный «регистр»: по сути, с ним связан момент зарубежного признания факта рождения в России нового научного направления, развитие которого в весьма скором времени позволит сделать вывод о возникновении феномена «русская историческая школа». К рождению этого понятия оказались причастны и те, кто был в числе первых читателей трудов Н.И. Ковалевского, Н.И. Кареева в 1879 г. В скором времени, в 1884 г., Ф. Энгельс, суммируя свои и К. Маркса наблюдения за развитием общественно-политической и духовной жизни России, выскажет мысли о складывании «исторической, критической школы в русской литературе»³, а исследователи Французской революции во Франции, получившие доступ и знакомившиеся с трудами русских историков — Н.И. Кареева, позднее — М.М. Ковалевского и И.В. Лучицкого, их учеников — о поворотном событии в истории Франции, или как уточнил Н.И. Кареев, — «только с частью этой литературы», обозначат группу русских историков понятием *“ecole russe”*⁴.

***

Авторы статьи выражают надежду, что наше стремление найти различные грани антропологической модели схолярных исследований, наши поиски представить научную школу как многосложную и многослойную институцию, услышать голоса солистов

¹ См.: Моисеенкова Л.С. Патриарх российской медиевистики (Жизнь и научное творчество П.Г. Виноградова). Симферополь, 2000; Антоценко А.В. Русский либерал-англофил Павел Гаврилович Виноградов. С. 39–40 и сл.

² О взаимоотношениях Ковалевского и Виноградова на научном поприще, о признании роли последнего в английской науке см.: Ковалевский М.М. Моя жизнь... С. 211–212. Ср.: Сидорова Т.А. Фредерик Уильям Мейтленд и английская историография критического направления. Конец XIX — первая половина XX в. СПб., 2014. С. 38, 637–649, 653–655.

³ Энгельс — Евгении Эдуардовне Паприц, 26 июня 1884 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 147.

⁴ Кареев Н.И. Историки Французской революции. Т. III. С. 147.

в формирующемся научном хоре “*ecole russe*”, будет воспринято как своеобразный подарок юбиляру — дорогой Лорине Петровне. Ей принадлежат не только концептуальные оценки данной школы, но и переформатирование предметной области историографии и, наконец, с ее именем связано складывание институционального и эмоционального поля современного историографического сообщества, его «зарядка» на поиск и радость творчества.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция. Крестьянское движение в 1789–1794 гг. М., 1987.
- Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. Диссертационная культура российских историков XIX — начала XX в.: замысел и источники исследовательского проекта // Мир историка. Вып. 6. Омск, 2010.
- Алмазова Н.С. «Девятый вал» профессора Д.И. Нагуевского: история одной несостоявшейся защиты // Мир историка: историографический сборник. Вып. 6. Омск, 2010.
- Андреев А.Ю. Ковалевский Максим Максимович // Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь / составители А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. М., 2010.
- Антощенко А.В. Русский либерал-англофил Павел Гаврилович Виноградов: монография. Петрозаводск, 2010.
- Архив Московского государственного университета (АМУ). Ф. 213. Виноградов Павел Гаврилович.
- Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Л., 1929. Ч. I.
- Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Т. I–II. СПб., 1876.
- Виноградов П.Г. Исторические разыскания в итальянских архивах и библиотеках // Журнал Министерства народного просвещения. 1879. Ч. ССІ. Февраль (№ 2). Отд. 4.
- Генералова Н.П. Невероятное путешествие И. С. Тургенева в Петербург и Москву (февраль–март 1879 года) // Русская литература. 2018. № 3. С. 76–96.
- Герье В.И., Чичерин Б.Н. Русский дилетантизм и общинное землевладение. Разбор книги А. Васильчикова «Землевладение и земледелие». М., 1878.
- Г.П. Мягков, Т.Н. Иванова, В.П. Корзун. 1879 год как контрапункт... 289
- Золотарев В.П. В.И. Герье и Н.И. Кареев: к истории взаимоотношений // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье. М., 2008.
- Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И. Кареева: содержание и эволюция. Л., 1988.
- Иванов А.Е. Ученое достоинство Российской империи. XVIII — начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М., 2016.
- Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье: портрет педагога и организатора образования. Чебоксары, 2009.
- Иванова Т.Н. Сотрудничество и соперничество как факторы развития научной школы: ученики В.И. Герье // Николай Иванович Кареев: жизненный путь и научное наследие в трансдисциплинарном контексте современного историознания: сб. статей и сообщений. Казань, 2021.
- Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Феномен школы В.И. Герье: коммуникативные практики в пространстве научного знания // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / под ред. Л.П. Репиной. М., 2014.
- История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье / под ред. Л.П. Репиной. М., 2008.
- История Московского университета. Т. 1. М., 1955.
- Калоев Б.А. М.М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979.
- Кареев Н.И. В.И. Герье // Голос Минувшего. 1922. № 2.
- Кареев Н.И. Воспоминания о П.Г. Виноградове, присланные Е.Г. Соколовой // Архив МГУ. Ф. 213. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 2 об.
- Кареев Н.И. Из воспоминаний о П.Л. Лаврове // Былое. 1918. № 3.
- Кареев Н.И. Историк французской революции. Т. III. Л., 1925.
- Кареев Н.И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века (по неизданным источникам). Историческая диссертация. М., 1879.
- Кареев Н.И. Письмо в редакцию // Критическое обозрение. 1879. № 10. С. 45–48.
- Кареев Н.И. Письмо к В.И. Герье от 20 февраля [1878] // НИОР РГБ. Ф. 70. К. 46. Ед. хр. 5. Л. 23.
- Кареев Н.И. Письмо Карла Маркса к М.М. Ковалевскому о физиократах // Былое. 1922. № 20.
- Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990.
- Кирсанова Е.С. Консервативный либерал в русской историографии: жизнь и историческое мировоззрение В.И. Герье. Северск, 2003.
- Ковалевский М.М. Критическая заметка. Материалы для изучения Болгарии // Вестник Европы. 1878. № 3.

- Ковалевский М.М. Московский университет в конце 70-х — начале 80-х годов прошлого века // Вестник Европы. 1910. № 5.
- Ковалевский М.М. Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005.
- Ковалевский М.М. Общественный строй Англии в конце средних веков. М., 1880.
- Ковалевский М.М. Воспоминания об И.С. Тургеневе // Минувшие годы. 1908. № 8.
- Ковалевский М.М. Памяти Всеволода Миллера // Этнографическое обозрение. 1913. № 3–4.
- Кони А.Ф. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2: Воспоминания о деле Веры Засулич. М., 1967.
- Куприц Н.Я. Ковалевский. М., 1978.
- Ломоносов А.В. Герье Владимир Иванович // Розановская энциклопедия / сост. и гл. ред. А.Н. Николюкин. М., 2008.
- Лукьянов С.М. О Владимире Соловьеве в его молодые годы: В 3 кн. Кн. 3. М., 1990.
- Максимов А. Работы М.М. Ковалевского в области первобытного права // Этнографическое обозрение. 1916. № 1–2.
- Маркс К. Конспект книги М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения». Часть первая. М., 1879 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 45. С. 153–226.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.
- Миллюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 1. М., 1990.
- Моисеев Л.С. Патриарх российской медиевистики. (Жизнь и научное творчество П.Г. Виноградова). Симферополь, 2000.
- Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука. В 2 кн. Кн. 1. Журналистика в контексте наукотворчества России в XVIII–XIX вв. М., 1998; Кн. 2. Журналистика и историографическая традиция в России 30–70-х гг. XIX в. М., 1999.
- Мягков Г.П. «Русская историческая школа». Методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988.
- Мягков Г.П. «Ученые и неученые споры» о судьбах русской деревни. 130 лет книге Б.Н. Чичерина и В.И. Герье «Русский дилетантизм и общинное землевладение» // Общественно-политическая мысль и духовная культура народов Поволжья и Приуралья XIX–XX вв. Проблемы изучения. Казань, 2008.
- Николай Иванович Кареев. Библиографический указатель (1869–2007) / сост. В.А. Филимонов. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008.

- Никс Н.Н. Московская профессура во второй половине XIX — начале XX века. Социально-культурный аспект. М., 2008.
- НИОР РГБ. Ф. 70. Герье Владимир Иванович.
- Ольховский Е.Р. «Критическое обозрение» М.М. Ковалевского о некоторых проблемах отечественной истории // М.М. Ковалевский и российская общественная мысль. К 150-летию со дня рождения. СПб., 2003.
- П. П-ский [Лавров П.Л.] История Франции под пером новых русских исследователей («Крестьяне и крестьянский вопрос» Н.И. Кареева и «Государственное хозяйство во Франции XVIII в.» В.А. Гольцева) // Дело. № 4. Отд. 2.
- Письма М.М. Ковалевского к Чупрову Александру Ивановичу [не позднее 13/24 февраля 1879 г.] // Ковалевский М.М. Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005.
- Письма Н.И. Кареева // Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М.: РОСПЭН, 2010. С. 121–122.
- Письма П.Г. Виноградова // Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010.
- Письма Петра Лавровича Лаврова Н.И. Карееву (1879–1880) // Материалы для биографии П.Л. Лаврова / Под ред. П. Витязева. Вып. 1. Петроград, 1921.
- Письмо кн. Мещерского гр. Д.А. Уварову 11 января 1789 г. — ЦГИА СПб. Ф. 733. Оп. 200. Д. 4. Л. 2.
- Погодин С.Н. Максим Максимович Ковалевский. СПб., 2005.
- Погодин С.Н. Очерки русской историографии (конец XIX — начало XX века). СПб., 2017.
- Ред. [Ковалевский М.М.] [Разбор книги Н.И. Кареева «Крестьяне и крестьянский вопрос...»] // Критическое обозрение. 1879. № 9.
- Репина Л.П. Идеи — концепции — люди, или Как писать историю медиевистики сегодня? (К 100-летию Е.В. Гутновой) // Средние века. 2014. Т. 75. № 3–4.
- Репина Л.П. Концепции «единого человечества» и «общего прошлого» в интеллектуальном наследии русской исторической школы // Запад — Восток. 2019. № 12.
- Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1978.
- Савин А.И. М.М. Ковалевский как историк // Исторические известия. 1916. Т. VI.
- Сандерс Т. Третий оппонент: защиты диссертаций и общественный профиль академической истории в Российской империи // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М., 2012.

- Сафронов Б.Г. Н.И. Кареев о структуре исторического знания. М., 1995.
- Сидорова Т.А. Фредерик Уильям Мейтленд и английская историография критического направления. Конец XIX — первая половина XX вв. СПб., 2014.
- Тимирязев К.А. Памяти друга // Тимирязев К.А. Наука и демократия. М., 1920.
- Токарев М. Из не любви к бунтовщикам. URL: http://www.m-mos.ru/2006/07_08/19.htm (дата обращения: 11.04.2022).
- Филимонов В.А. Н.И. Кареев и В.И. Герье: опыт реконструкции межличностных коммуникаций // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье. М., 2008.
- Формулярные списки М.М. Ковалевского. — ЦГИА СПб. Ф. 740. Оп. 17. Д. 48.
- Хайлова Н.Б. Максим Максимович Ковалевский // Ковалевский М.М. Моя жизнь: Воспоминания. М., 2005.
- ЦГИА СПб. Ф. 733.
- ЦИАМ. Ф. 418.
- Цыганков Д.А. В.И. Герье и Московский Университет его эпохи (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2008.
- Цыганков Д.А. Сообщество московских всеобщих историков во второй половине XIX века // Terra Eugora: интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века / под общ. ред. Д.А. Цыганкова. М., 2014.
- Чичерин Б.Н. Воспоминания. Земство и Московская дума. М., 1934.
- Чичерин Б.Н. Москва сороковых годов // Русское общество 40–50-х годов XIX в. Часть II. Воспоминания Б.Н. Чичерина. М., 1991.
- Шигабутдинов Р.Р. Журнал «Критическое обозрение» в научной и общественной жизни России на рубеже 70–80 гг. XIX в. // Ученые записки Института социальных и гуманитарных знаний. 2010. № 1 (8).
- Щетинин Б.А. М.М. Ковалевский и Московский университет (страничка из воспоминаний) // Исторический вестник. 1916. № 5.
- Fustel de Coulanges N.D. // Séances et travaux l'Académie des sciences morales et politiques. T. CXII. 1879. Août — Septembre. P. 356-358.
- Jornal de debat. 1879. 17 juillet;
- Journal officiel de la République Française. 1879. № 194. P. 6911–6912.
- Kareieff N. Les paysans et la question paysanne en France dans le dernier quart du XVIIIe siècle / Tr. du russe par m-lle C.W. Woynarowska. Paris: V. Giard & E. Brière. 1899. 2 Bl. + XXVII + 635 p.
- La Revue politique et littéraire, 2-me série. 1879. № 47. P. 1124.
- Le Globe. 1879. № 76. 14 juillet.

Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришина

ДИССЕРТАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК РОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ ТРАДИЦИЯ СООБЩЕСТВА УЧЕНЫХ- ИСТОРИКОВ XIX — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: СЛОЖНОСТИ РЕЦЕПЦИИ И ПЕРЕХОДА*

Нормативные основы диссертационной культуры

Создание корпуса ученых, обеспеченных учеными степенями и научными званиями, являлось одной из задач Министерства народного просвещения (далее — МНП) в законодательной стратегии всего XIX века. Министерство было озабочено необходимостью укрепления и развития университетской системы, профессорско-преподавательский состав которой в начале столетия еще не был искушен в тонкостях научно-правового регулирования своей деятельности и требовал соответствующего правового воспитания. Но и представители МНП испытывали трудности на законодательном поприще в поисках адекватного инструментария подготовки ученых высшей профессиональной квалификации.

Подходы к регулированию процесса приобретения ученых степеней нашли отражение в соответствующих положениях¹, ставших своеобразными нормативно-инструкционными дополнениями к университетским уставам 1804–1884 гг. Мы выделяем

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00557 «Диссертационная культура научного сообщества советских историков 1920-1950-х гг.: адаптация дореволюционного опыта и поиски новой модели подготовки ученых».

¹ Положение о производстве в ученые степени // ПСЗ РИ. 1819. Собр. 1. Т. 36. № 27646. С. 37–42; Положение об испытаниях на ученые степени // ПСЗ РИ. 1837. Собр. 2. Т. 12. Ч. 1. № 10188. С. 285–287; Положение о производстве в ученые степени (от 6 апреля 1844 г.) // ЖМНП. 1844. Ч. 42. С. 179–192; Положение об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени (от 4 января 1864 г.) // ЖМНП. 1864. Февраль. Ч. 121. С. 96–110. В дальнейшем сноски на статьи положений размещены в тексте статьи в круглых скобках.

две группы положений об ученых степенях, различавшихся их отношением к диссертации и диссертационному диспуту как факторам, определявшим научно-профессиональный уровень претендентов на получение ученых степеней. Положения 1819 и 1837 гг. рассматривали диссертацию лишь как один из элементов проверки компетенций соискателей, делая более существенный акцент на регламентации экзаменационных испытаний. Диссертация не воспринималась еще как проявление творческой активности ученого и его научной самостоятельности, реализуемой посредством научных инноваций. В текстах данных положений не было речи об оппонировании диссертации как способе научной экспертизы. Регламентация самой процедуры защиты в них выглядела весьма аморфно: не существовало специальных установлений, которые бы детализировали этапы подготовки и организации диссертационного диспута, ставшего впоследствии кульминационным моментом любой диссертационной истории и отражавшего содержание и результаты как научной деятельности соискателя, так и экспертных усилий научного сообщества. Не были четко определены полномочия факультета, декана, оппонентов и других экспертов, имевших отношение к допуску соискателя к защите и присуждению ему ученой степени.

Вторую группу составляют тексты положений, изданных в 1844 и 1864 гг. Несмотря на двадцатилетие, их разделявшее, положение 1844 г. можно рассматривать в качестве стартового нормативного документа, ориентированного на создание основ инновационной стратегии в сфере организации защит диссертаций. Она была нацелена на пересмотр прежних приоритетов в области оценивания научной подготовки соискателей ученых степеней и организации научной экспертизы их профессионализма. Помимо вопросов экзаменационных штудий, относительно которых был взят курс на упрощение этой части испытаний, принципиальное внимание было уделено процедуре экспертизы диссертации. В текст положения 1844 г. вводились новые рациональные моменты, опиравшиеся на идею 76 статьи устава 1835 г., устанавливающую связь ученой степени с занимаемой должностью: «Никто не может быть ординарным или экстраординарным профессором, не имея степени доктора того факультета, к которому принадлежит кафедра. Для получения звания адъюнкта надлежит, по крайней мере, иметь степень

магистра»¹. Разработчики положения 1844 г. отказались от уравнивания границ и глубины знаний магистрантов и докторантов, характерных, в частности, для положения 1837 г., и попытались выработать критерии определения специфических уровней их компетенций в рамках научной специализации. Магистрант должен был «доказать преимущественно историческое знание предметов и правильный взгляд на разные отрасли наук», от докторанта же требовалось «критическое или философическое знание своей науки, объемлющее сущность и развитие оной, и сопровождаемое основательно обдуманном всесторонним воззрением» (курсив — документа) (1844, ст. 42). Таким образом, в положении 1844 г. от докторанта ожидалась способность логично и самостоятельно мыслить в процессе познания сущностей изучаемых явлений и создавать методологию своего исследования на уровне целостного представления об объекте изучения и научного обобщения.

Более детально, чем в прежних положениях, описывались процедуры допущения к защите и организации публичного диспута² соискателей ученых степеней (1844, ст. 36–39, 44–47). В частности, для магистрантов предусматривался «подробный разбор» диссертации факультетом в лице специалиста (профессора или адъюнкта) в данной области знаний. При положительной ее оценке соискатель допускался к публичной защите. Докторант должен был представить диссертацию, в которой не предполагалось «развитие» предмета, исследованного им в магистерской диссертации. Докторская диссертация «подробно» рассматривалась членами факультета и одним из специалистов-профессоров «для доказательства самостоятельности оной». Предполагалась предварительная защита докторской диссертации «в присутствии факультета», после чего докторант мог перейти к «испытаниям». «Ищущий степени доктора», только после сдачи экзамена допускался к публичному диспуту (1844, ст. 38, 44). Подчеркивалось, что диссертация докторанта должна быть связана с одной из наук, входящей в систему его испытаний (1844, ст. 37). Отмечалось функциональное предназначение тезисов к диссертации,

¹ Университетский устав 1835 г. URL: <http://letopis.msu.ru/documents/2123> (дата обращения: 05.06.2022).

² Иванов А.Е. Ученое достоинство в Российской империи. XVIII — начало XX в. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М.: Новый хронограф, 2016.

призванных выразить не только сущность содержания научного труда, но и одновременно «предметы возражений при публичном защищении» (1844, ст. 38). Тезисам придавалось, как видим, значение некой организующей основы ведения научного диспута. Также впервые устанавливалась форма представления диссертации: за неделю до диспута соискатель должен был предоставить ее членам факультета — либо в опубликованном, либо в рукописном виде (1844, ст. 45). На практике опыт публикации диссертаций появился гораздо раньше: к 1840-м гг. в некоторых университетах, например, в Московском, уже требовалось издание диссертации¹.

Новым в положении 1844 г. стало назначение так называемых «возражателей на тезисы», которых в числе двух персон выдвигали декан и факультет (1844, ст. 47). «Возражатель», таким образом, являлся прообразом оппонента. Более того, при составлении некоторых официальных протоколов защит 1850-х гг. понятие «возражатель» подверглось модернизации. Характерен пример протокола о докторской защите на историко-филологическом факультете Московского университета историка И.К. Бабста, состоявшейся в декабре 1850 г. Его «возражатели» — если пользоваться терминологией положения 1844 г. — были в протоколе названы «официальными оппонентами»²; ими выступали Т.Н. Грановский и И.В. Вернадский. Вероятно, именно практика диссертационных диспутов содействовала выработке новой европеизированной терминологии диссертационной культуры. Можно полагать, что из этой практики данный термин вошел в текст положения об ученых степенях 1864 г.

Отметим также, что после успешной защиты в Совет Университета от факультета поступало соответствующее «донесение». Далее отправлялось ходатайство попечителю учебного округа для того, чтобы тот подал прошение главе министерства народного просвещения о присвоении соискателю ученой степени. Представленная бюрократическая цепочка движения дела о защите диссертации, завершавшаяся утверждением ученой степени в МНП, свидетельствует, что к середине XIX в. основной площадкой апробации профессиональных достоинств соис-

¹ Гатаулина Р.Х., Ильина К.А. Университет vs Министерство народного просвещения: академическая экспертиза и цензура диссертаций в середине XIX в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 4. С. 15–24.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 1445. Л. 341.

кателя ученой степени являлся самостоятельно принимавший решение об этом соответствующий факультет университета.

Либеральный дух устава 1863 г. в сфере подготовки научных кадров отличался новшеством, призванным соответствовать идее социального равенства — безоговорочным правом получения ученой степени лицами всех социальных, в том числе податных, слоев (ст. 114)¹. Положение об ученых степенях 1864 г., разъясняло, что речь идет о «подданных всех состояний», а дополнительно объясняло, что получение ученой степени предоставляло возможность представителям податных слоев получить «узаконенным порядком» «увольнение» из этого состояния (1864, §§ 2, 11).

В деле подготовки людей науки устав 1863 г. был ориентирован на создание условий и «средств для развития ученой деятельности университетов» (1863, гл. X). Но в вопросах об ученых степенях, несмотря на поступавшие предложения исключить ставшие архаичными звание действительного студента и степень кандидата², устав продемонстрировал консервативную позицию. В специальной XI главе «Об ученых степенях и почетных членах» (1863, ст. 110–118) он сохранил прежние 4 типа ученых степеней — студента, кандидата, магистра, доктора, а в траектории университетской карьеры установил обязательную последовательную связь между ними (1863, ст. 111–113), подкрепленную положением 1864 г. (1864, § 6).

Именно в положении 1864 г. на нормативно-законодательном уровне был значительно повышен юридический статус диссертации как специфического научного труда. Не касаясь всех аспектов этого хорошо известного специалистам нормативного документа, заметим, что в нем наиболее четко проявилась тенденция к научной специализации соискателей ученых степеней. По замыслу его разработчиков это должно было содействовать углублению знаний в избранной для диссертации научной области.

Новшеством университетского законодательства 1860-х гг. стал отказ от проведения экзаменационных испытаний для докторантов и, в сравнении с прежним порядком, вводилась упрощенная

¹ Общій устав императорских российских университетов, 18 июня 1863 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 38. № 39752. С. 621–637.

² Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России. Л.: Наука, 1983.

процедура предварительного рассмотрения факультетом представленных ими диссертаций (1864, §§ 22, 23). Нормативные нововведения существенно повышали значение диссертации в системе «испытаний», окончательно утверждая ее статус в качестве основного показателя научного уровня соискателя. Разработчики положения 1864 г. в частности подчеркивали: «Научная зрелость ищущего докторской степени гораздо лучше может быть доказана диссертациею и публичным ее защищением, чем экзамен». В качестве аргумента этого утверждения служила мысль о том, что издание текста диссертации и организация публичного диспута в связи с защитой создавали возможность для широкой научной общественности выступать в качестве экспертной среды в отношении к научному продукту претендента на ученую степень. Подобная ситуация рассматривалась как «гарантия беспристрастия» в оценивании научных достоинств соискателя степени доктора. Более того, предполагалось, что если в перспективе университеты «с большею, чем до сих пор разборчивостью» будут присуждать степень магистра, то и для этой категории соискателей можно будет отказаться от «изустных испытаний»¹.

Разработка и утверждение нового положения об ученых степенях пришлось на время, когда начался постепенный рост числа защищаемых диссертаций. Положительная динамика защит диссертаций актуализировала задачи, лежащие в плоскости выработки стратегии, нацеленной на получение качественного научного продукта в виде диссертации. Члены комитета по разработке положения 1864 г. обратили внимание на факты защит «скороспелых» диссертаций. Призывая придать диссертациям значимую функцию, связанную с «самостоятельной и обширной обработкой науки», они рекомендовали не гнаться за увеличением их количества, полагая, что «наша ученая литература не многое потеряет от уменьшения числа магистерских и докторских диссертаций, нередко читаемых только профессорами *ex officio* и мало распространенных в публике»². Откровенные признания научной слабости некоторых диссертаций являются важными свидетельствами реалий университетской культуры. Для пред-

¹ По поводу нового положения об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени // ЖМНП. 1864. Январь. Ч. СХХI. С. 475–492.

² Там же. С. 492.

ставителей МНП подобные факты являлись дополнительными аргументами для реформирования данной сферы. Предполагалось, что качественная сторона защищаемых диссертаций должна вырасти благодаря публичности диссертационных диспутов: этот акцент стал лейтмотивом положения 1864 г. (1864, §§ 21, 23, 24, 27, 28, 29). В новом положении акцентировалось право участия в нем широкого круга представителей научной общественности, в том числе не принадлежавшей университету, где проходил диспут: «Докторы и магистры по той же науке, хотя и не принадлежащие к университету, приглашаются принять участие в диспуте» (1864, § 27).

Ряд позиций нового положения об ученых степенях отвечали смыслу предшествующего нормативного документа — 1844 г. Многие аспекты организации работы над диссертацией и правила ее защиты уже стали традиционными для университетов и не требовали разъяснений. В новом установлении, например, нет специальных положений, определяющих круг научных компетенций магистранта и докторанта. Уже не требовалось пояснять, для чего необходимо представлять тезисы. В разделе об испытаниях для этих категорий соискателей основное внимание сосредоточено на вопросах, связанных с организацией защиты диссертаций. Повсеместно вводилось правило печатать диссертации «на свой счет» и предоставлять их в факультет за месяц до защиты (1864, § 26), а также сохранялось известное по предыдущему положению требование о назначении двух экспертов, называемых теперь «официальными оппонентами» (1864, § 27). Термин «возражатели» постепенно стал выходить из употребления, хотя в разговорной лексике, как свидетельствуют источники личного происхождения, все же еще использовался.

Особо подчеркнем, что немаловажным новшеством устава 1863 г. явилась норма, олицетворявшая один из элементов университетской автономии — право утверждения итогов защиты и присвоения ученой степени за Советами университетов (1864, ст. 110), продублированная положением об ученых степенях 1864 г. (1864, § 28). Выдаваемые Советом университетов именные дипломы фиксировали название диссертации или иного сочинения (1864, § 29), представленного на основе устава 1863 г. к защите автором, «прославившимся своими дарованиями и заслугами» (1864, ст. 118).

Принципиальные новшества устава 1884 г.¹ касались известных регламентаций, отменивших прежний принцип избрания должностных лиц и нацеленных на установление жесткого министерского контроля над выдвижением ректоров, деканов, утверждением профессоров (1884, ст. 10, 17, 20, 24, 100). Кроме того, устав ввел серию надзирательских мер относительно университетской молодежи — студенчества и приват-доцентуры (1884, ст. 111, 122–125). Именно указанные положения нового устава вызвали волну негодования и неприятия нововведений со стороны многих либерально настроенных современников, связывавших жизнь университетской среды с традициями корпоративной «автономии» и «свободы».

Что же касается нормативов двух пореформенных уставов относительно «испытаний» претендентов на ученые степени, процедур подготовки и защиты диссертаций, то они не входили между собой в какую-либо принципиальную конфронтацию. Уставы 1863 и 1884 гг., регулируя эту область диссертационной системы, закрепляли тенденции, наметившиеся еще в первой половине XIX в. Одной из значимых норм устава 1884 г. стало безоговорочное утверждение двухзвенной структуры ученых степеней — магистерской и докторской (1884, ст. 85). Последнее явилось одним из наиболее существенных новшеств по сравнению со всеми предыдущими уставами. Этой нормой устав сократил дистанцию различий между российской и европейской диссертационной практикой. Университетский устав 1884 г. подтвердил также, введенную в 1863–1864 гг., отмену экзаменов для «ищущего степени доктора» (1884, ст. 87). Кроме того, он позволял факультету при «выдающихся достоинствах» магистерской диссертации обращаться в совет университета с ходатайством о «возведении» магистранта сразу в степень доктора (1884, ст. 30, § 1, п. 3; ст. 88).

В компетенцию МНП входило рассмотрение ходатайств факультетов и факультетских собраний по этим вопросам в случаях неординарных ситуаций. В частности, устанавливалось право для «лиц, приобретших известность учеными трудами» и «для лиц, приобретших почетную известность своими научными тру-

¹ Общий устав императорских российских университетов, 23 августа 1884 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 4. № 2404. С. 456–474.

дами» удостоивать учеными степенями особым порядком. Первых предполагалось выдвигать «прямо к соисканию степени доктора», вторых — «в степень доктора, без испытания на степень магистра и без предоставления диссертации» (1884, ст. 30, § 3., п. 9, 10). Эти положения, несколько корректируя предыдущие нормы (1863, ст. 113, примечание), расширяли круг претендентов, имевших право на получение ученых степеней.

При всех особенностях устава 1884 г. он не менял в сфере подготовки научных кадров и присвоения ученых степеней основного смысла прежних нормативных положений 1860-х гг. Вполне можно разделить мнение А.Е. Иванова о том, что в период действия устава 1884 г. до начала XX в. положение 1864 г. сохранило для университетов статус действующего нормативного документа¹. Однако сложившаяся в университетском законодательстве ситуация все же приобрела двусмысленный характер. Ведь нормативные документы 1860-х гг. были ориентированы на систему 4-х ученых степеней, в то время как новый устав реформировал эту практику. Это, как было замечено еще Е.В. Соболевой, не привнесло унифицированного порядка и провоцировало в деле «остепенения» кадров в различных отраслях знаний использование норм двух действующих уставов². Дело усугублялось отсутствием реализации так и не выполненного заявления последнего устава о разработке новых «правил» по поводу ученых степеней.

Несмотря на особенности сложившейся ситуации и политическую жесткость устава 1884 г., министерство, издавая его, не усомнилось в научной компетенции университетского сообщества: его способности выявлять претендентов на ученые степени, осуществлять их научную подготовку, проводить защиты диссертаций и присваивать их авторам ученые степени. Этот «островок» некоторой «независимости» российских университетов от министерского диктата был сохранен.

Содержание всех нормативных документов, определявших правила подготовки ученых и присуждения им степеней, не детализировало при этом многие процедурные стороны

¹ Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII — 1917 г. М., 1994. С. 38.

² Соболева Е.В. Указ. соч. С. 207–211.

и не устанавливало стандартов и объемов документации, возникшей в процессе подготовки соискателя к диссертационному диспуту. В частности, официально не устанавливалась обязательность протоколирования процедур защит диссертаций. Уставы и развивавшие их положения об ученых степенях определяли лишь процедурную схему движения соискателя от экзаменационных испытаний к защите диссертации. Как покажет последующий опыт, научное сообщество историков, неудовлетворенное лапидарностью официальных протоколов защит диссертаций, выступит с инициативой неофициального протоколирования диспутов¹, чем существенно обогатит источниковую основу изучения диссертационной культуры.

К рубежу XIX–XX вв. обсуждение контуров диссертационной системы продолжилось. В частности, на повестке дня стоял вопрос о количестве ученых степеней. МНП, по сути, стало инициатором новой дискуссионной волны, сначала в 1902 г. запустив опросник о проблемных местах действующего устава, а потом в 1906 г. организовав работу министерско-профессорской комиссии под руководством И.И. Толстого². Полемический накал не утихал до 1917 г., когда в разгар революционного кризиса продолжалось обсуждение проектов преобразований университетской системы, нацеленных, в том числе, на упрощение процедуры вхождения в науку через облегчение магистерского экзамена и отмену одной из ученых степеней³.

¹ *Алеврас Н.Н.* Опыт и традиции оппонирования диссертаций в российских университетах второй половины XIX — начале XX века (из диссертационной практики ученых-историков). Часть I. Институты экспертизы диссертаций // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2017. № 2. С. 145–161.

² *Гришина Н.В.* От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы воспроизводства научных кадров в 1860 — 1920-е гг. // *Мир историка: историографический сборник* / [редкол.: В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др.]. Вып. 9. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. С. 128–135.

³ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 423: 63–66; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 62: 69. О ходе обсуждения также см.: *Гришина Н.В.* «Анахронизм наших печальных дней»: российская диссертационная система на рубеже 1910–1920-х гг. // *История и историки в пространстве национальной и мировой культуры: сб. статей / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной. Ю.В. Красновой.* Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 172–173.

Диссертационный диспут и институты экспертизы диссертаций в опыте ученых-историков

Определенный схематизм уставных норм, регулирующих процедуру защит диссертаций, ориентировал профессорско-преподавательский состав университетов к проявлению широкого спектра инициатив по их претворению в жизнь. К ним, как минимум, можно отнести опыт «вращения» ученого посредством формирования принципов научной деятельности; культуру организации диссертационных диспутов и презентации диссертации соискателем; создание института оппонентов и выработку критериев определения достоинств и недостатков диссертации. Университеты и факультеты брали на себя функцию освещения в печати хода и результатов событий, связанных с защитами диссертаций. Как от самих соискателей ученых степеней, так и от всех участников этого сложного и многостороннего процесса в достижении поставленной цели, требовалось вложение большой интеллектуально-эмоциональной энергии, физического здоровья, временных затрат, творческого подхода и вдохновения.

Диссертационный диспут, отнесенный Т. Сандерсом к категории «культурного института», стал результатом особых практик российского историко-научного сообщества, сумевшего адаптировать его к задачам новой научной традиции. Общий взгляд Сандерса на диссертационный диспут можно интерпретировать следующим образом. Из способа контроля властных структур, курирующих деятельность университетов, диспут постепенно превращался в особый инструмент «самопрезентации и утверждения своего статуса» теми, кто был вовлечен в систему получения и утверждения ученых степеней¹.

Оппонирование диссертаций являлось завершающим этапом и способом профессиональной экспертизы результатов работы над квалификационным сочинением. Положительные отзывы

¹ *Сандерс Т.* Третий оппонент: защиты диссертаций и общественный профиль академической истории в Российской империи / пер. с англ. А.В. Антощенко // *Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: коллект. моногр. / отв. ред. А.Н. Дмитриев.* М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 162, 163.

от факультета и оппонентов были основанием для рекомендации соискателей со стороны факультетов в утверждении их в той или иной ученой степени. Выступая инструментом научной экспертизы, оппонирование, одновременно, стало центральным элементом «сценарной» основы диссертационного диспута.

Предварительная проверка компетенций соискателя ученой степени и форма допуска к защите наиболее определенно были обозначены в положении об ученых степенях 1844 г. В частности, диспут магистранта мог состояться только после «письменного разбора» диссертации представителем факультета и признания ее удовлетворительной. Так закладывался стандарт создания факультетских отзывов на диссертацию, являвшихся основой допуска соискателя к защите. Известные нам опыты написания «разбора» в виде «мнений» о диссертациях относятся к середине XIX века. Например, одна из записок в таком формате составлена Т.Н. Грановским в адрес магистерской диссертации С.В. Ешевского «К.С. Аполлинарий Сидоний: Эпизод из литературной и политической истории Галлии V в.», защищенной в 1855 г.¹, другая написана С.М. Соловьевым по поводу диссертации Д.И. Иловайского «История Рязанского княжества», магистерский диспут которого состоялся в 1859 г.² Их можно рассценивать как выражение консолидированного мнения со стороны представителей отделения или факультета о диссертациях соискателей магистерских степеней.

В практике организации защит диссертаций пореформенного времени термин «письменный разбор» не прижился, а получил название «отзыв». Под таким наименованием отзывы, составлявшиеся конкретными лицами от имени факультетов, поступали в Совет университета, приобретая на рубеже XIX–XX в. машинописную форму. Многие из них попадали в публикуемые некоторыми университетами ежегодные отчетные материалы.

Истории защит диссертаций во второй половине XIX в. свидетельствуют, что, пройдя экспертизу факультета диссертации, признаваемые не соответствующими научным стандартам того или иного университета, не допускались к защите. Это подтверждалось

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 1445. Л. 444–444 об.

² Там же. Л. 672.

отрицательным отзывом или предложением соискателю не выдвигать диссертацию к защите. Отказ принимать диссертацию к защите не был частым явлением, но драматические для соискателя ситуации, связанные с таким решением, воспринимались современниками весьма болезненно. Подобные истории становились уже предметом специального изучения¹.

Приведем пример попытки выпускника Петербургского университета В.И. Веретенникова, являвшегося учеником А.С. Лаппо-Данилевского, но работавшего в Харьковском университете, защитить магистерскую диссертацию в Московском университете. По окончании Петербургского университета Веретенников не был рекомендован профессором кафедры русской истории С.Ф. Платоновым в качестве профессорского стипендиата и вынужден был перебраться в Харьков. Довольно долго после отъезда он не решался ходатайствовать о защите в родном университете, но попытался получить согласие на принятие своей книги² в качестве магистерской диссертации в Московском университете. Декан историко-филологического факультета М.К. Любавский, к которому он обратился для решения вопроса, после знакомства с ее содержанием ответил ему отказом в частном письме. Любопытно его решение даже не представлять на обсуждение факультета этот вопрос: оно демонстрирует разнообразие форм отказов, в том числе официально не фиксируемых, а также — факты различий, лежащих в основе понимания представителями научных сообществ разных университетов того, как должна быть выполнена диссертация с точки зрения ее научной состоятельности.

¹ Алмазова Н.С. «Девятый вал» профессора Д.И. Нагуевского: История одной несостоявшейся защиты // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 6. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010; Никитин А.О. Забытый историк, неизвестный мемуарист: парадокс Клеванова // Историографическое наследие провинции: материалы IV научн-практ. конф., посвященной памяти Д.И. Иловайского и М.К. Любавского. Рязань, 2009. С. 122–128; Боярченко В.В. Местная проблематика в диссертационных исследованиях по русской истории середины XIX в. // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 6. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. С. 71–73.

² Веретенников В.И. История Тайной канцелярии петровского времени. Харьков: тип. Печатное дело, 1910.

В письме к Платонову (от 27 апреля 1910 г.) Веретенников процитировал решение Любавского: «Я не знаю, какая мерка прилагается к магистерским диссертациям в других университетах. Но традиции, установившиеся в Московском Университете, где магистерская степень присуждалась за такие труды, как “Государ[ственное] хоз[яйство] России в нач[але] 18 в.” П.Н. Милюкова, “Област[ная] реф[орма] Петра Вел[икого]” М.М. Богословского, “Посад[ская] община” Кизеветтера, “Замосковский край” Готье, не дают возможности мне лично выступить в Факультете с предложением присуждения магистерской степени за вашу, конечно, полезную, но слишком далеко все-таки стоящую от вышеназванных ученых трудов книгу»¹. Таким образом, диссертация Веретенникова, по мнению Любавского, не соответствовала уровню московской «мерки». Автором подразумевалось, что смысл этой «мерки», конкретно им не сформулированный, соискателю следует искать в методологии перечисленных диссертаций учеников Ключевского. Впоследствии Веретенников все же благополучно защитит и магистерскую (1910), и докторскую (1916) диссертации в Петербургском университете. Вместе с тем, в 1941 г. Веретенникову пришлось пройти процедуру переутверждения степени доктора наук уже в рамках советских диссертационных правил².

Реальные казусы с не допуском к защите диссертаций демонстрируют, с одной стороны, сложность выработки научных критериев для консолидированного и однозначно положительного оценивания диссертации на предварительном этапе ее рассмотрения факультетом. С другой стороны, показывают, что в среде современников явно или неявно бытовали и даже подчеркивались представления о несходстве научных принципов, определявших достоинства и недостатки диссертаций в разных университетах: в особенности характерно специфическое противостояние двух «мерок» экспертизы — московской и петербургской. Одновременно случаи с отказом в защите демонстрировали реализацию корпоративных принципов ограничения допуска в элитную научную среду претендентов, не отвечавших сложившимся требованиям к ученому-профессионалу.

¹ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2488: 6–6 об.

² АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 45. Л. 8, 43.

Имея в виду содержание законодательно-нормативных документов об институте оппонирования пореформенного времени, заметим: ни в одном из них детализации процедуры назначения оппонентов не существовало, как и не определялись статусные характеристики претендентов на выполнение экспертных функций. Можно предположить, что эти нормативные моменты не были случайными: известный дефицит профессоров не позволял МНП устанавливать высокую статусную планку оппонентам, дабы избежать ситуации их нехватки для организации диспутов.

Факультетское сообщество ученых решало данные вопросы по своему усмотрению. Повсеместной практикой было назначение оппонентами профессоров ведущих кафедр, многие из которых считались научными руководителями соискателей. На вторые роли в оппонировании факультетом часто назначались представители доцентуры, а также из среды «оставленных при университете для получения профессорского звания». Нормативные особенности процедуры назначения оппонентов позволяли, таким образом, приобретать навыки оппонирования представителям молодого поколения ученых-историков. В этой связи можно подчеркнуть характерный опыт взаимного оппонирования диссертаций, который, в частности, демонстрировали представители школы Ключевского. Практически все ученики историка выступили в качестве оппонентов друг друга уже на ранних этапах своего научного становления. Сам же Ключевский почти у всех своих подопечных являлся либо официальным, либо неофициальным оппонентом¹. Подобный совместный опыт оппонирования служил дополнительными скрепами схолярной консолидации и может расцениваться как одна из школообразующих практик.

Вместе с тем, инициативы факультетов в рассматриваемой сфере имели свои границы: автономный статус университетов в области присуждения ученых степеней породил одну из характерных традиций диссертационной культуры, связанной с назначением оппонентов исключительно из среды «своего» факультета или университета.

¹ Бон Т. Русская историческая наука. Павел Николаевич Милюков и Московская школа / пер с нем. Дм. Торицына. СПб., 2005. С. 102; Гришина Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и культуре. Челябинск: Энциклопедия, 2010. С. 254–258.

Практик приглашения официальных оппонентов из других университетов не возникло, что ограничивало научные и деловые контакты ученых. Но к началу XX в. дефицит научного общения стал порождать практику приездов ученых на диссертационные диспуты в иные университеты не только в качестве «зрителей», но и с целью выступления в роли неофициальных оппонентов.

Выбор и назначение оппонентов определялись, прежде всего, проблематикой диссертаций историков-соискателей. Чаще всего первыми оппонентами выступали опытные историки, возглавлявшие кафедры русской и всеобщей истории. Но диссертации по истории нередко приобретали междисциплинарный характер, затрагивая вопросы филологии, статистики, экономики, правоведения. Поэтому использовался опыт приглашения в качестве оппонентов специалистов по этим профилям. Следует, правда, подчеркнуть, что подобная практика реализовывалась в период развитого состояния диссертационной системы: с середины XIX и до начала XX в. В первые десятилетия XIX в. найти специалиста по теме диссертации было сложно. Выбор оппонентов в это время зачастую определялся лишь статусными характеристиками представителей формирующейся научной корпорации.

Процедура защиты по форме представляла, за редким исключением, полемический диалог соискателя с оппонентами — как официальными, так и неофициальными. Любой присутствующий «из публики» имел возможность включиться в полемику. Данная традиция начинала складываться из опыта защит диссертаций начала XIX в. Диссертант не знакомился с текстом отзывов оппонентов заранее, что задавало диссертационному диспуту основную интригу. Оппонент, составляя отзыв, должен был специально продумать, какие его фрагменты преподнести в качестве основных полемических сюжетов для организации диалога с соискателем. При этом ответы защищающегося диспутанта заставляли оппонента по ходу диалога корректировать заготовленные ему вопросы и претензии.

Полемическая дуэль ценилась публикой остротой критики оппонента, последовательной логикой его возражений, оригинальностью вопросов, точностью ответов соискателя, его эрудицией и находчивостью. Диспуты признавались важными научными собы-

тиями в университетской жизни и становились специфической научной коммуникацией представителей научной корпорации. Некоторые из современников фиксировали ход диспутов в дневниковых записях, обменивались мнениями о возникавших на защитах полемиках в переписке, а также содействовали появлению информации о научных баталиях в прессе. Диссертационный диспут становился частью университетской культуры и научного быта.

Дискуссии современников о диссертационных диспутах

В практиках организации диссертационных диспутов складывались ситуации, возбуждавшие споры современников относительно функций и предназначения диссертационного диспута. Сосредоточим внимание на двух дискуссиях. Одна из них развернулась в конце XIX в. в связи с претензиями к докторскому диспуту историка Н.Д. Чечулина. Этот диспут был отнесен к категории скандальных¹ и рассматривался как результат неэффективных и потому требующих реорганизации правил подготовки соискателей к приобретению ученой степени и организации диспутов в целом². Вторая дискуссия относится ко второй половине 1920-х — началу 1930-х годов. Она была связана с обсуждением вопроса о восстановлении в структуре формирующейся советской науки диссертационной системы.

Тон и основные сюжеты для дискуссии в начале 1897 г. задал известный юрист, профессор, преподававший в Казанском и Московском университетах — Г.Ф. Шершеневич. С первых строк своей брошюры он выдвинул проблему диссертационного диспута с позиций вопроса о его целесообразности. Ученый поставил для обсуждения и такой актуальный вопрос — о подлогах в области изготовления диссертаций. Имея в виду нормы пореформенных уставов, закреплявших публичную форму их защит, автор

¹ *Мякотин В.А.* Диспут и ученая степень // Русское богатство. 1897. Июль. № 7. С. 1–34.

² *Шершеневич Г.Ф.* О порядке приобретения ученых степеней. Казань: Типо-лит. Императорского Казанского университета, 1897; *Сергеевич В.И.* О порядке приобретения ученых степеней // Северный вестник. 1897. № 10. С. 1–19.

подверг сомнению позицию сторонников осуществления презентации диссертации в форме диспута, полагая, что он не «является единственной гарантией подлинности диссертации». В этом контексте Г.Ф. Шершеневич, фактически, выразил теоретическую (но только ли?) возможность приобрести диссертацию «за деньги» и предлагать к публичной защите «чужую диссертацию». Полагая, что диспут — «только формальность», а потому не является препятствием для возникновения подобных ситуаций, автор настаивал на бесполезности публичной формы защиты, резюмируя свои рассуждения тем, что диспуты не приносят «никакой пользы целям науки, являются только тяжелым испытанием для начинающего ученого и даровым зрелищем, нередко очень веселым, для праздных зрителей...»¹.

Г.Ф. Шершеневич, подверг критике и другие стороны сложившейся системы защит диссертаций, в частности, «келейный» характер их предварительного обсуждения в факультете, допускаемые формализм и патронаж при экспертизе диссертаций на разных этапах их рассмотрения. Он высказал идею о замене института диспута другой формой — созданием некоего «центрального учреждения» (Шершеневич предлагал расположить его либо в МНП, либо в Академии наук), которое бы опиралось на авторитетное представительство в нем ученых различных специальностей. Этим способом, считал он, можно добиться беспристрастного оценивания диссертаций и преодоления существующего субъективизма экспертов и рутины в деле квалификации трудов соискателей ученых степеней². В этом его предложении, на наш взгляд, просматривался прообраз будущей советской Высшей аттестационной комиссии (ВАК).

Не приводя в данном случае множества доводов автора в пользу такой позиции, отметим, что другие коллеги не поддержали высказанные предложения. Решительно встал на защиту традиции диспута историк В.А. Мякотин, считая его «наиболее плодотворным элементом» «ученого спора» и связующим звеном между университетами и широкой общественностью. Он утверж-

¹ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 14–15, 17.

² Там же. С. 25–30.

дал, что «публика... приходит на диспуты, конечно, не учиться, но и не наблюдать бой атлетов, а знакомиться с представителями университетской науки»¹.

Однако и он поставил актуальные вопросы, касающиеся проблем формализма в организации диспутов. Способы его преодоления он видел в расширении практик выступлений неофициальных (частных) оппонентов и в выработке научным сообществом критического восприятия не только диссертации, но и выступлений тех официальных оппонентов, которые покровительствовали соискателям (как было в случае оппонирования С.Ф. Платонова докторской диссертации Н.Д. Чечулина).

Поддерживая традицию диссертационного диспута как способа научной коммуникации, В.А. Мякотин подверг критике идею Г.Ф. Шершеневича о «центральной организации», устраняющую факультеты и университеты от экспертизы диссертаций. Называя проект оппонента «лишенным всякой жизнеспособности», выход из кризисных ситуаций он видел в «общем подъеме университетской жизни, а не в специальных мерах, клонящихся к замене живого дела бесплодной канцелярщиной»².

Известный профессор Петербургского университета, историк права В.И. Сергеевич также выступал оппонентом Г.Ф. Шершеневича. Являясь проводником идеи «гласности» диспутов, он полагал, что они содействовали позиционированию не только индивидуальных диссертационных проектов, но позволяли продемонстрировать научные подходы различных «ученых школ». Он подчеркивал, что «спор научных школ из залы диспута переносится в печать и решается историей», а «диспуты поддерживают живую связь университетов с обществом» и более того, являются «средством контроля общества за деятельностью университета» (выделено нами — Н.А., Н.Г.)³.

«Существуют ли какие-либо объективные признаки, при наличии которых сочинение должно быть одобрено или забраковано?», — задавался вопросом В.И. Сергеевич, реагируя на критику

¹ Мякотин В.А. Указ. соч. С. 8–9.

² Там же. С. 32–33.

³ Сергеевич В.И. Указ. соч. С. 13, 15, 16.

Г.Ф. Шершеневичем фактов появления «слабых» диссертаций. Автор признал затруднительным ответить на этот вопрос из-за «неопределенности требований»¹. И, действительно, в нормативных актах такие требования не были сформулированы. Профессор-юрист предпочел рассуждать о механизме выработки «меры» для оценки диссертационного труда посредством обращения к неформальным сторонам человеческого бытия. Для него факультет в решении судьбы той или иной диссертации через предъявляемые к ней (и к автору) требования исполнял роль «человеческого суда», со всеми его недостатками и слабостями. Заняв примиряющую позицию в этом вопросе, он не склонен был драматизировать ситуацию с выработкой четких критериев качества трудов соискателей, претендующих на получение ученых степеней. «Практика университетов скорее склоняется к одобрению слабых трудов, чем к непризнанию действительных ученых заслуг. И это — правильно: нет никакого вреда от лишнего магистра или доктора, а недостаток их может быть вреден», — полагал он².

В.И. Сергеевич подверг резкой критике предложение Г.Ф. Шершеневича о выработке нового порядка установления соответствия диссертаций научному стандарту. Его насторожили неминуемые последствия, влекущие изменения существовавшего статуса университетов. Он подчеркивал, что идея создания «центрального учреждения» «клонилась <...> ни более, ни менее, как к лишению русских университетов предоставленного им права присуждать ученые степени». Полагая, что научные силы факультетов вполне профессиональны, Сергеевич считал, что не следует создавать новых правил, поскольку в деле защит диссертаций и присуждении ученых степеней «нужна любовь к наукам и отсутствие правил, мешающих их процветанию»³.

Можно подчеркнуть, что при разнообразии мнений полемистов, все они признавали, что для российской системы подготовки соискателей ученых степеней, в сравнении с западноевропейской традицией, характерен был «повышенный» уровень требований

¹ Сергеевич В.И. Указ. соч. С. 7.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 9, 12.

к диссертациям и большинство из них даже на магистерском уровне представляли фундаментальные исследования.

Вторая привлекавшая внимание авторов дискуссия началась в 1926 г. Ее особенностью стало участие в ней (а фактически и сама инициатива ее организации) представителей научного сообщества, аффилированных с властными институтами. По нашим данным, первый всплеск обсуждения начался на пленуме Секции научных работников — профсоюзной организации ученых, когда член ее Центрального Совета В.П. Волгин выступил с призывом о восстановлении ученой степени доктора наук¹. Еще одним участником обсуждения стал О.Ю. Шмидт. Он, занимая в 1920-х гг. ведущие посты в Наркомпросе, Государственном Ученом совете и других учреждениях управления наукой, тезисно выразил мнение, обосновывающее введение степени доктора наук². Авторы проектов считали, что ученая степень станет ориентиром для определения соответствия научных заслуг претендента для занятия должности профессора или руководителя кафедры. При этом оба они, специально артикулируя, что речь не идет о восстановлении прежней системы защит диссертаций, в подборе аргументов все же обращались к дореволюционному опыту³.

Еще более выраженный характер носила апелляция к прежней системе присуждения ученых степеней в 1930-е гг., когда, в связи с принятием ряда нормативных документов, на проектируемую конфигурацию защит диссертаций откликнулись ученые с дореволюционным стажем в науке, подчеркивавшие значимость практики былых диссертационных диспутов⁴.

¹ Волгин В.П. Об установлении единой ученой степени // Научный работник. 1926. № 7–8. С. 22–23.

² АРАН. Ф. 496. Оп. 2. Д. 131. Л. 1–1об.

³ См. подробнее: Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. Докторская диссертация в советской диссертационной системе: опыт защит в 1930-х — начале 1940-х годов // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 3. С. 341–342.

⁴ Каблуков И.А. Как приобретались ученые степени в прежнее время // Социалистическая реконструкция и наука. 1935. № 9. С. 96–102; Жебелёв С.А. Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем // Очерки истории отечественной археологии / сост. А.А. Формозов. Публикация текста и комментарии И.В. Тункиной. Москва: [б. и.], 2002. Вып. III. С. 146–194.

Особенности перехода к советской диссертационной системе

Защиты диссертаций, в дореволюционный период называемые диссертационными диспутами и относимые современниками к значимым университетским событиям¹, получили продолжение в советское время, но этот процесс далеко не сразу стал устойчивой традицией. Пережив период ликвидации ученых степеней и званий (1918), научное сообщество в течение 1920-х гг. сохранило неофициальную практику организации отдельных защит диссертаций². В частности, формирующийся институт советской аспирантуры закрепил представление об аспирантской диссертации и требованиях к ней³.

На основе Постановления СНК от 13.01.1934 г. «Об ученых степенях и званиях» начинает апробироваться практика присуждения ученых степеней по совокупности трудов ученого без защиты диссертации⁴. Этот способ получения ученых степеней характерен для 1930-х гг., как и возможность сразу защищать докторскую дис-

¹ *Алеврас Н.Н.* Диссертационная история ученого как событие интеллектуальной биографии российских историков XIX века // *Диалог со временем*. 2015. Вып. 50. С. 218–241.

² *Гришина Н.В.* От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы воспроизводства научных кадров в 1860–1920-е гг. // *Мир историка: историографический сборник* / [редкол.: В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др.]. Вып. 9. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. С. 122–145; *Гришина Н.В.* «...Диспут был реальным фактом и в реальной обстановке»: конкурсы диссертационной системы в 1920-е гг. // *Диссертация по истории в контексте российской диссертационной культуры XIX — середины XX в.: опыт и перспективы изучения: сборник статей по итогам межрегионального научного семинара (вебинара), 18 ноября 2016 г., Челябинский государственный университет* / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной. Челябинск: Энциклопедия, 2016. С. 88–98; *Долгова Е.А.* История одной защиты: профессорский диспут П.А. Сорокина в 1922 г. // «Стены и мосты» — III: история возникновения и развития идеи междисциплинарности: материалы Международной научной конференции, Москва, РГГУ, 25–26 апреля 2014 г. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2015.

³ *Скворцов А.М.* Становление советской аспирантуры по истории в СССР в 1930-е годы: законодательное регулирование и практика // *Научный диалог*. 2021. № 12. С. 444–460.

⁴ *Козлова Л.А.* «Без защиты диссертации»: статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 гг. // *Социологический журнал*. 2001. № 2. С. 145–158.

сертацию, минуя кандидатский уровень. Отметим ряд типичных для тех лет случаев. Так, Б.Д. Греков, защитивший еще в 1914 г. магистерскую диссертацию в Петербургском университете, получил в 1934 г. ученую степень доктора по совокупности трудов. Но его сверстник из этого же университета М.Д. Приселков, удостоенный степени магистра в один год с Грековым, докторскую диссертацию (после ссылки 1930–1935 гг.) защищал публично в 1939 г. по всем требованиям, введенным в 1937–1938 годах. Их ровесник из Московского университета С.В. Бахрушин, также отбывший ссылку, получил в 1936 г. ученую степень доктора «без защиты», минуя кандидатский уровень. Н.Л. Рубинштейн также миновал эту стадию, сразу защитив в 1940 г. докторскую диссертацию. Похожий путь прошел А.И. Андреев, не имевший ни дореволюционной магистерской, ни советской кандидатской степени. Как Приселкова и Бахрушина, его не обошла ссылка. Вместе с тем, исходя из нормативных требований второй половины 1930-х гг., он, обладая уже солидным списком научных публикаций, получил в 1940 г. одобрение ВАК на защиту докторской диссертации. Отметим, что возможность получения сразу докторской степени без предыдущей стадии впервые в российской практике была апробирована еще до революции — на основе Устава 1884 года.

В 1940-е — 1950-е гг. устанавливается более стабильная традиция последовательной защиты сначала кандидатской, потом докторской диссертаций. Имевшиеся попытки присудить ученую степень более высокого уровня, минуя предыдущий этап, нередко наталкивались на возражения, связанные с отсутствием нормативного урегулирования этой стороны диссертационной системы. Интересен случай с первой диссертацией А.Н. Насонова «Монголы и Русь» (1941), один из оппонентов которой — Ю.В. Готье — предлагал «голосовать не кандидатскую степень, а докторскую». Эта позиция вызвала сомнения некоторых членов Ученого Совета Института истории АН СССР (И.С. Юзефович, А.М. Панкратова) в возможности такого решения¹. В результате за данную диссертацию историк получил кандидатскую степень. Ему присвоили «доктора» в 1944 г. за вторую диссертацию «Очерки по истории древнерусского летописания».

¹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 50. С. 33–37.

Рецепция дореволюционной системы защит диссертаций в СССР на основе разработки системы законодательных актов и инструктивных документов была заложена в 1934–1938 гг.¹ Ее внедрение было бы невозможным без участия в этом процессе историков «старой школы». Именно они, будучи носителями традиций дореволюционного университетского образования, сыграли роль передачи и сохранения классического опыта подготовки кадров ученых. Не случайно, эта когорта представителей советской науки изучаемого периода создала специфический интеллектуальный мост перехода в советскую версию диссертационной культуры. Те из них, кто успел до революции окончить дореволюционные университеты — в некоторых случаях с защитой магистерских диссертаций — в частности, Б.Д. Греков, М.Д. Приселков — становились учителями тех, кто принял от них эстафету исторического знания и научного опыта, вступая в ряды генерации советских историков. Их современникам были С.В. Бахрушин, Н.М. Дружинин, А.И. Андреев, С.Н. Валк, Б.А. Романов, также заложившие основу историко-научного знания советской науки, но в силу ряда обстоятельств защищавшие свои диссертации и получавшие ученые степени в советское время. Представители ученых-историков, рожденных в 1890-е — 1900-е гг., становились их учениками. Именно этот поколенческий ряд оказался в эпицентре политико-идеологического перелома и во многом принял на себя удары многочисленных политических кампаний 1930-х — второй половины 1940-х гг., оставивших трагический след в истории науки.

Авторы статьи находятся в активном процессе выявления информационного ресурса и создания источниковой базы в целях исследования особенностей нормативной основы диссертационной системы 1930–1950-х гг., изучения делопроизводственной документации, в частности, стенографических отчетов о защитах диссертаций — того, чего не знала дореволюционная делопроизводственная практика университетов. Внимание сосредоточено на разработке специальных сюжетных линий, связанных с историями защит как известных (М.Д. Приселков, А.И. Андреев, В.В. Мавродин, А.В. Пред-

¹ *Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Докторская диссертация в советской диссертационной системе... С. 337–354.

теченский, Н.Л. Рубинштейн и др.), так и полузабытых, но весьма интересных советских историков (например, Н.И. Покровский, А.И. Попов).

Привлекательны коллекции переписки и воспоминаний историков-диссертантов изучаемого времени, требующие еще обстоятельного изучения. Благодаря упомянутым стенографическим отчетам и источникам личного происхождения ясно, что и в формирующейся советской традиции тема защит диссертаций для представителей научного сообщества составляла повышенную актуальность. При этом заметна тенденция нарастания интереса к ней в воспоминаниях причастных к созданию и защитах диссертаций представителей младшего поколения генерации историков, родившихся в начале XX века.

Несмотря на ощущение процессов рутинизации защит диссертаций в 1940–1950-е гг., которое складывается в ходе анализа стенограмм, фиксирующих ход диспутов, а также выступлений некоторых участников диссертационных диспутов (например, Е.А. Косминского¹), сохранившиеся эго-документы позволяют понять, что защита диссертации для соискателей ученой степени была важным событием интеллектуальной биографии. В этом — несомненное продолжение традиции, заложенной дореволюционными поколениями акторов диссертационной культуры.

Многоценными в этом отношении являются, например, воспоминания Л.В. Черепнина. Работу над своей докторской диссертацией по «Русским феодальным архивам» в стесненных условиях квартиры в 9 кв. метрах «за маленьким круглым столиком» он отнес к «наиболее творческим» временам своей жизни. Саму диссертацию, защищенную в 1946 г., историк рассматривал как «лучшее из написанного мною». Оставил он подробности и свои впечатления от самой защиты².

¹ *Сашанов В.В.* «Так бывало в прежние времена...»: Е.А. Косминский о порядке защит диссертаций. Публикация выступления историка на заседании ученого совета ИИ СССР в 1946 г. // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* 2016. № 2. С. 174–175.

² *Черепнин Л.В.* Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения. Т. 1. / сост., общ. ред. В.Д. Назарова. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 168, 170–171.

Придавая особое значение диссертационным диспутам как фактам научной жизни и фиксируя подобные события в научной стезе многих своих современников, Черепнин особо выделил фигуру глубоко ценимого им Н.М. Дружинина как ученого, а также защиту его аспирантской работы в 1929 году. «Меня особенно поразил мастерский, просто ювелирный текстологический анализ редакций “Конституции” Никиты Муравьева» — отмечал он под впечатлением этого события. Одновременно историк зафиксировал суждение находившегося рядом С.В. Бахрушина: «Смотрите, вот применение шахматовского метода к источникам нового времени». Именно благодаря Черепнину предстают и другие интереснейшие детали этой защиты¹ на фоне весьма лаконичного ее описания самим Дружининым. Из подобных деталей и ремарок очевидцев этого диспута предстает и читающаяся между строк связь формирующейся советской исторической науки с дореволюционными научными традициями.

Весьма ярко процесс подготовки и защиты обеих — кандидатской (1947) и докторской (1970) — диссертаций представлен в воспоминаниях медиевиста С.М. Стама. Он, будучи учеником С.Д. Сказкина и Е.А. Косминского, вспоминал драматическую защиту диссертации на соискание ученой степени кандидата наук и дальнейшие действия его учителей по созданию благоприятной атмосферы на самом диспуте².

Подводя некоторые промежуточные итоги в изучении затронутых аспектов, резюмируем: советская диссертационная система, формируясь в сложнейшей политико-идеологической обстановке 1930-х — 1940-х гг., обладала многослойностью как относительно этапов ее становления и развития, так и особенностей структурирования ее социально-политического и научно-профессионального компонентов. Ее внешний антураж был нацелен на подчеркивание самостоятельности, независимости от прежних практик присуждения ученых степеней. Однако нормативная основа, организация и ход диспутов, содержательное наполнение изучаемых нами диссертационных историй свидетельствуют о том, что советская дис-

¹ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 110–111.

² Стам С.М. *Моя жизнь, учителя, друзья и наука / предисл., коммент.* А.Н. Галямичева. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2009. С. 189–190, 193–194.

сертационная культура являлась продолжением научной традиции, истоки которой закладывались еще в первые десятилетия XIX в., а в начале XX в. она представляла сложившийся интеллектуальный феномен российской науки, который, как оказалось, невозможно было подвергнуть существенной деконструкции. Его можно было лишь приспособить к «ветру перемен». Но и процесс «приспособления» оказывался весьма сложной процедурой, в рамках которой сталкивались политико-идеологический заказ власти и принципы научного академизма и этоса науки.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алеврас Н.Н.* Диссертационная история ученого как событие интеллектуальной биографии российских историков XIX века // *Диалог со временем*. 2015. Вып. 50. С. 218–241.
- Алеврас Н.Н.* Опыт и традиции оппонирования диссертаций в российских университетах второй половины XIX-начале XX века (из диссертационной практики ученых-историков). Часть I. Институты экспертизы диссертаций // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2017. № 2. С. 145–161.
- Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Докторская диссертация в советской диссертационной системе: опыт защит в 1930-х — начале 1940-х годов // *Научный диалог*. 2022. Т. 11. № 3. С. 337–354.
- Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Российская диссертационная культура XIX — начала XX веков в восприятии современников (К вопросу о национальных особенностях) // *Диалог со временем*. 2011. Вып. 36. С. 221–247.
- Алмазова Н.С.* «Девятый вал» профессора Д.И. Нагуевского: История одной несостоявшейся защиты // *Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба*. Вып. 6. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. С. 43–58.
- Архив РАН. Ф. 1577. Институт истории Академии наук СССР. Оп. 2. Д. 45 (Протоколы заседаний Ученого совета Института истории АН СССР № 1-13, 1941).
- Архив РАН. Ф. 1577. Институт истории Академии наук СССР. Оп. 2. Д. 50 (Стенограмма заседания Ученого Совета Института истории АН СССР о защите диссертаций А.Н. Насонова «Монголы и Русь» и Б.С. Гафурова «История секты исмаилитов с XIX века до первой империалистической войны», 1941).

- Архив РАН. Ф. 496. Шмидт Отто Юльевич. Оп. 2. Д. 131 (Тезисы положения Шмидта О.Ю. «О введении ученой степени доктора», 1925).
- Бон Т. Русская историческая наука. Павел Николаевич Милоков и Московская школа / Т.М. Бон; пер с нем. Дм. Торицына. СПб., 2005. 269 с.
- Боярченко В.В. Местная проблематика в диссертационных исследованиях по русской истории середины XIX в. // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 6. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. С. 71–73.
- Веретенников В.И. История Тайной канцелярии петровского времени. Харьков: тип. Печатное дело, 1910. 4, IV, 306 с.
- Волгин В.П. Об установлении единой ученой степени // Научный работник. 1926. № 7–8. С. 22–30.
- Гатауллина Р.Х., Ильина К.А. Университет vs Министерство народного просвещения: академическая экспертиза и цензура диссертаций в середине XIX в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 4. С. 15–24.
- Гришина Н.В. «...Диспут был реальным фактом и в реальной обстановке»: конкурсы диссертационной системы в 1920-е гг. // Диссертация по истории в контексте российской диссертационной культуры XIX — середины XX вв.: опыт и перспективы изучения: сборник статей по итогам межрегионального научного семинара (вебинара), 18 ноября 2016 г., Челябинский государственный университет / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной. Челябинск: Энциклопедия, 2016. С. 88–98.
- Гришина Н.В. «Анахронизм наших печальных дней»: российская диссертационная система на рубеже 1910-1920-х гг. // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры: сб. статей / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной. Ю.В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 172–180.
- Гришина Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и культуре. Челябинск: Энциклопедия, 2010. 288 с.
- Гришина Н.В. От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы воспроизводства научных кадров в 1860 — 1920-е гг. // Мир историка: историографический сборник / [редкол.: В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др.]. Вып. 9. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. С. 122–145.
- Долгова Е.А. История одной защиты: профессорский диспут П.А. Сорокина в 1922 г. // «Стены и мосты» — III: история возникновения и развития идеи междисциплинарности: материалы Международной научной конференции, Москва, РГГУ, 25-26 апреля 2014 г. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2015. С. 201–207.

- Жебелёв С.А. Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем // Очерки истории отечественной археологии. Сост. А. А. Формозов. Публикация текста и комментарии И. В. Тункиной. Москва: [б. и.], 2002. Выпуск III. С. 146–194.
- Иванов А.Е. Ученое достоинство в Российской империи. XVIII — начало XX в. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М.: Новый хронограф, 2016. 656 с.
- Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII — 1917 г. М., 1994. 195 с.
- Каблуков И.А. Как приобретались ученые степени в прежнее время // Социалистическая реконструкция и наука. 1935. № 9. С. 96–102.
- Козлова Л.А. «Без защиты диссертации»: статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 гг. // Социологический журнал. 2001. № 2. С. 145–158.
- Мякотин В.А. Диспут и ученая степень // Русское богатство. 1897. Июль. № 7. С. 1–34.
- Никитин А.О. Забытый историк, неизвестный мемуарист: парадокс Клеванова // Историографическое наследие провинции: материалы IV научн-практ. конф., посвященной памяти Д.И. Иловайского и М.К. Любавского. Рязань, 2009. С. 122–128.
- Общий устав императорских российских университетов, 18 июня 1863 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 38. № 39752. С. 621–637.
- Общий устав императорских российских университетов, 23 августа 1884 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 4. № 2404. С. 456–474.
- ОР РНБ. Ф. 585. Сергей Федорович Платонов. Описание 1. Д. 2488 (Письма В.И. Веретенникова С.Ф. Платонову).
- По поводу нового положения об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени // ЖМНП. 1864. Январь. Ч. СХХI. С. 475–492.
- Положение о производстве в ученые степени (от 6 апреля 1844 г.) // ЖМНП. 1844. Ч. 42. С. 179–192.
- Положение о производстве в ученые степени // ПСЗ РИ. 1819. Собр. 1. Т. 36. № 27646. С. 37–42.
- Положение об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени (от 4 января 1864 г.) // ЖМНП. 1864. Февраль. Ч. 121. С. 96–110.

Положение об испытаниях на ученые степени // ПСЗ РИ. 1837. Собр. 2. Т. 12. Ч. 1. № 10188. С. 285–287.

РГИА. Ф. 733. Департамент народного просвещения министерства народного просвещения. Оп. 95. Д. 1445 (Документы, вышитые из дел Московского учебного округа).

Сандерс Т. Третий оппонент: защиты диссертаций и общественный профиль академической истории в Российской империи / пер. с англ. А.В. Антощенко // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: коллект. моногр. / отв. ред. А.Н. Дмитриев. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 161–192.

Сашанов В.В. «Так бывало в прежние времена...»: Е.А. Косминский о порядке защит диссертаций. Публикация выступления историка на заседании ученого совета ИИ СССР в 1946 г. // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 2. С. 172–176.

Сергеевич В.И. О порядке приобретения ученых степеней // *Северный вестник*. 1897. № 10. С. 1–19.

Скворцов А.М. Становление советской аспирантуры по истории в СССР в 1930-е годы: законодательное регулирование и практика // *Научный диалог*. 2021. № 12. С. 444–460.

Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России. Л.: «Наука», 1983. 262 с.

Стам С.М. Моя жизнь, учителя, друзья и наука / предисл., коммент. А.Н. Галямичева. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2009. 364 с.

Университетский устав 1835 г. URL: <http://letopis.msu.ru/documents/2123> (дата обращения: 05.06.2022).

ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Московский Императорский университет. Оп. 476. Д. 423 (Протоколы заседания историко-филологического факультета и материалы к ним, 1917).

ЦГИА СПб. Ф. 14. Императорский Петроградский университет. Оп. 27. Д. 62 (Материалы заседаний Совета, протоколы и выписки из протоколов заседаний Совета, поздравительные телеграммы к юбилею Университета, приказ об утверждении в звании профессоров и приват-доцентов, 1917).

Черепнин Л.В. Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения. Т. 1. / сост., общ. ред. В.Д. Назарова. М.: Языки славянской культуры, 2015. 400 с.

Шершеневич Г.Ф. О порядке приобретения ученых степеней. Казань: Типо-лит. Императорского Казанского университета, 1897. 33 с.

А.А. Сальникова, С.Ю. Малышева

**«ЧУЖИЕ»?:
ИСТОРИКИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**

Реконструкция биографии историка невозможна без изучения и характеристики того социального пространства, в котором он обрелся, в том числе пространства профессионального, той особой среды, в которой проходило его становление и развитие как исследователя и как педагога, как транслятора нового научного знания и как воспитателя новых поколений историков, как места научных и идейных конфликтов с их подчас разрушающим, но чаще — конструктивным, стимулирующим потенциалом. Таким пространством для многих историков-профессионалов был и оставался университет. В этом случае личная биография могла и должна была быть вписана в общий контекст «большой» университетской истории, складывавшейся по существу из множества «малых», персональных историй — коротких и длинных, оборванных и завершенных, ярких и тривиальных, сдержанных и эмоциональных, формирующих исследовательское поле университетской интеллектуальной традиции и профессионального исторического сообщества.

Изучая историю Казанского университета в сложный период кардинальной перестройки и трансформации высшего образования в России, пришедшийся на 1918 — начало 1930-х гг., и судьбы людей, оказавшихся сознательно или невольно вовлеченных в этот процесс, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью проанализировать их вклад в изучение и преподавание различных исторических дисциплин, в том числе отечественной истории, которая быстро и легко могла быть «переформатирована» в соответствии с новым политико-идеологическим заказом. Возникают вопросы: какая отечественная история нужна была новой власти и нужна ли она была вообще? Какие аспекты отечественной истории изучались и преподавались, а какие оказались не востребованы и фактически отброшены за ненадобностью? Как в этой ситуации

вынуждены были вести себя люди, профессионально изучавшие и преподававшие этот предмет? Как воспринимали они складывавшуюся ситуацию и как на нее реагировали?

В данной статье мы попытались кратко реконструировать лишь несколько личных биографий историков, занимавшихся изучением отечественной истории и преподававших ее в Казанском университете в рассматриваемый период¹, определить то место, которое эти люди заняли или пытались занять в новом советском политическом пространстве и в формирующемся сообществе историков-профессионалов, показать, насколько нужны оказались они новой власти и сумели ли стать для нее «своими».

***

Согласно университетскому Уставу 1884 г.² на историко-филологическом факультете Казанского университета было 11 кафедр, причем лишь четыре из них — всеобщей истории, русской истории, церковной истории и теории и истории искусств — имели отношение к историческому образованию. Преподавание отечественной истории было сосредоточено на соответствующей кафедре, впрочем, относительно небольшой: в состав ее, как правило, входило не более трех-четырёх профессоров и приват-доцентов. Эту же структуру историко-филологический факультет Казанского университета имел и в 1917–1918 учебном году. Отчетный документ тех времен — «Обзор преподавания в императорском Казанском университете в 1917–1918 учебном году» — позволяет заключить, что преподавательский состав кафедры оставался столь же малочисленным: в него входили ординарные профессора Д.А. Корсаков (1843–1919) и Н.Н. Фирсов (1864–1933) и приват-доценты П.Г. Архангельский (1884–1921) и В.И. Огородников (1889–1938)³.

К реформированию профессорско-преподавательского состава Казанского университета власти приступили с осени 1918 г.

¹ О судьбах других казанских историков этого периода см. подробно: Литвин А.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Бремя выбора. Историки Казанского университета в первые советские десятилетия. Казань, 2021.

² Общий устав Императорских российских университетов. СПб., 1884.

³ Обзор преподавания в императорском Казанском университете в 1917–1918 учебном году. Б.м., б.г.

Немаловажным фактом, ускорившим этот процесс, явилась открытая поддержка профессорами Казанского университета «белого движения» в лице Самарского Комитета членов Учредительного собрания (Комуч) после занятия Казани войсками его Народной армии 7 августа 1918 г. Особенно активную позицию заняли тогда профессора-историки Н.Н. Фирсов и М.В. Бречкевич. 10 сентября 1918 г. советская власть в Казани была восстановлена, однако этот небольшой по продолжительности период оказался крайне важным и для самого Казанского университета, и для судеб его преподавателей и сотрудников, во многом определив дальнейшие модели их поведения и взаимоотношения с советской властью. Одни предпочли покинуть Казань, как, например, молодой и перспективный приват-доцент В.И. Огородников, оставивший город после занятия его частями Красной армии вместе с более чем сотней своих коллег¹. При Омском правительстве адмирала А.В. Колчака (осень 1918 — январь 1920 г.) он стал первым деканом историко-филологического факультета и организатором и заведующим кафедрой русской истории открытого в октябре 1918 г. Иркутского университета². После установления в Сибири власти большевиков, начавшей усиленную советизацию и реорганизацию сибирских вузов, включавшую и их структурную перестройку вплоть до полной ликвидации гуманитарного образования³, вероятно, опасаясь репрессий и не видя перспектив для дальнейшей деятельности, В.И. Огородников перебрался на тогда еще не советский Дальний Восток, где с 1921 г. возглавлял Читинский институт народного образования, а в 1923–1925 гг. — Дальневосточный университет⁴. Впоследствии под давлением власти он вынужден был оставить и эту должность. В мае 1933 г. он был арестован по делу

¹ Мальшева С.Ю. «Великий исход» казанских университетариев в сентябре 1918 г. // Гасырлар авазы / Эхо веков. 2003. № 1–2. С. 87–92.

² История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах 1899–1939. Владивосток, 1999. С. 347–348.

³ См.: Малявина Л.С. Между «красными» и «белыми»: наука и высшая школа Дальнего Востока в период гражданской войны // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2009. Т. 66. № 4. С. 83.

⁴ Петрушин Ю.А. Сибиревед В.И. Огородников // Четвертые Романовские чтения: материалы научной конференции. Иркутск, 2008. С. 106–108.

так называемой «Автономной Чукотки» и осужден на десять лет лагерей, где отбывал наказание и скончался в 1938 г.¹ В 1956 г. по-смертно реабилитирован.

В отличие от тех историков, которые бежали от советской власти, некоторые их коллеги пытались к этой власти приспособиться. Вскоре после восстановления советской власти в Казани тот же Н.Н. Фирсов, решительно осуждавший радикальные методы преобразования российского общества в своих публицистических сочинениях лета 1917 г.² и прямо поддержавший комучевцев³, высказался на страницах советской газеты в поддержку власти Советов, назвав большевизм «народным движением» и обещая впредь «это движение поддерживать»⁴. Насколько чистосердечным было это заявление, утверждать трудно: по заявлению некоторых исследователей, своеобразным жизненным правилом ученого было представление о возможности научной (и, вероятно, также преподавательской) деятельности при любых политических обстоятельствах⁵. И он делал все, чтобы от этого правила не отступить. А может быть сотрудничество с советской властью было обусловлено простым желанием выжить, материально обеспечить себя и своих близких в тех непростых условиях, облегчить существование своего прикованного к постели ребенка-инвалида? Хорошо известно, сколь тяжела была жизнь университетских профессоров в «эпоху катастроф» 1917–1922 гг.: из респектабельных «господ» они превратились в голодных, обносившихся людей, выживавших за счет продажи личных вещей и предметов былой роскоши, месяцами не получавших своего скудного жалования.

Все поступки профессора Н.Н. Фирсова свидетельствуют о том, что он целенаправленно и последовательно шел на сотрудничество с советской властью: принимал активное участие в организа-

¹ О нем см.: Огородников В.И.: энциклопедическая справка // ИркипедияRU: Энциклопедия и новости Приангарья. URL: http://irkipedia.ru/content/ogorodnikov_vladimir_ivanovich (дата обращения: 11.05.2022).

² Фирсов Н.Н. Расхитители и расхищение народного достояния в России. Казань, 1917.

³ См.: Ермолаев И.П., Литвин А.Л. Профессор Николай Николаевич Фирсов. Очерки жизни и деятельности. Казань, 1976. С. 66–67.

⁴ Цит. по: Литвин А.Л. Казань: время гражданской войны. Казань, 1991. С. 74.

⁵ См.: Зарипова Л.Д. Российская история в трудах Н. Н. Фирсова: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1996. С. 13.

ции преподавания исторических дисциплин на созданном в 1919 г. рабфаке и на образованном в 1919 г. факультете общественных наук (ФОНе), участвовал в разработке новых «советских» учебных планов и программ, вводимых с 1921 г., разработал два соответствующих новым идеологическим установкам курса: «История освободительного и рабочего движения в России XIX века» и «Формы рабочего движения», читал общедоступные «идеологически выдержанные» публичные лекции, регулярно публиковался на страницах губернской газеты «Знамя революции».

Хотя в круг исследовательских интересов Н.Н. Фирсова по-прежнему входили проблемы исторической биографики с пристальным вниманием к историко-психологическим характеристикам российских самодержцев и государственных деятелей¹ и массовых народных движений², в советский период все большее место в его творчестве стали занимать проблемы современной истории. Н.Н. Фирсов был первым из историков «старой школы», кто начал изучать отечественную историю советского периода в Казанском университете. По нашим подсчетам, из 119 работ, опубликованных Н.Н. Фирсовым в советское время, этому периоду было посвящено более половины работ. Обращаясь к вопросу об истоках революции 1917 г., Н.Н. Фирсов доказывал, что они исходят еще от крестьянских войн XVII–XVIII вв., которые он называл «крестьянскими революциями», а сама Октябрьская революция в России является их продолжением и триумфальным завершением³.

¹ Фирсов Н.Н. Исторические характеристики и эскизы (1890–1920). Т. 1–3. Казань, 1921–1930; Он же. Александр Второй. Личная характеристика (Частью по неизданным царским дневникам) // Былое. 1922. № 20. С. 125–128; Он же. Александр Первый. Личная характеристика // Былое. 1922. № 23. С. 8–9; Он же. Победоносцев. Опыт характеристики по письмам // Былое. 1924. № 25. С. 247–270; Он же. Александр III. Личная характеристика частью по его неизданным дневникам // Былое. 1925. № 1. С. 85–108; Он же. Николай II. Опыт личной характеристики. Казань, 1929 и др.

² Фирсов Н.Н. Разиновщина как социологическое и психологическое явление народной жизни. Изд. 3. М., 1920; Изд. 4. М., 1920; Он же. Крестьянская революция на Руси в XVII веке: Исторический очерк. М., Л., 1927; Он же. Пугачевщина. Опыт социолого-психологической характеристики. Изд. 2. М., 1921; Изд. 3. Л., 1924; Он же. Разин и разиновщина. Пугачев и пугачевщина. Казань, 1930 и др.

³ Фирсов Н.Н. Социальная основа пролетарской революции и рабоче-крестьянской власти в России // Известия Общества археологии, истории и этнографии. 1928. Т. XXXIV. Вып. 1–2. С. 1, 3.

С конца 1920-х гг. в отечественной историографии была развязана широкая политическая кампания, направленная против «идеологически вредных» течений в исторической науке, получившая ставшее нарицательным название «фирсовщины». «Антимарксизм» и «народничество» Фирсова усматривали как в самой тематике его научных исследований, так и в предлагаемых трактовках и оценках (пристальный интерес к проблемам крестьянского движения, крестьянских восстаний, и недооценка пролетарского характера Октябрьской революции, с одной стороны, и излишнее внимание к биографическому жанру, к истории жизни царственных особ как результат преувеличения роли личности в истории и приверженности теории «героя» и «толпы», с другой). В центральных изданиях и местных газетах началась настоящая травля ученого. Так, советский «красный профессор» — историк С.Г. Томсинский называл труды Н.Н. Фирсова о Разине и Пугачеве «антимарксистскими» и «реакционными», а самого его — «чуждым нам историком, который мог бы играть некоторую прогрессивную роль в 80-е годы XIX века, но не на тринадцатом году Октября»¹. В «немарксизме» мягко обвиняет Н.Н. Фирсова в своем дневнике и один из его учеников, «красный» профессор, историк С.А. Пионтковский, отмечая при этом искреннюю, как ему показалось, приверженность Фирсова советской власти: «Изумительный старик <...> У него в голове исключительная каша из народничества и марксизма. Он припутывает себя теперь к революционному марксизму, и он также понимает в этом деле, как в астрономии. Он не может обойтись без народнических широких фраз, без народнических широких жестов классической трибуны <...> В своей теоретической беспринципности он до наивности прост <...> Но при всей теоретической наивности он сейчас искренно идет с советской властью <...> Он чутко прислушивается к тому, что говорят ему представители партии, стараясь идти нога в ногу. И в своих выступлениях он как-то причудливо сплетает то, что требуется от него и как он понимает эти требования, с народническим отражением своего старого воззрения»².

¹ Томсинский С.Г. Разинщина // Проблемы марксизма. 1930. № 2. С. 199–204; Он же. О фирсовщине // Там же. 1930. № 5–6. С. 199–204.

² Дневник историка С.А. Пионтковского (1927–1934) / отв. ред. А.Л. Литвин. Казань, 2009. С. 243–244.

В начале 1931 г. Н.Н. Фирсов был объявлен участником «контрреволюционной группы», якобы объединившейся вокруг Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете и обвиняемой в «антимарксизме» в преподавании и исследовании «исторических вопросов»¹. В результате в конце января — начале февраля 1931 г. Общество было ликвидировано². С декабря 1929 по март 1931 г. в казанских газетах «За коммунизм», «За пролетарские кадры», «Красная Татария» было опубликовано 13 статей, обвинявших Н.Н. Фирсова во враждебном отношении к советской власти³. Впрочем, обвинение вскоре, видимо, развалилось, поскольку суд не состоялся, арестованные были отпущены. В марте 1931 г. бюро секции научных работников Казани также сняло с Фирсова все обвинения, заявив о невозможности считать его «контрреволюционером» и «врагом советской власти», тем не менее, оно указало на необходимость усиления «борьбы против фирсовщины и разоблачения ее как идеологически вредного течения в исторической науке»⁴.

Надо полагать, что в дальнейшем Н.Н. Фирсова могла бы постичь трагическая участь многих из его коллег, подвергнутых репрессиям, но смерть ученого в апреле 1934 г. (по другим данным, в июне 1933 г.) положила конец гонениям и травле историка. Сложность и противоречивость его характера проявлялись на протяжении всей его научной карьеры, но особенно очевидными стали в советское время. Н.Н. Фирсов был готов к компромиссу, но вместе с тем стремился к независимости и на научном, и на педагогическом поприще. Драматизм ситуации заключался в том, что в своем стремлении сотрудничать с советской властью он не сумел, да и не хотел отказаться от уже сформированной им научной концепции и разработанных научных воззрений и оценок, пытаясь лишь адаптировать их к сложившимся условиям и ориентируясь на требования времени.

¹ Сидорова И.Б. Тридцатые годы // История Казанского университета. Казань, 2004. С. 356–357.

² Об этом см.: Сидорова И.Б. Общество археологии, истории и этнографии и «дело краеведов» // Посреди России. Информационно-аналитическое издание. URL: <https://posredi.ru/obshhestvo-arheologii-istorii-i-etnografii-i-delo-kraevedov.html> (дата обращения: 11.05.2022).

³ Ермолаев И.П., Литвин А.Л. Профессор Николай Николаевич Фирсов. С. 81.

⁴ Там же. С. 81–82.

Так, сам того не ведая, он оказался в рядах политически и научно «неудобных», выдвинутых за пределы нормативного советского исследовательского пространства исследователей.

Не менее трагично сложилась судьба младшего коллеги Н.Н. Фирсова — профессора русской истории П.Г. Архангельского (1884–1921). Талантливый молодой ученый, ученик Н.Н. Фирсова и научный руководитель М.В. Нечкиной, подсказавший ей тему конкурсного сочинения, легшего впоследствии в основу ее первой монографии, еще в дореволюционный период обратился к изучению организации и правовой регламентации органов крестьянского самоуправления¹. Можно предположить, что это направление исследований было одобрено и поддержано выдающимся русским историком С.Ф. Платоновым во время встречи с П.Г. Архангельским в декабре 1916 г. в Петрограде². В 1920 г. П.Г. Архангельский издает самую крупную из своих работ — «Очерки по истории земельного строя России»³.

Напечатанная на некачественной дешевой бумаге в тяжелейших условиях гражданской войны, эта книга, хотя и написанная, по словам автора, как популярная, оказалась весьма показательной для понимания истинного отношения российской профессуры к происходившим тогда событиям. Определяющими факторами, влияющими на изменение аграрного строя и аграрных отношений в любой стране, в том числе и в России, историк считал «природные условия, народные нужды и их скрытые силы». Они, с точки зрения П.Г. Архангельского, оказывались гораздо важнее, нежели чем «разум и воля отдельных людей, как бы властны и могучи они ни казались на первый взгляд»⁴. И потому очевидна, хотя и небесспорна та негативная оценка, которую дает П.Г. Архангельский реформам,

¹ Архангельский П.Г. К вопросу о происхождении русской общины // Сборник статей в честь Д.А. Корсакова. Казань, 1913. С. 323–351; *Он же*. Годичный отчет о занятиях русской историей. 1/IX 1913– 31/VIII 1914. Казань, 1914; *Он же*. Выборы в Екатерининскую комиссию от крестьян Двинского Севера. Пг., 1915; *Он же*. Погостные указы 1767 г. как исторический источник // Ученые записки Казанского университета. 1916. Т. 83. Кн. 6–7. С. 1–50.

² См.: Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 4. СПб., 2008. С. 534.

³ Архангельский П.Г. Очерки по истории земельного строя России. Казань, 1920.

⁴ Там же. С. 324.

проводимым «сверху», будь то реформа 1861 г. или столыпинская аграрная реформа. По мнению исследователя, обе они не отвечали потребностям и запросам крестьян: первая соответствовала лишь интересам дворянства, вторая донельзя осложнила крестьянский вопрос и усугубила социальные противоречия в деревне, ведущие к «великой междоусобице»¹. Рисуя перспективы развития страны, Архангельский утверждал, что не власть, а лишь сам народ способен обеспечить свободное и успешное развитие аграрного строя в новой России. Как известно, жизнь опровергла эти прогнозы, но историку не суждено было увидеть это своими глазами: 5 января 1921 г. он скончался от сыпного тифа. Как будто предчувствуя скорую смерть, он в начале 1920 г. передал рукописи своих статей в Общество археологии, истории и этнографии². Однако ни одна из рукописей опубликована не была, а имя самого историка на долгие годы оказалось забыто.

Осенью 1918 г. приват-доценты П.Г. Архангельский и В.И. Огородников были переведены в состав профессоров Казанского университета в соответствии с декретом СНК от 9 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской Республики». Этот декрет упразднил все дореволюционные ученые степени и звания, заменив их единым званием профессора и предписал такой перевод для всех приват-доцентов, состоявших в этом звании не менее трех лет³. Однако этот декрет не смог решить проблему преподавательских кадров для новой советской высшей школы: ставшие профессорами приват-доценты были последовательными сторонниками и продолжателями прежних академических традиций. Поэтому столь актуальной стала задача подготовки новых научно-педагогических кадров через еще сохранявшийся в первые послеоктябрьские годы институт профессорских стипендиатов. Весной 1918 г. аспирантуру по кафедре русской истории оканчивает

¹ Архангельский П.Г. Очерки по истории земельного строя России. С. 132, 245, 314.

² Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1921. Т. XXXI. Вып. 2–3. С. 249.

³ Собрание декретов и постановлений рабоче-крестьянского правительства по народному образованию. М., 1920. С. 18.

С.А. Пионтовский. В том же году туда зачисляются Г.С. Губайдуллин и Е.И. Чернышев¹. В 1921 г. для подготовки к профессорскому званию при кафедре русской истории была оставлена М.В. Нечкина². Судьба этих людей складывалась по-разному и зачастую — вдали от alma mater, однако именно они составили первое поколение советских профессиональных историков-марксистов в Казанском университете.

Одной из наиболее ярких и трагических фигур среди этих людей стал историк Сергей Андреевич Пионтовский (1891–1937)³. С.А. Пионтовский родился в Одессе, но свои детские и юношеские годы провел в Казани, где его отец с 1899 г. занимал в университете кафедру уголовного права. В 1910–1914 гг. Пионтовский обучался на историко-филологическом факультете Казанского университета и по окончании был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории. Научным руководителем его стал Н.Н. Фирсов.

Казанский период в жизни С.А. Пионтовского был очень непродолжительным. Он не сумел вовремя подготовить диссертацию и потому в 1918 г. срок его пребывания в аспирантуре был продлен еще на год⁴. Однако отсрочкой этой Пионтовский воспользовался: в июне 1918 г. он под предлогом болезни легких уезжает на кумысолечение в Уфимскую губернию, а оттуда, после захвата Казани комучевцами и белочехами в Томск, затем во Владивосток, где остается до сентября 1919 г. В Казань он возвращается лишь на год и в августе 1920 г. переезжает в Москву. Тем не менее, этот период в жизни С.А. Пионтовского во многом стал определяющим и для формирования его политических взглядов, и для складывания его академических предпочтений и дальнейшей карьеры.

Известно, что С.А. Пионтовский далеко не сразу стал большевиком. В своей автобиографии он называл себя меньшевиком-

¹ ГАРТ. Ф. 977. Оп. Истфилфак. Д. 2484. Л. 1; Д. 2493. Л. 45; Д. 2532. Л. 1; Д. 2603. Л. 1.

² Милица Васильевна Нечкина (1901–1985). М., 1987. С. 3.

³ Подробно о жизненном и творческом пути С.А. Пионтовского см.: Литвин А.Л. Без права на мысль. (Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб). Казань, 1994. С. 91–121.

⁴ ГАРТ. Ф. 977. Оп. Истфилфак. Д. 2484. Л. 16; Д. 2506. Л. 11; Д. 2364. Л. 18.

объединенцем (имеется в виду меньшевиком-интернационалистом — *авт.*)¹. Большевистские воззрения С.А. Пионтовского весьма отчетливо проявились в его статьях, опубликованных в основных периодических изданиях казанских меньшевиков в период с февраля 1917 по лето 1918 г. («Казанская рабочая газета», «Рабочее дело» и, наконец, «Рабочая воля», издаваемая самим Пионтовским) и содержащих прямую и откровенную критику большевизма². С.А. Пионтовский мечтал о демократической России, которую, по его мнению, никогда бы не смогли, да и не собирались строить большевики. Октябрьский переворот, по его словам, — это построенная на насилии контрреволюция, установившая жестокий режим борьбы с подлинными и мнимыми инакомыслящими, уничтожившая демократические органы власти и демократическую печать в стране, опирающаяся на лозунговую стихию и не имеющая четкой программы, теоретически далекая от идей марксизма, развязавшая гражданскую войну в стране. Этому режиму следует противостоять и с ним необходимо бороться³.

К лету 1918 г. в Казани было закрыто около 40 меньшевистских газет и журналов⁴, включая и те, в которых неоднократно печатался и одну из которых, как уже отмечалось, редактировал С.А. Пионтовский. Оставаться в городе становилось опасно. Отъезд в Сибирь представлялся наиболее возможным выходом из положения. Пионтовский продолжает издавать, редактировать и публиковаться в меньшевистских журналах «Приморский рабочий» (Владивосток), «Рабочий путь» (Томск), «Сибирский рабочий» (Иркутск) и др., становится членом исполнительного комитета Совета

¹ Литвин А.Л. Без права на мысль. С. 107.

² Дубровин В.Ю. Политические взгляды С.А. Пионтовского как активного деятеля партии меньшевиков (казанский период) // Казанская наука. 2015. № 4. С. 28–29.

³ С.П. (Сергей Пионтовский). Новые книги // Казанская рабочая газета. 191. 6 сентября; Он же. На распутье // Рабочее дело. 1917. 12 декабря; Он же. Простреленная серая шинель // Рабочее дело. 1918. 16 января; Он же. Труженикам мысли // Рабочее дело. 1917. 15 ноября; ЭСПЭ (Сергей Пионтовский). Итоги и перспективы // Рабочая воля. 1918. 12 июня; Он же. Диктатура пролетариата // Рабочая воля. 1918. 13 июня.

⁴ Насыров Т.М. Октябрь и гонения на казанскую русскую меньшевистскую прессу // Гасырлар авазы / Эхо веков. 2014. № 3–4. С. 84.

профсоюзов Сибири. Но «белый террор», свирепствовавший в Сибири, оказался не слаще «красного». «Левые» политические убеждения Пионтковского были столь же чуждыми и небезопасными в колчаковской Сибири, сколь и в большевистской постреволюционной Казани. Вот почему Пионтковский возвращается в Казань, и, более того, в сентябре 1919 г. становится членом РКП(б). По искреннему ли убеждению? Из карьерных ли соображений? Трудно ответить на этот вопрос. В этом в какой-то степени могли бы помочь неофициальные личные свидетельства историка. Как известно, сохранился и в 2009 г. был опубликован его дневник¹. Но, во-первых, он охватывает лишь ограниченный период — конец 1920-х — первую половину 1930-х гг., а, во-вторых, неясно, сколь откровенен был бы автор дневника, повествуя о своих политических метаниях в раннесоветский период, о неожиданно быстрой трансформации политических воззрений и резком переходе на сторону большевиков.

Вернувшись в Казань, в 1919–1920 гг. С.А. Пионтковский издает две первых своих работы по истории гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке². Обе они представляют собой аннотированную публикацию выдержек из документов — преимущественно из сибирской несоветской (!!!) периодической печати³ и по своему стилю, жанру, специфике использования источников абсолютно характерны для начального этапа становления советской историографии.

Оказавшись в Казани, С.А. Пионтковский становится не только партийно-советским функционером — заведует агитпропом губкома ВКП(б), входит в состав Президиума Казанского губпрофсовета и Казанского Совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов, но обращается и к преподавательской деятельности. Не все здесь складывается просто. В октябре 1918 г. профессор Н.Н. Фирсов подает прошение в Совет Казанского университета

¹ Дневник историка С.А. Пионтковского (1927–1934) / отв. ред. и вступ. статья А.Л. Литвина. Казань, 2009.

² ЭСПЭ (Пионтковский С.А.). Год в царстве Колчака. Материалы по истории рабочего движения в Сибири с июля 1918 до июня 1919. Казань, 1919; Он же. Наш Дальний восток. Японская интервенция в Сибири. Казань, 1920.

³ См.: Адрианов А.В. Периодическая печать в Сибири: с указателем изданий в 1918 г. Томск, 1919.

с просьбой допустить Пионтковского к ведению занятий. Однако демонстрируемая молодым человеком ярая приверженность большевизму по-видимому не нашла особого одобрения у членов университетского Совета. Под формальным предлогом отсутствия научного руководителя на его заседании рассмотрение вопроса было отложено. Повторно с заявлением о допуске к временному (внештатному) преподаванию обратился уже сам С.А. Пионтковский уже в январе 1920 г. После ожесточенных споров внутри университетской корпорации, сводящихся к возможности применения дореволюционных норм приват-доцентуры в новых условиях (о представлении студенческого медального сочинения в качестве научной работы, об освобождении от коллоквиума как необходимой ступени в институционализации, о тематике пробных лекций, о качестве прочитанных Пионтковским лекций, которые были оценены неоднозначно), он все же был допущен к временному преподаванию. Описывая и оценивая «случай С.А. Пионковского», Н.В. Гришина отмечает, что причин, затруднивших его путь к профессорской кафедре, было две: во-первых, чуждые профессорской культуре политические ценности соискателя, а во-вторых, стремление следовать сложившейся процедуре в решении кадровых вопросов¹. Но по сути причина здесь была одна: стремление сохранить университетскую корпорацию от проникновения «чужих», а традиционные университетские ценности, включая высокий статус профессора и его приоритетную роль в решении принципиальных вопросов университетской жизни, включая кадровые — от размывания и забвения. Эту же цель, как известно, преследовала и знаменитая казанская «профессорская забастовка» 1922 г., направленная на сохранение университетской автономии. Однако при новой власти требования эти были утопичны и иллюзорны, и от них вскоре не осталось и следа.

В августе 1920 г. С.А. Пионтковский переезжает в Москву, но связи с Казанью не теряет. В 1921 г. в журнале «Казанский библиофил» публикуется подборка его рецензий на «воспоминания белогвардейцев». Академическая историческая школа все же

¹ Гришина Н.В. Как стать университетским преподавателем? Случай С.А. Пионтковского // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2016. № 2. С. 160–161.

давала себя знать: рецензент высоко оценивает информативную значимость этой группы источников, хотя и требует особого внимания к их достоверности¹.

Зимой 1929 г. С.А. Пионтковский приезжает в Казань на празднование 50-летнего юбилея Общества археологии, истории и этнографии. «Я проторчал в Казани три дня — с 25 по 27, вернее, до утра 28 января. Здесь очень много интересного, и в научном, и в общественном, и даже в личном эта поездка встряхнула и всколыхнула уже много забытого и пережитого», — записывает С.А. Пионтковский в своем дневнике². Эти записи весьма любопытны, поскольку не только вводят нас в атмосферу научной жизни Казани того времени, но отчетливо демонстрируют всю «двойственность» Пионтковского, «степень борьбы в нем конформизма и профессионализма»³, недостаток которого он как профессиональный историк с базовым дореволюционным академическим образованием критикует резко и даже зло. Особенно саркастичен С.А. Пионтковский при характеристике местной научной элиты, отдавая должное лишь своему учителю — Н.Н. Фирсову. Татарских «глубоко провинциальных» историков он обвиняет в незнании и пренебрежении достижениями дореволюционной русской историографии, что позволяет им «с детской наивностью» открывать «новое в давно открытых вопросах» и ведет к невозможности «усвоить простой мысли о необходимости перенесения уже выработанных научных приемов на изучение новых явлений истории Татарии». В качестве примера такого «глубокого ученого» он приводит Абдрахимова⁴, который «открыв татарские летописи», сообщил С.А. Пионтковскому, «что он не историк, а историк литературы, потому что никогда не читал Шахматова и не знает о его методах и не имеет представления о том, как работать над источниками»⁵.

¹ Казанский библиофил. 1921. № 2. С. 181–188.

² Дневник историка С.А. Пионтковского. С. 237.

³ Литвин А.Л. Введение // Дневник историка С.А. Пионтковского. С. 28.

⁴ Речь идет об А.Ш. Абдрахимове, выступившем с докладом «Новые списки татарских летописей». См.: Бороздин И.Н. 50-летие Общества // Новый Восток. 1929. Кн. 25. С. 371–373; Пионтковский С.А. К 50-летию Казанского Общества (1878–1929) // Историк-марксист. 1929. Т. 11. С. 275–276.

⁵ Дневник историка С.А. Пионтковского. С. 245.

«Своеобразный колорит», по мнению С.А. Пионтковского, отличал и «небольшую группу русских историков, занятых изучением местного края <...> Связываясь с обслуживанием татарской культуры, историки невольно превращаются в востоковедов»¹. В мелкотемье обвиняет он выступавших на съезде представителей нерусских народов Поволжья, серьезно обсуждавших вопрос о том, «кто первым изобрел капкан для ловли каких-то зверьков, чуваша или черемисы, и как сказывается влияние приволжских народов на эволюцию форм женских рубашек местного края»².

Чего было больше в этих оценках — высокомерия маститого столичного мэтра или непредвзятой наблюдательности историка-профессионала? Естественно, дневник по самому своему жанру как автокоммуникативный источник не предполагает изложения отцензурированных оценок, предназначенных для публичного дискурса. Крайняя субъективность и недостаточная обоснованность заключений, сделанных, если можно так выразиться, по первому впечатлению, здесь вполне допустима. Кроме того, в данном случае это всего лишь отчет о прошедшем юбилейном съезде, не более того, и автор его вроде бы не претендует на анализ и обобщенную характеристику состояния исторической науки в Советской Татарии того времени. С другой стороны, любой созданный историком дневник есть историографический источник, который может отразить (а может и не отразить, в зависимости от установок автора) его подлинные, не высказываемые открыто, настроения, мнения и оценки.

Действительно, советская национальная политика, направленная на поддержку этнических меньшинств и конструирования из них современных наций, зафиксированная XII съездом РКП(б) в апреле и специальной конференцией Центрального Комитета по национальной политике в июне 1923 г., получившая впоследствии название политики коренизации и просуществовавшая до начала 1930-х гг., отдавала «национальным» исследованиям одну из ключевых ролей. Среди символических маркеров национальной идентичности работам по истории местного края отводилось особое место. Причем национальная политика «империи позитивного действия» (Т. Мартин),

¹ Дневник историка С.А. Пионтковского. С. 245.

² Там же. С. 246.

когда русским приходилось включаться в программы «позитивного действия» для нерусских, предполагала значительное расширение количества исследований по истории местного края, проводимых не-татарами. Но как только политическая и культурная национальные элиты, с точки зрения центральной власти, чрезвычайно усилились и стали представлять угрозу для стабильности режима, с коренизацией было немедленно покончено. Ликвидация Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете зимой 1931 г. четко вписывалось в подвергнутую ревизии советскую национальную политику, реабилитировавшую русских и русскую национальную историю и культуру как «первые среди равных». Едва ли это мог предвидеть, а тем более знать С.А. Пионтковский зимой 1929 г., но его и другие подобные ему высказывания о «сельскости» национальной культуры и проблематичности ее соотношения с «социалистическим обществом»¹, безусловно, могли быть использованы как одни из возможных аргументов в процессе трансформации национального политического дискурса.

Советская власть не пощадила С.А. Пионтковского. В 1936 г. он вместе с группой других историков был арестован по обвинению в участии в «контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации», готовившей «теракт над тов. Сталиным». Дневник историка выступал в качестве одного из вещественных доказательств. В ночь с 7 на 8 марта 1937 г. его расстреляли². В акте обследования Московского государственного историко-архивного института от 12 апреля 1937 г., проведенного специальной комиссией Центрального архивного управления, — института, где в последние годы работал С.А. Пионтковский, — говорилось, что «состав преподавателей института чрезвычайно засорен людьми, имеющими в прошлом те или иные политические ошибки или состоящими в других партиях». Одним из первых в их числе был назван именно С.А. Пионтковский³.

¹ Дневник историка С.А. Пионтковского. С. 241–242, 246.

² Подробно анализ следственного дела С.А. Пионтковского см.: *Литвин А.Л.* Введение. С. 47–57.

³ См.: *Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л.* «Мы учим советских людей, а не древних греков» (Из истории вузовской исторической науки конца 30–40-х гг.) // *История СССР.* 1989. № 6. С. 92.

***

В этой статье мы рассказали лишь о некоторых историках Казанского университета, изучавших и преподававших в его стенах в первые годы советской власти. Выбор пал на четырех достаточно ярких, но совершенно непохожих представителей казанской исторической школы. Судьбы их всех сложились трагически: двое из них были репрессированы, один умер молодым, не выдержав тягот и лишений гражданской войны, другой мучительно и долго умирал от тяжелой болезни, испытывая жестокую травлю со стороны коллег и собственных учеников за свои «немарксистские» убеждения. Кто-то из них бежал от советской власти, кто-то стремился приспособиться к ней, как мог. Избранная ими поведенческая стратегия была результатом не только складывавшихся политических и личных обстоятельств, но и результатом их собственного жизненного выбора. Однако — при любом раскладе — никто из них в конечном итоге так и не стал для советской власти «своим».

Некоторые из этих людей (С.А. Пионтковский, Н.Н. Фирсов) оставили после себя его-нарративы, которые, вероятно, и могли бы дать ответы на вопрос, почему они поступали так, а не иначе. Но нам достаточно сложно судить о том, сколь откровенен был, например, Н.Н. Фирсов в своих личных дневниках, которые вел с 1884 до 1933 г., и уж тем более в своих сохранившихся рукописных воспоминаниях «Прожитая жизнь» (1932)¹. Как каждый профессиональный историк, он не отрицал возможности будущего опубликования дневников, а воспоминания были прямо предназначены им для публикации, причем не где-нибудь за рубежом, а в советской России, поэтому самоцензура была в них самая что ни на есть жесткая.

Неоднократные реорганизации университетской структуры, предпринятые на протяжении 1920-х — начала 1930-х гг., приводили к неустойчивому положению профессорско-преподавательского состава, к утрате квалифицированных преподавательских кадров. В справочнике «Научные работники Казани» за 1927 г. называлось

¹ О них см.: *Зарипова Л.Д., Сальникова А.А.* Некоторые проблемы изучения источниковой основы биографии ученого: Н.Н. Фирсов // *Интеллигенция Татарстана в период реформ и революций первой трети XX в.* Материалы респ. науч. конф. Казань, 1997. С. 127–129.

всего восемь историков¹. Основным критерием подбора преподавательских университетских кадров отныне стала партийная принадлежность².

Жирную точку в изучении отечественной истории в Казанском университете поставило известное письмо И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» в редакцию журнала «Пролетарская революция» (1931), установившее для историков предел дозволенного, за рамки которого выходить было противопоказано. Исследовательский и педагогический опыт, навыки и традиции были утеряны, возможности научной деятельности утрачены. Альтернативы не существовало. Казалось, что точка невозврата пройдена раз и навсегда и отечественная история в Казанском университете никогда уже не возродится вновь.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адрианов А.В. Периодическая печать в Сибири: с указателем изданий в 1918 г. Томск, 1919.
- Архангельский П.Г. Выборы в Екатерининскую комиссию от крестьян Двинского Севера. Пг., 1915.
- Архангельский П.Г. Годичный отчет о занятиях русской историей. 1/IX 1913– 31/ VIII 1914. Казань, 1914.
- Архангельский П.Г. К вопросу о происхождении русской общины // Сборник статей в честь Д.А. Корсакова. Казань, 1913. С. 323–351.
- Архангельский П.Г. Очерки по истории земельного строя России. Казань, 1920.
- Архангельский П.Г. Погостные наказы 1767 г. как исторический источник // Ученые записки Казанского университета. 1916. Т. 83. Кн. 6–7. С. 1–50.
- Бороздин И.Н. 50-летие Общества // Новый Восток. 1929. Кн. 25.
- ГАРТ (Государственный архив Республики Татарстан). Ф. 977. Оп. Истфилфак. Д. 2364; 2484; 2493; 2506; 2532; 2603.
- ГАРТ. Ф. Р-4882. Оп. 1. Д. 153.
- Гришина Н.В. Как стать университетским преподавателем? Случай С.А. Пионтовского // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 2.

¹ Научные работники Казани. Справочник. Казань, 1927.

² См. сведения о преподавателях Казанского университета на конец 1920-х гг.: ГАРТ. Ф. Р-4882. Оп. 1. Д. 153. С. 297.

- Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 4. СПб., 2008.
- Дневник историка С.А. Пионтовского (1927–1934) / отв. ред. и вступ. статья А.Л. Литвина. Казань, 2009.
- Дубровин В.Ю. Политические взгляды С.А. Пионтовского как активного деятеля партии меньшевиков (казанский период) // Казанская наука. 2015. № 4.
- Ермолаев И.П., Литвин А.Л. Профессор Николай Николаевич Фирсов. Очерки жизни и деятельности. Казань, 1976.
- Зарипова Л.Д. Российская история в трудах Н.Н. Фирсова: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1996.
- Зарипова Л.Д., Сальникова А.А. Некоторые проблемы изучения источниковой основы биографии ученого: Н.Н. Фирсов // Интеллигенция Татарстана в период реформ и революций первой трети XX в. Материалы респ. науч. конф. Казань, 1997. С. 127–129.
- Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1921. Т. XXXI. Вып. 2–3.
- История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах 1899–1939. Владивосток, 1999.
- Казанский библиофил. 1921. № 2. С. 181–188.
- Литвин А.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Бремя выбора. Историка Казанского университета в первые советские десятилетия. Казань, 2021.
- Литвин А.Л. Без права на мысль. (Историка в эпоху Большого террора. Очерки судеб). Казань, 1994.
- Литвин А.Л. Введение // Дневник историка С.А. Пионтовского. (1927–1934) / отв. ред. и вступ. статья А.Л. Литвина. Казань, 2009.
- Литвин А.Л. Казань: время гражданской войны. Казань, 1991.
- Мальшева С.Ю. «Великий исход» казанских университетариев в сентябре 1918 г. // Гасырлар авазы / Эхо веков. 2003. № 1–2. С. 87–92.
- Малявина Л.С. Между «красными» и «белыми»: наука и высшая школа Дальнего Востока в период гражданской войны // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2009. Т. 66. № 4.
- Милица Васильевна Нечкина (1901–1985). М., 1987.
- Насыров Т.М. Октябрь и гонения на казанскую русскую небольшевицкую прессу // Гасырлар авазы / Эхо веков. 2014. № 3–4.
- Научные работники Казани. Справочник. Казань, 1927.
- Обозрение преподавания в императорском Казанском университете в 1917–1918 учебном году. Б.м., б.г.
- Общий устав Императорских российских университетов. СПб., 1884.

- Огородников В.И.: энциклопедическая справка // ИркипедияRU: Энциклопедия и новости Приангарья. URL: http://irkipedia.ru/content/ogorodnikov_vladimir_ivanovich (дата обращения: 11.05.2022).
- Петрушин Ю.А. Сибиревед В.И. Огородников // Четвертые Романовские чтения: материалы научной конференции. Иркутск, 2008. С. 106–108.
- Пионтковский С.А. К 50-летию Казанского Общества (1878–1929) // Историк-марксист. 1929. Т. 11.
- Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. «Мы учим советских людей, а не древних греков» (Из истории вузовской исторической науки конца 30–40-х гг.) // История СССР. 1989. № 6.
- С.П. (Сергей Пионтковский). Новые книги // Казанская рабочая газета. 191. 6 сентября.
- С.П. (Сергей Пионтковский). На распутье // Рабочее дело. 1917. 12 декабря.
- С.П. (Сергей Пионтковский). Простреленная серая шинель // Рабочее дело. 1918. 16 января.
- С.П. (Сергей Пионтковский). Труженикам мысли // Рабочее дело. 1917. 15 ноября.
- Сидорова И.Б. Общество археологии, истории и этнографии и «дело краеведов» // Посреди России. Информационно-аналитическое издание. URL: <https://posredi.ru/obshhestvo-arheologii-istorii-i-etnografii-i-delo-kraevedov.html> (дата обращения: 11.05.2022).
- Сидорова И.Б. Тридцатые годы // История Казанского университета. Казань, 2004.
- Собрание декретов и постановлений рабоче-крестьянского правительства по народному образованию. М., 1920.
- Томсинский С.Г. О фирсовщине // Проблемы марксизма. 1930. № 5–6. С. 199–204.
- Томсинский С.Г. Разинщина // Проблемы марксизма. 1930. № 2. С. 199–204.
- Фирсов Н.Н. Александр III. Личная характеристика частью по его неизданным дневникам // Былое. 1925. № 1. С. 85–108.
- Фирсов Н.Н. Александр Второй. Личная характеристика (Частью по неизданным царским дневникам) // Былое. 1922. № 20. С. 125–128.
- Фирсов Н.Н. Александр Первый. Личная характеристика // Былое. 1922. № 23.
- Фирсов Н.Н. Исторические характеристики и эскизы (1890–1920). Т. 1–3. Казань, 1921–1930.
- Фирсов Н.Н. Крестьянская революция на Руси в XVII веке: Исторический очерк. М.; Л., 1927.
- Фирсов Н.Н. Николай II. Опыт личной характеристики. Казань, 1929.
- Фирсов Н.Н. Победоносцев. Опыт характеристики по письмам // Былое. 1924. № 25. С. 247–270.
- Фирсов Н.Н. Пугачевщина. Опыт социолого-психологической характеристики. Изд. 2. М., 1921; Изд. 3. Л., 1924.

- Фирсов Н.Н. Разин и разиновщина. Пугачев и пугачевщина. Казань, 1930.
- Фирсов Н.Н. Разиновщина как социологическое и психологическое явление народной жизни. Изд. 3. М., 1920; Изд. 4. М., 1920.
- Фирсов Н.Н. Расхитители и расхищение народного достояния в России. Казань, 1917.
- Фирсов Н.Н. Социальная основа пролетарской революции и рабоче-крестьянской власти в России // Известия Общества археологии, истории и этнографии. 1928. Т. XXXIV. Вып. 1–2.
- ЭСПЕ (Пионтковский С.А.). Год в царстве Колчака. Материалы по истории рабочего движения в Сибири с июля 1918 до июня 1919. Казань, 1919.
- ЭСПЭ (Сергей Пионтковский). Диктатура пролетариата // Рабочая воля. 1918. 13 июня.
- ЭСПЭ (Сергей Пионтковский). Итоги и перспективы // Рабочая воля. 1918. 12 июня.
- ЭСПЭ (Сергей Пионтковский). Наш Дальний восток. Японская интервенция в Сибири. Казань, 1920.

МАСТЕРСКАЯ ИСТОРИКА

Н.В. Ростиславлева

ВИЛЬГЕЛЬМ ФОН ГУМБОЛЬДТ КАК ИСТОРИК: ЛАБОРАТОРИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Вильгельм фон Гумбольдт обрел мировую известность прежде всего как реформатор образования и создатель Берлинского университета, но его сильный жаждущий открытий ум не мог остаться в стороне от общих умственных движений своего времени¹. В первой половине XIX в. в Германском союзе и Пруссии, которая входила в него, шел процесс формирования исторического метода, который позднее вошел в анналы исторического познания как метод Ранке. Благодаря этому методу и прежде всего Л. фон Ранке, преподававшему в Берлинском университете, сложилась эффективная система исторического образования. Но в первой половине XIX в. авторы исторических сочинений по своему «базовому» образованию были теологами (Л. фон Ранке, Ф.К. Шлоссер), филологами (Ф.К. Дальман), юристами (К. фон Роттек, К.Т. Велькер). Вильгельм фон Гумбольдт (1867–1835), который на научном поприще обрел известность прежде всего как лингвист и родоначальник философии языка, слушал в 1788 г. в Геттингенском университете лекции по философии, истории, изучал древние языки и стал по признанию профессора Хайне прекрасным филологом².

Основанный в 1737 г. Геттингенский университет Георга-Августа пользовался особой популярностью среди немецких интеллектуалов и будущих прусских политиков: там учились К. фон Штейн и К. фон Гарденберг, граф Дона, А.В. Шлегель. Гумбольдт провел в Геттингене четыре семестра, но учеба в университете была для него

скорее местом интеллектуального развития, а не подготовкой к профессиональной деятельности. Также он не стремился к получению ученой степени, но много путешествовал, познавая мир. Еще в студенческие годы критически, но одновременно очень глубоко изучая философию Канта¹, Гумбольдт по сути освободился от господствовавшей просветительской рационалистической парадигмы, что он продемонстрировал уже в своих первых политических сочинениях².

В начале XIX в. он строил карьеру чиновника: с 1802 по 1808 гг. был посланником Пруссии в Риме, затем в 1809–1810 гг. возглавлял департамент образования и культов прусского министерства внутренних дел. Находясь на этом посту, он основал в 1810 г. Берлинский университет Фридриха Вильгельма³. Как представитель Пруссии, Гумбольдт принимал участие в работе Венского конгресса 1814–1815 гг. До 1819 г. был членом Государственного совета Пруссии, который покинул после принятия Карлсбадских постановлений, ужесточивших цензуру и ограничивавших свободу университетов. Только с 1820 г. он стал плотно заниматься научной деятельностью, но и, служа отечеству, находил время для интеллектуального творчества. Так, будучи в Риме, делал переводы с греческого языка, а после ухода с министерского поста, начал заниматься историей.

Успехи Гумбольдта на научном поприще были замечены: в 1808 г., когда Гумбольдт еще находился в Риме, Прусская академия наук избрала его своим членом. В значительной степени это было связано с его работами по истории классической древности⁴,

¹ Berglar P. Wilhelm von Humboldt. S. 27.

² Гумбольдт В. фон. Идеи конституционного государственного устройства в связи с новой французской конституцией // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М., 1995. С. 184–189.

³ См. об этом подробнее: Ростиславлева Н.В. Вильгельм фон Гумбольдт и его модель университета: взгляд из XXI века // Cogito. Альманах истории идей. Общество интеллектуальной истории (Ростовское региональное отделение), Ростовский государственный университет, исторический факультет. Ростов-на-Дону, 2006. С. 333–345.

⁴ См.: Humboldt W. von. Über das Studium des Alterthums, und des griechischen insbesondere // Humboldt W. von. Sämtliche Werke. Bd. 2. Schriften zur Altertumskunde. Übertragungen. Berlin, 1999. S. 7–24; Idem. Ueber den Charakter der Griechen, die idealische und historische Ansicht desselben // Humboldt W. von. Sämtliche Werke. Bd. 2. Schriften zur Altertumskunde. Übertragungen. Berlin, 1999. S. 25–30.

¹ Подробнее о восприятии В. фон Гумбольдта в историографии см.: Ростиславлева Н.В. Историографическая рефлексия наследия В. фон Гумбольдта // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2014. № 13 (135). С. 136–145.

² Berglar P. Wilhelm von Humboldt. Hamburg, 2003. S. 26.

в которых он выказал явный пиетет перед греческой античной культурой, показал себя блестящим знатоком греческого языка и древнегреческой философии. Особое место для прояснения его историко-философских и антропологических взглядов имеет написанное в 1807 г. сочинение «История упадка и гибели греческих свободных государств»¹. Гумбольдт полагал, что предвестником начала разрушения стала ситуация, когда место сочувствия, процветавшего в греческих полисах, заняла глубоко укоренившаяся меланхолия, и тогда мысли и чувства уходили из полисной жизни «в далекую даль»². Падение греческих «свободных государств»³ ученый сравнивал с насильственной смертью, а не с болезнью и видел уже явное проявление насилия в правление Филиппа и Александра Македонского⁴. Однако Гумбольдт сфокусировал свое внимание не на фактической канве жизни греческих «свободных государств», а на этической составляющей причин падения свободной полисной жизни, отмечая, что «воодушевление воспламеняется только воодушевлением, и греки совершают чудеса благодаря тому, что пылающее в них небесное стремление находит выход»⁵. Затем они попадают в ловушку, когда пиетет греков перед символическим превращает в символ все, что их окружает, и грек сам становится символом человечества «в его тонкой, чистейшей и совершеннейшей форме». Если смысл уступил место узнаванию символов, то они легко деградируют в аллегория⁶. Гумбольдт пытался найти семантические различия между понятиями «символ» и «аллегория», приводил немало аллегорических примеров из жизни богов и делал вывод, что аллегория не присуща грекам, сравнивал ее с «холодным восторгом»⁷. Ученый

¹ Humboldt W. von. Geschichte des Verfalls und Unterganges der griechischen Freistaaten // Humboldt W. von. Sämtliche Werke. Bd. 2. Schriften zur Altertumskunde. Übertragungen. Berlin, 1999. S. 60–96.

² Ibid. S. 60.

³ Именно так Гумбольдт называл греческие полисы, подчеркивая творческую силу свободы в пробуждении возвышенных чувств граждан.

⁴ Ibid. S. 60–61.

⁵ Ibid. S. 94.

⁶ Ibid. S. 96.

⁷ Ibidem.

в данном сюжете о падении свободной полисной жизни действует скорее как лингвист, предвосхитивший, на наш взгляд, лингвистический поворот в историографии второй половины XX в. Но это сочинение примечательно еще и тем, что свидетельствует об интересе ученого к греческой античности. Другая составляющая повышенного внимания Гумбольдта к истории Древней Греции — это поиск основы для становления гуманитарного образования в Пруссии. Как известно, начало XIX в. — это период неогуманизма, когда в Пруссии и других германских государствах обострился интерес к античной Греции¹.

Еще до ухода с государственной службы Гумбольдт в 1814 г. опубликовал работу «Размышления о всемирной истории», в 1818 г. — сочинение «Размышления о движущих причинах всемирной истории»². История наряду с лингвистикой занимала прочное место в его научных занятиях. Сильное влияние на восприятие Гумбольдтом истории оказал Кант, труды которого он изучал в студенческие годы. Ученый воспринял просветительскую установку Канта и Гердера о том, что история развивается по плану природы. В работе «Идеи всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» великий кенигсбержец писал: «Историю человеческого рода в целом можно рассматривать как выполнение тайного плана природы ...»³. Зарождение, развитие, гибель — абсолютно рационалистически выстроенные этапы природы, которые являлись также стадиями прогресса у многих находящихся под влиянием идей Просвещения историков. Хотя Кант не абсолютизировал рационалистические схемы, и полагал, что важную роль в развитии задатков людей играет иррациональность: «...побуждаемый честолюбием, властолюбием или корыстолюбием, он (человек — Н.Р.) создает себе положение среди своих ближних, которых он, правда, не может

¹ См. об этом подробнее: Spranger E. Wilhelm von Humboldt und die Humanitätsidee. Berlin, 1909.

² Гумбольдт В. фон. Размышления о всемирной истории // Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 279–286; Он же. Размышления о движущих причинах всемирной истории // Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 287–291.

³ Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Соч. В 6 тт. М., 1966. Т. 1. С. 18.

терпеть, но без которых он не может обойтись»¹. Гумбольдт в этом раннем историческом сочинении, так же как и Кант, вышел за рамки рационализма, но ему явно ближе Гердер, утверждавший, что гуманность — главное отличие человека от мира животных, понимая ее прежде всего как культуру². Гумбольдт писал: «Однако природа и дух не пребывают в борьбе друг с другом: напротив, дух использует природу и ее созидательную силу»³, и поэтому задача историка — «изобразить стремление идеи обрести бытие в действительности»⁴. Также вслед за Гердером Гумбольдт отказывался от фундаментального просветительского принципа о неизменности природы человека и восхвалял индивидуальные формы, когда народы могут следовать своим путем⁵.

В лаборатории Гумбольдта-историка важное место занимал вопрос о выяснении причин общественного развития. К религии ученый в духе либеральных принципов относился спокойно и не находил ей места в объяснении движения истории. По его мнению, оно определялось тремя факторами — природой вещей, свободой человека и случайностью. Природа вещей воспринималась им не натуралистически, как это делали его современники Г. Фостер, И.В. Гете и брат Александр, а подчеркивалась связь развития народа на основе изменений языка, свобода являлась для Гумбольдта проявлением творческого начала, а веление случая связывал с различными страстями. В этой формуле Гумбольдт лишь отчасти оригинален, поскольку о роли страстей в развитии человечества уже писал Кант⁶. Но настоящим прорывом, конечно, стало утверждение о роли языка в развитии народов, в их культурной самоидентификации. Рождение нового ученый связывал с областью свободы⁷.

¹ Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. С. 11.

² Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.

³ Гумбольдт В. фон. Размышления о всемирной истории... С. 282.

⁴ Гумбольдт В. фон. Размышления о движущих причинах всемирной истории... С. 290.

⁵ Гумбольдт В. фон. Размышления о всемирной истории... С. 285.

⁶ Кант И. Указ. соч. С. 11.

⁷ Гумбольдт В. фон. Размышления о движущих причинах всемирной истории... С. 289–291.

В 1819 г., как уже отмечалось, Гумбольдт ушел в отставку с государственной службы и посвятил себя научным занятиям. Он проявлял довольно большой интерес языкознанию, но вновь не оставалось вне его внимание осмысление исторического процесса.

12 апреля 1821 г. на заседании Берлинской академии наук Гумбольдт выступил с докладом «О задаче историка»¹, в котором попытался рассмотреть познание истории в контексте антропологических, эстетических и лингвистических идей. Гумбольдт поднял остро волновавшую историков проблему об истинности исторического знания. Он писал: «В исторических фактах мы обретаем основу истории, ее материал, но не саму историю... Истинность всего происшедшего требует добавления той недоступной взору части каждого факта... ее и должен привнести историк»². Ученый делал совсем нетривиальный вывод, который найдет востребованность у историков уже в XX в., например, у Дж. М. Тревельяна или Б. Кроче. Гумбольдт считал, что историк может работать как художник, прибегая к фантазии, корреспондируя ее с опытными данными и согласовывая с духовными законами, отражавших действительность. Историк, по мнению ученого, вправе прибегать к интуиции, чтобы додумать то, что факты явно не сообщают. Гумбольдт обращался к антропологии, полагая, что историк может использовать для понимания людей из прошлого свой чисто человеческий опыт: это также должно помочь обрести истину. Гумбольдт так объяснял свое понимание истории как искусства: обращаясь к своему другу И.В. Гете, он писал: «Но меня занимает эта идея давно, и нет ли действительно чего-то общего в изображении человеческого облика и человеческих действий... Я не могу забыть слова Шиллера, они все время мне вспоминались во время этой работы. Он говорил о том, что его исторические работы находят слишком поэтическими, и закончил: историк должен вести себя как поэт; если он владеет материалом, то он должен воссоздать его совершенно заново. Тогда это мне показалось парадоксальным, и я его не понял. Стараниям постепенно постичь его мысль обязан этот трактат своим появлением на свет»³.

¹ Гумбольдт В. фон. О задаче историка // Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985.

² Там же. С. 293.

³ Wilhelm von Humboldt, sein Leben und Wirken dargestellt in Briefen, Tagebüchern und Dokumenten seiner Zeit. Berlin, 1953.

Стремление историков-просветителей постичь истину истории с помощью философии оказало на Гумбольдта свое воздействие, он также полагал, что история должна «создать подлинную картину человеческих судеб в ее истине, живой полноте, чистоте, ясности, воспринятой духом...»¹. Далее ученый воспроизводит механизм просветителей, полагая, что историческое познание связано с господствующей направленностью идей, которые ко времени создания этой работы были уже негуманистическими, а не рационалистическими. Ученый также призывал устранять случайное, чтобы «сделать очевидной внутреннюю истину форм, затемненную в реальном явлении»². Это, безусловно, вызов этического плана. В контексте связи между историей и теорией ценностей рассматривал В. фон Гумбольдта крупнейший историософ и теолог начала XX в. Э. Трельч, который именно в этическом осмыслении прошлого видел главную заслугу В фон Гумбольдта как историка³.

Теме «В. фон Гумбольдт как историк» была посвящена диссертация В. Гугенберга «Основные определения Историки»⁴ в докладе Гумбольдта «О задачах историка»⁵. Заслуга автора в том, что он нашел доказательства немалого интереса исторического сообщества Германии второй половины XIX в.: впервые исторические представления Гумбольдта были проанализированы Г. Гервинусом в 1837 г, в 1868 г. к ним обращался Дройзен, Гайм рассматривал их в рамках общей философии Гумбольдта, а Шпрангер — в контексте его политической философии, эстетики, философии языка. В. Гугенберг выяснил место доклада Гумбольдта «О задачах историка» в его общефилософской концепции⁶ и полагал, что метафизические основания Историки являются частью его философии языка⁷.

¹ Гумбольдт В. фон. О задаче историка. С. 294.

² Там же. С. 296.

³ Трельч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994. С. 174.

⁴ Имеется в виду сфера методологии истории. Термин впервые был использован Дройзеном в работе «Историка».

⁵ Gugenberg V. Die Grundbegriffe der Historik im Humboldt Reden über die Aufgabe des Geschichtsschreibers. Inaugural-Dissertation der Doktorwürde vorgelegt der Philosophischen Fakultät der Georgia Augusta Universität. Göttingen, 1922.

⁶ Ibid. S. 1–3.

⁷ Ibid. S. 181.

Гумбольдт на страницах доклада писал: «Но существуют и такие идеальные формы, которые, не воплощаясь в человеческую индивидуальность, воздействуют на нее лишь косвенно. К ним относятся языки. Ибо хотя в каждом языке отражается дух нации, каждый из них имеет и более раннюю, независимую основу, а его собственная сущность и внутренняя связь настолько могущественны и определяющи, что его самостоятельность оказывает большее воздействие, чем испытывает таковое, и каждый имеющий значение язык выступает как своеобразная форма создания и сообщения идей». А поскольку вся история по Гумбольдту «является лишь осуществлением идеи»¹, то роль языка в познании истории существенна. В контексте философии языка Гумбольдтом была поставлена проблема индивидуального и всеобщего в истории. Так, вслед за Кантом, полагая, что человеческий род — это феномен природы, ученый усматривал проявление индивидуального в генетической связи языка и народа. Однако в рамках гумбольдтовской антропологии изучение индивидуума всегда было сопряжено с утверждением общегуманистических идеалов.

Проблема «В. фон Гумбольдт как историк» является вполне корректной, но делать выводы о полностью сформировавшейся исторической концепции Гумбольдта, наверное, не стоит. Более того, как это утверждал Э. Трельч, исследования Гумбольдта в сфере истории интерпретировались в рамках бинарной оппозиции: Гумбольдт — теоретик принципов органического развития, и яркий предшественник Л. фон Ранке, или, с другой стороны, ряд ученых настаивают на полном отсутствии его приверженности им².

В программном сочинении «Возникновение историзма» Ф. Мейнеке рассматривал Гумбольдта только в контексте неогуманизма, и скорее настаивал на его разрыве с принципами органического развития³. Для становления историзма эпоха гуманизма, по мнению историка, обладала скорее отрицательным потенциалом, поскольку востребует античность в ее всеобщем идеальном варианте.

¹ Гумбольдт В. фон. О задаче историка... С. 305.

² Трельч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994. С. 538–543.

³ Мейнеке Ф. Возникновение историзма. М., 2004. С. 234, 335.

В современных биографиях В. фон Гумбольдта, например Л. Галла, анализ этого доклада находит место¹, но автор полагает, что Гумбольдт оставался в области общей лингвистики, которой он плотно занимался уже более десяти лет. Хотя отмечает, что тот хорошо развил все возможные аспекты своей теории, но «в отличие от поколения историков молодого Леопольда фон Ранке, никогда не пытался осуществить ее на практике»². Галл отдает себе отчет, что подходы Гумбольдта и Ранке в познании истории в принципе сопоставимы, но обращает внимание на разрыв в их теоретических построениях и подчеркивает, что спустя год прусский ученый опубликовал свой труд «О сравнительном языкознании в его отношении к различным эпохам развития языка», давая читателю понять, что лингвистика — это его главная научная стезя³. Л. Галл — известный признанный историк, мастер исторической биографии, однако историография не является его научным приоритетом.

Как уже отмечалось, Гумбольдт много занимался античностью, но делал это не только в традициях Винкельмана, а актуализировал и иные проблемы, в частности, вопросы органического развития, которые были для него значимыми в рамках философии языка и в ходе подготовки и реализации проектов социально-политических реформ. Поэтому этот доклад позволяет косвенно воспринимать Гумбольдта как мыслителя, который во многом предвосхитил критический метод Ранке.

Всемирно известный историограф Георг Иггерс полагает, что фигуры В. фон Гумбольдта и Л. Фон Ранке на историографическом поле вполне сопоставимы, поскольку современное понимание герменевтики в историческом знании начинается с Гумбольдта и Ранке. Эта линия получила, по его мнению, развитие и в современной микроистории⁴.

Действительно, лингвистика стала главным предметом исследовательской деятельности Гумбольдта. Ученый свободно владел

французским, английским, итальянским, испанским, греческим, латынью, баскским, провансальским, венгерским, чешским, литовским языком, многие годы изучал языки туземцев Южной и Северной Америки, коптский, древнеегипетский, китайский, японский, санскрит. Начиная с 1827 г. Гумбольдт занимался языками народов Индонезии и Полинезии. Именно тогда им создаются главные работы по теоретическому языкознанию¹. Его основное произведение «О языке кави на острове Ява» увидело свет уже после смерти автора. Прусский ученый скончался в 1835 г.; уже после его смерти, в 1837 г., Варнхаген фон Энзе описывал его как человека неограниченных интеллектуальных способностей². Представляется, что отрицать значение творчества Гумбольдта в познании истории не стоит, более того, используя в осмыслении прошлого методы философии, антропологии, лингвистики, он предвосхитил некоторые линии трансформации исторического знания не только в XIX, но и в XX веке.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
- Гумбольдт В. фон. Идеи конституционного государственного устройства в связи с новой французской конституцией // О свободе. Антология западно-европейской классической либеральной мысли. М., 1995. С. 184–189.
- Гумбольдт В. фон. О задаче историка // Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985.
- Гумбольдт В. фон. Размышления о всемирной истории // Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 279–286.
- Гумбольдт В. фон. Размышления о движущих причинах всемирной истории // Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 287–291.
- Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Соч. В 6 т. М., 1966. С. 7–23.
- Мейнеке Ф. Возникновение историзма. М., 2004.

¹ Gall L. Wilhelm von Humboldt. Eine Preuße von Welt. Berlin, 2011. S. 351–357.

² Ibid. S. 355.

³ Ibid. S. 355–356.

⁴ Iggers G. Geschichtswissenschaft im 20. Jahrhundert. Einen kritischer Überblick im internationalen Zusammenhang. Göttingen, 2007. S. 96.

¹ См., например: Humboldt W. von. Sämtliche Werke. Schriften zur Sprachphilosophie. Bd. 4–5.

² Bruford W.H. The German Tradition of Self-Cultivation: “Bildung” from Humboldt to Thomas Mann. London, 1975. P. 27.

Ростиславлева Н.В. Вильгельм фон Гумбольдт и его модель университета: взгляд из XXI века // *Cogito*. Альманах истории идей. Общество интеллектуальной истории (Ростовское региональное отделение), Ростовский государственный университет, исторический факультет. Ростов-на-Дону, 2006. С. 333–345.

Ростиславлева Н.В. Историографическая рефлексия наследия В. фон Гумбольдта // *Вестник РГГУ. Серия: история. Филология. Культурология. Востоковедение*. 2014. № 13 (135). С. 136–145.

Трельч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994.

Berglar P. Wilhelm von Humboldt. Hamburg, 2003.

Bruford W.H. The German Tradition of Self-Cultivation: “Bildung” from Humboldt to Thomas Mann. London, 1975.

Gall L. Wilhelm von Humboldt. Eine Preuße von Welt. Berlin, 2011.

Gugenberg V. Die Grundbegriffe der Historik im Humboldt Reden über die Aufgabe des Geschichtsschreibers. Inaugural-Dissertation der Doktorwürde vorgelegt der Philosophischen Fakultät der Georgia Augusta Universität. Göttingen, 1922.

Humboldt W. von. Geschichte des Verfalls und Unterganges der griechischen Freistaaten // Humboldt W. von. Sämtliche Werke. Bd. 2. Schriften zur Altertumskunde. Übertragungen. Berlin, 1999. S. 60–96.

Humboldt W. von. Ueber den Charakter der Griechen, die idealische und historische Ansicht desselben // Humboldt W. von. Sämtliche Werke. Bd. 2. Schriften zur Altertumskunde. Übertragungen. Berlin, 1999. S. 25–30.

Humboldt W. von. Über das Studium des Alterthums, und des griechischen insbesondere // Humboldt W. von. Sämtliche Werke. Bd. 2. Schriften zur Altertumskunde. Übertragungen. Berlin, 1999. S. 7–24.

Iggers G. Geschichtswissenschaft im 20. Jahrhundert. Einen kritischer Überblick im internationalen Zusammenhang. Göttingen, 2007.

Wilhelm von Humboldt, sein Leben und Wirken dargestellt in Briefen, Tagebüchern und Dokumenten seiner Zeit. Berlin, 1953.

Д.Е. Мартынов

**ЭТАПЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ
КАН ЮВЭЯ (1858–1927):
ГИПОТЕЗА ТАН ЧЖИЦЗЮНЯ
И ГРАНИЦЫ БИОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА**

В данном исследовании мы попытались затронуть на материале незападной историографии некоторые частные вопросы применения биографического метода. Прежде чем направить внимание читателей в сложные хитросплетения традиционной и модернизированной китайской историографии, хотелось бы процитировать очень подходящие слова Л.П. Репиной:

«...Одна из самых трудных задач, с которой сталкивается историк, состоит в том, как концептуализировать взаимодействия между индивидами и обществом, соотношения конкретного и абстрактного, частного и целого, как, не теряя из виду единичности, рассмотреть все же “за деревьями лес”, как представить себе общность, не элиминируя индивидуальные качества составляющих ее частей — в духе платоновской диалектики. Постоянно возникающая необходимость ответить на ключевые вопросы: чем обуславливался, ограничивался, направлялся выбор решений, каковы были его внутренние мотивы и обоснования, как соотносились массовые стереотипы и реальные действия индивида, как воспринималось расхождение между ними, насколько сильны и устойчивы были внешние факторы и внутренние импульсы — настоятельно “выталкивает” историка из уютного гнездышка микроанализа в то исследовательское пространство, где царит макроистория»¹.

Рассматриваемая нами коллизия едва ли не исчерпывающим образом описывается вышеприведенной цитатой. Проблема заключается в том, что биографическое исследование, особенно в контексте интеллектуальной истории, понимаемой дословно как история интеллектуалов, неизбежно оказывается на пересечении разных нарративов и идеологических систем с присущими им стратегиями интерпретации. Еще

¹ Репина Л.П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: Историческая биография сегодня. М., 2010. С. 74–75.

более усложняется ситуация, когда мы выходим за пределы западного историографического опыта, что неизбежно для XX века, когда начинается интенсивный интеллектуальный обмен с Китаем или Японией.

Контекст: Кан Ювэй и «Книга о Великом единении»

Китайский философ и реформатор Кан Ювэй (康有为, 1858–1927) относился к числу тех деятелей, все практические начинания которых заканчивались провалом, но при этом оказывали на современников и потомков глубокое влияние. Более того, каждое новое поколение заново оценивало его роль в истории Китая. Ввиду того, что мы сами занимаемся интеллектуальной биографией Кан Ювэя без малого два десятилетия, ограничимся минимально необходимыми сведениями.

Кан Ювэй родился в гуандунском семействе из уезда Наньхай в семье, которая начинала свое социальное возвышение в начале XIX века. Дед и отец будущего ученого были обладателями конфуцианских ученых степеней, дед Цзаньсю служил начальником отдела образования, который контролировал проведение государственных экзаменов, отец был уездным начальником, дядя — провинциальным губернатором. Все они рано скончались, поэтому отроческие годы Ювэя прошли в относительной нужде (согласно автобиографии, семья могла позволить себе нанять «всего одну служанку»¹). Уже в тринадцатилетнем возрасте он удостоился первой конфуцианской степени, что освобождало семью от налогов. В 19-летнем возрасте ученый поставил перед собой амбициозную цель «стать мудрецом, перечитав все имеющиеся книги до наступления тридцатилетия»², а в следующем году впервые посетил британскую колонию Гонконг, удостоверившись, что людей Запада «нельзя считать варварами»³.

Поражение Китая в войне с Францией в 1884–1885 гг. стало важным этапом в формировании мировоззрения Кан Ювэя, как и интеллектуалов его поколения, — впервые стало очевидным, что тради-

¹ Мартынов Д.Е. Кан Ю-вэй: Жизнеописание. Казань, 2010. С. 98. Данное издание содержит наш перевод «Автобиографии» Кан Ювэя («Моя история», 《我史》), а также продолжения, составленного на материалах семейного архива дочерью Ювэя — Кан Тунби и ее сыном Ло Жунбаном.

² Указ. соч. С. 103.

³ Там же. С. 109.

ционный китаецентрический миропорядок рушится, а царствующая династия Цин не в состоянии защитить страны от ничтожных по численности войск иноземных империалистов. В начале 1890-х гг. Кан Ювэй отказался от карьеры ученого-чиновника, открыв в Гуанчжоу собственную частную школу, в стенах которой формировал круг единомышленников и разрабатывал теории возвышения статуса Китая.

Благодаря многократным попыткам сдать экзамены на высшую ученую степень цзиньши в Пекине, он стал достаточно известным в высших столичных кругах, будучи принятым увесильного первого министра Ли Хунчжана¹, наставника императора Вэн Тунхэ (翁同龢, 1830–1904), и других. Ли Хунчжан даже разрабатывал проект назначения Кан Ювэя послом в Бразилии для подготовки массовой трудовой миграции китайцев на кофейные и каучуковые плантации этой страны². Однако это совпало с провальными результатами японо-китайской войны 1894–1895 гг., когда императорский Китай был вынужден уступить Тайвань и отказаться от традиционного сюзеренитета в отношении Кореи. В этих условиях Кан Ювэй принял решение заняться практической политикой.

Находясь в Пекине на очередных дворцовых экзаменах, мыслитель организовал более 1200 молодых ученых разных провинций, которые подали коллективную петицию с требованием не ратифицировать Симоносекский договор. Параллельно Кан Ювэй начал издавать первую в Китае бесцензурную газету, посредством которой стремился показать традиционной конфуцианской элите губительность традиционной системы в условиях беспрецедентной империалистической агрессии. Это стоило Кан Ювэю провала на государственных экзаменах.

¹ Ли Хунчжан (李鴻章, 1823–1901) — китайский государственный деятель и дипломат империи Цин. Начал карьеру при подавлении Тайпинского восстания (1850–1864), в 1867 г. был назначен наместником Цзянсу и Аньхой, далее — воспитателем наследника престола и наместником столичной провинции Чжили (1870). Являлся фактическим руководителем внешней политики Китая, подписал Тяньцзиньский мирный договор с Францией (1885), Симоносекский мирный договор с Японией (1895) и Союзный договор между Российской империей и Китаем (1896). Являлся главой цинской делегации на коронации Николая II в Москве (1896). С 1900 г. возглавлял цинскую делегацию при переговорах с Альянсом восьми держав после разгрома Пекина в Ихэтуаньском восстании. В КНР считается одиозным политиком, виновным в национальном унижении Китая и заключении множества неравноправных договоров.

² Мартынов Д.Е. Кан Ю-вэй: Жизнеописание. С. 161–162.

Весной 1898 г. он вернулся в Пекин, чтобы попытаться в третий раз удостоиться места на государственной службе (что ему, наконец, удалось), и представил комплексную программу реформ по японскому образцу, используя также примеры деятельности Петра Великого. В тот год совпало несколько обстоятельств: молодой император Гуансуй стремился избавиться от опеки вдовствующей императрицы Цыси, а империалистические державы навязали Китаю договор о железнодорожных концессиях, фактически ведущий к расчленению державы. В результате страстные памфлеты Кан Ювэя были услышаны в ближайшем окружении императора, и он был удостоен двухчасовой аудиенции под предлогом благодарности за назначение в штат министерства общественных работ. Так началось Движение за реформы 1898 г. (戊戌变法), которое длилось в общей сложности 100 дней. Кан Ювэй и его единомышленники не имели достаточного политического авторитета, поэтому осуществляли разработку императорских указов и подавали советы на неформальном уровне. В сентябре 1898 г. императрица Цыси провела государственный переворот, посадив императора под домашний арест, издав указы о казни участников реформаторского движения. Кан Ювэю при помощи британских властей удалось бежать в Гонконг, а затем в Японию. Более он никогда не занимался практической политикой.

Вплоть до зимы 1915 г. Кан Ювэй пребывал в эмиграции. В первые годы он стремился объединить все эмигрантские общины китайцев и сформировать широкую коалицию мировых держав с целью возвращения власти императору и продолжения реформ. Его авторитет был так велик, что Кан Ювэя принимали королевские особы Европы и Азии, президент США Т. Рузвельт (в 1905 г.), его предложение рассматривалось британским парламентом. Однако агрессия коалиции восьми держав, которая закончилась тяжелейшим разгромом Китая в 1900 г., отвратила Кан Ювэя. Во время пребывания в Гонконге и Сингапуре на него устраивались покушения цинскими спецслужбами.

За время эмиграции Кан Ювэй совершил три кругосветных путешествия, посетил более 30 стран, обзавелся недвижимостью в Индии, Швеции, США и Мексике, не переставая заниматься активной интеллектуальной деятельностью. Еще до начала Синьхайской революции Кан Ювэй был амнистирован цинскими властями (императрица Цыси скончалась в 1908 г.), но далее не нашел общего языка ни с первым президентом Китайской республики Сунь Ятсеном, ни с военным

диктатором Юань Шикаем. Вернувшись в Китай, он активно занимался публицистикой, пытался призывать военные группировки к примирению и сделался адвокатом свергнутой династии Цин, в результате чего рассматривался современниками как анахронизм. В 1926 г. он основал последнюю в своей жизни «Академию небесного странника», в которой проповедовал собственное религиозное учение. Скончался мыслитель в 69-летнем возрасте от пищевого отравления.

Главным интеллектуальным трудом Кан Ювэя является «Книга о Великом единении» (*Да тун шу*, 大同书)¹. В содержательном отношении это очень сложный многоплановый трактат, все структурные части которого пронизаны единой идеей «освобождения человечества от страданий и достижения высшего счастья» в Великом единении. Древнекитайский идеал *Да тун* соотносится здесь как с западными концепциями (руссизмом и утилитаризмом), так и буддизмом школы Хуаянь и неоконфуцианством. В трактате последовательно представлен проект избавления мира от государственных, расовых, классовых, сословных, семейных, половых и прочих барьеров (включая преодоление мясоедения во имя равного отношения ко всем биологическим видам). Будущее мироустройство должно привести мир (Поднебесную) к совместному владению всеми его жителями, равенству и независимости каждого, взаимному невмешательству и запрету на убийства и войны в отношениях между людьми и государством. В конце концов, человечество должно подойти к высшему уровню развития, когда каждое живое существо достигнет состояния Будды и обретет физическое бессмертие². Наступление Великого единения ознаменуется учреждением всемирного правительства, введением единого международного языка, упразднением частной собственности и заменой института семьи временными брачными соглашениями. В религиозной области предполагалось возобладание буддизма при постепенном отмирании всех прочих религий как пренебрегающих телесностью, уничижающих женщин или освящающих социально-экономические различия между людьми. На этом Кан Ювэй не остановился, заявив,

¹ Тан Жэньцзе (汤仁泽). «Да тун шу» дэ чэншу няндай цзи ци сысян шичжи (《大同书》的成书年代及其思想实质 = О времени завершения «Книги о Великом единении» и ее идеологической сути) // Чжунго цзиньдай ши (中国近代史). 2020. № 10. URL: <http://rdbk1.ynlb.cn:6251/Qw/Paper/742729> (дата обращения: 11.06.2022).

² Кан Ювэй. Да тун шу. Шанхай, 2005. С. 292.

что во множестве миров во Вселенной инопланетные мужчины и женщины живут жизнью, похожей на земную. Это самое яркое свидетельство конфуцианских установок автора: источник веры в то, что все рожденные на Земле — единоутробные братья, составляет фундаментальная конфуцианская идея единотелесности мироздания¹.

В трактате изложена трехчастная эволюционная схема, согласно которой человечество от своего возникновения и до времени жизни самого Кан Ювэя погружено в хаос и существует в Эре хаоса (*цзюй луань ши*, 据乱世). Далее должна наступить эра Подъема к равновесию (*шэн пин ши*, 升平世), ближе всего к которой подошли некоторые европейские страны (Швейцария) и США. В более отдаленном будущем со скоростью действия законов природы последуют эпоха Великого равновесия (*тай пин*, 太平) с соответствующей сменой Малого процветания (*сяо кан*, 小康) на Великое единение (*да тун*, 大同) во всем мире. С каждой из эпох в эволюционной последовательности соотносился и определенный общественный строй: самодержавие (эра хаоса), конституционная монархия (подъем к равновесию), всемирная демократическая республика (Великое единение)².

«Книга о Великом единении» имела объем почти в 300 000 иероглифов и вызвала значительный резонанс, вплоть до многократно тиражируемого отзыва Мао Цзэдуна³. Масса вопросов, в том числе касающихся времени ее создания — и это вопрос совпадает с проблемой периодизации становления идейной системы самого Кан Ювэя, — остаются непроясненными. Первые две части труда (из десяти) были опубликованы в Шанхае самим Кан Ювэем в издаваемом им журнале «Не могу молчать!» (*不忍雜誌*) в 1913 г. Далее публикация прервалась, так как мыслитель погрузился в традиционный конфуцианский траур

¹ Кобзев А.И. Кан Ю-вэй // Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 1. Философия. М., 2006. С. 278–279.

² Кобзев А.И. Кан Ю-вэй. С. 277–278.

³ «Кан Ювэй написал “Книгу о великой гармонии”, однако он не нашел, да и не мог найти путь к достижению великой гармонии» // Мао Цзэдун. О демократической диктатуре народа. К 28-й годовщине основания Коммунистической партии Китая (30 июня 1949 г.). URL: <http://library.maoism.ru/demdic.htm>. В оригинале речь идет именно о «Да тун шу» и Великом единении: “康有为写了《大同书》，他也没有也不可能找到一条到达大同的路”。См.: 论人民民主专政。纪念中国共产党二十八周年（一九四九年六月三十日）。URL: <https://www.marxists.org/chinese/maozedong/marxist.org-chinese-mao-19490630.htm> (дата обращения: 11.06.2022).

по матери¹. Журнальный вариант в 1919 г. был издан Чансинским издательством в Шанхае отдельной книгой. В 1920-е гг. Кан Ювэй общался с немецким китаеведом Рихардом Вильгельмом, предлагая ему перевести его труд на один из европейских языков. Полный книжный вариант вышел только в 1935 г. под редакцией Цянь Динъаня — ученика Кан Ювэя — в издательстве «Чжунхуа шуцзюй»². Эталонным считается издание 1956 г. под редакцией Чжан Сичэня и Чжоу Чжэньфу, осуществленное по рукописям, предоставленным семьей Кан Ювэя. Это издание было выпущено «Книгоиздательством древних памятников» и вызвало интерес в мире в связи с годовщиной Движения за реформы и 100-летием самого Кан Ювэя. В 1958 г. 300-страничное издание выпустил в Лондоне Лоуренс Томпсон (1920–2005), работая по изданию 1935 г., которое получил на Тайване от сына Кан Ювэя. Однако этот перевод был сокращенным, многие части были даны перифразом. В СССР С.Л. Тихвинский³ в 1959 г. опубликовал монографию «Движение за реформы в Китае XIX в. и Кан Ю-вэй», основанную на редких материалах, полученных в семье мыслителя. Отдельная глава была посвящена и «Да тун шу». Немецкий перевод «Да тун шу» 1974 г. был сделан с английского перевода Томпсона. Кроме того, частичный перевод на японский язык был выполнен Сакадэ Ёсинобу в 1983 г., он сосредотачивался на религиозных аспектах учения Кан Ювэя. После 1980-х гг. в Китае выходили многочисленные издания «Книги

¹ Мартынов Д.Е. Кан Ю-вэй: Жизнеописание. С. 283–285.

² Мы представили перевод его предисловия: Цянь Динъань. Предисловие [к первому изданию «Книги о великом единении» Кан Ю-вэй]: пер. с кит. и прим. Д.Е. Мартынова // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 135–144.

³ Сергей Леонидович Тихвинский (1918–2018) — советский дипломат и историк, ученик академика В.М. Алексеева. По комсомольскому набору с четвертого курса университета направлен в Наркоминдел, в 1939 г. служил переводчиком в беседе И.В. Сталина и наркома В.М. Молотова с главой Законодательной палаты Китайской республики Сунь Фо (сыном первого китайского президента Сунь Ятсена). До 1957 г. на дипломатической работе в Китае, Японии, Великобритании и на Генеральной Ассамблее ООН, за это время защитил кандидатскую (1945) и докторскую (1953) диссертации. Именно через С.Л. Тихвинского правительство Советского Союза осуществило акт признания Китайской Народной Республики и установления дипломатических отношений между СССР и КНР. Чрезвычайный и полномочный посол (1968). Заведующий отделом стран Азии Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами при Совете министров СССР (1957–1959), профессор МГИМО. Академик АН СССР (1981), кавалер множества государственных наград. Лауреат Государственных премий СССР (1982) и РФ (1999). Многочисленные научные работы в основном посвящены Кан Ювэю и Сунь Ятсену, российско-китайским отношениям.

о Великом единении» с предисловиями и комментариями разных исследователей. Известно около двух десятков рукописей труда, факсимильное воспроизведение авторского автографа вышло в 1985 г. В полном собрании сочинений Кан Ювэя под редакцией Цзян Ихуа и Чжан Жунхуа 2007 г. (Пекинский народный университет) текст был дан по авторской рукописи, снабженной многочисленными комментариями¹.

Путь Тан Чжицзюня

Упоминания о китайском историке и текстологе Тан Чжицзюне (汤志钧, род. 1924) в советской и российской историографии единичны. Представляется уместным представить этапы его жизненного пути в несколько большем объеме. В устной автобиографии, надиктованной в 2019 г., Тан Чжицзюнь сообщил, что происходил из Чанчжоу — известного центра традиционной конфуцианской учености провинции Цзянсу. Его дед и отец получили высшее образование еще при империи Цин, дед служил в почтовом ведомстве. Отец Тан Чжицзюня блестяще владел английским и японским языками, но не занимался воспитанием сына, служил в редакции одной из нанкинских газет, а затем учителем китайского языка. Мать — Чжуан Цунчэн (庄箬成) — была потомком в шестом поколении выдающегося конфуцианца Чанчжоуской школы Чжуан Цуньюя², окончила женское

¹ Мартынов Д.Е. Хронология создания «Книги о Великом Единении» Кан Ювэя в контексте интеллектуальной деятельности мыслителя // Общество и государство в Китае. XLII научная конференция. Учёные записки отдела Китая. М.: ИВ РАН, 2012. Вып. 6. С. 183–199.

² Чжуан Цуньюй (庄存與, 1719–1788) — китайский философ эпохи Цин. Происходил из влиятельного клана, представители которого жили в Чанчжоу с XI в. Шестеро представителей клана были обладателями высшей конфуцианской учёной степени цзиньши при династии Мин (1368–1644) и двадцать девять — при династии Цин (1644–1912). Отец и дядя Цуньюй были членами императорской Академии Ханьлинь. Сам Чжуан Цуньюй был удостоен степени цзиньши в 1745 г., в 1750-е гг. служил в Императорском секретариате — правительстве империи. Породнился с влиятельным кланом Лю и после выхода в отставку в 1786 г. возглавил конфуцианскую Чанчжоускую школу «текстов канон в современных знаках», передав ее внуку — Лю Фэнлу (刘逢禄, 1776–1829). Автор многочисленных трактатов и комментариев, опубликованных его потомками в 1820-е гг. Лучшим исследованием его интеллектуального наследия является монография: Elman B.A. *Classicism, politics, and kinship: the Chang-chou school of New Text Confucianism in late imperial China*. Berkeley: University of California Press, 1990.

педагогическое училище и всецело посвятила себя развитию сына, заставила его заучить конфуцианский канон наизусть, привила ему интерес к учению «школы канон в современных знаках» (цзиньвэнь цзин сюэ 今文经学)¹. Далее Тан Чжицзюнь учился в школе западного типа. Во время японской оккупации Цзянсу в 1937 г. был сожжен семейный дом, пришлось переселиться в Машанбу — старый дом Чжуан Цуньюя, и сдать участок в аренду. Мать-учительница тянула на себе всю семью. Поскольку все образование в городе было переведено на японский язык, Чжицзюнь обучался традиционным образом на дому у престарелого конфуцианца Хэ Хуайбо, а математикой и английским языком с ним занимался Цянь Лиюй. Далее Тан Чжицзюнь поступил в частную школу Тан Вэньчи (唐文治, 1865–1954), в которой специализировался на истории. Сам наставник комментировал Тринадцатиканоние. Полученная подготовка позволила Тану поступить в государственный колледж в Уси (обучался в 1939–1941 гг.), где одним из учителей был Чжоу Гучэн — односельчанин и одноклассник Мао Цзэдуна. Получив среднее образование, Тан Чжицзюнь устроился сельским учителем в 40 китайских верстах от Чанчжоу, поскольку там не было японских оккупантов. Ему пришлось в одиночку обучать сто школьников разного возраста, преподавая все предметы, включая традиционные каноны, естествознание, географию и английский язык².

¹ Одно из двух магистральных направлений традиционного конфуцианского канонведения. После уничтожения в 213 г. до н. э. частных библиотек и носителей конфуцианской учености, в эпоху Хань возобладали «школы канон в современных знаках», т. к. канонические тексты были записаны с изустной передачи иероглифами, введенными при династии Цинь. Со II в. до н. э. стали проводиться государственные экзамены и присуждаться ученые степени за знание канон в современных знаках. Представители этой школы делали акцент на «сокровенных смыслах» канона, его толкование с позиции этико-политической доктрины, широко пользовались гадательными текстами. В I в. до н. э. возникла конкурирующая «школа канон в древних знаках» (гувэнь цзин-сюэ 古文经学), основанная на текстах, написанных дореформенным письмом. Представители школы «современных знаков» обвиняли своих оппонентов в фальсификации. Канонические тексты разных школ отличались объемом, структурой и даже в содержательном отношении. Вновь соперничество школ вспыхнуло в эпоху Цин (XVII–XIX вв.), наиболее авторитетными представителями учения «современных знаков» были уроженцы Чанчжоу Лю Фэнлу и Чжуан Цуньюй.

² Лю Цянь [запись] (刘倩钟源). Коушу: Тан Чжицзюнь: «Водэ сюэшу шэнья» (口述. 汤志钧: 我的学术生涯 = Устная история. Тан Чжицзюнь: «Моя научная карьера»). URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_3515318 (дата обращения: 11.06.2022).

После окончания войны Тан Чжицзюнь поступил в Фуданьский университет в Шанхае, там же в 1947 г. женился на Юй Муюнь (郝慕云)¹ — дочери семьи крупного предпринимателя и филантропа, который не одобрил этого брака. Получив высшее образование, супруги учительствовали в Чанчжоу, там же родились четверо их детей. Несмотря на занятость, в эти годы Тан Чжицзюнь заинтересовался творчеством Кан Ювэя и Лян Цичао и сделал главной темой своих научных исследований Движение за реформы 1898 г. Тогда же вышли его первые публикации, вызвав большую дискуссию с Ли Цзэхуо, о которой будет сказано ниже. В 1956 г. во время кампании «Похода за овладение наукой» (向科学进军) Тан Чжицзюнь отправил рукопись «Истории движения за реформы 1898 г.» во вновь созданный Институт истории Шанхайского отделения Академии наук КНР и был принят в ее штат вместе с женой. Директором института был Ли Янун (李亚农, 1906–1962), который получил образование в Японии и был известным археологом, а также подпольщиком, членом Коммунистической партии Китая с 1927 г. В Институте истории в то время было не более пяти научных сотрудников, не считая руководства и вспомогательного персонала. Одним из них был Ян Каньянь (杨康年) — тоже выпускник колледжа Уси и друг детства жены Тан Чжицзюня. Первым серьезным заданием Тан Чжицзюня был разбор и каталогизация шанхайского Хранилища культурных реликвий (文物仓库), в котором были складированы книжные фонды, конфискованные у гоминьдановских чиновников. В числе прочего там оказались библиотека и архив Ли Хунчжана, изъятые у его потомков. Тан Чжицзюнь обнаружил ксилографические печатные доски «Собрания произведений Ли Хунчжана», с которых на собственные деньги заказал отпечатки. Оригиналы ксилографических матриц были уничтожены во время «Культурной революции»².

¹ Юй Муюнь и четверо ее сестер были талантливыми художницами, ученицами знаменитого мастера китайской живописи Чжан Дацяня (张大千, 1899–1903), который, между прочим, являлся наставником первой леди Китайской Республики Сун Мэйлин. См.: Чжан Дацянь дэ нойтудимэнь, мэй игэ доу ши чуаньди (张大千的女徒弟们, 每一个都是传奇 = Женщины-ученицы Чжан Дацяня, каждая из которых сделалась легендарной) // Sohu.com. URL: http://www.sohu.com/a/135711232_683095 (дата обращения: 11.06.2022).

² Лю Цянь. Указ. соч.

Жизнь научного сотрудника 1950-х гг. маркировалась общественными кампаниями того времени, включая обязательное участие в летних полевых работах (*санься* 三夏). Несмотря на все препятствия, Тан Чжицзюнь собрал в Хранилище большое собрание сочинений о движении за усвоение заморских дел XIX в. и даже попросил своего дядю Чжуан Дацзю передать личное собрание книг и рукописей, которые были выкуплены институтом за 100 юаней — довольно значительная по тем временам сумма. Ян Каньянь нашел редкий источник — «Дневник Мунаката Котаро» (《宗方小太郎日记》)¹. Эти материалы позволили составить антологии «Военные преступления и агрессия британской армии в низовьях Янцзы в конце опиумных войн» (《鸦片战争末期英军在长江下游的侵略罪行》), «Исторические материалы по шанхайскому восстанию [секты] Сяодаохуэй» (《上海小刀会起义史料汇编》), «Избранные исторические источники по Синьхайской революции в Шанхае» (《辛亥革命在上海史料选辑》), «Исторические материалы о Движении четвертого мая в Шанхае» (《五四运动在上海史料选辑》). Огромную роль в развитии Тан Чжицзюня как историка сыграл директор Шанхайской публичной библиотеки Гу Тинлун (顾廷龙, 1904–1998), который был дядей выдающегося историка Гу Цзегана², в те времена они жили одним домом. Тан Чжицзюнь свел с Гу Цзеганом знакомство. В известной степени под его влиянием в 1957–1959 гг. разворачивалась

¹ Мунаката Котаро (宗方小太郎, 1864–1923) — японский военно-морской разведчик, специализирующийся на Китае. С 1884 г. жил в Шанхае, работая в торговой миссии Ниссин, под прикрытием которой подготовил до 130 агентов влияния. Был тесно связан с деятелями революционного движения Тан Цайчаном и Би Юннэнем, оказывал финансовую и организационную помощь Кан Ювэю и Лян Цичао. С 1896 г. издавал в Учане «Ханьскую газету», первое японское периодическое издание в Китае. Впоследствии основал «Фуцзяньскую газету», создал «Восточноазиатскую ассоциацию» и возглавлял ее отделение в Ханькоу. С 1901 г. возглавлял Шанхайскую школу иностранных языков. В 1914 г. основал Восточноазиатское информационное агентство, уничтожив монополию «Рейтерс» на освещение событий китайской революции. Скончался и похоронен в Шанхае. Его дневник являлся основой для аналитических отчетов, первым из которых были «Общие тенденции развития Китая» (1894).

² О нем: Петрова С.Г. «Послойное создание древней истории Китая»: метод и гипотеза Гу Цзегана // Ученые записки Казанского ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2021. Т. 163, кн. 6. С. 144–156.

полемика с Ли Цзэху¹ о времени составления трактата Кан Ювэя «Книга о Великом единении», которая приобрела историческое значение и не закрыта до сих пор².

Во время «Культурной революции» Тан Чжицзюнь подвергся нападкам как «реакционный академический авторитет». Это было большой трагедией для Института истории, сотрудников которых в буквальном смысле избивали, а давняя подруга жены Мао Цзэдуна Цзян Цин по имени Чэн Тяньтянь покончила с собой. Проработочные кампании коснулись ученого напрямую: хунвэйбины принуждали Тан Чжицзюня чистить выгребные ямы и провели во время одного из уличных шествий в дурацком колпаке с надписью «Долой реакционного академического авторитета Тан Чжицзюня» (打倒反动学术权威汤志钧); колпак был белого цвета, символизируя реакционную сущность «разоблачаемого». Поскольку институт не функционировал, Тан Чжицзюнь писал по ночам, когда был свободен от физического труда (продолжая служить ассенизатором вместе с другими «бывшими»), составив в безвременье «Расширенную хронологию жизни Чжан Бинлиня» (《章太炎年谱长篇》)³.

¹ Ли Цзэху (李泽厚, 1930–2021) — современный китайский философ и историк, основоположник практической эстетики в китайской мысли. Родился в Хунани, дед был военачальником армии Цзэн Гофаня. Окончил Хунаньский пединститут и Пекинский университет, с 1954 г. работал в Институте философии АН КНР. Участник большой дискуссии об эстетике (1955), разрабатывал концепцию «единства объективного и социального». Пережив Культурную революцию, опубликовал фундаментальные труды «Критика критической философии», «История красоты», «Эстетика Китая». В 1989 г. резко выступил против политики КПК и подвергся массовой критике, в 1992 г. эмигрировал в США, где работал в Колледже Колорадо, где был удостоен докторской степени (1998 г.), в отставке с 1999 г. В 2006 г. был негласно реабилитирован и смог посетить родину своей матери в Нинсяне, пожертвовав 80 000 юаней для учреждения стипендии ее имени. Активно работал в области интеллектуальной истории, опубликовав монографии «История китайской мысли», «Прощание с революцией», и более 100 статей, включая «Переоценка Конфуция».

² Лю Цянь. Коушу: Тан Чжицзюнь: «Водэ сюэшу шэнья».

³ Чжан Бинлинь (章炳麟, 1869–1936), широко известен как Чжан Тайянь (章太炎) — китайский философ и общественный деятель. Один из самых парадоксальных и противоречивых китайских мыслителей Нового времени. Придерживаясь леворадикальных взглядов и считаясь наряду с Сунь Ятсеном главным идеологом революционного движения в Китае, он в целом ряде положений своей теории смыкался с китайскими консерваторами. Все его идейное наследие являло собой эклектическую смесь ультрарадикального национализма, революционности с одной стороны и приверженности к идеалам старины — с другой, что делало его наследие актуальным в Китае как до, так и после народной революции 1949 г.

Наконец, вместе с другими представителями шанхайской элиты (и Гу Тинлуном) ученого отправили на «перевоспитание физическим трудом» в кадровую школу «7 мая» в Фэнсяне. Далее его вернули в Шанхай и зачислили в штат бумажной фабрики, расположенной недалеко от дома. Особенно тяжела, согласно его воспоминаниям, была работа в ночную смену. Спасло Тан Чжицзюня то, что Чжан Бинлинь был объявлен «прогрессивным буржуазным революционером», и в Фуданьском университете было решено открыть класс для рабочих, крестьян и солдат для изучения его произведений, куда Чжицзюня назначили преподавателем. По приглашению премьер-министра Чжоу Эньлая в мае 1971 г. ученый был включен в редколлегия по подготовке нового издания «Истории династии Сун» в серии «Двадцати четырех династических историй». Он свидетельствовал: «я не занимался историей династии Сун, поэтому мне пришлось перечитать великое множество источников и литературы, но в работе было то преимущество, что я мог брать любые книги, относившиеся ко всем периодам». Тан Чжицзюнь утверждал, что сотрудники Фуданьского университета скорбели по опочившему зимой 1976 г. Чжоу Эньлаю значительно больше, чем по Мао Цзэдуну, который умер в сентябре того же года¹.

В 1978 г. Институт истории был воссоздан в структуре Академии общественных наук КНР, в 1982 г. Тан Чжицзюнь сделался заместителем его директора². Он был включен в программу академического обмена и в 1982 г. впервые отправился в Японию по приглашению Симада Кэндзи³. Далее Тан Чжицзюнь получил приглашение от профессора

¹ Лю Цянь. Указ. соч.

² Тан Чжицзюнь яньцзюань (汤志钧 研究员 = Исследователь Тан Чжицзюнь) // HistoryChina.net. URL: <http://www.qinghistory.cn/tzj/> (дата обращения: 11.06.2022).

³ Симада Кэндзи (島田虔次, 1917–2000) — японский синолог, специалист в области интеллектуальной истории. Родом из префектуры Миэ (Хиросима), школьное образование получал в Циндао (провинция Шаньдун), в 1941 г. окончил Киотский императорский университет, где с 1943 г. работал в Институте восточных культур. С 1949 г. — доцент Института гуманитарных исследований Киотского университета (Восточное отделение), профессор с 1969 г. В отставке с 1981 г. Основные исследования были посвящены истории китайской общественной мысли нового времени и современному неоконфуцианству.

Фэрбэнк¹ из Гарвардского ун-та (США), где провел два месяца, особо отметив, что американец хорошо говорил по-китайски, их общению не мешал языковой барьер, и «американские ученые не так упрямые и консервативны, как японские ученые, их взгляд более открыт»². Из советских ученых Тан Чжицзюнь общался с С.Л. Тихвинским, с которым они были знакомы еще до «Культурной революции».

С 1983 г. Тан Чжицзюнь и его сын Тан Жэньцзе (汤仁泽), также сотрудник Института истории Шанхайского отделения АОН КНР, начали 36-летний проект полного собрания сочинений Лян Цичао, для которого лично переписали от руки все неопубликованные материалы, обнаруженные в библиотеках и архивах Японии. Этот проект занимал все время ученого после выхода на пенсию в 1994 г.³ Также он выпустил двухтомное издание рукописных материалов деятелей Ста дней реформ 1898 г. и был редактором факсимильного издания рукописи «Да тун шу» Кан Ювэя, вышедшего в 1985 г. В 1996–1997 гг. подготовил и издал собственные биографии Чжан Бинлиня и Кан Ювэя. Биография Чжан Бинлиня подверглась в китайских ученых кругах критике за некоторые ошибки и неточности⁴.

¹ John King Fairbank (1907–1991) — американский синолог, основатель и первый директор Центра восточноазиатских исследований в Гарвардском ун-те (1955). После Гарвардского ун-та окончил магистратуру Бэллильского колледжа (Оксфордский ун-т) и аспирантуру Университета Цинхуа (Пекин) под руководством Цзян Тинфу (蒋廷黻, 1895–1965). На работе в Гарвардском ун-те с 1937 г., с перерывом на разведывательную службу в Китае (1941–1946). В 1953–1977 гг. — профессор. Опубликовал 44 монографии и учебника, несколько сотен статей и рецензий. Подготовил более 100 докторов наук, которые в течение целого поколения занимали все Китаеведческие в университетах США, создал организационную основу американского корееведения и вьетнамистики.

² Лю Цянь. Коушу: Тан Чжицзюнь: «Водэ сюэшу шэнья».

³ Фантань. Тан Жэньцзе: фуцинь Тан Чжицзюнь хэ во юнлэ саньшилю нянь бянчжуань «Лян Цичао цюаньци» (访谈. 汤仁泽: 父亲汤志钧和我用了36年编纂《梁启超全集》) = Интервью с Тан Жэньцзе: «Мой отец Тан Чжицзюнь и я потратили 36 лет на составление “Полного собрания сочинений Лян Цичао”» // Гуанмин жибао. 2018, 27 августа. URL: <https://www.toutiao.com/article/6594280150068625934/?channel=&source=knowledge> (дата обращения: 11.06.2022).

⁴ Фу Цзе (傅杰). Тан Чжицзюнь «Чжан Тайянь няньпу чанбянь (цзэндин бянь)» дэ ихань: дуй тажэнь бучжэн вэньци дэ бусе игу (汤志钧《章太炎年谱长编(增订本)》的遗憾: 对他人补正文字的不屑一顾 = Автор расширенного исправленного издания «Хроники жизни Тан Чжицзюня» отказывается принимать исправления) // Наньфан чжоумо. 2019, 11 июля. URL: <https://www.toutiao.com/article/6712421001067495950/?channel=&source=knowledge> (дата обращения: 11.06.2022).

Содержание дискуссии Тан Чжицзюня и Ли Цзэху

Собственно этапы полемики и участие в ней сторонних исследователей еще ожидает своего исследователя. В контексте нашей работы гораздо важнее рассмотреть содержательные аспекты и аргументацию, которые оказывают существенное воздействие и на историков XXI века.

Дискуссию начал Ли Цзэху, опубликовав в журнале «Вэньши чжэ» (1955, № 2) статью «О “Книге о Великом единении” Кан Ювэя», в которой изложил множество оригинальных идей. Статья Ли Цзэху была одобрена его научным руководителем Жэнь Цзюем¹. Злободневно для своего времени звучала формула, что это — «одно из произведений, которое долгое время неправильно понималось и неверно трактовалось»². К тому времени уже были высказаны разнообразные суждения, которые в условиях идеологических кампаний в КНР могли сильно повлиять на судьбу исследователей, занимавшихся вопросами общественной мысли. Так, Ли Жуй³ объявил идеал Кан Ювэя «аграрной социалистической утопией», тогда

¹ Жэнь Цзюй (任继愈, 1916–2009) — китайский философ. Окончил Пекинский ун-т, в котором был оставлен преподавать. Основатель Института религиоведения АН КНР (1964, восстановлен в 1979) и Всекитайского общества атеистов (1979). В 1987–2005 гг. директор Национальной библиотеки Китая.

² Тан Жэньцзе. «Да тун шу» дэ чэншу няньдай цзи ци сысян шичжи.

³ Ли Жуй (李锐, 1917–2019) — китайский политик, член Компартии с 1937 г. Его отец был членом партии Тунмэнхуэй, основанной Сунь Ятсеном. Ли Жуй получил техническое образование, пешком дошел до Яньани — центра Особого района Китая, управляемого властями КПК. Руководил отделом пропаганды китайского комсомола, был редактором газеты «Цзефан жибао», далее служил секретарем Гао Гана — главы Северо-Восточного бюро КПК. В 1952 г. служил в Министерстве водных ресурсов, в 1958 г. был назначен вице-премьером Госсовета КНР. Параллельно был консультантом Мао Цзэдуна по вопросам промышленности. Из-за поддержки Пэн Дэхуая на Лушаньском пленуме 1959 г. был исключен из партии, подвергся репрессиям. В годы Культурной революции восемь лет провел в одиночном заключении, в 1975 г. был сослан на периферию. После смерти Мао был восстановлен в партии, в 1982–1984 гг. избран в ЦК КПК и некоторое время служил в Орготделе, но из-за либеральных взглядов ушел из высшего эшелона власти. На пенсии с 1995 г. Сохранив остроту ума, до самой кончины в возрасте 101 года критиковал действующую политику партии, писал увещивающие письма руководителям, настаивая на политической реформе, чтобы не допустить повторения Культурной революции в будущем. Его дневник, который велся в 1935–2018 гг., был передан на хранение в США.

как Цзи Вэньфу¹ полностью отказывал теории во всякой реалистичности. Фань Вэньлань² утверждал, что теория Кан Ювэя была «выходом для китайской буржуазии». Иными словами, Ли Цзэху подчеркивал (в терминологии того времени) «прогрессивность» труда Кан Ювэя, его неприкрыто «антифеодальный пафос» и веру в торжество прогресса и построение бесклассового общества. В трудах Кан Ювэя можно найти и множество параллелей с марксизмом, а «Да тун шу» далеко вышла за пределы ранней реформаторской программы мыслителя, излагая те идеи и положения, которые не могли быть озвучены в реалистическом политическом проекте XIX века. То есть он сформировал идеологическую базу для практической деятельности левого движения в Китае, а концепция Великого единения выражает реальные потребности китайского общественного движения и объективное стремление народных масс к счастливой жизни. Цитировал Ли Цзэху и формулу Мао Цзэдуна из речи «О демократической диктатуре народа», намекая, что только Мао Цзэдун на практике приведет китайский народ к социализму³.

Ответ Ли Цзэху был собственной инициативой Тан Чжицзюня, который только недавно был зачислен в Шанхайский институт истории АН КНР. Его статья вышла в первом номере того же журнала «Вэньши чжэ» за 1957 г. и содержала три новаторских

¹ Цзи Вэньфу (嵇文甫, 1895–1963) — историк и педагог, ранний деятель коммунистического движения в Китае. Окончил Пекинский университет и Университет им. Сунь Ятсена в Москве, профессор Хэнаньского ун-та. После создания КНР был главой народного правительства Хэнани, ректором Хэнаньского ун-та, в котором основал исторический факультет, вице-президентом Китайского исторического общества. Скончался от инсульта.

² Фань Вэньлань (范文澜, 1893–1969) — выдающийся китайский историк. Получив традиционное образование и окончив филологический факультет Пекинского университета, в 1920-е гг. занимался классической китайской литературой. Член КПК с 1926 г., заново принят в партию с 1939 г. Активно участвовал в антияпонском сопротивлении, с 1940 г. в Яньани, заведующий кафедрой истории Института марксизма-ленинизма. С 1950 г. вице-президент АН КНР, директор Института истории. Член ЦК КПК девятого созыва (1969). Создатель общих трудов и учебников по истории Китая, написанных с позиции марксистской методологии и периодизации. В современной КНР отнесен к сонму «Пяти выдающихся историков-марксистов» (вместе с Го Можо, Лу Чжэньюем, Хуо Вайлу и Цзян Боцзанем).

³ Тан Жэньцзе. «Да тун шу» дэ чэншу няндай цзи ци сысян шичжи.

положения, которые сразу же были отмечены С.Л. Тихвинским¹. Во-первых, Кан Ювэй существовал в чрезвычайно насыщенной интеллектуальной среде, которая генерировала огромное количество проектов социально-политической реформы, которые и являются основным содержанием «Да тун шу». Во-вторых, на Кан Ювэя сильно повлияли доступные в Китае переводы западных философских произведений, в частности, «Эволюция и этика» Т. Гексли в переводе Янь Фу, труды христианских миссионеров и некоторые западные утопические теории, в частности, фурьеризм и американский популизм в версии Э. Беллами. В-третьих, Кан Ювэй основывался на древнекитайских инволюционных концепциях трех эр, переосмысленных в цинскую эпоху представителями Чанчжоуского учения «канонов в современных знаках», а также Ляо Пина², что составляет философский фундамент «Да тун шу», не замеченный Ли Цзэху. Иными словами, самые ранние наброски теории эволюции и Великого единения были созданы Кан Ювэем не ранее 1896–1898 гг. В политическом смысле целью Кан Ювэя было подсказать китайским элитам, как можно установить конституционную монархию, не пытаясь «перепрыгнуть» через законы общественного развития, то есть Кан был противником национально-демократической революции. Именно это позволяет объяснить, почему Кан Ювэй после реформ 1898 г. постепенно превратился в роялиста и противника республиканизма. В ответной статье Ли Цзэху счел «порочным» метод Тан Чжицзюня, который отталкивался от источниковедческой базы и исторического контекста, а не от содержательных особенностей текста³.

¹ Тихвинский С.Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ювэй // Избранные произведения: в 5 кн. Кн. 1: История Китая до XX века. М.: Наука, 2006. С. 15–16. Первое издание монографии вышло в 1959 г.

² Ляо Пин (廖平, 1852–1932) — философ-неоконфуцианец школы «канонов в современных знаках» и деятель просвещения в Сычуани. В 1889 г. дважды встречался с Кан Ювэем в Пекине; в 1890 г. занял второе место на дворцовых экзаменах. После провозглашения Республики был депутатом парламента от Сычуани и основателем университета в Чэнду. Сочинения были собраны и опубликованы только в XXI в., хотя дискуссии о воздействии построенной Ляо Пина на теории Кан Ювэя велись от самой смерти обоих мыслителей.

³ Тан Жэньцзе. «Да тун шу» дэ чэншу няндай цзи ци сысян шичжи.

Промежуточные итоги полемики подвел в 1957 г. Чжан Юйтянь, который подчеркнул, что для осознания исторической ценности «Да тун шу» следует решить вопрос о времени создания текста. Для этого следует обратить особое внимание на эволюцию мысли Кан Ювэя и содержательные особенности его сочинений, созданных на склоне жизни мыслителя. Он сочувственно отнесся к идее, что основной текст книги создавался не ранее 1901–1902 гг.¹ Ли Цзэхуо (а вслед за ним С.Л. Тихвинский) использовали следующие источники и следующую аргументацию о времени создания «Книги о Великом единении»²:

1. Кан Ювэй поместил описание содержания «Да тун шу» в своей автобиографии под 1884 г. и окончил текст около 1887 г., но не стал его публиковать. По свидетельству Лян Цичао («Биография учителя Кана из Наньхая», 1902 г.), отдельные положения своего учения о Да тун Кан Ювэй охотно излагал ученикам.

2. Имеющиеся в тексте анахронизмы (упоминания о Гаагской мирной конференции, Транссибирской магистрали) объясняются добавлениями, вносимыми автором позднее.

3. Дочь Кан Ювэя Тунби в письме С.Л. Тихвинскому от 19 марта 1947 г. сообщала, что в Индии, где она жила с отцом в 1901–1902 гг., он не занимался рукописью «Да тун шу», поскольку книга была завершена еще во время его учительства в Гуандуне. «Раз написав эту книгу, он более не вносил в нее никаких существенных добавлений».

4. По свидетельству Кан Тунби, все 10 частей «Да тун шу» были завершены в одно и то же время, но в журнал попала только часть рукописи, породив недоразумение.

5. Трактат «Лекции о различных мирах», согласно свидетельству ученика Кан Ювэя — У Сяньцзы, создавался одновременно

¹ Чжан Юйтянь (張玉田). Гуаньюй «Датун шу» дэ сецзо гочэн цзици нэйжун фачжань бьяньхуа дэ таньтао — цзянь юй Ли Цзэхуо Тан Чжицзюнь эрвэй сяньшэн талунь гуаньюй «Датун шу» дэ гуцзя взньги (关于“大同書”的寫作过程及其內容發展变化的探討——兼与李澤厚、湯志鈞二位先生討論关于“大同書”的估价问题 = Обсуждение процесса написания «Книги о Великом единении», развития и изменения ее содержания в контексте дискуссии об оценке «Книги о Великом единении» г. Ли Цзэхуо и Тан Чжицзюня) // Вэньшичжэ (文史哲). 1957. № 9. С. 55–60.

² Тихвинский С.Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ювэй. С. 393–394.

с «Да тун шу» в 1885 г., но согласие на его публикацию было дано лишь в 1926 г., а в свет текст вышел еще позднее — в 1930 г.¹

Тан Чжицзюнь вернулся к уточнению датировки создания «Да тун шу» в 1959 г. в двух статьях. Проанализировав аргументы Ли Цзэхуо и Чжан Юйтяня, он поставил конкретный текстологический вопрос о соотношении ранних философских текстов Кан Ювэя 1890-х гг. и последующего текста «Книги о Великом единении». Здесь важным оказывалось то, что попытки связать стадии мирового развития с эрами, выделенными древнекитайскими комментаторами Конфуция, возникли у Кан Ювэя только после общения с Ляо Пинном. Ответы на эту аргументацию воспоследовали лишь в 1963 г. в статьях Чэнь Гуцзя и Фань Чжицина².

После испытаний Культурной революции, лишь в 1980 г. Тан Чжицзюнь смог вернуться к своей аргументации. За прошедшие двадцать лет он получил возможность провести исследование авторской рукописи, включая формат и сортность бумаги, почерки, сорта туши, и так далее. Еще в 1961 г. внучки Кан Ювэя Кан Баочжуан и Кан Баоэ передали семейный архив Шанхайскому комитету по сохранению культурных реликвий, который поступил в фонды Шанхайского музея. Рукопись, с которой Тан Чжицзюнь работал после разгрома «Банды четырех», содержала пять частей «Да тун шу», но по структуре текста не совпадала с печатными изданиями. Эту рукопись можно было сравнивать с имеющимися в архиве манускриптами «Комментария к Лунь юй» и «Сокровенных [смыслов] Мэн-цзы». Все эти рукописи переписаны единым почерком на бумаге одного сорта и переплетены самим автором в 1917 г., собственноручно датированы 1901–1902 гг.³

Новые публикации Тан Чжицзюня стимулировали его коллег на поиски новых рукописей Кан Ювэя, и в результате Гу Тинлун

¹ Тихвинский С.Л. Указ. соч. С. 397–398. Данному тексту посвящена наша двойная статья: Мартынов Д.Е. «Лекции о небесах» Кан Ювэя: поздний этап интеллектуальной биографии мыслителя; По ту сторону человеческого мира: Кан Ювэй о «Небесном странствии» и Боге // Общество и государство в Китае: Т. XLIII, ч. 1 // Ученые записки ИВ РАН. Отд. Китая. Вып. 8. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013. С. 488–517.

² Тан Жэньцзе. «Да тун шу» дэ чэншу няндай цзи ци сысян шичжи.

³ Кан Ювэй чжэнлунь цзи. Тан Чжицзюнь бьянь (康有为政论集/汤志钧编 = Политические произведения Кан Ювэя / под ред. Тан Чжицзюня). Пекин: Чжунхуа шудэцзи, 1981. С. 1–7. Тан Жэньцзе. «Да тун шу» дэ чэншу няндай цзи ци сысян шичжи.

обнаружил еще один манускрипт «Да тун шу» в Тяньцзиньской библиотеки, содержащий восемь частей книги. Эта рукопись была снабжена колофоном Инукаи Цуёси¹ и печатью Кацура Таро² и включала целиком части 1, 2, 8, и частично 4 и 7, которые в значительной части пересекались с шанхайской рукописью. Почерк и бумага свидетельствовали, что это одна и та же рукопись. Она была конфискована после 1949 г. у некоего предателя родины. Куратор Шанхайского музея Чжу Чжуньюэ приступил к ее исследованию и настаивал на факсимильной публикации. Исследуя колофон и печати, Тан Чжицзюнь заявил, что рукопись была подарена Инукае Цуёси не ранее 1911 г., когда Кан Ювэй прибыл в Японию в третий и последний раз. Об этом же свидетельствовала и дочь Кана — Тунби в своей версии биографии отца. Вся эта аргументация была заново пересмотрена Фан Дэлинем, который определенно заявил, что рукопись убедительно свидетельствует, что никаких следов работы над теорией в 1880-е гг. не существует. В это время Кан Ювэй только подступался к предельным вопросам существования человека и Вселенной. В 1890-е гг. в интеллектуальной биографии Кана Ювэй произошли два важнейших события: после встречи с Ляо Пином он принял учение «школы канонов современных знаков» и ее теорию социальной эволюции, а далее прочитал китайский перевод романа Беллами «Через сто лет». Работа над рукописью продолжалась и в 1910-е гг. и даже к моменту смерти Кана Ювэя «Книга о Великом единении» далеко не была завершена³.

В окончательном виде свою аргументацию Тан Чжицзюнь изложил в предисловии к изданию «Да тун шу» 2005 г.⁴

¹ Инукае Цуёси (犬養毅, 1855–1932) — японский политик, премьер-министр Японской империи (1931–1932). Получив традиционное образование в китайском стиле, поддерживал идеи паназиятизма и поддерживал китайских реформаторов и революционеров. Оказывал материальную и моральную помощь находящимся в эмиграции в Японии Кан Ювэю, Лян Цичао, Сунь Ятсену.

² Кацура Таро (桂太郎, 1848–1913) — японский политик, занимавший в разные годы должность военного министра и трижды премьер-министра.

³ Фан Дэлинь (房德邻). «Датун шу» цигао шицзянь као — цзяньлунь Кан Ювэй цзаоци датун сысян (《大同书》起稿时间考—兼论康有为早期大同思想 = Исследование черновики «Книги о Великом единении»: о времени зарождения идеи о Великом единении у Кан Ювэя) // Лиши яньцзю (历史研究). 1995. № 3. С. 83–94.

⁴ Кан Ювэй. Да тун шу. Шанхай, 2005. С. 11–16.

Тан Чжицзюнь и Ли Цзэху в современной западной синологии

Как мы уже упоминали, сколько-нибудь объемное изложение аргументов полемики Тан Чжицзюня и Ли Цзэху содержится только у двух западных сиологов. В историографическом очерке монографии С.Л. Тихвинского о полемике двух ученых не упоминается, сообщается лишь о возражениях, которые на страницах «Вэньши чжэ» представили Чжан Юйтянь и Линь Кэгуан¹. Аргументацию Тан Чжицзюня С.Л. Тихвинский рассматривал по хубэйскому изданию «Очерков по истории Движения за реформы 1898 г.» и прямо именовал малоубедительной, основываясь на собственных суждениях Кан Ювэя, его дочери Кан Тунби и Лян Цичао, разобранных нами выше². Отвергая аргументацию Тан Чжицзюня, Тихвинский признавал ценной его работу по прослеживанию источников, повлиявших на формирование идеологии Кан Ювэя, и излагал содержание полемики так, как она выглядела в 1959 г., только в примечаниях к монографии³.

Парадоксально, но в трудах современного итальянского сиолога Ф. Брусаделли (род. 1983) главным источником предпочтения аргументации Ли Цзэху и отвержения Тан Чжицзюня служит именно идеология, точнее, невозможность признать Кан Ювэя «реакционером». В статье, опубликованной в 2017 г., Ф. Брусаделли, во-первых, отвергает утопическую природу «Да тун шу» (основываясь на определении утопии М. Фуко), а, во-вторых, ему близок в подходе Ли Цзэху социологический подход и попытка доказательства, что идеологемы Кан Ювэя не противоречат марксизму⁴. Таким образом, и по Ф. Брусаделли получается, что вопрос о хронологии создания «Книги о Великом единении» является политическим, не академическим: если доказывать глубоко консервативный, антиреспубликанский посыл труда Кан Ювэя, то он должен

¹ Тихвинский С.Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ювэй. С. 17.

² Там же. С. 392–393.

³ Там же. С. 401–403 (прим. 78).

⁴ Brusadelli F. A Tale of Two Utopias: Kang Youwei's Communism, Mao Zedong's Classicism and the "Accommodating Look" of the Marxist Li Zehou // Asian Studies. 2017. Vol. V (XXI), Iss. 1. P. 112–113, 115.

был создаваться, как минимум, в 1910-е гг.¹ То есть Ф. Брусаделли отождествляет академические и политические дискуссии в КНР. Впрочем, главным предметом исследования Ф. Брусаделли явилось «интеллектуальное примиренчество» Ли Цзэху. Выбор именно его позиции, как и осуждение Тан Чжицзюня, носили сугубо идеологический характер². На современном Западе ученому приходится всеми силами доказывать лояльность набору неолиберальных клише, как некогда советским исследователям приходилось подверстывать канонизированных классиков марксизма под любую проблематику, в том числе бесконечно далекую от Маркса, Энгельса и Ленина. Ли Цзэху становится «хорош» в силу отношения к событиям на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., что трактуется как «прощание с революцией» (используя название его большого труда). Собственная постмарксистская философия Ли Цзэху признается близкой учению Кан Ювэя, в первую очередь с позиции понимания глобальной истории человечества от хаоса к единению³.

***

Рассмотренная в данной статье коллизия выводит нас, во-первых, на проблему политической ангажированности исторической науки, и, во-вторых, того, что пределы использования биографического метода могут определяться не только корпусом имеющихся первоисточников, но и конфликтом интерпретаций, инспирируемым внеакадемическими факторами. Как показывает практика, декларируемая идеология, в сущности, глубоко вторична: спор китайских коммунистов 1950-х гг. практически в тех же формах выражения определяет западноевропейскую синологию 2010-х гг., несмотря на то, что последняя именуется неолиберальной. Иногда отголоски подобных внеакадемических факторов приобретают анекдотическую форму. Так, в 2020 г. в Алтайском государственном университете была защищена выпускная квалификационная работа на тему «Роль Кан Ювэя в процессе

политической модернизации Китая (вторая половина XIX — начало XX в.)», в которой наши собственные труды (в том же самом контексте) обозначили как «подтверждающие сложившуюся позицию в отношении Кан Ювэя как сторонника буржуазно-реформаторского направления в аспекте развития общества и государства в целом»¹.

По-видимому, в ближайшее время едва ли следует ожидать изменений в историографическом освещении наследия Кан Ювэя. Как мы можем судить, и в КНР, и на современном Западе аргументация Тан Чжицзюня воспринимается исключительно через политическую призму. Лично мы исходим из того, что современная синология по разным причинам рассматривает Кан Ювэя не самого по себе, а лишь в русле того идеологического направления, которое определяет деятельность конкретного исследователя. Так как все творческое наследие ученого издано и доступно, новой генерации исследователей предстоит нелегкий труд — «пробиться» к самому ученому, заново прочитав его автобиографию и попытаться сделать то же самое со всем корпусом его трудов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Кан Ювэй *чжэнлунь цзи*. Тан Чжицзюнь бян (康有为政论集 / 汤志钧编 = Политические произведения Кан Ювэя под ред. Тан Чжицзюня). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1981. 1147 с.
- Кан Ювэй. Да тун шу / Кан Ювэй чжуань Тан Чжицзюнь даоду (大同书康有为撰汤志钧导读 (Книга о Великом Единении Кан Ювэя с пред. Тан Чжицзюня). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2005. 292 с.
- Лю Цянь [запись] (刘倩钟源). Коушу: Тан Чжицзюнь: «Водэ сюэшу шэнья» (口述. 汤志钧: 我的学术生涯 = Устная история. Тан Чжицзюнь: «Моя научная карьера») // The Paper. 2019. 10 июня. URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_3515318 (дата обращения: 11.06.2022).

¹ Русина В.О. Роль Кан Ювэя в процессе политической модернизации Китая (вторая половина XIX – начало XX в.) / науч. рук. к.и.н., доц. И.Б. Бочкарева; ФГБОУ ВО «Алтайский гос. ун-т». Ин-т истории и межд. отношений. Каф. востоковедения. Барнаул, 2020. С. 6. URL: <http://elibrary.asu.ru/xmlui/bitstream/handle/asu/9316/vkr.pdf?sequence=1> (дата обращения: 11.06.2022).

¹ Brusadelli F. A Tale of Two Utopias... P. 118.

² Brusadelli F. Swiss Enchantment: Modern Chinese Intellectuals and a Federal Utopia // Asian Studies. 2021. Vol. IX (XXV), Iss. 2. P. 155.

³ Brusadelli F. A Tale of Two Utopias. P. 119–120.

- Тан Жэньцзе (汤仁泽). «Да тун шу» дэ чэншу няньдай цзи ци сысян шичжи (《大同书》的成书年代及其思想实质 = О времени завершения «Книги о Великом единении» и ее идеологической сути) // Чжунго цзиньдай ши (中国近代史). 2020. № 10. URL: <http://rdbk1.yulib.cn:6251/Qw/Paper/742729> (дата обращения: 11.06.2022).
- Тан Чжицзюнь (汤志钧). Усуй бяньфа шилунь цун (戊戌变法史論叢 = Собрание трудов по истории Движения за реформы 1898 г.). Ухань: Хубэй жэньминь чубаньшэ, 1957. 332 с.
- Тан Чжицзюнь яньцзююань (汤志钧 研究员 = Исследователь Тан Чжицзюнь) // HistoryChina.net. URL: <http://www.qinghistory.cn/tzj/> (дата обращения: 11.06.2022).
- Фан Дэлинь (房德邻). «Датун шу» цигао шицзянь као — цзяньлунь Кан Ювэй цзаоци датун сысян (《大同书》起稿时间考—兼论康有为早期大同思想 = Исследование черновиков «Книги о Великом единении»: о времени зарождения идеи о Великом единении у Кан Ювэй) // Лиши яньцзю (历史研究). 1995. № 3. С. 83–94.
- Фантань. Тан Жэньцзе: фуцинь Тан Чжицзюнь хэ во юнлэ саньшилю нянь бяньчжуань «Лян Цицао цюаньцзи» (访谈。汤仁泽：父亲汤志钧和我用了36年编纂《梁启超全集》 = Интервью с Тан Жэньцзе: «Мой отец Тан Чжицзюнь и я потратили 36 лет на составление “Полного собрания сочинений Лян Цицао”») // Гуанмин жибао (光明日报). 2018, 27 августа. URL: <https://www.toutiao.com/article/6594280150068625934/?channel=&source=knowledge> (дата обращения: 11.06.2022).
- Фу Цзе (傅杰). Тан Чжицзюнь «Чжан Тайянь няньпу чанбянь (цзэндин бянь)» дэ ихань: дуй тажэнь бучжэн вэньцзи дэ бусе игу (汤志钧《章太炎年谱长编(增订本)》的遗憾：对他人补正文字的不屑一顾 = Автор расширенного издания «Хроники жизни Чжан Бинлиня» отказывается принимать исправления) // Наньфан чжоумо. 2019, 11 июля. URL: <https://www.toutiao.com/article/6712421001067495950/?channel=&source=knowledge> (дата обращения: 11.06.2022).
- Чжан Юйтянь (張玉田). Гуаньюй «Датун шу» дэ сецзо гочэн цзици нэйжун фачжань бяньхуа дэ таньгао — цзянь юй Ли Цзэхуо Тан Чжицзюнь эрвэй сяньшэн таолунь гуаньюй «Датун шу» дэ гуцзя вэньти (关于“大同书”的写作过程及其内容发展变化的探讨—兼与李泽厚、汤志钧二位先生讨论关于“大同书”的估价问题 = Обсуждение процесса написания «Книги о Великом единении», развития и изменения ее

- содержания в контексте дискуссии об оценке «Книги о Великом единении» гг. Ли Цзэхуо и Тан Чжицзюня) // Вэньшичжэ (文史哲). 1957. № 9. С. 55–60.
- История через личность: Историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. 2-е изд. М.: Квадрига, 2010. 720 с.
- Кобзев А.И. Кан Ю-вэй // Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 1. Философия / ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. М.: Вост. лит., 2006. С. 275–279.
- Мартынов Д.Е. Кан Ю-вэй: Жизнеописание. Казань: Изд. Ин-та истории АН РТ им. Ш. Марджани, 2010. 328 с.
- Петрова С.Г. «Послойное создание древней истории Китая»: метод и гипотеза Гу Цзегана // Ученые записки Казанского ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2021. Т. 163, кн. 6. С. 144–156.
- Тихвинский С.Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ювэй // Избранные произведения: в 5 кн. Кн. 1: История Китая до XX века. М.: Наука, 2006. С. 10–415.
- Brusadelli F. A Tale of Two Utopias: Kang Youwei's Communism, Mao Zedong's Classicism and the “Accommodating Look” of the Marxist Li Zehou // Asian Studies. 2017. Vol. V (XXI), Iss. 1. P. 103–122.
- Brusadelli F. Swiss Enchantment: Modern Chinese Intellectuals and a Federal Utopia // Asian Studies. 2021. Vol. IX (XXV), Iss. 2. P. 145–164.
- Elman B.A. Classicism, politics, and kinship: the Chang-chou school of New Text Confucianism in late imperial China. Berkeley: University of California Press, 1990. xxxiii, 409 p.
- Li Zehou. A History of Classical Chinese Thought / Translated, with a philosophical introduction, by Andrew Lambert. N.Y.; L.: Routledge, 2020. xxviii, 353 p. (Routledge Studies in Contemporary Chinese Philosophy).

Е.А. Вишленкова, С.Н. Затравкин

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ФАРМЫ КАК НОВОЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ПОЛЕ

Бывший глава швейцарской фармацевтической фирмы Nусоmed Й. Дэвидсен в интервью признался, что его бизнес-успех в постсоветской России связан со знанием ее истории: «очень многие менеджеры недооценили историческое прошлое России»¹. Интересное признание. Очевидно, нечто подобное можно сказать о прошлом российской «Большой фармы»: роль прошлого в ее текущей ситуации или жизни явно не оценена.

В зарубежной научной литературе понятие “Big Pharma” используется, в основном, применительно к частному фармбизнесу². Но поскольку в отношении России провести границу между частным и государственным порой довольно сложно, в рассуждениях о пространстве движения лекарств россияне говорят либо бюрократическими терминами («фармацевтическая отрасль»), либо в терминах рыночной экономики и отношений («фармрынок»).

Пока (на 2022 год) история этого пространства (или «поля» как его определяют социологи) существует в «дописменном виде», она не вышла за пределы мемуаров участников, бытует в виде баек (рассказов за столом, тостов и юбилейных докладов), маркетинговых отчетов. Пока никто из профессиональных историков не рассказал о российской фарме исторически, т. е. не встроил ее в пространство времени, не сравнил с другими национальными или региональными фармацевтическими рынками — ровесниками и более старыми. Таким образом, никто не определил «внутренний возраст» российского фармацевтического бизнеса и особенности его развития, какие скачки он сделал и в какие

тупики попадал; не показал, что сдерживало его рост и что стимулировало, что определило травмы этого роста. Все вышедшие книги о российской фарме можно поставить на одну короткую полку.

«Новейшей историей российского фармацевтического рынка» назвал генеральный директор Николай Демидов олитературенный отчет («аналитический проект») компании «Фармэксперт» за десять лет ее существования (1996–2006). В обращении к читателю он использовал еще одно определение своего труда — «обобщенный аналитический опыт». Очевидно, создатели издания полагали, что это и есть история, ну или ее разновидность. Назначение книги виделось в историческом презентизме: «всем полезно взглянуть в прошлое перед тем, как шагать в будущее»¹. А в прошедшем десятилетии авторы обнаружили три достижения: в России появились новые бренды — инновационные препараты и дженерики; национальные дистрибьютеры с сетью филиалов; «шагнули вперед технологии», в частности, в аптеках появились компьютеры.

Эта история успехов доказывалась количественными изменениями в структуре, масштабах фармрынка, заболеваемости населения и показателях российского здравоохранения. Цифры были получены в результате генерализации данных консалтинговыми и информационно-аналитическими компаниями. Но к ним много претензий и у самих участников рынка. К холодным цифрам добавлены «краткие биографии ряда его наиболее влиятельных персон» (они же «субъекты фармрынка»)². Ими, видимо, издатели рассчитывали очеловечить рассказ о процессах и движении лекарств. О жертвах фармрынка в книге не говорится, их имена не называются. Обо всех них Демидов говорит как о «безвременно покинувших» поле боя, то есть мертвых для жизни российской фармы. Ее интенсивная жизнь закрыта для непосвященных, а за ее пределами — нежизнь.

Исследованиями российской фармы много занимались экономисты. Это определило специфическое видение ее настоящего и прошлого. Фарма предстает в этих публикациях частью российской и мировой макроэкономики. Авторов интересуют модели

¹ Дэвидсен Й. «Когда происходит коллапс, те, у кого нет понимания рынка, уходят, а другие — переживают и восстанавливаются» // Таблетированная фирма / сост. и ред. Дмитрий Кряжев. М., 2020. С. 127.

² См. об этом: Vasilyev P.A., Zvonareva O.I., Petrenko A.N. Clinical Trials of *Rhodiola rosea* in Tomsk in the Late Soviet Period // Вестник СПбГУ. История. 2020. Т. 65. №. 3. С. 822.

¹ Новейшая история российского фармацевтического рынка: обобщенный аналитический опыт кампании Фармэкспорт. М., 2006. С. 1.

² Там же.

«устойчивого развития», эффективности, «анализ экономических показателей», «механизмы развития». Сделанные на материалах финансовой отчетности и маркетинговых исследований, эти публикации написаны в стилистике бюрократического документа — нечто промежуточное между отчетом о проделанной работе и учебником по экономическому моделированию. Предполагалось, что российская фарма развивается нестабильно. Экономический анализ, верили исследователи, сможет обеспечить ее научными механизмами для устойчивого развития — непрерывного, сбалансированного, целенаправленного и прогрессивного для занятия лидирующих позиций на мировом рынке фармацевтической продукции¹.

Многие исследования такого рода осуществлены в 2010-х гг. в Санкт-Петербурге: в университете экономики и финансов, на экономическом факультете СПбГУ и в химико-фармацевтическом университете. Вышедшая в 2012 г. книга экономиста А.И. Балашова аккумулировала результаты его докторской диссертации. Естественно, что ее защите предшествовали десятки публикаций диссертанта и его докладов по отдельным аспектам экономики российского фармрынка (2006–2012). Автор заявил об отказе от свойственного исследователям здравоохранения принципа рассматривать фарму по частям: отдельно науку, промышленность, исследования, сбыт и лекарственное обеспечение. При фрагментарном взгляде, утверждал ученый, утрачивается экономическое единство объекта и понимание его инфраструктуры².

Идеальному порядку, то есть устойчивому и научно спроектированному развитию фармрынка, предшествовал исторический хаос, перешедший в интуитивное развитие. Их характерные особенности в книге Балашова выделены на основе анализа государственной статистики — на цифрах Росстата, Минпромторга РФ, таможенной службы, а также российских и мировых маркетинговых агентств «Цитомед. Маркетинг», *Pharmaceutical Industry Review*, *Strategy Partners*, *IMS*. В качестве вех развития российской фармы автор взял экономические кризисы — дефолт 1998 г. и мировой финансовый кризис 2008-го. Таким образом, историческая реальность предстала как за-

¹ Балашов А.И. Формирование механизма устойчивого развития фармотрасли: теория и методология. СПб.: Изд-во СПбГУ экономики и финансов, 2012. С. 13.

² Там же. С. 5.

программированные экономическими законами циклы развития, в которых есть понятный порядок вещей. Математическая формула меняет значения в зависимости от переменных. Историческая и локальная особенность российской фармы предстает в виде этих переменных.

Около десятка статей (в 2012–2016 гг. в журнале «Проблемы современной экономики») о российском фармрынке и фармпромышленности опубликовали заведующий кафедрой экономики и управления СПб химико-фармацевтической академии А.А. Лин и профессора экономического факультета СПбГУ С.В. Соколова и Б.И. Соколов со своими учениками и коллегами¹. Это аналитические обзоры, сделанные на основе регуляторных документов и опубликованных отчетов-самоописаний фармотрасли. Жанр данных публикаций — институциональная экономика. Источники и исследовательская методика побудили авторов держаться в рамках бюрократического определения эффективности. Это обеспечивается почти механическим сопоставлением намерений правительства и результатов их выполнения.

Большинство цифровых данных взяты исследователями из открытых электронных источников: годовых отчетов российского центра маркетинговых исследований «Фармэксперт», а также месячных и годовых отчетов *DSM Group*. Их данные не перепроверяются, а используются как объективные свидетельства. Несмотря на все исследования XX века, посвященные истории статистики, а также громкие

¹ Лин А.А., Соколова С.В. Фармацевтический рынок: фундаментальные особенности. Статья 1, ч. 1 // Проблемы современной экономики. 2012. № 2. С. 372–376; Лин А.А., Соколова С.В. Фармацевтический рынок: фундаментальные особенности. Статья 1, ч. 2 // Проблемы современной экономики. 2012. № 3. С. 322–326; Соколов Б.И., Лин А.А., Орлов А.С. Фармацевтический рынок: структурные особенности в России // Проблемы современной экономики. 2012. № 4 (44). С. 336–341; Лин А.А., Соколов Б.И., Слепнев Д.М. Фармацевтический рынок: производство лекарственных средств в России // Проблемы современной экономики. 2013. № 1 (45). С. 191–194; Соколов Б.И., Лин А.А., Терехов М.Е. Фармацевтический рынок: оптовое звено // Проблемы современной экономики. 2013. № 2 (46). С. 267–270; Лин А.А., Соколова С.В., Терехов М.Е. Фармацевтический рынок: коммерческий розничный сектор // Проблемы современной экономики. 2013. № 3 (47). С. 378–382; Соколова С.В., Орлов А.С., Румянцева М.С. Фармацевтический рынок: государственные закупки лекарственных препаратов // Проблемы современной экономики. 2013. № 4 (48). С. 345–349; Лин А.А., Соколова С.В., Орлов А.С. Фармацевтический рынок: госпитальный сегмент // Проблемы современной экономики. 2014. № 1 (49). С. 224–229; Соколов Б.И., Лин А.А., Орлов Б.С. Фармацевтический рынок: зарубежный опыт референтного ценообразования // Проблемы современной экономики. 2016. № 3(59). С. 189–192.

дебаты социологов-количественников и качественников, в российской науке сохраняется вера в цифры. Введенные однажды в научный оборот, при многократном повторении они обретают статус достоверного знания — «холодные цифры свидетельствуют», «объективные данные говорят». Но являются ли они таковыми, отсутствуют ли в них готовые интерпретации, заложенные выборкой и генерализацией?

Как часто бывает в экономическом по жанру исследовании, в нем главными действующими лицами являются процессы. Субъектность приписывается регулятору — надперсональному правительству или совсем абстрактному государству. Оно играет роль всепонимающего управленца: знает, определяет, направляет и контролирует. И российская фарма тоже обезличена. Она представлена в виде таблиц и диаграмм экономического роста, товаропотоков, рейтингов частных компаний и аптечных сетей. Каждая статья данной исследовательской группы завершается формализованным выводом, что развитие фарм-отрасли в России догоняет, а где-то и обгоняет своих зарубежных собратьев, производство играет важную роль, но преобладает посредническая сфера, что отрасли всё еще нужна государственная поддержка.

Показать лица людей и побудить говорить молчаливую российскую фарму удается немногим писателям. О ее закрытости и принципиальной непознаваемости говорят и пишут почти все ее летописцы, и в этом видят специфику изучаемой группы и собственную заслугу перед ней и историей.

К 30-летию Протека, его владелец Вадим Якунин заказал журналисту и редактору «Фармвестника» Дмитрию Кряжеву юбилейное издание. Через год, осенью 2020 г., вышла книга «Таблетированная фирма»¹. Ее составитель заверил читателя и заказчиков издания, что очевидное отсутствие исторических исследований о российской фарме является следствием особых «взаимоотношений в отрасли и тем, что гласность сюда пришла всего 10 лет назад». Опытный журналист, он несколько раз повторил, что мир российской фармацевтики эзотеричный, что он сам, как и всё население фармы, испытывает привязанность к своей территории, своему племени. Отсюда люди, как правило, не уходят, и «причина магнетизма именно в замкнутости и обособленности»².

¹ Таблетированная фирма / сост. и ред. Дмитрий Кряжев. М., 2020.

² Там же. С. 3.

Это объясняет или оправдывает, почему Кряжев создал «свою» историю для своих, полагая, что прошлое фармы — это дело внутреннее. Не желая прослыть корпоративным летописцем, он предпочел бы именовать себя создателем «малой истории фарминдустрии». Что такое «малая история» Кряжев не пояснил. Очевидно, это аналог «малой родины», тогда ее летописец — это своего рода краевед, но уж точно не антрополог или этнограф. При таком подходе критика или анализ высказываний не предполагается. Их интерпретация осуществляется в категориях любви, благодарности и преданности. Отсюда единственно возможная стилистика повествования — поэтический рассказ.

Историю российской фармы Кряжев изложил в форме ироничных сказаний-подкастов. Используя аллюзию древнего города, он описал с помощью средневековых метафор меняющиеся взаимоотношения ведущих игроков современного рынка: регуляторов (власти), фармбизнеса (торговцев), медиков (жрецов) и производителей (ремесленников). До 1991 г. был не город, а храм фармации, и власть не пускала в него торговцев. После распада храма молодые академики-технари (будущие торговцы) вошли в альянс с врачами (жрецами) и создали фармрынок. Такой былинный рассказ создает иллюзию протяженной истории, в которой есть свои Античность, Средневековье и Новое время. Эта линия времени поделена на три равные части: 1990-е — золотой век, когда не было конфликта между властью и торговцами, но была разруха после крушения храма советской фармации; 2000-е, когда пришли иностранцы, а вслед за ними появилась конкуренция и неудачный опыт альянса власти и российского бизнеса (программа ДЛО); 2010-е, в которые поощряется национализация иностранного капитала и ассимиляция иностранных фармбизнесов.

«Таблетированная фирма» — сборник из 35 интервью, взятых у «больших имен»: с иностранными и российскими фармбизнесменами, дружественными и близкими к фарме государственными чиновниками¹. Читая эти увлекательные рассказы-биографии, легко убедиться, что данная книга — это победоносная версия прошлого, рассказ тех, кто выжил и преуспел, кто сейчас определяет его

¹ Там же. С. 3.

настоящее. Составитель книги свою выборку свидетелей обосновал уклончиво — это «наиболее яркие представители свободного фармрынка». В силу юбилейного характера издания, большую их часть составляют ветераны и руководители Протека. И это пока всё, что написано об истории фармы в России.

В то время, когда российские исследователи объединяются с фармой для ее защиты от западных конкурентов или собственно правительства, для поиска эффективности, или для создания общей «малой родины», за пределами России идет всемирная война Большой фармы даже не с правительствами, а с ее исследователями / наблюдателями. Это противоборство сильно подрвало доверие современников не только к действиям Фармы, но и к цифрам, которые она производит, а также к аналитическим и маркетинговым текстам, к устным высказываниям ее представителей, связанных корпоративными обязательствами и интересами.

Всё началось с рубежа тысячелетий, с того, что журналисты, социологи, экономисты, философы науки из разных стран заговорили о стремительно растущем политическом и социальном влиянии биотехнологических компаний и созданных ими продуктах¹. Этот феномен получил разные интерпретации и объяснения. Исследователи предлагали относительно него довольно радикальные футуристические прогнозы.

На рубеже веков научный скептик, американский психиатр Томас Стивен Зац, автор разоблачительных работ о власти медицины, писал об укрепляющемся альянсе современных государств и агентов здравоохранения в стремлении медиализировать социальные проблемы, в том числе нелояльное поведение. Он предупредил современников о желании чиновников и бизнесменов решать эти проблемы биохимическими средствами. Все эти угрозы Зац назвал «фармократией»². Большой противник медицинского принуждения и врачебных претензий на окончательное мнение, он вскрывал вза-

¹ *Law J.* Big Pharma: How the World's Biggest Drug Companies Control Illness. London: Constable and Robinson Ltd., 2006; *Carpenter D.P.* Reputation and Power: Organizational Image and Pharmaceutical Regulation at the FDA. Princeton Studies in American Politics. Princeton: PUP, 2010.

² *Szasz Th.* Pharmocracy: medicine and politics in America. Westport, Conn.: Praeger, 2001.

имные интересы политических и медицинских властей, связь между усиливающимся правительственным контролем и финансированием здравоохранения, между медиализацией индивидуального поведения и стремлением избежать персональной ответственности.

Спустя почти пятнадцать лет этим термином воспользовался американский антрополог науки и технологий, профессор в университете Чикаго Каушик Сандер Раджан. В книге о биокапитализме (2006) он сопоставил глобальную экономику биомедицины в США и Индии. В связи с этим его интересовало влияние гигантских фармацевтических компаний на принятие государственных решений¹. В книге «Фармократия» (2017) он использовал неологизм для объяснения структуры и реализации глобальной гегемонии многонациональной фарминдустрии, сделал это на индийских кейсах: вакцинация 2010 г. и правовые дебаты 2006 г. вокруг патента на онкологические препараты². Раджан убедительно показал, что в обеих ситуациях интересы пациентов находились на далекой периферии дискуссии. Исследователь констатировал сужающийся круг альтернатив против монополизации или корпоратизации Большой фармы. Этот процесс запущен транснациональными евро-американскими компаниями, использующими высокие технологии и открытия.

На европейском континенте вклад в разоблачение растущей власти фармы внесли британские медики-журналисты и аналитики науки³. Одной из самых резонансных стала книга британского врача, участника клинических испытаний, научного журналиста Бена Голдакра. Она вышла в Британии в 2012 г., а затем в США в 2013 году. Аргументы и призывы Бена Голдакра российскому массовому читателю известны по статье в Википедии и двум русскоязычным переводам его книги⁴. Ее перевели либо «Вся правда

¹ *Rajan K.S.* Biocapital: The constitution of postgenomic life. Durham: Duke University Press, 2006.

² *Rajan K.S.* Pharmocracy: Value, Politics and Knowledge in Global Biomedicine. Durham: Duke University Press, 2017.

³ *Goldacre B.* Bad Pharma: How Drug Companies Mislead Doctors and Harm Patients. Fourth Estate, 2012.

⁴ *Голдакр Б.* Вся правда о лекарствах. Мировой заговор фармкомпаний. М.: РИПОЛ классик, 2015.; *Голдакр Б.* Плохие лекарства. Как фармацевтические кампании вводят нас в заблуждение. Расследования и тайны. М.: Рипол-Классик, 2017.

о лекарствах: мировой заговор фармкомпаний», либо «Ложь фармкомпаний: как фармкомпания вводят в заблуждение врачей и наносят вред пациентам»¹.

Голдакр вскрыл латентные механизмы реализации власти фармкомпаний, способы их ухода из-под государственного и социального контроля. Так, писатель поведал, что Большая фарма финансирует клинические испытания, которые должны, по сути, быть проверкой эффективности ее продукции. Соответственно, у компаний появляется возможность влиять на заключение экспертов: устранять вероятность негативных и ускорять позитивные выводы. Фарма подбирает для испытаний нерепрезентативные группы добровольцев (например, бедных китайцев с депрессией для лечения этими препаратами богатых канадцев и американцев). Фирма финансирует лечащих врачей, тем самым оказывая влияние на их выбор лекарств, она же заказывает «независимые» научные публикации. Ситуацию на евро-американском фармрынке Голдакр назвал убийственной и призывал читателей объединиться для защиты от смертоносного произвола.

К тому времени Голдакр был уже широко известен своей разоблачительной книгой “Bad Science” и одноименной колонкой в “Guardian”². Много лет он публиковал там критические статьи об альтернативной медицине, медицинских светилах, журналистских домыслах в отношении здоровья. Еще до коронавирусной эпохи он спровоцировал обсуждение вакцин, писал об отрицании СПИДа, эффекте плацебо, а также манипуляциях медицинской статистикой.

Почти сразу за книгой Голдакра в Британии вышла книга еще одного врача, имеющего опыт работы в фарминдустрии, — Питера К. Гётше. У нее тоже многоговорящее название: «Смертельные лекарства и организованная преступность: как большая фармацевтика испортила здравоохранение»³. Автор рассказывал о коррупционных схемах, рэкрете, утаивании данных для сбыта продукции, о тайнах крупных фармацевтических компаний. Он утверждал, что фармры-

¹ Вся правда л лекарствах: мировой заговор фармкомпаний. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Вся_правда_о_лекарствах:_мировой_заговор_фармкомпаний (дата обращения: 03.03.2022).

² Книга переведена на русский язык: Голдакр Б. Обман в науке. М., 2008.

³ Golzsche P.C. Deadly Medicines and Organized Crime. How Big Pharma has corrupted Healthcare. London: CRC Press, 2013.

нок сегодня регулирует государственные органы, медицинские школы и научную честность, а не наоборот. Гётше сравнил организацию и деятельность фармбизнеса с мировыми криминальными организациями. Автор приводит в книге данные о том, что уплата судебных штрафов в случае разоблачения для крупнейших фармкомпаний — малое зло, поскольку доходы от нарушений и преступлений во много раз выше наказания. Его цифровые данные свидетельствовали об огромной избыточной смертности в мире от бесполезных, а чаще смертоносных лекарств, о ценообразовании лекарств, образованном тратами на взятки, ненужные исследования и маркетинг.

Медийный эффект публикаций Голдакра и Гётше сильно ударил по социальной репутации Большой фармы и сделал проблематичными тихие альянсы с регуляторами. Долгое время Большая фарма не реагировала на журнальные публикации, но после выхода этих книг и широкого резонанса на них Ассоциация британской фармацевтической промышленности уже не могла молчать. В 2012 г. ее представители публично заявили, что описываемые кейсы устранены, что отрасль является одной из самых регулируемых в мире, и что она раскрывает и будет показывать все данные в соответствии с международными стандартами.

Однако обойтись успокоительными заверениями не удалось. Голдакр призвал современников установить социальный контроль над деятельностью Фармы, заставить ее публиковать полные (а не частичные, как было ранее) результаты клинических исследований, делать их открытыми для общественной и научной экспертизы. Его призыв поддержали *Cochrane Collaboration*, *British Medical Journal* и другие медицинские институции. А в 2014 г. к ним присоединился Комитет по государственным счетам Британии, который потребовал от фармкомпаний открытой публикации всех цифр и их обоснования.

Сам Голдакр в 2013 г. был признан *Health Service Journal* ученым, который сделал «больше, чем любой другой человек, чтобы пролить свет на то, как наука и исследования искажаются средствами массовой информации, политиками, шарлатанами, PR и фармацевтической промышленностью».

В России таких резких разоблачений не было, но это не значит, что в отношении фармотрасли или фармрынка здесь нет настороженности и опасений. Может быть, в силу скрытности они более глубинны и латентны. В академическом пространстве эти опасения

трансформировались в попытку создания интеллектуального союза врачей и пациентов, проявились в стремлении растить информированную ответственность у фармпотребителей. В книге профессора, клинического фармаколога Екатерины Елисеевой речь идет не только о лекарствах («лекарствоведении»), но и раскрываются риски для здоровья, создаваемые интересами фармы¹. Призыв автора к читателям состоит в том, чтобы меньше доверять рекламе и советам аптекарей (которые есть часть фармы), но обращаться за советами к врачам, которые являются независимыми и знающими экспертами для действий любых фармкомпаний.

Последняя глава книги посвящена вопросам производства и распространения лекарств в России, меняющимся правилам их регулирования. Об интересах государственных чиновников автор говорит осторожно: они преследуют интересы общественной или национальной пользы и безопасности, но фарма хитрее. «Несмотря на целый ряд федеральных законов и указов, регулирующих продвижение лекарственных средств на фармацевтическом рынке, — пишет Елисеева, — на практике мы видим достаточно много нарушений. Они выражаются в стимулировании потребления определенных наименований лекарств, прямом маркетинге, нарушении закона о рекламе. При этом далеко не все потребители обладают навыками анализа информации, многие доверяют рекламе целиком и полностью»². В этой ситуации автор солидаризуется с регулятором. Ее книга призвана открыть несведущим россиянам латентные интересы производителей лекарств и их продавцов — аптекарей. Даже в названии книги звучит этот оттенок разоблачения.

Покупательский успех данной книги побудил издательство «Бомбора» развивать ревизионистскую линию. С этой целью оно создало книжную серию «Куда катятся таблетки? Книги-инструкции для тех, кто хочет разобраться в мире лекарств».

Если исследователи политики изучают Большую фарму как новую угрозу социальному миропорядку, то исследователи науки и технологий вошли в эту же тему через аналитическое понятие

¹ Елисеева Е.В. Одно лечит, другое калечит. Польза и риски при приеме лекарств, о которых не расскажут в аптеке. М.: Бомбора, 2021.

² Там же. С. 13.

«социотехнологическое воображение». Его предложила американский философ науки Шейла Джазанофф. Речь идет о коллективно удерживаемых, институционализированных, публичных представлениях о желаемом будущем, вдохновленным общим пониманием форм социальной жизни и социального порядка¹. Джазанофф и ее последователей интересует, как национальные границы определяют понимание рисков и безопасности, инноваций и технологий, естественности и искусственности, порождают разные подходы к работе с достижениями биотехнологий². Это вопрос о том, как создаются «карты желаемого будущего», как надежды создают запрос на изобретения и как смена типа научного мышления меняет политический и социальный порядки.

Многочисленные работы Джазанофф восприняты историками науки как своего рода исследовательская программа. Она сформулирована в руководстве по исследованиям науки и технологий (Science and Technology Studies — STS)³. Предполагается, что сетевое изучение технических (интернет, геновая инженерия, фармацевтическая индустрия) и локальных (разные страны) кейсов должно сложиться в динамичную картину глобальных изменений, происходящих в мире под воздействием социотехнологических образов (или «мнимостей»). Во всяком случае, в последние годы появились исследования, в которых авторы попытались обнаружить присутствие такого воображения в экономических траекториях развития разных стран, его влияние на изменения в национальных идентичностях. Ряд таких исследований, вошли в сборник, изданный Джазанофф совместно с С.Х. Ким в 2015 году⁴.

¹ *Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power* / ed. by Sheila Jasanoff and Sang-Hyun Kim. Chicago University Press, 2015.

² *Jasanoff Sh., Sang-Hyun K. Sociotechnical Imaginaries and National Energy Policies // Science as Culture. 2013. No. 22 (2). P. 189–196; Jasanoff Sh. Science and Public Reason. Abingdon, Oxon: Routledge Earthscan, 2012.*

³ *McNeil M., Arribas-Ayllon M., Haran J., Mackenzie A., Tutton R. Conceptualizing Imaginaries of Science, Technology, and Society: The Handbook of Science and Technology Studies. Cambridge: MIT Press, 2016.*

⁴ См., например: *Felt U. Keeping technologies out: Sociotechnical imaginaries and formation of Austria's technopolitical identity // Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power* / ed. by Sheila Jasanoff and Sang-Hyun Kim, Chicago University Press, 2015. P. 104–125.

Российский кейс разработан и в 2020 г. представлен в книге социолога, доцента кафедры здоровья, этики и общества университета в Маастрихте Ольги Звонаревой¹. Она выросла в России, училась в Германии, работала в Южной Африке, сейчас является научным сотрудником в Нидерландах, а также в Томском национальном исследовательском университете и Сибирском государственном медицинском университете. «Опираясь на понятия социотехнологического воображения, — обещала читателям исследовательница, — в этой книге я анализирую, как политическая культура работает над формированием правил, целей и траекторий инноваций в области лекарственных средств, которые одновременно описывают и предписывают национальное будущее России»². То есть она связала производство лекарств с социальными надеждами, политиками и нациостроительством в советской и пост-советской России. Рамки исследовательской программы предопределили ее интерес к технологиям и фармпроизводствам как результату социальных («гражданские эпистемологии» в версии Ш. Джазанофф) и политических соглашений и «воображений».

Звонарева и рецензент ее книги Ирина Сироткина солидарны в том, что российская фарма — идеальный кейс для изучения различий между государственно управляемой и рыночной фармой³. Звонарева описывает частный бизнес как продукт неолиберальных реформ 1990-х гг., результат намеренного отказа правительства Б.Н. Ельцина от управления этой отраслью. При этом ее интересует, что осталось в России государственно контролируемым, а что стало рыночным. Сконцентрировавшись на связи между биотехнологическими «множествами» и их реализацией, автор сузила круг исследуемых агентов до государственных чиновников и фармпроизводителей. Эта установка исключила из поля исследования других участников фармпolitik — врачей, аптекарей, фармдистрибьюторов, пациентов. Их игнорирование сильно обедняет историю российской фармы и делает непонятным истоки ее социального образа.

¹ Zvonareva O. *Pharma politics in Russia: Making Drugs and Rebuilding the Nation*. Albany, New York: SUNY Press, 2020.

² Ibid. P. 29.

³ Sirotkina I. Book review: Zvonareva O. *Pharma politics in Russia: Making Drugs and Rebuilding the Nation* // *European Journal for the History of Medicine and Health*. 2021. P. 1–4.

Итак, из многообразия явлений и агентов «мира лекарств» автор выбрала для изучения самую прозрачную — наиболее регулируемую и хорошо документированную его часть: производство лекарственных средств. За пределами внимания остались более хаотичные и слабо зафиксированные в текстах явления, которые определяли инфраструктуру фармацевтического рынка: закупки, хранение, транспортировка, номенклатура, розничная торговля медикаментами. Это и понятно, учитывая поставленную исследовательскую цель и состояние исторических источников. С одной стороны, в этой области фармрынка трудно уловить национальную специфику в биотехнологическом воображении. С другой стороны, здесь дефицит свидетельств: никто не побуждал владельцев частных предприятий в 1990–2000-е гг. документировать свои намерения и решения и затем хранить эти записи. И даже если бы они делали это, у них не было шансов попасть в государственные архивохранилища.

Но после выхода книги О.И. Звонарева перешла к истории клинических исследований. И это уже другая история. В 2020–2021 гг. в научной прессе появились результаты международного коллективного проекта с ее участием. Они сенсационны. В советское время и даже сейчас ведомственные историки медицины утверждали и утверждают образцовый характер исследований и биоэтики российской фармацевтики¹. Пристальное изучение лабораторных и испытательных практик заставило участников коллективного проекта усомниться в этой радужной картине². На примерах томских испытаний нескольких

¹ История создания и развития контрольно-разрешительной системы лекарственных средств в России (25 лет со времени создания первого государственного учреждения по экспертной оценке лекарственных средств) / В.К. Лепяхин, Ю.В. Олефир, В.А. Меркулов, Н.Д. Бунятян, Б.К. Романов, А.Н. Яворской, Е.М. Рычихина // *Ведомости НЦЗ СМП*. М.: Научный центр экспертизы средств медицинского применения, 2016. № 1. С. 3–10.

² Chirkova A., Petrenko A., Vasilyev P. Testing Meldonium: Assessing Soviet pragmatic alternatives to the randomized controlled trial // *Clinical Trials: Journal of the Society for Clinical Trials*. 2021. P. 1–8; Петренко А.Н., Васильев П.А., Марцевич С.Ю., Кутышенко Н.П., Звонарева О.И. Регистрация лекарственных средств в советской контрольно-разрешительной системе на примере кардиологического лекарственного препарата Тринитролонг. *Рациональная фармакотерапия в кардиологии*. 2021. № 17(1). С. 133–139; Vasilyev P.A., Zvonareva O.I., Petrenko A.N. *Clinical Trials of Rhodiola rosea in Tomsk in the Late Soviet Period* // *Вестник СПбГУ. История*. 2020. Т. 65. № 3. С. 814–825.

лекарственных препаратов они показали отход от провозглашенных правил: использование рандомных групп, несоблюдение этических стандартов. Это, как всегда, не исключало научных открытий и ошеломляющих прорывов в области вакцин и отдельных препаратов. И тем не менее. Рассматривая изменения в советской системе тестирования лекарств, историки пришли к выводу, что она эволюционировала в сторону деградации, и к концу XX века «патерналистский» этос в клинических исследованиях стал практически абсолютным¹.

Итак, исследовательское поле истории российской фармы (и государственной и частной) пока весьма разряженное и фрагментарное. Оно не имеет ни равномерной плотности, ни навигации, и населяется публикациями лишь после подведения итогов аналитических компаний, или в преддверии юбилеев, а также вследствие редких заходов сюда социальных историков и историков науки. В итоге, на данный момент письменное прошлое российского фармрынка представлено автобиографиями успешных бизнесменов и чиновников регуляторной сферы, политической историей фармпроизводства и пулом статей, породивших сомнения в том, что история регуляторных намерений совпадала с историей практик. Эти сомнения в российских читателях и аналитиках усиливаются знакомством с критическими исследованиями мировой *Big Pharma*, попытками сопоставления. Очевидно, историкам российской медицины предстоит ответить на вопрос, является ли уникальность исторического пути залогом уникальности российской фармацевтики?

БИБЛИОГРАФИЯ

- Балашов А.И.* Формирование механизма устойчивого развития фармотрасли: теория и методология. СПб.: Изд-во СПбГУ экономики и финансов, 2012.
- Вся правда о лекарствах: мировой заговор фармкомпаний. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Вся_правда_о_лекарствах:_мировой_заговор_фармкомпаний (дата обращения: 03.03.2022).
- Голдакр Б.* Плохие лекарства. Как фармацевтические кампании вводят нас в заблуждение. Расследования и тайны. М.: Рипол-Классик, 2017.

¹ *Vasilyev P.A., Zvonareva O.I., Petrenko A.N.* Clinical Trials of *Rhodiola rosea* in Tomsk in the Late Soviet Period // Вестник СПбГУ. История. 2020. Т. 65. № 3. С. 814–825.

- Голдакр Б.* Вся правда о лекарствах. Мировой заговор фармкомпаний. М.: РИПОЛ классик, 2015.
- Голдакр Б.* Обман в науке. М., 2008.
- Дэвидсен Й.* «Когда происходит коллапс, те, у кого нет понимания рынка, уходят, а другие — переживают и восстанавливаются» // Таблетированная фирма / сост. и ред. Дмитрий Кряжев. М., 2020.
- Елисеева Е.В.* Одно лечит, другое калечит. Польза и риски при приеме лекарств, о которых не расскажут в аптеке. М.: Бомбора, 2021.
- История создания и развития контрольно-разрешительной системы лекарственных средств в России (25 лет со времени создания первого государственного учреждения по экспертной оценке лекарственных средств) / В.К. Лепехин, Ю.В. Олефир, В.А. Меркулов, Н.Д. Бунятян, Б.К. Романов, А.Н. Яворской, Е.М. Рычихина // Ведомости НЦЗ СМП. М.: Научный центр экспертизы средств медицинского применения, 2016. № 1. С. 3–10.
- Лин А.А., Соколова С.В.* Фармацевтический рынок: фундаментальные особенности. Статья 1, ч. 1 // Проблемы современной экономики. 2012. № 2. С. 372–376.
- Лин А.А., Соколов Б.И., Слепнев Д.М.* Фармацевтический рынок: производство лекарственных средств в России // Проблемы современной экономики. 2013. № 1 (45). С. 191–194.
- Лин А.А., Соколова С.В.* Фармацевтический рынок: фундаментальные особенности. Статья 1, ч. 2 // Проблемы современной экономики. 2012. № 3. С. 322–326.
- Лин А.А., Соколова С.В., Орлов А.С.* Фармацевтический рынок: госпитальный сегмент // Проблемы современной экономики. 2014. № 1 (49). С. 224–229.
- Лин А.А., Соколова С.В., Терехов М.Е.* Фармацевтический рынок: коммерческий розничный сектор // Проблемы современной экономики. 2013. № 3 (47). С. 378–382.
- Новейшая история российского фармацевтического рынка: обобщенный аналитический опыт кампании Фармэкспорт. М., 2006.
- Петренко А.Н., Васильев П.А., Марцевич С.Ю., Кутишенко Н.П., Звонарева О.И.* Регистрация лекарственных средств в советской контрольно-разрешительной системе на примере кардиологического лекарственного препарата Тринитролонг. Рациональная фармакотерапия в кардиологии. 2021. № 17(1). С. 133–139.
- Соколов Б.И., Лин А.А., Орлов А.С.* Фармацевтический рынок: структурные особенности в России // Проблемы современной экономики. 2012. № 4 (44). С. 336–341.
- Соколов Б.И., Лин А.А., Орлов Б.С.* Фармацевтический рынок: зарубежный опыт референтного ценообразования // Проблемы современной экономики. 2016. № 3(59). С. 189–192.
- Соколов Б.И., Лин А.А., Терехов М.Е.* Фармацевтический рынок: оптовое звено // Проблемы современной экономики. 2013. № 2 (46). С. 267–270.

- Соколова С.В., Орлов А.С., Румянцева М.С. Фармацевтический рынок: государственные закупки лекарственных препаратов // Проблемы современной экономики. 2013. № 4 (48). С. 345–349.
- Таблетированная фирма / сост. и ред. Дмитрий Кряжев. М., 2020.
- Carpenter D.P. Reputation and Power: Organizational Image and Pharmaceutical Regulation at the FDA. Princeton Studies in American Politics. Princeton: PUP, 2010.
- Chirkova A., Petrenko A., Vasilyev P. Testing Meldonium: Assessing Soviet pragmatic alternatives to the randomized controlled trial // Clinical Trials: Journal of the Society for Clinical Trials. 2021. P. 1–8.
- Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power / ed. by Sheila Jasanoff and Sang-Hyun Kim. Chicago University Press, 2015.
- Felt U. Keeping technologies out: Sociotechnical imaginaries and formation of Austria's technopolitical identity // Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power / ed. by Sheila Jasanoff and Sang-Hyun Kim, Chicago University Press, 2015. P. 104–125.
- Goldacre B. Bad Pharma: How Drug Companies Mislead Doctors and Harm Patients. Fourth Estate, 2012.
- Golzsche P.C. Deadly Medicines and Organized Crime. How Big Pharma has corrupted Healthcare. London: CRC Press, 2013.
- Jasanoff Sh. Science and Public Reason. Abingdon, Oxon: Routledge Earthscan, 2012.
- Jasanoff Sh., Sang-Hyun K. Sociotechnical Imaginaries and National Energy Policies // Science as Culture. 2013. No. 22(2). P. 189–196.
- Law J. Big Pharma: How the World's Biggest Drug Companies Control Illness. London: Constable and Robinson Ltd., 2006.
- McNeil M., Arribas-Ayllon M., Haran J., Mackenzie A., Tutton R. Conceptualizing Imaginaries of Science, Technology, and Society: The Handbook of Science and Technology Studies. Cambridge: MIT Press, 2016.
- Rajan K.S. Biocapital: The constitution of postgenomic life. Durham: Duke University Press, 2006.
- Rajan K.S. Pharmocracy: Value, Politics and Knowledge in Global Biomedicine. Durham: Duke University Press, 2017.
- Sirotkina I. Book rewire: Zvonareva O. Pharma politics in Russia: Making Drugs and Rebuilding the Nation // European Journal for the History of Medicine and Health. 2021. P. 1–4.
- Szasz Th. Pharmocracy: medicine and politics in America. Westport, Conn.: Praeger, 2001.
- Vasilyev P.A., Zvonareva O.I., Petrenko A.N. Clinical Trials of Rhodiola rosea in Tomsk in the Late Soviet Period // Вестник СПбГУ. История. 2020. Т. 65. № 3. С. 814–825.
- Zvonareva O. Pharma politics in Russia: Making Drugs and Rebuilding the Nation. Albany, New York: SUNY Press, 2020.

Т.А. Тоштендаль-Сальчева

ВЕЛИКАЯ СЕВЕРНАЯ ВОЙНА: СОЗДАНИЕ ПОПУЛЯРНОЙ ИСТОРИИ В ШВЕЦИИ

Популярная история, на первый взгляд, может показаться легким для понимания предметом, однако ему не так просто дать однозначное, исчерпывающее определение, т. к. у нее существуют много общих черт со смежными с ней историческими жанрами. К таким, например, относятся биографии. Биографический метод, обогащенный принципами микроистории, вне всякого сомнения, остается одним из главных подходов для авторов, пишущих в жанре популярной истории. Работы обзорного характера часто тоже носят популярный характер, т. к. их задачей является не проведение научного исследования, а сжатое и систематизированное представление знания. Общие моменты в практике подачи материала у популярной истории есть и с жанром эссе. И в первом, и во втором случае предполагается, что работа должна быть написана легким и максимально приближенным к художественной литературе языком. Популярный жанр также допускает, что текст может принадлежать не только перу профессионального историка и, наконец, тематика такой работы, как правило, не представляет интерес с точки зрения академической научной перспективы. «Популярные исторические труды могут быть написаны как в форме исследования, так и в виде обзора или синтеза. Когда академическое исследование становится известно широкой аудитории, чаще всего это происходит в форме эссе или популярно-исторических трудов», — пишут uppsальские историки Андерс Флорен и Хенрик Огрен в учебнике по теории и методам исторического исследования¹.

На отличие работы ученого от писателя художественной литературы указывает прошедший горнило uppsальской исторической школы Петер Энглунд. Он подчеркивает, что по форме эти труды

¹ Florén A., Ågren H. Historiska undersökningar. Grunden i historisk teori, metod och framställningar. Lund. Studentlitteratur, 1998. S. 12.

очень похожи, но писатель может и даже должен домысливать, а историк обязан признать нехватку источников и оставить в этом случае проблему нерешенной, ибо «там, где нет источников, нечего и сказать»¹. Выдающийся российский историк Лорина Петровна Репина, напротив, обращает внимание на историческое воображение и интуицию, которые сближают историка и романиста².

В данной статье предлагается краткий обзор творчества шведских историков, снискавших читательское признание своими трудами в жанре популярной истории. Подробному рассмотрению подвергаются книги Петера Энглунда и Магнуса Вэстербру о событиях и действующих лицах Великой Северной войны 1700–1721 годов.

Зарождение и развитие популярно-исторической традиции в Швеции

Одним из первых создателей популярной истории в Швеции можно считать **Андерса Фрюкселля (Anders Fryxell, 1795–1881)**, считавшегося аутсайдером в историческом цехе. Он успел поработать школьным учителем, церковным пастором, избегал политических поручений и высоких постов в церковной иерархии и даже не захотел стать епископом. В 1833 г. получил звание профессора, а в 1840-ом был избран в Шведскую академию. Фрюкселль получил известность как автор «Рассказов из шведской истории», написанных в 1823–1879 годах и опубликованных в сорока шести томах.

Работу по написанию рассказов Фрюкселль закончил за два года до смерти. Им двигало желание довести до неискушенного читателя перипетии шведской истории, излагая фактический материал доступным языком. Поначалу он избрал в качестве способа представления истории биографический подход, хорошо понятный даже детям. Именно стиль Фрюкселля, по мнению Рольфа Тоштендала, отличал его от крупных историков, творивших с ним

¹ Minnet av Poltava. Ögonvittnesskildringar från Karl XII:s ryska fälttåg. I urval och med förord av Peter Englund. Stockholm. Atlantis, 1998. S. 14.

² Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальная теория и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 316.

в одно время¹. Однако постепенно у Фрюкселля развился вкус к серьезной работе с источниками — в «Рассказах» стали появляться ссылки на архивный материал, а с середины 1830-х гг. он даже приступил к написанию всеохватывающей истории Швеции. Хотя, следует отметить, что история и развитие государства автора совсем не интересовали.

Тем не менее, начав с создания популярной истории Швеции, понятной всем и прежде всего молодежи, Фрюкселль занял достойное место среди профессионального сообщества шведских историков.

В первой половине XX века значительную известность среди популяризаторов шведской истории получил **Карл Гримберг (Carl Grimberg, 1875–1941)**. В 1906 г., спустя три года после защиты диссертации, он получил звание доцента Гётеборгской высшей школы, а с 1908 г. возглавил литературный отдел в крупнейшем шведском издательстве *P.A. Norstedt och Söner*. Гримберг вошел в историю как автор одиннадцатитомных произведений «Необыкновенные приключения шведского народа» (*Svenska folkets underbara öden*) и «Всемирная история» (*Världshistoria*), последний том которой был дописан уже после кончины автора.

«Приключения», как их сокращенно называли, принесли самый громкий успех издательству, тиражи отдельных томов достигали ста тысяч экземпляров, что способствовало росту благосостояния автора, который стал миллионером. С точки зрения академической науки, в трудах Гримберга имелось немало слабых сторон: не всегда можно было уловить логику изложения материала, текст был зачастую фрагментарен и напоминал сборник разнообразных историй, в работах историка содержалось множество неоткомментированных цитат из источников, а также длинные пассажи из стихотворных произведений, в частности из поэзии Рунеберга. И все же популярность автора была очень велика. Как пишет Ярл Турбакке в книге «Шведские историки от Средневековья до наших дней»: «Гримберг, наверное, был самым известным историком своего времени, возможно, наиболее широко известным, кого когда-либо знала Швеция»².

¹ *Torstendahl R.* En outsider historikerskrået // Svenska historiker från medeltid till våra dagar / red. Ragnar Björk, Alf W. Johansson. Stockholm. Nordstedts. 2009. S. 192.

² *Torbacke J.* “Ödenas” författare // Svenska historiker från medeltid till våra dagar / red. Ragnar Björk, Alf W. Johansson). Stockholm. Norstedts, 2009. S. 378.

Он отмечает легендарную работоспособность Гримберга и его легкий, близкий к разговорному языку стиль.

Ингвар Андерссон (Ingvar Andersson, 1899–1974), ставший со временем Главным архивариусом Швеции и членом Шведской академии, известен не только в Швеции, но и в России, благодаря переведенной в 1951 г. на русский язык «Истории Швеции»¹. После защиты докторской диссертации Андерссон оставил тематику средневековья и сосредоточился на шведской истории XVI века. Как пишет Ларс Эриксон Вольке в статье «Ученый-медиевист, выдающийся популяризатор»: «Ингвар Андерссон начал свой путь исследователя из круга лундских вейбуллианцев с их критикой источника, но позже оставил академическую карьеру. Вместо этого он стал одним из наиболее читаемых историков Швеции XX века, писавшим в жанре популярной истории»².

Андерссон продолжил традицию сочинения биографических работ. Он обладал ярким талантом, и его книга о старшем сыне основателя шведской династии Васа представляет собой одну из лучших работ биографического жанра. Уже во введении к биографии Эрика XIV Ингвар Андерссон поставил перед собой задачу «реконструировать образ человека из прошлого». Хотя автор специально не обсуждал проблему доказательности фактов, он, тем не менее, оговаривал каждый вывод, увязывая его с поведением своего героя. Несмотря на работу в жанре популярной истории, его приверженность научности составляло визитную карточку этого историка.

Выдающийся историк **Эрик Лённрот (Erik Lönnroth (1910–2002))**, как и Андерссон, тоже принадлежал к школе братьев Вейбуллей. Защитив в двадцать три года диссертацию по истории Кальмарской унии (Sverige och Kalmarunionen 1397–1457), Лённрот сначала работал доцентом в Гётеборге, а в 1942 г., когда ему едва исполнилось 32 года, получил место профессора в Уппсале, где он оставался до 1953 года. Затем, вплоть до ухода в 1977 г. на пенсию, занимал ту же должность в университете Гётеборга.

¹ Andersson I. Sveriges historia. Stockholm, 1943.

² Ericson Wolke L. Lörd medeltidshistoriker, framstående popularisator // Svenska historiker från medeltid till våra dagar / red. Ragnar Björk, Alf W. Johansson). Stockholm: Norstedts, 2009. S. 497.

Карьера Лённрута была яркой, стремительной и во всех отношениях блестящей. Он отличался от других историков своим литературным дарованием и тонким стилем. Особенно ему удавались произведения небольшого формата — статьи, эссе, заметки. Его искусство четких и элегантных формулировок сделали его популярным автором в разделе культуры на страницах крупнейшей утренней газеты Швеции *Dagens Nyheter*.

Особенно интересна по форме и оригинальна по содержанию его книга о короле-артисте, авторе пьес и вообще большом поклоннике искусств — Густаве III¹, трагическая судьба которого вдохновила Джузеппе Верди на сочинение оперы «Бал-маскарад». Ведь именно на балу в так любимой им опере шведский король был убит заговорщиками. Эта работа Лённрута привлекла внимание своим психологическим толкованием действий короля и анализом влияния его матери — королевы Лувисы Ульрики — на развитие личности Густава.

В 1962 г. Эрик Лённрот за свои заслуги был избран в Шведскую академию. Кроме этого, он был членом 13 ученых обществ и академий, входил в правительственные комиссии и помимо научных трудов по истории сочинял стихи и песни, публиковал эссе и дорожные заметки. Как написал о Лённруте Петер Энглунд, «его единственным ограничением была нехватка ограничений»².

Ханс Виллиус (Hans Villius, 1923–2012) получил классическое историческое образование в стенах Уппсальского (учился у Ларса Лённрута) и Лундского (у Стуре Булина) университетов. В 1951 г. он защитил докторскую диссертацию и опубликовал книгу «Русский поход Карла XII: изучение источников»³, в которой показал себя истинным вейбуллианцем. После защиты Виллиус шесть лет работал доцентом на историческом факультете Лунда, позже, в 1966 г. получил звание профессора.

¹ Lönnroth E. Den stora rollen. Kung Gustaf III spelad av honom själv. Stockholm. Norstedts. 1986. Книга была переведена на русский: Лённрот Э. Великая роль. Король Густав III, играющий самого себя / пер. Ю.Н. Беспятых. СПб: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999.

² Englund P. Fixstjärna i svensk historieforskning // Svenska historiker från medeltid till våra dagar / red. Ragnar Björk, Alf W. Johansson. Stockholm. Nordstedts, 2009. S. 579.

³ Villius H. Karl XII:s ryska fälttåg: Källstudier. Lund: C.W.K. Gleerup, 1951.

Начавшаяся успешно карьера профессионального академического историка и педагога получила совсем неожиданное развитие. После чтения лекций по истории на радио (Радиослужба, переименованная позже в Шведское радио — SR) Виллиус в 1957 г. был приглашен туда на работу, где с 1963 г. возглавлял культурную редакцию.

В 1966 г. началась долгая телевизионная эпопея Виллиуса, которая продлилась до 1996 г. На телевидении (SVT) он свел дружбу с Улле Хэгером (Olle Häger, 1935–2014), который был писателем, документалистом и в арсенале которого имелось историческое образование. Вместе они сделали сотни документальных программ, исторических фильмов различной длительности и по разнообразной тематике. Сотрудничество продлилось более 30 лет. Хэгер продюсировал, Виллиус писал сценарии, режиссировал, читал закадровый текст. Его всеми узнаваемый голос стал самостоятельным понятием. Давид Людвигссон в диссертационном исследовании «Дилемма создателей фильмов по истории. Историческая документалистика в Швеции в эпоху Хэгера и Виллиуса», пишет, что голос Виллиуса олицетворял «голос истории»¹. Совместная работа Виллиуса и Хэгера снижала широкую популярность, и в 1986 г. им была присуждена Большая премия в области журналистики. Творчество этих людей стало ярким примером того, как можно делать популярную историю независимой, интересной и необходимой для широкой публики.

Популярная истории Швеции в книгах Петера Энглунда и Магнуса Вэстербру

Петер Энглунд (Peter Englund, р. 1957) из города Буден на севере Швеции изучал историю, археологию и теоретическую философию в Уппсальском университете. В 2002 г. он стал чле-

¹ Ludvigsson D. The Historian-Filmmaker's Dilemma. Historical Documentaries in Sweden in the Era of Häger and Villius. Uppsala: Studia Historica Upsaliensia 210, 2003. P. 122.

ном Шведской Академии¹, в которой занял кресло под номером 18, освободившееся после смерти Эрика Лённрута. С 1 июня 2009 г. по 31 мая 2015 г. Энглунд к тому же был постоянным секретарем Шведской Академии.

В докторантуре исторической кафедры Уппсальского университета под руководством профессора Рольфа Тоштендаля Энглунд подготовил к защите диссертацию по идеологии шведского дворянства XVII века. Написанный по теме диссертации труд «Ветхий дом. Представления дворянства об обществе периода великодержавия» был опубликован в 1989 г.²

Однако за год до защиты, в 1988 г., свет увидела первая книга Петера Энглунда, сочиненная им еще летом 1985 г.: «Полтава: рассказ о гибели одной армии». Публикация сразу же сделала ее автора знаменитым. «Очаровывающая, шокирующая и в высшей степени достойная прочтения книга», — написал Йоран Хэгг в газете *Aftonbladet*. На страницах самой крупной утренней газеты *Dagens Nyheter* ему кратко вторил Карл Эрик Лагерлёф: «Сильная книга». «Он владеет искусством рассказа», — утверждала Лотти Мулунд из «*Expressen*». «Неслыханно хорошо написанная... книга-дебют», — высказался по первому каналу радио Ханс Виллиус. И, наконец, оценка Ральфа Херрманса в газете *Norrbottnens Kuriren*: «Вероятно, наиболее совершенная работа в жанре популярной истории по-шведски»³. «Полтава» была переведена на несколько языков, в том числе на русский⁴.

Книга Петера Энглунда рассказывает о Полтавском сражении и гибели армии Карла XII, а значит, о начале конца шведского великодержавия. По словам автора из предисловия к русскому изданию, «поражения нередко представляют едва ли не бóльший интерес, чем

¹ Шведская Академия (Svenska Akademien) была основана Густавом III 20 марта 1786 г. с целью содействия развитию литературы.

² Englund P. Det hotade huset. Adliga föreställningar om samhället under stormaktstiden. Stockholm: Atlantis, 1989. 344 s.

³ Цитаты взяты с суперобложки книги: Englund P. Poltava: berättelsen om en armés undergång. Stockholm, Atlantis, 1988. 276 s.

⁴ Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии / пер. со швед. С. Белокриницкой, Т. Доброницкой; прим. В. Артамонова. М.: НЛО, 1995. 2-е изд. М.: НЛО, 2009. 352 с.

победы». Конкретно битва под Полтавой «обернулась для шведов катастрофой», однако, как пишет Энглунд, «одна из дорог, приведших к сегодняшнему богатству и преуспеванию Швеции, брала начало именно там, на равнине под Полтавой»¹.

Как указывает Энглунд, строительство здания шведского великодержавия, начавшееся еще в 1561 г., миновало наступательный период в 1660–1661 гг. и вступило в фазу упрочения, «когда шведское государство, подобно удаву, улеглось поудобнее, чтобы в тишине и покое переварить проглоченную добычу. Началось время укрепления и защиты завоеванных земель, которое, как оказалось, продлилось целый век»². Автор дискутирует вопрос о движущих силах завоевательной политики Швеции и однозначно высказывается в пользу совокупности экономических и внутривнутриполитических причин. Рассуждая о феодальном и капиталистическом типах развития, Энглунд приходит к выводу, сформулированному им весьма образно: «Типичное место для конкуренции в капиталистической системе находится внутри экономики, внутри рынка; обычное место феодальной конкуренции — поле сражения, а обычной средстве конкуренции — шпага»³.

Рассказывая о Полтавском сражении, Петер Энглунд не преминул дать блестящий пример функционирования шведской правовой системы XVIII в. Генерал-майор Лагеркруна на поле боя отобрал у денщика коня капитана Карла Строкирха, а через 22 года генерал проиграл иск, поданный вернувшимся из русского плена Строкирхом. Лагеркруна был осужден за конокрадство Стокгольмским судом низшей инстанции и выплатил потерпевшему капитану значительную сумму денег⁴.

Представляет интерес необычный пример демократии, который Энглунд нашел в источниках: генерал Адам Людвиг Левенхаупт для принятия решения о том продолжать ли сопротивление, несмотря на истощившиеся ресурсы войска, или сдаться в плен, обратился

¹ Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. С. 7–8.

² Там же. С. 24.

³ Там же. С. 27.

⁴ Там же. С. 233.

к солдатам. По результатам полученных ответов Левенхаупт принял решение не жертвовать жизнями людей и сложить оружие¹.

Через десять лет после выхода «Полтавы» Энглунд признался в том, что аналитические процедуры при многолетней работе над диссертацией, «аскетический процесс анализа идеологий и идей» вызвали у него *желание попробовать себя в жанре рассказа*, используя источники на языке XVII века (курсив мой — Т. Т.-С.). Он сообщает, что еще в студенческие годы к нему пришло осознание того, что в работах академических историков ему не хватало «голосов простых людей». Энглунд пишет о том, что абстрактные понятия делают саму историю малопонятной: «В процессе преподавания истории нередко приходит ощущение парения на высоте 15 тысяч метров над поверхностью земли, на той высоте, откуда, конечно, видны очертания континентов и изгибы горных хребтов, но нельзя увидеть людей, невозможно представить ни одного лица и где все сводится к факторам и статистике». Энглунд понимает необходимость обоих подходов и признает важность абстракции в истории, но одновременно призывает не лишать историю голосов и судеб отдельных людей, ибо без этого, по его мнению, она станет «плоской, пустой и холодной». Он ссылается на авторитет отца шведской историографии Эрика Густава Гейера (Erik Gustaf Geijer, 1783–1847) указывавшего на важность «не отделять скелет истории от ее мяса и костей»².

С первых страниц «Полтавы» Энглунд, используя в равной мере арсенал профессионального историка и природный дар литератора, пишет не только интересно, но и красиво. При чтении некоторых пассажей у читателя невольно возникают ассоциации с бессмертным произведением Льва Толстого «Война и мир»: «Звук выстрела, как кровавый след, пробежал по местности: мимо маленьких глиняных мазанок на опушке Яковецкого леса, по мягким волнам тронутой туманом равнины, вниз к немым шведским войскам». А вот завершающие главу слова: «Окончательное решение было принято. Было ровно четыре часа утра, и рассветное небо рдело. День обещал быть погожим»³.

¹ Там же. С. 304.

² Minnet av Poltava. S. 10, 11.

³ Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. С. 101, 109.

Энглунд образно описывает армии обеих сторон, «играя» цветами их военной формы: «тонкая синяя линия» — о шведах и «плотная зеленая стена» — об армии Петра. Он использует приемы художественного письма при рассказе о гибели солдат шведской армии: «В стоящей перед шведами зеленой стене обнаружилось движение. Первые шеренги русских опустились на колени. Мушкеты были взяты на изготовку. Шведские солдаты, идя через вонючую пороховую гарь, прибавили шагу. Последний отрезок они бежали, бежали прямо в вечность»¹.

Автор «Полтавы», желая подчеркнуть «суровую красоту» военного искусства, опирается на литературно-художественный арсенал и находит порой парадоксальные, но вместе с тем убедительные сравнения и метафоры: «стальные зрачки мушкетных дул». Или другой пассаж: «Земля вдали шевелилась, словно живая, — это корчились в судорогах и боли бесчисленные раненые, изодранным ковром покрывавшие землю»². «Вам может показаться надуманным сравнение боевого порядка с произведением искусства, — пишет Энглунд, — однако в начале XVIII века он действительно напоминал балет — как по своей пластике, так и по драматизму». И добавляет: «балетное представление на ратном поле давалось не в тишине, а под неумолкаемый музыкальный аккомпанемент»³. Из других методов художественной прозы Энглунд удачно применяет диалог, его герои часто говорят друг с другом.

Петер Энглунд психологически точно и художественно интересно дает портреты своих героев, начиная с Карла XII: «...молодой человек 27 лет с высоким лбом, большим носом, полными губами и повелительным видом, король милостью Божией, привыкший повелевать и привыкший, чтобы ему повиновались...»⁴.

Фельдмаршал Реншфельд, которому из-за ранения короля предстояло быть главнокомандующим в предстоящей битве, так появляется перед читателем: «Карл Густав Реншфельд был бесцветный блондин с повелительной внешностью: заостренный нос, маленький рот и холодный взгляд. Умелый и бывалый военный, сурово и усердно

¹ Там же. С. 193, 206.

² Там же. С. 237, 259.

³ Там же, С. 181, 182.

⁴ Там же. С. 22.

служащий королю и короне, сдержанный, сильный, холерического темперамента. По отношению к сослуживцам и подчиненным выказывал недружелюбное высокомерие»¹.

Используя весь арсенал профессиональных знаний историка, обрисовав геополитическую обстановку и высказавшись по поводу причин войны, которую вел шведский король — прямое следствие политики великодержавия, Энглунд уже с тридцать девятой страницы «Полтавы» приступает к собственно «рассказу». И главным источником повествования выступают дневниковые записи и заметки участников Полтавского сражения.

Необходимо отметить, что Петер Энглунд был в первых рядах, если не самый первый, кто, следуя примеру французских историков школы «Анналов», стал использовать подобные источники и на их основе писать микроисторию. Типичным для Энглунда было привлечение личных записей, которые вели не только офицеры, но и рядовые шведской армии. Грамотность в стране была на высоком уровне, а отсутствие конъюнктурности в заметках простых людей была очевидной. Из писем, заметок и дневников автор добывает подробные биографические данные героев своего произведения.

Вместо нудного перечисления мер по подготовке к бою, вживаясь в обстоятельства этого процесса и мастерски рисуя обстановку, Петер Энглунд умудрился сделать захватывающий детективный рассказ: «Около одиннадцати часов спящих разбудили. Призыв разорвал тишину, передаваясь над головами еще не совсем проснувшихся солдат: “Подъем, подъем, выступаем”»².

Вся профессиональная выучка автора «Полтавы» четко прослеживается в скромных по объему заключительных разделах книги, посвященных источникам и литературе. Автор сразу заявляет, что написал историческую работу «с минимальным научным аппаратом» и без цели «создать традиционный научный труд», т. е., по признанию Энглунда, он показывает «готовое здание», оставляя в тайне процесс строительства»³. Именно этими словами

¹ Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. С. 82.

² Там же. С. 89.

³ Там же. С. 321.

определяется жанр книги — популярно-исторический. В завершающей части своей работы он занимается той самой «критикой источников», которую провозгласили в первой трети XX века братья Лауриц и Курт Вейбулли¹. Из этого раздела мы узнаем, что в перечень литературы вошли лишь те работы, которыми пользовался автор, Энглунд представляет эти исследования и дает их краткий историографический разбор. Например, труд Х.Э. Уддгрена о судьбе одного из каролинов — Хуго Юхана Хамильтона он критикует за свойственную многим биографиям «банальную апологию», а книгу Франса Бенгтссона о Карле XII, напротив, признает «самой блестящей биографией, когда-нибудь созданной на шведском языке», одновременно все же отмечая и недостатки этой работы².

Автор наверняка побывал в тех местах, где сражались воины Карла XII, иначе ему не удалось бы столь достоверно представить все детали военной эпопеи. Ссылаясь на авторитет Стендаля, говорившего, что только в деталях вся правда и подлинность, Энглунд с удивлением, обращенным в адрес тех, кто спрашивал, что является правдой, а что вымыслом в его книге «Полтава», пишет: «Я был несколько шокирован. Все было именно правдой! Ибо какой тогда вообще смысл? Автор с “восторгом филателиста” собирал “тривиальные сведения” типа: “неприятный запах пороха”, “серая лошадь Реншёльда”». «Но я также знал, — продолжает Энглунд, — что детали не были самоцелью, они были пока тонкой, но яркой нитью для изготовления основной ткани»³.

Тема судьбы каждого воина армии Карла XII не отпускала автора «Полтавы», и через десять лет после написания книги Энглунд вновь обратился к источникам личного характера участников Полтавского сражения, а в 1998 г. были опубликованы жизненные описания и дневниковые записи пяти свидетелей тех

¹ На странице 326 переводчиком была сделана ошибка — вместо слов Энглунда: «строгая критика источников школы Вейбуллей» было написано о критической школе Лаурица Вейбулля. В перевод также закралась еще одна досадная ошибка: на странице 100 должность Пипера переведена словами «премьер-министр», что вообще недопустимо для эпохи до XIX века. Используемое Энглундом звание «первый министр» могло просто указывать и на высокий политический пост, а также использоваться в значении «посол».

² Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. С. 335.

³ Minnet av Poltava. S. 9.

трагических для шведского воинства событий: «Память о Полтаве. Свидетельства русского похода Карла XII. Подбор материалов и предисловие Петера Энглунда»¹. Выбор пал на людей невысокого звания, ибо, по мнению Энглунда, такого рода документы были не столь тенденциозны и меньше подвергались самоцензуре. Эту книгу Энглунд назвал «спутником» «Полтавы». Ссылаясь на не строго научные задачи этой публикации, он доводит до сведения читателей, что для облегчения процесса чтения издательство предприняло усилия по адаптации текстов, написанных в первой половине XVIII века.

Другие исследования и эссеистические сборники Петера Энглунда главным образом затрагивали проблемы войны и мира в Швеции и Европе, а также такие острые сюжеты XX в., как мировые войны, нацизм и сталинизм. Есть работы, в которых автор предстает и как исследователь микроистории². Кроме того, Энглунд много и интересно писал в жанре популярной истории³, а также выступал на страницах крупнейших газет по вопросам истории и культуры.

Автор пятисотстраничной книги «Время тирана. О Швеции во времена Карла XII» **Магнус Вэстербру (Magnus Västerbro, р. 1971)** родился в Мальмбергет (Malmberget), вырос в Лулео, живет в Стокгольме. Вэстербру учился в Университете Умео, затем окончил Высшую школу журналистики в Гётеборге, значился студентом Стокгольмского университета. В списке освоенных им университетских дисциплин была также и литература. Хотя Вэстербру изучал исторические дисциплины — всеобщую историю, историю идей, профессионально работающим историком он не является. В этом состоит его решающее отличие от академических историков, о которых идет речь в данной статье. Он работал на различных медийных платформах, в частности, в отделе культуры газеты *Dagens Nyheter*, а также в журналах, освещающих вопросы истории, например, в журнале *Populär historia*.

¹ Minnet av Poltava. S. 9.

² Englund P. Tystnadens historia och andra essäer. Stockholm: Natur & Kultur, 2021. 228 s.

³ См. подробнее: Тоштендаль-Сальчева Т.А. Образ королевы Кристины в интерпретации Петера Энглунда // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2010. Вып. 30. С. 372–383.

На суперобложке книги Вэстербру «Время тирана» журналист из газеты *Dagens Nyheter* отдает должное мастерству автора именно в жанре популярной истории: «Он пишет свободно и легко без использования терминов академических историков. Он один из тех, кто способствует дальнейшей жизни исторических событий. Это культурное действие».

За четвертую (из шести написанных) книгу «Голод. Годы страданий, которые сформировали Швецию»¹ Магнус Вэстербру получил в 2018 г. Августовскую премию за лучшую книгу года в категории Non-Fiction. А в 2021 г. его книга «Время тирана. О Швеции во времена Карла XII»² удостоилась премии Лоттен фон Крэмер.

В работе «Время тирана» автор рассматривает весь период войны, в которой участвовала Швеция — «одна из наиболее милитаризованных во всех областях нация в мире»³. Хронология повествования простирается за пределы собственно Северной войны, начавшейся для Швеции 27 марта 1700 г. — автор рассуждает обо всем периоде мирной жизни в стране с конца 1680-х гг. Он отмечает такую важную для дальнейшего развития шведского общества деталь, как возможность вести переговоры даже в процессе набора рекрутов в военное время⁴. Вэстербру много внимания уделяет историко-социологическим сторонам бытования Швеции того времени. Он пишет книгу, используя два основных приема подачи материала: сначала дается историческая матрица, а затем, используя арсенал микроистории, в каждый подходящий момент в нее помещаются данные биографий отдельных действующих лиц.

Автор планомерно следует хронологии событий, обсуждая их значение и приводя конкретные примеры. Вот слова из пятого параграфа второй главы «Катастрофы (1708–1714)»: «Итак, сначала пришла война. Затем два года неурожая и растущего голода, за ко-

¹ *Västerbro M. Svälten. Hungeråren som formade Sverige. Stockholm. Albert Bonniers förlag, 2018. 441 s.*

² *Västerbro M. Tyrannens tid. Om Sverige under Karl XII. Stockholm. Albert Bonniers förlag, 2021. 511 s.*

³ *Ibid.* S. 27.

⁴ *Ibid.* S. 79.

торыми последовали катастрофа под Полтавой, вторжение датчан и интенсивные атаки русских в регионе Балтики»¹.

Нарратив книги содержит отдельные истории конкретных людей. Интересным приемом Вэстербру является «продолжающаяся история» некоторых героев повествования. Читатель имеет возможность вместе с ними переживать события их жизни на протяжении всех лет военных действий. Часто мы знакомимся с судьбами отчаявшихся людей, как, например, сорокалетней Бриты Эсбьёрнсдоттер из скараборгского лена, которая повесилась в лесу неподалеку от своего дома, не выдержав известия о призыве сына на войну². «Время тирана» вообще начинается с рассказа, подкрепленного протоколом расследования, о самоубийстве солдатки Элин Юнсдоттер, покончившей с собой, осознав, какие невыносимые страдания в связи с войной предстоит перенести³. В книге есть «сквозные» действующие лица, среди них — два студента из Уппсалы Улоф Бруман и Андреас Рюселиус, а также первая в Швеции женщина-поэт София Элисабет Бреннер, чьи опубликованные стихи прославляли Карла XII, и чей муж получил дворянский титул⁴.

Так же, как и в «Полтаве» Энглунда, у Вэстербру есть портреты людей, в частности, короля, которому на время начала войны было всего 17 лет. Полагаю, что настоящее время, используемое автором при изложении, призвано сделать рассказ как можно более живым: «Каролус, как он себя называет, когда подписывает письма и документы, — строен, широкоплеч и поразительно высок, почти 180 сантиметров, т. е. на дециметр выше среднестатистического мужчины того времени. В отличие от многих других, король редко носит парик, а показывает собственные волосы блондинистого цвета. Он никогда не расчесывает их иным способом, чем пятерней, и завязывает в хвост»⁵.

Из положительных черт характера короля Вэстербру отмечает лишь две — наличие юмора и желание заражать своим личным

¹ *Västerbro M. Tyrannens tid. Om Sverige under Karl XII. S. 253.*

² *Ibid.* S. 163.

³ *Ibid.* S. 23–24.

⁴ *Ibid.* S. 165, 168, 190, 267.

⁵ *Ibid.* S. 30–31.

примером. Главная отрицательная характеристика Карла касается его упрямства и нежелания внимать чьим-либо советам. Он выслушивает другую точку зрения, но не меняет принятого им решения. Об этом историк говорит неоднократно¹. При таком показе особы короля Магнусу Вэстербру не удалось, на мой взгляд, объяснить читателю, почему, несмотря на голод, неурожай и общее плачевное положение в стране, Карл был способен так долго увлекать за собой армию. Вряд ли замечание, оброненное автором с определенной долей модальности в адрес короля о том, что война была его «единственной страстью»², может прояснить до конца вопрос о популярности Карла XII. В этом вопросе у Вэстербру просматривается солидарная позиция в оценке шведского короля со знаменитым историком XIX века Андерсом Фрюкселлем.

Петер Энглунд, напротив, убедительно показывает те стороны шведского правителя, которые обеспечивали веру в него народа: «Он был искусным и наделенным харизмой полководцем и с огромной силой излучал флюиды; когда приходило время боя, молодой застенчивый монарх почти полностью преобразался, это преобразование было удивительным и устрашающим; оно каким-то чуть ли не магическим образом высекало огонь и волю к борьбе в тех частях, которые видели и слышали его»³.

Оба автора рассматриваемых книг выводят на авансцену театра войны женские персонажи (в работе Вэстербру их значительно больше). Это выглядит вполне логично не только потому, что женщины и дети сопровождали в ту историческую эпоху воинов во время боевых походов, но и в связи с гендерной перспективой, завоевавшей достойные позиции в историографии XX и XXI столетий.

Если Энглунд пишет только о Полтавском сражении, то Вэстербру создает погодный рассказ за весь период Северной войны. Энглунд подробно разбирает применяемую в бою тактику, рисует пейзаж (в том числе и художественный) поля сражения. Вэстербру вообще не касается военного искусства и тактики ведения боя, а Полтавская битва им едва упомянута. Петер Энглунд вживается

¹ Ibid. S. 350, 387, 69, 37, 110.

² Ibid. S. 107.

³ Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. С. 112.

в описываемую ситуацию, Магнус Вэстербру занимается практикой изложения материала, которая присуща публикациям обобщающего характера и учебной исторической литературе.

Если вести разговор о минимальных требованиях к научной составляющей обеих книг, то следует признать, что они созданы со знанием того, как пишется научная историческая работа. Главный источниковый корпус и «Полтавы» Энглунда, и «Времени тирана» Вэстербру составляют архивные и опубликованные дневники, записи, сделанные по горячим следам, и написанные позже участниками описываемых событий, а также материалы исследований других историков. Но если Петер Энглунд составил список использованной им литературы, то Магнус Вэстербру делает поглавный перечень тех работ (без указания страниц), откуда он берет факты или использует мнение автора. К своему большому удивлению, я не нашла у Вэстербру ни одного упоминания работ Петера Энглунда.

Однако оба автора, чьи работы были подробно рассмотрены в данной статье, владеют методами профессиональной исторической науки, умеют писать образным и легким языком. Они строго придерживаются правды фактов, добытых при критическом рассмотрении источников, и, вне всякого сомнения, имеют амбиции найти истину. Полагаю, что и Петер Энглунд, и Магнус Вэстербру верят в эту возможность. Во всяком случае, Энглунд согласен с теми, кто утверждает, что отыскать историческую правду трудно, но он полон оптимизма: «Поколения историков, несмотря ни на что, своим трудом показали, что достижение правды возможно»¹.

БИБЛИОГРАФИЯ

Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальная теория и историографическая практика. М.: Круг, 2011.

Тоштендаль-Сальчева Т.А. Образ королевы Кристины в интерпретации Петера Энглунда // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2010. Вып. 30. С. 372–383.

¹ Minnet av Poltava. S. 23.

- Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии / пер. со швед. С. Белокри-
ницкой, Т. Доброницкой; прим. В. Артамонова. М.: НЛО, 1995. 2-е изд.
2009. 352 с.
- Andersson I. Sveriges historia. Stockholm, 1943.
- Englund P. Det hotade huset. Adliga föreställningar om samhället under
stormaktstiden. Stockholm: Atlantis, 1989. 344 s.
- Englund P. Fixstjärna i svensk historieforskning // Svenska historiker från medeltid till
våra dagar / red. Ragnar Björk, Alf W Johansson. Stockholm: Nordstedts. 2009.
- Englund P. Poltava: berättelsen om en armés undergång. Stockholm: Atlantis, 1988. 276 s.
- Englund P. Tystnadens historia och andra essäer. Stockholm: Natur & Kultur, 2021. 228 s.
- Ericson Wolke L. Lärd medeltidshistoriker, framstående popularisator // Svenska
historiker från medeltid till våra dagar / red. Ragnar Björk, Alf W. Johansson.
Stockholm: Norstedts, 2009.
- Florén A., Ågren H. Historiska undersökningar. Grunden i historisk teori, metod och
framställningar. Lund: Studentlitteratur, 1998.
- Ludvigsson D. The Historian-Filmmaker's Dilemma. Historical Documentaries in
Sweden in the Era of Häger and Villius. Uppsala: Studia Historica Upsaliensia
210, 2003.
- Lönnroth E. Den stora rollen. Kung Gustaf III spelad av honom själv. Stockholm.
Norstedts. 1986 (русский перевод: Лённрут Э. Великая роль. Король Гу-
став III, играющий самого себя / пер. Ю.Н. Беспярых. СПб.: Русско-Бал-
тийский информационный центр БЛИЦ, 1999).
- Minnet av Poltava. Ögonvittnesskildringar från Karl XII:s ryska fälttåg. I urval och
med förord av Peter Englund. Stockholm: Atlantis, 1998.
- Torbacke J. "Ödenas" författare // Svenska historiker från medeltid till våra dagar /
red. Ragnar Björk, Alf W. Johansson). Stockholm. Norstedts, 2009.
- Torstendahl R. En outsider historikerskrået // Svenska historiker från medeltid
till våra dagar / red. Ragnar Björk, Alf W Johansson. Stockholm:
Nordstedts, 2009.
- Västerbro M. Svälten. Hungeråren som formade Sverige. Stockholm: Albert Bonniers
förlag, 2018. 441 s.
- Västerbro M. Tyrannens tid. Om Sverige under Karl XII. Stockholm: Albert Bonniers
förlag, 2021. 511 s.
- Villius H. Karl XII:s ryska fälttåg: Källstudier. Lund: C.W.K. Gleerup, 1951.

Н.И. Девятайкина

**САРАТОВСКИЙ ПРОФЕССОР С.М. СТАМ
И ЕГО ОТВЕТЫ
НА ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ**

Тема могущества памяти, угасания / неиссякаемости тра-
диции, их «жизненные циклы» в соотношениях — одна из са-
мых научно и человечески не выходящих за пределы академи-
ческого и культурного интереса проблем, что особенно понятно
всякому автору, который профессионально занимается историей
вообще и историей разных научных сообществ в частности. Ее
плодотворному постижению помогают практики новой биогра-
фической истории, истории исторического знания в его науч-
но-личностном ключе, обращение к «вопроснику» культурной
антропологии, социологии, например, в связи со статусным по-
ведением ученого, стратегиями этого поведения, интересными
и в данном случае.

Такие «вопросники» неравно использованы пока в науке
при изучении истории ученых старших поколений XX века. По-
пытка выявить, как профессор Соломон Моисеевич Стам (1913–
2010) своим примером, содержательным наполнением каждого
действия обогащал академическую культуру и повседневность
доверенной ему кафедры истории средних веков Саратовского
классического университета, позволяет сделать шаг в сторону
разворачивания темы.

Литература о деятельности профессора не очень велика,
хотя есть монография¹, ряд статей, публикации «круглых столов»,

¹ Девятайкина Н.И. С.М. Стам и его кафедра: 50 лет в университетском го-
роде Саратове. Саратов: «Научная книга», 2013. 216 с.; ил.

посвященных ему и его кафедре¹. К 100-летию со дня рождения ученого по результатам конференции (2013) были изданы специальные выпуски сборника «Средневековый город»².

Однако они не раскрывают сколько-то объемно поднятые вопросы. Одним из «ключей» данной скромной публикации стало понятие «статусность», которое пока никто к истории историка С.М. Стама не «примерял». Она рассматривается в статье в рамках понятия «вызовы времени», в данном контексте обозначающие назревшие в педагогической, научной и общественной жизни вопросы, которые требуют системных усилий, выстраивания профессионально-жизненных стратегий в новом и важном направлении. По сути дела — профессионально и культурно важные проблемы, требовавшие от Стама соответствующих новым ситуациям решений и моделей общественного и личного поведения. Сюда же можно отнести публично-официальное признание плодотворности стратегических усилий ученого и педагога сообществом.

Как часто бывает в случаях, когда в центре внимания оказывается большая личность, отдавшая большую часть ученой и пре-

¹ Девятайкина Н.И., Краснова И.А., Ревякина Н.В. Европейский Ренессанс и Реформация в научном творчестве профессора С.М. Стама // Средневековый город. Межвуз. науч. сб. Саратов: изд-во СГТУ им. Ю.А. Гагарина, 2014. Вып. 24. С. 5–22; Материалы Круглого стола «Соломон Моисеевич Стам и его вклад в современную отечественную медиевистику» (Саратов, 22 ноября 2008 г.). Выступления Л.М. Лукьяновой (Саратов), Т.В. Мосолкиной (Саратов), Т.С. Никулиной (Самара), Л.И. Солодковой (Саратов), И.Я. Эльфонд (Саратов) и др. // Средневековый город. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2009. Вып. 20. С. 25–31; Материалы Межвузовского Круглого стола «Историк и история: проблемы средневекового города и культуры Ренессанса в трудах С.М. Стама» (МГУ, кафедра истории средних веков). Выступления М.А. Бойцова, В.А. Ведюшкина, М.В. Винокуровой, Т.П. Гусаровой, Н.И. Девятайкиной, С.П. Карпова, И.А. Красновой, И.С. Пичугиной, Н.В. Ревякиной (заочно), А.А. Сванидзе (заочно), А.А. Талызиной, Н.А. Хачатурян // Средневековый город. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2009. Вып. 20. С. 32–46; *Негуляева Т.М.* Первый спецсеминар С.М. Стама по истории города // Средневековый город. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2006. Вып. 17. С. 64–72; *Солодкова Л.И.* С.М. Стам в переписке: тематика, стиль, реакции // Средневековый город. Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во СГТУ им. Ю.А. Гагарина, 2014. Вып. 24; *Эльфонд И.Я.* Изучение проблем культуры Возрождения в отечественной науке 60–80 годов XX в. // Средневековый город. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2006. Вып. 17. С. 143–158, и др.

² Средневековый город. Межвуз. науч. сб. Саратов: изд-во СГТУ им. Ю.А. Гагарина, 2014. Вып. 23. 180 с.; Вып. 24. 201 с.

подавательской «службы» одному вузу, материалов для исследования немало. Это тщательные, многочисленные протоколы заседаний кафедры за полвека, достаточно объемные мемуары, написанные в последние годы жизни самим ученым (2005–2007), воспоминания о нем учеников, друзей, коллег, весьма большое число визуальных материалов, прежде всего фотографий разных лет.

Прежде всего, попытаемся определить научно-ценностные устремления С.М. Стама. Если окинуть взглядом почти 200 его работ (фундаментальных монографий, таких же статей, обстоятельных рецензий), то *на первый план* выступают проблемы средневекового города, которые были интересны ученому как в методологическом / историографическом ключе, так и во всем богатстве повседневной эмпирики. И то, и другое формировалось в ходе изучения крупного, очень богатого в средние века, процветающего донныне французского города Тулузы. (Нам довелось видеть не только средневековый собор и главную площадь, но и действующие крупные мукомольные мельницы, о которых С.М. Стам много писал, изучая зачатки в городе товарного хозяйства.) С.М. Стам нашел важнейшие издания источников в Библиотеке Академии наук (СПб.). По его рассказам, просидел за ними несколько лет, приезжая на месяц — полтора в научные командировки¹. В середине 1960-х гг., невероятным образом, через Международный библиотечный абонемент, ученый сумел получить из Франции немало ценных материалов, в том числе — большой сборник средневековых городских постановлений и иных документов XII–XIII вв., знаменитый «Картулярный тулузского консулата». Как известно, все документы в названные века составлялись юристами только на латинском языке и часто включали в себя формулы римского права, дополняя его современными «казусами». С.М. Стам «прогрыз» картулярный от корки до корки: это ясно из объемной монографии о городе, опубликованной в Саратовском университетском издательстве и защищенной как докторская диссертация (1969)².

¹ *Стам С.М.* Моя жизнь, учителя, друзья и наука. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2009. 364 с.

² *Стам С.М.* Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI–XIII веков). Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1969. 429 с.

Защита была весьма статусной с точки зрения места и оппонентов. Местом стала Москва, как и в случае с кандидатской работой (МГУ, 1947). Первым оппонентом выступил академик С.Д. Сказкин (1890–1973), тогдашний глава отечественных медиевистов. Вторым — профессор А.А. Кириллова (1904–1984), специалист по средневековому городу, еще одним — профессор и тоже известный урбанист Л.А. Котельникова (1927–1988). Защита, на которой автору статьи в студенчестве довелось присутствовать, была живой, с интересными и сложными вопросами, яркими и глубокими ответами; она тоже обозначила статус отечественной медиевистики. Особую величавость и академичность придавал тот факт, что местом защиты служила главная публичная аудитория старого здания МПГИ им. В.И. Ленина (ныне МПГУ), красивая, амфитеатром. В аудитории собралось большое число историков, что тоже явило собой один из знаков актуальности темы. Это был вдохновенный праздник науки.

Тулузская история получила научное продолжение. Ученый заинтересовал в какой-то момент делом перевода названного выше картулярия саратовскую латинистку-«классика» Л.М. Лукьянову, сам занялся комментарием и вступительной статьей. За несколько лет работы картулярий был переведен, потом (шел конец 1980-х — 1990-е) долго ждал издания¹. Дольше публикации такого рода источников в России — явление совсем не рядовое, они многими десятилетиями используются в классических университетах.

О статусности научных работ С.М. Стама свидетельствует и факт, что они остаются в рекомендательных списках литературы для аспирантов и студентов истфаков (не только монография, но, например, большой сборник избранных статей)².

Теоретически ученый и до, и после защиты неустанно осмысливал такие феномены, как город и феодализм, город и государство, шире, город и политическая структура, город и средневековая культура. Ученый предлагал мощные гипотезы и вступал в бесстрашную полемику ради их аргументации, о чем позволяют судить и протоко-

¹ Картулярий Тулузского консулата (XII–XIII вв.) / пер. с лат. Л.М. Лукьяновой; ред., примеч., вступ. ст., указат. С.М. Стама. Саратов: «Научная книга», 1998. 219 с.

² Стам С.М. Избранные труды. Средние века: город, ереси, Возрождение, Реформация. Саратов: ИЦ «Научная книга», 1998. 334 с.

лы кафедры, и его воспоминания¹. Таким образом, научное позиционирование С.М. Стама прежде всего высвечивается через средневековую урбанистику.

В добавление к его собственному ученому творчеству такому позиционированию почти 50 лет служил научный сборник «Средневековый город», основанный по инициативе ученого и порученный его попечению тогдашним Министерством высшего и среднего специального образования (1968). В стране заговорили об урбанистической школе С.М. Стама. В сборник пошли статьи региональных, столичных и зарубежных специалистов по средневековому городу.

Общероссийским свидетельством научного признания Саратова как урбанистического центра изучения истории средневекового города, одним из ярких научно-публичных «знаков» статусности стала большая конференция в сентябре 1977 года. На нее собрались ведущие ученые: большие «десанты» ИВИ РАН, МГУ, СПбГУ (тогда ЛГУ), Риги, Алма-Аты, Казани, Новосибирска, Хабаровска, Томска, Донецка, Йошкар-Олы и еще ряда городов. Около 70 участников три дня оживленно обсуждали методологические и конкретно-городские проблемы, отдавали должное докладам и дискуссиям, Художественному музею имени А.Н. Радищева, Волге, рыбе и арбузам, радовались творческой атмосфере заседаний и активности ученой молодежи, большая часть которой ныне среди хорошо известных медиевистов. Материалы конференции были выпущены отдельным (6-м) выпуском сборника «Средневековый город».

Научный авторитет урбанистического центра подтверждался также участием С.М. Стама с докладами на масштабных международных конгрессах (Москва, Ленинград), о чем он считал важным написать в воспоминаниях². В годы перестройки (1990-е) статусность «школы историков средневекового города» подтвердили гранты, к первому из которых рекомендовал Саратов профессор А.Я. Гуревич. (Имена рецензентов не разглашались, сведения пришли к автору статьи через несколько лет, уже после ухода из жизни ученого.)

¹ Стам С.М. Моя жизнь, учителя, друзья и наука. С. 219–222.

² Там же. С. 311.

Они позволили выжить сборнику «Средневековый город» (опубликовать три выпуска), издать названный выше «Картулярий Тулузского консулата», объемные «Избранные труды» С.М. Стама¹.

Университетски традиционными, красивыми, символическими знаками признания статусности стало звание Заслуженного профессора СГУ (2003) и через пять лет — Почетный знак (за № 4) исторического факультета МГУ (2008). Этот знак был вручен профессору С.М. Стаму на открытии Межвузовского круглого стола «Историк и история: проблемы средневекового города и культуры Ренессанса в трудах С.М. Стама» в МГУ. На нем держал небольшую речь 95-летний юбиляр; кроме этого, все с интересом слушали выступления М.А. Бойцова, В.А. Ведюшкина, М.В. Винокуровой, Т.П. Гусаровой, Н.И. Девятайкиной, С.П. Карпова, И.А. Красновой, И.С. Пичугиной, Н.В. Ревякиной (заочно), А.А. Сванидзе (заочно), С.М. Стама, А.А. Талызиной, Н.А. Хачатурян².

Добавим, что сборник и школа пережили своего создателя на полтора десятилетия. Последние два выпуска вышли вскоре после того, как в Саратове, уже за пределами истфака СГУ, большой конференцией ученики и коллеги отметили 100-летие со дня рождения С.М. Стама (ноябрь 2013, СГТУ). Через некоторое время была упразднена и кафедра истории средних веков Саратовского университета: к тому моменту с факультета ушли все ученики профессора.

Могущество памяти лишилось одного из мест — университетской мемориальной таблички на дверях кафедры нового истфаковского корпуса СГУ, в который никогда не ступала нога профессора, но обрело достойное место в Саратовской областной универсальной научной библиотеке, где к столетию С.М. Стама усилиями его учеников и активной дирекции был открыт Кабинет его имени и имени жены, писательницы Е.М. Рязановой. Надо надеяться, что могущество *урбанистического знания* дает знать о себе по-прежнему через ученое наследие Стама, почти целиком представленное в названном мемориальном кабинете (равно как крупнейших библиотеках России). В 2023 г. Кабинет отметит десятилетие существования.

¹ Стам С.М. Избранные труды...

² Материалы Межвузовского Круглого стола «Историк и история: проблемы средневекового города и культуры Ренессанса в трудах С.М. Стама» (МГУ, кафедра истории средних веков). С. 32–46.

К этому времени мы надеемся передать туда кафедральные протоколы заседаний, практически на каждом из которых заведующий выступал с важными докладами, суждениями, вопросами, замечаниями, подавая пример другим.

Пожалуй, равное по объему изданных трудов и значимости место в исследованиях С.М. Стама занимала проблематика идейного развития средневековья и культуры Возрождения. Ученый хронологически словно бы «закольцевал» свой интерес, начав в 1940-е годы с изучения Иоахима Флорского (1135–1202) и диссертации о нем (1947), и завершив монографическую «программу» своей ученой жизни книгой о Данте (1265–1321), изданной усилиями учеников в начале нового столетия (2003). Следует добавить, что над новыми изданиями свой капитальной монографии о корифеях Возрождения С.М. Стам работал еще несколько лет, равно как над цитируемыми в данной статье воспоминаниями.

В «эпицентр» тематики, связанной с искусством Возрождения, попали с 1980-х до начала 2000-х гг. Рафаэль, Леонардо, Микеланджело¹ и художники их ряда. Последнее (третье, вновь дополненное, как прежде, второе) издание его «Корифеев Возрождения» появилось уже после ухода ученого из жизни. Параллельно для учителей С.М. Стам написал в конце 1990-х большую (ок. 250 стр.) и стилистически яркую, захватывающую, с новыми гипотезами книгу о загадках «Джоконды». Профессор исследовал ее в контексте искусства времени Леонардо и италийской городской жизни. Он, как и многие в России тех лет, впервые увидел «Джоконду» на выставке в Москве (ГМИИ, 1974), несколько раз отстояв многочасовую очередь.

В «ренессансном поле» ученого глубоко интересовали вопросы методологии и конкретных историко-искусствоведческих поисков. С.М. Стам написал ряд статей по поводу периодизации культуры Возрождения, ее места в историческом процессе секуляризации знания, сумел основательно высказаться также по одной из самых сложных проблем — о соотношении Ренессанса и Реформации. Все эти публикации, как и «городские», отличает четкая *постановка новых вопросов*

¹ Стам С.М. Культура Возрождения: вопросы содержания, эволюции, периодизации // Вопросы истории. 1977. № 4. С. 75–93; Стам С.М. Флорентийские мадонны Рафаэля (Вопросы идейного содержания). Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1982. 80 с.

и стремление предложить им новое решение; почти все они стали первыми в исторической науке советского времени попытками изложить системный взгляд на проблему. Платформой до конца ученой деятельности С.М. Стама оставался марксизм, но не как догматический перечень «указаний», а как живой метод, позволивший рассматривать явления в рамках больших социальных контекстов.

В отношении истории города и ряда методологических вопросов истории культуры С.М. Стам этот метод обогатил, углубил, конкретизировал через практики изучения средневековья и раннего нового времени. Границы метода не вмещали в себя обращения к системному изучению истории представлений, повседневности, картин мира, истории людей, оценки во всей глубине и полноте христианского мировосприятия. В отношении последнего важного компонента позиция С.М. Стама отмечена анахронизмами, т. е. измерением духовной жизни прошлого в атеистических понятиях настоящего, в ракурсах идеологической борьбы.

С.М. Стам начал читать курс по истории культуры Возрождения еще в 1950-е гг., по просьбам студентов спецсеминара, устававшим, по их воспоминаниям, от социально-формационной проблематики. Затем из-под пера ученого стали появляться статьи и монографии. Это тоже было тематическим новаторством. Напомню, что первую диссертационную работу в МГУ в рамках проблематики Возрождения написала Н.В. Ревякина¹. Это было достаточно смелое решение ее научного руководителя С.Д. Сказкина, даже с учетом «оттепели». Как видим, в названии нет упоминания ни культуры Возрождения, ни ее гуманизма. Словарь остается привычно-прежним — *борьба с церковью*, поскольку иная тематика такого направления официально считалась неактуальной и в академические планы не включалась. Напомним также, что Комиссия по гуманизму Возрождения РАН — МГУ возникла только в 1972 г.у, ее первые конференции пришлись на середину 1970-х, а сборники — на конец этого десятилетия (1977–1979). Первая статья С.М. Стама о картине Леонардо да Винчи («Иоанн Креститель», Лувр) вышла в 1975, потом одна за одной (1977–1978) еще несколько статей о нем и Микеланджело, после

¹ Ревякина Н.В. Лоренцо Валла. Его борьба с католическим мировоззрением и церковью: дис. ... канд. ист. наук. М., 1963. 325 с.

чего настала очередь монографий. Все это свидетельствует о том, что ученый был среди тех авторов — историков советского времени, которые открывали это прекрасное тематическое поле.

Знаком научной статусности в данном случае можно назвать и тот факт, что неоднократно доклады С.М. Стама на конференциях в рамках деятельности Комиссии по Возрождению ставились первыми, на пленарном заседании, а теоретическая проблематика даже «заказывалась». Наконец, очень статусными считались публикации в главном журнале историков — «Вопросах истории». Именно там была опубликована одна из первых статей С.М. Стама по проблеме периодизации культуры Возрождения (1977)¹, как ясно, в один год с первым сборником Комиссии. Раньше, во второй половине 1960-х, в этом журнале публиковались и статьи ученого по диалектике развития средневекового города², до этого — по германской Реформации (1958)³.

Попробуем хотя бы кратко обрисовать культурно-«личные статусы» С.М. Стама как академического преподавателя 1950–1990-х гг., обратившись к «вопроснику» культурной антропологии. Все, кто знал его с момента появления в Саратове, помнят только одно: профессор всегда являлся на работу в шляпе, костюме, галстук, вычищенных полуботинках. В дождь — еще галоши. Как он вспоминал, нормальный европейский мужской костюм стал для него потрясением в Москве. Он поступил в МИФИ (Московский институт истории и философии), приехавши из Казани в самом начале 1930-х гг. Как и все, одежду имел самую скромную и простую, отцовские полувоенные брюки и простую толстую рубашку. Через пару лет (1934), ввиду международной напряженности, активных действий Японии в области КВЖД и границ Манчжурии, в МИФИ часть молодых людей с истфака отобрали на двухлетние курсы японского языка. В их число попал Соломон Стам. Курсы были особыми, там преподавали носители языков, потому в их глазах будущим советским офицерам

¹ Стам С.М. Корифеи Возрождения. Искусство идеи гуманистического свободомыслия. Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 1991. Кн. 1. 383 с.; 1993. Кн. 2. 383 с.

² Стам С.М. Движущие противоречия развития средневекового города // Вопросы истории. 1965. № 7. С. 93–105.

³ Стам С.М. Чем же в действительности была Реформация в Германии // Вопросы истории. 1958. № 4. С. 100–113.

нельзя было выглядеть беднячки. Слушателям усилиями дипслужбы были раздобыты особые оплаченные талоны в спецмагазин, в особый же этаж и секцию (ГУМа) — на костюмы, обувь и пр. Там «курсант» Стам впервые примерил костюм и был так впечатлен, что почти через 70 лет в деталях описал его покрой, темно-коричневый цвет, а также белую рубашку со съёмным по тогдашним «правилам» белым воротничком на запонке. Помнил даже про вставку на рубашке «пикейной грудки» и про солидную обувь¹.

«Статусный» вид к саратовскому времени стал настолько привычным и непреходящим, что дома профессор встречал любого коллегу, ученика только в костюме, разве что позволял себя мягкие тонкие туфли. Автор данной статьи довольно быстро стала ученым секретарем сборника «Средневековый город», много лет бывала у его главного редактора раз-два в месяц, а то и чаще. Но не смогла припомнить случая отказа от правила, не позволявшего принимать ученицу и коллегу в «домашнем» виде.

За всем этим можно видеть, по сути дела, «удержание традиции», «сохранение образа» и статуса: ведь именно так выглядели практически все московские учителя, на чью фотографию не глянь: и любимый С.М. Стамом академик С.Д. Сказкин, и глубокоуважаемый академик Е.А. Косминский.

Вернемся к С.М. Стаму. Со временем к статусному облику добавилась еще строгая тюбетейка, которая не давала стынуть голове, лишившейся волос. Она в глазах студентов и коллег «шла» профессору, ничуть не противоречила статусу. Дружья семьи и родственники знали о любви к тюбетейкам, охотно «добывали» и дарили профессору «настоящие», среднеазиатские. На одном из юбилейных «стамовских» кафедральных дней его организаторы разыграли одну из таких тюбетеек в лотерее, средства от которой ушли на подписку ряда медиевистических изданий. Стам ценил юмор, умел заразительно смеяться, долгие годы держал дома всякие кафедральные газеты и шуточные стихи, поздравления, творческие поделки. Lex Stamica уехала с ним в Москву, когда они с супругой в почтенном возрасте перебрались туда к дочери (2000). Не склонный к лести и не любивший льстивость профессор все же не раз вспоминал студенческие стихи о своих лекциях: «Никто

¹ Стам С.М. Моя жизнь, учителя, друзья и наука. С. 75.

не слушает звонка / на кафедре поэт / продлить бы средние века / еще на триста лет». В кафедральном обиходе они удачно «сошлись» с темой «долгого средневековья».

Иными словами, статусность органично включала в себя высокую интеллигентность, искреннее общение, участие в неофициальных кафедральных посиделках. Кажется, все это не снижало, а обогащало образ заведующего как личности.

Наконец, особый вопрос, которого хотелось бы коснуться хотя бы краем, в связи со статусностью — ближний круг Стама. Он начинался с семьи: жены-писательницы, дочери — переводчицы и преподавателя МГУ И.С. Стам, зятя — поэта-переводчика М.Н. Ваксмахера, московских сокурсников, о которых написаны прекрасные страницы воспоминаний. Все они — из высоких интеллектуалов, поэтому общение всегда было отмечено высокой же планкой — разговорами о литературе, театре, музыке, ученых людях, добавляло иные точки зрения по самым жгучим вопросам.

В этом кругу были и саратовцы. Очень важно для понимания «внутреннего позиционирования» Стама коротко сказать об отношении к одному из них. Речь идет о художнике Александре Скворцове (1894–1964). Стам и его жена познакомились с ним и его семьей вскоре после приезда в Саратов (1949). И скоро стали близкими друзьями. А. Скворцов работал в газете, преподавал в местном училище живописи. Его «тайная история» открылась совсем недавно, после фундаментальной публикации «Возвращенные имена» (2021), принятой в рамках президентского гранта саратовским журналистом-исследователем А. Голицыным, инициатором создания общества «Дружья художественного музея имени А.Н. Радищева»¹.

Оказалось, что в запасниках художественного музея находится немало графических и живописных работ А. Скворцова (1894–1964). Он сам попал в одну из первых волн террора, в 1933 году. А. Голицын «расшифровал» 22 рукописных протокола допросов (написанных неразборчиво и безграмотно), которые велись 2,5 месяца. Художника «назначили» организатором антисоветской группы. Допросы «вытянули» на три года ссылки в Казахстан за «организацию

¹ Голицын А.А. Саратовские художники. Возвращенные имена. Саратов: Общество друзей Радищевского музея, 2021. 608 с.

контрреволюционной деятельности», «контрреволюционную деятельность», «шпионаж» (обычные в те годы статьи 58-6, 58-10, 58-11 уголовного кодекса РСФСР). Потом художнику разрешили вернуться в Саратов. Жене присудили год исправительных работ.

Графика и акварели А. Скворцова украшали все комнаты небольшой квартиры Стама. Имя художника автор данной статьи слышала не раз. Более того, жена профессора Е.М. Рязанова написала о художнике небольшую повесть, завершив ее сценой прощания с ним, ушедшим из жизни по болезни почти внезапно.

История дружбы показывает, что С.М. Стама и Е.М. Рязанову «прошлое» художника не испугало. Хотя, судя по протоколам кафедры за 1950–1953 годы, «борьба», «враги», «бдительность» оставались в лексиконе некоторых ее официальных, спущенных сверху повесток дня, а «формалисты» любого толка должны были осуждаться как идейно чуждые элементы. Творчество Скворцова, всей саратовской пейзажной школы, ныне рассматривается как искусство «третьего пути», то есть особого, не совпадающего с социалистическим реализмом направления. Художников почти не выставляли, осуждали, в том числе за упомянутый формализм и неактуальность тематики и пр.

Ясно, что внимание к творчеству А. Скворцова, поддержка его «тихого» пейзажного искусства требовали внутренней порядочности и бесстрашия. Тем более что имели место личные причины, которые могли бы «отодвинуть» дружбу. Е.М. Рязанова была дочерью скромного дворянина, а С.М. Стам — евреем, на которых, «космополитов», и обрушилась, как известно, в конце 1940-х сталинская рать. Внутренняя убежденность в невиновности Скворцова, его талант, культура оказались весомее страхов. Можно назвать такое отношение к вышедшему из лагеря человеку старинным благородством и честью. Едва ли есть что-то прочнее и безупречнее, чем подобные «составляющие» личного статуса.

Подведем некоторые итоги. Могущество памяти, связанной с ученым человеком, формируется его общественной и научной позицией, талантом, делами и достижениями, обаянием и влиянием личности. Оно прирастает «присутствием» того, что им вложено в учеников, а также их стремлением поддержать и развить традиции, заложенные учителем, их собственной моделью общественного и академического поведения и многим другим.

С.М. Стам «привил» кафедре целый ряд академических принципов: непреложность осведомленности в прошлом и современном историческом знании, признание приоритетности всесторонней аргументации «от источника», умение поставить проблемный вопрос, «открытость» научного результата, т. е. возможность непрерывного приращения научного знания. Одной из форм предъявления научного знания он сделал научный семинар при кафедре с активным обсуждением любого исследовательского «продукта». Он же шаг за шагом сконструировал особую поведенческую модель руководителя и участников семинара, начиная с предварительного тщательного обсуждения с докладчиком тематики его выступления и завершая собственным веским заключительным словом.

Если попытаться оценить степень «статусности» научных и методологических устремлений С.М. Стама, то они, как ясно, оказались в русле новых запросов науки. Именно он системно развернул изучение европейского средневекового города на французском материале. Он же стал одним из первых историков, поднявших на уровень монографического исследования вопросы истории искусства Возрождения в их идейной (гуманистической) составляющей. Наконец, он свел в единое и неделимое поле науку и жизнь, признавшись в воспоминаниях: «Науку нельзя оторвать в моей жизни, как меня нельзя оторвать от науки».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Голицын А.А. Саратовские художники. Возвращенные имена. Саратов: Общество друзей Радищевского музея, 2021. 608 с.
- Девятайкина Н.И. С.М. Стам и его кафедра: 50 лет в университетском городе Саратове. Саратов: «Научная книга», 2013. 216 с.; ил.
- Девятайкина Н.И., Краснова И.А., Ревякина Н.В. Европейский Ренессанс и Реформация в научном творчестве профессора С.М. Стама // Средневековый город. Межвуз. науч. сб. Саратов: изд-во СГТУ им. Ю.А. Гагарина, 2014. Вып. 24. С. 5–22.
- Картулярий Тулузского консулата (XII–XIII вв.) / пер. с лат. Л.М. Лукьяновой; ред., примеч., вступ. ст., указат. С.М. Стама. Саратов: «Научная книга», 1998. 219 с.

- Материалы Круглого стола «Соломон Моисеевич Стам и его вклад в современную отечественную медиевистику» (Саратов, 22 ноября 2008 г.). Выступления Л.М. Лукьяновой (Саратов), Т.В. Мосолкиной (Саратов), Т.С. Никулиной (Самара), Л.И. Солодковой (Саратов), И.Я. Эльфонд (Саратов) и др. // Средневековый город. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2009. Вып. 20. С. 25–31.
- Материалы Межвузовского Круглого стола «Историк и история: проблемы средневекового города и культуры Ренессанса в трудах С.М. Стама» (МГУ, кафедра истории средних веков). Выступления М.А. Бойцова, В.А. Ведюшкина, М.В. Винокуровой, Т.П. Гусаровой, Н.И. Девятайкиной, С.П. Карпова, И.А. Красновой, И.С. Пичугиной, Н.В. Ревякиной (заочно), А.А. Сванидзе (заочно), А.А. Талызиной, Н.А. Хачатурян // Средневековый город. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2009. Вып. 20. С. 32–46.
- Негуляева Т.М. Первый спецсеминар С.М. Стама по истории города // Средневековый город. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2006. Вып. 17. С. 64–72.
- Ревякина Н.В. Лоренцо Валла. Его борьба с католическим мировоззрением и церковью: дис. ... канд. ист. наук. М., 1963. 325 с.
- Солодкова Л.И. С.М. Стам в переписке: тематика, стиль, реакции // Средневековый город. Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во СГТУ им. Ю.А. Гагарина, 2014. Вып. 24.
- Средневековый город. Межвуз. науч. сб. Саратов: изд-во СГТУ им. Ю.А. Гагарина, 2014. Вып. 23. 180 с.; Вып. 24. 201 с.
- Стам С.М. Движущие противоречия развития средневекового города // Вопросы истории. 1965. № 7. С. 93–105.
- Стам С.М. Избранные труды. Средние века: город, ереси, Возрождение, Реформация. Саратов: ИЦ «Научная книга», 1998. 334 с.
- Стам С.М. Корифеи Возрождения. Искусство идеи гуманистического свободомыслия. Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 1991. Кн. 1. 383 с.; 1993. Кн. 2. 383 с.
- Стам С.М. Культура Возрождения: вопросы содержания, эволюции, периодизации // Вопросы истории. 1977. № 4. С. 75–93.
- Стам С.М. Моя жизнь, учителя, друзья и наука. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2009. 364 с.
- Стам С.М. Флорентийские мадонны Рафаэля (Вопросы идейного содержания). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. 80 с.
- Стам С.М. Чем же в действительности была Реформация в Германии // Вопросы истории. 1958. № 4. С. 100–113.
- Стам С.М. Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза (XI–XIII веков). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1969. 429 с.
- Эльфонд И.Я. Изучение проблем культуры Возрождения в отечественной науке 60–80 годов XX в. // Средневековый город. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2006. Вып. 17. С. 143–158.

Г.В. Шпак

ИНТЕРВЬЮ С АСТРАХАНСКИМ ИСТОРИКОМ АЛЕКСАНДРОМ СЕРГЕЕВИЧЕМ МАРКОВЫМ

Александр Сергеевич Марков (06.09.1931 – наст. вр.) – астраханский писатель, историк и иллюстратор, посвятивший свою жизнь изучению астраханского края. Это интервью я взял у него накануне его 90-летия в августе 2021 года. Здесь нет необходимости перечислять его звания и награды, достаточно сказать, что на настоящий момент им написано около сорока книг, открывающих читателям историю края и рассказывающих о переплетении судеб выдающихся астраханцев. Для меня жизнь Александра Сергеевича, с детства передвигающегося на инвалидной коляске, является замечательным примером того, на что способен человек, наделенный талантом и волей.

— До 22-х лет вы жили в рыбацком селе. К этому возрасту уже должно было сформироваться представление о работе историка. Где вам удавалось находить литературу до переезда в Астрахань?

— Вы знаете, в чем дело. Я родился в селе Марфино. Это старинное рыбацкое село. Там не было средней школы, только семилетняя. Ее я и оканчивал. Потом мы переехали в поселок Кировский рыбзавода имени Кирова, и там я окончил среднюю школу. Правда, с некоторым перерывом. Я был уже довольно взрослым мальчиком и, когда окончил эту школу, мне было 20 с лишним лет. И я никогда не думал быть писателем, хотя историю я очень любил. Все исторические книги, которые мне попадались, я просто залпом прочитывал. Настолько меня увлекала история, но в тоже время я любил рисовать. Рисование было моей второй страстью, и когда я окончил среднюю школу, то думал поступить в художественное училище, но в то время в Астрахани его уже не было. До войны было училище, которое организовал

известный художник Власов. Но тогда его уже закрыли, и для меня это было страшным ударом. Куда идти учиться? Что делать? И единственным учебным заведением, где я еще мог как-то отвести душу, был Педагогический институт. И вот что меня спасло. До войны историческое отделение Педагогического института было ликвидировано, и вдруг оно появилось, открылось в 1953 году, именно когда я поступал. Иначе я бы не поступил, другие факультеты меня совершенно не интересовали.

— **Какая литература была в Марфино или в селе Кировском в библиотеках?**

— Была неплохая библиотека при семилетней школе в селе Марфино. Там я прочитал все романы Жюль Верна, Фенимора Купера. Там была собрана интересная приключенческая литература. Но в 1944 году Марфино стало районным селом, и районная библиотека из Володаровки была переведена в это село. Это было для меня важным событием. Я стал читать там книги — сочинения Соловьёва, Карамзина... Там были полные собрания сочинений Карамзина, Лескова, российских писателей. Обычно давали только партийным работникам, но для меня работники библиотеки сделали исключение, потому что я писал для них различные объявления. Я хорошо рисовал. Какой-то съезд проходит, собрание учителей и прочее. За то, что я им писал объявления, которые вывешивали на стенах этой библиотеки, мне разрешили пользоваться любыми книгами.

— **Сохранилась фотография 1946 года, Вам тогда было 15 лет, где вы изображаете...**

— Да, где я рисую плакат Сталина для библиотеки. Меня попросили сделать портрет Сталина к 1 мая, так как не было профессионального художника, а я неплохо рисовал. Я согласился, взял за основу фигуру Сталина из какого-то журнала. Этот плакат пришел лично посмотреть секретарь райисполкома, и он ему понравился. Вскоре его сын, мой одноклассник, принес буханку теплого пеклеванного хлеба из кукурузной муки. Хлеб велел передать его отец. По тем временам это был очень щедрый подарок.

Рис. 1. А.С. Марков пишет портрет Сталина для Марфинской районной библиотеки. 1946 г.

— **Какой образ Сталина был в деревне в то время? Как к нему относились? Что вы испытывали, когда изображали Сталина?**

— Мне по душе были портреты, где он был в военной форме. Не в гражданской. Потому что во время войны его образ был наделен ореолом человека, который, по сути дела, выиграл войну. Делался упор на то, что он сыграл огромную роль в победе над Германией. Хотя в то время в селе критиковали сильно и Сталина. Анекдоты о нем были. Правда, все боялись эти анекдоты рассказывать, но мальчишки говорили, потому

что в семьях они слышали и не боялись повторять, например, «серп и молот — смерть и голод». Вот подобные такие штучки, за которые потом родители могли поплатиться. Отношение было неоднозначным. Мой дед, марфинский рыбак, был расстрелян в 1938 году за то, что критиковал сталинскую Конституцию. Его арестовали за такой случай. В 1936 году, когда была утверждена сталинская Конституция, на Большой Бузанский рыбозавод приехал депутат из Астрахани Олейников, и всех жителей села должны были вести на встречу с ним. Это был декабрь 1937-го года. Стоял сильный мороз. Началась сильная метель, и дед сказал жителям: «Слушайте, это надо идти 12 километров по метели. Мы что, дураки? Завтра все, что он будет говорить, в газетах прочитаем». И он отговорил их идти. Жители села Марфино не пошли на встречу с депутатом. И ему это поставили в вину как факт контрреволюционного характера. На следующий день его арестовали и увезли в Володаровку. Первый допрос вел следователь Гунин. Он говорит, — «признаете ли вы себя виновным в контрреволюционной деятельности?». Дед отвечает, — «я не признаю, ведь тут ничего такого нет. Это житейский факт. Какой резон идти в метель столько километров для встречи с депутатом. Вот вы сами бы пошли или нет?». И Гунин замылся, следователь замылся. И говорит, — «тут еще житель села сообщил, что вы критиковали советскую Конституцию, говорили, что коммунисты не дают верующим проводить службу». Он ответил, — «что хотя по Конституции все возможно — кто хочет, верит, кто не хочет, не верит, против верующих сейчас идет настоящий террор. Вот вы считаете это правильно или нет?». Следователь опять ничего не смог ответить на это. Я узнал об этой истории, когда мой друг, писатель Юрий Смирнов стал редактором издания «Книга памяти. Из тьмы забвения» обо всех пострадавших в Астраханской области во время диктатуры Сталина, о пострадавших за свои вроде бы контрреволюционные дела. Там коротко было сказано — рыбак такого-то села, арестован такого-то. Там было сказано, что он был расстрелян в феврале 1938 г., а где расстрелян, где похоронен — ничего не указано. И до сего времени это неизвестно, но я когда прочитал, я решил посмотреть это дело. И мне его нашли. Там очень много написано. Слова этих

соседей доброжелателей, которые... они правду говорили, но эта правда оборачивалась как контрреволюционная деятельность моего деда. Эти факты, которые они излагали, они могли попасть под статью пятьдесят пятую номер восемнадцать, расстрельная статья. Мало того что был расстрелян дед, его сын Сергей погиб в сибирских лагерях по политической статье. Сергея мобилизовали в армию, и он принимал участие в походе на Варшаву, когда в 1921-м году началась война с Польшей. Он там очень себя проявил и был награжден грамотой реввоенсовета республики. И вот, когда потом в 1938 году, уже после ареста отца, когда арестовали его военачальников Корка, Тухачевского (некоторых он лично знал и у одного даже был ординарцем), когда их арестовали как врагов народа, он открыто говорил, что не верит. Говорил, что это происки Сталина. Он об этом открыто заявил и его тут же арестовали в Марфино, увезли в Володаровку. Там ему дали 10 лет лагерей. Фотография с ним есть в моей книге «Ускользящее время». Он привез фотографию с фронта, вернее, они там сфотографировались где-то — четыре человека, четыре друга сидят.

— Как происходило Ваше формирование как историка? Что Вы можете сказать о преподавании истории в пединституте?

— В пятьдесят третьем году я поступил на вновь открывшийся историко-филологический факультет на отделение истории. Там учили русской истории, истории Греции, истории зарубежных стран, Новой истории. Руководителем историко-филологического факультета был Сердюков, историю России нам читал Владимир Ефимович Фильгус. Он вообще-то Вольф Ефимович, но мы его называли Владимиром. Большинство учителей преподавали еще до революции в гимназии или проходили переподготовку в Москве. Там был старичок Семенов, например. Он еще рассказывал, как в гимназии преподавал до революции. Фильгус написал учебное пособие, изданное в пятьдесят седьмом, — «Методика истории астраханского края». И он там с древнейших времен пишет, где можно применить исторические события нашего края, которые

Рис. 2. Группа студентов-историков на педагогической практике под руководством В.Е. Фильгуса. А.С. Марков – в нижнем ряду справа

созвучны общероссийским событиям. Например, татаро-монгольское иго — как оно проходило на территории Астрахани, что образовалось в результате. Он говорил, что история страны в той или иной степени отражена в истории родного края. Это было первым серьезным учебным пособием по краеведению.

— Когда Вы начали преподавать историю?

— В 1957-м году после окончания института я начал преподавать в Вечерней школе рабочей молодежи. Ученики были старше меня. Много было сотрудников аэропорта, которые расчищали там дороги. Они были пожилого возраста. Они интересовались историей, но многое зависело от преподавателя. Заставишь интересоваться или нет. Главное, было внушить им, что человечество не может существовать без истории. Несмотря на мой возраст и инвалидность, они шли навстречу и старались помочь. Я им благодарен. У меня никогда не было с ними конфликтов.

— Какие пособия Вы использовали? Что было доступно в то время?

— У меня было много карт по истории. Учебников хватало, но я всегда рисовал наглядные пособия к каждому историческому событию. Оружие или какую-нибудь батальную сцену, вооруженного человека на коне. У меня было полно рисунков этих. Много использовал карикатур и даже написал учебное пособие «Использование политических карикатур на уроках Новой истории», которая была издана в 1964 году. Моих карикатур там нет, я перерисовывал уже имевшиеся¹.

— В 1962-м году издана Ваша первая книга «Восставший город». Что Вы можете сказать о выборе темы и опыте ее издания?

— Благодаря этой книге я начал печататься. Главным ее автором является Николай Афанасьевич Рюмшин, участник гражданской войны. Я в то время, кроме работы в вечерней школе, работал днем художником-ретушером в газете «Комсомолец Каспия». Он заходил туда, приносил свои очерки об участниках гражданской войны. Иногда в кабинете, где я ретушировал, находился редактор исторического отдела Севрюков Володя. Николай Афанасьевич к нему заходил и однажды узнал, что я пишу историческую повесть, и что моей курсовой работой была такая тема, как восстание 1705–1706 гг. Эту работу я, наверное, единственный из студентов написал по материалам астраханского

¹ «Учитель-историк хорошо знает, какой большой интерес вызывает на уроке историческая картина и наглядное представление содействует более прочному усвоению предмета. Наглядность в преподавании стала одним из важнейших принципов советской педагогики. Однако наглядных пособий, и в частности по новой истории, издается еще мало. Серия наглядных пособий, выпущенная Учпедгизом в 1959 г., охватывает только некоторую часть тем школьной программы и состоит из 25 картин, которые очень трудно достать. И все же при желании на уроке всегда можно использовать различные виды наглядности, особое место из которых может занять политическая карикатура. Надо отметить, что учителями на уроках почти не используются политические карикатуры, хотя эта форма наглядности наиболее отвечает особенностям исторического рассказа с его политической заостренностью». (Марков А.С. Использование политических карикатур на уроках новой истории. М.: Просвещение, 1964. С. 3.)

Рис. 3. Иллюстрация из книги А.С. Маркова и А.Н. Рюмина «Восставший город». 1962 г.

архива. Обычно все списывали из книг. Мне повезло, что в то время, когда я собирал материал, в астраханском архиве по этой же теме собирала материалы Нина Борисовна Голикова, профессор Московского университета. На основе этого она написала книгу «Политические процессы при Петре Первом». От нее я очень много узнал о том, как обрабатывается исторический материал и выучился читать русскую скоропись. Николай Афанасьевич дал мне свою повесть на рецензию, и я практически полностью ее переделал. Настолько слабо она была сделана. Она и сейчас кажется мне слабой, когда я ее смотрю. И вот, когда я ему дал эту переделанную книгу, он говорит: «слушай, Саша, я теперь не могу себя считать главным в этой книге. Ты будешь моим соавтором. Это не рецензия, это соавторство». Так я стал соавтором книги, сам того не желая. Но, например, все рисунки в книге были сделаны мной. Они были довольно неплохо сделаны. В то время было уже много иллюстраций этой эпохи. За основу я брал их.

— **Сталкивались ли Вы с какими-либо цензурными ограничениями при издании книг?**

— Не было никаких. Единственный случай был с редактором книги «Революционные были» Поповой в Нижне-Волжском

издательстве. Была у нее одна придирка, когда я писал о Михаиле Георгиевиче Непряхине, участнике трех русских революций. Он был продкомиссаром в Астрахани. Представляете, что значит быть продкомиссаром в то время, когда голод. Я там пишу, как он критиковал наркома продовольствия Александра Цюрупу за поручения, которые невозможно было выполнить. Он критиковал в этом отношении Кирова. Писал, что Киров совершенно не понимает продовольственного вопроса в Астрахани. Я в книге конкретно об этом пишу. И вот она говорит, — «слушайте, или внесите исправления или я отказываюсь допускать книгу». Это был очерк «Продкомиссар». Она велела убрать информацию о письмах Непряхина Кирову и Цюрупе. Но я не стал исправлять, я просто убрал этот очерк.

— **На настоящий момент у Вас издано несколько десятков книг. Многие посвящены историческим личностям. Как происходил выбор сюжетов и сбор материала?**

— Мне приходилось обращаться и в московские архивы, и в ленинградские. Там я тоже много находил интересного. Когда видишь, что в архиве попадают какие-то новые интересные материалы, которые неизвестны читателям, это всегда вдохновляет. Ведь об этом никто не знает, а хочется, чтобы узнали. В архивах много таится неизвестного. Например, в 1987 г. я написал книгу «Атаман метёлка». События происходят уже после восстания Пугачёва, когда в низовьях Волги мог вспыхнуть новый огромный мятеж. Это таинственная личность, которую я до конца так и не раскрыл. Я так и не знаю точно, кто скрывался под этим именем. Атаман Метелка — это прозвище. Его называли «Батюшка», но никто его настоящим именем никогда не называл. Это таинственная личность, и он говорил, что «Пугачёв попугал господ, а я их вымету». И дело в том, что когда Екатерине II донесли, что им написано воззвание, то она сказала, что этот, пожалуй, может быть почище Пугачёва. Пугачев неграмотный, а у этого каллиграфический писарский почерк. Астраханские архивы очень богаты материалами. Например, 1 декабря 1981 г. я просматривал фонд начальника астраханского таможенного округа, и там мне попала такое дело — «Переписка

Рис. 4. Александр Сергеевич Марков. 1961 г.

с бакинской портовой таможенной об имуществе после умершего посла в Персии статского советника Грибоедова». Когда я увидел это дело, я просто поразился. Какие могут быть вещи Грибоедова, когда везде пишут, что никаких вещей не осталось, что все было разграблено, а все члены миссии, кроме одного, были убиты? Чудом спасся только Мальцев, а остальные все были убиты, и само тело Грибоедова целый день лежало на площади на жаре. После этого обезображенный труп еле опознали. Пушкин писал, что его опознали только потому, что нашли оторванную руку со следами пушечной пули, которая была следствием поединка. Первого декабря я нашел это дело и заказал его. Я думал, там будет описание имущества, но этой описи не оказалось, а было только сообщение, что 30 января 1829 г. на лодке зензилинского персиянина Ага Метадонафарова были привезены в Баку 50 ящиков с вещами Грибоедова и членов его миссии. И было приказано составить описание всех этих вещей в бакинской таможене и некоторые вещи отправить в Тифлис, но почему-то не жене Нине Грибоедовой, а родственнику, поэтому

может они и остались неизвестными. Наверное, была все-таки составлена опись. Я пишу об этом в первой книге своих дневников «Ускользящее время».

— Насколько благотворным для исторических исследований оказалось Ваше увлечение рисунком?

— Рисунки очень помогали. И в иллюстрировании книг, и в оформлении пособий. Некоторые мои рисунки были приобретены картинными галереями. Например, в подмосковном санатории Вороново было 25 моих рисунков. Тогда директором галереи был Луговской. Много рисунков было передано мной в Шушенскую картинную галерею, сначала Рехлову, а потом Лидии Ивановне Рудаковой. Там мною была нарисованная графическая картина «Долорес Ибаррури у могилы своего сына в Сталинграде». Лидия Ивановна пишет, — «в картинную галерею приезжала Долорес Ибаррури, и мы подарили ей вашу картину. Так что радуйтесь, что она в такие руки попала».

— Расскажите о Вашем увлечении коллекционированием. С чего оно начиналось?

— Это мне тоже очень многое давало. Тогда время было такое, что на Больших Исадах утром собирались старушки, вдоль берега раскидывали свои полотенца или чаконки и на них ставили старинные кувшины, утварь и иконы. Коллекционирование для меня начиналось так. Тогда много было коллекционеров, с которыми я общался, и которые там уже давно были. Это, например, Володя Попов, Маринков старший лейтенант, Коля Бочаров прозвищем Забодай. Обычно он какую-то вещь приобретал, и через какое-то время его спрашивали, слушай, вот у тебя серебряный стаканчик был, где он у тебя? Коля отвечал, — «я его уже забодал». То есть уже продал. И у этого Забодая я купил первую интересную икону — схимонах отрок Боголеп Черноярский. Это икона, которую Пётр велел не упоминать и не молиться, потому что, когда во время восстания 1705 г. войска царские подошли к Чёрному яру, жители Чёрного яра устроили вокруг крепости крестный ход и во главе несли икону Боголепа Черноярского. И сказали, что никогда этот антихрист не возьмет город, пока у нас

во главе стоит отрок Боголеп. И когда Пётр узнал об этом, то очень разгневался. Когда в 1722 году Петр отправился в персидский поход, специально остановился у Чёрного яра, пошел посмотреть могилу Боголепа. И приказал астраханскому архиепископу сравнить с землей часовню, где находились останки Боголепа и никогда его не упоминать. Но, несмотря на этот указ Петра, ему продолжали поклоняться. И вот эта икона, даже с серебряным окладом, датированным концом XVII века. Сейчас его вновь почитают, он в канон вошел. Где Забодай взял эту икону, для меня загадка. Тогда много интересного попадалось. Например, я могу вспомнить икону, которая была написана Гурием Никитиным, но тогда я не знал точно, кто ее автор. Я купил ее у одной старушки, которая хотела передать ее старообрядческой церкви, говоря, что это икона старообрядческая. Я попросил ее показать. Там была икона «Скорбящим радость пресвятой Богородицы», на которой были ангелы, укрывающие нагих и дающие хлеб голодным. Ее можно узнать, где бы она ни находилась. Она на толстой доске написана, без ковчега. Я тогда думал, что старые все ковчегные, но потом узнал, что не все. Гурий Никитин писал на толстых досках. Как-то в парке Карла Маркса, где стали собираться по воскресениям антиквары, я увидел, что продаются интересные книги. Одна в красивом переплете — «Русские былины», а еще «Астрахань. Старые годы» Хлебникова, а мне тогда очень нужно было это издание. В библиотеке был экземпляр, но ездить туда каждый раз было тяжело, и я решил ее обменять, потому что считал, что эта икона конца XVIII в. Я привык, что фон должен быть охристый, а у этой темно-зеленый. Потом только, прочитав книгу искусствоведа В. Брюсовой, я понял. Внизу имена ангелов — жаждающим, голодным, прочим, написаны в узорном картуше. Обычно пишут прямо наверху, на ленте, а здесь в картуше. И внизу под картушем написано мелкими золотыми буквами, то ли Гунин, то ли Бунин. Я уже потом понял, что там было два слова. Оказалось, было написано Гурий Никитин, но буквы, вынесенные наверх, стерлись, поэтому я подумал, что это одна фамилия. Я ее по памяти нарисовал и в новой книге привожу.

— **Последние несколько лет Вы посвятили изданию воспоминаний. Насколько осторожно стоит подходить к дневниковому жанру как к историческому источнику?**

— Конечно, мы выбираем события, которые больше всего запоминаются. Которые какое-то впечатление произвели в этот день. Но бывают впечатления такие, которые не записываешь в дневнике. Я дневники веду очень давно, но записываю не все, потому что могут быть дразги, скандалы, не будешь же их записывать, хотя они, может быть, позже будут иметь значение. Представьте, какой-нибудь скандал Пушкина, который гораздо важнее встречи с каким-нибудь почтовым инспектором. Так что об этом говорить очень сложно, но, во всяком случае, дневники показывают характер человека, его неповторимость. При редактировании дневников я стараюсь ничего не менять, но иногда все-таки меняю, потому что со временем о некоторых людях у меня складывается новое впечатление. Например, я писал о художнике Шеллеле, любителе нарваться на какой-нибудь скандал, но не это главное в его жизни, и я не стал об этом писать, зачем вносить в его душу помарку. Так что бывает со временем уже другой подход к личности. Она в сознании отшлифовалась за эти годы. О ней сказали друзья, соседи и ты имеешь уже более законченное представление. Издано уже пять книг моих дневников. Конечно, в книги я отбираю далеко не все события. Я отбираю наиболее интересные, на мой взгляд, исторические факты. Может быть, это и неверно.

— **Какие качества вы считаете главными для историка? Изменилось ли для Вас представление о задачах истории?**

— Историк нужен опыт. Опыт работы с документами, с артефактами. Сейчас, мне кажется, что история стала изощреннее. Авторы на первое место ставят лингвистические способности, упуская общую интригу. Невозможно полностью уйти от личных переживаний. Один Борис Годунов у Пушкина и совершенно другой у Костомарова. Однажды ко мне приехал саратовский историк Владимир Михайлович Цыбин. Он почти каждый год приезжал в Астрахань и заходил ко мне. И вот однажды он заходит и показывает открытку, которую он купил в астраханском книжном магазине. Там изображена демонстрация у стен астраханского кремля. Идут молодые, совсем школьники. На переднем плане мальчик и девочка несут флаг,

Рис. 5. Открытка. Первомайская демонстрация у стен Астраханского кремля.
На основе фото А. Полежаева. 1960-е гг.

а сзади несут большой транспарант, на котором написано: «Нам жить при коммунизме!». Цыбин говорит, смотри, какие вы издаете открытки, хотя эта открытка была издана и не в Астрахани даже, а в другом городе. Он собирал открытки. И вот только недавно я ее купил, потому что он умер, и вся его коллекция продавалась. Ко мне приехал краевед Степанов и принес эту открытку. Так она вновь вернулась в Астрахань. Тогда мы все действительно думали, что будем жить при коммунизме, а сейчас все эти лозунги уже не востребованы. Такой небольшой отрезок времени, и уже у молодежи совсем другое представление о будущем.

***

Профессиональную деятельность историка можно рассматривать под разными углами. Любой специалист, так или иначе, проходит путь от сбора материала до публикации своих работ. Между этими этапами находится самый важный и практически недоступный для изучения — этап аналитической мысли и структурирования нарратива. Чтобы приблизиться к пониманию того, как написано исследование, недостаточно лишь прочесть его. Нужно понять, какие мотивы двигали историком, каким методологическим багажом и исследовательской оптикой был он оснащен. У нас есть возможность проникнуть в его мастерскую, читая дневники или при личном общении. Интервью в данном случае являются бесценным источником, позволяющим немного отодвинуть ширму, отделяющую нас от процесса литературного творения прошлого.

АННОТАЦИИ

И.М. Савельева

**Доверчивый читатель и наивный писатель:
автобиография Е.В. Гутновой
как источник по истории (не)академических эмоций**

Автобиография советского историка-медиевиста Е.В. Гутновой анализируется в статье как источник по истории эмоций. В исследовании показано, что эмоциональные и субъективные суждения в повествовании автора, несмотря на то, что она историк, преобладают над бесстрастным повествованием, сдержанными интерпретациями, сознательным дистанцированием и стремлением к объективности, давно уже характерными для автобиографий западных историков. Автобиография отечественного историка, прошедшего сквозь пертурбации XX века, радикально отличается от написанных во второй половине прошлого столетия автобиографий его зарубежных коллег. В воспоминаниях Гутновой мы обнаруживаем отождествление своей частной жизни с метанарративом истории страны и историю профессиональной корпорации, но не находим попыток историзации личного прошлого. В отличие от мемуаров зарубежных историков, подчеркнуто нейтральных по отношению к собственному прошлому, ее автобиография сознательно субъективна.

Ключевые слова: автобиография, историк, история эмоций, медиевистика, страх, счастье, академическая дружба, Гутнова.

И.В. Нарский, Н.В. Нарская

**Еще раз о «лирической историографии»:
три случая из опыта исследовательской авторефлексии**

В статье речь идет о трех казусах, в рамках которых формировалась авторская версия концепта «лирической историографии», определялась ее специфика и проверялись ее возможности. Первый казус возник в связи с авторскими размышлениями постфактум об определении жанра вышеназванной книги. Стимулом к контекстуализации этих размышлений стала книга Дины Хапаевой «Герцоги республики в эпоху переводов». Второй казус посвящен

определению роли, которую в своей фундаментальной книге «Советский век. Археология погибшего мира» Карл Шлегель отводит собственному опыту свидетеля. Третий казус связан с вопросом о том, как опыт личного участия помог авторам этой статьи в исследовании блошиного рынка. Три конкретные примера авторефлексии историка и социолога обнаруживают специфику «лирической историографии» как своего рода эстетической программы в рамках исследований культуры. В ней ученые опираются на собственный опыт, ориентируются на нестандартное, рискованное мышление, готовы к экспериментированию в области методологии и форм репрезентации исследовательского результата, уважительно относятся к своим героям и читателям, несут ответственность за плоды своего труда.

Ключевые слова: лирическая историография, новая культурная история, исследовательский опыт, исследовательское воображение, научная авторефлексия, блошинный рынок, разговорчивые вещи.

В. Вжосек

**Заметки о так называемой «непонятности»
методологии истории**

Автор предпринимает попытку эвристичной проблематизации ответа на вопрос, почему методология истории является (или бывает) столь непонятна для историков. Основываясь на размышлениях на данную тему выдающихся теоретиков культуры и специалистов в области методологии гуманитарных наук, автор старается прежде всего придать этой проблеме логико-методологический смысл, а затем набросать общие очертания ответа на вопрос, почему «настоящий историк» не понимает методологии и метаисторической рефлексии.

Ключевые слова: радикальная непонятность, техническая непонятность, «частный язык», язык публичной аргументации, Роман Ингарден, Ежи Кмита.

О.В. Воробьева

Методологическая одиссея А.Дж. Тойнби

В статье рассматривается специфика воззрений А.Дж. Тойнби на целый ряд важнейших для исторической науки методологических вопросов, а именно проблему научности истории, объективности получаемых ее результатов,

относительности исторического знания, роли воображения в процессе создания истории и другие. Последовательно анализируя тойнбианскую рефлексию этих вопросов в десяти томах «Постижения истории», а также в ряде других методологически ориентированных статей и лекций британского историка, появившихся после завершения этого грандиозного труда, автор оспаривает некоторые устоявшиеся положения мировой тойнбианы и показывает специфику методологического мышления А.Дж. Тойнби. Она заключается не только в трансформации взглядов британского историка, но и в наличии определенных методологических образов, переигрываемых Тойнби в разных аспектах, интонациях и смысловых соседствах. Автор дает собственный вариант ответа на вопрос о причинах постоянной ре-актуализации и востребованности творчества А.Дж. Тойнби.

Ключевые слова: *А.Дж. Тойнби, «Постижение истории», методология истории, философия истории, относительность исторического познания, социальный ученый, исследователь-проводник.*

В.В. Высокова, Ю.С. Шипицына

Лоррейн Дастон: принцип объективности и субъективность в истории научного знания

Статья посвящена интеллектуальной биографии Лоррейн Дастон, одной из наиболее влиятельных сегодня исследовательниц истории науки. Обстоятельства жизни, определившие ее профессиональное становление и сформировавшие исследовательский интерес, рассмотрены в контексте развития истории науки в США в XX в. Обзор содержания значимых работ историка дополнен обращением к интервью разных лет. О необходимости постоянной исследовательской рефлексии, преимуществах коллективной работы, методологическом поиске и реалиях дисциплинарного кризиса Дастон говорит с опорой на многолетний опыт изучения принципа объективности, продолжающего связывать науку прошлого и настоящего несмотря на кардинальные трансформации. Отдельное внимание уделено влиянию учителей — Эрвина Хиберта и Джорджа Сартона, а также сотрудничеству с Питером Галисоном, соавтором «Объективности» — исследования, которое закрепило за авторами статус смелых новаторов в подходе к проблеме исторической изменчивости объективного и субъективного в научной культуре.

Ключевые слова: *история науки, история объективности, Лоррейн Дастон, Эрвин Хиберт, Джордж Сартон, Питер Галисон.*

И.Н. Ионов

Конструируя образы российской цивилизации: взгляд снаружи и взгляд изнутри

Статья посвящена анализу зарубежной критики цивилизационного подхода в постсоветской России, в которой активной участвуют и отечественные исследователи. В ней показано, что редукция теории локальных цивилизаций к националистической консервативной идеологии определяет поверхностный характер взгляда критиков. Сосредоточенность на феномене «цивилизационизма» выводит на первый план их исследований фигуры О. Шпенглера, Н.Я. Данилевского, Л.Н. Гумилева, С. Хантингтона, а также националистов, которые опирались на их идеи. В то же время игнорируется влияние на историческое исследование российской цивилизации школы «Анналов» и созданного А.Дж. Тойнби Международного общества сравнительного изучения цивилизаций. На основе личного опыта показано, как конкретно написание учебника по истории российской цивилизации было связано с восприятием и развитием исследовательского и методического опыта Ф. Броделя. Изучение российской цивилизации объединяло в 1990–2020-е гг. усилия историков различных специальностей, что позволило продвинуться в области изучения функций этого понятия и связанных с ним теоретических подходов, обновить повестку дня исторической науки и вопросник историков за счет социокультурной тематики. Националистический уклон в цивилизационных исследованиях связывается с глобальной тенденцией возрождения имперских моделей истории в XXI в.

Ключевые слова: *российская цивилизация, цивилизационизм, цивилизационный подход, дискурсивная гегемония, пустое означающее, школа «Анналов», национализм.*

О.Б. Леонтьева

Научная преемственность как историографическая проблема

Современная историография все чаще обращается к изучению истории научных знаний во взаимосвязи с историей научных сообществ. Это направление сложилось в результате встречного влияния нескольких сфер гуманитарного знания, прежде всего интеллектуальной истории, социологии и философии науки. При анализе внутренней социальности науки одной из ключевых проблем является изучение диалектики научного творчества

и преемственности, характеристика социокультурных форм, выработанных научным сообществом для трансляции знаний и для формирования новых поколений ученых. Настоящая работа посвящена анализу того, как рассматриваются эти проблемы в отечественной историографии: какие типы научной преемственности выявляют историографы, обращаясь к изучению развития исторической науки в России на протяжении двух последних столетий, какие точки разломов и перерывы постепенности выделяют они в судьбе научного сообщества российских историков, и как, с точки зрения исследователей, трансформировались за два столетия практики межпоколенческих научных коммуникаций.

Ключевые слова: научная преемственность, научная школа, поколения в науке, невидимый колледж, научное пространство, научное сообщество, научный этос, история исторической науки в России.

А.А. Кузнецов

Историография как культурная сфера непредсказуемого: «опоздания» и упущенные возможности

В статье рассматривается история исторической науки с точки зрения рождения и действия нарративов. Эти исторические нарративы порождают новые смыслы и влияют на развитие исторической науки и культуры. В основе данных процессов лежит концепт непредсказуемого развития культуры. Описание концепта было предложено Ю.М. Лотманом. В таком случае история исторической науки как часть культуры приобретает признаки и характеристики творческой непредсказуемости. Ей присущи феномены выбора, упущенных возможностей, своевременности и «опоздания». Каждый исторический текст — порождение своей эпохи. Более позднее его появление лишает его смысла и создает авторскую травму его создателю. В качестве фактов привлекаются исторические тексты С. Коэна о Н.И. Бухарине, С.Ф. Платонова о Смутном времени, П.Г. Любомирова о Нижегородском ополчении 1611–1612 гг., С.Н. Чернова о декабристах и сюжетах нижегородской истории, А.Е. Преснякова об образовании Российского государства, А.Я. Садовского о Кузьме Минине, С.И. Архангельского о «русской школе» англоведения и др.

Ключевые слова: история исторической науки, культура, творчество, культурная непредсказуемость, «опоздание», упущенная возможность, Ю.М. Лотман, С. Коэн, С.Ф. Платонов, С.И. Архангельский, А.Е. Пресняков, С.Н. Чернов, П.Г. Любомиров.

В.П. Буданова

Рефлексия готицизма в лабиринтах мифологизации готской одиссеи

В статье рассматривается рефлексирующий творческий процесс изучения эволюции истории готлов. В предметном поле историописания анализируются методы, подходы и направление исследований готской проблемы. Показано, как рефлексия интерпретации и реинтерпретации готской древности меняет акцент мышления исследователя, формирует познавательную модель «готицизма». Феномен «готицизма» трактуется как синтез исторического знания и исторического мифа. Отмечено, что «готицизм» и готоведение неразрывны и динамичны. Если научный факт зачастую дает почву для мифа, то миф влияет на осмысление научного факта. Обращено внимание на поиск новых подходов переосмысления сомнительной и противоречивой интерпретации свидетельств древних авторов о готах. Анализ готцентристского исторического мифа становится самостоятельным объектом исследования, равнозначным письменной традиции, данным археологии и лингвистики.

Ключевые слова: творческая рефлексия, историописание, парадигма, «готицизм», готы, готская проблема, черняховские древности, Иордан.

Г.Г. Пиков

Из истории появления в России нового типа исследователя-кочевниковеда (Н.Я. Бичурин, В.П. Васильев и М.Н. Суворцов)

В статье рассматривается специфика периода становления научного кочевниковедения в XIX в. Особый акцент делается на формировании нового типа исследователя. Затрагиваются проблемы его социального происхождения, особенности мировоззрения и концептуального осмысления истории человечества, Востока и кочевников. Данные проблемы иллюстрируются работами таких исследователей, как Н.Я. Бичурин (о. Иакинф), В.П. Васильев и М.Н. Суворцов. Анализ этих трудов позволяет сделать уверенный вывод о том, что результатом их деятельности становится закладывание фундамента последующей эволюции номадологии.

Ключевые слова: Россия, Восток, Восточная Азия, Центральная Азия, востоковедение, кочевниковедение, методология, тип исследователя, Н.Я. Бичурин, В.П. Васильев, М.Н. Суворцов.

Г.П. Мягков, Т.Н. Иванова, В.П. Корзун

**1879 год как контрапункт формирования
«Русской исторической школы»**

Формирование и развитие сети научных коммуникаций, образование научных школ — это сложный процесс, который зависит от целого комплекса причин: от общественно-политической конъюнктуры, объективных и субъективных предпосылок и чисто случайных событий. Так, события 1879 г. свели в Московском университете целый ряд уже известных и еще только подающих надежды молодых ученых, которые сыграют свою роль в формировании «русской исторической школы». В это время М.М. Ковалевский, уже популярный автор ряда книг, объединил вокруг себя плеяду прогрессивно мыслящих ученых университета, для которых он становится центром притяжения. В это же время вступает в период научной зрелости В.И. Герье, получивший известность благодаря своим начинаниям: чтению первых лекций по истории Французской революции, организации первого семинара для студентов, открытию Высших женских курсов, деятельности «вечернего семинария» у себя на дому для наиболее талантливых учеников. Его ученики Н.И. Кареев и П.Г. Виноградов уже прочли свои первые лекции в качестве сторонних преподавателей в Московском университете и, вернувшись из научных командировок, готовили свои магистерские диссертации. И именно в 1879 г. первый ученик Герье защитил свою диссертацию, однако это привело, скорее, не к укреплению научной школы Герье, а открыло путь к созданию нового научного сообщества. Контрапункт, соединивший устремления всех этих ученых, четко прозвучал на диспуте по защите магистерской диссертации Н.И. Кареева. Именно здесь определились не только направления будущего сотрудничества, но и выявились определенные противоречия, симпатии и антипатии членов формирующейся «русской исторической школы», которая принесет не только известность русской исторической науке всеобщей истории, но и будет способствовать новым методологическим исканиям «общего прошлого единого человечества».

Ключевые слова: 1879 год, Московский университет, отечественная историография всеобщей истории, русская историческая школа, М.М. Ковалевский, В.И. Герье, Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов.

Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришина

**Диссертационная культура
как российская научная традиция
сообщества ученых-историков
XIX — первой половины XX века:
сложности рецепции и перехода**

В статье акцентируется внимание на особенностях формирования российской диссертационной культуры, начало становления которой восходит к первому десятилетию XIX в. Авторы обращаются к опытам нормативного ее оснащения и, одновременно, осмысления современниками ее эффективности как системы подготовки научных кадров высшей квалификации. Последний блок проблем вызвал на рубеже XIX–XX вв. дискуссии, ориентированные на обсуждение вопросов очередного витка реформирования университетской системы, органичной частью которой являлась культура подготовки и защит диссертаций. Предпринимается попытка наметить особенности перехода дореволюционной диссертационной системы к ее советскому аналогу, осуществляемого через рецепцию дореволюционного опыта. В контексте наблюдаемого событийного ряда авторами выдвигается идея о формировании долговременной российской традиции диссертационной культуры. Сформировавшись в XIX — начале XX в., диссертационная культура/система сыграла роль специфического интеллектуального моста, соединившего опыт дореволюционной науки с формирующейся советской научной системой.

Ключевые слова: российская диссертационная культура, защита диссертации, соискатель ученой степени, нормативная основа диссертационной системы, оппонирование, дискуссии.

А.А. Сальникова, С.Ю. Мальшева

**«Чужие»? историки Казанского университета
в первые годы советской власти**

В статье реконструированы биографии и прослежен творческий путь ряда историков, изучавших и преподававших отечественную историю в Казанском университете в первые советские десятилетия. На примере четырех ярких, но абсолютно непохожих представителей казанской

исторической школы этого периода — профессора Н.Н. Фирсова (1864–1933), приват-доцентов П.Г. Архангельского (1884–1921) и В.И. Огородникова (1889–1938), а также одного из признанных мэтров советской исторической науки, выпускника Казанского университета С.А. Пионтковского (1891–1937), начавшего свой творческий путь и педагогическую деятельность в Казани, показано разнообразие и вариативность поведенческих стратегий казанских университетариев в условиях становления новой советской действительности, новой советской исторической науки и новых университетских порядков. Несмотря на различные варианты и модели поведения, все они оказались в итоге «чужими» для советской власти, так или иначе обрешавшей их на травлю, страдания, изоляцию, одиночество и трагический конец, выбросившей их на долгие годы за пределы советского историографического пространства и из памяти новых поколений советских историков.

Ключевые слова: советская историческая наука, отечественная история, историки, персоналии, Казанский университет, 1920–1930-е гг.

Н.В. Ростиславлева

Вильгельм фон Гумбольдт как историк: лаборатория исследователя

В статье рассматривается восприятие исторического процесса прусским политиком и ученым Вильгельмом фон Гумбольдтом. Автор показывает, что он в осмыслении прошлого активно привлекая инструменты философии, лингвистики, антропологии. В философском плане Гумбольдт не использовал присущий историкам-просветителям инструментарий, подчеркивая не рационалистическую, а этическую составляющую философского дискурса. Индивидуум являлся центром исторических штудий Гумбольдта. Ученый полагал, что историк — это творец, который с эстетических позиций может корректировать прошлое. Познание исторического процесса ученый связывал с развитием языка и во многом предвосхитил идею органического развития Л. Фон Ранке, а также методы современной герменевтики.

Ключевые слова: Вильгельм фон Гумбольдт, исторический процесс, этические ценности, история как искусство, язык как инструмент познания прошлого.

Д.Е. Мартынов

Этапы интеллектуального становления Кан Ювэя (1858–1927): гипотеза Тан Чжицзюня и границы биографического метода

В статье рассмотрены материалы дискуссий китайских историков философии и текстологов Тан Чжицзюня (род. 1924) и Ли Цзэху (1930–2021) относительно времени создания «Книги о Великом единении» («Да тун шу») выдающегося китайского реформатора Кан Ювэя (1858–1927). Показаны различные подходы, которые применяли исследователи, во время дискуссии 1955–1957 гг. Для понимания контекста дискуссии впервые в российской историографии представлен очерк интеллектуальной биографии Тан Чжицзюня, который был потомком известного философа-неоконфуцианца Чанчжоуской школы Чжуан Цуньюя. Если Ли Цзэху исходил из внутренней критики источника, безусловно доверяя собственным суждениям автора — Кан Ювэя, — приведенным в его автобиографии, то Тан Чжицзюнь активно исследовал миф, который Кан Ювэй создавал вокруг себя. После обнаружения рукописи «Да тун шу» гипотеза Тан Чжицзюня набирает больше сторонников. Окончательно его аргументация в пользу позднего написания «Да тун шу» была сформулирована к 2005 г. Однако и на современном Западе его позиция отвергается из-за изначально заданных границ: у Тан Чжицзюня Кан Ювэй считается «реакционным» философом, поздняя датировка сочинений которого хорошо объясняет его эволюцию от реформатора к апологету маньчжурской монархии. Напротив, у либерально ориентированного Ли Цзэху Кан Ювэй предстал прогрессивным эволюционистом и сторонником свободы личности.

Ключевые слова: интеллектуальная история, неоконфуцианство, Кан Ювэй, «Книга о Великом единении» («Да тун шу»), Тан Чжицзюнь, Ли Цзэху, Ф. Брусаделли.

Е.А. Вишленкова, С.Н. Затравкин

История российской фармы как новое исследовательское поле

Сегодня историки открывают для себя и читателей новые исследовательские поля благодаря усовершенствованным методам анализа, новым источникам или смелости вторгнуться в те области, куда ранее вход был закрыт профессиональными табу. Таковой является история медицинских наук и практик, среди которых фармация и лекарственное обеспечение

занимают социально важное место. Исходя из постулата о том, что коллективное прошлое формирует идентичность и мировоззрение сообщества, авторы данной статьи анализируют, каким письменным прошлым обладает современная российская фарма. При этом понятие «фарма» в данном случае объединяет государственную фармацевтическую отрасль и частный лекарственный бизнес. Исследователи показали, что дает историческая перспектива для таких явлений как фармрынок, показывают дисциплинарные преимущества историков в сравнении с экономическим подходом Обзор медийных войн, развернувшихся вокруг мировой Big Pharma, убеждает в том, что в наши дни биография российской фармы является ключевой не только для истории науки, но и для понимания социальной истории.

Ключевые слова: история российской медицины, история российской фармации, фармацевтический рынок, Большая фарма.

Т.А. Тоштендаль-Салычева

Великая Северная война: создание популярной истории в Швеции

На примере профессиональных историков Швеции автор статьи знакомит читателя с традицией жанра популярной истории в этой скандинавской стране на протяжении XX и XXI веков. Подробному разбору подвергаются труды Петера Энглунда, и прежде всего его книга «Полтава», а также работа Магнуса Вэстербру «Время тирана. О Швеции во времена Карла XII».

Ключевые слова: шведская историография, популярная история, Великая северная война, Полтавская битва, Карл XII.

Н.И. Девятайкина

Саратовский профессор С.М. Стам и его ответы на вызовы времени

Профессор С.М. Стам (1913–2010) — ученик академика С.Д. Сказкина, создатель саратовской школы урбанистов, почти 50 лет заведовавший кафедрой истории средних веков Саратовского классического университета, специалист по истории средневекового города и ренессансной культуры. В статье на основе воспоминаний профессора и о профессоре, ка-

федральной документации, живых наблюдений выявляется, как С.М. Стам шаг за шагом «прививал» высокую университетскую культуру к повседневности доверенной ему кафедры, в каких ученых, культурных и личных «статусах» являл себя; затрагивается вопрос о круге общения и «взаращивании» учеников.

Ключевые слова: С.М. Стам, урбанистика, статус ученого, университетская культура повседневности, могущество памяти.

Г.В. Шнак

Интервью с астраханским историком Александром Сергеевичем Марковым

Процесс развития профессиональных качеств историка и его исследовательских предпочтений, не говоря уже об авторском инструментарии, как правило, остается за рамками «поля зрения» читателей исторических работ. Одними из возможных способов заглянуть в «мастерскую» исследователя являются дневники, в которых автор может рефлексировать по поводу своей научной деятельности, а также интервью. Это интервью с астраханским историком А.С. Марковым (06.09.1931 — наст. вр.) я взял незадолго до его 90-летия. Основной задачей было выяснить, как жизненные повороты влияли на профессиональную деятельность А.С. Маркова, и посмотреть на то, какие вспомогательные инструменты помогали историку в ходе развития его писательской карьеры.

Ключевые слова: А.С. Марков, профессия историк, Астрахань, краеведение, XX век.

SUMMARIES

Irina Savelyeva

Trusting Reader and Naive Writer: Autobiography of E.V. Gutnova as a Source on the History of (Non)academic Emotions

The autobiography of the Soviet medieval historian Eugenia V. Gutnova is analyzed in the article as a source on the history of emotions. The study shows that the emotional and subjective judgments in the author's narrative, despite the fact that she was a historian, prevail over the dispassionate narrative, restrained interpretations, conscious distancing and the desire for objectivity, which have long been characteristic of the autobiographies of Western historians. The autobiography of a Russian historian who went through the upheavals of the 20th century is radically different from the autobiographies of her foreign colleagues written in the last century. In Gutnova's memoirs, we find identification of her private life with the meta-narrative of the history of the country and the history of a professional corporation without attempts to historicize the personal past. Unlike the memoirs of foreign historians, which are emphatically neutral in relation to their own past, her autobiography is consciously subjective.

Keywords: *autobiography, historian, history of emotions, medieval studies, fear, happiness, academic friendship, Gutnova.*

Igor Narskii, Natalia Narskaya

Once Again on "Lyrical Historiography": Three Cases from the Experience of Research Autoreflexion

The article deals with three cases in which the author's version of the concept of "lyrical historiography" was formed, its specificity was defined and its possibilities were tested. The first case arose in connection with the author's post factum reflections on the definition of the genre of the above-mentioned book. The stimulus for contextualizing these reflections was Dina Khapaeva's book *The Dukes of the Republic in the Age of Translation*. The second case deals with defining the role that, in his fundamental book *"The Soviet Century. The Archaeology of a Lost World"*, Karl Schlegel assigns to his own experience

as a witness. The third case involves the question of how the experience of personal participation helped the authors of this article to research the flea market. Three specific examples of the historian's and sociologist's self-reflection reveal the specificity of "lyrical historiography" as a kind of aesthetic program within cultural studies. Here scholars draw on their own experience, orient themselves toward unconventional, risky thinking, are prepared to experiment with methodology and forms of representation of the research result, are respectful of their heroes and readers, and take responsibility for the outcome of their work.

Keywords: *lyrical historiography, new cultural history, research experience, research imagination, scientific autoreflexion, flea market, talking things.*

Wrzosek Wojciech

Notes on the So-called "Incomprehensibility" of the Methodology of History

The author of the article makes an attempt to answer in a more heuristic way the question of why the methodology of history is (or can be) so unclear for historians. Taking as a basis the reflections of distinguished theorists of culture and specialists in the field of methodology of the humanities, the author tries first of all to give this problem a logical and methodological meaning, and then to sketch the general outline of the answer to the question why "a real historian" does not understand methodology and meta-historical reflection.

Keywords: *radical incomprehensibility, technical incomprehensibility, "private language", the language of public argumentation, Roman Ingarden, Jerzy Kmita.*

Olga V. Vorobieva

Methodological Odyssey of A.J. Toynbee

The article considers the specificity of A.J. Toynbee's views on a number of important methodological issues for the historical science, namely the problem of the scientificity of history, the objectivity of its results, the relativity of historical knowledge, the role of imagination in the creation of history and others. Consistently analyzing the Toynbee's reflection of these issues in the ten volumes of the *"A Study of History"*, as well as in a number of other methodologically oriented articles and lectures of the British historian, which appeared after the completion of this monumental work, the author challenges

some established positions of the Toynbee world and shows the specificity of A.J. Toynbee's methodological thinking. It lies not only in the transformation of the views of the British historian, but also in the presence of certain methodological images, Toynbee played over in different aspects, intonations and semantic neighborhoods. The author gives her own version of the answer to the question about the reasons for the constant re-actualization and relevance of A.J. Toynbee's works.

Keywords: *A.J. Toynbee, "A Study of History", methodology of history, philosophy of history, relativity of historical cognition, social scientist, explorer.*

Veronika Vysokova, Yulia Shipitsyna

Lorraine Daston: The Principle of Objectivity and Subjectivity in the History of Scientific Knowledge

The article deals with the intellectual biography of Lorraine Daston, one of the most influential contemporary researchers in the history of science. The circumstances of her life, which determined her professional formation and shaped her research interest, are considered in the context of the development of the history of science in the United States in the twentieth century. On the need for constant research reflection, the advantages of teamwork, the methodological search, and the realities of the disciplinary crisis, Daston draws on years of experience with the principle of objectivity, which continues to bind together science past and present despite dramatic transformations. Particular attention is paid to the influence of teachers Erwin Hiebert and George Sarton, and to the collaboration with Peter Galison, co-author of *Objectivity*, a study that established the authors as bold innovators in their approach to the problem of the historical variability of the objective and subjective in scientific culture.

Keywords: *history of science, history of objectivity, Lorraine Daston, Erwin Hiebert, George Sarton, Peter Galison.*

Igor Ionov

Constructing Images of Russian Civilization: A Look from the Outside and a Look from the Inside

The article analyzes foreign criticism of the civilizational approach in post-Soviet Russia, in which domestic researchers are also actively involved. It shows that the reduction of the theory of local civilizations to a nationalist conservative ideology determines the superficial nature of the critics' view.

The focus on the phenomenon of "civilizationalism" brings to the forefront of their research the figures of O. Spengler, N.Y. Danilevsky, L.N. Gumilev, S. Huntington, as well as nationalists who drew on their ideas. At the same time, the influence of the Annales school and the International Society for the Comparative Study of Civilizations, founded by A.J. Toynbee, on the historical study of Russian civilization is ignored. Based on personal experience, it shows how the specific writing of the textbook on the history of Russian civilization was linked to the perception and development of F. Broudel's research and methodological experience. The study of Russian civilization united the efforts of historians of various specialties in the 1990s — 2020s, which made it possible to advance in the study of the functions of this concept and related theoretical approaches, to update the agenda of historical science and the questionnaire of historians at the expense of sociocultural topics. The nationalist bias in civilizational studies is associated with the global trend of the revival of imperial models of history in the 21st century.

Keywords: *Russian civilization, civilizationism, civilizational approach, discursive hegemony, empty signifier, Annals school, nationalism.*

Olga Leontyeva

Scientific Continuity as a Historiographic Problem

Contemporary historiography is increasingly turning to the study of the history of scientific knowledge in conjunction with the history of scientific communities. This trend has developed as a result of the counter influence of several areas of humanitarian knowledge, primarily intellectual history, sociology and philosophy of science. In the analysis of the internal sociality of science, one of the key problems is the study of the dialectics of scientific creativity and continuity, characteristics of socio-cultural forms developed by the scientific community for the transmission of knowledge and for the formation of new generations of scientists. This work is devoted to the analysis of how these problems are considered in Russian historiography: what types of scientific continuity are distinguished by historiographers who study the development of historical science in Russia over the past two centuries; what fault points and breaks in gradualness do they single out in the fate of the scientific community of Russian historians; and how, from the point of view of researchers, the practice of intergenerational scientific communication has been transformed over two centuries.

Keywords: *scientific continuity, scientific school, generations in science, invisible college, scientific space, science community, scientific ethos, history of historical science in Russia.*

Andrey Kuznetsov

**Historiography as a Cultural Sphere of the Unpredictable:
“Lateness” and Missed Opportunities**

The article considers the history of historical science in terms of the birth and action of narratives. These historical narratives generate new meanings and influence the development of historical science and culture. These processes are based on the concept of unpredictable development of culture. The description of the concept was proposed by Yu.M. Lotman. In this case, the history of historical science as part of culture acquires the signs and characteristics of creative unpredictability. It is characterized by the phenomena of choice, missed opportunities, timeliness and “lateness”. Every historical text is a product of its era. Its later appearance deprives it of meaning and creates an authorial trauma to its creator. Facts are drawn from Stephen Cohen’s historical texts about N.I. Bukharin, S.F. Platonov about the Time of Troubles, P.G. Lubomirov about the Nizhny Novgorod militia of 1611–1612, S.N. Chernov about the Decembrists and stories of Nizhny Novgorod history, A.E. Presnyakov about the formation of the Russian state, A.Y. Sadovsky about Kuzma Minin, S.I. Arkhangelsky about “Russian school” English studies, etc.

Keywords: *history of historical science, culture, creativity, cultural unpredictability, “lateness”, missed opportunity, Yu.M. Lotman, S. Cohen, S.F. Platonov, S.I. Arkhangelsky, A.E. Presnyakov, S.N. Chernov, P.G. Lubomirov.*

Vera Budanova

**Reflection of Gothicism in the Labyrinths
of the Mythological Gothic Odyssey**

The article considers the reflective creative process of studying the evolution of the history of the Goths. The methods, approaches and direction of research on the Gothic problem are analyzed in the subject field of historiography. It is shown how the reflexion of interpretation and reinterpretation of Gothic antiquity changes the focus of researcher’s thinking and forms the cognitive model of “Gothicism”. The phenomenon of “Gothicism” is interpreted as a synthesis of historical knowledge and historical myth. It is noted that “Gothicism” and gothic studies are inseparable and dynamic. If a scientific fact often gives ground to a myth, then a myth influences the comprehension of a scientific fact. Attention is drawn to the search for new approaches to rethinking the dubious and contradictory interpretation of the testimonies of

ancient authors about the Goths. The analysis of the Goth-centric historical myth becomes an independent object of research, equal to the written tradition, archaeological and linguistic data.

Keywords: *creative reflection, historiography, paradigm, «Goticism», Goths, Gothic problem, Chernyakhov antiquities, Jordan.*

Gennady Pikov

**From the History of the Emergence in Russia
of a New Type of Researcher of Nomadic Societies
(N.Ya. Bichurin, V.P. Vasiliev and M.N. Surovtsov)**

The article considers specific character of the period when scientific nomadic study was formed in the 19th century and focuses particularly on the formation of a new type of researcher. Problems of his social origin, features of his world outlook and conceptual comprehension of human history, the Orient and nomads are touched upon. These problems are illustrated by works of such researchers as N.Ya. Bichurin (Fr. Iakin), V.P. Vasiliev and M.N. Surovtsov. An analysis of these works makes it possible to draw a confident conclusion that the result of their activity is the laying of the foundation for the subsequent evolution of nomadology.

Keywords: *Russia, East, East Asia, Central Asia, Oriental studies, nomadic studies, methodology, type of researcher, N.Ya. Bichurin, V.P. Vasiliev, M.N. Surovtsov.*

German Myagkov, Tatiana Ivanova, Valentina Korzun

**Year 1879 as a Counterpoint in the Establishment
of “Russian Historical School”**

The formation and development of a network of scientific communications and the creation of scientific schools is a complex process that depends on a set of reasons ranging from the socio-political situation, objective and subjective preconditions, and purely accidental events. Thus, the events of 1879 brought together at Moscow University a number of already well-known and promising young scientists who would play their role in the formation of the “Russian school of history”. At this time M.M. Kovalevsky, already a popular author of several books, united around himself a group of progressively thinking scientists

of the University, for whom it becomes a center of attraction. At the same time V.I. Gerie entered the period of scientific maturity, he became known thanks to his initiatives: giving the first lectures on history of the French Revolution, organizing the first seminar for students, opening of the Higher women courses, activity of “evening seminary” at home for the most talented students. His students N.I. Kareev and P.G. Vinogradov already gave their first lectures as outside teachers at Moscow University and, having returned from scientific business trips, were preparing their master’s theses. And it was in 1879 that Gerie’s first student defended his thesis, but this did not lead, rather, to the strengthening of the Guerrier scientific school, but paved the way for the creation of a new scientific community. The counterpoint that united the aspirations of all these scientists clearly resounded at the debate on the defense of N.I. Kareev’s master’s thesis. It was here that not only the directions of future cooperation were defined, but also revealed certain contradictions, sympathies and antipathies of the members of the emerging “Russian historical school”, which will not only bring fame to the Russian historical science of general history, but will also contribute to the new methodological quest for the “common past of the united humanity”.

Keywords: *year 1879, Moscow University, national historiography of general history, Russian historical school, M.M. Kovalevsky, V.I. Gerie, N.I. Kareev, P.G. Vinogradov.*

Natalia Alevras, Natalia Grishina

**Dissertation Culture as a Russian Academic Tradition
in the Community of Historians
in the 19th — First Half of the 20th Centuries:
Problems of Assimilation and Transition**

The article focuses on the peculiarities of forming Russian dissertation culture which goes back to the first decade of the 19th century. The authors refer to the experience of its normative equipment and, at the same time, the contemporaries’ understanding of its effectiveness as a system for training highly qualified scientific personnel. The latter set of problems provoked discussions at the turn of the 19th — 20th centuries, aimed at considering the next round of university system reform, an integral part of which was the culture of preparation and defense of dissertations. An attempt is made to outline the peculiarities of the transition of the pre-revolutionary dissertation system to its Soviet analogue, which is carried out through the reception of the pre-revolutionary experience. In the context of the observed series of events, the authors put forward the

idea of the formation of a long-term Russian tradition of dissertation culture. Formed in the 19th — early 20th century, the dissertation culture/system played the role of a specific intellectual bridge, which connected the experience of pre-revolutionary science with the emerging Soviet scientific system.

Keywords: *Russian dissertation culture, thesis defense, degree candidate, legal framework of dissertation system, opponency, disputes.*

Alla Salnikova, Svetlana Malysheva

**“Strangers”?: Historians of Kazan University
in the First Years of Soviet Power**

The article reconstructs the biographies and traces the creative path of several historians who studied and taught Russian history at Kazan University in the first Soviet decades. On the example of four outstanding but absolutely different representatives of Kazan historical school of this period, namely professor N.N. Firsov (1864–1933), privat-docent P.G. Arkhangelsky (1884–1921), privat-docent V.I. Ogorodnikov (1889–1938), and one of the recognized masters of the Soviet historical science, Kazan University graduate S.A. Piontkovsky (1891–1937), who began his career and teaching in Kazan, the diversity and variety of behavioral strategies of scientific intellectuals in the conditions of the formation of the new Soviet reality, the new Soviet historical science, and the new university order are shown. Despite the different variations and models of behavior, all of them ended up as “strangers” to the Soviet regime, which in one way or another condemned them to persecution, suffering, isolation, loneliness, and a tragic end, throwing them out of the Soviet historiographic space and the memory of the new generations of Soviet historians for many years.

Keywords: *Soviet historical science, Russian history, historians, personalities, Kazan University, 1920s — 1930s.*

Natalia Rostislavleva

Wilhelm von Humboldt as Historian: Researcher’s Laboratory

The article deals with the perception of the historical process by the Prussian politician and scientist Wilhelm von Humboldt. The author shows that he actively attracted the tools of philosophy, linguistics, anthropology in comprehending the past. Philosophically, Humboldt did not use the tools typical of historians

of the Enlightenment, emphasizing not the rationalistic, but the ethical component of philosophical discourse. The individual was the center of Humboldt's historical studies. The scientist believed that the historian is a creator who can correct the past from aesthetic positions. The scientist associated cognition of the historical process with the development of language and in many respects anticipated the idea of organic development by L. von Ranke, as well as the methods of modern hermeneutics..

Keywords: *Wilhelm von Humboldt, historical process, ethical values, history as art, the language as a tool for knowing of the past.*

Dmitry Martynov

Stages of Intellectual Development of Kang Youwei (1858–1927): Tang Zhijun's Hypothesis and the Limits of the Biographical Method

The article considers the materials of the discussions of Chinese historians of philosophy and textual critics Tang Zhijun (b. 1924) and Li Zehou (1930–2021) regarding the time of creation of the “Book of the Great Unity” (“Da tong shu”) by the outstanding Chinese reformer Kang Youwei (1858–1927).). The various approaches that researchers used during the discussion of 1955–1957 are considered. To understand the context of the discussion, for the first time in Russian historiography, we presented an essay on the intellectual biography of Tang Zhijun, who was a descendant of the famous neo-Confucian Changzhou school philosopher Zhuang Cunyu. Neither Li Zehou proceeded from the internal criticism of the source, unconditionally trusting the Kang Youwei own judgments, given in his autobiography, nor Tang Zhijun actively explored the myth that Kang Youwei created around himself. After the discovery of the “Da tong shu” manuscript, Tang Zhijun's hypothesis gains more supporters. Finally, his argument in favor of the late writing of “Da tong shu” was formulated by 2005. However, in the modern Western historiography, his position is also rejected because of the initially set boundaries: Tang Zhijun considers Kang Youwei to be a “reactionary” philosopher, the late dating of whose works explains well his evolution from a reformer to an apologist for the Qing monarchy. On the contrary, the liberally oriented Li Zehou portrayed Kang Youwei as a progressive evolutionist and a supporter of individual freedom.

Keywords: *intellectual history, Neo-Confucianism, Kang Youwei, “The Book of the Great Unity” (“Da tong shu”), Tang Zhijun, Li Zehou, F. Brusadelli.*

Elena Vishlenkova, Sergey Zatravkin

The History of Russian Pharma as a New Research Field

These days, historians are opening up new research fields for themselves and their readers, thanks to improved methods of analysis, new sources, or the courage to explore areas where previously professional taboos had prevented entry. Such is the history of medical sciences and practices, among which pharmacy and drug provision occupy a socially important place. Proceeding from the postulate that the collective past shapes a community's identity and worldview, the authors of this article analyse what kind of written past modern Russian pharma has. Here the notion of “pharma” in this case combines the state pharmaceutical industry and the private drug business. Researchers have shown what the historical perspective gives to such phenomena as the pharmaceutical market, show the disciplinary advantages of historians in comparison with the economic approach. A review of the media wars that have unfolded around the global Big Pharma, convincingly argues that these days the biography of Russian pharma is key not only for the history of science, but also for understanding social history.

Keywords: *history of Russian medicine, history of Russian pharmacy, pharmaceutical market, Big Pharma.*

Tamara Toshtendal-Salycheva

The Great Northern War: The Making of a Popular History in Sweden

Using the example of professional historians in Sweden, the author introduces the reader to the tradition of the genre of popular history in this Scandinavian country during the twentieth and twenty-first centuries. A detailed analysis is given to the works of Peter Englund, and above all his book “Poltava”, as well as the work of Magnus Våsterbru “The Time of the Tyrant” about Sweden in the time of Charles XII.

Keywords: *Swedish historiography, popular history, the Great Nordic War, the battle of Poltava, Karl XII.*

Nina Devyataikina

**Saratov Professor S.M. Stam and His Responses
to the Challenges of the Time**

Professor S.M. Stam (1913–2010) was a student of Academician S.D. Skazkin, the founder of the Saratov school of urbanists, almost 50 years head of the Department of Medieval History at Saratov Classical University, a specialist in the history of medieval city and Renaissance culture. The article based on the recollections of the professor and about the professor, departmental documentation, and vivid observations reveals how S.M. Stam step by step “instilled” high university culture to the everyday life of the department entrusted to him, in what academic, cultural and personal “statuses” he presented himself and touches on his social circle and “fostering” of students.

Keywords: *S.M. Stam, urban studies, the status of a scientist, university culture of everyday life, the power of memory.*

Shpak Georgiy

**Interview with Astrakhan Historian
Alexander Sergeevich Markov**

The process of developing a historian’s professional qualities and research preferences, not to mention the author’s tools, is usually left outside the “field of view” of readers of historical works. One of the possible ways to look into the “workshop” of the researcher are diaries, in which the author can reflect on his scientific activity, as well as interviews. Here is an interview with Astrakhan historian A.S. Markov (06.09.1931 — present) taken shortly before his 90th birthday. The main task was to find out how life turns influenced the professional activity of A.S. Markov and to look at what support tools helped the historian during the development of his writing career.

Keywords: *A.S. Markov, profession of a historian, Astrakhan, local history, XX century.*

ОБ АВТОРАХ

АЛЕВРАС Наталья Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия

БУДАНОВА Вера Павловна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН, руководитель Лаборатории по исследованию цивилизации и варварства Института всеобщей истории РАН, Москва, Россия

ВЖОСЕК Войцех, профессор, Институт истории Университета им. Адама Мицкевича в Познани, Польша

ВИШЛЕНКОВА Елена Анатольевна, доктор исторических наук, профессор Исследовательского института Немецкого музея, Мюнхен, Германия

ВОРОБЬЕВА Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия

ВЫСОКОВА Вероника Витальевна, доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета им. первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

ГРИШИНА Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия

ДЕВЯТАЙКИНА Нина Ивановна, доктор исторических наук, профессор Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова, Саратов, Россия

ЗАТРАВКИН Сергей Наркизович, доктор медицинских наук, профессор Национального научно-исследовательского института общественного здоровья им. Н.А. Семашко, Москва, Россия

ИВАНОВА Татьяна Николаевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и культуры зарубежных стран Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, Чебоксары, Россия

ИОНОВ Игорь Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН, Москва, Россия

КОРЗУН Валентина Павловна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

КУЗНЕЦОВ Андрей Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры культуры и психологии предпринимательства, Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

ЛЕОНТЬЕВА Ольга Борисовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, Самара, Россия

МАЛЫШЕВА Светлана Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия

МАРТЫНОВ Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры алтаистики и китаеведения Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия

МЯГКОВ Герман Пантелеймонович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП); профессор кафедры археологии и всеобщей истории Казанского федерального университета, Казань, Россия

НАРСКАЯ Наталья Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил Военно-воздушной академии, Челябинск, Россия

НАРСКИЙ Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры междисциплинарных исторических исследований Пермского государственного научно-исследовательского университета, Пермь, Россия

ПИКОВ Геннадий Геннадьевич, доктор исторических наук, доктор культурологии, заведующий кафедрой всеобщей истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

РОСТИСЛАВЛЕВА Наталья Васильевна, доктор исторических наук, профессор, директор Российско-германского центра Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия

САВЕЛЬЕВА Ирина Максимовна, доктор исторических наук, директор Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева, ординарный профессор Школы истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

САЛЬНИКОВА Алла Аркадьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия

ТОШТЕНДАЛЬ-САЛЫЧЕВА Тамара Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, почетный доктор Уппсальского университета (Швеция); директор российско-шведского учебно-научного центра Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия

ШИПИЦЫНА Юлия Сергеевна, лаборант-исследователь Лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

ШПАК Георгий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Института всеобщей истории РАН, Москва, Россия

ABOUT THE AUTHORS

ALEVRAS Natalia, ScD in History, Professor, Department of History of Russia and Foreign Countries, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

BUDANOVA Vera, ScD in History, Professor, Chief Researcher of the Department of Historical and Theoretical Research of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Chief of the Laboratory of Research of Civilization and Barbarity of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

DEVYATAIKINA Nina, ScD in History, Professor, L.V. Sobinov Saratov State Conservatory, Saratov, Russian Federation

GRISHINA Natalia, PhD in History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History and Philology, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

IONOV Igor, PhD in History, Senior Research Fellow, Center for Intellectual History, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

IVANOVA Tatiana, ScD in History, Associate Professor, Professor, History and Culture of Foreign Countries Department, I.N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russian Federation

KORZUN Valentina, ScD in History, Professor, Leading Researcher, F.M. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

KUZNETSOV Andrey, ScD in History, Professor, Culture and Psychology of Entrepreneurship Department, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

LEONTIEVA Olga, ScD in History, Associated Professor, Professor, Russian History Department, S.P. Korolev Samara National Research University, Samara, Russian Federation

MALYSHEVA Svetlana, History, Professor, Russian History Department, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

MARTYNOV Dmitry, ScD in History, Professor, Altaistics and Sinology Department, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

MYAGKOV German, ScD in History, Professor, V.G. Timiryasov Kazan Innovative University (IEML); Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

NARSKAYA Natalia, PhD in Sociology, Associate Professor, Humanitarian and Socio-Economic Disciplines Department, Branch of the Military Training and Research Center, Air Force “Military Air Academy”, Chelyabinsk, Russian Federation

NARSKY Igor, ScD in History, Professor, Interdisciplinary Historical Research Department, Perm State Research University, Perm, Russian Federation

PIKOV Gennady, ScD in History, ScD in Cultural Studies, Head of the Department of General History, Humanities Institute, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

ROSTISLAVLEVA Natalia, ScD in History, Professor, Director of Russian-German Centre, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

SALNIKOVA Alla, ScD in History, Professor, Russian History Department, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

SAVELYEVA Irina, ScD in History, Director, Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, Tenured Professor, School of History, University “Higher School of Economy”, Moscow, Russian Federation

SHIPITSYNA Yuliya, Laboratory Researcher, Laboratory of Edition Archaeography, Ural Federal University Named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation

SHPAK Georgiy, PhD in History, Senior Researcher, Department of Comparative History and Theory of Civilizations, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

TOSHTENDAL-SALYCHEVA Tamara, PhD in History, Associate Professor, Honorary Doctor of Uppsala University (Sweden); Director, Russian-Swedish Educational and Scientific Center, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

VISHLENKOVA Elena, ScD in History, Professor, Research Institute, Deutsches Museum, Munich, Germany

VOROBIEVA Olga, PhD in History, Leading Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Department of Theory and History of Humanitarian Knowledge, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

VYSOKOVA Veronika, ScD in History, Professor, Modern and Contemporary History Department, Ural Federal University Named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation

WRZOSEK Wojciech, ScD in History, Professor, History Institute, Adam Mickiewicz Poznan University, Poland

ZATRAVKIN Sergey, ScD in Medicine, Professor, N.A. Semashko National Research Institute of Public Health, Moscow, Russian Federation

CONTENTS

Historian's Professional Identity

Savelyeva Irina

Trusting Reader and Naive Writer:
Autobiography of E.V. Gutnova
as a Source on the History of (Non)Academic Emotions. 5

Narskii Igor, Narskaya Natalia

Once Again on "Lyrical Historiography":
Three Cases from the Experience of Research Autoreflexion 29

Wrzosek Wojciech

Notes on the So-Called "Incomprehensibility"
of the Methodology of History 61

Vorobieva Olga

Methodological Odyssey of A.J. Toynbee 74

Vysokova Veronika, Shipitsyna Yulia

Lorraine Daston: the Principle
of Objectivity and Subjectivity
in the History of Scientific Knowledge 99

Ionov Igor

Constructing Images of Russian Civilization:
a Look from the Outside and a Look
from the Inside. 121

Historiography as a Tool for Self-Knowledge

Leontyeva Olga

Scientific Continuity
as a Historiographic Problem 149

Kuznetsov Andrey

Historiography as a Cultural Sphere
of the Unpredictable:
"Lateness" and Missed Opportunities 185

Budanova Vera

Reflection of Gothicism
in the Labyrinths
of the Mythological Gothic Odyssey 210

Pikov Gennady

From the History of the Emergence
in Russia of a New Type of Researcher
of Nomadic Societies
(N.Ya. Bichurin, V.P. Vasiliev and M.N. Surovtsov). 235

Myagkov German, Ivanova Tatiana, Korzun Valentina

Year 1879 as a Counterpoint
in the Establishment
of "Russian Historical School" 260

Alevras Natalia, Grishina Natalia

Dissertation Culture
as a Russian Academic Tradition
in the Community of Historians
in the 19th – First Half of the 20th Centuries:
Problems of Assimilation and Transition 293

Salnikova Alla, Malysheva Svetlana

"Strangers"?: Historians of Kazan University
in the First Years of Soviet Power 323

Historian's Workshop

Rostislavleva Natalia

Wilhelm von Humboldt as Historian:
Researcher's Laboratory 344

Martynov Dmitry

Stages of Intellectual Development of Kang Youwei (1858–1927):
Tang Zhijun's Hypothesis
and the Limits of the Biographical Method 355

Vishlenkova Elena, Zatravkin Sergey

The History of Russian Pharma
as a New Research Field 380

Toshtendal-Salycheva Tamara

The Great Northern War:
The Making of a Popular History in Sweden 397

Devyataikina Nina

Saratov Professor S.M. Stam
and His Responses to the Challenges of the Time 415

Shpak Georgiy

Interview with Astrakhan Historian
Alexander Sergeevich Markov 429

Summaries. 456

About the Authors. 471

СОДЕРЖАНИЕ**Профессиональная идентичность историка***И.М. Савельева*

Доверчивый читатель и наивный писатель:
автобиография Е.В. Гутновой
как источник по истории (не)академических эмоций 5

И.В. Нарский, Н.В. Нарская

Еще раз о «лирической историографии»:
три случая из опыта исследовательской авторефлексии. 29

Войцех Вжосек

Заметки о так называемой «непонятности»
методологии истории 61

О.В. Воробьева

Методологическая одиссея А.Дж. Тойнби 74

В.В. Высокова, Ю.С. Шипицына

Лоррейн Дастон: принцип объективности
и субъективность в истории научного знания 99

И.Н. Ионов

Конструируя образы российской цивилизации:
взгляд снаружи и взгляд изнутри 121

Историография как инструмент самопознания историка*О.Б. Леонтьева*

Научная преемственность
как историографическая проблема 149

А.А. Кузнецов

Историография как культурная сфера непредсказуемого:
«опоздания» и упущенные возможности 185

В.П. Буданова

Рефлексия «готицизма» в лабиринтах мифологизации
готской одиссеи. 210

Г.Г. Пиков

Из истории появления в России нового типа
исследователя-кочевниковеда
(Н.Я. Бичурин, В.П. Васильев и М.Н. Суровцов) 235

Г.П. Мягков, Т.Н. Иванова, В.П. Корзун

1879 год как контрапункт формирования
«русской исторической школы» 260

Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришина

Диссертационная культура как российская научная традиция
сообщества ученых-историков XIX – первой половины XX в.:
сложности рецепции и перехода 293

А.А. Сальникова, С.Ю. Малышева

«Чужие»? Историки Казанского университета
в первые годы советской власти 323

Мастерская историка

Н.В. Ростиславлева

Вильгельм фон Гумбольдт как историк:
лаборатория исследователя 344

Д.Е. Мартынов

Этапы интеллектуального становления Кан Ювэя (1858–1927):
гипотеза Тан Чжицзюня
и возможности применения биографического метода 355

Е.А. Вишленкова, С.Н. Затравкин

История российской фармы
как новое исследовательское поле 380

Т.А. Тоштендаль-Сальчева

Великая Северная война:
создание популярной истории в Швеции 397

Н.И. Девятайкина

Саратовский профессор С.М. Стам
и его ответы на вызовы времени 415

Г.В. Шпак

Интервью с астраханским историком
Александром Сергеевичем Марковым 429

Аннотации 444

Об авторах 467

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И САМОСОЗНАНИЕ ИСТОРИКА

К ЮБИЛЕЮ Л.П. РЕПИНОЙ

СЕРИЯ «ПРОФЕССИЯ — ИСТОРИК»
ВЫП. III

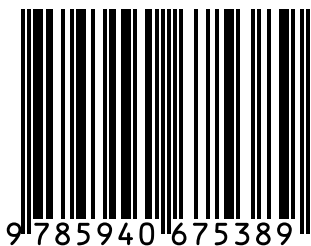
Сост. и отв. ред. О.В. Воробьева

Дизайн обложки ...
Бригадир издания *Г.В. Шпак*

Подписано в печать 25.08.2022. Формат 60х90/16.
Бум. офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 30,00.
Тираж 300 экз. Заказ № .

Отпечатано с предоставленных электронных файлов
в ИП Курнешов Е.А.,
Москва, Бережковская наб., д. 14, кв. 40

ISBN 978-5-94067-538-9

9 785940 675389